

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2015 Том 21

№ 3

Май – Июнь

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2015 Volume 21

№ 3

Mai – June

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой исторической информатики,
научный руководитель Центра экономической истории
исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
действительный член РАЕН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва)

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт литературных исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
head of Department of Historical Informatics,
principal investigator of Economic History Centre of Historical
Faculty of Lomonosov Moscow State University
Russian Natural Sciences Academy full member,
chairman of scientific council of Russian Academy
of Sciences on the issues of Russian
and world economics (Moscow)

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Literary Investigations Institute of Russian Academy
of Sciences (Saint Petersburg)

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, заведующий кафедрой
отечественной истории Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных литератур и языков
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт литературных исследований Российской
Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства
и права Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Mal'tsev Department of State and Law Theory,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation
head of Department of Russian History,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Foreign Writings and Languages
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Literary Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
Aleksandr Grigoriyevich
and Nikolay Grigoriyevich Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of State and Law Theory,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики
русского языка Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории литературы
и русской литературы XX в.
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой церковной и общей истории
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская
Православная Духовная семинария (г. Иваново)

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного, финансового
и информационного права Нижегородского института
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
руководитель кафедры «Частно-правовые науки»
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

НАЗАРИ ФАТЕМЕ ТОРАБ
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой русского языка
Университет им. Шахида Бехешти (г. Тегеран, Иран)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Documentation Scientific Discipline
and Russian Language Stylistics
Leo Tolstoy Tula State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Literature Theory
and the 20th Century's Russian Literature,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University
head of Department of Church and Worldly History,
Saint Alexius Orthodox
theological seminary (Ivanovo)

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literature Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of Administrative,
Financial and Informational Law, Nizhny Novgorod
Management Institute – branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
head of Department of Individual Right
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

NAZARI FATEME TORAB
Candidate of Philological Sciences,
head of Russian Language Chair
Shahid Beheshti University, Tehran, Iran

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 Кабатов С.А.**
Первичный анализ второго и третьего этапов комплекса свадебных обрядовых действий в среде сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVIII веков
- 15 Архипов С.В.**
Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по реализации государственной переселенческой политики в конце XIX – начале XX вв. (историко-правовой аспект)
- 19 Красницкая Т.А.**
Ученический состав церковных школ России в конце XIX – начале XX века
- 24 Левин В.И.**
Пенсионное обеспечение железнодорожников в 1865–1914 годах
- 27 Абидулин А.М.**
Путешествие как форма имперской пропаганды (поход фрегата «Эртугрул» в Японию)
- 32 Поливанов Я.М.**
К вопросу о причинах Первой мировой войны: политико-дипломатические аспекты
- 37 Воробьев С.М.**
Репрессии военнослужащих в период развития СССР
- 41 Добровольский Е.С.**
Немецкая историография ранней истории Христианско-демократического союза в Восточной Германии (Германской Демократической Республике)
- 46 Сазонов Д.И.**
Закрытие церквей как фактор гонений на Церковь с 1958 по 1965 гг. (по материалам Центральной России)
- 49 Данильченко И.В.**
СобираТЕЛЬСКАЯ и научно-исследовательская работа костромских и ярославских музеев (1945–1980-е годы)
- 54 Пигорева О.В.**
Историко-культурные традиции региона как фактор развития образовательного пространства с православным компонентом в провинциях центра РСФСР – России: конец 1980-х – 1990-е годы
- 58 Киселёв А.К.**
О попытках реформирования полиции Республики Индия в XX–начале XXI вв. – историческая ретроспектива
- 61 Акопян Э.Г.**
Роль Франции в качестве сопредседателя Минской группы ОБСЕ и варианты решения Нагорно-карабахского конфликта

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 67 Налетова Т.Б.**
Героический пафос повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»
- 71 Смирнов К.В.**
Дихотомия добра и зла в романе «Обломов» И.А. Гончарова
- 76 Виноградов А.А.**
«Очерки Замоскворечья» А.Н. Островского: формирование замысла (Статья первая)
- 81 Белякова Е.Н.**
Феномен красоты как значимый мотив романа Ф.М. Достоевского «Идиот» в контексте философско-эстетических идей Вл. Соловьёва

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 S.A. Kabatov**
The primary analysis of the second and third phases of the complex ritual actions in the environment of the rural population of Kostroma Povolzhye of the 13th — 18th centuries
- 15 S.V. Arhipov**
Activities of Committee of the Siberian railway in the implementation of the state migration policy in the late 19th — early 20th centuries (historical and legal aspect)
- 19 T.A. Krasnitskaya**
Clergy classroom diversity in Russia (in the late 19th — early 20th century)
- 24 V.I. Levin**
Provision of pensions of railroad workers in 1865—1914
- 27 A.M. Abidulin**
Travelling as a form of Ottoman imperial propaganda (frigate «Ertuğrul» voyage to Japan)
- 32 Ya.M. Polivanov**
To a question on the reasons of the World War I: political and diplomatic aspects
- 37 S.M. Vorob'yov**
The repression of the military in the period of development of the USSR
- 41 Ye.S. Dobrovol'sky**
The German historiography of early history of the Christian Democratic Union in Eastern Germany / the German Democratic Republic
- 46 D.I. Sazonov**
The closure of churches as a factor in the persecution of the Church from 1958 to 1965 according to the materials of the Central Russia
- 49 I.V. Danil'chenko**
Collecting and research efforts of Kostroma and Yaroslavl regional museums (1945—1980)
- 54 O.V. Pigoreva**
Historical and cultural traditions of a region as a factor of development of educational medium with the Orthodox component in the provinces of the center of the Russian Soviet Federative Socialist Republic - later Russia: late 1980s—1990s
- 58 A.K. Kiselyov**
About attempts of reform the Police of Republic of India in the beginning of 20th—21st centuries – historical retrospective
- 61 E.G. Akopyan**
The role of France as the co-chair of OSCE Minsk group and variants of the Nagorno-Karabakh conflict settlement

SCIENCE OF LITERATURE

- 67 T.B. Nalyotova**
Heroic pathos of «Taras Bulba», the short story by Nikolai Gogol
- 71 K.V. Smirnov**
Dichotomy of good and evil in the novel «Obломov» by Ivan Goncharov
- 76 A.A. Vinogradov**
“Sketches and scenes from the Zamoskvorechye merchants community's life” by Alexander Ostrovsky: plot formation
- 81 Ye.N. Belyakova**
Beauty phenomenon as a significant motif of Fyodor Dostoyevsky's novel «The Idiot» in the context of Vladimir Solovyov's philosophic and aesthetical ideas

- 86 Шаваринская С.Р.**
О единстве образных систем романов «Подросток» Ф.М. Достоевского и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого в религиозно-нравственной сфере
- 91 Данг Тхи Тху Хыонг**
Первая встреча вьетнамского читателя с творчеством Льва Толстого
- 95 Рыжакова Т.И.**
Эволюция жанра летописи в документальной прозе И.А. Бунина (на примере дневников 1930-х – 1940-х годов)
- 98 Копцов А.Н.**
Диалектика взаимодействия природы и человека в рассказе А.С. Серафимовича «На льдине»
- 103 Алексеева А.А.**
«Москва кабацкая» С.А. Есенина как художественное единство
- 107 Халтрин-Халтурина Е.В.**
О «спенсерианстве» в творчестве Джона Китса: иллюстрация к теории стилей
- 111 Лебедев И.В.**
Генезис современного русского фэнтези
- 115 Паславская Я.Р.**
Мифологические и сказочные истоки романов Дж.К. Роулинг
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 119 Шаповалова Т.Е.**
Категория синтаксического времени в структуре сложноподчинённого предложения с отношениями следствия
- 122 Твердохлеб О.Г.**
Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: субъект (лица) – объект
- 127 Разумов Р.В.**
Посвящения географическим объектам в системах урбанонимов русских городов
- 131 Воронцова И.А.**
Прецедентные феномены в художественном тексте: проблема интерпретации и перевода (на материале романов Дж. Фаулза «Коллекционер» и «Любовница французского лейтенанта»)
- 137 Зубова Ж.А., Анзина М.А.**
Библийская фразеология в художественных произведениях М.М. Пришвина
- 141 Ермакова Л.В.**
Манипулятивные технологии как способ реализации модусной категории персуазивности в дискурсе СМИ
- 145 Дмитриева А.А.**
Дом и семья в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской: языковые средства репрезентации концептуального содержания литературно-мемуарного дискурса
- 149 Опарина О.И.**
Естественное и гуманитарное знание: заимствование понятийного аппарата
- 153 Первова А.В.**
Темпоральная архитектура художественного текста как способ нарушения его структуры (на материале постмодернистских текстов немецкой литературы)
- 157 Шаповал В.В.**
Ретроспективный анализ слов со знаком вопроса в офенских списках В.И. Даля: фонетические и нефонетические ошибки записи
- 161 Астафьева О.А., Колоскова Т.А.**
Парцелляция сочинительной связи (на материале романа В.Д. Дудинцева «Белые одежды»)

- 86 S.R. Shavarinskaya**
On the unity of imagery systems of the novels «A Raw Youth» by Fyodor Dostoyevsky and «Anna Karenina» Leo Tolstoy in the religious and moral sphere
- 91 Đặng Thị Thu Hương**
The first meeting of the Vietnamese readers with the work of Leo Tolstoy
- 95 T.I. Ryzhakova**
The evolution of the genre in the annals in Ivan Bunin's documentary prose (on the example of diaries of 1930s—1940s)
- 98 A.N. Koptsov**
The dialectic interaction of people and nature in the short story Alexander Serafimovich «On the Ice»
- 103 A.A. Alexeeva**
«Moskva Kabatskaya» of S.A. Esenin as an artistic unity
- 107 E.V. Haltrin-Khalturina**
On «Spenserianism» in John Keats: an illustration to the style theory
- 111 I.V. Lebedev**
The genesis of the modern Russian fantasy literature
- 115 Ya.R. Paslavskaya**
Mythological and fairytale-like origins of the novels by Joanne Rowling
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 119 T.Ye. Shapovalova**
Category of syntactic tense in the structure of complex sentence with relationship of consequence
- 122 O.G. Tverdokhlebo**
Valence environment verbs of lexico-semantic group of connection: subject (persons) — object
- 127 R.V. Razumov**
The memorial place names in Russian cities' urbanonym systems
- 131 I.A. Vorontsova**
Precedent phenomena in the aspect of intertextual analysis and translation (a case study of «The Collector» and «The French Lieutenant's Woman» by John Fowles)
- 137 Z.A. Zubova, M.A. Anzina**
Biblical phraseology in Mikhail Prishvin's works
- 141 L.V. Yermakova**
Manipulation technologies as means of realization of the modus category of persuasion in mass media discourse
- 145 A.A. Dmitriyeva**
Home and family in the «Memoirs» of Anna Dostoyevskaya: linguistic means of representation of the conceptual content of the literary-memoir discourse
- 149 O.I. Oparina**
Natural science and the humanities: conceptual interconnection
- 153 A.V. Pervova**
The temporal architectonics of an artistic text as a method of the violation of its structure (by the example of the German language)
- 157 V.V. Shapoval**
A retrospective analysis of words with a question mark in wordlists of Tsarist Russia colporteurs' secret language by Vladimir Dahl: phonetically and non-phonetically caused errors in word recordings
- 161 O.A. Astaf'yeva, T.A. Koloskova**
The parceling coordination in the novel «The White Robes» by Vladimir Dudintsev

166 Азизова З.Т.
Культурно-национальная маркированность языковых единиц в романе Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»

170 Иванов Д.И.
Специфика перформативно-кинетической имиджевой подсистемы синтетической языковой личности в пространстве поэтического рок-текста

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

174 Лещенко О.В.
Теоретико-правовые подходы к пониманию сущности правового сознания

178 Нуриев Б.Д.
Закаат в классическом мусульманском праве

183 Абасова З.Т.
Определение субъекта конституционного права народов на самоопределение

186 Нигметзянов Т.И.
Избирательные системы современности: сравнительный анализ

191 Ретц Д.С.
Применение криминалистических методов в административном производстве

195 Третьяков К.В.
Сравнительный анализ квалификации убийств по уголовному праву РФ и США

199 Юматов В.А., Маркина М.В., Ковалева А.С.
Программа криминалистической диагностики и авторизации текста «КАТ»

203 Демидюк В.А.
Правовая природа воли и волеизъявления в сделках с участием Федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования

207 Бухарев А.В.
Обеспечение открытости и прозрачности деятельности судебной системы на современном этапе судебной реформы

211 Евсикова Е.В.
Создание системы административных и налоговых судов как одно из перспективных направлений государственно-правового реформирования в Российской Федерации

215 Григоров А.А.
Механизм самозащиты

220 Солнцев А.М.
Квазисудебные международные органы как средство разрешения международных экологических споров

223 SUMMARY

239 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

166 Z.T. Azizova
Cultural-national markedness of language units in the novel "Return to Panjrud" Andrey Volos'

170 D.I. Ivanov
Specific features of the kinesic performance image subsystem of synthetic lingual personality in the framework of poetic rock text

JURIDICAL SCIENCES

174 O.V. Leshchenko
Theoretical and legal approaches to the legal consciousness understanding

178 B.D. Nuriyev
Zakaah in the classical Muslim law

183 Z.T. Abasova
Definition of the subject of the constitutional right of peoples to self-determination.

186 T.I. Nigmatzyanov
Contemporary electoral systems: comparative study

191 D.S. Rets
Application of criminalistic methods in administrative proceedings

195 K.V. Tret'yakov
Comparative analysis of the qualification of murders according to Criminal Law of the Russian Federation and the United States of America

199 V.A. Yumatov, M.V. Markina, A.S. Kovalyova
"KAT", the program of criminalistical diagnostics and text authorization

203 V.A. Demidyuk
Legal nature of will and declaration of will in transactions involving a federal state budgetary educational institutions of higher professional education

207 A.V. Bukharev
Ensuring openness and transparency of the judicial system at the present stage of the judicial reform

211 Ye.V. Yevsikova
Creating a system of administrative and tax courts as one of the promising areas of state and legal reform of the Russian Federation

215 A.A. Grigorov
Self-defense mechanism

220 A.M. Solntsev
Quasi-judicial international bodies as means of international environmental disputes solution

223 SUMMARY

239 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ПЕРВИЧНЫЙ АНАЛИЗ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ЭТАПОВ КОМПЛЕКСА СВАДЕБНЫХ ОБЯДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СРЕДЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ XIII–XVIII ВЕКОВ

Цель данного исследования заключается в попытке проведения первичного анализа второго и третьего этапов комплекса свадебных обрядовых действий в среде сельского населения Костромского Поволжья в золотоордынское и постзолотоордынское время, то есть в период формирования и фактического сложения собственно русского населения в изначально исконно финно-угорских (мерянских) землях.

Актуальность исследования определяется в первую очередь тем, что носители этого пласта духовной культуры естественным образом исчезают, как и сами обрядовые действия, а мода сегодняшнего дня на этническую составляющую, как правило, носит сильно популистский и псевдонаучный характер, стирая реальную природу этих обрядов.

Основными итогами работы является условное выделение в комплексе свадебных обрядовых действий в среде сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVIII вв. на основе качественного содержания и хронологической последовательности определенных действий, объединенных между собой в этапы, преследующие конкретные частные цели, во-первых, и, во-вторых, проведение качественного анализа второго и третьего этапов. Подобный анализ дается с поправкой на историческую идентичность и характерную особенность этнического развития территории Костромского Поволжья развитого и позднего средневековья.

Ключевые слова: свадьба, свадебный поезд, продажа косы, благословение, венчание, свадебный пир, первая брачная ночь, второй день свадьбы, выюнишник.

Весь комплекс обрядовых действий по качественному, функциональному содержанию и хронологической последовательности можно разделить на три условных этапа: 1-й – период ухаживания, сватовства и подготовки к свадьбе [12, с. 13], 2-й – сама свадьба (длится, как правило, два дня), 3-й – послесвадебные обряды, направленные на принятие общины в свой состав новой качественной единицы. В данной статье объектом исследования выступает именно второй и третий этапы комплекса свадебных обрядовых действий.

Свадебный обряд, как отмечалось нами при рассмотрении первого этапа, имел постоянный состав действующих лиц – свадебных чинов. Поведение чинов регламентировалось традицией, однако были возможны импровизации. Основными лицами были жених и невеста, вокруг которых объединялось все свадебное действо [12, с. 13]. Роль их, однако, была не столь пассивна, как на предыдущем этапе. Активными участниками свадьбы продолжают оставаться дружка – главный распорядитель свадьбы со сторон жениха, родители жениха и невесты, крестные, а также ближайшие родственники.

Для свадеб сельского населения исследуемого времени характерно сочетание двух обязательных элементов: *венчание в церкви* и *празднование всей деревней свадьбы*.

Свадебный поезд. Сама свадьба начиналась с так называемого свадебного поезда. Свадебный поезд – выезд жениха и невесты в церковь для венчания. Поезд собирался утром в день венчания

в доме жениха и состоял из самого жениха, дружки, одного или двух полудружьев, посаженного отца и посаженной матери – крестных родителей жениха, свахи и т.д. Основная роль в этом обряде отводилась дружке – «свадебный чин, со стороны жениха, женатый молодец, главный распорядитель, бойкий, знающий весь обряд, говорун, общий увеселитель и затейник, в некоторых местностях знахарь, который отводит всякую порчу» [6, с. 496]. Дружка знал алгоритм свадьбы и комплекс определенных обрядовых действий, с ней связанных. Возможно, поэтому дружка еще в XIX веке использовал для магической защиты молодых и кнут, и икону, совмещая языческие и христианские предметы схожего функционального содержания (оберег) [1, с. 164].

У дома невесты начиналось обрядовое игровое действие, во время которого дружка был обязан выкупить невесту для жениха у ее родни, а родня соответственно продать подороже. Скорее всего, такой символический выкуп невесты является символической платой за «товар», после чего он, «товар», продавцу – родителям – уже не принадлежит. Действия сопровождалась многочисленными наговорами, в которых и проявлялся разговорный талант дружки. Характерным для этих наговоров является переплетение языческих и христианских мотивов. С одной стороны – сравнение невесты с куницей: «Дружка, охотясь в полях и лугах, увидел кунный след, который довел его до шатра девичья» [2, с. 32]. До введения на Руси монеты металлической, предметом денег были преимущественно меха, поэтому возможно, что сравнение молодых то с ку-

ницей, то с сободем является своеобразной оценкой их качеств, достоинств [4, с. 103]. В доме невесты дружка выкупает невесту у ее подружек и дарит подарки от жениха невесте [4, с. 104].

Еще одним символическим моментом, о котором сообщают этнографические данные, является подготовка специального хлеба, который молодые съедят во время брачной ночи. Цель подобных действий, на наш взгляд, – символическая связь предметов, олицетворяющих основных персонажей обряда, с плодородием (хлеб), которая как бы проецируется на реальные отношения молодоженов.

Обрядовые игровые действия, которые разыгрывались в доме невесты между дружиной жениха и подружками невесты – своеобразный выкуп, являются отголоском реального выкупа девушки у родителей, содержащих ее до сего момента. На момент описываемых информатором событий функциональная нагрузка этих действий уже практически полностью забыта за отсутствием реальной жизненной необходимости, и сами эти действия начинают носить увеселительный характер театрализованного представления.

Продажа косы. Данный обряд относится к комплексу обрядовых действий, во время которых невеста прощалась с девичеством, со своей прежней жизнью в родительском доме, совершала переход в новое для себя качественное состояние. Продажа косы является кульминационным моментом в этом комплексе. Коса в данном случае является олицетворением девственности, чистоты, самой девушки. Длинные волосы – один из внешних признаков готовности девушки к браку. Длина косы была своего рода знаком степени зрелости невесты. Восприятие косы в традиционной культуре как символа девичества обусловило одно из поэтических и материальных воплощений «красоты» в виде девичьей прически, которую нужно разрушить, расплести, подготовив тем самым к прическе замужних женщин.

Еще одним материальным воплощением «девичьей красоты» была алая лента, которая также являлась символом девичества и готовности девушки к браку, так как право на ношение в косе яркой красной ленты вместо тонкого плетеного шнура девушка получала только с появлением регул – месячных очищений. Именно появление регул, соотносимых в народной традиции со способностью зачатия ребенка, служило знаком готовности девушки к материнству [14, с. 419].

Обряд продажи косы заключался в определенных воздействиях на неё (заплетение, продажа и расплетание). «В день свадьбы, еще с утра, приводят косу невесты иногда прямо в невозможное состояние: путают волосы, завязывают узлы и, наконец, втыкают в заплетенную косу массу иголок»¹ [4, с. 111]. Все это делается для того, чтобы впоследствии затруднить свахе процесс расплета-

ния косы, ведь девушка не стремится скорее попрощаться со своим девичеством и стать замужней женщиной, это, наоборот, страшит ее. «За спиной невесты сидит девочка, называемая заседщицею (продающая косу невесты по обряду)» [6, с. 632]. «Дружка покупает у нее косу, кланяется низко и говорит ей ласковые слова, но она не подпускает его» [19, с. 188]. «Дружка подносит ей стакан меду, и когда она возьмется пить или выпьет, тогда он кладет на поднос деньги, говоря: “Просим место опорожнить”. Он садится подле невесты, и это означает, что коса продана» [19, с. 188]). Косу расплетают с песнями. «Во время пения сваха нарочно рвет косу, снимает с нее алую ленту и показывает вид, что она разрывает ее» [19, с. 189].

«Девичью невинность» в этих обрядовых действиях символизируют два атрибута невесты: коса и алая лента в ней. Стремление свахи рвать косу и алую ленту воспринималось как знак лишения девушки девственности во время первой брачной ночи, а также как разрыв невесты с родительским домом, со своими подружками, отрицание ее прошлой девической, вольной жизни, переход из категории незамужних девушек в категорию замужних женщин.

Благословение. Перед тем как ехать к венчанию, в доме невесты накрывали столы для угощения свадебного поезда. Невеста и жених также садились за стол, но отказывались от пищи. Считалось, что перед таинствами, к которым относится и венчание, необходимо нравственное очищение и отказ от «плотских» удовольствий, в том числе и от еды. Кроме того, по народным представлениям, воздерживаясь от еды, можно уберечься от возможной порчи, поскольку в еду проще добавить какое-нибудь «зелье» [4, с. 112].

Появление в свадебной обрядности родительского благословения, вероятно, было связано с распространением христианства. Подобное подтверждается тем, что эта традиция не упоминается в ранних источниках, – из чего можно сделать вывод о том, что родительское благословение не было обязательным в свадебной обрядности. И только с середины XVII века, когда церковь начинает более настойчиво бороться за введение церковного брака, появляются упоминания о родительском благословении. Обряд благословения был строго обязательным моментом свадебного ритуала на протяжении последних веков. Он закреплял в сознании общины факт того, что данная свадьба проводится с соблюдением не только народных традиций, но и традиций православной веры.

Венчание. С XIII в., после начала христианизации костромской деревни *de facto* [11, с. 317–320], венчание как обязательный обряд свадебного ритуала начинает проникать в народное сознание и закрепляться в качестве обязательного элемента данных обрядовых действий. «В мирских свадьбах

играют глумотворцы и арганники. И гусельники. И смехотворцы и бесовские песни поют. И как к церкви венчаться поедут. Священник со крестом будет. А пред ним со всеми теми играми бесовскими ришут. А священники им о том не возбраняют и не запрещают» [18, с. 135–136]. К XVI–XVIII вв. венчание становится одним из кульминационных обрядов свадьбы, выполняемых по православному образцу и являющихся юридической регистрацией брака в метрических книгах. Простой народ вплоть до XVI–XVII вв. понимал церковные обряды как что-то предназначенное для князей и бояр и считал эти обряды не имеющими правовой силы, которую свадьба приобретает лишь после проведения всего домашнего церемониала.

Обряд венчания также объединял вокруг себя целый ряд ритуально-магических действий, совершающихся прямо в церкви (!) и обеспечивающих защиту от злых сил, надежду на счастливый, прочный брак, здоровое потомство, хозяйственное благополучие, долголетие. В оберегающих действиях было очень распространено использование огня. «Если поезд бывает вечером, то жгут на дорогах солому для предохранения молодых от нечистой силы» [19, с. 189]. «В Буйском уезде Александровской волости, села Ушакова существовал еще недавно обычай, когда невесту выводят из дома перед совершением брака, бросить ей под ноги лучину с огнем» [2, с. 5]. В народных представлениях огонь воспринимался как стихия, наделенная двойственной символикой. С одной стороны, с огнем связывались свет и тепло, важные для жизни человека. С другой стороны, стихия огня осознавалась как опасная сила, несущая разрушение и смерть. Огонь воспринимался и как очистительная стихия, огню приписывали очистительное, а также целебное значение. «Священник с крестом в руках входит первый; за ним, на расстоянии каких-нибудь двух аршин, идут рука об руку новобрачные. Сваха, взявши заранее припасенный веник, проворно метет перед молодыми, давши только-только пройти священнику. Это делается для того, чтобы отвести от молодых порчу, которая, может быть, в виде какого-либо корня, или порошка, подкинутого лихим человеком для погубы молодой четы» [1, с. 20].

Во время обручения жених и невеста должны были дать согласие на брак и обменяться кольцами. Кольцо – одно из древнейших украшений. Подобно любой замкнутой окружности, кольцо символизирует целостность, бесконечность. Кроме того, круг обозначает вечность и цикличность, в народном сознании он соотносился с символом солнца, которое бесконечно и циклично движется по небосводу. Кольцо, в том числе и обручальное, как манифестация круга, приобрело все его мифологическое значение [13, с. 299]. Значение, которое придает церковь кольцу как символу брака, несколько иное. Вручением колец, принесенных

от святого престола, жениху и невесте священник выражает веру Церкви в непрерывность их союза, даруемого им благодатью Божией. Супружеский союз возникает в земных условиях, но несет в себе залог единства и печать нерасторжимости. Кольца надеваются на персты правых рук, знаменуя тем их свободную волю, восприимчивую обет верности, трудовой деятельности, молитвы и благословления. Таким образом, обручение констатирует факт церковного признания намерений и чувств жениха и невесты, скрепляет данное ими друг другу слово.

«От венца» молодых встречали свекор и свекровь в вывороченных тулупах или в длинных белых рубахах, делалось это для того, чтобы невеста боялась [4, с. 124]. Они бросали в лицо новобрачным соль, чтобы предохранить их будущую жизнь от раздоров. «Отец слегка бил плетью по спине новобрачной три раза, чтобы она забыла прежних женихов и любила мужа» [19, с. 189]. «В некоторых уездах Костромской губернии при “встрече” молодых от венца стреляют из ружей; в других – во время выхода жениха и невесты из церкви, устраивают от церкви до дома жениха аллею из пучков соломы, привязанных к кольям, воткнутым в землю. Как только жених и невеста в венцах выходят из церкви в сопровождении священника с крестом в руках, так сразу же минуту раздастся несколько выстрелов из ружей, и в то же время зажигаются пучки соломы, образующие аллею: и всей свадебной процессии приходится идти до дому среди огня и дыма» [2, с. 3]. Вероятнее всего, подобный коридор мог символизировать переход жениха и невесты из одной половозрастной категории в другую.

Свадебный пир. «Красный стол», или по-другому свадебный пир, проходил после венчания обычно в доме у родителей жениха. Жениха и невесту на этом свадебном пиру сажали на почетное место. Гости рассаживаются, соблюдая мужские и женские места, в строгой последовательности родства: чем ближе родственник, тем ближе он садится к жениху или невесте [21, с. 124]. Угощения различались по способу приготовления. На территории Костромского Поволжья на стол подавали: «пирогов, лапшу, похлебку, жареную соленую говядину, студень, заливное, пиво и водку» [4, с. 124], «к столу подают “вариво” (“хлебово”): квас, суп мясной, лапша мясная, каша пшенная, кисель овсяный» [17, с. 36–37]. Пир обязательно должен был заканчиваться подачей сладких пирогов или пряников.

Свадебный пир проходил как бы в два этапа. Обычно сначала угощали молодых и ближайшую родню за отдельным столом – это называлось «молодых кормят», а остальные гости в это время либо выступали в роли обычных глядельщиков, либо пировали в передней половине – «это называется “Черный стол”, на котором гостей кормят варивом» [16, с. 14]. После «черного стола» обычно

был перерыв с песнями и плясками, а затем уже начинался ужин, или «красный стол». За этим столом молодым уже не полагалось есть, исключая каравай. Также во время этого стола предполагалось одаривание невестой родственников жениха. «В середине пира невеста раздает на подносе подарки (полотенца) если таковы с нее выговорены близкими родными жениха, те отдают ей деньгами “платком”, мылом, и другими вещами» [16, с. 14]. Кроме того, во время «красного стола» поощрялось битье посуды: «бьют с намерением посуду, чашки и тарелки, и чем более бьют, тем супружество счастливее» [19, с. 190]. Встречается также другая трактовка символического разбивания посуды, а именно: гости бьют горшок о пол с намерением «отбить» у молодой сердце, чтобы она любила одного только мужа и была добрая. Иногда этот обычай отбивать у молодой сердце проводился несколько по-иному, но имел все ту же смысловую нагрузку. Например, перед свадебным пиром: «одна из свах бьет в стену бревном, чтобы отбить сердце у молодой, т. е. чтобы молодая была добрая и не сердитая, такое действие называется кручением» [19, с. 190]; или во время первой брачной ночи «ребятишки как только молодых уложат спать, набирают поленьев, чурбаньев и кидают в стены той избы, где уложены молодые. Это называется «отшибать сердце» [4, с. 125]. Торжественный «красный стол» заканчивался уводом молодых к месту, где устраивалась брачная постель.

Магическим обрядам, направленным на то, чтобы уберечь новобрачных от колдовства, на русских свадьбах уделяется особое внимание. В этом случае обязательно присутствие особого колдуна (*сторожа, клетника, ведуна, вражного, збережато-го, главного*), чья обязанность – оберегать молодых от всякого рода колдовства. Часто эти функции выполняет дружка [9, с. 340–341].

Свадебный пир, кроме увеселительной составляющей, преследовал конкретную цель – условный выкуп у общины, перед которой «проставляются» молодые, место в своих рядах.

Окручивание молодой. Это свадебный обряд, во время которого невеста меняла прическу и головной убор с девичьих на женские. Он мог проводиться как сразу после венчания прямо в церкви, в доме жениха перед свадебным столом, в середине свадебного пира, так и после брачной ночи. Здесь действие приурочивалось к одному из кульминационных моментов свадьбы. Например, по описанию этого обряда в «Домострое» видно, что проводится он еще до венчания: «И как расчешут волосы, княгине молодой расплести косу и заплетать ей косы ... и уж после того священник обручает князя и княгиню...» [7, с. 269].

Выполнение обряда отличалось и местным своеобразием. Так, по материалам Н.Н. Виноградова, «окручивание» невесты проводилось сразу после

венчания [4, с. 120]. Об этом же обряде сообщает и А.В. Терещенко [19, с. 190]. Особое плетение кос замужней женщины, при котором одна прядь кладется под другую, вероятнее всего, показывает то, что теперь девушка полностью зависит от своего мужа и должна во всем ему подчиняться. Таким образом, обряд окручивания молодой является завершением обряда продажи косы, так как во время продажи косы чисто внешне косу невесты подготавливали к ее быстрому переплетению для прически замужней женщины. Подобные действия, вне всякого сомнения, преследуют цель отобразить новое половозрастное положение невесты, теперь жены, посредством прически и определенным элементом костюма.

Первая брачная ночь. Брачная ночь следовала за венчанием и свадебным пиром и проходила в доме родителей жениха. Это связано с тем, что именно девушку принимали в семью жениха, а не наоборот.

На брачную постель молодых обычно уводили сваха, крестная мать либо дружка. «Тотчас после ужина дружка уводит молодых спать» [4, с. 125]. Постель молодым стелилась за несколько дней до свадьбы из приданого невесты в холодной комнате избы – подклети или сеннике, считалось, что молодые вдвоем не озябнут, иногда это могла быть даже отдельная изба [1, с. 214]. Самое главное, чтобы молодые этой ночью спали отдельно от родни. Постель стелили «на ржаных снопах и покрывали одеялом и шубами» [19, с. 190]. В более ранних источниках этот обычай упоминается достаточно часто. В «Домострое», например, есть следующее описание: «...приготовят три девять снопов ржаных, поставят их стоймя, а на них ковер и постель...» [7, с. 273]. Адам Олеарий в своем сочинении «Описание путешествия в Московию» так упоминает об этом обычае: «“Сваха” невесты в день свадьбы устраивает брачную постель в доме жениха. Приготавливается брачная постель на 40 сложенных рядом и переплетенных ржаных снопах» [15, с. 194]. Источники относятся к XVI–XVII вв. и описывают события Центральной России. У нас нет поводов сомневаться в том, что подобный обычай не был распространен на исследуемой территории.

Смысловая нагрузка первой брачной ночи очень велика – это завершающий акт союза двух людей, и все обряды, которые проводились в первую брачную ночь, были направлены на то, чтобы будущая совместная жизнь молодых увенчалась здоровым и красивыми детьми. Особенно ярко это просматривается именно в том, какое значение придавалось «застиланию» брачного ложа. Каждый предмет, используемый здесь, имеет определенное значение и символический смысл. Так, ржаные снопы, как и шубы, на наш взгляд, являются собой отголоски продуцирующей магии в действии. Вызревшая рожь, по факту, является собой

уже свершившуюся силу природной репродукции, которая посредством определенных магических действий при «застилании» брачного ложа должна быть направлена / спроецирована на новобрачных для способствования многочисленного и здорового потомства. По мифологическим представлениям, нить, волос и шерсть всегда воспринимались как однородные и наделялись одним символическим значением. А именно в традиционной культуре волокон, нить из растений, шерсть животных и волосы человека связывались с идеей богатства, благополучия, потенциальных сил, плодородия, что объясняется признаком их множественной структуры и свойством заметно расти, увеличиваться [14, с. 105]. Впоследствии такие представления получили свое второе рождение в культах различных божеств, например Велеса.

Таким образом, обычай застилать постель новобрачных шубами, распространенный повсеместно у русских и характерный для свадебного обряда Костромского Поволжья, был направлен на то, чтобы молодые супруги жили богато и имели много детей.

Оставшись одни, новобрачные должны были выполнить ряд утвержденных традицией обрядовых действий, обеспечивавших, по народным представлениям, согласную супружескую жизнь, богатство, здоровое потомство. Одна из главных составляющих счастливой семейной жизни – это покорность жены мужу. Для этого молодой приходилось демонстрировать свое смирение, снимая с мужа сапоги: «молодая разувает своего мужа, и когда она снимает сапог, в коем лежат деньги, тогда он бьет ее слегка плетью по плечам» [19, с. 191]. По другим источникам: «Невеста должна была проситься у жениха на постель и разуть его» [17, с. 36–37]. Обычай снимать с мужа сапоги упоминается еще в первой русской летописи – в «Повести временных лет». Так, во времена Владимира дочь Полоцкого князя не захотела его разуть – «не хочу розути робичича» [8, с. 117]. А у славян-язычников девушка сразу становилась женой того, кто ей, простоволосой, набрасывал на голову покрывало или повой и кому она снимала обувь с ног [19, с. 191]. Деньги клались по обычаю только в один сапог, и если невесте удавалось прежде снять тот сапог, в котором лежали деньги, это значило, что в последующей семейной жизни ей уже не придется разувать мужа. Желание быть хозяином в семье жених демонстрировал тем, что заставлял невесту просить разрешения лечь с ним в постель, а также власть мужа над женой демонстрировалась символическими ударами плетью.

На протяжении всей брачной ночи молодых охраняли дружка или сваха: «Около подклети ходит ночью сваха или вооруженный дружка, чтобы колдуны не испортили молодых» [19, с. 191]. В их задачу входила защита молодых от нечистой силы,

а также они должны были отгонять непрошенных подзагулявших гостей.

Брачная ночь считалась очень важным обрядом свадебного ритуала. Она заканчивала серию обрядовых действий, связанных с переходом девушки и парня из одной половозрастной категории в другую. Этот переход на символическом уровне осмыслялся как смерть парня и девушки в определенном качественном содержании и возрождение в другом, что чисто внешне выражалось сменой прически, головного убора, одежды. Мифологические мотивы и символика, которые сохранились в данном обряде и сопровождают его, позволяют судить нам о его архаичности, о связи данной символики с земледельческими культами.

Послесвадебные обряды (второй день свадьбы). Второй день свадьбы главным образом устраивался для того, чтобы гости и молодые могли как следует повеселиться. Действия, которыми сопровождалось застолье, не несут в себе глубокой смысловой нагрузки и проводились для того, чтобы проверить характер молодой, ее умения. Через игру, шутку происходило принятие молодой семьей мужа. Единственное, от чего зависело праздничное настроение гостей и самих молодых, было добрачное целомудрие девушки – его в первую очередь и проверяли. Издевательства над молодыми начинались с самого утра.

Обычным для северорусского свадебного обряда является обязательное мытье молодых в бане на второй день после свадьбы, что характерно и для Костромского Поволжья. Но в данном случае эта традиция не несет в себе того смыслового значения, что обрядовое мытье в бане накануне свадьбы [12, с. 15], и связана главным образом с представлениями о воде как об очищающей силе. Поэтому здесь преследовались две цели: соблюдение гигиенических норм – омовение после полового акта – и очищение от греха совокупления. После банных процедур все родственники собирались за праздничным столом. И здесь уж главной целью было развлечь и повеселить публику, с чем успешно справлялись молодые.

Можно выделить два повода для веселья гостей. Во-первых, это всевозможные намеки на то, что невеста потеряла свою невинность. Для этого невеста пекла блины, причем один блин намеренно делали с дыркой. «Когда блин выносили, говорили: “Вот наша невестушка испекла блинов, а один блин не получился. Вы уж сватьяшки эту дырку закройте». И на блин деньги кладет женихова родня» [17, с. 36–37]. Такая символическая плата за дырявый блин доказывала всем родственникам, что невеста была невинна до брака. Был еще один способ оповестить деревню о честности девушки: «...[гости] запрягают лошадей, переряжаются, ставят в санях мачту, украшенную красными лентами (знак невинности невесты) и с песнями разъезжа-

ют по деревне» [4, с. 126]. В случае «нечестности» молодой женщины, утратившей девственность до брака, ее родители и сваха подвергались различным прилюдным унижениям. Во-вторых, это всевозможные проверки невесты различными повседневными бытовыми заботами.

Смысловая нагрузка второго этапа комплекса свадебных обрядовых действий, таким образом, сводится к следующему. Во-первых, все эти действия носят определенный характер инициации, то есть действий, в результате которых человек переходит из одной половозрастной категории в другую. Во-вторых, эти действия преследуют цель «договориться» с общиной о принятии в свои ряды новой единицы (семьи).

Третий, заключительный этап свадебных обрядовых действий укладывается в хронологические рамки календарного года, наступающего со дня свадьбы.

В первую весну после брака проводился обряд поздравления молодых, который назывался – выюнишник [20, с. 122]. Обряд проводился на пасхальной неделе в субботу, которая в местности между с. Городцом Нижегородской губернии и г. Юрьевцем Костромской губернии называлась выюнишной. Здесь говорили: выюнишна суббота. В других местах выюнишник отмечали на следующий день, в так называемое Фомино воскресенье. Поэтому в Костромских деревнях это воскресенье называлось также кликушиным. Песни, сопровождавшие обряд, назывались выюнцами. Их исполняли «окликалы», или «выюнишники», для «выюницы» и «выюна» («выюнца»), то есть молодого и молодой, в первый год их брака. Исполнение обряда чаще всего начиналось до рассвета. Во многих местах «окликалы» строго подразделялись на определенные возрастные группы, а в некоторых селениях соблюдалось и деление по полу [20, с. 125]. В Коверинском крае Костромской губернии обряд «выюницы» совершался целым «обществом» (деревней) во главе со «стариками-коноводами» [10, с. 39]. В большинстве случаев первыми начинали окличку младшие: чем старше была группа окликальщиков, тем позднее они начинали. В детских песнях звучат мотивы с требованием подать обрядовую еду (яйца или печенье), в случае невыполнения просьбы выражается угроза наказать молодых. «Выюнцы», исполнявшиеся старшими возрастными группами, значительно длиннее детских окличек. Они отличаются и по содержанию. Как правило, их начинают петь с 12 часов дня. Окличка лицами старших возрастов начиналось с зачина – обращения к молодым. Получив разрешение, выюнчники исполняли песни, которые прославлялись «терем» молодых, его «крыша бархатная», «печь муравленая». В заключительной части выюнишных песен внимание в основном сосредоточено на «дубовых столах», где стоят «три

угодыща» – вино, пиво, яйца. Для выюнишных песен характерен многократный повтор традиционных метафор и отдельных строк. Самые распространенные и типичные символы семейного очага выюнишных окличек – горностаи, соловей, сокол и пчелы. Правила угощения были строго регламентированы. Придерживались своего рода меню – кого и чем угощать. Детям новобрачные дают пряники и сласти, мужчинам – яйца, пиво, мед, женщинам – вино, закуски. В целом обряд должен был способствовать молодой семье войти в хозяйственно-бытовую жизнь общины на правах самостоятельной экономической единицы.

Этому содействовали два встречных психологических импульса, исходивших, с одной стороны, от откликал, а с другой стороны – от выюна и выюницы. Выюнчники, окликавая молодых «на миру», при всех, утверждали молодоженов в глазах сельского мира в качестве членов данного общества в их новом социальном статусе. Со своей стороны молодые, выходя к окликалам и всем собравшимся с традиционным угощением, как бы давали выкуп за себя. Этим входом импровизированной трапезы-выкупа символически снималось противопоставление между молодой брачной парой и остальным миром.

О древности выюнишника и его языческой подоснове говорит упоминание в песнях особого имени.

«О Лелю молодая, о Лелю,
Ты выюная, о Лелю.
Ты по горнице пройди, о Лелю,
Покажи свое лицо, о Лелю,
Да в окошечко, о Лелю.
Своего-то выюнца, о Лелю,
Да пожалуй-ка яичко, о Лелю,
Еще красенькое, о Лелю,
Что на красном блюде, о Лелю,
И при добрых людях, о Лелю» [8, с. 56–57].

Ладо, Ледо, Ладо-люли, Лелю-Ладо в славянском пантеоне под таким именем выступал бог любви и веселья. Выюнщики в церковные праздники были осуждены и запрещены Стоглавым Собором еще в 1551 г.: «А о велице дни окличка на родоницы не творити выюниц. И всяких в них бесований. Чтобы о велице дни и на родоницы оклички не творили. И скверными речми неупрекалися» [18, с. 140–141]. Мифологические мотивы и символика выюнишных песен также говорят об архаичности обряда, который они сопровождают. На наш взгляд, в ранних формах отправления этого обряда проглядывается тесная связь с обрядностью, ритуалами и символикой земледельческого цикла. Молодожены, кроме прочего, олицетворялись с новым урожаем, символом плодородия. Но постепенно процентное соотношение признаков обрядности земледельческого цикла в содержании выюнщиков менялось либо трансформировалось под воздействием определенных причин, и они все

более воспринимались как последний игровой обряд свадебного цикла. Вьюнишником заканчивается цикл послесвадебных гостеваний и праздников, после чего молодая пара считалась полноправным членом общества взрослых семейных людей [5, с. 77].

Примечание

¹ Интересно, на наш взгляд, в данной ситуации наличие колющих металлических предметов – иглолок. Их применение в обрядовых действиях, как правило, всегда наделено функциями оберега.

Библиографический список

1. Андроников П.И. Свадебные обычаи и песни в селе Костенево // Костромские Губернские Ведомости. – 1856. – № 27.
2. Андроников В.А. О собирании памятников народного творчества в пределах Костромской губернии // Костромские Губернские Ведомости. – 1902. – № 29.
3. Беловинский Л.М. История русской культуры. – М., 2006. – 184 с.
4. Виноградов Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Этнографический сборник. – Кострома, 1917. – С. 114–118.
5. Гусева С.М. Традиционные элементы в современной свадьбе // Краеведческие записки. – Вып. 4. – Ярославль, 1986. – 221 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1995. – Т. IV. – 485 с.
7. Домострой. Русский семейный устав. – М.: Эксмо, 2005. – 464 с.
8. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1880. – 629 с.
9. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
10. Зимин М.М. Коверинский край (наблюдение и записи). Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края. Вып. XVII. – Кострома: Коммунистическая типография, 1920. – 89 с.
11. Кабатов С.А. Этнокультурная история сельского населения Костромского края (до золотоордынского времени) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 1. – С. 317–320.
12. Кабатов С.А. Первичный анализ первого этапа комплекса свадебных обрядовых действий в среде сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVIII вв. // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2015. – № 1. – С. 13–17.
13. Королев К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Мидгард, 2006. – 600 с.
14. Мадлевская Е.Л. Русская мифология. Энциклопедия. – М.: Эксмо, Мидгард, 2005. – 784 с.
15. Олгарий А. Описание путешествия в Москву. – Смоленск: Русич, 2003. – 480 с.
16. Оморин А.Г. Описание великорусской свадьбы в деревне // Архив КГОИАМЗ. Ф. документы. – Н/в 13628. – Инв. №617. – С. 23.
17. Свадебные ритуалы в Нейском районе Костромской области // Живая старина (23). – М., 1999. – С. 36–37.
18. Стоглав. – СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1863. – 312 с.
19. Терещенко А.В. История культуры русского народа. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.
20. Тульцева Л.А. Вьюнишники. Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К.В. Чистова, Т.А. Бернштам. – Л.: Наука, 1978. – 189 с.
21. Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники. – СПб., 2003. – 560 с.

Архипов Сергей Валентинович

кандидат юридических наук, доцент
Академии Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань)
justice4@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Современное экономическое развитие России зависит от активного освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока. Однако на протяжении длительного времени из этих регионов происходит отток населения. Среди первоочередных задач внутренней политики России находится улучшение социально-демографической ситуации для закрепления населения в указанных регионах. В этих условиях востребованным может оказаться опыт деятельности дореволюционных государственных органов по освоению Сибири и Дальнего Востока. В статье анализируются правовые и организационные основы деятельности Комитета Сибирской железной дороги в контексте государственной переселенческой политики, осуществляемой в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Комитет Сибирской железной дороги способствовал не только координации работы всех ведомств по строительству Транссибирской железнодорожной магистрали, но и создавал условия для переселения и закрепления трудоспособного населения в колонизируемых местностях Сибири и Дальнего Востока. Для стимулирования переселенческих процессов по инициативе правительства, в противовес самовольным переселениям, был установлен ряд льгот: по отбыванию воинской повинности; выдачей ссуд на хозяйственное устройство; определением льготного железнодорожного тарифа и др. В ходе сооружения железнодорожной магистрали к строительным работам привлекались заключенные, что явилось одной из наиболее удачных форм трудового использования заключенных в практике исполнения уголовных наказаний в Российской империи. Автор делает вывод, что деятельность Комитета способствовала освоению окраинных территорий и сохранению территориальной целостности страны, расширению ее границ и обеспечивала задачи национальной безопасности государства.

Ключевые слова: переселение, переселенцы, миграция, Комитет Сибирской железной дороги, колонизация, переселенческая политика, ссылка, каторга, ссыльные.

Экономическое развитие страны и в прошлом, и в будущем тесно связано с активным освоением районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Значение этих регионов возрастает и в связи с продолжающейся зависимостью развития экономики страны от уровня добычи, прежде всего, углеводородного сырья. Именно в этих районах открыты перспективные месторождения нефти, газа, угля и других полезных ископаемых, с разработкой которых, по-прежнему, связаны финансовые поступления в бюджет на ближайшую перспективу.

Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 была утверждена очередная государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», определившая основные цели и задачи развития данных регионов, размеры финансирования, ответственных и участников программы [11].

Программа предусматривает достижение следующих целей: ускоренное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона; улучшение социально-демографической ситуации на территории Дальнего Востока и Байкальского региона. Последняя цель особенно актуальна в связи с наметившейся в последние годы тенденцией миграционного оттока.

Однако по оценкам отдельных ученых, новая редакция Государственной программы не отвечает главной цели, а именно: закреплению коренного

населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе [9].

Сегодня очень актуально предупреждение П.А. Столыпина о том, что в связи с ростом мигрантов из соседних стран, отличающихся высоким уровнем народонаселения, возрастает угроза безопасности России [8, с. 128]. В этих условиях увеличение экономически активного населения в этих районах позволяет решать и другую задачу: обеспечение национальной безопасности.

Выделение в отдельное направление государственной политики по привлечению и закреплению экономически активного населения на территории Сибири и Дальнего Востока является необходимой составляющей стратегии экономической безопасности страны. Следует отметить, что в последнее десятилетие правительством в этом направлении был принят ряд программ, в том числе и Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [10]. Однако ожидаемого миграционного прироста указанная программа не принесла [7].

Отсюда очевидна необходимость использования значительного исторического опыта России по переселению миллионных масс жителей из Европейской в Азиатскую часть России, опыт советского периода по материальному стимулированию жителей в освоении отдаленных регионов СССР. Несомненно, изменились исторические условия, но, вместе с тем, комплексное решение

многих проблем по материальному и хозяйственному обеспечению переселяющихся, организация сети учебных и медицинских учреждений, строительство храмов, создание необходимой производственной и транспортной инфраструктуры позволяют говорить об эффективном взаимодействии различных государственных структур в освоении данных регионов.

Процессы переселения и освоения пространств Сибири и Дальнего Востока связывают с именем П.А. Столыпина. Однако реализация названных проектов началась значительно раньше. Важным этапом в разработке и реализации колонизационных задач явился период, связанный со строительством Сибирской железной дороги.

В 2015 г. исполняется 110 лет с момента окончания работы Комитета Сибирской железной дороги. В декабре 1905 г. указом императора Николая II «О закрытии Комитета Сибирской железной дороги» деятельность указанного комитета была прекращена в связи с выполнением возложенных на него задач [14]. Комитет сыграл значительную роль в деле строительства Транссибирской железной дороги и освоении территорий Сибири и Дальнего Востока.

Быстрое заселение обширных и богатых дальневосточных окраин – Приамурья и Уссурийского края, с развитием в них промышленности, поднятием уровня культуры, рассматривалось как единственно верное средство для сохранения этих территорий в юрисдикции Российского государства. Следовательно, это была одна из важнейших задач в деле обеспечения национальной безопасности. Такое понимание значимости переселения было характерно для многих правительственных чиновников, среди которых следует назвать С.Ю. Витте, А.Н. Куломзина, А.С. Ермолова, А.В. Кривошеина.

Освоение восточных территорий правительство связывало с развитием транспортной магистрали. В докладе императору Александру III С.Ю. Витте обосновал значение железной дороги в вопросе освоения огромных пространств Сибири и Дальнего Востока, он отмечал значительную роль переселения для решения указанных задач, предлагая принять меры к облегчению и поощрению переселений в Сибирь [15, л. 3].

Положения доклада были развернуты в подготовленной Витте записке «О порядке и способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути», где есть специальный раздел «Значение Сибирской железной дороги для колонизации» [15, л. 66].

21 ноября 1892 г. было созвано Особое Совещание о постройке Сибирской железной дороги, которое определило три очереди строительства дороги и рекомендовало учредить особый Комитет Сибирской железной дороги из министров: внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей

сообщения и государственного контролера [12]. Такой уровень обеспечивал компетентность и оперативность в принятии решений, что позволило Комитету стать инструментом в реализации государственной политики по освоению Сибири и Дальнего Востока.

Совещание определило финансовые средства на строительство первой очереди Сибирской железной дороги и создание вспомогательных предприятий на сумму 150 млн. рублей. Управляющему Министерством финансов дополнительно предоставлялось право направить свыше 92 млн. рублей из сумм Государственного банка поэтапно в период с 1893 по 1900 гг. исключительно на потребности Сибирской железной дороги и связанных с ее строительством вспомогательных предприятий [12]. Под вспомогательными предприятиями понимались научные исследования прилегающих местностей, переселения, благоустройство поселков, благотворительность и т.д. Определенные Совещанием полномочия Комитета были чрезвычайно широки. Об этом свидетельствует и назначение Александром III 14 января 1893 г. своего сына Николая II председателем Комитета Сибирской железной дороги.

Комитет Сибирской железной дороги объединял работу министерств в пределах своей компетенции. Исполнение принятых решений поручалось тем министрам, в полномочия которых входил выносимый на обсуждение в Комитет тот или иной вопрос. В случае внесения вопросов, разрешение которых превышало полномочия каждого министра, постановления Комитета представлялись на утверждение императору непосредственно. По всем другим вопросам единогласные решения Комитета исполнялись без согласования [13]. Утвержденная процедура повышала ответственность министров, способствовала быстрому исполнению принятых решений.

Для предварительного рассмотрения предположений ведомств, связанных с постройкой железной дороги, 4 марта 1893 г. была учреждена при Комитете Сибирской железной дороги Особая подготовительная комиссия из представителей заинтересованных ведомств под председательством Управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзина [15, д. 290, лл. 3–5]. В необходимых случаях для предварительного рассмотрения мероприятий по устройству переселенцев в Сибирь и по другим вопросам, связанным с переселением, в Комиссии могли участвовать представители от военного, морского и других министерств, и главных управлений под председательством Управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги. На Подготовительную комиссию было возложено и составление ежегодных смет расходов из фонда вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги для включения

необходимых кредитов, после их утверждения, в государственную роспись.

В состав Комиссии входили чиновники от Министерства государственных имуществ, финансов, юстиции, внутренних дел. Эффективность работы Подготовительной комиссии отметил в своем докладе императору 22 февраля 1896 г. Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, подчеркнув, что «занятия Комиссии и непосредственный обмен взглядов представителей разных ведомств с полным успехом для хода дела заменили письменные сношения между Министерствами, потребные для разработки предположений...» [16, д. 19, л. 6].

Первоочередной задачей, возложенной на Подготовительную комиссию Комитетом Сибирской железной дороги, была подготовка свободных земель для заселения и отвод их переселенцам. Комиссия представила Комитету подготовленные проекты правил и постановлений, целью которых было достижение следующих главных целей: а) прочное водворение на местах переселенцев, как уже прибывших в Сибирь, так и непрерывно туда направляющихся; б) ограждение земельного пользования сибирских старожилов; в) установление должной связи между постройкой железной дороги и заселением этого района; г) обеспечение государственных потребностей в земле, которые могли возникнуть, как в ближайшее время, так и в отдаленном будущем; д) определение обязанностей должностных лиц, призванных обеспечить межевание участков для переселенцев и их водворение на местах нового жительства [15, д. 354, л. 41].

Учитывая огромную роль материальной обеспеченности в прочном устройстве переселенцев, Подготовительной комиссией и Комитетом Сибирской железной дороги были разработаны «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам, переселяющимся с установленного разрешения». Их утверждение состоялось 5 июня 1894 г. [16, д. 19, л. 19]. Временные правила предусматривали правительственную помощь в виде ссуд на путевые расходы, хозяйственное устройство, приобретение семян и продовольствие. Безвозмездно отпускался лесной материал для возведения усадебных построек. Подчеркивалось, что ссуды, выдаваемые переселенцам, были беспроцентными [16, д. 19, л. 19].

Возврат ссуд производился по истечении трех льготных лет, в течение последующих десяти лет ежегодными платежами. В исключительных случаях время возврата ссуды могло быть увеличено до 20 лет [16, д. 19, л. 21–22].

В начале 1900-х годов общая сумма ежегодно отпускавшихся Комитетом Сибирской железной дороги кредитов на выдачу пособий переселенцам достигла 12 млн. рублей. Были открыты и благотворительные фонды. По данным С.В. Саблера и И.В. Сосновского, получили ссуды около 87%

всех водворившихся в Сибири переселенцев [17, с. 337].

Значительный поток крестьян, переселяющихся из Европейской части России, тяготел к земле и остро нуждался в помощи, поэтому не мог в значительной степени использоваться как необходимая рабочая сила в строительстве Сибирской железной дороги, между тем как ее сооружение в короткие сроки стало предметом государственной важности и требовало до 300 тыс. рабочих. Серьезной проблемой в организации работ по прокладке железной дороги стал недостаток рабочих рук и высокие цены на них. Использование привозной рабочей силы из-за отсутствия дорог, удаленности территорий не могло решить проблему и привело бы к значительному удорожанию строительства. Исходя из этого, возникло соображение о привлечении к этой работе ссыльных. Труд их на железной дороге рассматривался, в зависимости от рода ссылки, как принудительный или добровольный. Как считало Главное тюремное управление, к принудительному труду могли быть привлечены все категории высылаемых, которых закон обязывает к работам на местах водворения и которые не могли быть организованы ранее. К этой категории относились: ссыльно-каторжные, ссыльно-поселенцы и частью водворяемые рабочие. Остальные группы ссыльных могли быть привлечены только по добровольному найму.

О положительном опыте использования труда заключенных сообщается в заключении Министра внутренних дел Дурново, где указывалось, что привлечение ссыльных, не занятых земледелием, является мерою выгодной и необходимой. Привлечение заключенных обеспечивает строительству постоянный контингент рабочих по ценам, значительно ниже тех, которые произвольно назначают частные подрядчики в условиях отсутствия конкуренции. С другой стороны, эта мера будет способствовать обширному применению труда ссыльных, серьезно нуждающихся в заработках в работах общегосударственного значения [15, д. 232, л. 44].

Значение труда ссыльных в строительстве Сибирской железной дороги велико. Привлечение к работам арестантов позволяло не только решать пенитенциарные задачи, но способствовало хозяйственному освоению территории прокладки железной дороги и в дальнейшем, успешной реализации переселенческой политики [2, с. 13].

Комплексное и оперативное решение всех проблем, строгий контроль расходующихся средств обеспечили эффективную деятельность Комитета.

Практические результаты правительственных мероприятий выразились в следующих цифрах: с 1860 по 1885 гг. в Сибирь прошло 300 тыс. человек, с 1885 по 1893 гг. – 260 тыс., с 1893 по 1902 гг. (включительно) – свыше 1 млн. человек [5, д. 404, л. 11]. За двенадцать лет интенсивных работ, осу-

ществленных Комитетом Сибирской железной дороги, было израсходовано только на переселение около 30 млн. рублей [1, с. 462].

В 90-е годы XIX в. получает распространение практика поездок правительственных чиновников в районы массовых переселений, что немало способствовало лучшей организации переселенческого дела. Так, поездка Управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзина в Сибирь летом 1896 г. способствовала более детальному ознакомлению на местах с переселенческим делом. Выводы и предложения были представлены в докладе императору [4]. Еще ранее, осенью 1895 г. такую же поездку совершил Министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов. Она дала возможность лично ознакомиться с положением крестьянского населения Сибири, с приемами обработки земли, формами землепользования, трудностями достижения переселенцами мест водворения. В то же время в докладе министра, а затем в многостраничном дополнении к докладу был дан всесторонний анализ постановки переселенческого дела в Сибири, его влияния на развитие промышленности в Сибири [3].

К тому времени выявилась необходимость изменений в порядке управления переселенческим делом. 2 декабря 1896 г. император утвердил мнение Государственного Совета об образовании при Министерстве внутренних дел особого Переселенческого управления. В компетенцию последнего входило руководство выдачей разрешений на переселение, попечение об устройстве переселенцев на местах водворения, заведывание кредитами, предварительная разработка всех законодательных вопросов по переселенческому вопросу. После прекращения деятельности Комитета Сибирской железной дороги в связи с завершением строительства, Переселенческое управление стало важнейшим органом в реализации переселенческой политики. Как выразился председатель переселенческой комиссии III Государственной Думы А.Д. Голицын, Переселенческое управление это «все азиатская земская управа». Она строила школы, церкви, больницы, проводила дороги, организовывала флотилии, выдавала ссуды, устраивала метеорологические станции, содержала штат ученых агрономов на пространстве, вдвое превышающем площадь всей Европейской России [6, с. 20].

Масштаб задач, решаемых в этот период, подчеркивает огромную роль Комитета Сибирской железной дороги в решении колонизационных задач. Одной из проблем в эффективной реализации переселенческой политики, было стихийное движение переселенцев. Для стимулирования переселенческих процессов по инициативе правительства, в противовес самовольным переселениям «на свой страх и риск», был установлен ряд льгот: по отбыванию воинской повинности; выдачей ссуд на

хозяйственное устройство; определением льготного железнодорожного тарифа и др. Однако увеличение ассигнований на оказание помощи переселяющимся привело к увеличению в начале XX в. потока малообеспеченных переселенцев. Не имея собственных средств, они не могли обустроиться на выделяемые государством пособия. Именно эта категория населения составила наибольший процент обратных переселенцев. Попытка правительства сделать ставку на обеспеченных переселенцев закончилась неудачей. Распределение средств по принципу: всем и понемногу, в условиях Сибири было неэффективным.

Стремясь не допустить нерегулируемого движения в восточные районы, правительство усилило информационную работу среди крестьянства. Органам местной администрации европейской части России поручалось осуществлять информирование населения о порядке переселений, трудностях водворения на новых местах, кратких маршрутах следования в ту или иную местность, о наличии свободных участков для заселения. Должностные лица получали сборники законодательных актов по переселенческому делу, справочные издания с описанием губерний и областей Сибири, Степного края и Приморья.

Государство было заинтересовано в прочном хозяйственном устройстве новоселов. Поэтому обращалось особое внимание на обустройство поселков, прокладку дорог, строительство обводнительных, осушительных и дорожных сооружений, общественных зданий, создание пожарной охраны.

Новый импульс переселениям и соответственно освоению Сибири был дан после русско-японской войны в связи с осуществлением аграрной политики правительства под руководством П.А. Столыпина. В начале XX в. правительство сделало акцент на освоение данных регионов.

Библиографический список

1. Азиатская Россия: в 3 т. – СПб, 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – 576 с.
2. *Архипов С.В.* Организационно-правовые аспекты трудового использования ссыльных в строительстве Сибирской железной дороги // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах. – Рязань, 2012. – Вып. 6. – С. 8–14.
3. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. – СПб., 1896. – 53 с.
4. Всеподданнейший отчет статс-секр. Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. – СПб., 1896. – 187 с.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 586. – Оп. 1.
6. *Гинс Г.* Переселение и колонизация. Вып. I. – СПб., 1913. – 48 с.

7. Грицюк М. По-родственному // Российская газета. – 2012. – 17 сентября. – № 5886.

8. Записка Председателя Совета Министра и Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году: приложение к всеподданнейшему докладу. – СПб., 1910. – 168 с.

9. Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке России: новые подходы и инструменты государственного управления // Власть и управление на Дальнем Востоке. – 2014. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://vlastdviu.ru/index.php?page=gio4-2014\(3-68\)&rc=gio](http://vlastdviu.ru/index.php?page=gio4-2014(3-68)&rc=gio) (дата обращения: 19.03.2015)

10. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (в ред. 19 декабря 2014 г.): указ Президента Рос. Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 26. – Ст. 2820.

11. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апреля 2014 г. № 308 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 18 (часть I). – Ст. 2154.

12. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собр. 3-е. – СПб., 1895. – Т. XII. – № 9140.

13. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. – СПб., 1897. – Т. XIII. № 9248.

14. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. СПб., 1908. – Т. XXV-1. № 27044.

15. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 1273. – Оп. 1.

16. РГИА. – Ф. 391. – Оп. 2.

17. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. – СПб., 1903. – 472 с.

УДК 37.015

Красницкая Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, доцент

Шуйский филиал Ивановского государственного университета
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
krasniz_t@mail.ru

УЧЕНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье на основе широкого круга источников рассматривается ученический состав церковно-школьной образовательной системы России в конце XIX – начале XX века. Автор проводит многоаспектный анализ контингента учащихся начальных (воскресные, церковно-приходские, школы грамоты) и учительских (второклассные и церковно-учительские) церковных школ с целью выявления его специфики как базового элемента образовательной системы Русской православной церкви. Определяется возрастной, сословный, национальный, количественный состав воспитанников православных школ, их конфессиональная принадлежность, соотношение по полу. Делается вывод о том, что для ученического корпуса были характерны: возрастная градация, преимущественно крестьянско-мещанская сословная принадлежность, наличие представителей разных национальностей и вероисповедания, смешанный состав учащихся по полу в начальной и однородный (мальчики/девочки) в учительской школах, количественный разрыв ученического состава на этапе поступления и окончания учебного заведения.

Ключевые слова: церковные школы, начальные школы, учительские школы, учащиеся, возрастной состав, сословия, вероисповедание, национальность.

В конце XIX – начале XX вв. в России при поддержке государства функционировала система церковно-школьного образования с двухуровневой подготовкой: общеобразовательной (воскресные, церковно-приходские, школы грамоты) и педагогической (второклассные и церковно-учительские школы). При разной степени распространения данных учебных заведений в стране они, наряду со светскими (земскими школами), охватывали значительный процент детей школьного возраста (начальные школы – до одной трети), внося свою лепту в дело развития образования в стране. Ученический состав церковных школ являлся базовым элементом функционировавшей более тридцати лет церковно-школьной системы. Его изучение дает возможность комплексного анализа, а также определения степени развития и по-

ложения православной школы в российском образовательном пространстве.

Отправной точкой в анализе ученического состава является возраст учащихся. Он в зависимости от типа церковной школы был разным. В начальной церковно-приходской (одноклассной и двухклассной) возраст учащихся обычно колебался от 7 до 15 лет. Были 16- и 17-летние подростки и даже 20-летние молодые люди [14, л. 9], но их число незначительно. Конкретизировать информацию можно сведениями по Владимирской епархии, где в 1898 г. большей части мальчиков и девочек начальных церковных школ было 10 лет (2 тыс. 825 мальчиков и 924 девочки). Средний возраст учеников по отделениям был следующий: в 1-ом – 9,3 мальчики и 9,1 девочки, во 2-ом – 10,5 мальчики и 10,4 девочки, в 3-ем – 11,7 мальчики и 11,3 девочки [15, с. 94].

В начальной воскресной школе, в силу того что она предназначалась для обучения тех, кто не мог посещать ее регулярно, возрастной показатель также не был одинаковым. Точные данные привести не представляется возможным, ввиду того что в отчетах обер-прокуроров, епархиальных училищных советов, уездных отделений указывалось лишь общее количество учащихся и разделение их по степени зрелости: дети, подростки, взрослые. В частности, к 1908 г. в европейской части России из 10 тыс. 403 учащихся категорию до 14 лет составляли 4 тыс. 617, а категорию взрослых – 4 тыс. 840 человек [6, с. 100–101]. Тем не менее по отрывочным данным можно судить о том, что возрастной предел учащихся этого типа школы не был ограничен. Так, в 1910/11 учебном году Бахаревскую школу Кинешемского уезда Костромской епархии посещали «7 человек в возрасте от 14 до 22 и один 40 лет», а Богоявленскую Варнавинского уезда – около 20 учениц от 8 до 28 лет [10, с. 25, 26]. Самый низкий возрастной предел был зафиксирован в Ярославской епархии. Там в 1900 г. в Мологской воскресной школе обучалась 76-летняя «старушка» [17, с. 93–94]. Таким образом, потребность обучения в равной степени была как у детей и подростков, так и у старшего поколения.

Возрастной предел учащихся учительских школ, безусловно, был выше, чем в начальных. Во второклассной школе он составлял от 12 (по «Положению о церковных школах ведомства Православного исповедания» 1902 г. с 13 лет) до 20 лет, а в церковно-учительской – от 15 до 20 лет. В первом случае допуск «несовершеннолетнего» разрешался с благословения епархиального преосвященного. Официальный прием в низшую учительскую школу с 13 лет создавал некоторые затруднения для учащихся, которые желали получить профессию учителя школы грамоты. Дождаясь поступления во второклассную школу как минимум год, дети многое забывали из пройденного материала в начальной школе. Для устранения этого недостатка было получено разрешение открывать при второклассных школах подготовительные отделения, куда могли поступать дети и 11 лет. Подобное существовало при Щербовской школе Ковровского уезда Владимирской епархии. Это было не единственное исключение из существующих правил относительно возраста учащихся. В частности, во второклассных школах Самарской епархии принимались и 22-летние – «учителя школ грамоты, желающие усовершенствовать свои познания» [8, с. 16].

Возрастной показатель учащихся начальных церковно-приходских и школ грамоты не предполагал установления семейных отношений. Но архивные документы свидетельствуют о том, что подобные факты имели место быть на окраинах страны. В частности, в Адиминской двухклассной (корейской) церковно-приходской школе Влади-

востокской епархии в начале XX века многие из учеников были женаты, так как браки у корейцев совершались в раннем возрасте, а иногда и в детском «с целью приобретения в доме даровой работницы – невестки» [14, л. 9]. Школьное руководство, считая это явление ненормальным, боролось с ним, не допуская приема таких учеников в школу, «за исключением восемнадцатилетнего возраста и венчания христианским браком» [14, л. 9].

Характеризуя ученический состав церковных школ, необходимо обратить внимание на сословную принадлежность учащихся. В начальных школах, предназначенных в первую очередь для низших слоев, значительную часть обучавшихся составляли крестьяне. Второе место занимали мещане. Выходцев из духовной среды, а также детей дворян и чиновников было немного [7, с. 67]. Вместе с тем региональная специфика определяла иной, отличающийся от общей статистики состав учащихся. По данным за 1899 г. в Полтавской образцовой церковно-приходской школе 20 из 25 учащихся были казаками [11, л. 87 об.].

Для учительских церковных школ была характерна та же тенденция. Количественное преимущество было за крестьянским сословием. Например, оно составляло более 50% от числа всех учащихся второклассных школ. Вторую позицию во второклассных школах занимали мещане (10%), а в церковно-учительских – дети духовенства [3, с. 259]. Последний факт был связан с тем, что духовенство, по возможности, стремилось дать своим детям более высокий уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки.

Отличительной особенностью многих церковных школ России был неоднородный состав учащихся по национальной принадлежности. В начале XX века во всех типах православных школ обучалось 67 народностей [4, с. 254–255]. По национальному признаку рассматриваемые учебные заведения духовного ведомства делились на русские, инородческие и смешанные (русско-инородческие). Большинство церковных школ (по данным 1907 г. – 81%) относилось к первой категории [4, с. 256]. Второе место по численности составляли русско-инородческие школы – 14% от общего числа. В них наряду с русскими обучались представители иных народов. В Астраханской епархии это были калмыки и киргизы, в Самарской и Казанской, Симбирской епархиях – татары, мордва, чуваша, в Грузинской епархии – грузины и греки и т. д. Необходимо отметить, что доля смешанных учебных заведений была довольно значительна среди учительских (26–27%) и двухклассных церковно-приходских (38%) школ [4, с. 256]. Следовательно, спрос на повышенное образование был характерен для представителей разных народностей.

Инородческие православные школы, которых в стране было немного – 5%, делились на одно-

племенные и разноплеменные. Причем среди учительских школ, согласно официальной статистике, подобных школ вообще не было. Одноплеменных инородческих школ насчитывалось 33 вида: болгарские, чешские, литовские, латышские, греческие, осетинские, лопарские, вотяцкие, черемисские, татарские, гагаузские, корейские и др. Более всего было грузинских (362), чувашских (292), молдавских (187), мордовских (133) школ. По одной функционировали калмыцкие, кистинские и гиляцкие школы [4, с. 256]. Национальная специфика влияла на организацию учебно-воспитательного процесса в части изучения учебного материала, кадрового обеспечения школы.

Ученический корпус начальных и учительских церковных школ страны отличался по вероисповедному составу. При преимуществе православных в общем масштабе в некоторых регионах страны, например в Грузинской епархии, были начальные образовательные учреждения духовного ведомства, где иноверные превосходили по количеству православных, встречались и такие, где «при 7 народностях на лицо представители 4–5 исповеданий и вер...» [16, с. 184].

В церковных школах России обучались протестанты, магометане, иудеи, католики. Но значительную часть из иноверцев составляли раскольники и язычники. Согласно статистическим данным, в 1898 г. в церковных школах Костромской епархии обучалось 187 раскольников [9]. В начале XX в. во Владимирской епархии их численность составляла 495 человек [1, с. 2–3]. Такое положение объяснялось целенаправленной противораскольнической политикой церковно-школьного управления. Но ее результат был более чем скромный. Вместе с тем в условиях распространения раскола в епархиях она не были лишена смысла.

Значительный интерес представляет состав учащихся церковных школ по полу. Учебные заведения делились по этому признаку на 3 типа: мужские, женские и смешанные. Большинство начальных церковных школ России были смешанные, то есть совместно обучались мальчики и девочки [6, с. 38–49]. Учительские школы имели строгое деление на два типа (мужские и женские). Первых на территории страны было больше.

Соотношение обучающихся в церковных школах мальчиков и девочек было неодинаковым. В начальных православных учебных заведениях страны на всем протяжении их функционирования число мальчиков значительно преобладало, что подтверждают статистические сведения по разным регионам страны (таблица 1) [6, с. 4–18; 3, с. 136; 5, с. 118–121].

Данные показывают, что со временем процентное соотношение учащихся начальных церковных школ по полу менялось, но незначительно. Число девочек постепенно увеличивалось, однако это не уравнивало их соотношения. Учащихся-мальчиков всегда в начальных церковных школах было более половины, что объяснялось предоставлением им льгот по отбыванию воинской повинности.

Чем же объяснялось слабое посещение девочками школы? Получить ответ на этот вопрос позволяют данные учителей Владимирской епархии конца XIX века, которые указывают на несколько причин данного явления: «грамотность для девочек не считается нужной» – 32,6%, «домашние работы» – 47,8%, «промысловые занятия детей» – 10,2%, «теснота школьного помещения» – 3,3%, «дальность расстояния от школы» – 1,1%, «бедность населения» – 4,8%, «плата за обучение» – 0,2% [15, с. 87–88]. Очевидно, что главными препятствиями на пути образования оказывались «домашние работы» и отрицательное отношение населения к грамотности девочек.

Церковно-школьное управление пыталось изменить эту ситуацию. Училищный при Св. Синоде Совет нашел полезным открывать особые женские начальные школы и рекомендовал епархиальным училищным советам в 1899 г. озаботиться распространением таких школ, поручив обучение в них учительницам, введя обязательное обучение рукоделью. В результате к 1908 г. в Европейской России действовало 94 двухклассных, 2 тыс. 565 одноклассных церковно-приходских школ и 521 школа грамоты, предназначенных для обучения девочек [6, с. 39–49]. Часть женских школ открывалась при монастырях, где обучение рукоделию было организовано на высоком уровне.

Тенденция преобладания мальчиков в составе учащихся была характерна и для учительских

Таблица 1
Соотношение учащихся начальных церковных школ по полу в регионах России

Год	Европейская часть			Азиатская часть			Кавказ		
	Мужского пола	Женского пола	Всего	Мужского пола	Женского пола	Всего	Мужского пола	Женского пола	Всего
1884	78561 87%	11561 13%	90122	6974 80,5%	1691 19,5%	8665	<i>Сведений нет</i>		
1904	1207414 70%	521041 30%	1728455	63467 70,4%	26713 29,6%	90180	55121 65,5%	28822 34,5%	83943
1914	1151324 62,2%	699268 37,8%	1850592	95707 68%	45111 32%	140818	53111 60%	35370 40%	88481

школ. В 1902 г. процентное соотношение учащихся второклассных школ страны составляло 83,4% мальчиков и 16,6% девочек [2, с. 76–77]. Однако с годами во второклассных школах, как и в начальных, соотношение учившихся мальчиков и девочек менялось. В 1914 г. процент учащихся во второклассных школах девочек был самым высоким и составлял 36,1%, (мальчиков соответственно было 63,9%) [5, с. 132–135]. Среди учащихся церковно-учительских школ также преобладали мальчики. Это выясняется уже из того, что в России в конце XIX – начале XX вв. действовало 15 мужских и 7 женских церковно-учительских школ. Соотношение учащихся в разные годы составляло: в 1902 г. – 617 мальчиков и 202 девочки, в 1907 г. – соответственно 819 и 420 и в 1914 г. – 958 и 742 [5, с. 142–143; 6, с. 20]. Налицо тенденция увеличения количества девочек при незначительном количественном росте учащихся мальчиков. Подобный факт объяснялся не только возрастающим спросом на педагогическое образование среди женщин, но и закрытием или перепрофилированием (преобразование во второклассные) ряда мужских церковно-учительских школ.

Ученический состав церковных школ по количественному показателю не был постоянным. С одной стороны, происходило ежегодное увеличение числа учащихся в них, которое свидетельствовало о том, что движение в школу было сильно. Но данные о числе окончивших курс начальных православных учебных заведений показывают, что и движение из школы также выражалось в крупных цифрах. Доказательством тому являются региональные статистические сведения. Согласно исследованиям 1898 г., в церковно-приходских школах Владимирской епархии в этот год обучалось 12 тыс. 358 мальчиков и 3 тыс. 767 девочек, а выбыло до окончания курса школы 2 тыс. 377 (или 19,2%) мальчиков и 1 тыс. 120 (29,8% девочек) [15, с. 106]. В школах Костромской епархии в тот же год выбыло: из церковно-приходских школ 1 тыс. 411 мальчиков и 907 девочек, из школ грамоты – 882 и 251 соответственно, из воскресных школ – 74 и 34, из братских – 20 и 2, из образцовых школ при духовной семинарии – 8 мальчиков [9, табл. 1]. Эти показатели практически не снижались на всем протяжении развития церковных школ, касались всех её типов и были характерны и для других регионов страны.

Число выбывших по отделениям в школах всегда было различным. Наибольший процент покидавших школу приходился на второе отделение. В 1898 г. во Владимирской епархии уход до окончания курса сельских церковно-приходских школ составил во втором отделении 22,9% мальчиков и 46,7% девочек, тогда как в первом отделении – 17,2% мальчиков и 26,9% девочек, в третьем отделении – 16,5% мальчиков и 17,5% девочек [15, с. 110].

Причин выбытия детей из школ было много, главной из которой была бедность населения, выразившаяся в том, что дети не имели теплой одежды и обуви, чтобы ходить зимой в школу. Не менее значимыми были и другие причины: недостаток школ, вследствие чего ученикам приходилось ходить на значительное расстояние, которое делало посещение затруднительным, и болезнь учащихся, переход их в другую школу и нежелание учиться [15, с. 116]. Безусловно, ранний уход из школы был обусловлен несознательным отношением к грамотности родителей, которые даже в отношении мальчиков утверждали, что свидетельство об окончании школы не нужно, так как «не пойдет по семейным обстоятельствам на службу» [13, л. 9 об.]. Следовательно, экономические причины и индифферентное отношение населения к грамотности объясняли низкий уровень и слабое распространение школьного образования в стране.

В учительских школах процесс сокращения числа учащихся (правда, не в тех масштабах, что в начальных образовательных учреждениях) также наблюдался. Причин выбытия было достаточно много: «за неявку из отпуска», «по прошению», «за дурное поведение», арест полицией, по болезни и смерти, призыв на военную службу, «по домашним обстоятельствам» [12, л. 3, 11 об.].

Вследствие выбытия учащихся численность окончивших церковную школу по отношению к общему количеству на всем протяжении развития образовательной системы была небольшой. Согласно общим данным в России в 1914 г. соотношение таковых в двухклассных церковно-приходских составляло 12,1%, в одноклассных – 8,2%, во второклассных – 20,4%, в церковно-учительских – 28,4% [18, с. 6–7]. Причем в начальных школах количество мальчиков-выпускников было больше, чем девочек, а в учительских наоборот – меньше. Это факт объяснялся, во-первых, тем, что по завершении обучения в начальной школе мальчики получали льготы по отбыванию воинской повинности, а во-вторых, распространением в начале XX в. профессии учителя среди женщин.

Проведенный анализ ученического состава церковных школ позволил выявить его специфику: – градацию возрастного показателя учащихся. Незначительные отклонения при ее определенности нормативными документами наблюдались в правильно организованных начальных и учительских школах. Более серьезный разрыв был характерен для немногочисленных воскресных школ;

– практически однородную (крестьянско-мещанская) сословную принадлежность учащихся с незначительным процентом купцов, духовенства, дворян;

– наличие представителей разных национальностей и вероисповедания. Первое определяло разделение школ на три категории (русские, ино-

родческие, смешанные) и, как следствие, своеобразие в учебно-воспитательном процессе. Второе (не являясь основанием для формального разделения православных школ) свидетельствовало о лояльности представителей некоторых конфессий, а также о миссионерской деятельности Русской Православной Церкви посредством церковной школы;

– смешанный состав учащихся по полу в начальной школе и однородный (мальчики/девочки) в учительских, характерный как для церковной, так и светской образовательной системы. Тенденция преобладания мальчиков в общем числе воспитанников школ;

– количественный разрыв ученического состава на этапе поступления и окончания учебного заведения.

Библиографический список

1. Ведомость Владимирского епархиального училищного совета о церковных школах за 1906 гражданский год // Владимирские епархиальные ведомости. – 1907. – Приложение к № 20. – С. 2–8.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. – СПб.: Синодальная типография, 1905. – Приложения. – 83 с.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. – СПб.: Синодальная типография, 1909. – 352 (прил. 149) с.
4. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. – СПб.: Синодальная типография, 1910. – Приложения. – 268 с.
5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. – Петроград: Синодальная типография, 1916. – Приложения. – 144 с.
6. Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие. (1884–1909 гг.). – СПб.: Училищный Совет при Святейшем Синоде, 1909. – 686 с.
7. Красницкая Т.А. Начальное духовное образование в провинциальной России. XIX – начало XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). – Шуя: «Поли-Центр», 2006. – 182 с.
8. Матюшенский А. Второклассные церковно-приходские школы Самарской епархии (Краткая история открытия их и настоящее положение). – Самара: Типография Н. А. Жданова, 1898. – 57 с.
9. Отчет Костромского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1898 году. – Кострома, 1899. – Приложение к годовому отчету. – 32 с.
10. Отчет о церковных школах Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910/11 учебный год // Костромские епархиальные ведомости. – 1912. – Приложение к № 12–16. – 55 с.
11. Российский государственный исторический архив. – Ф. 803. – Оп. 5. – Д. 263.
12. Российский государственный исторический архив. – Ф. 803. – Оп. 11. – Д. 1972а.
13. Российский государственный исторический архив. – Ф. 803. – Оп. 16. – Д. 2238.
14. Российский государственный исторический архив. – Ф. 803. – Оп. 16. – Д. 2244.
15. Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. – Вып. III. – Владимир на Клязьме: Типо-Литография Губернской Земской Управы, 1900. – 488 с.
16. Татиев Н.Г. Исторический очерк развития церковно-школьного дела Грузинской епархии за 25 лет (1884–1909) – Тифлис: Изд-во Грузинского Епархиального Училищного Совета, 1913. – 212 с.
17. Успенский К.П. Церковные школы Ярославской епархии за 25 лет (13 июня 1884 г. – 13 июня 1909 г.). – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1909. – 162 с.
18. Церковные школы Российской империи к 1915 году. Статистические сведения. Разработаны в Статистическом Отделе при Синодальном Училищном Совете. – Петроград: Синодальная типография, 1916. – 31 с.

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В 1865–1914 ГОДАХ

Тема статьи относится к одному из аспектов социальной истории, который стал в последнее время популярным в мировой исторической науке. Одной из составляющих социальной истории является социальная политика, где важное место занимает социальное страхование. Основным инструментом социального страхования в исследуемый период являлась пенсионная касса. Она имела большое значение как в деле улучшения положения железнодорожных служащих, так и в деле воспитания профессиональных кадров и уменьшения их текучести. В статье анализируется деятельность МПС по пенсионному обеспечению своих рабочих и служащих и делается вывод о том, что первая брешь в политике невмешательства государства в отношении прав рабочих была пробита в железнодорожном ведомстве. Статья раскрывает меры, которые предпринимало МПС по поэтапному совершенствованию своего законодательства, касающегося пенсионной кассы. Большое внимание было уделено положению детей и сирот. Обязательное государственное страхование рабочих в России было введено Законом 1912 г. МПС же ввело обязательное государственное страхование еще 30 мая 1888 г. В вопросе социального страхования МПС намного опережало другие министерства и ведомства Российской империи.

Ключевые слова: пенсионная касса, социальное страхование, сберегательно-вспомогательная касса, пенсия, пособие, «Положение», «Правила».

Социальное страхование – это один из элементов государственной системы материального обеспечения, а также социального обслуживания пожилых, нетрудоспособных граждан и семей с детьми. Основным инструментом социального страхования в исследуемый период являлась пенсионная касса.

Первая пенсионная касса была учреждена в 1858 г. Обществом Варшаво-Венской и Варшаво-Бромбергской железных дорог. В середине 70-х годов XIX века кассы были открыты на 14 дорогах. «Организация этих касс отличалась крайним разнообразием. Их уставы отличались друг от друга как относительно состава участников, размера вычетов из их содержания, так и относительно условий выплаты пенсии и их размеров» [1, с. 187–218].

Некоторые железнодорожные Общества, взамен пенсионных касс, учреждали для своих служащих сберегательно-вспомогательные кассы, из которых участники, при оставлении службы, могли получить лишь единовременные пособия. МПС внесло предложение об учреждении для всех железнодорожных служащих одной общей пенсионной кассы [2, с. 7]. 30 мая 1888 г. «Общие положения о пенсионных и сберегательно-вспомогательных кассах» были приняты. Согласно этому закону на Общества всех частных железных дорог общего пользования, как открытых, так и строящихся, была возложена обязанность учреждать для своих служащих пенсионные или сберегательно-вспомогательные кассы.

Важнейшие положения Закона 30 мая 1888 г. заключаются в следующем: «Участниками касс обязательно состоят все лица обоего пола, находящиеся на постоянной службе в железнодорожном Обществе. Участникам касс и членам их семей выдавались определенные денежные пособия. Из касс сберегательно-вспомогательного типа эти пособия выдаются в виде единовременных выплат,

из касс пенсионного типа – в некоторых случаях также в виде единовременных выплат, в других же случаях – в виде пожизненных пенсий. Размер пособий определялся в зависимости от продолжительности службы участника кассы и степени его нетрудоспособности и сообразно той сумме, какая образовалась на его личном счету. При назначении пенсий, кроме того, принимался во внимание еще и возраст лица, кому назначалась пенсия, так как при этом имелось в виду то, что пенсию придется выплачивать ограниченное число лет – до смерти пенсионера» [9, с. 1165–1167].

Средства пенсионных или сберегательно-вспомогательных касс образовывались из следующих поступлений: 1) ежемесячных взносов самих участников касс в размере 6% окладного содержания и единовременных взносов из наград (10%). 2) приплат железнодорожного общества – в размере не более 1/2 ежемесячных взносов самих участников и 3) из разных поступлений: выручки от продажи невостребованных грузов и багажа; штрафных денег, взыскиваемых со служащих; очередной платы за право выставки объявлений и вывесок и за торговлю газетами и книгами на станциях и т.д. «Из пенсионных касс выдаются пенсии вдовам и сиротам участников касс и особые усиленные пенсии тем, кто нетрудоспособен» [10, с. 1167–1179].

С 1 января 1890 г. начали производить отчисления из содержания служащих в тех железнодорожных Обществах, в которых еще не были учреждены кассы того или иного типа. Это было верным решением правительства, так как еще до учреждения кассы служащий уже состоял ее участником и впоследствии это сказывалось на размере пособия или пенсии.

В связи с переходом частных дорог под управление государства, в МПС был поставлен вопрос об учреждении пенсионной кассы для служащих

казенных железных дорог. 3 июня 1894 г. «Положение о пенсионной кассе служащих на казенных железных дорогах» было утверждено, причем, согласно Временным Правилам 19 ноября 1893 г., вычеты из содержания служащих, кто подлежал включению в число участников касс, были начаты с 1 января 1894 г. 1 сентября 1894 г. было образовано Особое Управление делами пенсионной кассы при Управлении казенных железных дорог, а 2 сентября этого же года утвержден Устав кассы.

Основные положения Закона 3 июня 1894 г. заключаются в следующем: «Участие в кассе обязательно для всех служащих на казенных железных дорогах и в Управлении дорог, за исключением лишь некоторых категорий рабочих (поденных), участников эмеритальных касс и лиц старше 60 лет. Со всех участников кассы производятся ежемесячные вычеты в размере 6% получаемого ими оклада и единовременные – с получаемых наград (10%). Поступившие в кассу капиталы распределяются по личным счетам участников и их жен, а некоторые виды поступлений обязательно вносились в так называемый сиротский фонд кассы» [11, с. 2882]. По закону 3 июня 1894 г. пенсии выдаются за 15 лет службы – 1/2 оклада, за 20 лет – 3/4 оклада и за 25 лет – полный оклад. Размер пенсий зависел: 1) от содержания, которое получал служащий; 2) от продолжительности его службы; 3) от его возраста, а при вдовьих пенсиях также от возраста вдовы. Выплата участникам касс пенсий и пособий, в зависимости от числа прослуженных лет, по Закону 3 июня 1894 г. производилась так же, как и по Закону 30 мая 1888 г., о чем сказано выше.

Очень важным является то, что ранее всего брешь в политике невмешательства государства в отношении прав рабочих была пробита в железнодорожном ведомстве, где Законом 30 мая 1888 г. предписывалось обязательное учреждение пенсионных или сберегательно-вспомогательных касс на частных железных дорогах и с 3 июня 1894 г. – на казенных [5, с. 170].

При выработке как «Общих Положений» 1888 г., так и «Положения» 1894 г. признали невозможным привлечь к участию в кассах поденных рабочих, большая часть которых работала в железнодорожных мастерских, ввиду того что: 1) попытки привлечь поденных рабочих к обязательному участию в кассе вызывали их недовольство, так как они были недовольны вычетами с зарплаты [7, д. 407, л. 22] и 2) при крайнем непостоянстве службы этих лиц, участие в упомянутых кассах, дающих преимущества тем, кто прослужил большее число лет, – не предоставляло бы для них никаких выгод [3, с. 277].

1 июля 1899 г. было образовано Управление делами железнодорожного Пенсионного Комитета. Таким образом, все кассы управлялись и контролировались единым центральным органом.

2 июня 1903 г. было утверждено новое «Положение о пенсионной кассе», которое вводилось в действие с 1 января 1904 г. По новым Правилам, вместо выплат из эксплуатационных кредитов, в распоряжении кассы передан капитал в размере 10 млн. рублей, и эта сумма подлежала отчасти распределению по личным счетам старослужащих агентов и их жен, остальная же часть обращалась на образование особого фонда для производства дополнительных выплат участникам, уволенным по болезни, а равно вдовам умерших участников [13, с. 1995, 1996]. Был установлен новый порядок распределения пособий участников касс, прослуживших с участием в кассе не менее 10 лет. «До выслуги участниками 10-ти лет, приплаты на его личный счет и счет его жены не записываются. При увольнении служащего не по болезни, ему уплачивались его собственные взносы с процентами, и эти же суммы уплачивались вдове участника и его детям. В случае смерти участника кассы и независимо от тех пособий, которые будут им причитаться, должны производиться усиленные выдачи за счет приплат казны или из сумм сиротского фонда» [14, с. 1996, 1997]. Прослужившие более 10 лет получали приплаты казны, при каких бы условиях они не оставляли службу. «Выдаваемые таким образом приплаты являлись как бы вознаграждением служащему за длительную службу. Лицам, увольняемым по болезни, лишавшей их возможности работать, должны производиться усиленные выдачи» [15, с. 1996–1997]. В «Положении» 1903 г. установлено, что в случае смерти участника кассы, не проработавшего 10-ти лет, возвращать его вдове и детям поступившие в кассу его собственные взносы с процентами, которые по старому Закону 1894 г. поступали в прибыль кассы. В частности, сиротам выдается половина указанной суммы, а при отсутствии вдовы, имеющей право на другую половину, и вся сумма. Помимо всего было признано справедливым установить для сирот указанной категории единовременные выдачи, которые должны были заменить уплачиваемые, до нового Закона – из эксплуатационных кредитов казенных железных дорог. Новые нормы сиротских и детских пенсий применялись к тем участникам кассы, которые поступили на службу уже при действии нового «Положения о пенсионной кассе».

Для старослужащих агентов, поступивших на службу до 1 января 1894 г., были установлены более льготные правила капитализаций пенсий, как личных, так и вдовьих.

Итак, мы видим, что МПС проводило поэтапное совершенствование своего законодательства, касающегося пенсионной кассы. Большое внимание было уделено положению детей и сирот. «Однако действующие к 1905 г. на казенных и частных железных дорогах пенсионные и сберегательно-вспомогательные кассы, к сожалению, не успели

приобрести сочувствия широких масс служащих, главным образом, вследствие слишком незначительных размеров пенсий и единовременных пособий, назначаемых из этих касс служащим и их семьям» [6, д. 652, л.54]. Это и другие недостатки вызывали много нареканий со стороны служащих и рабочих. Оставались нерешенными вопросы лучшего обеспечения служащих, состоящих в кассе менее 10 лет и вопрос о суммах на личном счету участника, которые оставались в капитале кассы.

Новый Закон от 26 апреля 1906 г. установил: 1. Суммы, зачисленные на личный счет участника пенсионной кассы, составляют неотъемлемую собственность участника или его наследников и ни в коем случае не поступают в доход кассы, как это имело место до этого времени, согласно действующим законоположениям. 2. Этот же принцип применен и к суммам, зачисленным на счет жены участника пенсионной кассы. Это было важным решением МПС, но ради объективности следует сказать, что немалую роль в этом сыграло забастовочное движение железнодорожников в 1905 г., когда одним из главных требований стал пересмотр Уставов действующих пенсионных касс и «Положения о пенсионной кассе».

Начавшаяся Первая мировая война остановила поступательное движение МПС в сфере социальной политики, и не только МПС, но и всего государства. Приведем некоторые характерные цифры. В 1913 г. пенсионные кассы по Закону 3 июня 1894 г. действовали на 19 дорогах, пенсионные кассы по Закону 30 мая 1888 г. – на 4-х дорогах и сберегательно-вспомогательные кассы – на 3-х дорогах [4, с. 32]. На 1 января 1895 г. 44,5% служащих являлись участниками пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс. На 1 января 1905 г. 53% всех железнодорожников состояли в кассах, а в 1914 г. – 64,7%, при этом число штатных служащих и рабочих, для которых участие в кассе обязательно, составляло более 80%. Таким образом, все большее число служащих становилось участниками кассы, доверяя ей свое обеспечение по оставлению службы.

На основании Уставов большинства пенсионных касс, лица, достигшие возраста 60-ти лет, должны были быть исключены из числа участников касс. Как мы видим, чем старше служащие, тем меньше процент участников касс они дают.

В заключение скажем, что обязательное государственное страхование рабочих в России было введено Законом 1912 г. МПС же ввело обязательное государственное страхование Законом 30 мая 1888 г. Следовательно, МПС намного опередило в этом вопросе всех и к 1912 г. успело принять Закон 3 июня 1894 г. и внести ряд изменений и дополнений к нему в виде новых законодательных актов, улучшающих обеспечение своих служащих и рабочих. Закон 12 июня 1912 г., главным обра-

зом, распространялся на незначительную часть рабочих крупной фабрично-заводской промышленности, а в МПС, наоборот, меньшая часть (около 16%) служащих и рабочих не была охвачена обязательным страхованием.

Важнейшим мероприятием, не использовавшимся до 1899 г., явилась организация страхования жизни железнодорожников, которое должно было послужить улучшению материально-бытового положения железнодорожников.

Тарифы страхования в пенсионной кассе МПС были ниже, чем по России, на 10–15% [8, с. 208]. 3 мая 1899 г. было высочайше утверждено разрешение пенсионной кассе служащих на казенных железных дорогах производить операции по страхованию жизни. Согласно «Правилам» 3 мая 1899 г., право страхования было предоставлено всем служащим по постройке и эксплуатации как казенных, так и частных железных дорог. Разрешены были два вида страхования жизни: «1. *Обычное страхование капитала на случай смерти.* Застрахованный по этому принципу капитал выдается немедленно после смерти застрахованного тому лицу, которое ранее было указано самим страхователем или, при отсутствии такого указания, предъявителю полиса. 2. *Смешанное страхование жизни.* Застрахованный по этому принципу капитал выдается: а) или самому страхователю, если он доживет до им самим назначенного срока, или б) в случае смерти, до истечения срока, наследникам или предъявителю полиса. Смешанное страхование дает возможность страхователю обеспечить капитал для самого себя или, в случае своей смерти, оставить этот капитал в наследство. При смешанном страховании взносы несколько выше, чем при обычном» [12, с. 5873]. Пенсионная касса служащих казенных железных дорог, в силу Закона 3 мая 1899 г., стала прочным и надежным страховым учреждением.

Таким образом, в сфере социального страхования МПС намного опережало другие министерства и ведомства Российской империи.

Библиографический список

1. Журнал МПС 1878 г. – Т. 2. – Кн. 2. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1878. – С. 368.
2. Исторический очерк разных отраслей железнодорожного дела. Разд. XI. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1901. – С. 756.
3. Обзор деятельности МПС за десятилетие 1895–1904 гг. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1906. – С. 112.
4. Отчет Пенсионной кассы служащих на казенных железных дорогах за 1913 год. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1914. – С. 56.
5. *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. – Т. 2. – Л.: Изд. «Путь к знанию», 1924. – С.296.

6. РГИА. – Ф. 229. – Оп. 4. – Д. 652. – Л. 54.
7. РГИА. – Ф. 273. – Оп. 12. – Д. 407. – Л. 22.
8. Рихтер И. Личный состав русских железных дорог. – СПб.: Типография штаба Отдельного корпуса жандармов, 1900. – С. 36.
9. Собрание узаконений и распоряжений правительства 1888 г. – № 56. – Ст. 6–11. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1888. – С. 2858.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства 1888 г. – № 56. – Ст. 14; 34. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1888. – С. 2858.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства 1894 г. – № 133 – Ст. 4, 5. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1894. – С. 2430.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства 1899 г. – № 97. – Ст. 2–3. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1899. – С. 11790.
13. Собрание узаконений и распоряжений правительства 1903 г. – № 88. – §2, ст. 5.1, ст. 5.2. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1903. – С. 2759.
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства 1903 г. – № 88. – §1–4. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1903. – С. 2759.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства 1903 г. – № 88. – Ст. 1–4. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1903. – С. 2759.

УДК 94(560)“1876/1909”

Абидулин Алим Маратович

кандидат исторических наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
abidulinam@gmail.com

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ФОРМА ИМПЕРСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (ПОХОД ФРЕГАТА «ЭРТОГРУЛ» В ЯПОНИЮ)

Статья раскрывает один из эпизодов многосторонней внешней политики Абдул Хаида II (1876–1909) с ее сложными, подчас противоречивыми комбинациями и менявшейся ориентацией к одному формировавшемуся идеологическому направлению, построенному на традиционализме, которое, безусловно, доминировало в общественной жизни Османской империи в годы его правления.

В настоящее время дружественные визиты иностранных кораблей в порты других стран происходят очень часто, но в Османской империи XIX века они были единичными, хотя и обставлялись очень торжественно, так как должны были продемонстрировать величие Порты. Несмотря на технический прогресс, такое путешествие было сопряжено с большими трудностями, и в связи с этим особое внимание уделялось каждой детали корабля и тщательному продумыванию маршрута плавания. В статье рассматривается один из таких походов – фрегата «Эртогрул» в Японию.

Ключевые слова: Османская империя, султан Абдул Хамид II, концепция власти на Востоке, фрегат «Эртогрул», Япония.

После поражения в войне 1877–1878 гг. Османскую империю охватил глубокий кризис, и к началу 1880-х гг. практически весь османский военно-морской флот, состоявший примерно из 70 кораблей, к которым было приписано около 7 тыс. моряков и 300 офицеров, был поставлен на якорь в заливе Золотой Рог. Из-за долгого простоя многие корабли стали приходить в негодность, а личный состав с них – переводиться на другие суда. В результате команды исправных кораблей постоянно увеличивались, и в дни выдачи жалования или официальных торжеств в полном составе не могли даже собраться на корабле из-за недостатка места на палубе либо перегруза судна. Поэтому часть экипажа ждала своей очереди на берегу, проводя время в кофейнях [14, с. 97]. Старые корабли фактически не использовались, а новые не строились.

Именно в это неблагоприятное для османского флота время начались первые контакты Османской империи с Японией, которую отделяли тысячи морских миль. Первые контакты произошли в 1878 и 1881 гг., а в 1887 г. Стамбул посетил дядя японского императора Муцухито принц Коматцу

Акихито. От имени микадо он наградил султана Абдул Хаида II высшим орденом Японии – Орденом Хризантемы – и передал письмо от японского императора с заверениями почтения и дружбы [8, с. 34]. Этот визит позволил султану выступить с новой инициативой развития отношения между двумя странами. Абдул Хамид II принял решение отправить в Японию с дружественным визитом военный корабль с подарками и наградами для императора [19, с. 242].

В чем же состоял интерес султана в организации подобного визита?

Во-первых, путь корабля должен был проходить через страны, имевшие мусульманское население, среди которого можно было вести пропаганду духовной власти султана, носившего титул халифа, над всеми мусульманами. Во-вторых, Высокая Порта считала, что Япония, будучи развивающейся морской державой, могла противостоять Российской империи [2, с. 272], что в свете поражения Османской империи в войне было актуальным.

Подготовка корабля и команды для похода в Японию была возложена на великого визиря Ка-

мила Пашу [16, с. 11], который приказал морскому министру Хасану Хусни Паше заняться поиском подходящего для этой экспедиции корабля. По решению комиссии для миссии был признан пригодным трехмачтовый пароход-фрегат «Эртогрул», который был спущен на воду 19 октября 1863 г. в константинопольской судовой верфи Касим-паша. Корабль имел деревянный корпус, а паровая машина была произведена и установлена в 1864 г. в Англии [20, с. 37]. В 1865 г. вместе с кораблями «Косово» и «Худавендигар» фрегат «Эртогрул», пройдя через порты Шербур и Тулон, а также через несколько испанских портов, прибыл в Стамбул. Некоторое время фрегат стоял на якоре возле дворца Долмабахче, а позже был переведен в залив Золотой Рог. Деревянные детали корпуса судна прошли ремонт в 1886–1888 гг., но паровая машина и котлы не ремонтировались, поэтому корабль мог использоваться только в качестве учебного. После необходимых обсуждений было принято решение составить команду корабля из выпускников Военно-морского училища (Мектеб-и Фюнун Бахрие-и Шахане) для ознакомления с плаванием в морях и океанах и посещения иностранных портов, составления морских карт и сбора этнографического материала (обычаев, традиций) различных народов [15, с. 4]. Возглавить команду корабля было поручено полковнику Осман Паше, знавшему несколько иностранных языков [14, с. 100].

Маршрут плавания был составлен согласно записке Хасана Хусни Паши от 25 февраля 1889 г., состоявшей из одиннадцати пунктов [23]. Под первым пунктом значился переход в Японию, согласно которому корабль, выйдя из Стамбула в марте 1889 г., должен был зайти в Мармарис, отсюда продолжить движение до Порт-Саида и, пройдя Суэцкий канал и Красное море, идти в порт Джедда, зайти в порты Йемена, далее продолжить плавание до Бомбея или Цейлона. В порту Бомбея кораблю было необходимо дожидаться подходящей погоды для плавания под парусами и продолжить путь, заходя в порты Пондишери и Калькутты. Через Малаккский пролив корабль должен был плыть в порты Малакки и Сингапура, затем путь шел на Гонконг, японский порт Нагасаки и далее в Иокогаму. В октябре планировалось отправиться в обратный путь в Стамбул.

Интересен и седьмой пункт этого документа: во время плавания было необходимо составить карту портов, в которые заходил корабль, а также фотографировать посещенные города и страны и по возможности покупать у местных жителей фотографии их стран. Для этих целей в состав экипажа корабля был включен фотограф Бешикташлы Хайдар Эфенди. По замыслу организаторов путешествия во время стоянок корабль планировалось сделать открытым для иностранных посетителей. Кроме того, информация о подозрительных лицах,

посещавших корабль, должна была докладываться капитану, который в свою очередь передавал ее в Морское министерство. Согласно девятому пункту этого документа капитан корабля должен был телеграфировать в Морское министерство по прибытии и убытии корабля из каждого иностранного порта [23].

По причине неудовлетворительного технического состояния судна отправка корабля несколько раз откладывалась. Так, в правительственной записке от 12 апреля 1889 г., адресованной Морскому министерству, указывалось на необходимость полной проверки технического состояния судна разными специалистами, особенно тщательно, во избежание аварии, паровой машины и шлюпок. Согласно этой записке корабль должен был отправиться в путешествие на пятый день праздника Рамазан [15, с. 7].

13 апреля 1889 г. последовал ответ на эту записку из Морского министерства, где вновь подчеркивалось, что военный корабль, отправлявшийся с дружественным визитом в иностранное государство, должен быть тщательно подготовлен к долгому путешествию и технически исправен, так как, заходя в порты мусульманских стран, он будет представлять Османскую империю [13, с. 219].

Главный механик фрегата «Эртогрул», англичанин по происхождению, Херти Бей в рапорте в морское министерство выражал свое беспокойство относительно состояния паровой машины и котлов, которые долгое время не ремонтировались, и из-за этого корабль, идя под паром, вместо положенных десяти узлов мог набрать скорость не более четырех. Плавание только под парусами он считал опасным и неприемлемым для столь длительного морского перехода [7, с. 240]. Однако его рапорт не дошел до султана, а так и остался в Морском министерстве. Сам Херти Бей был переведен с «Эртогрула» на пароход, курсировавший между Стамбулом и Принцевыми островами [19, с. 244; 15, с. 11]. Но слухи о неудовлетворительном состоянии корабля все же дошли до дворца, о чем говорит записка от 3 июня 1889 г., составленная главным дворцовым секретарем Сюрреи Пашой и адресованная в Морское министерство. В ней указывается на необходимость тщательного ремонта корабля перед длительным путешествием [15, с. 12]. По многим пунктам она схожа с рапортом Херти Бея, поэтому можно предположить, что он смог напрямую обратиться с докладом во дворец. В следующей записке от 6 июня 1889 г., адресованной правительству, приказывалось подготовить корабль к длительному переходу должным образом [1].

Морское министерство поручило специалистам осмотреть судно, и, согласно их заключению, корабль был готов к длительному морскому плаванию [25]. Морской министр лично доложил сул-

тану о готовности корабля к путешествию и о его великолепном состоянии, а перевод главного судового механика с «Эртогрула» на другой пароход был представлен как необходимость составить команду корабля, представлявшего Османскую империю в портах иностранных государств, только из турецких моряков [2, с. 281]. Настойчивость Хасан Хусни Паши в вопросе отправки именно «Эртогрула» в это путешествие может быть обусловлена тем, что капитан корабля полковник Осман Бей являлся его зятем [14, с. 102] и родственные связи могли играть не последнюю роль в принятии такого решения.

Полковник Осман Бей родился в Стамбуле в 1858 г. В 1876 году он окончил Военно-морское училище и был направлен стажером на пароход «Ресма». В чине капитан-лейтенанта он был командирован в 1878 г. в Басру, а в 1881 г. – назначен помощником французского военно-морского атташе. В 1883 г. молодой офицер получил чин майора, а в 1886 г. – полковника (морского офицера, капитана 1 ранга). Накануне похода ему был присвоен придворный чин адыютанта султана [15, с. 17]. Экипаж корабля состоял из 609 человек, кроме того, было решено взять на борт оркестр из 20 человек [12, с. 43]. Капитан корабля Осман Бей должен был передать японскому императору от султана орден Нишан-и-Имтиаз.

По окончании всех подготовительных мероприятий торжественный выход корабля в плавание был назначен на 14 июля 1889 г. После торжественного поднятия флага и семикратного салюта в честь султана «Да здравствует наш падишах!» корабль начал свое путешествие в Японию [8, с. 33].

Первая неудача постигла судно в Суэцком канале 29 июля. Корабль, проходя через канал, сел кормой на мель и получил повреждения. После снятия с мели «Эртогрул» был отбуксирован к берегу, но из-за сильного ветра вновь сел на мель, получив повреждения ахтерштевня [19, с. 245]. По получении известия об этом происшествии из канцелярии султана в Морское министерство была отправлена записка, в которой капитану корабля Осман Бей предлагалось продолжить путешествие в Японию на почтовом пароходе, взяв награды и ценные подарки для японского императора, так как ремонт судна мог занять несколько месяцев [8, с. 34]. Но после доклада капитана Осман Бей о том, что ремонт корабля можно провести за короткое время в доке, находящемся в 15 милях от места аварии, поступило разрешение султана продолжить путешествие на отремонтированном корабле [2, с. 284].

Доклады о ходе ремонта корабля ежедневно телеграфировались капитаном в Морское министерство. 25 августа 1889 г. из канцелярии султана был послан запрос в Морское министерство относительно даты окончания ремонта и продолжения путешествия [19, с. 245]. Наконец 23 сентября ко-

рабль вышел из дока и продолжил свой путь. Теперь капитану было приказано телеграфировать из каждого порта о состоянии корабля. Первым портом после Суэцкого канала была Джедда, а 10 октября 1889 г. корабль прибыл в Коломбо. 21 октября капитан корабля телеграфировал о продолжении пути из Бомбея в Сингапур.

Во всех исламских странах на протяжении своего путешествия корабль был встречен местными мусульманами с большим интересом и симпатией. Корабль посетили исламские принцы Явы и Суматры [6]. Местные газеты с восторгом писали о визите османского военного корабля, принимавшего участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., под командованием адмирала Гобарт Паши (англичанина на османской службе). Корабль во время стоянок осмотрели многочисленные посетители. Особое внимание привлекала красивая форма команды. Для посетителей были открыты все помещения корабля, играл корабельный оркестр. Особенно теплые встречи корабля и экипажа были организованы жителями Бомбея, где 150 матросов и офицеров с «Эртогрула» вместе с местными жителями отправились на пятничную молитву в мечеть. Для того чтобы посетить корабль, в Бомбей прибыли мусульмане из других городов Индии: Лахора, Дели, Аллахабада, Хайдарабада. Местное население передало экипажу «Эртогрула» шесть старинных пушек с кораблей османского мореплавателя XVI века Сейида Али Реиса, совершившего путешествие в Индию. Корабли его флота, попав в сильнейший шторм, пришли в негодность, а пушки, флаги и ценные вещи с кораблей были отданы местному князю [20, с. 116].

Корреспондент бомбейской газеты «Kasd-э Bombau», выходившей на языке гуджарати, побывав на «Эртогруле», писал, что османский корабль посещают многочисленные мусульмане Бомбея, а также представители других религий. Для всех посетителей даже не хватало места, однако все были довольны. Корабль полностью открыт для посетителей, все моряки вежливы и тактичны, а некоторые из офицеров владеют английским языком. Как писал корреспондент, связь индийских мусульман с османским обществом на этом корабле более ощутима, а дружеские отношения открыты для дальнейшего развития [15, с. 46]. За неделю стоянки в Бомбее корабль посетило 150 тыс. человек. А, к примеру, во время стоянки в Коломбо на корабле побывало до 20 тыс. человек в день, одновременно на корабль заходило до 2 тыс. посетителей, многие из которых приглашали экипаж корабля посетить город и угощали фруктами, а также просили дать что-нибудь на память с корабля [20, с. 123].

Согласно телеграмме капитана Осман Бей, адресованной в Морское министерство и позднее опубликованной в стамбульских газетах, отмеча-

лось, что пропаганда идей исламского единства и братства оказалась неожиданно действенной и полезной для развития дружеских отношений с исламскими странами [18].

При выходе из порта Сингапура корабль столкнулся с новой проблемой. В сентябре южные ветра в этом регионе сменялись северными, что препятствовало дальнейшему движению корабля под парусами и требовало большого расхода угля. Поэтому выход корабля из Сингапура мог быть осуществлен, возможно, лишь в июне следующего, 1890 года. Теперь уже капитан корабля отправил запрос в Морское министерство с предложением вместе с офицерами продолжить путь в Японию на почтовых пароходах [26]. Морское министерство незамедлительно доложило об этом в канцелярию султана, однако, не получив ответа, запретило капитану покидать корабль, который в ожидании подходящей погоды для продолжения путешествия остался в Сингапуре на несколько месяцев. Местные газеты причиной долгого простоя в порту стали называть многочисленные поломки на корабле и отсутствие средств для продолжения путешествия – считалось, что корабль ожидает получение денег из Стамбула [22]. Губернатор Сингапура обратился к местным газетам с просьбой не писать неправдоподобную информацию об иностранном корабле, прибывшем с дружественным визитом [5].

15 марта 1890 г. корабль вышел из Сингапура и прибыл 16 марта на Цейлон. Выйдя из Цейлона, корабль попал в бурю и был вынужден снова вернуться в порт, и только 26 апреля 1890 года «Эртогрул» прибыл в Гонконг [19, с. 32]. Выйдя из Гонконга, корабль прибыл в Нагасаки, затем зашел в порт Кобе и прибыл в Иокогаму 7 июля 1890 года. Таким образом, все путешествие заняло 10 месяцев и три недели [12, с. 43]. Прибывший в Иокогаму османский военный корабль был тепло встречен японским населением. Японские газеты с восторгом писали о турецких моряках и офицерах [11]. Капитан корабля Осман Бей с несколькими офицерами незамедлительно отправился на прием к японскому императору в Токио. Императору были переданы награды и ценные подарки, а также письмо от османского султана [4].

8 сентября 1890 г. Осман Бей отправил из Иокогамы телеграмму в Морское министерство, где детально изложил прием у императора [17, с. 450]. Приветственные слова османского султана были зачитаны японскому императору на турецком и французском языках. Японский император выразил свою радость относительно прибытия с дружественным визитом османского корабля. Он отметил, что дружеские отношения между двумя государствами будут укрепляться и развиваться [20, с. 142]. Позднее на банкете в честь капитана корабля, к тому времени получившего чин адми-

рала, японский император вышел с врученной ему наградой султана и расспросил капитана о долгом путешествии и османском флоте [19, с. 250].

Еще будучи в Сингапуре, Осман Бей запрашивал Морское министерство относительно обратного пути следования в Стамбул. Так как время возвращения корабля совпадало с началом тайфунов, он предлагал из-за неблагоприятной погоды идти через японские и китайские порты, заходя в них в случае непогоды. Однако ему было отказано в дополнительном финансировании похода, и Морское министерство разрешило ему запросить сумму не более 5 тыс. лир, чего было недостаточно для стоянки в портах.

Во время пребывания в Японии на корабле началась эпидемия холеры. Корабль был поставлен на месяц на карантин в Нагауре. Заболело тридцать пять членов экипажа, из которых двенадцать умерло. Корабль остался в Японии еще на три месяца, но 15 сентября по решению Морского министерства, несмотря на уговоры японских моряков не выходить в море и переждать тайфуны, покинул Иокогаму и отправился в обратный путь. Капитан корабля Осман Бей не мог нарушить приказа Морского министерства [15, с. 80].

После выхода корабля из Иокогамы начался ветер, который постепенно усиливался, на море поднялось сильное волнение, и вода стала попадать внутрь корабля из-за повреждения корпуса и волн, которые были выше бортов. Вскоре вода залила и машинное отделение, чем вызвала поломку паровой машины. Корабль, фактически потерявший маневренность, идя только под парусами, был отдан стихии [19, с. 253]. Около полуночи 18 сентября 1890 года в районе населённого пункта Кусимото (префектура Вакаяма на острове Хонсю) корабль налетел на скалы и разбился [9].

В результате катастрофы погибло 526 человек, включая капитана Осман Бея и его помощника Али Бея. 69 человек было спасено местными жителями. Выжившие в катастрофе моряки были оправлены в Кобе на немецкой канонерской лодке «Вольф», на которой имелся переводчик с турецкого языка [10]. Японский император, огорчившийся известием о катастрофе «Эртогрула», выделил личных врачей для лечения спасенных моряков. Выразило свои соболезнования и министерство иностранных дел России, которое предлагало доставить спасшихся моряков на родину на российском военном корабле [21]. После лечения моряки на японских корветах «Конго» и «Хизэй» под командованием Оямы Таканосукэ в ноябре месяце были отправлены на родину [3]. В Стамбул корабли прибыли 2 декабря 1891 года и встали на якорь у дворца Долмабахче. Весь Стамбул с волнением встречал корабли. Капитаны японских кораблей Т. Танака и С. Хидека передали султану Абдул Хамиду II соболезнования, подарки и благодарственные письма от японского

императора. Султан награждал капитанов японских кораблей орденами «Меджидие».

Но все же, даже несмотря на катастрофу, поход корабля «Эртогрул» в Японию имел для султана Абдул Хаида II и для всей Османской империи большое значение в плане установления и развития дружественных связей с Японией и другими государствами, в особенности мусульманских стран, в порты которых заходил «Эртогрул». Для жителей этих государств фрегат стал символом Османской империи. Капитан корабля Осман Бей встречался с лидерами мусульманских общин в британских и французских колониях, в портах Бомбея, Сингапура, Сайгона и Гонконга. Как отмечает турецкая исследовательница Сельчук Эсенбель, местная пресса с восторгом описывала прибытие «Корабля султана» и встречу экипажа с местными жителями [7, с. 240]. Трагическое завершение миссии «Эртогрула» не только не могло снизить ее значение, но и придало ей особый резонанс как среди мусульман Восточной Азии, так и среди населения стран, в порты которых заходил турецкий фрегат.

В апреле-мае 2015 г. ракетный фрегат ВМФ Турции «Гедиз» повторил маршрут «Эртогрула» в память о походе 1889–1890 гг.

Библиографический список

1. Ваюбаканлэк Османлэ Агюиви (ВОА) (архив премьер-министра). Эrade Dahiliye (Фонд министерства внутренних дел). – 1306. – №. 88816.
2. Вьюктупрул А. Османлэ Deniz Harp Tarihi ve Cumhuriyet Donanması. Эстанбул: T.C. Deniz Basımevi. – 1983. – С. 3. – 292 p.
3. Ceride-i Bahriye (Морская газета). – 1306. – 13 Kasım.
4. Ceride-i Bahriye (Морская газета). – 1306. – 16 Haziran.
5. Ceride-i Bahriye (Морская газета). – 1305. – 2 Mart.
6. Ceride-i Bahriye (Морская газета). – 1305. – 31 Ekim.
7. Esenbel S. A «fin de siècle» Japanese Romantic in Istanbul: The Life of Yamada Torajir and His «Toruko gakan» // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. – 1996. – Vol. 59. – №. 2. – P. 237–252.
8. Enal N. II. Abdülhamid Devrinde Osmanlı Bahriyesi. Эстанбул. – 1949. (Библиотека Стамбульского университета, г. Стамбул. Неопубликованный машинописный текст).
9. Japan Daily Mail. – 1890. – 24 September.
10. Japan Daily Mail. – 1890. – 25 September.
11. Japon Daily Mail. – 1890. – 20 September.
12. Karapınar Ю. Ertuprul Юehitlerine Dikilen Son Abide // Deniz Kuvvetleri Dergisi. – 1940.
13. Lee. Hee-Soo. Эslam ve Тьrk Кьлтьгьньн Uzakdopu'ya Yayılması. – Ankara, 1991.
14. Mıercimler E. Ertuprul faciası ve 21. yüzyıla dopru Тьrk-Japon ilişkisi. – Эстанбул: Anahtar Yayınlar, 1993. – 352 p.
15. Nutki S. Ertuprul Fırkateyni Faciası. – Эстанбул: Matbaa-i Hayriye, 1327 [1911]. – 110 p.
16. Цндеро О. Ertuprul Fırkateyni: уьзньс уэл армананэ. – Эстанбул: Тьrkiye Юehitlikleri Эmar Vakfı, 1990. – 141 p.
17. Цззан А; Юахин Э. II. Abdülhamid'in hususi mektup ve telgrafları // Tarih Dergisi. – 1984. – Sayı. 34. – S. 417–474.
18. Sabah Gazetesi (Газета «Сабах»). – 1307. – 16 Cumade'l-ula.
19. Юehsuvaroplu H. Deniz Tarihimize ait Makaleler. – Эстанбул: T.C. Deniz Basımevi, 1965. – 379 p.
20. Юимсек Е. Дьнден Вьгьне Ertuprul Fırkateyni. – Эстанбул: Deniz Basımevi, 2006. – 232 p.
21. The Japan Gazette. – 1890. – 3 October.
22. Тьrkiye Deniz Агюиви (TDA) (Турецкий морской архив). Mektubu (Переписка). – Def. Nr. 606/25.
23. Тьrkiye Deniz Агюиви (TDA) (Турецкий морской архив). Юура-уэ Bahriye (Фонд совета Морского Ведомства). – Def. Nr. 342/15b-16-a, 17a.
24. Тьrkiye Deniz Агюиви (TDA) (Турецкий морской архив). Юура-уэ Bahriye (Фонд совета Морского Ведомства). – Def. Nr. 253/206.
25. Тьrkiye Deniz Агюиви (TDA) (Турецкий морской архив). Юьга-уэ Bahriye (Фонд совета Морского Ведомства). – Def. Nr. 341/1a.
26. Тьrkiye Deniz Агюиви (TDA) (Турецкий морской архив). Юьга-уэ Bahriye (Фонд совета Морского Ведомства). – Def. Nr. 331/2b.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В данной статье автор обращается к проблеме переосмысления роли великих держав в канун Первой мировой войны в контексте геополитики. Особая роль отведена сюжету несостоявшегося союза России и Германии в 1905 г. С позиции предполагавшегося союза автором статьи рассмотрен альтернативный вариант развития событий. Приведен ряд аргументов в пользу заключения данного союза. В статье также рассмотрена версия возникновения мировой войны как следствия колониальных споров. Немалую значимость, в понимании автора, представляет сюжет о Марокканском кризисе 1911 г. и роль Российской империи в его урегулировании. С этих позиций заново рассмотрена проблема балканского фактора и его влияние на политику ведущих мировых держав начала XX века. Представлена авторская позиция о значимости фактора нефти для истории XX века. В этом контексте автор исследует степень целесообразности участия России в Первой мировой войне и рассматривает механизмы её вовлечения в орбиту европейской противостояний рубежа XIX–XX веков. Отдельным сюжетом представлено авторское понимание промышленной модернизации России и связанной с ней деятельности министра финансов С.Ю. Витте.

Ключевые слова: Первая мировая война, Бьёркский договор, Агадир, убийство в Сараево, буржуазная модернизация, нефть, геополитика.

23 июля 1905 г. в Финском заливе Балтийского моря, недалеко от острова Бьёрке, встала на рейд роскошная императорская яхта дома Романовых «Полярная Звезда». Вскоре по соседству с яхтой Николая II на рейде разместились не менее роскошная яхта «Гогенцоллерн», принадлежавшая германскому кайзеру Вильгельму II. Встреча двух императоров носила исключительно дружественный и семейный характер. Однако в реальности это были секретные переговоры, инициированные германской стороной, распространять информацию о которых раньше времени Николай II не решался. Итогом «рандеву» императоров стал Русско-германский союзный договор от 11/24 июля 1905 г., способный, при условии дальнейшей ратификации, изменить ход мировой истории. А точнее, исключить из печального списка кровавых коллизий одну из самых ужасных войн человечества – войну 1914–1918 гг. Однако для осознания всей значимости Бьёркских событий необходимо совершить небольшой исторический экскурс к событиям конца XIX – начала XX вв. и рассмотреть генезис Первой мировой войны в контексте геополитики европейских держав [8, с. 136–142].

Так, основная линия противостояния в годы Первой мировой войны проходила между Германией с одной стороны и Англией-Францией с другой. Германо-французский конфликт был запрограммирован объединением Германии в 1871 году. Французские армии потерпели тогда сокрушительное поражение под Седаном. Спорные территории Эльзас и Лотарингия перешли ко Второму Рейху. Будущая война в Европе в первую очередь рассматривалась как противостояние этих двух стран. Со временем обнаружилось, что в одиночку Франция одолеть Германию не в состоянии. Французский реванш без какой-либо серьёзной поддержки со стороны был невозможен [9, с. 839–842].

У политической элиты Альбиона имелись свои взгляды на предстоящую войну, основной целью которой им виделся либо физический захват нефтеносных источников, либо, как план-минимум, обеспечение безопасных коммуникаций между Ближним Востоком и метрополией. Возможность беспрепятственно доставлять углеводородное сырьё от места добычи к потребителю начинает играть ключевую роль в стратегических играх европейских держав. На западе Европы нефти в сколько-нибудь значительных объёмах не было. На тот момент основными районами добычи нефти были Румыния, Ближний Восток и Кавказ. Ближайший путь с Ближнего Востока в Европу пролегал через Балканы и Турцию. Не забудем, что Османскую империю в то время правомерно рассматривали как германский трамплин на Ближний восток и Индию. Не менее пристально британцы следили и за строительством русской трансконтинентальной железной дороги.

Другими словами, сложившуюся ситуацию простой для Антанты назвать нельзя. Не добавляло англичанам оптимизма и строительство германского военно-морского флота, готового при случае вырвать пальму морского первенства у Великобритании. А это бы означало неминуемый крах Британской империи.

С другой стороны, причины, делавшие военный конфликт России и Германии бессмысленным, лежали на поверхности: обе страны являлись монархиями, а все монархи состояли в родстве, их связывала длительная история дипломатических отношений и плодотворное торговое партнерство. Германия специализировалась на поставке продукции машиностроения – стратегически необходимой для России. Для предотвращения войны Николаю II вовсе не обязательно было заключать союз с кайзером. Хотя именно такой союз был способен

гарантировать мир в Европе и исключить варианты агрессии третьей стороны и в отношении России, и в отношении Германии. Более того, с позиции России для предотвращения войны достаточно было просто не предпринимать никаких конкретных шагов в западном направлении. России следовало играть на противоречиях Берлина и Антанты, выжимая из ситуации максимум выгод. Ни Франция, ни Англия не могли решиться объявить Германии войну, не имея на континенте союзника с сильной сухопутной армией, готового в случае необходимости бросить своих солдат в бой.

Думается, что аргументы, вдохновившие кайзера на заключение союза с Россией, были в чём-то схожи. Целесообразность соблюдения условий Бьёркского договора видна из его содержания. Договор состоял из четырёх статей:

Статья 1. В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница её придёт ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья 3. Настоящий договор войдет в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией и останется в силе до тех пор, пока не будет денонсирован за год вперед.

Статья 4. Император всероссийский, после вступления в силу этого договора, предпримет необходимые шаги к тому, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить её присоединиться к нему в качестве союзницы.

Ключевыми в понимании мирной сути договора является первая статья, где сказано, что в случае агрессии со стороны союзница обязана прийти на помощь всеми своими морскими и сухопутными силами. На практике это бы означало следующее: если Англия/Франция нападает на Германию, то Россия вступает за своего союзника, если же Германия совершит агрессию, то Николай II вправе от войны уклониться. Учитывая, что в перспективе Германия была в состоянии задавить своих западных соседей экономически, а англо-французский альянс не решался выступить первым, войны можно было вполне избежать.

Тем не менее, если в Берлине после эйфории объединения всех германских земель и очевидных успехов в экономике настроения приняли форму трезвого расчета, в России дела обстояли иначе. Тон во внешней политике задавал не император, а министры, искренность намерений которых справедливо вызывает сомнения. Самым ярким примером является граф С.Ю. Витте – автор промышленной модернизации России рубежа веков, человек, инициировавший экспансию в Россию иностранного капитала, а также ключевая фигура

в организации иностранных займов, лишивших империю финансовой независимости и втянувших её в Антанту [7, с. 178–185]. Сыграл первую скрипку С.Ю. Витте и в срыве Бьёркских соглашений. Существенное содействие провалу русско-германского союза оказал и министр иностранных дел России граф В.Н. Ламсдорф. Отмечу, что на сближение с Англией работала целая плеяда высших сановников России. В итоге договор был аннулирован. Попытки исправить ситуацию предпринимались германским кайзером и в дальнейшем. Об этом свидетельствует новая встреча двух императоров в 1912 г. Встреча также носила частный характер и, по традиции, проходила на яхтах [11, с. 51]. Как и в предыдущий раз, встреча, увы, закончилась ничем.

В качестве примера нерешительности в развязывании англо-французским блоком войны без участия России приведу кризис в Марокко и последующие за ним выводы. Так, весной 1911 г. Франция под прикрытием восстания осуществила захват столицы Марокко – город Фес. В ответ на это Германское руководство отправило в Агадир канонерскую лодку «Пантера». В историю этот инцидент вошёл под названием «Прыжок Пантеры». Напомню, что несколькими годами ранее (1905–1906 гг.) мир уже пережил один Марокканский (Танжерский) кризис, но немцам тогда пришлось уступить. В 1911 г. ситуация возобновилась: Европа оказалась на грани новой войны. Мировая, точнее англоязычная и французская, пресса подняла невероятный шум. По мнению англичан, немцы собирались обосновать на побережье Атлантики военно-морскую базу. Хотя в Англии прекрасно понимали, что одной маленькой лодочки явно недостаточно для создания военно-морской базы и захвата страны, даже частичной. Но «Пантеру» собирались использовать в качестве повода для переноса конфликта из колониальной сферы в европейскую, а следовательно, в мировую.

В Берлине этот тезис также не подвергали сомнениям. В противном случае для закрепления на берегах Атлантики вслед за «Пантерой» должны были бы следовать караваны балкеров, нефтеналивных танкеров и прочих транспортов. Также не лишним было бы направить в Агадир и военный контингент. Проще говоря, осуществить полномасштабную кампанию по высадке германских войск на побережье. Но ничего подобного в 1911 г. со стороны Германии предпринято не было. По словам В.И. Виноградова, «Оккупация Агадира преследовала цель расколоть Антанту» [4]. Мировая истерика по поводу Агадира достигла такого состояния, что война могла начаться в любую минуту. Ключевым для французов и англичан был вопрос о том, как поведёт себя Россия. Однако, несмотря на официальную поддержку Парижа, в Петербурге объявили следующее: «Россия обратилась к Фран-

ции с просьбой проявить уступчивость и не доводить дело до войны, которая не найдет в России сочувствия, так как русское общественное мнение относится к настоящему конфликту как к колониальному спору» [4]. Иными словами – да, официально Россия на стороне союзников.

С другой стороны, становилось ясно, что Николай II приложит максимальные усилия для недопущения войны в Европе. Для воссоздания всей картины происходившего этот тезис имеет принципиальное значение, так как в случае войны мировое творческое амплуа России таило для союзников серьёзную опасность. В то время, когда кайзеровские солдаты ринулись бы на Париж, Николаю II вместо пушек оставалось бы отправить в бой команду дипломатов, выступая в роли третейского судьи, стараться разрешить конфликт мирными средствами. На этот случай Лондону необходима была страховка. Кто мог тогда (в 1911 г.) предположить, что в 1914 г., несмотря ни на что, Николай II ради спасения Франции кинет в пекло две русские армии. Тем не менее в России это посчитали «делом чести». Но в головах английских политиков начал вырисовываться новый, отвечающий английской стратегии план. В данном случае единственное, что могло обеспечить гарантированное втягивание России в пучину мировой войны, – это конфликт непосредственно между Кайзером и Николаем II. В таком случае свобода маневра, позиция третьего наблюдающего автоматически доставалась бы властителям Альбиона. Увы, англичанам это удалось в полной мере. Через три года была разыграна сербская карта. В итоге мы видим, что убийство Франца-Фердинанда, как и прыжок «Пантеры», было лишь поиском причин, поводом для столкновения. Отличие только в том, что в случае с австрийским наследником Россия вступала в войну с Германией первой, что, в свою очередь, было необходимым условием для союзников.

Весьма показательна реакция императора Австро-Венгрии, который, судя по записям его дочери Мари Валери, узнав об убийстве наследника, произнёс: «Одной заботой стало меньше» [6, с. 19]. Среди населения страны Франц-Фердинанд особой любовью также никогда не пользовался, так что траурное настроение отсутствовало. При дворе после убийства тоже «было больше довольных, чем огорчённых» [6, с. 19]. Конечно, среагировать Вена была обязана. Но не думаю, что там верно прогнозировали последствия.

Не менее интересно рассмотреть ситуацию в противоположной оптике. Зададимся вопросом: как бы повели себя Лондон и Париж, если бы немецкие войска обрушились не на Францию, а на Россию? Кинулась бы франко-английская армия на линию Зигфрида спасать восточного союзника подобно армиям Самсонова и Ранненкампа, штурмовавшим Восточную Пруссию в порядке

спасения войск союзников? Подобная версия представляется маловероятной. Предположу, что к подобным умозаключениям пришли и в Берлине. Так, Н. Стариков представил хронологию событий, предшествовавших Первой мировой войне, в том числе предоставление Лондоном негласных гарантий нейтралитета Антанты в отношении кайзера в случае, если он будет вести войну только против России [12, с. 382].

Косвенно это подтверждается воспоминаниями адмирала Райнгарда Шеера, где он ссылается на твёрдую уверенность кайзера в нейтралитете Англии в случае войны с Россией, к которой, возможно, присоединится Франция [16, с. 27]. Более ёмко подобные умозаключения со ссылкой на первый конгресс Коминтерна приводит В.Г. Трухановский: «В Лондоне хотели войны. Поэтому держали себя так, что в Берлине и Вене надеялись на нейтралитет Англии, в то время как в Париже и Петрограде твёрдо рассчитывали на её вмешательство» [14, с. 131–132].

Однако ключевым моментом в понимании генезиса Первой мировой войны является вопрос о механизмах, которые позволили «рекрутировать» политику России в пользу Антанты. Для полноценного обзора предвоенной ситуации предлагаю совершить краткий экскурс в сферу экономики.

В контексте новых перспективных военных технологий, требовавших обладания контролем над углеводородным сырьём, рассмотрим развитие нефтяной промышленности России начала XX в. Модернизация России рубежа XIX–XX веков связана с именем министра финансов С.Ю. Витте. Помимо заслуг Витте в строительстве железных дорог в его активе – золотой стандарт и открытие каналов инвестиций из-за рубежа. При поверхностном осмотре схема выглядит убедительно. На примере нефтяной промышленности это не менее заметно. Объёмы добычи нефти растут из года в год. К примеру, динамика роста суммарной стоимости продукции нефтяной промышленности в рублях за 1896–1910 гг. выглядит так: 1896 год – 74,1 миллиона, 1897 год – 74,6, 1898 год – 105,2, 1899 год – 159,4 миллиона и т.д. Пик приходится на 1907 год – 278,4 миллиона рублей [2, с. 22–25].

Динамика, конечно, впечатляет. Но важнее другое. По замыслу С.Ю. Витте, фактором бурного роста промышленности России должен был служить иностранный капитал. Нефтяная отрасль не была исключением. Заинтересованность определённых кругов Лондона в российских нефтяных «сюжетах» была очевидной.

Касаясь темы, вице-президент Международной нефтяной восточной академии, профессор Ч.А. Султанов пишет: *«Несмотря на препятствия, англичане шли вперед, захватывая все новые позиции в русском нефтяном деле. Приток британского капитала остановил лишь кризис 1900–1903 гг.*

Он положил конец первому этапу английской экспансии в русской нефтяной промышленности. К этому времени англичане владели 24 нефтепромышленными компаниями. 24 компании с капиталом 6,5 млн. фунтов стерлингов в Баку и других нефтеносных районах России – таков результат, достигнутый англичанами в эти годы» [13]. К примеру, после создания в 1901 г. совместного (Ротшильд и Нобель) концерна «Нобель – Мазут» им только в 1901 году было перевезено 43% мазута, 57% – керосина и 67% технических масел, полученных из Бакинской нефти [13].

Профессор А.И. Уткин также констатирует: «Нефтяная промышленность Кавказа контролировалась англичанами» [15, с. 26]. Мог ли Николай II проводить независимую политику, учитывая, что и в других отраслях ситуация была схожей? Ответ будет отрицательным. Добавлю, что способствовать передаче стратегически важной отрасли, от которой, без преувеличения, могли зависеть судьбы государств, в руки потенциального противника иначе как преступным недомыслием не назовёшь.

Но вернёмся к деятельности С.Ю. Витте. Не менее интересным сюжетом, чем его вклад в буржуазную модернизацию, служит эпопея таможенной войны России с Германией. Оправдание политики протекционизма дано в докладе С.Ю. Витте Николаю II и от 1899 года: «Новая промышленность не может вырасти в короткий срок. Поэтому и покровительственные пошлины должны сохраняться десятки лет для того, что бы успеть привести к положительному результату» [3, с. 173–195]. По большому счёту, доводы стандартны. Однако в реальности покровительственные пошлины обернулись лишь таможенной войной с Берлином. Конечно, заключение торговых договоров с Германией на более выгодных условиях суть благо, но на деле это вылилось в переориентацию всей европейской политики России, что имело очень далеко идущие последствия.

Таможенная война с Германией поставила в повестку дня вопрос перевооружения русской армии. Начиная с 1865 г. армия России получала образцы крупнокалиберной тяжёлой артиллерии, по праву считавшиеся в то время одними из лучших. Теперь Россия начинает импортировать образцы французские. По сути, это были первые политические шаги, предопределявшие вступление в Антанту. Тогда как в экономической сфере конечным итогом таможенной войны стало лишь снижение товарооборота между Россией и Германией. Могла ли в этих условиях политика протекционизма, практикуемая Витте, способствовать росту отечественной промышленности? Для ответа на этот вопрос необходимо осветить события, произошедшие вслед за началом Первой мировой войны.

Трудности начального периода войны 1914–1918 гг., хроническая нехватка снарядов, патронов,

да и винтовок известны и подробно описаны в литературе. Существенно более интересны выводы, которые были сделаны участниками событий по прошествии полугода после начала войны.

Так, Алексей Ардашев сетует: «В начале 1915 года под руководством великого князя Сергея Михайловича (бывшего генерального инспектора артиллерии) была создана Особая распределительная комиссия по артиллерийской части. Во второй половине марта Сергей Михайлович пришёл к выводу, что нужно покупать на западе производственные мощности – то есть сами заводы – и производить вооружение в самой России» [1, с. 28–29]. Основательность приведенных заключений налицо. Но суть состояла в том, что именно Германия являлась ведущим в мире поставщиком продукции машиностроения. Удельный вес машиностроения в Германии составлял 21,3% от мировых объёмов, и это больше чем у всех стран Антанты, вместе взятых (17,7%). Германия для России являлась основным мировым поставщиком станков, без которых создание оборонного, да и не только оборонного, комплекса было немыслимо. Начав таможенную войну с Германией, Витте во многом препятствовал созданию отечественной промышленности. Когда же случилась война настоящая, было уже поздно [10, с. 145].

Тем не менее усложнение структуры и конфигурации международных отношений, особенности модернизации российской экономики на принципах рынка и буржуазных отношений, неорганичность происходившей модернизации, наконец, особенности российского капитализма в целом – все эти реалии рубежа веков могут быть оценены адекватно и комплексно только с учётом динамики новой – нефтяной отрасли. Абстрагирование от нефтяного фактора непродуктивно и при анализе модернизации России в конце XIX – начале XX вв. и её судеб в целом.

Можно заключить, что реформаторская деятельность Витте, учитывая передачу важнейших стратегических отраслей в руки иностранного бизнеса, не являлась на тот момент совершенным вариантом реализации модернизационных проектов в России. Направленность реформ министра финансов в значительной степени предопределила выбор стороны, на которой могла оказаться Россия в случае военного конфликта в Европе. Это не означает, что единственным вариантом для России мог быть только союз с Германией. Дело в том, что политика Витте не только лишила Российскую Империю возможности маневра в выборе стратегических союзников. Хуже было то, что она исключала возможность России остаться в стороне от конфликта 1914–1918 гг. Отмечу, что вопрос целесообразности участия России в этой войне занимал умы не только видных революционеров и представителей военной элиты государства, но и простых

граждан и солдат империи. В качестве примера стоит упомянуть воспоминания А.А. Брусилова, где он описывает беседы на эту тему с рядовыми бойцами армии [5, с. 77–80].

В заключение вновь сошлёмся на слова академика РАН В.Г. Трухановского: «Английское правительство вело накануне войны хитроумную политику, которая должна была снять с него ответственность за её возникновение» [14, с.131]. С тезисом В.Г. Трухановского нельзя не согласиться. Хочется только уточнить, что политика Лондона полностью соответствовала интересам Великобритании. В данном случае это вполне оправданно и закономерно. Но главным представляется вопрос о том, чьим интересам были созвучны действия сановников Петербурга.

Библиографический список

1. *Ардашев А.* Великая окопная война. Позиционная бойня Первой мировой. – М.: Яуза, 2009. – 409 с.
2. *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала в России. – М.: Наука, 1984. – 287с.
3. Документы по истории монополистического капитализма в России. – М., 1959. – Т. VI. – С. 173–195.
4. История первой мировой войны 1914–1918 гг. / А.М. Агеев, Д.В. Вержховский, В.И. Виноградов, В.П. Глухов, Ф.С. Криницын, И.И. Ростунов, Ю.Ф. Соколов, А.А. Строков; под ред. доктора исторических наук И.И. Ростунова. – М.: Наука, 1975.
5. *КоришунOVA О.Н., Поливанов Я.М.* Исторические образы: к проблеме исторической памяти об участии России в мировых войнах // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Т. 20. – № 5. – С. 77–80.
6. *Писарев Ю.* Наши дети будут ходить по Вене // Родина. – 1993. – № 8–9. – С. 16–22.
7. *Поливанов Я.М.* Буржуазная модернизация России конца XIX – начала XX вв. в контексте геополитического анализа // Проблемы модернизации России. История и современность. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. – С. 178–185.
8. *Поливанов Я.М.* К вопросу о генезисе Первой Мировой войны в контексте геополитики европейских держав // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. матер. Всерос. науч. конф., приуроч. к 100-летию начала Первой мировой войны. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2014. – С. 136–142.
9. *Поливанов Я.М.* Нефть как конфликтогенный фактор мировых войн XX века // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 9 – С. 839–842.
10. *Поливанов Я.М.* Образы Второй мировой войны: версии и реалии. – Казань: Шаг-полиграф, 2013. – 216 с.
11. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. – М.: Международные отношения, 1991. – 399 с.
12. *Стариков Н.* 1917. Разгадка «русской» революции. – М.: Яуза, 2010. – 416 с.
13. *Султанов Ч.А.* Эпоха зарождения нефтяной промышленности Азербайджана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sultanov.azeriland.com/oil/part_01.html (дата обращения 23. 05.2015)
14. *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. – М.: ИМО, 1982. – 472 с.
15. *Уткин А.И.* Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. – 592 с.
16. *Шеер Р.* Германский флот в Первую мировую войну. – М.: Вече, 2011. – 432 с.

Воробьев Сергей Михайлович

кандидат юридических наук, доцент

Академия Федеральной службы исполнения наказаний России

sergey.vorobev.78@inbox.ru

РЕПРЕССИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ СССР

Настоящая статья посвящена характеристике репрессий военнослужащих в период развития СССР. Автор проводит научный анализ социально-политической и военной обстановки 30-х – 40-х годов XX века в СССР, способствовавшей применению государственными органами репрессий. При этом настоящая статья отражает субъективную позицию автора по данной проблематике.

Научная новизна работы заключается в проведении историко-правового исследования процедуры репрессий военнослужащих. В работе отражается новое видение процесса репрессий военнослужащих с учетом исторических данных и документов. В статье приводятся статистические данные о гибели военнослужащих при применении репрессий.

Репрессии на всю жизнь стали «черной меткой» в истории нашей страны, кардинально изменили судьбы людей и унесли миллионы человеческих жизней. Молодому поколению нужно знать эти злодеяния и помнить соотечественников, погибших в результате данных кровавых событий. Память об этих людях должна оставаться в наших сердцах, и мы никогда не должны повторять подобные ошибки наших предков.

Ключевые слова: СССР, война, репрессии, военнослужащие, военачальники, армия, государство, уничтожение.

Введение государством жесткого регулирования экономики и контроля над ней, принятие особых мер по созданию мощной военной промышленности, выпуску новых образцов танков, самолетов, артиллерии способствовали значительному росту уровня военного производства в 1939–1941 гг. Ассигнования на оборону в 1941 г. достигли 43,4% госбюджета. По оснащенности армии военной техникой страна в целом не уступала армии вермахта (к июню 1941 г. Германия сумела подчинить основную часть континентальной Европы, получив в свое распоряжение ее людские и материальные ресурсы), однако из-за ограниченности времени не удалось полностью завершить намеченное, прежде всего не было закончено перевооружение войск. Основная масса танков, самолетов и других видов боевой техники состояла из устаревших образцов. Низким оставался уровень моторизации Красной Армии, что снижало маневренность войск. Не доставало технических средств управления войсками, их оповещения и связи. Ощущалась нехватка командного состава. В мае–июне 1941 г. было призвано 800 тыс. военнообязанных, что позволило повысить укомплектованность войсковых частей [7, с. 106].

За предвоенный период численность армии выросла в 2,8 раза и достигла 5,3 млн. человек (с 1940 по май 1941 года вооруженные силы Германии выросли почти в два раза и насчитывали 7,3 млн. человек. Ее армия располагала отличным оружием, а личный состав имел немалый опыт боевых действий и навыки владения техникой) [12, с. 34–35, 129–130].

Количественный рост советских вооруженных сил вызвал необходимость в сжатые сроки обучить прибывшее пополнение методам современного боя с использованием боевой техники. При этом сам процесс носил весьма поверхностный, недостаточный характер, так как учить новобранцев было особенно и некому вследствие недостатка

квалифицированных командирских кадров. В числе действующего комсостава 7% имели высшее образование, 25% – ускоренное и 12% – не имели военного образования. Основную часть командиров (86%) составляли лица в возрасте от 25 до 35 лет, 13% – от 36 до 45 лет и лишь 1% – старше 45 лет. Большинство из них не имело достаточного боевого опыта и необходимых знаний. Прошедших практику Гражданской войны было 6%, Финской военной зимней кампании (с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г.) – 30% [5, с. 42–62].

Следует отметить, что невысокий уровень командного состава обуславливался и установившимся после революции разрывом в традициях воспитания профессиональных военных. Частично ослабляла подготовку армии и введенная в 1920-е годы смешанная система комплектования. Наряду с небольшой кадровой армией существовали и территориальные войска, в которых рядовой и часть командного состава привлекались к обучению лишь периодически (на военных сборах и т.п.). Уровень подготовки в них был намного ниже, чем в кадровых воинских подразделениях.

В 1939 г. был принят Закон о всеобщей воинской обязанности, который закрепил переход Красной Армии к кадровой системе комплектования, отменив и классовые ограничения при призыве на военную службу. К руководству округами, армиями и флотами были привлечены офицеры и генералы с боевым опытом. Высшее военное образование имели 89% – командующих войсками округов, 71% – командующих армией, 88% – начальников штабов округов и все начальники штабов армий [7, с. 107]. Однако хорошо обучить личный состав вооруженных сил владению техникой и тактике ведения современной войны армейскому командованию не удалось. Как и в Первую, так и во Вторую мировую войну немцы опередили нашу страну в подготовке к ней, для чего, как считал Сталин, нам не хватило одного-полутора лет [13, с. 260],

что привело к существенным потерям Красной Армии: в ходе советско-финской войны погибло 264 тыс. 908 человек, 5 тыс. 567 человек попали в плен (по его отбытии, после заключения перемирия с Финляндией 12 марта 1940 г., они были высланы в лагеря на Северный Урал, в Архангельскую область и Воркуту) [6, с. 453]; за два первых месяца Великой Отечественной войны наша армия потеряла 3,1 млн. человек убитыми и 3,5 млн. – попавшими в плен [11, с. 290, 433].

Острая нехватка квалифицированных военных кадров, удрученное расположение духа войск из-за провала в «незнаменитой» войне с Финляндией, катастрофой в первоначальный период Великой Отечественной войны обуславливались, в частности, недостаточно глубоким оцениванием Наркоматом обороны и Генеральным штабом оперативно-стратегического положения, в том числе создававшегося на границах страны [7, с. 107–109]. Однако основным фактором, отрицательно сказавшимся на боеготовности армии и моральном состоянии личного состава, являлись массовые репрессии военных, руководящих кадров в промышленности (инженеров, конструкторов вооружений, директоров оборонных предприятий), начавшиеся в 1937 г.

Необходимо отметить, что репрессии в отношении военных кадров осуществлялись в обстановке идущей с начала 1930-х годов чистки рядов ВКП(б) от всяких сомнительных и чуждых элементов, представлявших угрозу установившемуся режиму: политических оппонентов, партийно-управленческого слоя, региональной партноменклатуры, членов партии с революционным прошлым, придерживавшихся традиций большевизма – коллективное однопартийное руководство страной, ориентированное на мировую революцию (фактически означавшее поддержание линии и позиции Ленина-Троцкого), сохранение незыблемости классовых основ Республики Советов, диктатуры пролетариата, то есть тех, кто выражал несогласие с проводимыми политикой и реформами по укреплению государственного устройства – отстранение партии от единовластных позиций и введение демократических (на альтернативной, состязательной основе) партийных и советских выборов, разделение законодательной и исполнительной ветвей власти, в чем Сталин потерпел поражение во время принятия Конституции 1936 г.

Вследствие чисток ВКП(б) однопартийный режим правления превращался в режим одноаппаратный, когда выработка и принятие решений все более концентрировались у небольшой части ближайшего окружения Сталина. К 1937 г. стало складываться явление, позже получившее определение «культ личности».

Высший армейский корпус военачальников, особенно в возможном сговоре с правой оппозицией, представлял для Сталина первостепенную опас-

ность в осуществлении его политических реформ. Эта группа военных в силу своей многочисленности, организованности и опоры на войска в случае противостояния режиму была бы им не управляемой. НКВД, в отличие от армии, являл собой организацию, не имевшую опоры ни в массах, ни в каких-либо социально-профессиональных группах, поэтому с его помощью и производилась расправа с руководством армии и другими военными.

Органами НКВД, при личном участии наркома внутренних дел Н.И. Ежова, было сфабриковано дело об антисоветской деятельности заместителя наркома обороны маршала СССР М.Н. Тухачевского и иных военачальников, выражавшейся в создании военно-троцкистской организации в целях осуществления заговора против существующего режима власти и устранения Сталина и его окружения, а также в шпионаже в пользу Германии.

11 мая 1937 г. в центральной прессе, в частности в газете «Правда», сообщалось о смещении с занимаемого поста заместителя наркома обороны Тухачевского и о перемещении на другие должности ряда командующих военными округами. Кроме того, извещалось о создании военных советов при округах и воссоздании во всех войсковых частях от полка и выше и в учреждениях НКО института военных комиссаров, упраздненного в 1934 г., в результате чего над командным составом армии устанавливался жесткий партийный контроль. 11 июня 1937 г. за предательство и шпионаж были приговорены к смертной казни М.Н. Тухачевский, командующие военными округами И.П. Уборевич, И.Э. Якир, а также военачальники: А.И. Корк, В.М. Примаков, В.К. Путна, Р.П. Эйдеман. После этого начались массовые чистки в среде военных.

В опубликованной Справке Комиссии Президиума ЦК КПСС от 26 июля 1964 г. «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами т.т. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене родине, терроре и военном заговоре», подписанной председателем Комиссии Н. Шверником и ее членами – А. Шелепиным, З. Сердюком, Н. Мионовым, Р. Руденко и В. Семичастным, полностью оправдываются все осужденные. В данной Справке, над которой, по заданию Н. Хрущева, работали несколько лет специалисты – эксперты ЦК КПСС, КГБ СССР, сказано, что в архивных материалах НКВД и НКО СССР нет точных статистических данных о числе арестованных военнослужащих за 1937–1938 гг. Но по некоторым документам, подчеркивалось Комиссией, можно определить размах репрессий в отношении военных.

Так, в Справке Управления кадров РККА от 19 сентября 1938 г. указывалось, что число уволенных из армии офицеров в 1937–1938 гг. составило 36 тыс. 761 человек, на флоте – более 3 тыс. В другом документе – Справке-докладе о накоплении ко-

мандных кадров РККА от 21 марта 1940 г. сообщалось, что за 1937–1938 гг. в связи с чисткой армии было арестовано, исключено из партии, а значит, и выбыло из РККА 35 тыс. человек, в том числе 5 тыс. – из политсостава [2, с. 3–81].

Качественный состав репрессированных военачальников отражают следующие данные О.Ф. Сувенирова, содержащиеся в его монографии, одной из фундаментальных в сталиниаде: 3 маршала Советского Союза, 5 командармов 1-го ранга, 1 армейский комиссар 1-го ранга, 10 командармов 2-го ранга, 5 флагманов флота 1-го и 2-го ранга, 63 комкора, 30 корпусных комиссаров, 51 комдив, 13 флагманов 1-го и 2-го ранга, 86 дивизионных комиссаров, 20 дивизионных интендантов, 12 дивизионных юристов, 243 комбрига, 143 бригадных комиссара, 28 бригадженеров, 19 бригад интендантов, 20 бригаденюристов, 19 капитанов 1-го ранга, 318 полковников, 163 полковых комиссара, 23 военинженера 1-го ранга, 28 интендантов 1-го ранга [10, с. 212–213].

В соответствии с приведенной Справкой УК РККА общие потери в результате массовых чисток военных составили от 35 тыс. до 36 тыс. 761 человека, плюс более 3 тыс. в Военно-морском флоте. Итого – около 40 тыс. В этой общей цифре не все подпадают под определение «репрессии», поскольку немало офицеров было уволено из армии или выбыли сами (по причине возраста, болезней, семейным обстоятельствам и др.), но этих данных в статистике тоже нет.

На заседании Военного совета при Народном комиссариате обороны (НКО) СССР от 28 ноября 1938 г., как отмечается в Справке комиссии Шверника, нарком К.Е. Ворошилов доложил: чистка в армии «проведена радикальная и всесторонняя с самых верхов и кончая низами. За все время мы вычистили более 40 тысяч человек». К ноябрю этого года из 108 членов Военного совета при НКО СССР сохранилось от прежнего состава 10 человек.

По данным ведущего американского военного историка Дэвида Гланца, основанным на архивах Верховного Суда СССР и военных трибуналов, общее число репрессированных в Красной Армии с 1937 по 1941 год составляло 54 тыс. 417 человек [4, с. 60].

В июне 1941 г., за две недели до начала войны, были арестованы и подвергнуты пыткам начальник Военно-Воздушных Сил СССР Я.В. Смушкевич, начальник Главного управления ВВС П.В. Рычагов и другие руководители этого рода войск РККА, которые без суда, по предписанию Л. Берии, были расстреляны. Следствием этого все управление ВВС было дезорганизовано, что привело, в частности, к огромным потерям в самолетах в первые дни военных действий.

Так, из-за подозрения в стремлении к политической власти полтора десятка высших командиров РККА были уничтожены десятки тысяч военных,

которые в 1941 г. должны и могли профессионально воевать с гитлеровцами. Вместо этого лучший кадровый состав был расстрелян, погиб на допросах или загублен в лагерях и тюрьмах, за что в 1941–1942 гг. страна заплатила миллионами погибших.

Из анализа материалов следствия Комиссией Шверника сделан вывод о том, что обвинения военачальников в совершении государственных преступлений являются ложными, базирующимися лишь на противоречивых «признательных» показаниях арестованных, навязанных им работниками НКВД преступными методами дознания. При этом в справке Комиссии приводятся следующие примеры.

В письменных показаниях бывших руководителей Лефортовской тюрьмы (Зимин, Харьковец) говорится, что применение физического насилия при допросах заключенных началось при Ежове, лично подававшем пример следователям. Оно «узаконилось» и стало широко практиковаться при Берии (нарком внутренних дел с 19 ноября 1938 г.).

Сотрудником Особого отдела НКВД по Забайкальскому военному округу Зиновьевым в письме на имя заместителя наркома внутренних дел Берии от 28 июня 1938 г. говорилось, что около семи месяцев тому назад у них в отделе была привита «практика – теория, бить можно кого угодно и как угодно». Вследствие этого большинство арестованных по военно-троцкистскому заговору подвергались при допросах избиению, посадке на кол, приседанию, стойке в согнутом положении головой под стол. Такие методы допроса, по его мнению, способствуют даче арестованными ложных показаний и клевете на честных людей. Автор данного письма был арестован и в 1939 г. расстрелян.

Бывший командующий Северным флотом К.И. Душенов, арестованный 23 мая 1939 г., в заявлении председателю Совнаркома В.М. Молотову писал, что к нему 22 часа применяли жестокое физическое насилие, в связи с чем он в бессознательном состоянии из-за внутреннего кровоизлияния написал под диктовку следствия ложное показание о своем участии в заговоре и предательстве. Через 5 дней таких же методов им был подписан заранее составленный чекистами протокол, в котором указывалось более 30 командиров, якобы его сообщников, арестованных после этого. Далее в заявлении отмечается, что он «не враг народа, не заговорщик, не вредитель и не террорист», а являлся бывшим рабочим, старым матросом крейсера «Аврора», секретарем судового комитета в Октябрьские дни, участником взятия Зимнего дворца. Как крик души, исходящий из сердца, он просил: «...не можете ли сделать так, чтобы меня не били... прошу меня расстрелять, но не бить». В справке указано, что в феврале 1940 г. он был расстрелян.

После осуждения «врагов народа» репрессиям подвергались их родственники – жены, дети и родители, испытывая при этом унижение и страда-

ния. Например, после расстрела бывшего командующего Западного военного округа Д.П. Павлова в июле 1941 г. его жену, лишив всех прав, сослали в заштатный городок Сибири и определили на работу ассенизатором [6, с. 399].

Массовые репрессии военных продолжались вплоть до октября 1941 г.

В своих планах нападения на СССР Гитлер придавал массовым репрессиям командных кадров РККА особое значение, считая, что первоклассный состав ее высших военных кадров истреблен в 1937 г., в связи с чем необходимых умов в подрастающей смене военных в Советской армии не было [8, с. 414].

Длившаяся 104 дня война СССР с Финляндией, ставшая провальной для Красной Армии, осознание Сталиным катастрофических последствий массовых репрессий военных и руководящих кадров в оборонной промышленности, несостоятельность оставшегося руководства РККА заставили его вернуться к многим наработкам времен, когда большое влияние на развитие вооруженных сил страны оказывала деятельность М.Н. Тухачевского и других военачальников. До 1937 г. наша армия превосходила вермахт в количественном и качественном отношениях. Многие идеи расстрелянных маршала и его соратников, сыгравшие главную роль в реорганизации армии, были возрождены уже во время Великой Отечественной войны, в частности формирование крупных соединений в бронетанковых войсках (механизированных корпусов) и авиации, выпуск прогрессивных видов вооружения.

Насколько убедительными были те репрессивные акции, свидетельствует хотя бы тот факт, что накануне войны и в ходе ее более четверти общего числа репрессированных (12 тыс. 461 чел.) были реабилитированы, возвращены в армию и активно участвовали в войне [7, с. 108]. Без широкой огласки были освобождены в 1939–1941 гг. из лагерей и некоторые генералы, в частности К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов (большая же часть генералитета расстреляна в ходе войны), а также нарком вооружения Б.Л. Ванников (для доработки конструкций автоматического оружия, восстановления производства минометов), заместитель наркома вооружения В.П. Баландин (для руководства двигателестроением).

Ликвидация упущений в военном деле и руководстве оборонной промышленности способствовала успешному продолжению войны с фашистской Германией.

В воспоминаниях бывшего начальника 5-го Иностранного отдела (внешняя разведка) Главного управления госбезопасности НКВД СССР генерал-лейтенанта П.М. Фитина отмечается, что в 30-е годы в разведорганах сложилась обстановка недоверия и подозрительности к сотрудникам, главным образом из числа руководящего состава, не только

центрального аппарата, но и резидентур за кордоном. Их обвиняли в измене Родине и подвергали репрессиям. В течение 1938 и 1939 гг. почти все резиденты были отозваны в Москву и многие из них расстреляны [3, с. 18].

Политбюро ЦК ВКП (б) в 1938 г. приняло решение «Об улучшении работы Иностранного отдела НКВД», в котором было сформулировано положение о засоренности разведывательных кадров «врагами народа» (людьми, испытывающими на себе влияние Троцкого). В приводимых сведениях ведущего эксперта Кабинета истории внешней разведки В.С. Антонова число погибших профессиональных работников разведорганов в Центре и закордонной резидентуре составляет более 20 тыс. человек. В течение нескольких месяцев (127 дней в 1938 г.) резидентуры вообще не работали по причине их отсутствия [1, с. 5].

Трагедию уничтожения «людей со своим собственным мнением, людей, которые не боялись его высказать, наиболее эффективных людей, цвет нации нами до сих пор ощущается на себе», – говорил В.В. Путин 30 октября 2007 г. на месте массового расстрела людей на бывшем полигоне НКВД в московском районе Бутово (здесь только с августа 1937-го по октябрь 1938 года было расстреляно 20 тыс. 765 человек). «Многое нужно сделать для того, чтобы это никогда не забывалось» [7].

Библиографический список

1. Антонов В.С. Реаниматор внешней разведки // Независимое военное обозрение. – 2007. – 28 дек.; 2008. – 17 янв. – С. 5.
2. Воспоминания начальника внешней разведки П.М. Фитина // Очерки истории Российской внешней разведки. – М., 1999. – Т. 4. – С. 17–26.
3. Гланц Д. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году: пер. с англ. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 544 с.
4. Дело о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 4. – С. 42–62.
5. Кузнецовский В.Д. Сталин. «Посредственность», изменившая мир. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 640 с.
6. Кузьмин В. Владимир Путин посетил Бутовский полигон, где похоронены жертвы массовых расстрелов // Российская газета. – 2007. – 31 окт.
7. Махалов В. Просчеты и обретения // Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. – М., 1995. – Т. 1. – С. 104–117.
8. Медведев Р.А. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. – Нью-Йорк, 1974. – 895 с.
9. Справка Комиссии Президиума ЦК КПСС от 26 июля 1964 года «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами т.т. Тухачевскому, Уборевичу, Якиру и другим военным деятелям, в измене Родине, тер-

поре и военном заговоре» // Военно-исторический архив. – 1998. – Вып. 2. – С. 3–81.

10. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. – М.: ТЕРРА, 2009. – 298 с.

11. Уткин А.И. Русские во Второй мировой

войне. – М.: Алгоритм, 2007. – 1024 с.

12. Шефов Н.А. Вторая мировая. 1939–1945. История великой войны. – М.: Вече, 2010. – 408 с.

13. Яковлев А.С. Цель жизни (записки авиаконструктора). – М.: Политиздат, 1973. – 608 с.

УДК 94(430)“1945/1952”

Добровольский Евгений Сергеевич
Череповецкий государственный университет
jekeedee@mail.ru

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ (ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)

Ранний период истории Христианско-демократического союза (ХДС), самой крупной партии Германии всегда привлекал внимание немецких историков. Особенный интерес представляет период 1945–1952 гг. – время разделения союза, символического, если учесть судьбу самой послевоенной Германии. В 1949 г. появилось два независимых друг от друга союза: ХДС – ФРГ, ХДС – ГДР. Так как самая первая организация ХДС возникла в Берлине, то многие исследователи занимались проблемой становления именно восточногерманского ХДС.

Немецкую историографию ранней истории ХДС можно разделить на три группы. Основанием для подобного группирования являются глобальные политические изменения на карте Европы во второй половине XX в., формирующие определенную историографическую ситуацию.

Первая группа – историография ГДР. Исследователей, основывавшихся на марксистско-ленинском подходе, мало интересовал ХДС. Союз считался буржуазной реакционной силой крупного капитала, не заслуживающей научного осмысления.

Вторая группа – историография ФРГ. Историки Западной Германии уделяли особый интерес развитию ХДС ФРГ и ГДР. Исследователи анализировали целый комплекс проблем ранней истории союза: от политической ситуации в СЗО до биографий основных функционеров союза. Большинство историков ФРГ пытались дать оценку деятельности союза, основываясь на неприятии социалистического выбора ХДС.

Третья группа – современная немецкая историография. В связи с открытием немецких архивов, начиная с 1990 г. в немецкой историографии постепенно начинает увеличиваться объем опубликованных работ по истории ХДС. Стали появляться объемные работы, посвященные всем аспектам деятельности ХДС в СЗО/ГДР. Как правило, такие труды подкреплены обширным документальным материалом, чего не было ранее.

Ключевые слова: Христианская демократия, советская зона оккупации, Германская Демократическая Республика, немецкая историография, монографии.

Формирование партийно-политической системы Восточной Германии/ГДР было обусловлено рядом как внутренних, характерных для советской зоны оккупации факторов, так и внешних – началом холодной войны, где одной из главных причин стала германская проблема. Христианско-демократический союз (ХДС) принадлежал к новым партиям и не повторял католическую партию Центра. Поэтому организационное становление союза заняло определенное время, на что указывали в своих работах немецкие историки.

В научной литературе осмысление процесса становления и ранней партийно-политической деятельности восточногерманского ХДС происходило на протяжении всего послевоенного времени. Не окончено оно и сегодня. Ряд вопросов так и не получил должного освещения в трудах немецких исследователей. Традиционно всю имеющуюся литературу по данному вопросу можно условно разделить на три группы: историография ГДР, историография ФРГ и современная немецкая историография. Это деление обусловлено широтой и доступностью вовлечения в исследовательскую сферу новых источников, а также разностью под-

ходов и интересуемой проблематикой ранней истории ХДС.

В отечественной германистике работ, посвященных немецкой историографии ХДС, не так много. Отчасти данная проблема освещена в новой монографии доктора исторических наук Б.В. Петелина «Ранняя история ХДС: Аденауэр – Кайзер – Нушке» [3, с. 10–16].

Первые труды по истории союза стали появляться в конце 50-х гг. XX в. Исследователи из ГДР мало уделяли внимания становлению ХДС, так как союз считался буржуазной реакционной силой крупного капитала, не заслуживающей научного освещения. Тем не менее необходимо отметить фундаментальный труд видного историка ГДР Герберта Берча «ХДС/ХСС без маски» [2], в котором подробным образом в марксистском ключе рассмотрена история и деятельность политических партий ФРГ. Книга была написана в атмосфере «холодной войны», поэтому страдает излишней конфронтационностью. По мнению автора, К. Аденауэр – лидер ХДС ФРГ – являлся ставленником монополистической буржуазии, поэтому все действия его правительства, как и ХДС, Берч считает антинародными.

Также в марксистско-ленинском ключе писали историки СЕПГ, освещавшие разные аспекты в истории ХДС. Особенно показательны труды Х. Теллера и В. Хайнриха [29; 13], которые негативно, с коммунистической точки зрения трактуют деятельность восточного бюро Христианско-демократического союза.

Среди исследователей ФРГ 1970-х гг., писавших в марксистском ключе, наиболее полно деятельность ГДР рассматривал историк Ганс Адамо. В своем монографическом исследовании «ХДС/ХСС: сущность и политика» [1] автор показал особенности развития блока партий ХДС/ХСС в разные периоды его существования. По мнению историка, важнейшей проблемой для ХДС/ХСС являлась преемственность внутренней и внешней политики, которая в конечном итоге должна была привести к созданию единого немецкого государства и союза.

Среди буржуазных историков ФРГ интерес к СЗО был очень широк. Об этом свидетельствует большое количество работ разного характера: от монографий до мемуаров. Историки и политические деятели пытались изучить политическую ситуацию в Восточной Германии/ГДР, осмысливая произошедшие события. Симпатизировавшие ХДС западных зон оккупации историки, анализируя внутривластную атмосферу ХДС Восточной Германии, пытались понять, почему союз в дальнейшем пошел по пути строительства социализма, почему принял постулаты КПГ/СЕПГ. Отсюда большое количество мнений, тенденций и теорий. В большинстве своем немецкие историки пытались дать оценку деятельности союза, основываясь на неприятии социалистического выбора ХДС в ГДР. Поэтому часто выводы были поверхностные и негативные.

Историографию ФРГ отличает от трудов современной Германии тот факт, что не предпринимались масштабные труды по истории ХДС СЗО в целом. Основной акцент историки делали на частных эпизодах деятельности союза: реформы, важные события деятельности партии, жизнь политических деятелей, антагонизмы и разногласия в союзе, кризисы и перестановки, отношения с другими партиями.

Одним из первых дискуссионных аспектов в истории СЗО является происхождение приказа СВАГ №2 от 10 июня 1945 г., в соответствии с которым разрешалась деятельность политических партий на территории Восточной Германии. В отличие от СЗО в западных зонах оккупации Германии существовал политический карантин, запрещавший деятельность всяческих партий и ослабевший только к концу 1945 г. Этот факт подчеркивает немецкий историк Э. Крауткэрмер: «Насколько сильно партийно-политическая жизнь отставала в западных зонах от восточного обра-

ца, свидетельствует тот факт, что в то время, когда Кёльнская организация ХДС еще только ходатайствовала перед оккупационными властями этих зон о разрешении своей деятельности, в восточной зоне насчитывалось уже 348 местных организаций этой партии» [17, s. 76].

На поспешность приказа №2 указывает коллектив авторов во главе с П. Эрлером [8, s. 120–123]. В изданном под его редакцией сборнике документов излагается точка зрения о том, что данная советская инициатива оказалась внезапной не только для немецких коммунистов, но также и для советских офицеров зоны.

Первым масштабным трудом по периоду оккупационной политики в Восточной Германии является монография Рихарда Лукаса «Десять лет советской оккупационной зоны» [21]. Автор исследует политические, экономические, культурные и правовые аспекты политики СВАГ, СКК, СЕПГ, других партий в Восточной Германии. Небольшое внимание историк уделяет ХДС, особо рассматривая председательство Кайзера и Нушке. Партийное собрание сентября 1948 г. и назначение Отто Нушке председателем союза Лукас считает судьбоносным и переломным в ранней истории ХДС.

Проблемами партии занимался сын одного из первых председателей ХДС Андреаса Гермеса Петер Гермес [14]. Его монография посвящена вопросу проведения земельной реформы и, как следствие, снятия с поста председателей своего отца и Вальтера Шрайбера. По мнению автора, первый кризис христианской демократии произошел в недемократических условиях, так как народ, рядовые члены ХДС не участвовали в процессе отставки политиков, которые справедливо выступили против земельной и школьной реформ. Историк задается вопросом: осталась ли после кризиса «верная демократия» как в союзе, так и в Восточной Германии, или начинается постепенная унификация ХДС с КПГ и СДПГ?

Биография Якоба Кайзера – второго председателя союза – была подготовлена в коллективной монографии В. Конце, Е. Костхорста и Е. Небген «Якоб Кайзер. Политик между востоком и западом» [7]. Авторы на обширном документальном материале представляют политика человеком, способным соединить в себе две разные, но идеологически родственные партии – ХДС Западной Германии и ХДС Восточной Германии. Именно при Кайзере был возможен «мост между двумя частями Германии», «мост между коммунизмом и капитализмом» в форме христианского социализма, идеологом которого и являлся Кайзер. Исследователи отмечают закономерность того, что Кайзер остался «без страны» («ohne Land»), при этом организовав «ХДС в изгнании» в Западном Берлине для сопротивления коммунизму. В этой работе впервые были использованы ранее секретные архивы из города Кобленц.

Появляются первые работы мемуарного характера видных функционеров ХДС. В частности, можно выделить мемуары одного из основателей ХДС в Берлине Иоганна Баптиста Градля. В своей монографии «Начало под советской звездой: ХДС в СЗО в 1945–1949 гг.» [12] политик останавливается на ключевых моментах деятельности союза: земельная реформа, отставка Гермеса, план Маршалла, политика блока, Народный конгресс, разногласия в союзе по поводу сотрудничества с СЕПГ. Автор в своих воспоминаниях акцентировал внимание на отставке Гермеса, назвав это «первым тяжелым конфликтом». В целом мемуары И.Б. Градля дополняют биографию Я. Кайзера.

Мемуары председателя ХДС в 1946–1947 гг. Эрнста Леммера [20] об истории немецкой демократии в СЗО являются важными в исследовании вопроса. Политик описывает свои взаимоотношения с полковником Тюльпановым, коллегами по партии Дертингером, Нушке и Кайзером. По мнению политика, СВАГ и НКВД сыграли негативную роль в истории как всей зоны оккупации, так и ХДС. При этом автор положительно оценивает деятельность «ХДС в изгнании», образованную Кайзером.

В 1973 г. вышла монография Роберта Фуртака [11], в которой историк считает ХДС СЗО не чем иным, как «партией меньшинства», которая бы и вовсе не потребовала власти в зоне. Таким образом, Фуртак, недооценивая значения ХДС в 1948–1952 гг., сводит союз до ранга второстепенной силы в СЗО, а позже ГДР. Иного взгляда придерживается в своей монографии Карл Вильгельм Фрике [10] об оппозиции и сопротивлении в ГДР. Автор довольно осознанно изображает ХДС СЗО/ГДР в рядах антикоммунистического, демократического сопротивления, ставя союз в один ряд с партией власти – СЕПГ.

Информация о работе восточных бюро партий КПП, СДПГ, ХДС, ЛДПГ находится в диссертации Вольфганга Бушфорта [6]. Хотя исследование отражает общие условия деятельности союза и ограничивается образованием и первыми годами партийной деятельности, в нем есть многочисленные сравнения ранней истории восточногерманского ХДС с историей западногерманского ХДС.

Отношения ХДС с Либерально-демократической партией Германии представлены в монографии Эккехарта Криппендорфа [18]. Сам труд посвящен ЛДПГ, ее образованию, структуре и политике, тем не менее в нем приводятся фрагменты взаимоотношений двух партий в антифашистском блоке и дальнейшее размежевание не только с ХДС, но и с СЕПГ. Кроме того, Криппендорф анализирует статистические данные выборов в СЗО в сравнении всех политических сил Восточной Германии. Монография историка – один из основных трудов по истории ЛДПГ в 1945–1948 гг. (В нашей стране история этой партии остается малоизученной.)

Последним обобщающим исследованием, созданным до открытия архивов СЕПГ, стала «Энциклопедия СЗО» [28]. Этот сборник вышел в свет под редакцией М. Браната и Г. Вебера и представляет собой компиляцию десятилетнего исторического исследования по истории СЗО/ГДР. Вместе с тем эта работа отличается определенной неточностью и неполнотой данных, восполняемой критическим анализом информации. В этом же труде историком З. Зукутом был подчеркнут оппозиционный характер ХДС, проявившийся вскоре после проведения земельной реформы в СЗО Германии в 1945 г., политике партийных блоков (июль 1947 г.) и Народном конгрессе (конец 1947 г.). Наряду с этим, «Энциклопедия СЗО» является ценным источником информации, что признается и сегодня.

Таким образом, до объединения Германии в работах немецких историков из ФРГ и ГДР видна конфронтационность взглядов. Единой точки зрения на раннюю историю ХДС, лишенную влияния политической и идеологической конъюнктуры, так и не выработалось.

В 1989–1990 гг. в связи с политическими изменениями в ГДР и ФРГ и объединением Германии упрощается доступ в архивы и усиливается интерес к ХДС. Исследователи получили доступ во все основные фонды Христианско-демократического союза, особенно в Архив Христианско-демократической политики фонда имени Конрада Аденауэра, расположенного в Санкт-Августине. Кроме того, исследователи смогли работать с материалами по деятельности ХДС, находящимися также в фондах и архивах других партий (Фонд Ханнса Зайделя ХСС), в актах Министерства госбезопасности, в архивах массовых организаций, в частных документах, в федеральном архиве в Кобленце (фонд Якоба Кайзера).

Поэтому начиная с 1990 г. в немецкой историографии постепенно начинает увеличиваться количество работ по истории ХДС. Стали появляться объемные труды, посвященные всем аспектам деятельности ХДС в СЗО/ГДР в 1945–1953 гг. Как правило, такие исследования подкреплены обширным документальным материалом из недавно открытых немецких архивов. Особенно стоит отметить работы историков Манфреда Вильде, Михаэля Рихтера и Ральфа Томаса Бауса.

К 1990 г. в истории ХДС СЗО/ГДР, тем не менее, существуют значительные пробелы. Малоизученным оставался вопрос учредительной истории ХДС в Берлине и в землях Восточной Германии. Работа Манфреда Вильде [30] о ХДС в СЗО в 1945–1947 гг. заполнила некоторые исследовательские пробелы. С одной стороны, Вильде концентрировался на центральном бюро ХДСГ в Берлине, с другой стороны, он отказывался использовать источники из архивов ГДР, считая эти материалы слишком идеологизированными. Главная заслуга историка

заключается в подробности освещения организационного основания ХДС в 1945 г. в Берлине.

Признанный знаток восточногерманского ХДС Михаэль Рихтер представил новаторское исследование с подзаголовком «Между сопротивлением и унификацией» [25]. Результаты этой монографии рассматриваются как открывающие перспективы для дальнейшего исследования. Рихтер достиг поставленных целей на основе уже открытых источников, поэтому архивы бывшей ГДР он использовать еще не мог.

До появления исследования Рихтера существовало мнение, что борьба за существование демократических партий в СЗО закончилась к 1947 году. Их судьба после этого года была двоякой: либо приспособление, либо унификация. То, что это касалось также уровня земельных и районных союзов, Рихтер представил подробно. Исследуемый автором период был обозначен постепенным политическим параличом ХДС и подчинением СВАГ и СЕПГ. По мнению Рихтера, в конце этого развития «ХДС лишился своего идеологического зерна», лидеры христианской партии постепенно переходили на марксистско-ленинские позиции.

В свою очередь работа Ральфа Томаса Бауса [5] была посвящена становлению, программе и политике ХДС в 1945–1948 гг. Таким образом, историк занялся периодом и вопросами, не затронутыми Рихтером. Многочисленные таблицы и диаграммы дополняют подробное и богатое фактами описание становления и первичной деятельности ХДС. Баус выдвигает точку зрения на то, что унификация восточного ХДС началась не с отставки Я. Кайзера, а с принуждения к совместной работе в партийном блоке, то есть сразу после образования союза. Единственный минус этой работы в том, что не был изучен важный период истории восточногерманского ХДС – взаимоотношения со своим западным собратом.

В целом, несмотря на узость исследовательской базы по данной тематике, ситуация с публикацией научных трудов по истории Христианско-демократического союза значительно улучшилась, чему способствовало объединение Германии и роль ХДС в этом процессе.

Историей восточногерманского ХДС за все время его существования с 1945 по 1990 гг. занимался историк Ральф Ян [15]. В своей статье автор показывает путь ХДС к объединению Германии сквозь череду политических событий: эра Гермеса, эра Кайзера, унификация, причастность к власти, «ХДС в изгнании». Кроме того, Ян приводит обширное приложение с именами и занимаемыми должностями основных функционеров союза.

Менее объемные исследования были посвящены также вышеупомянутым периодам и уже частично могли учитывать новое положение источников. Сюда мы можем отнести работы М. Аге-

тена и М. Риссмана [4; 27]. Данные исследования создают общий вид вопроса и лишены глубины исследования. Темой сопротивления и унификации занималась историк Б. Кафф [16]; Александр Фишер – вопросами истоков ХДС в Берлине и влиянием СВАГ на партийную систему СЗО на примере ХДС [9]; политической оппозицией в СЗО/ГДР – исследователь Эрхарт Нойберт [23].

В 1995 г. под редакцией Михаэля Рихтера и Мартина Риссмана вышел сборник статей под названием «Восточногерманский ХДС: вклады в основание и развитие» [26]. Заслуга авторов в том, что представлена вся история ХДС с 1945 по 1990 гг. Историки затрагивали ранее не изученные и актуальные вопросы: Андреасу Гермесу на основании новых источников посвящена статья А. Фишера, Фридриху Карлу фон Цитцевиц-Муттрину – статья М. Вильде, Эрнсту Леммеру – статья Ш. Кройцбергера. Истории союза в 1950-е гг. посвящены работы Ф. Дитце, А. Шалюка и Г. Вентклера.

В 2012 г. вышла монография Петера Иоахима Лаппа, в которой автор приводит биографию генерального секретаря ХДС ГДР в 1949–1966 гг. Геральда Гёттинга [19]. Чуть более чем на 200 страницах историк представляет партийную деятельность одного из самых влиятельных лиц союза в ГДР. Недаром в самом названии книги он называет его «шеф ХДС в ГДР», хотя Гёттинг никогда не был председателем партии.

Еще одной тенденцией и новшеством современной немецкой историографии стало появление трудов по истории земельных ячеек ХДС в Восточной Германии. Исследователь Фриц Рейнерт [24] в 1995 г. подготовил обзор партийной структуры земли Бранденбург. В 2005 г. вышла коллективная монография Э. Нойберт и Т. Ауэрбаха [22] об оппозиции и противостоянии в Тюрингии в 1945–1989 гг. Большое внимание авторы монографии уделяют ключевым оппозиционным партиям земли – ХДС и ЛДПГ.

Таким образом, на сегодняшний день в немецкой историографии наличествует большое количество работ, затрагивающих историю Христианско-демократического союза. Основное внимание исследователей привлекают конфликты ХДС с советскими властями и СЕПГ, приводившие к постоянным перетасовкам в руководстве партии. Подробно проанализированы изменения организационной структуры, деятельность союза в блоке антифашистских партий, взгляды председателей Андреаса Гермеса, Якоба Кайзера и Отто Нушке на дальнейшую судьбу христианской демократии в СЗО/ГДР. Частично получили освещение такие сюжеты, как отношения восточногерманского ХДС с ХДС западных зон оккупации и ХСС Баварии, германская политика ХДС, отношение восточногерманских христианских демократов к германскому вопросу.

Вместе с тем некоторые вопросы в немецкой историографии по-прежнему нуждаются в более глубоком исследовании: идейное формирование партии, унификация союза с СЕПГ, деятельность ХДС на межзональном уровне. Поэтому интерес к ранней истории немецкой партии власти не ослабевает у исследователей и сегодня.

Библиографический список

1. *Адамо Г.* ХДС/ХСС сущность и политика. – М.: Издательство политической литературы, 1979. – 368 с.
2. *Берч Г.* ХДС/ХСС без маски. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 539 с.
3. *Петелин Б.В.* Ранняя история ХДС: Конрад Аденауэр – Якоб Кайзер – Отто Нушке. 1945–1952 гг. – Череповец: ЧГУ, 2014. – 207 с.
4. *Agetten M.* Die CDU in DDR // Lexikon der Christliche Demokratie in Deutschland. – München, 2002. – S. 108–118.
5. *Baus R.T.* Die Christlich-Demokratische Union Deutschlands in der SBZ 1945–1948: Gründung, Programm, Politik. – Düsseldorf: Droste, 2001. – 590 S.
6. *Buchfort W.* Das Östburo der SPD 1946–1958. Ein Nachrichtendienst in geteilten Deutschland: Diss. – Bochum, 1989.
7. *Conze W. J.* Kaiser. Politiker zwischen Ost und West, 1945–1949. – Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer GmbH, 1969. – 305 S.
8. *Erler P.* «Nach Hitler kommen wir». Dokumente zur Programmatik der Moskauer KPD-Führung 1944/45 für Nachkriegsdeutschland. – Köln, 1963.
9. *Fischer A.* 1945: Die Anfänge der CDUD in Berlin. In: Zeithemen (Schriftenreihe der CDU/CSU – Bundestagsfraktion 3). – Bonn, 1993.
10. *Fricke K.-W.* Opposition und Widerstand in der DDR. Ein politischer Report. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1984. – 325 S.
11. *Furtak R.* Dissens und Opposition in den politischen Systemen Osteuropas. In Partei und System. Eine kritische Einführung in die Parteienforschung. – Stuttgart: Hrsg. O. Brunner, 1973. – 431 S.
12. *Gradl J.B.* Anfang unter dem Sowjetstern: Die CDU 1945 bis 1949 in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1981. – 203 S.
13. *Heinrich B.* Politische Erinnerungen und Erkenntnisse (CDUD-Beiträge zur Geschichte). – Berlin (Ost), 1969.
14. *Hermes P.* Die Christliche-demokratische und die Bodenreform in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands in Jahre 1945. – Saarbrücken: Verlag der Saarbrücker Zeitung, 1963. – 159 S.
15. *Jahn G.R.* Christliche-Demokratische Union Deutschland (Ost-CDU). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adel-genealogie.de/CDU-Ost.html>.
16. *Kaff B.* Gefährliche politische Gegner. Widerstand und Verfolgung in der SBZ/DDR. – Düsseldorf, 1995. – 254 S.
17. *Krautkrämer E.* Deutsche Geschichte nach dem zweiten Weltkrieg: Eine Darstellung der Entwicklung von 1945 bis 1949 mit Dokumenten. – Hildesheim: August Lax Verlagsbuchhandlung, 1962. – 330 S.
18. *Krippendorf E.* Die Liberal-Demokratische Partei Deutschlands in der Sowjetische Besatzungszone 1945/1948. Entstehung, Struktur, Politik. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1962. – 193 S.
19. *Lapp P.J.* Gerald Götting. CDU-Chef in der DDR. Eine politische Biografie. – Aachen: Helios, 2011. – 241 S.
20. *Lemmer E.* Manches war doch anders. Erinnerungen eines deutschen Demokraten. – Frankfurt-am-Main: Heinrich Scheffler, 1968. – 410 S.
21. *Lukas R.* Zehn Jahre Sowjetische Besatzungszone Deutschland Politik. – Mainz: Deutscher Fachschriften-Verlag, 1955. – 219 S.
22. *Neubert E.* Auerbach T. «Es kann anders werden»: Opposition und Widerstand in Thüringen 1945–1989. – Köln: Böhlau Verlag, 2005. – 306 S.
23. *Neubert E.* Geschichte der Opposition in DDR (1949–1989). – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1989. – 986 S.
24. *Reinert E.* Brandenburgs Parteien 1945–1950. Möglichkeiten und Grenzen Kooperativer Politik (Brandenburgische Landeszentrale für politische Bildung). Potsdam, 1995. – 356 S.
25. *Richter M.* Die Ost-CDU 1948–1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung. – Düsseldorf: Droste, 1991. – 490 S.
26. *Richter M.* Reißmann M. Die Ost-CDU: Beiträge zu Ihrer Entstehung und Entwicklung. – Weimar: Böhlau Verlag, 1995. – 258 S.
27. *Reißmann M.* Kaderschulung in der Ost-CDU 1949–1971. Zur geistigen Formierung eine Blockpartei. – Düsseldorf, 1995. – 411 S.
28. *SBZ-Handbuch.* Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der SBZ 1945–1949. – München: Oldenbourg Verlag, 1993. – 1112 S.
29. *Teller H.* Der kalte Krieg gegen die DDR. Von seinen Anfängen bis 1961. – Berlin (Ost): Akademie-Verlag, 1979. – 275 S.
30. *Wilde M.* Die SBZ-CDU 1945–1947. Zwischen Kriegsende und kalten Krieg. – München: Herbert Utz Verlag, 1998. – 533 S.

**ЗАКРЫТИЕ ЦЕРКВЕЙ КАК ФАКТОР ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ С 1958 ПО 1965 гг.
(по материалам Центральной России)**

Реформа приходского управления, принятая на Архиерейском соборе 1961 года, проводилась под давлением Совета по делам Русской Православной Церкви и сказалась на всем церковном устройстве. В статье автор показывает, что под видом «единовременного учета» и закрытия «затухающих приходов» российского народа были переданы в использование не по назначению сотни церковных зданий, большинство из которых было превращено в руины. Многие из этих зданий представляли собой памятники истории и архитектуры российского народа, шедевры зодчества, памятники письменности, искусства, без которых любой народ духовно деградирует. Закрытие сопровождалось грубым администрированием, подчас административным давлением на членов двадцаток, хулиганскими действиями в отношении религиозных чувств людей. Борьба с инакомыслием, в том числе на религиозном направлении, прикрытая лозунгами утопической идеи построения коммунизма за 20 лет, обернулась страшной трагедией для российской культуры. Смена руководства страны послужила фактором ослабления притеснений Церкви, масштабы процесса закрытия церквей были заторможены, что дало шанс сохранить для будущих поколений оставшуюся часть культурного наследия нашей страны.

Ключевые слова: Церковь, уполномоченный, религиозная община, закрытие, регистрация.

После XX съезда партии и принятия новой программы построения коммунизма в ближайшие 20 лет новый курс руководства страны о «возвращении к ленинским нормам» озвучил в своем выступлении председатель Совета по делам Русской Православной Церкви В. А. Куроедов, который безапелляционно заявил о «слишком густой сети церковных учреждений, не вызванных никакой практической необходимостью» [16, с. 58–61].

Активное наступление на религию, предпринятое государственными и партийными органами для борьбы с религиозными предрассудками, в 1958–1964 гг. имело целью искоренение инакомыслия среди «отсталой части населения». Новый курс характеризуется исследователями данной темы как «гонение на религию» [19, с. 202]. Наступление на религию велось по двум основным направлениям: «перевоспитание» (идеологический фактор), физическое уничтожение «очагов мракобесия и отсталости» (закрытие храмов).

Параллельно с реформой приходского управления, принятой на Архиерейском соборе в 1961 году, положившей начало коренному преобразованию в Церкви его иерархического и канонического строя, при активном участии Совета по делам Русской Православной Церкви был проведен «единовременный учет» количества всех церковных зданий, их площадь и габариты, количество совершаемых духовенством треб и количество посещающих церкви людей.

Церковные здания были либо оставлены без службы и затем разграблены и разрушены людьми и временем, либо перепрофилированы под хозяйственные нужды и «учреждения культуры». Налицо были факты грубого администрирования. В разные годы в разных областях количество закрываемых храмов было неравномерным. Так,

в Калининской области в 1960 году снято 10 религиозных общин, в Ярославской – 12, в Московской – 4, а во Владимирской – 2. В 1961 году в Калининской области не снято с регистрации ни одной общины, а в Московской области – 12. В 1962 году в Калининской снято с регистрации 21 община, что является «рекордом» среди областей Центральной части РСФСР, а в 1963 году в той же области не снято с регистрации ни одной общины [7, с. 112–115]. Закрытие осуществлялось под разными предлогами: поводом могло служить то обстоятельство, что церковь была открыта в войну на оккупированной территории по разрешению немецких властей. Поводом могло быть нахождение церкви рядом со школой, церковь могла служить помехой для движения транспорта, и т.д. Храм могли закрыть временно по причине эпидемии, затем держать в «карантине» и впоследствии снять с регистрации. О закрытии церкви в Ново-Никольском Ростовского района Ярославской области под предлогом эпидемии ящюра рассказала в своих воспоминаниях монахиня Серафима (Зуммер) [15, с. 115]. На территории Центральных областей РСФСР в период с 1958 по 1963 гг. было снято с регистрации 191 религиозная община, с 854 в 1958 г. до 663 в 1963 г. Из 10 областей и г. Москвы особенно пострадали Московская – снято с регистрации 77 общин, Ярославская – 52 община, в Рязанской области – 16 общин. Меньше всех пострадала Москва – из 45 общин в 1958 году лишь в 1963 году была снята с регистрации одна община [6, с. 113–115].

Из общего количества закрытых храмов одни были отданы под культурно-просветительские нужды (клубы, кинотеатры), другие – под хозяйственные. Многие здания церквей взрывались в связи с тем, что малобюджетным организациям, располагающимся в них, не под силу было их содержать. Чудом сохранился Спасо-Преображенский собор

в Рыбинске. Его спасло лишь то, что по проекту мост через Волгу целесообразнее оказалось сместить на 60–80 метров вниз по течению реки [13, с. 46–48]. Сохранилась запись в протоколе совещания: «...Сохранился здание бывшего собора, что дает экономию в 1 млн. руб. (по балансовой стоимости)» [11, с. 53]. При проведении учета церквей было выявлено много бездействующих храмов – затухающих приходов. «Затухающие приходы» – деревенские дотационные храмы, которые не могли содержать постоянного священника. Службы в них проводили командированные священники. Затухающие приходы были малолюдны и содержались в основном за счет финансово обеспеченных приходов. Совет принял меры по ликвидации подобной практики, что в конечном итоге приводило к прекращению существования прихода. Например, в заключении о снятии с регистрации религиозной общины с. Бурмакино Некрасовского района Ярославской области говорится: «Религиозная община с. Бурмакино по существу распалась, собраний учредителей не было с 1951 года. Церковные службы проводились с 1956 года до мая 1960 года священником соседнего прихода – 12 служб в год [9, с. 1]. Так, Ильинская церковь с. Ильинское Даниловского района была снята с регистрации и закрыта в 1960 году по решению Совета по делам РПЦ в связи с тем, что приход был признан «умирающим»: «доходы падают, община активности не проявляет... епископ постоянного священника не назначает» [9, с. 2]. В решении о снятии в 1964 году с регистрации религиозной общины Рождественской церкви с. Правдино Некоузского района Ярославской области говорится о том, что снимается она в связи с малоодоходностью и отсутствием постоянного священника, а также в связи с тем, что рядом в 12 км в с. Красное имеется церковь и верующие могут удовлетворить свои религиозные потребности в ней. Хотя тут же говорится о том, что в 1961 году в Рождественской церкви было совершено 14 крещений и что закрывается она еще и потому, что «никто из села Правдино не обращался о возобновлении богослужений» [10, с. 1].

Сама ликвидация молитвенного здания в некоторых случаях принимала форму грубого насилия. Она производилась под охраной милиции и дружинников. Материальные ценности изымались без всякой описи, все сопровождалось подчас варварским разрушением всего, что попадалось под руку [17, с. 71]. Так происходило, например, в Костроме [20, с. 42]. «Было сказано: закрывайте культурными способами, щадя чувства верующих, – писал протоиерей Александр Мень, – но эти олухи на местах – раз начальство велит – стали душить людей» [14, с. 255–256]. Яркую характеристику духу того времени дают воспоминания Анатолия Борисовича Свенцицкого, который на страницах своей книги «Невидимые нити», рассказывая о взрыве Преоб-

раженского собора в Москве (официальная версия причины сноса собора – постройка метро открытым способом), и ходатайствах прихожан, поддержанных Комитетом защиты мира, приводит слова Н. Хрущева, который в ответ на просьбы о пересмотре решения по поводу закрытия храма сказал: «Ничего, еще не одну церковь в Москве и других городах взорвем...» [18, 169].

Ярким примером служит ситуация с церковью с. Железный Борок Ярославского района Ярославской области – оно подлежало сносу в связи со строительством Ново-Ярославского нефтеперерабатывающего завода. Причем не была дана оценка архитектурной, исторической, культурной значимости здания церкви. Руководствуясь сугубо практическими доводами, исполком областного совета депутатов было принято решение о сносе находящейся там Воскресенской церкви [9, с. 1].

Многие современные исследователи ссылаются на то, что закрытие в основном происходило по самоуправству местных властей и «личностному фактору» – рвению местного уполномоченного и являлось следствием либо его убеждения, либо было связано с его желанием проявить инициативу. Он инициировал снятие с регистрации религиозных общин и закрытие церквей, он же снимал с регистрации неугодного священника или переводил его в другое место служения из церкви, намеченной к закрытию. Затем он в течение 6–11 месяцев отказывался регистрировать в данную церковь кого-либо из предложенных епископом кандидатов [2, с. 69]. Далее – снимал церковную общину с регистрации.

Наверх надо было давать сведения о проведении идеологической работы среди населения и о ее результатах. Необходимы были показатели «работы», отчетность, уменьшение религиозности и оправдание того, почему все-таки она продолжает оставаться [4, с. 23]. Для получения сведений внедрялись «свои люди» в двадцатки, назначались старосты, которые писали доносы на священнослужителей по разным поводам. Обвинения распространялись в газетах в виде фельетонов, через окно сатиры, публичный остракизм. Священника переводили на другой приход, находили повод для дискредитации и ...снимали с регистрации [5, с. 26]. За годы своего служения некоторые священнослужители меняли десятки приходов, что стало «нормой» для того времени. Все делалось для того, чтобы люди отвернулись от Церкви, от храма, где молилось не одно поколение их предков, делалось все для того, чтобы люди не привыкали к священнику, чтобы он не был для них авторитетом, не служил примером. В отчете Уполномоченного по делам РПЦ по Костромской области Кудрявцева указывается, что если в 1958 году поступило 26 заявлений об открытии 12 церквей, то в 1959 году лишь 5 заявлений об открытии 5 церквей [4, с. 11].

Уполномоченные Совета на местах всячески за- тягивали с выдачей справки о регистрации, требуя прописки, а райисполком и вторивший ему сель- совет не желали священника прописывать, пока он не предъявит справку о регистрации... Получался замкнутый круг. Храм стоял без службы. После шести месяцев уже ставился вопрос о снятии его с регистрации [1, с. 32].

Пока церковь оставалась без священника, мест- ные органы власти проводили «индивидуальную разъяснительную работу» с членами двадцатки, уговаривая, а в некоторых случаях посредством угроз принуждали людей выйти из двадцатки, что- бы затем уполномоченный мог объявить о распа- де церковной общины. Далее облисполком выно- сил постановление о закрытии церкви и передаче здания местному колхозу или горсовету. Решение о закрытии храма не объявлялось церковной об- щине, а посылалось в Совет по делам РПЦ, ко- торый снимал с регистрации церковную общину и церковное здание передавал под клуб местному колхозу. Протесты и просьбы верующих в расчет не принимались. Несмотря на их многочисленные жалобы и ходатайства, на указание необоснован- ности и незаконности властей, закрывших храм, случалось, что на протяжении нескольких лет ини- циативной группе ходатаев даже не показывали по- становление о закрытии храма с целью скрыть фор- мулировку и мотивацию, предварившие закрытие.

Под изъятие попали здания и хозяйственные по- строения, переданные Церкви во время войны и послевоен- ный период.

Во Владимире удалось отстоять Успенский со- бор, который под предлогом реставрации хотели закрыть [3, с. 1–2, 6–8]. Иногда на местах требова- ния местных властей о закрытии храма принимали своеобразные формы. Священник Георгий Эдель- штейн в своей книге «Записки сельского священ- ника» описывал ситуацию, когда Смоленский храм с. Ушаково Буйского района Костромской области смогла отстоять одна старуха. Против нее власть ничего не смогла сделать. Церковь была спасена от закрытия [20, с. 39]. Было и так, что лишь вме- шательство высоких чинов спасало ту или иную церковь. Так, вмешательство маршала А.М. Ва- силевского спасло Вознесенскую церковь в с. Но- вопокровское Кинешемского района Ивановской области, в которой служил его отец, от полного разорения [12, с. 150].

Что же представляло из себя то, что ревните- ли новой жизни оставили потомкам после борьбы с «духовной сивухой»? Приведем свидетельство костромского священника Георгия Эдельштейна, на глазах которого происходила картина разорения храмов и неразрывно связанное с разрушением святынь разорение всей жизни и уклада русской деревни на территории Центральной России. Он пишет, что из двадцати шести сел и деревень, от-

куда лет сорок назад «туча народу» по большим праздникам приходила в церковь с. Ушаково, до основания вымерло четырнадцать. «Крапива и чер- тополох на месте изб, садов и огородов... захуда- лый приход, бедный, малолюдный, непрестижный, изгоев сюда шлют» [20, с. 42–43].

После снятия в 1964 г. Н. Хрущева тенден- ция по закрытию церквей заметно замедлилась. С 1964 года по 1970 на территории Центральных областей РСФСР было снято с регистрации 42 хра- ма, с 663 в 1964 году до 621 в 1970 г. Для сравнения, в период «хрущевской оттепели» в пик притесне- ния Церкви с 1958 по 1963 гг. – 191. Неизменным количество действующих храмов осталось в Ива- новской, Московской, Смоленской, Тульской обла- стях. По одному храму снималось в 1969 году во Владимирской области, в 1968 году – в Костром- ской, в 1969 году – в Калужской (вспомним, что во время притеснений Церкви Калужская область наиболее пострадала) [8, с. 1–14]. А.Б. Свенцицкий приводит данные о том, что в 1966–1970 гг. в СССР было закрыто 250 храмов, а в 70-е годы в среднем закрывалось по 50 церквей в год. Приведенная цифра дает нам право сказать, что большинство за- крытых храмов приходилось на Центральные об- ласти СССР.

На основании озвученных выше фактов можно сделать вывод о том, что с прекращением фанта- стических планов по построению коммунизма антицерковная кампания была свернута, хотя и не забыта. На Церковь продолжали давить силой ад- министративно-пропагандистского аппарата, но массовое закрытие храмов было остановлено, что послужило спасению и сохранению многих памят- ников культуры русского народа.

Библиографический список

1. Ардов М. Мелочи архи..., прото... и просто ие- рейской жизни. – 2-е изд. – М., 1998. – 256с.
2. Василий (Кривошеин), архиеп. – Две встречи. Митрополит Николай (Ярушевич) и митрополит Никодим (Ротов). – СПб.: Из-во: «Сатис», 2003. – 224 с.
3. Государственный архив Владимирской обла- сти (ГАВО). – Ф. Р-632. – Оп. 8. – Д. 2 – Л. 56.
4. Государственный архив Костромской обла- сти (ГАКО). – Р-2102. – Оп. 5. – Д. 32. – Л. 43.
5. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. Р-2953. – Оп. 4. – Д. 36. – Л. 26.
6. Государственный архив Российской Федера- ции (ГАРФ). – Ф. Р-6991. – Оп. 2. – Д. 236. – Л. 126.
7. Государственный архив Российской Федера- ции (ГАРФ). – Ф. Р-6991. – Оп. 2. – Д. 486. – Л. 164.
8. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 167. – Л. 147.
9. Государственный архив Ярославской области (ГЯЯО). – Р-1033. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 50.
10. ГЯЯО. – Р-1033. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 14.
11. ГЯЯО. – Р 1385. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 65.

12. Кинешма. Прошлое и настоящее города на Волге // Альманах / сост. И. Антонов. – Иваново, 1998. – 215 с., ил.

13. Михайлов А.В. Спасо-Преображенский собор. История и современность. – Рыбинск, 2008 – 80 с., ил.

14. Мень А., прот. Воспоминания // Континент. – Париж, 1996. – № 88. – 367 с.

15. Патлань С. Священник села Теремно Иосип Зумер. – Луцк, 2013. – 156 с.

16. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (десять лет из жизни Патриарха Алексия. 1955–1964 гг.) / публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. – 1994. – № 5. – С. 25–83.

17. Русская Православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропплеи, 1995. – 463 с.

18. Свенцицкий А.Б. Невидимые нити: Церковь, события, люди. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009 – 432 с., ил.

19. Чумаченко Т.А. Государство. Православная Церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М., 1999. – 247 с.

20. Эдельштейн Г., прот. Записки сельского священника. – М.: РГГУ, 2005. – 369 с.

УДК 069

Данильченко Иван Вениаминович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ivandaniil@mail.ru

СОБИРАТЕЛЬСКАЯ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА КОСТРОМСКИХ И ЯРОСЛАВСКИХ МУЗЕЕВ (1945–1980-е годы)

В статье отражена работа музеев по сбору экспонатов и документальных свидетельств, их изучению и подготовке к показу в экспозициях и выставках. Научно-исследовательская работа рассматривается в рамках Костромской и Ярославской областей. Кроме этого, в статье затронут ряд проблем, оказывавших влияние на музейное дело. Так, кадровый вопрос сильно отражался, особенно в послевоенное время и в районных музеях, на результатах собирательской работы и на разработке тематико-экспозиционных планов. Отсутствие свободных площадей и подходящих фондохранилищ не позволяло пополнять музеи новыми экспонатами. А запущенный учет музейных фондов отрывал научных сотрудников на работу по наведению порядка в фондовом хозяйстве. Также на характер музейной работы оказывала влияние идеологическая составляющая. Если до середины 1950-х гг. в музейной работе преобладала советская история, то с середины 1960-х гг. усилился интерес к дореволюционной и древней истории страны.

Ключевые слова: музей, музейное дело, научно-исследовательская работа, тематико-экспозиционный план, собирательская работа, археологические раскопки, государственный учёт, сверка.

Научно-исследовательская деятельность – одно из основных направлений музейной работы, определяемое задачами накопления документальных свидетельств и источников знаний, их обработки и введения в научный и общекультурный оборот [31, т. 2, с. 13].

В эту работу входят сбор и изучение музейных предметов, подготовка их к показу в экспозициях и выставках, разработка тематико-экспозиционных планов, составление экскурсий и лекций, написание статей по истории и краеведению. Успех всей этой деятельности напрямую зависел от ряда факторов. На примере музеев Костромской и Ярославской областей рассмотрим их научно-исследовательскую работу и влияние на нее кадровой проблемы, общехозяйственного состояния музеев и состояния учета музейных фондов. Также на характер музейной работы, несомненно, оказывала влияние идеологическая составляющая.

Основная деятельность краеведческих музеев, в том числе и научно-исследовательская, в послевоенные годы была направлена на помощь восстановлению народного хозяйства. В задачи отделов природы входило выявление и изучение природ-

ных богатств края с целью привлечения местных ресурсов для нужд промышленности. Историческому же отделу основное внимание рекомендовалось уделять исследованию, сбору и показу материалов, характеризующих участие данного края в Великой Отечественной войне [28, с. 55–56].

Так, музеи Костромской области практически сразу после войны проводили работу по изучению местных ископаемых. Например, Буйским музеем собран материал не только об историческом прошлом города, но и сырьевых ресурсах района. Материал пополнялся через экскурсии и походы научно-краеведческого характера с привлечением к этой работе учащихся школ города и любителей-краеведов. А в 1946 г. сотрудниками Галичского музея при активном участии главного врача госпиталя были исследованы целебные свойства грязевых источников Галичского озера [15, л. 38].

Ярославский же областной музей занимался в первую очередь сверкой реэвакуированных в 1945 г. фондов из г. Галича, входившего до 1944 г. в Ярославскую область. Для разработки тем экспозиций, конечно, находилось время, но в основном в конце рабочего дня, а то и приходилось зани-

маться тематико-экспозиционными планами в нерабочее время. Но и при такой обстановке за лето 1945 г. сотрудниками проведено три экспедиции в область по сбору материалов о Великой Отечественной войне, фауне Рыбинского водохранилища и по выявлению природных ресурсов [18, л. 3].

Помимо выявления и изучения природных ресурсов края, музеям рекомендовалось отображать историю и жизнь лучших колхозов, совхозов, демонстрировать лучшие образцы промышленной и сельскохозяйственной продукции, знакомить с методами труда новаторов производства. Особенно подчеркивалась роль музеев в пропаганде материалистического мировоззрения и распространения научных знаний [28, с. 56].

Костромским областным музеем в результате сбора материала были получены образцы продукции текстильной промышленности, части от текстильных машин, образцы продукции металлообрабатывающей промышленности и т.п. Кроме экспонатов, собирались статистико-экономические данные роста продукции промышленности области, роста производительности труда, фотографии лучших людей производства и описание их методов работы. Все эти данные послужили основными источниками для создания тематико-экспозиционного плана по разделу «Промышленность области» [12, л. 16].

Однако не всегда предприятия шли навстречу музеям и выдавали образцы своей продукции. В Ярославле их директора требовали с Ярославского областного музея деньги. А городские и областные власти в этом вопросе музею практически не помогали [36, л. 31]. Похожая ситуация была в Буйском районе Костромской области, где общественные организации и предприятия не желали безвозмездно передавать музею свою продукцию или изготавливать модели и макеты техники [4, л. 11].

Областные музеи на тот момент времени имели довольно большой штат работников. В Ярославском областном музее на 1946 г. было 48 единиц штата. Из них 13 – научных сотрудников, 7 из которых были способны вести самостоятельную научно-исследовательскую работу. Однако 70% времени у них уходило на проведение экскурсий и дежурство в залах [19, л. 6]. При этом только двое научных работников имели опыт музейного дела. Вновь поступившие на работу люди в большинстве своем имели среднее образование, так как существующие условия для научных работников не давали возможности подобрать квалифицированные кадры с высшим образованием [19, л. 62]. Кроме того, в музее была большая текучесть кадров. Только за 1948 г. было уволено и принято на работу 34 человека [20, л. 23]. Причиной ухода были холод в помещениях и низкая заработная плата [35, л. 5]. Костромской областной музей имел штат гораздо меньший: на 1949 г. – 21 человек (в 1945 г. – 13 человек) [12, л. 3–4].

В целом, многие недостатки в работе музеев исходили от малочисленности штата научных сотрудников и текучести кадров. Районные музеи вообще страдали от нехватки кадров. В них работало всего 2–3 человека, включая технический персонал. Иногда директора и научные сотрудники работали по совместительству ввиду низкой заработной платы, что, безусловно, отражалось на музейном деле [15, л. 35].

Практически сразу после войны начали возрождать краеведение. Значительная часть краеведческих музеев на тот момент времени не вела систематической работы по изучению своего края. А там, где эта работа была организована, в нее, как правило, не вовлекалась общественность [14, л. 27]. В целях коренного улучшения краеведческой работы вышел приказ Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совмине Министров РСФСР от 27 июля 1946 г. «О состоянии и дальнейшем развитии краеведческой работы». Кроме библиотек, клубов, домов культуры, он затрагивал и музеи, которым предписывалось организовывать себе в помощь краеведческий актив с привлечением в его состав местной интеллигенции, рабочих, колхозников, учащихся [14, л. 27–28].

Краеведческий актив мог бы частично разгрузить музейных работников от научно-исследовательской работы. Для Костромского областного музея таким активом стал музейно-краеведческий совет. Впрочем, работа его в первые годы существования практически не велась, и совет собирался не более раза в год. Да и помощь со стороны членов совета была незначительной [13, л. 46].

Та же ситуация наблюдалась и в Ярославле, хотя совет при областном музее существовал уже в 1945 г. [20, л. 23]. Правда, члены музейно-краеведческого совета активизировались в 1949 г. – стали собирать материалы по истории края. На собраниях обсуждались в основном революционные темы: подготовка и события Октябрьской революции в Ярославской области, установление советской власти, белогвардейский мятеж и т. д. Те, кто не выступал с докладами, но был участником событий, рассказывали свои воспоминания, которые сразу протоколировались. Члены кружка (участники событий) передавали личные документы и вещи в музей [21, л. 1–2].

Из-за долгого отсутствия планомерной краеведческой работы в районных музеях ощущалась острая нехватка местного материала. Так, в Ростовском краеведческом музее отдел советского периода был построен преимущественно на общесоюзном материале. Отдел социалистического строительства открыли еще до войны. Но тогда за основу был взят краткий курс истории ВКП(б). Теперь же, поскольку музей краеведческий, необходим был и местный материал, который требовалось еще собрать [34, л. 16–17].

Был выдвинут ряд претензий по комплектованию фондов районным музеям Костромской области (Буйскому, Галичскому, Кологривскому, Солигаличскому, Чухломскому) и областному отделу культурно-просветительной работы. В некоторых музеях в течение 1951–1953 гг. собирательская работа практически не проводилась. Солигаличский музей, например, в 1951 г. пополнился всего на два экспоната. Сама приемка экспонатов велась без составления актов и описей [16, л. 10]. А экспозиции в некоторых музеях были построены без предварительного составления тематико-экспозиционных планов [2, л. 8]. Экспозиции оставались таковыми вплоть до 1959 г., пока сотрудниками областного музея не была оказана помощь в составлении планов [5, л. 5].

Иногда при сборе местного материала к выставкам, особенно посвященным круглым датам, музеями приходилось сосредотачиваться только на одном вопросе, в ущерб другим темам [22, л. 1].

Затрудняло сбор экспонатов и отсутствие свободных площадей в зданиях и помещениях музеев. В некоторых районных музеях это вынуждало сотрудников переориентироваться на другую работу. Так, сотрудники Буйского музея совершали походы с учащимися школ в район. Одновременно в походе выявили ряд памятников и собрали этнографический материал. Но препятствием к большой собирательской работе служило отсутствие приспособленного фондохранилища. Издательская деятельность также основывалась не на исследованиях, а на туристических маршрутах. Музей издал брошюру с маршрутами краеведческих походов по Буйскому району. Тем не менее сбор материала по современности проводился. Но материал был в основном текстовый и статистический [4, л. 6–7].

Изменение общеполитической обстановки в стране после смерти Сталина и осуждения культа личности повлияло и на работу музеев. Все внимание теперь было направлено на изучение вопросов современного периода, раскрытию роли КПСС как ведущей, направляющей и руководящей силы. Получать образцы продукции с предприятий стало гораздо проще. Для обеспечения музеев материалами по современности совнархозам и местным властям поступило распоряжение Совета Министров РСФСР от 21 ноября 1958 г. о безвозмездной передаче музеям образцов, моделей и макетов изделий промышленности [27, с. 250–251].

За два десятилетия после войны, благодаря непрерывавшейся собирательской работе, значительно пополнились фонды по советскому периоду. И сбор никогда не прекращался, поскольку к очередной круглой дате приходилось заново обновлять выставки. Так, к 50-летию Октября в Ярославском музее-заповеднике была создана новая экспозиция истории советского общества, которая заняла значительную площадь – в 1118 кв. м. [35,

л. 3]. Большую помощь в сборе экспонатов оказывал актив музея, особенно члены общественных секций (историко-революционной и ветеранов Великой Отечественной войны). А также помощь оказали «Красные следопыты» – пионеры и комсомолы, получавшие задания от музея во время походов [25, л. 27].

В это время в стране делалась довольно удачная попытка объединить единой деловой программой все пионерские организации страны. Проводились поисковые всесоюзные экспедиции. Во время походов по родному краю школьники вели поиск лекарственных растений и определения ареала их произрастания, искали залежи строительных материалов – гравия, песка, мела, глины – и пути подъезда к ним. Собирали они и документы, материалы, реликвии, связанные с революционными событиями, Гражданской и Великой Отечественной войнами, истории пионерии и ВЛКСМ. Документы и находки становились экспонатами музеев [29, с. 73–74].

Конечно, по дореволюционной истории материал имелся и часто в больших объемах. Подготавливались и строились соответствующие темы экспозиций, начиная с древнейшего периода [17, л. 51–52]. Но, как вспоминал заместитель директора Ярославского музея-заповедника М.Г. Мейерович, «отдел советского периода всегда считался главным... По сравнению с “современностью” даже собственная (местная) история была в загоне. На другие отделы не оставалось ни сил, ни средств, ни времени» [30, с. 20]. Сотрудники Ярославского музея-заповедника разработали и постепенно построили полноценную историческую экспозицию, отражающую историю всего края, только к 1967 г. [25, л. 3].

После создания музеев-заповедников штаты научных сотрудников несколько увеличились. Это, в свою очередь, позволило усилить научно-исследовательскую работу и позволило вести сбор намного интенсивнее. Если за 1954–1958 гг. Костромским областным музеем собрано 21 тыс. 788 экспонатов, то за 1959–60 гг. – 14 тыс. 330 экспонатов. В 1960 г. музей принял участие в экспедиции по изучению деревянного зодчества Костромской области. Экспедиция проводилась совместно с Костромской научно-реставрационной мастерской с целью выявления уникальных и типичных жилых и надворных построек. Было обследовано более 200 населенных пунктов. Выявлено 17 объектов для приобретения и вывоза в Кострому (дома и другое убранство домов). Причем вся экспедиция совершалась сотрудниками на велосипедах [3, л. 25–26].

Научно-исследовательская работа музеев заключалась не только в сборе экспонатов и теоретической подготовке экспозиций и выставок. Научные сотрудники также писали и издавали свои

краеведческие работы в периодической печати и краеведческих сборниках. Например, Ярославский областной музей издавал свой сборник «Краеведческие записки» [23, л. 51].

Проводились и археологические раскопки, в которых принимали участие сотрудники музеев. Еще в 1951 г. Костромским областным музеем были организованы археологические раскопки в городе Костроме. Работа была необходима в связи с приближающимся 800-летием города. Раскопками руководила М.В. Фехнер, старший научный сотрудник Государственного исторического музея [1, л. 4–5]. Ярославским музеем-заповедником совместно с ИИМК АН СССР, Государственным историческим музеем, Рыбинским, Переславль-Залесским и Угличским музеями в течение июня-августа 1959 г. проводилась археологическая экспедиция по Ярославской области [24, л. 26].

С середины 1960-х гг. музеями ведется активный сбор памятников древнерусского искусства. Так, научные сотрудники Костромского музея-заповедника участвовали в таких экспедициях. Одна из них была организована Третьяковской галереей. В другой экспедиции принимал участие С.И. Масленицын, старший научный сотрудник Государственной центральной художественной научно-реставрационной мастерской им. Грабаря. Только за 1965 г. в районах Костромской области обследовано 46 церквей и вывезено 96 икон XVI–XVIII вв. [6, л. 6]. А в 1968 г. во время экспедиции по Кологривскому району сотрудниками Костромского музея изобразительных искусств были обнаружены картины художника Е.В. Честнякова [33, с. 67].

В целом, сбор экспонатов проводился ежегодно. 1970-е гг. стали для музеев наиболее продуктивными в работе по исследованию дореволюционного прошлого. Активно разрабатывались тематико-экспозиционные планы, в основном не относящиеся к советскому времени: искусство ювелиров, народное и прикладное искусство, деревянное зодчество, природа. По советскому времени, кроме лекций и экскурсий, тоже готовились выставки, но в основном к юбилейным датам [7, л. 2–3].

Несмотря на отставание большинства районных музеев, существенные исследования все же проводились и в них. Стоит отметить Переславль-Залесский историко-художественный музей, включавший в себя несколько архитектурных и мемориальных комплексов. В течение 1970-х гг. в одном из его филиалов, музее «Ботик», кроме реставрации, активно велась разработка тематико-экспозиционного плана будущей экспозиции «Озеро Плещеево – колыбель русского военно-морского флота». Экспозиция была достроена к проведению в Москве «Олимпиады-80». Благодаря умелой работе, в том числе и исследовательской, музей «Ботик» стал широко известен по всей стране. А ведь до этого в Ленинградском военно-морском музее совсем

не упоминалось о кораблестроении Петром I на Плещеевом озере [37, л. 4]. Даже сами сотрудники признавали, что за пределами Переславля-Залесского никто не знает, что Плещеево озеро – это колыбель русского военно-морского флота [37, л. 2].

В 1980-е гг. формы научно-исследовательской и собирательской работы музеев практически не изменились. Ежегодно собиралось по несколько тысяч музейных предметов, из которых 30–40% относилось к советскому периоду [10, л. 5]. Также составлялись тематико-экспозиционные планы новых выставок как по советскому периоду, так и по дореволюционному [26, л. 2–3]. Статьи сотрудников музея активно публиковались в местной печати и в краеведческих сборниках [9, л. 3].

Почти весь исследуемый период длился государственный учет музейных фондов. Согласно первому замыслу учет должен был завершиться изданием сводных каталогов по музеям страны. Однако для этого оказалось недостаточно средств. К тому же учет музейных предметов в послевоенные годы был крайне запущен и требовал наведения порядка в фондовом хозяйстве музеев страны [28, с. 64–65].

Так, за 1946 г. в районных музеях Костромской области учет фондовых материалов с оформлением их в инвентарные книги и картотеки завершен не был [15, л. 40]. А сотрудников Костромского областного музея работа по учету заставила отложить проведение сбора экспонатов. В результате за 1948 год не было почти никакого пополнения экспозиций. В дальнейшем продолжилась работа по улучшению дела учета и хранения музейных фондов [13, л. 54].

Постановлением Совета Министров СССР от 2 июня 1965 г. Министерству культуры было поручено вновь «приступить к подготовке материалов для издания сводных научных каталогов музейных фондов» [32, л. 8–9]. Эта работа была рассчитана на несколько лет и имела своей целью ввести в широкий научный оборот памятники, хранящиеся в музеях страны. Однако работа по созданию сводного каталога стала пробуксовывать по тем же причинам, что и в послевоенные годы, – плохое состояние учета и изучения фондов музеев. Работа по сверке наличия фондов с учетной документацией проводилась в стране наиболее активно с начала 1970-х гг. и до 1985 г. включительно. Затяжной характер этого мероприятия находит объяснение все в той же запущенности дела учета [27, с. 283–284].

Сверка наличия фондов в Костромском музее-заповеднике была начата в сентябре 1976 г. и должна была завершиться к 1 января 1980 г. Но к этой дате работа не была выполнена. Приказом Министерства культуры был назначен последний срок – 1 июня 1982 г., но и он оказался сорванным [8, л. 23]. Только в 1983 г. в Костромском объединении музеев полностью была завершена сверка наличия фондов с учетной документацией [9,

л. 33]. Однако даже в 1988 г. в музее-заповеднике еще имелось большое количество не поставленных на учет предметов музейного значения. Поступавшие предметы просто не успевали обработать [11, л. 19].

Таким образом, в послевоенные годы, когда страна восстанавливала свою экономику, учреждения культуры в той или иной степени также участвовали в восстановлении народного хозяйства. Музеи, как центры исследования (не только истории) местного края, занимались выявлением природных ресурсов, привлекая к этой работе местных краеведов и школьников. Разработка тематико-экспозиционных планов для будущих выставок и экспозиций, а также собирательская работа в исследуемый период в той или иной степени велись постоянно. Сказывалось и влияние эпохи: если до середины 1950-х гг. первое место занимала советская история, то в 1960–1970-е гг. растет интерес к древней истории. Не сказать, чтобы советский отдел отошел на второй план, но был все же потеснен отделом дореволюционного прошлого. Активно собирались памятники художественного и древнерусского искусства. Исследовались древние архитектурные памятники, велись археологические раскопки. Помимо основной музейной работы после войны и почти до середины 1980-х гг. велось наведение порядка в учете и хранении фондов музеев страны. Работа эта постоянно тормозилась из-за запущенности учета экспонатов. С одной стороны, это отвлекало научных сотрудников от основной музейной работы, но с другой – порядок в фондовом хозяйстве помог лучше ориентироваться в фондах музея.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 5.
2. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 13.
3. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 16.
4. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 27.
5. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 38.
6. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 77.
7. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 233.
8. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 420.
9. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 497.
10. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 559.
11. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1. – Д. 691.
12. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 1-доп. – Д. 137.
13. ГАКО. – Ф. Р-548. – Оп. 2. – Д. 36.
14. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). – Ф. 765. – Оп. 1. – Д. 915.
15. ГАНИКО. – Ф. 765. – Оп. 1. – Д. 917.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А339. – Оп. 1. – Д. 8167.
17. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 1158. – Оп. 1. – Д. 54.
18. ГАЯО. – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 194.
19. ГАЯО. – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 200.
20. ГАЯО. – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 214.
21. ГАЯО. – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 227.
22. ГАЯО. – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 357.
23. ГАЯО. – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 368.
24. ГАЯО. – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 379.
25. ГАЯО. – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 527.
26. ГАЯО. – Ф. Р-1400. – Оп. 1. – Д. 895.
27. *Златоустова В.И.* Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). – М., 1991. – С. 226–298.
28. *Игнатьева В.Н.* Организация музейного дела и музейное строительство РСФСР в послевоенные годы (1945–1953) // Очерки истории музейного дела в СССР. – Вып. VI. – М., 1968.
29. *Кудинов В.А.* Детское и молодежное движение в России в XX веке. – Кострома, 2000.
30. *Мейерович М.Г.* Как создавался ярославский музей-заповедник // Ярославль многоликий. – 2003. – № 4. – С. 20–23.
31. Российская музейная энциклопедия: в 2 т. – М.: Прогресс, РИПОЛ КЛАССИК, 2001.
32. Сборник документов по музейному делу (1964–1984). – М., 1987.
33. *Сухарева Т.П.* Костромской художественный музей: события, факты, люди. – Кострома: ООО «Костромаиздат», 2006. – 103 с.
34. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). – Ф. 717. – Оп. 1. – Д. 21.
35. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 1158. – Оп. 1. – Д. 28.
36. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 1158. – Оп. 1. – Д. 39.
37. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 6768. – Оп. 1. – Д. 18.

Пигорева Ольга Владимировна
кандидат исторических наук, доцент
Курский государственный университет
ovlebedeva117@yandex.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ РЕГИОНА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА С ПРАВОСЛАВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ПРОВИНЦИЯХ ЦЕНТРА РСФСР – РОССИИ: КОНЕЦ 1980-Х – 1990-Е ГОДЫ

В статье на примере провинциальных областей центра РСФСР – России раскрывается влияние возрождения общественного интереса к историко-культурным традициям родного края на формирование образовательного пространства в конце 1980-х – 1990-е годы. Православие как часть историко-культурного наследия становилось органичной составляющей учебно-воспитательного процесса в школах провинции на переломном этапе советско-российской истории. Особенности провинции как хранительницы традиционных ценностей и ментальность ее жителей выступали в качестве важных условий сохранения местных историко-культурных традиций и их изучения в школах. В ситуации мировоззренческого кризиса, развенчания истории советского государства, действия новых нормативно-правовых документов в сфере образования в провинциях центра России в начале 1990-х годов обращение к историко-культурному наследию регионов выступало в качестве нравственного императива. Исторический опыт провинциальных областей центра РСФСР – России (на примере Владимирской, Воронежской, Костромской, Орловской, Смоленской областей) по изучению в системе общего образования духовной и культурной жизни, традиций родного края свидетельствует о значимости историко-культурного наследия регионов, важности обращения к локальной истории в воспитании подрастающего поколения. Историко-культурное наследие регионов в конце 1980-х – 1990-е годы явилось важным условием развития образовательного пространства с православным компонентом.

Ключевые слова: историко-культурные традиции, краеведение, образовательное пространство, православие, провинция, центр России.

Изучение историко-культурного наследия занимает значимое место в современном российском образовании и целенаправлении учебно-воспитательного процесса. Так, принятая в 2002 году Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года определила значимость сохранения исторической преемственности поколений, развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России, формированию духовно-нравственных качеств личности, что, по мнению членов коллегии Министерства образования и науки Российской Федерации, имело большое значение для системы образования [12, л. 167]. Общественное обсуждение в 2013 году проекта историко-культурного стандарта, призванного стать концептуальной основой нового учебно-методического комплекса школьного курса истории, подтверждает важность духовной и культурной жизни в истории России для современного образования.

На основе анализа исторических источников требуется научное осмысление факторов, детерминировавших обращение отечественной школы к изучению историко-культурных традиций с целью развития федеральных и региональных программ, направленных на сохранение целостности России как многонационального государства и развития национально-культурной идентичности отдельных территорий и проживающих на них народов.

Термин «историко-культурное наследие» в отечественной науке и общественной жизни стал активно использоваться в период подготовки и празд-

нования 1000-летия Крещения Руси. Его генезис целесообразно рассматривать в контексте развития синонимичных дефиниций (культурно-историческое наследие, русское культурное наследие, культурное наследие, национальное культурное наследие), так как само понятие выкристаллизовывалось в процессе научных конференций, общественных дискуссий, начавшихся в период юбилея христианства и продолжающихся до настоящего времени. Так, на проходившей в Суздале в ноябре 1988 года Всероссийской научной конференции «Музей и культурно-историческое наследие русского народа», одна из секций которой именовалась «Историко-культурное наследие в современном культурном процессе», участники выразили мнение, что культурно-историческое наследие «включает в себя огромные напластования древнерусской культуры, в том числе памятники церковной письменности, храмовой архитектуры, музыки и иконописи» [1].

На рубеже 1980-х – 1990-х годов понятие «историко-культурное наследие» активно развивалось в контексте религиозного возрождения в СССР.

В научной мысли в 1990-е годы формировалось понимание религиозной культуры, в том числе и православной культуры как части культурно-исторического наследия. Автор опирается на теоретическую разработку термина «духовно-нравственный компонент православной культуры» З.Д. Ильиной, исследовавшей генезис духовных детерминант культурной политики и считающей, что в переломные периоды истории, в критические моменты пересмотра общественного идеала возрастала значимость менталитета, мировоззрения, духовно-нравственного опыта предков [16, с. 9].

На последнем этапе перестройки, в период «парада суверенитетов», в провинциальных регионах центра России отмечен всплеск общественного интереса к историко-культурным традициям. В условиях, когда история советского периода в масштабах целого государства оказалась развенчанной и опороченной, история родного края, не столь существенно пострадавшая от разоблачений, становилась для многих жителей провинциальных регионов центра России нравственным ориентиром, не опороченным скандальными фактами.

По справедливому утверждению С.О. Шмидта, провинция в значительной мере сохраняла живые истоки нашей культуры, а с демократизацией общественной жизни оживляются культурные силы на местах, возрастает тяга к познанию местных корней современной культуры [23, с. 7, 10]. Важнейшую функцию провинции как носительницы традиционности подчеркивали А.А. Данилов и В.С. Меметов [15, с. 72].

Ментальность провинциальных жителей, свойственная им традиционность способствовали тому, что на рубеже 1980-х – 1990-х годов, несмотря на десятилетия атеистической идеологии, именно провинциалы выступали носителями традиционной культурной среды, которая формировалась веками и представляла собой накопление духовных ценностей, противоречащих советской культурной политике. Жители провинций центра России являлись и являются хранителями национальной русской культуры, тесно связанной с православием, они смогли сберечь нравственные ценности, сохранить бытовые традиции, художественное своеобразие жизни [18, с. 78].

Стремление к возрождению историко-культурного наследия, изменившийся взгляд на историческое прошлое своей страны, усугубившийся национальный кризис сделали краеведческую работу актуальной для школы как социального института. В результате «удаления» из образования мировоззренческой основы в начале 1990-х годов школа оказалась лишена влияния национально-государственной идеологии и традиционной культурной ориентации. Не имея возможности продуктивно работать в ожидании выработки новой идеологии, многие учителя, целые образовательные учреждения были вынуждены вести собственные поиски идеологических ориентиров организации учебно-воспитательного процесса, часть педагогических работников обратилась к изучению историко-культурного наследия своего края. Рекомендации Министерства образования Российской Федерации учитывать при организации учебного процесса национально-исторические традиции и разнообразные культурные потребности регионов также способствовали развитию краеведческой работы [22, л. 19 (об.)].

Система образования, получившая в результате школьной реформы значительную свободу

в выборе форм и методов работы, возможность творческой деятельности педагогов в условиях гуманизации и демократизации образования могли развивать обучение с опорой на культурную самобытность. В начале 1990-х годов краеведение как «возрождение культурно-исторической самоидентификации молодежи» получало все большее распространение в школьной практике провинций [10, л. 65]. В богатой и древней истории провинциальных регионов Центральной России черпались сведения, которые транслировались школьникам через изучение краеведческих курсов. В рамках краеведческой работы затрагивалась религиозная тематика, так как, с одной стороны, истоки прошлого неразрывно были связаны с историей православия как главной и традиционной для данных территорий конфессией, с другой стороны, значительная часть педагогической и родительской общественности видела в обращении к нравственным ценностям православной культуры средство воспитания школьников.

Показательна практика, сложившаяся в начале 1990-х годов в Смоленской области. Инициатива изучения истории и культуры родного края была закреплена на областном уровне (26 марта 1991 года принято решение исполкома облсовета № 51 «О неотложных мерах по сохранению культурного наследия Смоленщины» [14, л. 5]). Реализовывался комплекс мероприятий, который вовлек в работу по изучению и сохранению культурного наследия региона чиновников, представителей научной, педагогической общественности. Так, уже в начале 1990-х годов в области масштабно проводилось празднование дней славянской письменности и культуры. Была утверждена программа ремонтно-реставрационных работ, в которую были включены исторические памятники, организована экспозиция «Смоленский народный костюм», проводились научно-практические конференции «Смоляне и культурное наследие России», «Региональные особенности культуры восточных славян» и др. [13, л. 161–162]. В 1993 году в структуру базисного учебного плана Смоленской области был включен интегрированный курс «Родной край», который также мог быть представлен отдельными предметами: «Литература Смоленской области», «География Смоленской области», «История Смоленщины», «Художественный мир Смоленщины», «Литераторы Смоленщины» [21].

Во Владимирской области, начиная с 1992 года, разрабатывались краеведческие курсы художественной направленности: «Художественное краеведение», «Древние корни искусства Владимирского края», «Народная культура Владимирского края» и др., курсы исторического краеведения [2, л. 32].

Научный интерес представляет опыт Орловской области, где степень вовлеченности педагогического и ученического контингента в работу по

изучению и сохранению культурно-исторических традиций региона была различной: от отдельных классов до целых школ и районов. Так, в Михайловской школе было организовано многоплановое изучение истории, географии, литературы, традиций родного края с 1 по 11 классы [4, л. 2], в Хотимль-Кузьменовской, Хотынецкой, Красноябинской, Ильинской школах региона основная деятельность учащихся концентрировалась вокруг комплексных дел по изучению родного края, что стало основой формирования школьного компонента в базисном учебном плане, школьники включились в научно-поисковую работу [9, л. 6–7, 10]. В школах Болховского района Орловской области изучались история района в целом и его улиц, памятных мест, различные формы фольклорного искусства и народного ремесла, традиции, обряды, обычаи, бытовавшие в районе, народные песни, танцы [7, л. 43]. В 1992 году в Орловском городском социально-образовательном центре был создан ВНИК «Христианство – Образование – Милосердие. Краеведческий опыт», который разрабатывал экспериментальные программы, нацеленные на духовно-нравственное просвещение и воспитание личности. Программы в дальнейшем апробировались в школах областного центра [9, л. 106, 111].

Обращению к историко-культурному наследию регионов способствовало утверждение на федеральном уровне базисных учебных планов (в 1993 и 1998 годах), включавших инвариантную и вариативную части. Инвариантная часть обеспечивала единство образовательного пространства России, а вариативная позволяла учитывать национальные, региональные социокультурные особенности и традиции, обеспечивая индивидуальный характер развития школьников в соответствии с их склонностями и интересами. Право на самостоятельное определение регионального компонента высоко оценили на местах. Так, в Костромской области отмечали, что региональный компонент в образовании подразумевает деятельное становление личности в территориально-исторических рамках социального развития или соотношение жизнедеятельности личности с историчностью процессов, протекающих в конкретно взятом месте [5, л. 5]. Значимость регионального компонента как средства обеспечения индивидуального характера построения учебно-воспитательного процесса отмечали смоляне [19]. Именно за счет регионального компонента в школах провинций центра России было организовано изучение местных историко-культурных традиций.

В середине 1990-х годов ошутимы стали пагубные результаты удаления мировоззренческой основы из образования. Признавалась необходимость поиска идеологических ориентиров в области образования с опорой на национальные и общечеловеческие гуманистические традиции [20].

Происходившие в стране политические и социально-экономические процессы способствовали появлению в школьной практике новых подходов, в числе которых уход от заостренно-публицистического и дискуссионного характера преподавания истории, возрождение интереса к российским ценностям, формирование национального самосознания, всестороннее и объемное освещение вопросов духовной жизни, быта, нравов, религии, увеличение объема региональной истории и краеведческого материала [11, л. 238–239].

Во второй половине 1990-х годов учебные курсы, направленные на изучение местных историко-культурных традиций, как правило, обеспечивались учебно-методической литературой, местные органы управления образованием обобщали накопленный в школах области материал. Так, в Костромской области творческими коллективами, состоящими из ученых Костромского государственного педагогического университета, методистов Областного института усовершенствования учителей, высококвалифицированных педагогов области были разработаны и внедрены в учебный процесс региональные программы по истории Костромского края, географии Костромской области [3, л. 2]. В курсовую подготовку учителей истории и географии Областной институт повышения квалификации работников образования включил темы по истории края, для классных руководителей были разработаны сценарии краеведческих викторин и фольклорных праздников [4, л. 4]. В помощь учителям лабораторией по проблемам регионального компонента в образовании Областного института усовершенствования учителей подготовлены методические рекомендации, которые в числе предлагаемых для изучения вопросов включали и сведения по православной культуре: «История Феодоровской иконы Божией Матери: история и легенды», «Язычество. Православие. Старообрядчество» [6, л. 3–5].

Таким образом, в провинциальных областях центра РСФСР – России в конце 1980-х – 1990-е годы историко-культурные традиции регионов выступали в качестве фактора развития образовательного пространства, привнося в содержание образования знания по истории и культуре православия как традиционной и самой массовой религии в России.

Историко-культурное наследие как важная научная и общественная категория получило признание в ходе подготовки и празднования 1000-летия Крещения Руси (конец 1980-х) и включало памятники русской культуры, в том числе православные святыни, которые в годы советской власти были закрыты от общества и не являлись актуальными для отечественной науки.

Обращение к историко-культурному наследию в провинциях центра РСФСР – России было об-

условлено происходившими социально-экономическими процессами и особенностями провинции как хранительницы традиционной культурной среды. Всплеск общественного интереса к познанию истории и культуры родного края способствовал актуализации краеведческой работы в школе как социальном институте. Возрождение культурно-исторического наследия сочеталось с возрождением православной культуры и имело большое значение в краеведческой работе. Развитие в начале 1990-х годов в образовательном пространстве провинций центра России стремления к изучению и сохранению историко-культурных традиций было детерминировано рядом факторов, в числе которых гуманизация и демократизация образования, творческая свобода педагогов, удаление из образования мировоззренческой основы и, как следствие, необходимость поиска на местах идеологических ориентиров построения педагогической деятельности, развенчание советского периода истории страны. Способствовало становлению историко-культурных традиций в образовательном пространстве провинций центра России изменение нормативно-правовой базы в области образования.

Анализ исторических источников свидетельствует о том, что в провинциальных областях центра России в 1990-е годы сложилась разнообразная практика изучения историко-культурного наследия регионов, включающая и православный компонент.

Факт обращения отечественной школы к изучению истории и культуры родного края, православных традиций в кризисный период смены общественно-экономического устройства и потери мировоззренческих ориентиров свидетельствует о значимости в общественном сознании историко-культурного наследия, которое в трудный период приобрело статус нравственного ориентира. Исторический опыт общеобразовательных учреждений провинциальных областей центра России конца 1980-х – 1990-х годов по изучению и сохранению местных традиций, духовной и культурной жизни регионов позволяет признать обращение к историко-культурным традициям как значимый фактор развития образовательного пространства и рекомендовать при разработке федеральных и региональных программ в сфере образования и воспитания подрастающего поколения учитывать значимость локальной истории в организации учебно-воспитательной деятельности.

Библиографический список

1. В.Н. Научная конференция в Суздале // Журнал Московской Патриархии. – 1989. – № 4. – С. 19.
2. Государственный архив Владимирской области. – Ф. Р-3742. – Оп. 2. – Д. 3145. – 140 л.
3. Государственный архив Костромской области

(далее – ГАКО). – Ф. Р-2345. – Оп. 12. – Д. 248. – 10 л.

4. ГАКО. – Ф. Р-2398. – Оп. 4. – Д. 16. – 6 л.
5. ГАКО. – Ф. Р-2398. – Оп. 4. – Д. 17. – 7 л.
6. ГАКО. – Ф. Р-2398. – Оп. 4. – Д. 40. – 5 л.
7. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). – Ф. Р-2441. – Оп. 1. – Д. 1440. – 50 л.
8. ГАОО. – Ф. Р-2441. – Оп. 1. – Д. 1457. – 8 л.
9. ГАОО. – Ф. Р-2520. – Оп. 1. – Д. 2279. – 135 л.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – ОАФ 10173. – Оп. 2. – Д. 196. – 98 л.
11. ГАРФ. – ОАФ 10173. – Оп. 2. – Д. 983. – 276 л.
12. ГАРФ. – Ф. 10225. – Оп. 1. – Д. 740. – 196 л.
13. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). – Ф. Р-2361. – Оп. 15. – Д. 1767. – 307 л.
14. ГАСО. – Ф. Р-2361. – Оп. 15. – Д. 1777. – 20 л.
15. Данилов А.А. Интеллигенция провинции в истории и культуре России / А.А. Данилов, В.С. Меметов. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1997. – 175 с.
16. Ильина З.Д. Культурная политика и духовная жизнь горожан во второй половине 70-х – 80-е гг. (На материалах Центрально-Черноземного региона РСФСР): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Курск, 1999. – 35 с.
17. Концепция областной целевой программы «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2020 года)» / Администрация Костромской области. – Кострома: [б.и.], 2005. – 56 с.
18. Лебедева О.В. Крестьяне – хранители православных традиций: последние годы истории Советского государства / О.В. Лебедева, З.Д. Ильина // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2010. – № 9. – С. 76–78.
19. О задачах образования в городе и районе // Гжатский вестник. – 1996. – 7 сентября.
20. О стратегии развития исторического и мировоззренческого образования в общеобразовательных учреждениях // Вестник образования. – 1995. – № 3. – С. 68–79.
21. Пояснительная записка к базисному учебному плану общеобразовательных учебных заведений Смоленской области // Учитель Смоленщины. – 1993. – № 13. – С. 4.
22. Центральный архив Министерства образования и науки Российской Федерации. – ОАФ. – Оп. 2. – Д. 454. – 216 л.
23. Шмидт С.О. Изучение культуры российской провинции (XVII – начало XX в.) и задачи краеведения // Русская провинция. Культура XVII–XX вв.: сб. статей. – М.: Российский институт культурологии, 1992. – С. 7–14.

О ПОПЫТКАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ В XX–НАЧАЛЕ XXI ВВ. – ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Рассматриваются процессы развития индийской полиции, теории и взгляды полицейских структур и иных государственных органов на необходимость реформирования индийской полиции в направлении независимости её от давления правящих партий и правительственного лобби, некоторые итоги попыток проведения таких реформ. Приводятся решения многочисленных комитетов, созданных в штатах Республики Индия, и центральным индийским правительством. Эти решения были направлены на проведение полицейской реформы, которая должна была преодолеть влияние политических институтов на деятельность полиции. Попытки Верховного Суда Индии повлиять на правительство с целью реформирования полиции не возымели своего продолжения. Не удалось и создание «модульного закона о полиции». Причины этого кроются, по мнению автора, в разнообразии понимания функций полиции, как самими полицейскими, так и политическими элитами страны. На 2015 год пятнадцать штатов (из 28 штатов и 7 территорий) разработали проекты нового полицейского закона в соответствии с указаниями Верховного Суда. Но многие штаты не предприняли вообще никаких действий в направлении реализации указаний Верховного Суда, или настаивали на преждевременности полицейской реформы. Даже там, где были созданы уполномоченные учреждения полиции, их полномочия ограничивались. Продолжают иметь место проблемы в разделении функций между разными структурами внутри самой полиции Республики Индия.

Ключевые слова: Республика Индия, полиция, Верховный суд, комиссии штатов, полицейская реформа, права человека, демократия, период независимости, политические элиты, образовательный уровень полицейских.

Численность населения Индии к концу 2015 года составит 1,3 млрд. человек [7]. Это вторая по количеству населения страна мира после КНР. Отношения россиян, и, естественно, российских историков-индологов к Индии, и её истории, всегда было и остаётся очень внимательным и доброжелательным.

Однако такой теме как история полиции Индии отечественные исследователи практически не уделяли места в своих работах. Вместе с тем, надо учитывать, что количество полицейских в Индии на 1 янв. 2015 г на 100.000 населения – 129, или всего – 166 млн. чел., из них старших офицеров – уровня генерала/полковника 4756 человек [3]. То есть полицейские составляют существенную часть населения республики. Это говорит о том, что актуальность реформы полиции в сторону её демократизации не может быть переоценена.

Полицейская организация в Индии существует в её нынешнем виде в соответствии с Законом о полиции 1861 года, который нормативно закрепил положение о том, «чтобы реорганизовать полицию и сделать её более эффективным инструментом для профилактики и борьбы с преступностью» [1]. Гражданская полиция представляла собой однородную государственную структуру для выполнения всех тех обязанностей, которые не могли быть отнесены к военным полномочиям. Управление полиции в каждой провинции было поручено генеральному инспектору, который оказывал помощь начальникам полиции в каждом районе. Заведование всей полицией было возложено на Государственное управление полиции.

В 1902–1903 годах был создан специальный комитет, на котором была рассмотрена работа полиции. Анализ, проведённый этим комитетом, показал, что

система несовершенна, потому что важность работы полиции недооценивалась и ответственные обязанности, возложенные на плохо обученных и плохо образованных офицеров из низших слоев общества, работавших на самых низших должностях, не выполнялись, что надзор был неисправен, что даже старшие офицеры были недостаточно обучены, и что их чувство ответственности перед государством и населением было ослаблено определённой степенью вмешательства, которое никогда не предусматривалось авторами Закона о полиции. Комитет пришел к выводу, что «полиция по всей стране находится в самом неудовлетворительном состоянии, что нарушения являются общими везде, и что это наносит большой вред людям и дискредитирует правительство, и что поэтому срочно необходимо проводить радикальные реформы» [1, с. 450–480].

Тогда впервые высшие власти заговорили о необходимости полицейских реформ. По иронии судьбы, битва за реформы продолжается уже после более ста лет. Тем не менее, существовавшее тогда status quo продолжает иметь место и сегодня, в начале XXI века.

После провозглашения Республики Индия независимым суверенным государством в 1947 году ожидалось, что новая философия будет определять новую роль полиции, что ее ответственность перед законом и народом страны будет подчеркнута в безошибочных терминах нового мышления и нового законодательства.

Но этого не произошло, и «отношения, которые существовали между полицией Индии и полицией Великобритании, как бывшей метрополии до независимости, продолжились с тем единственным изменением, что “иностранная держава” была заменена на политическую партию власти» [2].

В течение нескольких лет у полиции не было никаких проблем благодаря качеству политическо-го, а также административного руководства. Политики первых лет независимости были людьми высокого полёта, наделенные видением перспектив независимости и приверженные национальным интересам. Администраторы полиции были также высокими профессионалами, уверенными в необходимости играть предназначенную им роль в независимой Индии. Политики обратились к профессиональному опыту и знаниям гражданских служащих, которые, в свою очередь, желали иметь выгоду от приверженности политиков демократии и секуляризму. Существовало взаимное уважение друг к другу в поисках общей цели движения нации вперед на пути к прогрессу и современности.

Через несколько лет, однако, произошли качественные изменения в стиле политики. Огонь идеализма, который вдохновлял первое поколение пост-независимых политиков и государственных служащих, начал тускнеть [5].

Примерно в середине шестидесятых годах прошлого века политическое руководство ввело понятие «обязательство» для полицейской администрации. Это вызвало хаос. Офицеры полиции стали отбираться на руководящие должности с учетом их близости и лояльности к правящей партии и к ее политической философии. При этом их профессиональные полицейские заслуги и квалификация перестали иметь определяющее значение.

Полиция стала использоваться политиками для целей, часть из которых была, мягко говоря, по крайней мере, сомнительной. Некоторые полицейские вели себя так, как будто они не подотчетны вообще никакому государственному органу. Решения об аресте или освобождении некоторых лиц были полностью основаны на политических соображениях. Так офицеры полиции, принимавшие эти решения, показывали, что они были бы «полезны» для правящей партии. Полиция использовалась в пользу какой-либо политической партии, что становилось источником подрыва верховенства закона. В этой связи можно привести справедливое замечание С.И. Лунёва, который пишет, что политику индийского государства в 70–90-х годах XX века формулировали «различные группы интеллектуальной элиты на основе своего понимания национальных интересов» [4, с. 74].

В исследованиях, проведенных специальным полицейским «Бюро по работе по преодолению политических и административных манипуляций с полицией», проведенных в середине 70-х и опубликованных в 1979 году, было подчеркнuto, что чрезмерный контроль политической и исполнительной власти над полицией имеет опасность превращения полиции в инструмент для подрыва права, содействия росту авторитаризма и потрясения самих основ демократии.

Несколько управлений полиции штатов в разное время предложили структурные реформы в полиции, подчеркнули необходимость изолировать её формирования от постороннего давления, но их рекомендации не были реализованы исполнительной властью.

В конце 70-х гг. Правительство Республики Индия назначило Национальную комиссию полиции, и она указала, что в стране после получения независимости произошли далеко идущие изменения, и отметила, что «необходимо новое рассмотрение роли и деятельности полиции и как правоохранительного органа и как учреждения по защите прав граждан, закрепленных в Конституции» [9]. Комиссия даже разработала проект типового закона о полиции, который мог быть принят. Однако эти рекомендации не имели практических последствий в деятельности индийского правительства. Политическое руководство было просто не готово дать функциональную автономию полиции, потому, что оно видело в полиции удобный инструмент для достижения своих целей. Это особенно касается государственной бюрократии, для которой контроль над полицией был (и продолжает быть) властным фактором, к которому они привыкли, как привыкли использовать полицию против определённой части своего народа.

Таким образом, Закон 1861 года по-прежнему продолжает действовать уже более 150 лет, являясь как бы «ярмом на шее» полиции.

Ещё в 1996 году Верховный суд Республики Индия утверждал, что «настоящие искажения и аберрации в функционировании полиции имеют свои корни в колониальном прошлом, структуре и организации полиции, которые остались в основном без изменений в течение последних почти 135 лет, и полное подчинение полиции исполнительной власти – положение, которое было разработано первоначально для защиты интересов британского владычества, но которые, к сожалению, продолжается и по сей день» [4, с. 61–76]. Внимание суда было обращено на злоупотребления и насилия полиции в следующих формах: частые задержания и аресты, процедуры набора офицеров по политическим рекомендациям, подделка материалов следствия, оперативно-разведывательный аппарат полиции используется для политических целей, и др.

Судом было направлено ходатайство об определении роли и функций полиции, о принятии нового Закона о полиции в виде типового (модельного) закона, подготовленного Национальной комиссией, чтобы оградить полицию от постороннего давления, определить прозрачную процедуру отбора начальников полиции, и отделить оперативную работу полиции от следствия по уголовным и иным делам.

Верховный суд в течение десяти лет рассматривал вопрос о необходимости проведения полицейской реформы. Дилемма в Верховном суде за-

ключалась в следующем: следует ли правительству подождать с принятием соответствующих мер для реформы полиции, или «с учетом тяжести проблемы; настоятельной необходимости для сохранения и укрепления правопорядка немедленно подготовить новую модель полиции и соответствующий Закон и/или правительства штатов сами примут необходимые законодательства».

В решении от 22 сентября 2006 года Верховный Суд приказал начать создание ряда специализированных полицейских структур на государственном уровне с целью изоляции полиции от посторонних влияний, для придания ей функциональной автономии и обеспечения её подотчетности. Кроме того, Верховный суд распорядился, чтобы Генеральный директор полиции избирался правительством государства из числа трех старших офицеров Департамента полиции, которые бы баллотировались для продвижения на такой ранг Комиссией Индии по государственной службе. Суд также обязал полицию обеспечить оперативное расследование всех преступлений, улучшить образование и подготовку полиции, наладить отношения с общественностью.

Правительству Республики Индия также было предложено создать комиссию по национальной безопасности для отбора и назначения глав Центральных полицейских организаций, повышение эффективности этих сил и улучшение условий службы своих сотрудников. Судебные указания должны были быть выполнены до 31 декабря 2006 года. Впоследствии срок был продлен до 31 марта 2007 года.

Но политическое руководство и бюрократия не были готовы ослабить свое влияние на полицию. Восемь штатов, а именно, Андхра-Прадеш, Гуджарат, Пенджаб, Джамму и Кашмир, Карнатака, Махараштра, Тамилнад и Уттар-Прадеш подали петиции по поводу преждевременности реформирования полиции [8]. Тем не менее, все эти ходатайства были отклонены Верховным судом 23 августа 2007 года.

Большинство же штатов продолжали настаивать на необходимости полицейских реформ.

Правительство страны на своем уровне также не показало ожидаемой приверженности реформе полиции. Оно создало свой собственный внутренний комитет под председательством бывшего генерального прокурора Шри Соли Сорабджи, чтобы подготовить проект Модельного закона о полиции. Комитет представил свои рекомендации 30 октября 2006 года. Комитет в целом действовал по схеме, рекомендованной Верховным судом. Правительство Республики Индия заверило парламент, что Модельный закон о полиции с соответствующими рекомендациями Комитета Сорабджи будет внесен в ближайшее время, но это обещание так и не было выполнено.

17 мая 2008 года Верховный Суд учредил Комитет мониторинга для контроля за осуществлением

своих решений в штатах и союзных территориях. Комитет в своем докладе, представленном в августе 2010 года, выразил сожаление по поводу того, что «практически ни один штат в полной мере не соблюдает директивы по подготовке полицейских реформ». Он также выразил разочарование по поводу полного безразличия к вопросу реформ в функционировании полиции высшими органами штатов и государства в целом.

На 2015 год пятнадцать штатов (Ассам, Бихар, Чхаттисгарх, Гуджарат, Харьяна, Химачал-Прадеш, Карнатака, Керала, Мегхалая, Мизорам, Пенджаб, Раджастан, Сикким, Трипура и Уттаракханд) разработали проекты нового полицейского закона в соответствии с указаниями Верховного Суда. Остальные штаты не предприняли вообще никаких действий в направлении реализации указаний Верховного Суда. Даже там, где уполномоченные учреждения – Государственная комиссия безопасности, милиция (штатов) были созданы, их полномочия ограничивались. Продолжают иметь место проблемы в разделении функций полиции.

Актуальность реформы индийской полиции не вызывает сомнения. Полицейские реформы необходимы, чтобы защитить демократическое устройство страны, которое находится под угрозой криминальных элементов [6], и для поддержания темпов экономического прогресса. Эти реформы являются неременным условием для совершенствования управления, для поддержания верховенства закона и обеспечения строгого соблюдения прав всех граждан Республики Индия.

Библиографический список

1. Антонов К.А. и др. История Индии (краткий очерк). – М.: Мысль, 1973. – 558 с.
2. Володин А.Г. Демократия и гражданское общество: Индия (опыт сравнительно-исторического исследования): автореф. ... дис. докт. ист. наук. – М.: ИВ РАН, 1993. – 93 с.
3. Дзись-Войнаровский Н. Россия – полицейское государство? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slon.ru/economics/rossiya_politseyskoe_gosudarstvo-823855.xhtml (дата обращения: 14.05.2015)
4. Лунев С.И. Элитарная парадигма развития (на примере Индии) // Элиты стран Востока / под ред. А.Ю. Другова, Н.П. Малетина, О.В. Новиковой. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 61–76.
5. Юрлов Ф. Зигзаги коалиционной политики // Азия и Африка сегодня. – 1998. – № 8.
6. Central Police Organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mha.nic.in/cpo> (дата обращения: 24.05.2015).
7. Current world population by country. Population data for every country as of 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://countrymeters.info/ru/India/> (дата обращения: 02.05.2015).

8. Government of India. Ministry of Home Affairs. Annual Report 2014-2015. /AR(E)1415.// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://india.gov.in/2015> (дата обращения: 02.05.2015).

9. Preface, the Constitution of India (PDF). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text>. Government of India. Retrieved 5 February 2015 (дата обращения: 07.05.2015).

УДК 94(44+479)

Акопян Эдуард Гагикович

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
h-edo@mail.ru

РОЛЬ ФРАНЦИИ В КАЧЕСТВЕ СОПРЕДСЕДАТЕЛЯ МИНСКОЙ ГРУППЫ ОБСЕ И ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Отношения Армении с Францией важны, прежде всего, с точки зрения урегулирования Нагорно-карабахского конфликта. Процесс урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе приобрел международный характер в марте 1992 года. В рамках ОБСЕ Армения стала сотрудничать с Францией в основном в сфере урегулирования Нагорно-карабахского конфликта. Руководство Армении осознавало большой политический вес и влияние Пятой Республики в европейских структурах и в целом в международном сообществе. Заинтересованность Франции в вопросе НК заключалась также в том, что, будучи одной из передовых стран ЕС, Франция заинтересована в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе, что вытекало из интересов ЕС. Франция была также заинтересована в усилении своих позиций в регионе Закавказья. Опыт процесса урегулирования свидетельствует, что Франция была вынуждена маневрировать между позициями сторон конфликта и использовать высокую квалификацию своих дипломатов для поиска и применения различных формул урегулирования. Позиция Франции в процессе переговоров не может быть названа сугубо проармянской, Французская дипломатия искренне пыталась найти сбалансированный подход к решению Нагорно-Карабахской проблемы.

Международный опыт свидетельствует, что чем дольше сохраняется де-факто независимость, тем больше укрепляется воля международной общественности и местного населения по сохранению установившегося статус-кво.

Ключевые слова: Франция, Армения и Азербайджан, Минская группа ОБСЕ, Нагорно-карабахский конфликт.

Отношения с Францией важны для Армении с точки зрения урегулирования Нагорно-карабахского конфликта. Миротворческий потенциал Пятой Республики усиливается тем фактом, что Армении и Франции связывают развитые и хорошо структурированные межгосударственные отношения. Следующими факторами международного влияния Франции выступают ее возможности в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, «двигателя» европейской интеграции и сопредседательство в Минской группе ОБСЕ. Заметим, что Франция – единственная держава ЕС, которая участвует в процессе урегулирования на таком высоком уровне.

Вышеуказанные обстоятельства способствуют укреплению роли Франции в закавказском регионе, которая основывается на имеющихся традиционных и партнерских отношениях с Арменией. Понимая такую роль Франции, исследователь процесса урегулирования и армяно-французских отношений неизбежно ставит вопрос о степени вовлеченности Пятой Республики в усилия Минской группы и процесс урегулирования Карабахской проблемы в целом.

До сентября 1991 года полномочия по урегулированию Карабахского конфликта принадлежали исключительно центральным властям СССР. Однако уже в сентябре 1991 г. президенты России и Казахстана Б. Ельцин и Н. Назарбаев выступили с посреднической инициативой. После визита в Степанакерт 23 сентября 1991 г. в Железновод-

ске (РФ) ими были организованы переговоры между представителями Нагорного Карабаха, Азербайджана и Армении, в результате которых было принято коммюнике [1].

В феврале–мае 1992 года в зоне конфликта находилась посредническая миссия Ирана, состоялись визиты в зону конфликта министра иностранных дел ИИР А. Вилайти и заместителя министра М. Ваези. 8 мая 1992 г. в Тегеране на уровне руководства Армении и Азербайджана и представителей Ирана и России было подписано совместное коммюнике. Но увеличивающаяся интенсивность боевых действий, особенно освобождение армянскими войсками города Шуши, не позволили осуществиться договоренностям, достигнутым в ходе этой встречи, на которой не присутствовали представители НКР.

Процесс урегулирования конфликта НК приобрел международный характер в марте 1992 года. Первые контакты СБСЕ (в дальнейшем была переименована в организацию) с конфликтующими сторонами начались 24 марта 1992 г. в Хельсинки, где было решено под эгидой СБСЕ собрать в Минске (Беларусь) конференцию по вопросам Карабаха, которая “обеспечит работу постоянной конференции с целью мирного урегулирования конфликта”, а процесс был назван Минской конференцией, которая в дальнейшем превратилась в сопредседательство трех стран (США, РФ, Франция) – Минская группа [5], которая положила начало Минскому процессу СБСЕ.

Сначала в состав группы входили 9 стран: Болгария, Германия, Италия, Россия, Турция, Франция, Чехословакия, Швеция, а также прямо или опосредованно были вовлечены три стороны: Армения, Азербайджан [5] и избранные представители НКР, однако лишь в качестве заинтересованной стороны. В дальнейшем состав Минской группы претерпел некоторые изменения. Чехословакию заменила Венгрия, присоединились Финляндия и Швейцария.

Необходимо учитывать, что решение об участниках конференции принималось в те дни, когда НКР была в окружении, и ее население находилось на грани гуманитарной катастрофы. По признанию первого президента Минской конференции Марио Рафаэли (Италия), под угрозой исчезновения был сам предмет переговоров (письмо М. Рафаэли действующему председателю ОБСЕ от 23 сентября 1992 г.) [3, Л. 168].

1. Международная общественность решила переименовать эту посредническую структуру, занимающуюся вопросом НК в Минскую группу по месту проведения конференции. Переговоры в рамках Минской группы – посреднической миссии СБСЕ, по причине неэффективности временно были приостановлены в октябре 1993 г. И только на саммите СБСЕ в Будапеште (5–6 декабря 1994 г.) было принято решение создать институт сопредседателей с целью объединения усилий СБСЕ [3, Л. 168].

В рамках ОБСЕ Армения стала сотрудничать с Францией в основном в сфере урегулирования Нагорно-карабахского конфликта.

Французский сопредседатель Минской группы не раз выражал свою обеспокоенность в связи с продолжающимся карабахским конфликтом, который серьезно вредит экономическому и социальному развитию и благополучию кавказского региона, привел к тысячам жертв. В рамках ОБСЕ Франция приняла на себя обязательства поддерживать усилия сторон по урегулированию конфликта путем переговоров.

Заинтересованность Франции в вопросе НК заключалась также в том, что, будучи одной из передовых стран ЕС, Франция была заинтересована в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе, что вытекало из интересов ЕС.

2. Таким образом, окончание военной стадии (Бишкекское перемирие 1994 г.) совпало с формированием переговорного процесса в новом формате. Бывший министр иностранных дел РА В. Осканян, подчеркивая значение этой структуры, отметил: «Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе является основной ареной урегулирования конфликта в НК» [2, Л. 143].

Миротворческий процесс с марта по декабрь 1994 года проходил при посредничестве России, на уровне консультаций экспертов из Азербайджана,

Нагорного Карабаха и Армении. Это обстоятельство создало напряженность в отношениях России и СБСЕ. Сформировалось общее мнение на саммите СБСЕ, проведенном в декабре 1994 г. в Будапеште: было принято решение об объединении посреднических усилий России и СБСЕ. Саммит решил создать институт сопредседательства Минской конференции и Минской группы. Причем Россия является сопредседателем на постоянных началах, и наряду с ней Минский процесс возглавляли с 1995 г. – Швеция, с 1996 г. – Финляндия, с начала 1997 г. было введено сопредседательство трех стран (Россия, США, Франция).

Страны-участницы саммита в Будапеште приветствовали заверения сторон конфликта (Азербайджан, Нагорный Карабах, Армения) о договоренности о перемирии (которая была достигнута 12 мая 1994 г.), а также выразили готовность задействовать многонациональные силы СБСЕ с целью поддержания мира после приобретенной сторонами договоренности о прекращении конфликта. Было принято решение о создании Группы планирования высокого уровня (ГПВУ).

На Лиссабонском саммите ОБСЕ (декабрь 1996 г.) была принята формула из трех пунктов:

- территориальная целостность Республики Армения и Азербайджанской Республики,
- для Нагорного Карабаха – ситуация, базирующаяся на праве народа на самоопределение; в данной ситуации НК обеспечивается самый высокий уровень самоопределения в составе Азербайджана,
- гарантированная безопасность Нагорного Карабаха и его населения.

Следовательно, Лиссабонский саммит взял за основу принцип территориальной целостности и обошел вниманием право наций на самоопределение. Такой подход расценивался в Ереване и Степанакерте как тенденциозный. Армения не приняла вышеназванную формулу, и саммит прекратил переговорный процесс между сторонами конфликта.

Во время первой встречи Минской группы в марте 1997 г. Азербайджан настоял на том, чтобы все переговоры проходили на базе «Лиссабонских принципов», что на время завело переговорный процесс в тупик. А участие Нагорного Карабаха в Минской группе в полноценном формате было приостановлено, хотя НК продолжал оставаться участником переговорного процесса.

После прекращения переговорного процесса сторонам было предложено 2 варианта.

В мае 1997 г. было представлено пакетное предложение [2, Л. 52]. Оно включало все вопросы, в том числе проблему определения статуса, однако текст базировался на «Лиссабонских принципах» 1996 года. По этой причине Армения и Нагорный Карабах отвергли пакетное предложение. После неудачи с «пакетом» последовали интенсивные дипломатические консультации.

Итогом встреч, бесед и консультаций явился новый проект сопредседателей Минской группы ОБСЕ. В сентябре 1997 г. сопредседатели представили вариант поэтапного урегулирования [2, Л. 55], который предполагал возвращение территорий без обсуждения вопроса статуса. Азербайджан и Армения приняли его, Нагорный Карабах – нет. Власти Нагорно-Карабахской Республики настаивали на необходимости такого варианта, который бы учитывал мнение армянского населения республики и соответствующим образом влиял на определение будущего статуса НК. Принятие поэтапного плана привело к серьезным внутривластным разногласиям в Армении и политическому кризису, который, в конце концов, завершился отставкой первого президента независимой Армении Левона Тер-Петросяна.

Какова же была позиция Франции в процессе урегулирования? Следует подчеркнуть, что до 1997 г. Франция пыталась вести сбалансированную политику в отношении трех южнокавказских республик, даже делая определенные реверансы в сторону Азербайджана.

Интересы Франции требовали появления в регионе и приобретения там определенного влияния. Привлекательность возможного подписания с Азербайджаном нефтяного договора обеспечила некоторый поворот в сторону Азербайджана, однако Франция и французские предприятия не участвовали в первых договорах об эксплуатации нефтяных месторождений (первый договор был подписан в 1994 г. в пользу англо-американских компаний), самые важные из которых касались эксплуатации скважин «Чираг», «Азери» и «Гюнешли оффшор». Визит министра иностранных дел Франции Эрвета де Шатера в регион и, в частности в Баку (1996 г.), не сыграл значительной роли в улучшении франко-азербайджанских экономических связей.

В ходе визита президента РА Левона Тер-Петросяна во Францию (осенью 1997 г.) президент Франции Ж. Ширак, придавая большое значение возможности участия Франции в деле мирного урегулирования конфликта, подчеркнул важность участия НК в переговорном процессе в качестве заинтересованной стороны.

Франция заверила председателей Минского саммита ОБСЕ в своем намерении об участии, которое было выражением готовности более активного вовлечения в мирный процесс ОБСЕ. Это стало также залогом обеспечения экономического и военного присутствия на Южном Кавказе. То, что Азербайджан отверг кандидатуру Франции, по мнению французских властей, оставило отрицательный след в двусторонних отношениях, что проявилось во время визита президента Г. Алиева во Францию.

22 августа 1998 г. министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин совершил визит в Иран, что

было связано с политическими реформами президента М. Хатами. «Центр тяжести» своей внешней политики и экономических отношений Иран перемещал в Европу. В ходе этого визита на встрече министра иностранных дел Франции с министром иностранных дел Ирана И. Харази речь шла о проблеме Карабаха. Министр Харази выразил желание участвовать в процессе урегулирования конфликта, в ответ на что Ведрин сообщил, что эта миссия доверена ОБСЕ, членом которой Иран не является, тем не менее, пообещал в случае представления Ираном официального заявления о содействии обсудить его с председателями Минской группы ОБСЕ [2; 3].

Во время визита в Москву в 1998 г. президент Франции Ж. Ширак и президент Российской Федерации Б. Ельцин обсудили вопрос Карабахского конфликта и пришли к согласию в вопросе содействия установлению мира [6]. Предполагалось, что Франция и Россия выступят в качестве противоядия проазербайджанской позиции США.

Фактически с 1997 года после прекращения переговорного процесса до произошедшей в Армении смены власти в 1998 году мирный процесс поддерживался исключительно с помощью «челночной дипломатии» сопредседателей Минской группы. Они ездили из одной столицы в другую – Баку, Степанакерт, Ереван, с целью согласования базы для возобновления переговоров. Сопредседатели в среднем 2–3 раза в год посещали зону конфликта и выступали с предложениями, но ни одно из них не было однозначно принято ни одной из конфликтующих сторон.

В досрочных президентских выборах 1998 года победу одержал премьер-министр Роберт Кочарян. Произошедшие в Армении внутривластные изменения, по сути, не имели отрицательного влияния на армяно-французские партнерские отношения. Напротив, некоторых чиновников МИД Франции удивило то, что Левон Тер-Петросян принял вариант поэтапного урегулирования конфликта [4], предложенный Минской группой. Они полагали, что тем самым Левон Тер-Петросян взял на себя большую личную ответственность. Избрание Р. Кочаряна на пост президента РА после отставки Тер-Петросяна было рассмотрено во Франции как возможность вывести Армению из глубокого кризиса, с учетом более основательной позиции Кочаряна по вопросу урегулирования конфликта. Р. Кочарян воспринимался как политический лидер, способный реализовать мирное соглашение [6].

В ноябре 1998 г. сопредседатели Минской группы ОБСЕ предложили новую переговорную базу, которая предполагала всеобъемлющее урегулирование проблемы путем возобновления переговоров без предварительных условий. НКР и Армения приняли предложение сопредседателей, а Азербайджан – нет.

Некоторые подходы новых властей Армении во внешней политике, в том числе по вопросу НК, отличались от политики прежних властей.

В ходе визита сопредседателей Минской группы ОБСЕ (ноябрь 1998 г.) Армения однозначно отвергла поэтапный вариант урегулирования конфликта НК и предложила возобновить переговоры, включающие следующие три вопроса:

- без предварительных условий начать переговоры по всестороннему урегулированию конфликта,
- прямое участие представителей НК,
- предложение варианта «ни автономия, ни независимость» [6].

Последовательные действия властей РА по изменению формата переговорного процесса по проблеме НК были поддержаны Францией.

Следует особо указать на программу так называемого «общего государства», которая была предложена Сопредседателями в ноябре 1998 г. По сравнению с ранее предложенными вариантами эта программа, несомненно, была более прогрессивной. Согласно ей, урегулирование конфликта должно опираться на принцип территориальной целостности и право на самоопределение.

Стороны конфликта должны решать все разногласия мирным путем, и, в первую очередь, путем прямых переговоров. Согласно этому проекту, Нагорный Карабах будет иметь свой флаг, герб и гимн. НКР должна иметь свои органы управления и конституцию.

Однако некоторые положения этого проекта были просто неприемлемы для НКР. Например, в 6-м пункте проекта говорится, что население Нагорного Карабаха имеет право избирать своих представителей в парламент Азербайджана и участвовать в выборах президента Азербайджана. Однако этот пункт, фактически, отождествляет статус НК со статусом находящейся в составе Азербайджана республики. Ни одна страна, созданная на основаниях общего государства (Босния, Танзания, вариант урегулирования кипрской проблемы, предложенный бывшим генеральным секретарем ООН Аннаном) не опирается на подобный принцип. Каждый субъект общего государства выбирает свои органы власти, а общие структуры создаются исключительно по принципу равенства.

В разделе этого проекта («Соглашение о статусе Нагорного Карабаха») говорится, что НК будет иметь право устанавливать прямые внешние связи с иностранными государствами в экономической, торговой, научной, культурной, спортивной, гуманитарной сферах, а также участвовать в реализации внешней политики Азербайджана в затрагивающих его интересы вопросах. Однако эти формулировки тоже скорее касаются автономного образования, чем равноправного субъекта.

Особого внимания заслуживают те пункты проекта, которые касаются гражданства. Они, в част-

ности, утверждали, что граждане Нагорного Карабаха в качестве документа, удостоверяющего личность, будут иметь азербайджанский паспорт со специальной отметкой «Нагорный Карабах». Дипломаты НК полагали, что таким образом готовилась почва для оттока армянского населения из Карабаха. Проект содержал и другие весьма дискуссионные пункты. НКР не приняла его как окончательный, а только как базу для начала переговорного процесса. Заметим, что Азербайджан вообще не принял этот проект.

В мае 2001 г. после визита президента Франции Ж. Ширака в кавказский регион и встречи с Р. Кочаряном французский сопредседатель ОБСЕ подтвердил, что «вариант поэтапного урегулирования исчерпал себя, и необходимо представить такие предложения по урегулированию конфликта НК, которые будут учитывать мнение всех сторон» [6]. Этот пример доказывает, что для вывода процесса из тупика необходимы решительные и смелые шаги, которые созвучны новым реалиям и вытекают из интересов страны.

Делегация МИД Франции во главе с госсекретарем министерства Рено Мюзелье 3–5 марта 2001 г. посетила Армению [6]. На переговорах с главой внешнеполитического ведомства РА В. Осканяном Мюзелье, обращаясь к вопросу урегулирования конфликта, подчеркнул, что позиция Г. Алиева [7] не совпадает с позицией подавляющего большинства азербайджанцев, поскольку они полагают, что эксплуатация нефтепровода Баку–Джейхан изменит соотношение сил в ущерб Армении.

Суть предложений Франции, которые делались также в рамках Минской группы ОБСЕ, заключается в следующем: так как Армения уже одержала победу в войне за Нагорный Карабах, то она должна быть готова приложить усилия для достижения мира [7].

Подобная позиция Франции объясняется наличием собственного опыта в деле евроинтеграции. Будучи страной, победившей во Второй мировой войне, Франция первая выступила с инициативой, обращенной к Федеративной Республике Германии, с предложением сформировать единые структуры. Этой структурой, созданной в 1951 г., стало Европейское объединение угля и стали, которое сыграло решающую роль в деле преодоления француско-немецкой вражды и атмосферы недоверия.

В период с 2003 по 2006 гг. не был зафиксирован перелом в процессе урегулирования Карабахского конфликта, поэтому Франция в качестве страны-сопредседателя Минской группы ОБСЕ также не выступала со специальными инициативами. Дело в том, что как в Армении, так и в Азербайджане за это время не было смены власти, следовательно, остались неизменными также позиции сторон в переговорном процессе.

Бывший министр иностранных дел РА В. Осканян в одном из своих выступлений высказал следующее мнение: «Иногда говорится о медленных темпах развития мирного процесса. При этом не учитывается сложность решаемых проблем, в числе которых вопрос статуса НК на основе права его народа на самоопределение» [7].

С точки зрения укрепления тесного политического диалога между Арменией и Францией, а также различных позиций по урегулированию конфликта НК важной вехой стал визит президента Франции Ж. Ширака в Армению летом 2006 г. [7], в ходе которого были сделаны политические заявления по краеугольным вопросам внешней политики Армении. Затем Ж. Ширак высказался против вывода вопроса НК за рамки ОБСЕ и рассмотрения в рамках ООН. Учитывая право вето Франции в СБ ООН, это можно было считать определенным достижением армянской дипломатии, которое нейтрализовало бы инициативы Азербайджана в этом направлении. Таким образом, дальнейшая активная деятельность Минской группы ОБСЕ вытекает также из интересов Франции.

В 2007 г. страны-сопредседатели по вопросу урегулирования Нагорно-карабахского конфликта (Россия, США и Франция) подписали еще один документ, который по названию места подписания назвали Мадридские принципы. Он предполагал проведение референдума по вопросу самоопределения Нагорного Карабаха, а также вывод войск из сопредельной Нагорному Карабаху зоны безопасности.

В 2008–2013 гг. в переговорном процессе в рамках Минской группы ОБСЕ не было зафиксировано особых результатов, а Россия, наоборот, активизировала свои усилия по мирному урегулированию конфликта. Они в основном представляли собой трехсторонние встречи на высшем уровне (при посредничестве РФ).

Франция как страна-сопредседатель Минской группы ОБСЕ заботится об обеспечении баланса в этом процессе, поскольку, по сути, ей удается представить позицию ЕС в условиях растущей конкуренции между США и РФ. Франция является инициатором Минского сопредседательства ОБСЕ и может, используя богатый опыт европейской политической архитектуры, найти и предложить нетрадиционные формулы урегулирования.

Представители Франции периодически замечают по поводу урегулирования конфликта НК, что здесь, как и в других конфликтах, невозможно обеспечение мира без взаимных уступок, достигнутых в результате прямых переговоров между заинтересованными сторонами. Основная цель Минской группы ОБСЕ заключается в мирном урегулировании, а ее наблюдатели следят за соблюдением перемирия.

С 2008 по 2013 г. в основном сохранились те тенденции и достижения, которые были зафиксиро-

ваны в этом процессе. По сути, нового продвижения не было.

Ситуация резко изменилась, на наш взгляд, в 2014 году. Присоединением Крыма к России была восстановлена историческая справедливость, а местное население путем свободного голосования выразило свою волю по выходу из состава Украины и вхождению в состав России. Это доказало, какое значение придается праву народа на самоопределение. В то же время события, происходящие на юго-востоке Украины, являются доказательством того, что атмосфера нетерпимости, применение грубой силы, подавление инакомыслия и другие проявления не способствуют тому, чтобы непризнанные государственные образования в составе этого государства были насильственно присоединены к прежнему формату. Справедливое желание населения Донбасса и Луганска говорить, получать образование на русском языке и поддерживать традиционные связи с Россией встречает нетерпимое отношение украинских властей и приводит к применению силы с их стороны.

Аналогичная ситуация сложилась и в случае с Нагорным Карабахом. Политическое руководство и народ НКР опасаются, что не смогут сохранить армянский язык, культуру и исторические памятники, если окажутся, пусть и с особым статусом, в составе Азербайджана.

Международный опыт свидетельствует, что чем дольше сохраняется де-факто независимость, тем больше укрепляется воля международной общности и местного населения по сохранению установившегося статус-кво.

Выступая в пользу территориальной целостности, дипломатия Азербайджана предпринимает различные шаги по смене подходов к решению проблемы или перемещению переговоров в другие инстанции.

Необходимо учитывать также тот факт, что Франция вовлечена в процесс установления мира в НК и, действуя в пользу установления мира в качестве посредника, стремится занимать сбалансированную позицию. Руководство Пятой Республики вынуждено учитывать интересы конфликтующих сторон и, в то же время, продвигать свои энергетические, торгово-экономические, политические военные интересы в регионе. Не следует забывать и о таком внешнеполитическом инструменте влияния Франции на Армению в сфере «мягкой силы», как Сообщество Франкофония. Тем не менее, история процесса урегулирования последних 20 лет свидетельствует об определенной близости Франции скорее к дипломатической позиции Армении, нежели Азербайджана. На наш взгляд, этот нюанс имеет место не столько по причине сложных отношений Парижа и Баку, сколько является отражением исторически дружественных связей армянского и французского народа и их стран.

В случае с Карабахским конфликтом стороны почти всегда придерживались мнения, что урегулирование конфликта должно быть компромиссным. Несмотря на встречи президентов Республики Армения и Азербайджанской Республики в ходе переговоров не было достигнуто серьезное продвижение, однако были уточнены позиции и возможные границы компромисса. Армения полагает, что 1. Нагорный Карабах не может управляться Азербайджаном, 2. Нагорный Карабах должен иметь общую границу с Арменией, 3. Безопасность народа Нагорного Карабаха должна быть гарантирована.

Основа решения проблемы – это закрепление права на самоопределение для народа НК, а позиции сопредседателей Минской группы – Франции, США и России, могут играть определенную роль в деле окончательного урегулирования.

Различные варианты урегулирования Карабахского конфликта предлагают не только международные посредники, но и представители научных кругов. Однако секретный (закрытый) характер процесса и нехватка информации, в частности, по вариантам уступок, затрудняют участие и под-

держку со стороны общественных и научных кругов в этом процессе.

Библиографический список

1. *Абраамян Г.* История армянского народа: с древнейших времен до наших дней. – Ереван: ЕГУ, 2004. – 195 с.
2. Историко-дипломатический архив МИД РА. – Ф. 1. – Д. 22.
3. Историко-дипломатический архив МИД РА. – Ф. 1. – Д. 180.
4. *Казимиров В.* Гуманитарная катастрофа в зоне Карабаха была, может быть, больше, чем ныне вокруг Косово // *Международная жизнь*. – 1997. – № 5. – С. 9–12.
5. *Осканян В.* Неоконченное десятилетие. Сб. выступлений. – Ереван, 2005. – 319 с.
6. Официальный сайт Министерства обороны Республики Армения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mil.am/1298097191> (дата обращения 21.05.2015).
7. Проблема Нагорного Карабаха: пути урегулирования // *Парламентские чтения*, 29–30 марта 2005 г. – Ереван, 2006.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПАФОС ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

Героический пафос в повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя имеет романтическую специфику, которая проявляется в народности, христианской эстетике, мифопоэтической оппозиции «свой мир» – «чужой мир» и в своеобразии стиля повествования, ориентированного на романтизацию героев эпохи.

Пафос тесно соприкасается с понятиями «народность» и «героический образ народа». Народность гоголевской повести представлена эпической мощью народа, воодушевленного идеей патриотизма. Патриотизмом пропитана жизнь Запорожской Сечи. Практически ни один из героев не мыслит своей жизни без неё. Гоголь изобразил могучие народные характеры. Отсюда романтико-героический пафос изображения повести.

Обладая спецификой священного патриотизма, героический пафос повести включает в себя преданность товарищества своей Родине и христианской православной вере. Патриотизм Гоголя тесно соприкасается с эстетикой православного христианства. Любовь к Родине равносильна любви к Богу. Без веры во Христа немислимо существование Запорожской Сечи. Умирая за Родину, казак умирает за веру православную, поскольку слова «Родина» и «Вера» для гоголевских героев тождественны. Не случайно, предав Веру, Андрий предаёт Родину, а соответственно, и законы товарищества.

Образ товарищества играет важную роль в осмыслении героического пафоса повести. В героическом пафосе Гоголя реализуется глубокое духовное единение православного народа, который борется и побеждает в смертельной схватке с врагом – символом злого начала.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, повесть «Тарас Бульба», героический пафос, героизм, патриотизм, народность.

Целью нашей статьи является исследование особенностей героического пафоса в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Литературоведы мало внимания уделяют этому вопросу, который, на наш взгляд, очень важен для интерпретации данного художественного произведения.

Обратим внимание на трактовку термина «героический». В «Большом толковом словаре современного русского языка» лексема «героический» имеет следующие дефиниции: «1. Прилагательное к слову герой в 1-м значении. *Героический подвиг.* Способный к героизму. Величавый, грандиозный. *Героические образы истории.* 2. Крайний, сопряженный с большим риском. *Героические меры.* 3. Повествующий о легендарных героях, написанный в возвышенном художественном стиле (лит.). *Героический эпос*». Слово «герой» имеет аналогичное толкование: «исключительный по смелости или по своим доблестям человек. Выделившийся своей доблестью на войне» [11, с. 142]. По утверждению Г.В.Ф. Гегеля, героическое представляет собой «созвучие внутреннего мира героев и их внешней среды, объединяющее обе эти стороны в единое целое» [1, с. 265]. Героический персонаж в своей основе не отделён от своей судьбы, они едины, судьба выражает величную сторону индивида, и его поступки только раскрывают содержание судьбы.

В.И. Тютча отмечает: «Психологическое содержание героического присутствия в мире – гордое самозабвение, или самозабвенная гордость. Героическая личность горда своей причастностью к сверхличному содержанию миропорядка и равнодушна к собственной самобытности» [12, с. 56].

Героика сводится не только к жизненному поведению героя и его авторской оценке, а к народным интересам прежде всего. Так, Н.И. Киященко пишет: «Героический подвиг предполагает свершение выдающихся по своему и историческому значению поступков во имя интересов народа, общества и всего человечества. Героизм – это борьба не за личные, а за общественные интересы» [7, с.88].

Пафос произведения – это захватившая писателя идея, большое чувство, пронизывающее всё произведение. Пафосная речь – это речь, полная возбуждённого чувства. В центре повести «Тарас Бульба» – героический образ народа, борющегося за свою свободу и независимость. Каждый из героев повести, сколь бы он ни был индивидуален и своеобразен, ощущает себя частью народной жизни. В беспредельной слиянности личных интересов человека с интересами общенародными – поэтический пафос этого произведения.

Произведение прославляет Запорожскую Сечь, ее дух товарищества, воспекает стремления запорожцев к воле и свободе, их преданность отечеству. Сам представитель старинного казацкого рода Гоголей-Яновских, писатель показал народ как великую силу, сделал его основным героем художественного произведения. Гоголь не скрыл ни грубости нравов, ни «свиристства» запорожцев, объясняя это тем, что время было жестоким, «когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалялся в ней душою, не чуя человечества» [2, с. 142]. Н.Л. Степанов относительно повести справедливо заметил: «Среди памятников мировой литературы “Тарас Бульба” Гоголя занимает особое место. Это – величественное произведение, в котором ощутимо дыхание народного

эпоса, героическая поэма о мужественных людях, о родине, о несокрушимой любви к свободе и подвиге народа. Словно литые из бронзы встанут перед читателем ее легендарные герои» [10, с. 154].

В литературе начала 30-х годов XIX века понятие народности отождествлялось лишь с обращением к этнографическим и бытовым деталям. Для Гоголя народность в самом понимании жизни, в слиянии личности с коллективом, в выражении национального характера. Гоголь возвращается к романтическим народным истокам, к фольклору, к национальному эпосу. В романтическом плане изображал он казачество и в повести «Страшная месть», в известной мере предварявшей «Тараса Бульбу».

Историки литературы, говоря об образе Тараса Бульбы, неоднократно стремились отождествить его с конкретными историческими деятелями, найти исторический прототип. Однако эти сближения чрезвычайно шатки и случайны. В Тарасе Бульбе воплощены лучшие героические черты казачества, которые Гоголь увидел как в народных песнях и сказаниях, так и в исторических источниках и летописях. Так, В.И. Тюпа писал: «Гоголевский Тарас Бульба нимало не дорожит своей отдельной жизнью, но свято дорожит люлькой, видя и в этой малости неотъемлемый атрибут праведного (“козацкого”) миропорядка» [12, с. 56]. А Г.А. Гуковский в монографии «Реализм Гоголя» отмечал следующее в образе Тараса Бульбы: «Да ведь едва ли и можно говорить о Тарасе как просто хорошем человеке в плане личных свойств и вне героического начала сечевой жизни. Он ведь и жесток, и груб, и дик (вспомним начало повести – его отношение к жене и многое другое). Да и вообще запорожцы как личности у Гоголя диковаты, и пьяницы они, и жестоки они, и Гоголь неоднократно подчеркивает это прямо и недвусмысленно.

Суть дела состоит в том, что не просто личные достоинства Тараса как индивидуальности делают его героем и повесть – героической эпопеей, а характер и смысл всего уклада, всего типа жизни Запорожской Сечи; то есть здесь героична, эпична не просто личность, а жизнь и уклад, делающие ее такой» [3, с. 197]. Эта точка зрения выражает особенность героизма Тараса, представленную в его укладе жизни и быта, связанном с товариществом и эпохой, в которой он жил. И это важно, поскольку уникальность личности Бульбы, на наш взгляд, заключается в самозабвенной преданности народным интересам. Преданность героя Родине и народу, представленная Гоголем в высоком патетическом ключе, содержит в себе романтическую направленность.

Примечателен в этом аспекте финал повести «Тарас Бульба»: «Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них

сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

– Прощайте, товарищи! – кричал он им сверху. – Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что, взяли чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Пойдите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!...» [2, с. 151]. Свою смерть Тарас принимает как истинный патриот, без тени страха, до последней минуты помогая товарищам. Смерть Тараса не поражение, а победа, это торжество мужества, нравственного превосходства человека над враждебными обстоятельствами. Вот почему повесть завершается романтическим гимном в честь «русской силы», которой нет равных и которая преодолит любые «огни и муки».

Следует отметить, что в художественной ткани гоголевской повести ярко проявляется архетипическая оппозиция «свой мир» – «чужой мир», важная для романтизма. На этом строится героическая составляющая поступков героев. Так, В.Ш. Кривонос, исследуя язык повести, замечает: «В “Тарасе Бульбе” обращает на себя внимание обилие бранных выражений с ключевым словом *собака*, образующих особую тематическую сферу и семантически соотнесенных с важнейшей для гоголевской повести оппозицией “свой мир” – “чужой мир”... *Собачья* тема актуализируется в гоголевской повести тогда, когда отмечается негативная метаморфоза (в смысле появления внешнего сходства или изменения внутренней сущности) “своего” в “чужого”: “Что он за козак, когда прокрался, собачий сын, как татарин? К чорту в мешок пьяницу Шила!”. Или: “...были тоже собаки и между нашими, уж приняли их (“ляхов”. – В.К.) веру» [8, с. 3–4]. Исследование В.Ш. Кривоноса акцентирует внимание на эту смысловую оппозицию, справедливо отмечая языковые особенности повести, направленные на актуализацию романтического контраста двух противоборствующих сил – запорожских козаков («свой мир») и ляхов-католиков («чужой мир»). Отметим, что архетипическая оппозиция «свой мир» – «чужой мир» была также характерна для раннего Гоголя в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Этот аспект весьма важен при анализе романтической литературной позиции писателя 1830-х годов.

Товарищество для Тараса Бульбы, как и для всего казачества, представляющее воплощение «своего мира», священно. Символично, на наш взгляд, речь Тараса об этом: «Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была *земля наша*: <...>...и города были пышные,

и храмы, и князья, князья русского рода... <...>... Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, *земля наша!* Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на *братство!* Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз *святее товарищества!*...» (Курсив наш – Т.Н.) [2, с. 116].

И.А. Есаулов справедливо рассматривает товарищество гоголевской повести в духовно-христианском аспекте: «...Натиск “злого духа” отражается вооружённой силой соборного “товарищества” <...>...Именно православная вера цементирует единство столь разнородной “республики”, как Запорожская Сечь <...>...“пришедшие” на Сечь “приходили сюда, как будто возвращались в свой собственный дом”, однако неперенным условием вхождения в этот “дом” (“круг”) является *словесное* подтверждение веры. Твёрдая уверенность в могуществе *Слова* зиждется на уподоблении его “гудящей колокольной меди”; причём завешается это уподобление выразительным образом соборного единения: “чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон, сзывая *равно всех* на святую молитву”» [4, с. 242]. Посвящая жизнь и судьбу Родине и христовой вере, герои Запорожской Сечи осознают созвучие своего внешнего мира с внутренним, проявляющееся в их поступках.

Судьбы героев повести раскрываются в единстве с народным движением. Гоголь пишет, что всякий, кто появлялся в Сечи, тотчас же забывал все дотоле его занимавшее и «беззаботно предавался воле и товариществу» [2, с. 143]. Перед нами проходит галерея цельных и сильных духом человеческих характеров. Все мелкое и будничное вытеснено из сердца этих людей. Они проникнуты сознанием величия того дела, которому служат.

Яркими и выразительными штрихами воссоздает Гоголь героев Сечи. Остап, бесстрашно поднимающийся на плаху; Бовдюг, страстно призывающий к «товариществу»; Шило, преодолевающий неимоверные препятствия, чтобы вернуться в родную Сечь; атаман Кукубенко, высказывающий перед смертью свою заветную мечту: «Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы» [2, с. 148]. Этим людям свойственна одна общая черта: беззаветная преданность Сечи и Русской земле. В них видит Гоголь воплощение лучших черт национального русского характера. С.И. Машинский отмечает: «В изображении Сечи и ее героев Гоголь сочетает историческую конкретность, характерную для писателя-реалиста, и высокий лирический пафос, свойственный поэту-романтику. Органическое слияние различных художественных красок создает поэтическое своеобразие и обаяние “Тараса Бульбы”» [9, с. 95]. Героический высокий пафос повести наполняет всю повесть Гоголя. Призыв любви к Родине и вер-

ности отчизне, жертвенность и бесстрашие проходят сквозной нитью в «Тарасе Бульбе». Неслучайно на страницах повести нередко упоминается образ Русской земли в речах запорожцев, умирающих в битве за веру и за Родину. Так, смертельно раненый Бовдюг собрал «весь дух свой и сказал: “Не жаль расставаться со светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!”» [2, с. 122]. Куренной атаман Балабан, почуввав предсмертные муки, «тихо сказал: “Сдаётся мне, паны-браты, умираю хорошею смертью: семейных изрубил, девятых копьём исколот. Истоптал конём вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулю. Пусть же цветёт вечно Русская земля!”» [2, с. 123]. Аналогичной была предсмертная речь козака Кукубенка: «...Пусть же после нас живут ещё лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» [2, с. 123].

В этом мире, где «бьются за Христову веру», по высказыванию И.П. Золотусского, «Бульба сам делает историю» [6, с.174]. И это очень важно. Гоголевский героический пафос тесным образом соприкасается с патриотизмом. Без патриотизма нет и героизма как такового. Неслучайно И.А. Есаулов отмечает: «В рассматриваемой повести героическое предназначение теснейшим образом связано с патриотическим военным долгом запорожцев. Не случайно столько места занимает здесь описание батальных сцен» [5, с. 44]; но в то же время «принципиально важным для героики является совпадение сверхличного “долга” и свободного самоопределения личности» [5, с. 44].

В художественном повествовании «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголь стремится к романтической поэтизации героев эпохи, выраженной в утверждении их могущества, грозности, несокрушимости и исключительности по смелости и доблестям. Это ярко проявляется в стиле писателя, нередко прибегающего к гиперболизации военной мощи героев. Достаточно вспомнить батальные сцены в повести. Грозный атаман Кукубенко «в гневе иссёк в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьём и конника и коня <...>... Так, где прошли незамайковцы – так там и улица, где поворотились – так уж и там и переулоч! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи!» [2, с. 119]. В духе высокой патетики Гоголь сравнивает старшего сына Остапа с «ястребом», а хорунжего ляхов с «перепелом», что имеет созвучие с древнерусскими традициями: «Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанным на одном месте и бьёт оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца – перепела, – так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинуд ему на шею верёвку» [2, с. 103].

Таким образом, гоголевский героический пафос в повести «Тарас Бульба» имеет романтиче-

скую специфику, которая проявляется в народности, христианской эстетике, мифопоэтической оппозиции «свой мир» – «чужой мир», а также в своеобразии гоголевского стиля повествования, ориентированного на романтизацию героев эпохи.

Пафос тесно соприкасается с понятиями «народность» и «героический образ народа». Народность гоголевской повести представлена эпической мощью народа, воодушевленного идеей борьбы за национальную независимость – патриотизмом. Им пропитана жизнь Запорожской Сечи и её козаков. Практически ни один из героев-козаков не мыслит своей жизни без неё. Гоголю нужно было нарисовать цельные, могучие народные характеры. Это и осуществлено в образах Тараса Бульбы, его старшего сына Остапа, куренного атамана Кукубенко, казаков Мосия Шило, Степана Гуски и других героев. Отсюда романтико-героический пафос избрания.

Обладая спецификой священного патриотизма, героический пафос повести включает в себя преданность товарищества своей Родине и христианской православной вере. Патриотизм Гоголя тесно соприкасается с эстетикой православного христианства. Любовь к Родине равносильна любви к Богу. Без веры во Христа немыслимо существование Запорожской Сечи. Умирая за Родину, козак умирает за веру православную, поскольку слова Родина и Вера для гоголевских героев тождественны. Неслучайно, предав Веру, Андрий предаёт Родину, а соответственно, и законы товарищества. Образ товарищества играет важную роль в осмыслении героического пафоса повести, поскольку в нём заключено, по Гоголю, глубокое духовное единение православного народа, борющегося и побеждающего в смертельной схватке с врагом, символизирующим собою злое начало. Эта оппозиция двух начал неразрывно тяготеет к романтической литературной позиции раннего Гоголя.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. – М.: Искусство, 1968–1971. – Т. 1. – 623 с.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. – Т. 2. – 340 с.
3. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 410 с.
4. Есаулов И.А. Пасхальность в русской словесности. – М.: М-во образ. РФ, Гос. акад. слав. культуры, Центр литературоведческих исследований, Кругъ, 2004. – 506 с.
5. Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – 102 с.
6. Золотусский И.П. Гоголь. – М.: Молодая гвардия, 1979. – 511 с. – (ЖЗЛ, «Серия биографий»). – Вып. 10. (595)
7. Киященко Н.И. Героическое как категория эстетики // Эстетика. Категории и искусство. – М.: Искусство, 1965. – 88 с.
8. Кривонос В.Ш. Заметки о «Тарасе Бульбе» Гоголя // Вестник молодых учёных. Серия: Филологические науки. – № 4. – СПб., 2000. – С. 3–5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/krivonos-01.htm> (дата обращения: 10.03.2014).
9. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. – М.: Просвещение, 1979. – 426 с.
10. Степанов Н.Л. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Гоголь Н.В. Тарас Бульба / АН СССР; изд. подгот. Е.И. Прохоров, Н.Л. Степанов; отв. ред. Н.Л. Степанов. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – С. 153–181.
11. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. – М.: ООО «Альта-Принт», 2006. – 1239 с.
12. Чернец Л.В. Введение в литературоведение: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2004. – 680 с.

ДИХОТОМИЯ ДОБРА И ЗЛА В РОМАНЕ «ОБЛОМОВ» И.А. ГОНЧАРОВА

В данной статье рассматриваются образы Михея Андреевича Тарантьева и Андрея Штольца, героев романа Гончарова «Обломов», как противоречивые, не допускающие однозначную трактовку. Герои сравниваются не только на контекстуальном уровне, но и с позиции соответствующих им архетипов. образу Штольца и его роли в романе соответствует архетип духа. Юнг выделяет несколько отличительных черт этого архетипа: во-первых, он появляется в ситуации, когда необходима помощь и понимание; во-вторых, это потустороннее начало в герое. И действительно, Штолец появляется в тот самый момент, когда Обломову необходима помощь. Но помощь Штольца не на словах, а на деле. И этим он отличается от Тарантьева. Тарантьев воплощает в себе архетип трикстера. Как отличительные черты данного архетипа Юнг выделяет бессознательность и несовершенство. Тарантьев великолепен на словах, но на деле он не может ничего. При этом он подвержен корысти. Вынашивая план обмана Обломова, Тарантьев отправляет Илью Ильича на Выборгскую сторону и тем самым невольно становится «благодетелем». Задумывая махинацию, Тарантьев бессознательно внес в жизнь Обломова и Агафьи Матвеевны счастье взаимной любви. Противопоставляя героев, Гончаров одновременно стремился показать и их близость. Так же как и Тарантьев, Штолец является человеком не типичным. Если Тарантьев, сам не осознавая этого, нигилист по образу жизни, то Штолец – уникальное явление, так как максимально приближен к совершенству. Связь идейной основы и архетипического контекста, взаимодополняемость персонажей и их роль в художественной реальности романа будет предметом рассмотрения в настоящей статье.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, роман «Обломов», архетип, трикстер, дух, нигилизм, слово и дело, бессознательное, контекст.

Рассуждая о специфике своего творчества, И.А. Гончаров отмечал: «Истинное произведение искусства может изображать только устоявшуюся жизнь в каком-нибудь образе, в физиономии, чтобы и самые люди повторились в многочисленных типах под влиянием тех или других начал, порядков, воспитания, чтобы явился какой-нибудь постоянный и определенный образ формы жизни и чтобы люди этой формы явились в множестве видов или экземпляров с известными правилами, привычками» [3, т. 8, с. 212–213]. Стремление к типизации создаваемых образов при учете их непосредственных индивидуальных особенностей в идейно-композиционной структуре романа определило специфическую литературную модель творчества Гончарова, названную впоследствии исследователем творчества писателя О.Г. Постновым «объективным творчеством» [9].

Использование наследия мировой литературы позволило писателю воплотить в образах своих героев не только определенные человеческие типы, но и закрепить их специфику в элементах художественной действительности. Так, любимый Обломовым халат «оберегал» его от мирских сует; ту же функцию отстранения играют завешенные шторами окна, затянутое пробуждение героя и т.д. Немаловажны и подмеченные В.И. Недзвецким пространственные ориентиры: в первой части романа герой поднимается вверх, во второй – опускается все ниже [7, с. 56–57]. Таким образом, мы вправе говорить об идейных подтекстах, скрытых не только в образах центральных героев – Обломова, Штольца, Агафьи Пшеницыной и Ольги Ильинской, но и во всех других композиционно значимых персонажах романа.

Одним из таких героев является Михей Андреевич Тарантьев. Как правило, этот герой всегда

остается в тени более именитых, отчего его общая композиционная роль сводится к формальной: творить зло ради своей выгоды. Но герой не так однозначен: одному лишь описанию внешности и мировоззрения героя отводится несколько страниц. Причем внешность Тарантьева отнюдь не обыденна и проста: «Беглый взгляд на этого человека рождал идею о чем-то грубом и неопрятном. Видно было, что он не гонится за изяществом костюма»; «Тарантьев смотрел на все угрюмо, с полупрезрением, с явным недоброжелательством ко всему окружающему, готовый бранить все и всех на свете, как будто какой-нибудь обиженный несправедливостью и непризнанный в каком-то достоинстве, наконец как гонимый судьбою сильный характер, который недобровольно, неумышленно покорился ей» [4, с. 38–39]. Подробно проработанные автором черты характера выделяют образ Тарантьева как особый тип из всех прочих гостей Ильи Ильича. (Для сравнения отметим, что описанию внешности Волкова отводится лишь четыре предложения.)

Итак, Тарантьев отличен своей неопрятностью и грубостью по отношению ко всему его окружающему. Он противопоставлен миру как осознанно чуждый ему элемент. Отрицание всего сущего позволяет причислить героя к разряду нигилистов. Причем сам Тарантьев вряд ли это осознает, но в контексте его внешности и поступков он вполне может быть его представителем. Нигилизм как неотъемлемая часть русской культуры в литературе наиболее емко проиллюстрирована образом Евгения Васильевича Базарова. Неудивительно, что сходство Тарантьева и Базарова, нигилистов (первого – бессознательного, второго – идейного), отчетливо просматривается в описании их внешне-

сти. Вслед за неопрятностью Тарантьева уместно сказать и о внешности Базарова: «Николай Петрович быстро обернулся и, подойдя к человеку высокого роста в длинном балахоне с кистями, только что вылезшему из тарантаса, крепко стиснул его обнаженную красную руку, которую тот не сразу ему подал» [10, т. 3, с. 171]. Базаров уже здесь заявлен как особенный, чуждый окружающему миру (прибывает в Марьино из далекого Петербурга) человек. Сходство героев дополнено и их внутренними характеристиками: «Тарантьев был ума бойкого и хитрого» [4, с. 39], в то время как применительно к Базарову И.С. Тургенев отмечает: «Длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвета, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум» [10, т. 3, с. 171]. Мы не беремся утверждать, что Гончаров воспользовался идеями Тургенева, или Тургенев – идеями Гончарова. Наиболее вероятной является близость Гончарова идеям своего любимого учителя Н.И. Надеждина, который задолго до публикации романов напечатал в «Телескопе» «Сцену из литературного балагана» (как критик сам ее называл), посвященную нигилизму в России: «Сонмище нигилистов». Надеждин создает образ некоего Чадского (по модели знаменитого героя комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»), язык которого «состоял из пестрого маскарада греческих и латинских ученых терминов, перешедших сквозь седмерицею разженную пещь южно-европейского произношения и одетых наконец в грубые сермяжки русских северных форм и окончаний» [6, с. 818]. Символично, что Тарантьев также знаком с латынью: «Способный от природы мальчик в три года прошел латынскую грамматику и синтаксис и начал было разбирать Корнелия Непота...» [4, с. 40]. Связующим элементом служит сближение Чадского и Тарантьева как знатоков латинского языка. Данность эта лишь подтверждает близость Тарантьева нигилистам. Таким образом, Надеждин еще в 1829 году отмечал специфику нигилистического миропонимания и выделял их как особую, более чем значимую идеологическую формацию.

Необходимо заметить, что Надеждин в своей статье о нигилистах, возможно, стремился уязвить А.С. Пушкина [5]. Гончаров не мог не читать трудов своего любимого наставника, но при этом сохранял уважение к Пушкину. Однако предмет построения образа Тарантьева, взятый из статьи Надеждина, к Пушкину отношения никакого не имел. Нигилизм стал основополагающим элементом построения целостной модели героя, который, в соответствии с архитектурой романа, выглядел комичным в сравнении со Штольцем, а невоспитанность которого, объединенная с глупой хитростью, и вовсе выделяла его как оппозицию всему

серьезному. Но одно обособление героя как постороннего не соответствовало принципам Гончарова. У него уже был Штольц – герой не просто противополжный Обломову, но еще и изначально заявленный как особый. Причем избыточное наделение деятельным началом Штольца и так вызвало волну критики в адрес Гончарова в нарушении главного – реалистических традиций (особенно это касается статьи Н.Д. Ахшарумова [1]). Второй похожий герой в рамках «объективного творчества» [8] был просто невозможен. Именно поэтому Гончаров вводит его в разряд гостей – тех, кто из «мира там», периферийного пространства, по В.Н. Топорову [9, с. 399]. «Мир там» – мир Петербурга, находящийся за завешенным окном квартиры на Гороховой улице. «Мир здесь» – исключительное пространство Обломова, в котором нет места суете. Попытки заманить Обломова в реальность Петербурга («мир там»), контекстуально представленной празднествами в Екатерингофе, заканчиваются неудачами. Нагнетание эмоциональной обстановки, выраженное следующими один за другим отказами гостям, заканчивается появлением Тарантьева. Грубость, неопрятность, неприкрытая корысть ставят «отрицательное» начало героя в абсолют, объединяя стремления всех прочих гостей – разрушить иллюзорный мир Обломова (выманив из «мира здесь» в «мир там»), – но теперь этот позыв дополняется грубостью и агрессией. Впоследствии Штольц довольно легко разгадает хитрый план Тарантьева и не позволит тому обмануть Илью Ильича (уже после переезда на Выборгскую сторону). К тому же Штольц без труда разоблачит обломовского старосту, в то время как Тарантьев мог это сделать только на словах. Противопоставленный Обломову Штольц, как деятельное начало, противопоставлен и Тарантьеву как начало созидающее. Подобное противопоставление можно рассматривать также и как оппозицию «зло – добро», но лишь с одним уточнением: как бы ни был страшен в своих намерениях Тарантьев, именно он порекомендовал Обломову переехать в дом вдовы коллежского секретаря, где Илья Ильич обрел не только искомый идеал жизни, но и женщину своей мечты. Таким образом, Тарантьева можно характеризовать не только как обособленный тип, который врывается в квартиру Обломова. Противоречивость героя сближает его с архетипом трикстера, совершающего странные (иногда благие, иногда порочные) действия.

К.Г. Юнг выделяет следующие черты трикстера:

1. Несовершенство. Трикстер несовершенен, так как находится в двух положениях одновременно – человеческое и животное начала в равной степени сосуществуют внутри его. «Трикстер – претеча Спасителя, и подобно последнему является Богом, человеком и животным в одном лице. Он – и нечеловек, и сверхчеловек, и животное, и божественное существо, главный и наиболее пугающий

признак которого – его бессознательное. По этой причине его покидают товарищи (очевидно, люди), что, по-видимому, указывает на отставание его уровня сознания от их» [12, с. 347].

2. Бессознательность. Трикстер с одинаковым успехом может творить как добро, так и зло. «В своих наиболее отчетливых проявлениях он предстает как верное отражение абсолютно недифференцированного человеческого сознания, соответствующего душе, которая едва поднялась над уровнем животного» [12, с. 343].

3. Обособленность. «Трикстер представлен противотенденциями бессознательного, а в некоторых случаях – своего рода второй личностью более низкого и неразвитого характера» [12, с. 345].

Едва Тарантьев появляется в квартире Обломова, в поведении его тотчас проявляется что-то дикое, перечашее представлениям о культуре. Для начала он попытался силой поднять с постели Обломова. Немного погодя, хотел ударить проходящего мимо Захара. Каждая реплика Тарантьева пропитана грубостью и неуважением ко всему миру. Тарантьев называет Захара образиной, через несколько мгновений некоего Василия Николаевича – свиньей. Ложь его слишком проста даже для наивной души Обломова: глупо думать, что он вернет взятые деньги. Символично, что Обломов сам указывает на звериное начало своего гостя: «А вы заведите-ка прежде своего Захара, да и лайтесь тогда!» [4, с. 43]. В этом проявляется первая черта архетипа трикстера – несовершенство. Герой выпадает из ряда гостей, заявляя себя как особенного («Дай-ко мне твое имя, так обо мне услышали бы в народе-то» [4, с. 50]). К тому же он отличен от гостей не только своей всеподавляющей грубостью, но и неприкрытой корыстью во всем: даже сюртук ему нужен так просто, без каких-либо намеков впоследствии вернуть его.

При всех негативных проявлениях, которыми наделен Тарантьев, сквозь его неугомонную болтовню проскакивают и толковые советы. Именно Тарантьев предложил Обломову отправиться в Обломовку, чтобы решить все возникшие проблемы на месте, либо написать туда письмо исправнику (впоследствии в Обломовку отправится Штольц). В этом проявляется вторая черта трикстера – бессознательность. Герой сам не осознает, что совершает благие поступки, думая, что творит зло ради своей наживы.

Как только речь заходит о Штольце, Тарантьев приходит в бешенство. («Тарантьев питал какое-то инстинктивное отвращение к иностранцам» [4, с. 51]). Здесь мы обнаруживаем третью черту, сближающую его с архетипом трикстера, – обособленность. Штольц, как герой более высокого порядка, во всех планах противопоставлен Тарантьеву. Если Тарантьев способен на поступок только на словах, Штольц подтверждает сказанное делами.

Тарантьев лишь намечает план действий: написать письмо старосте в деревню. Но когда Обломов попросил его об этом, Тарантьев тотчас отказался: «Я и в должности третий день не пишу: как сяду, так слеза из левого глаза и начнет бить» [4, с. 51].

Оппозиция Штольц – Тарантьев связана также и с немаловажной проблемой XIX века. Это проблема нигилизма. Противоречивость нигилизма осудил наставник Гончарова С.П. Шевырев. Философ, применительно к нигилистам, отмечал: «Одни говорят, что поэзия есть самобытное, ни от каких внешних обстоятельств независимое, безусловное творение человеческого духа» [11, с. 56]. Критике Шевырева подвергается также и материализм. О материалистическом воззрении на поэзию Шевырев пишет следующее: «...Поэзия есть верное подражание жизни, рабская копия с природы» [11, с. 56]. Как было замечено ранее, Тарантьев сближен с нигилистами не только внешне, но и идейно (на бессознательном уровне). Поэзия нигилистов, по Шевыреву, есть не что иное, как обособленность творца от прочего мира: поэт самобытен не внутри окружающего мира, а отстраненно от него. Внешняя неопрятность Тарантьева, выделение его из всех гостей Обломова в очередной раз дополняют нигилистический в своей основе образ, но одновременно и противопоставляют его другому герою – Штольцу.

Штольц появляется в романе в конце первой части. Внезапный переход из «райского сада» Обломовки в строгость немецких будней становится способом разрушения иллюзии. Именно появление Штольца поднимает Обломова с дивана, а впоследствии преобразует его жизнь. «В конце первого акта или, лучше сказать, в начале второго, Обломову является Штольц – его Мефистофель» [1, с. 164], – иронично замечает Ахшарумов. Не случайной выглядит параллель, проведенная критиком. Разумеется, мы не будем приписывать Штольцу дьявольскую душу или корысть действий. Мефистофель здесь представлен как разрушитель, стимул, взрыв, способ подъема. Как Мефистофель, Штольц проникает в самое сердце Ильи Ильича, сражая его самолюбие упреками. Появление Штольца приводит к пробуждению Ильи Ильича, сближению его с Ольгой и стимулирует переезд на Выборгскую сторону. Далее следует счастливая жизнь в доме Агафьи Матвеевны Пшеницыной и... смерть.

Наиболее близким Штольцу архетипом является архетип духа. Разумеется, возникает вопрос: допустимо ли говорить о Штольце как трикстере? Ведь если Тарантьев несет в себе не только негативное, но и положительное начало, то отрицательными проявлениями наделен и Штольц, раз сравним с Мефистофелем? Если рассматривать Штольца как трикстера, автоматически утрачивается его сюжетно-композиционная роль. Штольц

как трикстер не реализует себя в романе в облике личности более низкого и неразвитого характера, чем Обломов. Поэтому, говоря о Штольце, следует, прежде всего, отталкиваться от архетипа духа. Основными функциями архетипа духа, как отмечал Юнг, являются:

1. Заполнение повествовательного пространства произведения с целью реализации себя через основного персонажа и мотивированием решения заявленной ранее проблемы. «Архетип духа в форме человека, домового или животного всегда проявляется в ситуации, когда появляется необходимость в прорицательности, понимании, добром совете, решительности, умении планировать, а своих собственных ресурсов для этого не хватает. Архетип компенсирует это состояние духовного дефицита содержанием, которое восполняет пробел» [12, с. 298].

2. Функция прозрения. В данном случае следует говорить о божественном явлении духа иногда даже не в антропоморфном облике: как видение, как сон, как мотивирующая иллюзия и т.д. [12, с. 299–300].

Однако приписывание архетипу духа исключительно положительной роли, как было сказано выше, ошибочно. Очень часто архетип духа может иметь негативную окраску и сочетаться с хтонической сущностью. Юнг, применительно к данному архетипу, замечает, что дух овладевает человеком, «и, представляясь в качестве добровольного объекта человеческих намерений, он сковывает свободу человека тысячами цепей точно так же, как это делает физический мир, становясь навязчивой идеей» [12, с. 295].

В момент знакомства со Штольцем Гончаров неоднократно акцентирует внимание на исключительной точности и системности во всех делах, приписывая это немецкому происхождению персонажа. Будто выстраивая машину, автор по деталям собирает образ Штольца: «Как в организме нет у него ничего личного, так и в нравственных отправлениях своей жизни он искал равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа. Две стороны шли параллельно, перекрещиваясь и перевиваясь на пути, но никогда не запутываясь в тяжелые, неразрешаемые узлы. Он шел твердо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем времени, труда, сил души и сердца» [4, с. 162].

Допустимо говорить о том, что Штолец появляется на сцене перед засыпанием Ильи Ильича. Это подтверждает бессознательное ожидание Обломовым потустороннего вмешательства извне, а также предполагающееся авторским замыслом ощущение неполноценности картины художественной реальности в связи с отсутствием побудительного элемента.

«Отчего же я такой?» [4, с. 97], – спрашивает себя Обломов.

«Поискав бесполезно враждебного начала, мешающего ему жить как следует, как живут “другие”, он вздохнул, закрыл глаза, и через несколько минут дремота опять начала понемногу оковывать его чувства» [4, с. 98].

Необходимость ответов на поставленные вопросы, фактор «других» людей, абсолютных противоположностей Обломову, неминуемо очерчивает ту область, которой должен принадлежать еще лишь намеченный герой. Штолец появляется внезапно, будто из ниоткуда. Далее следует описание детства Штольца, в котором автор наглядно демонстрирует процесс конструирования персонажа и одновременно намечает ту роль, которая ему отводится. Вполне вероятно, что разговор Ильи Ильича со Штольцем можно смело сопоставить с монологом-размышлением.

«Ты посмотри: ни на ком здесь нет свежего, здорового лица» [4, с. 174], – восклицает Илья Ильич.

«Вон и у тебя лицо измято, а ты и не бегаешь, все лежишь» [4, с. 174], – говорит Штолец, будто умышленно провоцируя Обломова на исповедь о своей преднамеренной оторванности от мира и о том, есть ли смысл все менять.

«У одного забота: завтра в присутственное место зайти, дело пятый год тянется, противная сторона одолевает, и он пять лет носит одну мысль в голове, одно желание: сбить с ног другого и на его падении выстроить здание нового благосостояния» [4, с. 174–175], – говорит Илья Ильич, твердо уверенный в своей правоте.

Штолец живописно рассказывает Обломову об обломовщине, намечает пути избавления от нее; при этом вопрос о предрешенности бытия и «прожигании жизни вхолостую» остается открытым. Обломов сдается и принимается за перестройку устоев своего «Я». Таким образом, Штолец появляется на Гороховой улице с определенными установками: привнести динамику в сюжет и актуализировать поставленные Обломовым проблемы на фоне петербургской общности. В данном случае уместно говорить о заполнении образом Штольца повествовательного пространства произведения с побуждением Обломова к действию и мотивированием поиска ответа на вопрос: что такое обломовщина?

Помимо этого, Обломов склоняется перед речами Штольца и признает свою слабость и слабость своих жизненных идеалов. Принимая труд как образец, содержание, стихию и цель жизни, как основу всего сущего, Обломов прозревает и берется за перо. Главные функции, заложенные в архетипе духа, нашли свое воплощение в диалоге Штольца и Обломова, а также сполна реализовали себя на уровне контекстуальном. Иначе говоря, камень тронулся и не спеша покатился под откос, а верный Сизиф опрометью бросился за ним следом.

При всех достоинствах Штольц оказался не идеальным героем. С одной стороны, все поступки Штольца направлены на спасение души Обломова, «уснувшей» в своей бездеятельности. Для этого герой сначала знакомит Обломова с Ольгой, чтобы зародить в душе друга спасительное чувство любви. После разрыва Ольги и Обломова Штольц благородно выслушивает девушку, поддерживая ее в тяжелый момент жизни. Однако утонченное отношение к женщине преобразуется в жест неуважения: из благородного Штольца Андрей Иванович превращается в овечьего гордыней Штольца. В диалоге с Обломовым он говорит об Агафье Матвеевне не как о женщине, а, прежде всего, как о представительнице определенного сословия.

Все то время, которое Штольц находился в доме Агафьи Пшеницыной, из уст Андрея Ивановича звучат неуважительные к хозяйке интонации, грубые слова, доходящие до открытого оскорбления: «Вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть здоровая, нормальная жизнь! – настаивал Штольц строго, почти повелительно» [4, с. 484]. Мефистофель, которого в образе Штольца увидел Ахшарумов, предстает во всей полноте. Герой Гете, в момент положения Фауста в гроб, произносит следующие слова: «Смерть на руку уже не так скоро, / Сражает не ударом топора. / Застынет труп, его б уж класть в гробницу, / Ан смотришь, ожил он и шевелится (*Производит странные, закликательные движения, словно отдает приказания*)» [2, т. 2, с. 425]. Повелительность в тоне обоих героев сближает их: Мефистофель хочет завладеть душой Фауста, Штольц – пытается навязать Обломову счастье в своем понимании, забывая о том, что Обломов может думать иначе. И тот, и другой в основе своей навязывают свою волю, исключая свободу.

Фактически данная аналогия есть отображение теневой стороны образа Штольца. Несомненно, Штольц, как целостный образ, наделен и положительными чертами (деятельный, творческий в поступках, продуктивный, ясный рассудок и т.д.), что лишь подтверждает высочайший уровень мастерства Гончарова.

Противоречивость характеризует Штольца не только как нетипичного в контексте романа героя, но и актуализирует в нем принцип самоорганизации и разрушения одновременно. А это сближает его с Мефистофелем. Именно об этом говорил Гончаров, отмечая, что Штольцев пока еще мало.

Нетипичность сближает Штольца с Тарантьевым, который, как было сказано ранее, также обособлен в своей нигилистической направленности и трикстеровском облике. Материализм, как идейная концепция в интерпретации Шевырева, всецело реализует себя в образе Штольца. Штольц – часть огромного капиталистического механизма, формирующегося в середине столетия. Он дея-

телен в основе своей, но как индивидуальность весьма бледен [1] (о чем замечал Ахшарумов). Он скуп на эмоции, в отличие от Обломова, не способен любить Ольгу так, как любил ее Илья Ильич. В конце концов, о личности Штольца и его жизни мы узнаем только применительно к случаям, происходящим с Обломовым, что лишает Андрея Ивановича права на цельность, а следовательно, и идеальность.

Итак, трикстер, реализующийся в образе Тарантьева за счет своих бессознательных проявлений, противопоставлен духу, представленному образом Штольца как носителя положительных проявлений. Оба героя показаны на фоне жизни Обломова и зависимы от него, что подтверждается неспособностью их действовать в романе самостоятельно (обособленно от Обломова). Противопоставление героев дополнено и концептуально. Через образ Тарантьева Гончаров осуждает нигилизм, в свою очередь через Штольца – признает несовершенство материализма, о котором говорил Шевырев. Подготовительный этап появления Тарантьева (гости Обломова) закрепляет за ним теневые характеристики, близкие архетипу трикстера. Штольц же, за счет своего немецкого происхождения, обособляется от общества Петербурга и предстает как герой из мира «там» («периферийное пространство», по В.Н. Топорову), реализуя архетип духа. Таки образом, оппозиция «добро-зло» обретает свое художественное оформление, актуализированное соответствующими ей сюжетной организацией и идейной концепцией.

Библиографический список

1. Ахшарумов Н.Д. «Обломов». Роман Гончарова // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. статей / сост., авт. вступ. статьи и коммент. М.В. Отрадин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 304 с.
2. Гете И.В. Фауст. // Гете И.В. Собр. соч.: в 12 т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1976. – 510 с.
3. Гончаров И. А. Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» // Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. – Т. 8. – М.: Гослитиздат, 1955. – 576 с.
4. Гончаров И.А. Обломов: роман в четырех частях / статья и прим. А.Г. Гродецкой. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2012. – 640 с.
5. Гроссман Л.П. Пушкин. – М.: Астрель, 2012. – 544 с.
6. Надеждин Н.И. Сонмище нигилистов (сцена из литературного балагана) // Надеждин Н.И. Сочинения: в 2 т. – Т. I: Эстетика. Т. II: Философия / под ред. З.А. Каменского. – СПб.: Издательство РХГИ, 2000. – 976 с.
7. Недзвецкий В.А. Роман И.А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту: учеб. пособие. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 224 с.

8. *Постнов О.Г.* Эстетика И.А. Гончарова. – Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 240 с.

9. *Топоров В.Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») / Топоров В.Н. Петербургский текст. – М.: Наука, 2009. – 820 с.

10. *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. – Т. 3. – М.: Гослитиздат, 1954. – 414 с.

11. *Шевырев С.П.* Заключительные выводы // Шевырев С.П. История поэзии: Древняя Индия, Израиль, Греция, Рим, Европа Нового времени. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 424 с.

12. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

УДК 821.161.1.09"19"

Виноградов Андрей Александрович

кандидат филологических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
avinon@kmt.ru

«ОЧЕРКИ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ» А.Н. ОСТРОВСКОГО: ФОРМИРОВАНИЕ ЗАМЫСЛА¹ (Статья первая)

Как известно, А.Н. Островский начал свою творческую деятельность в 1843 году. Первый рассказ был посвящён обычным жителям Замоскворечья. В период с 1843 по 1847 годы писатель создаёт несколько произведений на ту же тему. Существует профессиональное мнение, что всё это время автор работал над очерком «Записки замоскворецкого жителя» (1847). Однако детальный анализ ранних произведений позволяет предположить, что до «Записок...» существовало несколько рассказов под общим названием: «Очерки Замоскворечья».

Судя по первым записям, Островский хотел написать большое произведение, выходящее за рамки рассказа. Не случайно отличительной чертой этого цикла является эпическое изображение событий: «Две биографии», «Замоскворечье в праздник». Однако ни одно из этих произведений не было завершено. Стиль Островского только формируется: писатель экспериментирует с формой и содержанием, пробует свои силы в копировании литературной манеры разных известных писателей. В результате творческого поиска автор постепенно отходит от прозаического описания в сторону драматического действия. Всё написанное прежде трансформируется частью в небольшой очерк «Записки замоскворецкого жителя», а частью в черновики для будущих пьес.

В статье используются архивные материалы, многие из которых до сих пор неизвестны широкому кругу читателей. Это первая часть статьи о цикле рассказов Островского под названием «Очерки Замоскворечья».

Ключевые слова: А.Н. Островский, автор, рассказчик, точка зрения, стиль, жанр, типологические параллели, очерк.

Очерк А.Н. Островского «Записки замоскворецкого жителя» (далее – «Записки...») впервые был опубликован в июне 1847 года в газете «Московский городской листок» без подписи автора. В состав «Записок...» входило два рассказа: «К читателям» и «Иван Ерофеич». При публикации в газете очерк был разделён на три условные части: 1) «К читателям» – до слов: «моё дело сторона» (3 июня); 2) «Рассказ Ивана Яковлевича» – до слов: «за младшего помощника столоначальника» (4 июня); 3) «Так вот-с...» – до фразы: «третья шинель у баса» (5 июня). При жизни драматурга «Записки...» не переиздавались.

В 1924 году М.Д. Беляев обнаружил новые материалы, связанные с этой публикацией: [Замоскворечье в праздник] (черновой набросок), [Введение] (черновой набросок), «К читателям» (черновой автограф), «Две биографии» (черновой автограф). В 1948 г. Л.М. Лотман опубликовала другую часть автографов на ту же тему: «Тетрадь 1-ая», [Предисловие] (черновой набросок), «Замоскворечье в праздник» (черновой автограф), «Кузьма Самсоныч» (черновой автограф). В отделе рукописей ИРЛИ замоскворецкие очерки оказались разведены по трём единицам хранения: №1, №2,

№5 (ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1). Автографы, входящие в папки №1 и №5 были обнаружены М.Д. Беляевым; рукописи, найденные Л.М. Лотман, составили папку №2. Пагинация черновых набросков не является авторской. Листы найденных рукописей нередко скомпонованы в случайном порядке и в таком виде пронумерованы. Например, беловой автограф очерка «Записки замоскворецкого жителя» написан на первых 15-ти листах рукописи, а ЧА «Кузьма Самсоныч» на листах № 22–40. Несмотря на то что авторы снабдили найденные сочинения Островского комментариями, до сих пор нет специального текстологического исследования на этот счёт, что вызывает определённые трудности при изучении первых произведений драматурга.

Впервые в собрании сочинений А.Н. Островского очерки были представлены в 16-томном издании под редакцией А.В. Ревякина (1949–1952) под рубрикой «Художественные произведения»: «Записки замоскворецкого жителя» (в составе: «К читателям», «Иван Ерофеич»), «Биография Яши», «Замоскворечье в праздник», «Кузьма Самсоныч» (Т. XIII). Редакция значительно сократила очерк «Две биографии» и присвоила полученному отрывку собственное название: «Биография Яши».

По поводу остальных рассказов в комментарии имеется оговорка: «В печати не последовало продолжения “Записок замоскворецкого жителя”, однако Островский не ограничился написанием одного этого очерка. В рукописном наследстве сохранились очерки “Замоскворечье в праздник” и “Кузьма Самсоныч”, которые являются продолжением “Записок замоскворецкого жителя”» [7, с. 127].

В 12-томном собрании сочинений А.Н. Островского под редакцией Г.И. Владыкина (1973–1980) «Записки...» опубликованы в основной части первого тома. Основываясь, вероятно, на приведённой выше цитате А.В. Ревякина, новая редакция решила изменить состав «Записок...», включив в него незаконченные произведения: «К читателям», «Иван Ерофеич» <1>, «Кузьма Самсоныч» <2>, «Замоскворечье в праздник» <3> (Т. I), «Две биографии» (Т. I. Приложения, варианты). В комментарии Е.И. Прохоров даёт объяснение: «Естественным продолжением напечатанных в “Московском городском листке” обращения “К читателям” и очерка “Иван Ерофеич” является оставшийся в рукописи очерк “Кузьма Самсоныч”. Поэтому мы и публикуем его вслед за первым очерком. Автор не указал места в этом цикле для очерка “Замоскворечье в праздник”, но, судя по тому, что в одном из первоначальных вариантов замысла он должен был идти непосредственно вслед за обращением “К читателям”, очерк этот относится именно к этому циклу, а не представляет собой самостоятельного произведения; вследствие этого мы печатаем его также в составе цикла “Записки замоскворецкого жителя”» [6, с. 496]. Редакция вернула очерку <Биография Яши> авторское название, однако не изменила его содержание: вновь приводится первая часть рассказа.

Таким образом, в состав Полного собрания сочинений А.Н. Островского до сих пор не включены черновые наброски «Введение» и «Предисловие», черновые автографы очерков «К читателям» и «Иван Ерофеич», а также вторая условная часть рассказа о жизни Яши (Якова Семёновича). Проблема, на наш взгляд, заключается в том, чтобы обозначить роль и значение каждого очерка в творческом наследии писателя, показать процесс формирования цикла рассказов о жизни Замоскворечья.

«Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг» является первым дошедшим до нас художественным произведением Островского. Хотя рассказ был написан почти через полтора года после публикации «Шинели», в нём, как в зеркале, отразилась гоголевская манера изложения. Впрочем, в стилистическом плане можно отметить особенности литературного таланта самого Островского, его умение «для каждого из действующих лиц подыскать особые, ему только и свойственные выражения и словечки, подметить харак-

терные для него движения и поступки» [1, с. 6]. Из всех найденных очерков «Сказание...» оказалось единственным, не вызывающим сомнений по поводу написания: на последней странице автографа имеется дата: «1843. Декабря 15».

Рассказ имеет сюжетную особенность: повествование ведётся от третьего лица, лишь в конце возникает авторское «я». «Моё перо, – сетует рассказчик, – не в состоянии достойно описать этого. Впрочем, я после справлялся, и мне сказали, что скоро [всё объяснилось] всё утихло и кончилось мировой» [1, с. 20]. Создаётся впечатление, что писатель спешил закончить рассказ, чтобы перейти к очередной работе – очерку «Две биографии». Эпический замысел, отражённый в заглавии, способствует решению новой творческой задачи: проанализировать процесс формирования и развития порабощённой замоскворецким бытом личности.

Вступление нового рассказа почти списано со «Сказания...»: «В одном из грязных переулков, которых [такое множество] так много между Мясницкой и Сретенкой, есть домик очень непривлекательной наружности; три маленькие окошечка смиренно смотрят на улицу, а дощатая кровля во многих местах поросла мохом...» [1, с. 14]; «На Зацепе, недалеко от церкви Флора и Лавра, [на широкой немощёной] стоял небольшой серенький домик; пять окошек смиренно смотрели на широкую немощёную улицу, которая неизвестно почему называлась Дворянской» [1, с. 21]. В обоих произведениях участвует читатель – «молчаливый собеседник». Автор часто привлекает его как безмолвного союзника: «Вы думаете, что и конец; нет, это ещё только начало» [1, с. 16]; «Но если вы его увидите, не трудитесь разгадывать жизнь его и душу по физиономии» [1, с. 21]. «Молчаливый собеседник» не случайно оказывается в зависимом от автора положении. Как правило, это образ представителя старой литературной школы, перед которым рассказчик открывает новые горизонты.

Вскоре Островский прерывает повествование. По всей видимости, писатель увлекается демократической идеей, основанной на том, что характер человека имеет социальную природу, другими словами, постижение сущности бытия обуславливает понимание не только психологии отдельного человека, но и ментальности всего общества. В творческом плане Островский отказывается от индуктивного сюжета, он предполагает создать несколько очерков, призванных показать читателю целостную картину Замоскворечья, раскрыть его «патриархальную» философию. В «Двух биографиях» можно найти эпизод, где видны очертания такого подхода: «За обедом толковали о том, когда начать ученье, выбирали лёгкий день и положили отслужить в воскресенье молебен и начать азы» [1, с. 22]. Именно с описания «лёгкого» дня Островский начинает очередной рассказ.

Первый вариант имеет заголовок: «1. Замоскворечье в праздник». Затем он зачёркнут, и написан новый: «1. Праздничное утро» – и за ним несколько строк текста: «Между праздником за М<осквой>-р<екой> и про. Есть некоторые [яркие] резкие черты, которыми Зам<оскворечье> в праздничный день [резко] ярко отличается от прочих частей Москвы. Возьмём, например, воскресенье. По ту сторону М<осквы>-р<еки> та же суeta, та же деятельность, как и в будни: а у нас не то; у нас сейчас видно, коли праздник...». Этот вариант также зачёркнут, и дан третий заголовок: «Воскресенье», за которым имеется всего одна фраза: «У нас за Москвой-рекой воскресный день резко отличается от прочих дней недели» [1, с. 12]. На этом попытки рассказать о празднике заканчиваются. Вероятно, Островский почувствовал, что для масштабной картины требуется подготовить читателя, настроить его на эпическую волну.

Возникает новый заголовок: «Введение». Заголовок зачёркнут, но за ним следует текст, который можно разделить на две условные части. В первой части от лица обывателей ведётся рассказ о чудесах Замоскворечья. Здесь сохраняется образ «старенького домика», который теперь приобретает оттенок тайны: «А вот, Марья Антиповна, за Москвой-рекой есть дом – только это, господа, истинная правда, не грех побожиться – так вот, сударыня моя, дом каменный, каменным забором обнесён, только кто в этом доме живёт, этого никто в мире не знает» [1, с. 12]. Рассказ включает в себя самые невероятные слухи о Замоскворечье, в результате всё сводится к уже известной картине: «Итак, это дело тёмное, может быть, последствия откроют» [1, с. 15]; «В какой-то туманной дали представляется это мирное Замоскворечье» [1, с. 13].

Вторая условная часть «Введения» имеет подзаголовок «Очерки Замоскворечья» и состоит, в свою очередь, из трёх фрагментов. Первый отрывок – небольшое лирическое отступление автора, посвящённое красоте «мирного» края, – написан под очевидным влиянием прежней литературной традиции: «[Замоскворечье, Замоскворечье! Что ты? Что таится под твоей скромной тихой наружностью? Жизнь ли патриархальная самодовольная или бедность горькая, вопиющая? Как живёт здесь человек, удалённый от столичного шума и движения, как мирный гражданин, дышащий счастьем семейной жизни в блаженном согласии с супругою, в трогательной дружбе с соседями, или черствеет душа его в будничных мелочах жизни]» [1, с. 16]. В «Сказании...» тоже присутствовала атмосфера гоголевского стиля, но иного, сатирического свойства: «На улице было грязно и темно, хоть глаз выколи; по расчётам полиции, должен был светить месяц, потому и не зажигали фонарей, а почему месяца не оказалось, неизвестно» [1, с. 17]. Здесь же события даются в философском освещении, так,

как это сделано в «Мёртвых душах»: «Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ. Не даёт ответа» [2, с. 239].

Первый фрагмент отступления зачёркнут, за ним следует предложение: «Так спросит себя человек, взглянувши на тебя издали, хоть из Кремля... чел<овек>, которы<й>... не наблюдал тебя» (вторая часть отступления). Предложение не зачёркнуто, имеет риторическое значение и напрямую связано с прежним (зачёркнутым) текстом. Следующий (третий) фрагмент по содержанию почти совпадает с первым отрывком. Разница лишь в том, что теперь вместо вопросительной появляется утвердительная интонация: «Что ты? Что таится под твоей скромной тихой наружностью?», чем к последующему (третьему) фрагменту: «Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провёл несколько лет жизни в лоне твоём, имею за М<осквой>-р<екой> друзей и приятелей и теперь ещё брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздник и в будни, в горе и в радости, знаю, что творится и дёется по твоим широким улицам и мелким частым переулочкам» [1, с. 13]. Вероятнее всего, третий фрагмент отступления должен был следовать сразу за заголовком «Очерки Замоскворечья», а второй отрывок автор просто забыл зачеркнуть.

Во «Введении» Островский пытается найти такой способ подачи материала, который позволил бы рассмотреть внутреннюю жизнь Замоскворечья во всех подробностях. Самой оригинальной и красочной попыткой может быть признан полилог, однако писатель отказывается от этого варианта в пользу прозаических версий. Согласно первой из них, автор – творец художественного мира: он всё знает, про всё ведаёт. По второй версии, автор является жителем Замоскворечья, от своего имени рассказывает об увиденных им событиях. В обоих вариантах повествование ведётся от первого лица, при этом, если воспользоваться терминологией Б.А. Успенского, внешняя точка зрения изменяется на внутреннюю, пространственная позиция автора претерпевает ограничения, за счёт чего происходит совпадение оценочного и психологического планов выражения.

В дальнейшем писатель систематизирует проявленные в разрозненных черновых набросках мотивы. Этот этап работы отражает план «Тетради 1-ой», состоящий из двух пунктов: «1-е. Прелюдия. 2-е. Праздник». За планом следует зачёркнутый текст: «Наконец я переехал из-за М<осквы>-р<еки> – как я рад, весел, – дышу свободнее. Как я рад, что переехал из-за Мос<квы>-реки» [3, с. 123]. Несмотря на внешний оптимизм рассказчика, читатель, вероятно, должен настроиться на восприятие тёмных сторон замоскворецкого быта, где, по аналогии, грустно жить и тяжело дышать. Далее написан заголовок «Предисловие». Заголовок зачёркнут, за ним написан новый: «Из записок молодого человека, переехавшего из Замоскворе-

чья». Это название не зачёркнуто, но текст, который к нему относится, написан на полях. Повествование ведётся от первого лица: «Для первого знакомства, читатели, я поведу вас в мирный тихий уголок Москвы, т. е. не то чтобы уголок, а порядочный угол, называемый Замоскворечьем» [3, с. 123]. Если первая часть предложения напоминает стилистическую манеру «Очерков Замоскворечья» из «Введения...», то вторая (уточняющая) часть имеет уже сатирический оттенок. В результате возникает контраст не только между Москвой и Замоскворечьем, как в зачёркнутом варианте «Прелюдии», а между двумя видами восприятия Замоскворечья: «тихий уголок» и «порядочный угол». По всей видимости, этот текст отражает попытку Островского объединить философский и сатирический подходы к изображению действительности.

«Недавно, — продолжает автор, — [попались в руки записки молодого человека] мне попала в руки тетрадь одного молодого человека, переехавшего из Замоскворечья, [Но позвольте мне сделать одно замечание] и я предлагаю её на ваше благосклонное внимание» [3, с. 123]. Если следовать замыслу, после «замечания» рассказчик должен вернуться к найденной тетради, на страницах которой обнаружить очерк о празднике в Замоскворечье (см. второй пункт плана «Тетради 1-й»). Однако этот отрывок не имеет логической связи с последующим текстом, где автор делает ироничное отступление о происхождении слова «Замоскворечье». Более того, последнее предложение «Предисловия» гласит: «Но оставимте филологию на этой стороне и пойдёмте за Москву-реку», что соответствует началу следующего очерка: «Когда у нас за Москвой-рекой» праздник, так уж это сейчас видно. И откуда бы ты ни пришёл, человек, сейчас узнаешь, что у нас праздник» [3, с. 124]. Вероятно, сначала текст («Для первого знакомства...») был написан для [Предисловия], потом автор заменил заголовок («Из записок...»), сделал первое дополнение («Недавно мне попала...»), предполагая развить эту мысль, но так и не осуществил задуманное.

Многочисленные поправки и дополнения, сделанные Островским в рукописном тексте, предопределяют два варианта развития сюжета «Тетради 1-й». Согласно первому плану рассказ о Замоскворечье ведётся от имени автора «Предисловия»: рассказчик приглашает читателя вместе с ним посетить неведомый мир, полный загадок и приключений. Однако пропасть между повествователем — апологетом прогрессивных отношений — и коренными жителями Замоскворечья не позволяет писателю проникнуть в тайны чудесного края (ср.: третий условный фрагмент второй части «Введения»). Второй (более поздний) вариант исключает этот разрыв: на первом месте оказывается посредник — очевидец всех описанных событий,

тогда как автор превращается в стороннего, но мудрого наблюдателя. В дальнейшем Островский опирается именно на второй сценарий: «Из тетради, о которой я упоминал выше, я выбрал несколько статей о Замоскворечье, [а также с позволения] которые теперь и предлагаю вашему благосклонному вниманию» [1, с. 11]; «А лучше я выпишу целиком из рукописи, что рассказывал о тебе сослуживец твой, Иван Яковлич, неизвестному автору "Записок о Замоскворечье"». И тебе не обидно, и моё дело сторона» [6, с. 35].

В комментарии Е.И. Прохорова к «Запискам замоскворецкого жителя» обнаруженные в XX веке очерки расположены в ином порядке: «Тетрадь 1-ая» — Предисловие — «Замоскворечье в праздник», потом: [Замоскворечье в праздник] — [Введение]. Если следовать предложенному сюжету, после первой части «Двух биографий» писатель сразу составляет план «Тетради 1-й», пишет «Предисловие», где появляется мотив записок, переходит ко второму пункту, создаёт очерк под другим, чем в плане, названием: «Замоскворечье в праздник». Затем отказывается от всего написанного, ставит цифру «1», под которой возникает зачёркнутый заголовок: «Замоскворечье в праздник». Потом появляется «Введение», где автор опять начинает всё сначала, затем снова всё отменяет и пишет очерк «К читателям», где проявляются мотивы «Тетради 1-ой».

Подобный анализ расходится не только с представленным нами развитием событий, но и с точкой зрения А.В. Ревякина, несомненно, известной комментатору: «Островский, как это видно из первоначальных набросков очерка, колебался в его названии. Вначале очерк был назван "Замоскворечье в праздник", потом "Праздничное утро", затем "Воскресение". Позже заглавие "Воскресение" зачёркнуто и восстановлено первое — "Замоскворечье в праздник"» [7, с. 128]. Кроме того, все рукописные листы из папки № 2, куда входит «Тетрадь 1-ая», имеют особенную манеру написания: текст расположен с одной половины листа, тогда как другая половина оставлена автором для дополнений, вставок и записок [5]. Напротив, все сочинения, входящие в папку № 5, имеют другое графическое исполнение: строка занимает всю ширину листа, поправки и добавления вставлены, как правило, сверху написанных слов [4].

Итак, после «Сказания...» автор продолжает исследовать «не тронутый искусством край с его обычаями, причудами, странностями» [6, с. 463]. Пытаясь найти свою манеру изложения, Островский пробует силы в изображении микромира и макромира, в создании динамичных сцен и статичных описаний; он соотносит мотивы противопоставления и тождества, особенности сатирической и философской интонации. Стремление писателя придать повествованию характер эпич-

ности позволяет говорить о создании отдельного художественного цикла очерков. Название цикла постоянно меняется: «Замоскворечье в праздник», «Очерки Замоскворечья» «Тетрадь 1-ая». В дальнейшем Островский предпринимает ещё несколько попыток развить ту же тему, где снова возвращается к одному и тому же названию: «Очерки Замоскворечья».

Примечание

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00113.

Библиографический список

1. Беляев М.Д. Неизданные страницы Островского (К истории текста «Записок Замоскворецкого жителя») // Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. – Л.: ГИЗ, 1924. – С. 10–42. *Внутри цитат все слова и выражения, зачёркнутые А.Н. Островским, заключаются в квадратные скобки; в угловые скобки заключа-*

ются все дополнения, как, например, дополнение букв недописанного слова, случайно пропущенные слова, пополняющие контекст, без них неполный.

2. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. – Т. V. – М.; Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. – 680 с.

3. Лотман Л.М. «Записки замоскворецкого жителя» А.Н. Островского (История и эволюция замысла) // Труды отдела новой русской литературы. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. – С. 123–142.

4. Островский А.Н. Две биографии. Автограф // ОР ИРЛИ. – Ф. 218. – Оп.1. – Ед. хр. 5. – Л. 1–15.

5. Островский А.Н. Записки замоскворецкого жителя. Автограф // ОР ИРЛИ. – Ф. 218. – Оп. 1. – Ед. хр. 2. – Л. 1–40.

6. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. I. – М.: Искусство, 1973. – 576 с.

7. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Т. XIII. – М.: ГИХЛ, 1952. – 404 с.

ФЕНОМЕН КРАСОТЫ КАК ЗНАЧИМЫЙ МОТИВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ВЛ. СОЛОВЬЁВА

В статье получает развитие тема интерпретации феномена красоты как значимого мотива романов Достоевского в критике Серебряного века. Начиная с 90-х гг. XX в. в отечественном литературоведении актуализировался интерес к осмыслению понятия красоты и эстетических концептов в творчестве Достоевского. К разработке этой проблемы обращались Л. Розенблюм, Т. Киносита, О. Богданова, А. Гачева, Е. Новикова и др. Совершенно особое место в освещении роли и значения красоты в художественном пространстве писателя современные литературоведы отводят критикам и философам Серебряного века, воспринявшим эту сторону творчества Достоевского с особым сочувствием и пониманием. Наиболее разработанной и в то же время перспективной для дальнейшего диалога остаётся тема творческой рецепции эстетических констант Достоевского в философии Вл. Соловьёва, в идеологии которого красота мыслится как явление абсолютное и истинно реальное, а потому абсолютно воздействующее на мир земных реалий. Определяющим для нас является утверждение о том, что, давая обобщённую оценку мирозерцания и творчества писателя, Соловьёв подчёркнуто субъективно характеризует эстетическое пространство романов Достоевского в соответствии с собственной эстетической теорией как пространство, определяемое и формируемое нравственными константами. При этом Вл. Соловьёв опирается на целостно-сущностное восприятие им образа Достоевского, его онтологической системы и эстетической концепции в предельном своём значении: как предвидения и предзнаменования цельного бытия в осколочных проявлениях земной красоты, сохраняющей в себе первоначальную цельность. В несколько ином ключе прочитывали эстетическую проблематику «Идиота» художники и философы Серебряного века (Вяч. Иванов, А. Блок), интерпретирующие образ главной героини романа, Настасьи Филипповны, в контексте другой константы философии Вл. Соловьёва – идеи Вечной Женственности. С одной стороны, такое прочтение образа героини обусловлено спецификой времени, в культурном пространстве которого идея и образ Женственности играли ключевую роль. С другой стороны, сам роман Достоевского не только не «противится» подобной трактовке, но и даёт основание для неё. На наш взгляд, образ Настасьи Филипповны действительно легко прочитывается в контексте идеи Вечной Женственности, но не в качестве воплощённой «божественной идеи», Софии-Премудрости Божией, а в качестве Души мира, ожидающей и не дожидющейся «активной силы Божественного Ума».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьёв, роман «Идиот», восприятие и интерпретация, красота, эстетическое пространство, эстетические концепты, нравственные константы, идея и образы Вечной Женственности, софийность, мировая Душа, мифо-символ.

Спасительная роль красоты, гибельная власть красоты, трагедия красоты, – так критики Серебряного века определяли одну из важнейших тем романа Ф.М. Достоевского «Идиот». «Понятие Красоты (с большой буквы) было основополагающим в системе взглядов как “старших”, так и “младших” символистов, – замечает И.Д. Якубович. – С одной стороны, оно шло от бодлеровского образа влекущей к себе и губящей красоты, от царства красоты, провозглашённого “теоретиком эстетства”¹ Оскаром Уайльдом. Другим источником символистского эстетизма была итальянская культура и вообще Италия» [15, с. 75].

В свою очередь, Е. Новикова в отношении активной реакции русских философов рубежа веков на неоднократно цитируемый в романе афоризм «Мир спасёт красота» делает следующее замечание: «Русская религиозная философия чутко уловила смысловую глубину “потенциальной цитаты” Достоевского и проделала сложную работу её интерпретации. <...> И формула Достоевского “мир спасёт красота” была актуализирована всеми, без исключения, ведущими направлениями русской религиозно-философской мысли. Особая роль принадлежала в этом великому русскому религиоз-

ному философу, создателю “метафизики всеединства” В.С. Соловьёву. Он одним из первых ввёл её в свои философские тексты, заложив тем самым традиции её понимания» [9, с. 102–103].

Эстетическая теория, согласно которой красота мыслится как явление абсолютное и истинно реальное, а потому абсолютно воздействующее на мир земных реалий, занимала особое место в философии Вл. Соловьёва: «Как цель сама в себе, красота ничему служить не может – в практическом и житейском смысле она есть чистая бесполезность; но этим нисколько не устраняется вопрос о независимом содержании этой самой цели: за что, за какое своё собственное внутреннее свойство ценится эта чистая бесполезность?» [10, с. 356]. И далее: «...Красота оказывается результатом взаимодействия и взаимного проникновения двух производителей: <...> идеальное начало овладевает вещественным фактом, воплощается в нём, и с своей стороны материальная стихия, воплощая в себе идеальное содержание, тем самым преобразуется и просветляется» [10, с. 359]. «Поистине же красота есть идея, действительно осуществляемая, воплощаемая в мире прежде человеческого духа, и это её воплощение не менее реально и гораздо

более значительно (в космогоническом смысле), нежели те материальные стихии, в которых она воплощается. <...> Красота или воплощённая идея есть лучшая половина нашего реального мира, именно та его половина, которая не только существует, но и заслуживает существования. Идеей вообще мы называем то, что само по себе достойно быть» [10, с. 361].

Осмысление предложенной автором «Идиота» формулы о спасительной силе красоты актуализируется в известной работе Вл. Соловьёва «Три речи в память Достоевского». Давая обобщённую оценку мирозерцания и творчества писателя, Соловьёв предлагает своё понимание этой проблемы. Согласно концепции В. Соловьёва, «первоначальная красота», идея как красота или идея красоты, есть единство чувства между духом, умом и душой, или свободное подчинение двух первых последней относительно чувства» [11, с. 254]. Ведя речь о Достоевском, философ характеризует эстетическое пространство его романов в полном соответствии с собственной эстетической теорией как пространство, определяемое и формируемое нравственными константами: «В своих убеждениях он (Достоевский. – Е.Б.) никогда не отделял истину от добра и красоты; в своём художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины. И он был прав, поскольку эти три живут только своим союзом. Добро, отделённое от истины и красоты, есть только неопределённое чувство, бессильный порыв, истина отвлечённая есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир. <...> Открываясь в Христе бесконечность человеческой души, способной вместить в себя всю бесконечность божества, – эта идея есть вместе и величайшее добро, и высочайшая истина, и совершеннейшая красота. Истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощённая в живой конкретной форме. И полное её воплощение – уже во всём есть конец и цель и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасёт мир» [12, с. 305–306]. Очевидно, что ни сам роман, из которого взят цитируемый и перефразируемый афоризм, ни частные случаи изображения и осмысления феномена красоты в художественном творчестве писателя в данном случае не были для философа предметом непосредственного наблюдения. Отстранённость и обобщённость его суждений немало способствовали тому, что «Соловьёва неоднократно и, в общем, справедливо упрекали в том, что он в “Трёх речах” приписывает Достоевскому (хотя бы отчасти) свои собственные идеи “всечеловеческой церкви” и своё собственное понимание “истинного христианства”» [9, с. 103–104]. Однако нельзя отрицать тот факт, что высказывание Вл. Соловьёва полностью опирается на целостно-сущностное восприятие им образа

Достоевского, его онтологической системы и эстетической концепции в предельном своём значении: как предвидения и предзнаменования цельного бытия в осколочных проявлениях земной красоты, сохраняющей в себе первоначальную цельность. Эта трактовка перекликалась с так и не осуществлённым в полной мере намерением самого Достоевского, который в 1876 г. писал Я. Полонскому: «Хотел бы писать о литературе и о том, о чем никто с тридцатых годов ничего не писал – о чистой красоте» [4, с. 74]. Правомерность подобного прочтения Достоевского подкрепляется тем, что соловьёвская интерпретация эстетической концепции писателя получила дальнейшее развитие в трудах С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского и др. (см. об этом подробнее в работе Е. Новиковой [9]).

В несколько ином ключе прочитывали эстетическую проблематику «Идиота» художники и философы Серебряного века, интерпретирующие образ главной героини романа, Настасьи Филипповны, в контексте другой константы философии Вл. Соловьёва – идеи Вечной Женственности. Подобная трактовка обозначена, в частности, в очерке Вяч. Иванова «Экскурс: основной миф в романе “Бесы”». «Достоевский, приближающийся к идее богоносной соборности в “Преступлении и наказании”, к идее Вечной Женственности в “Идиоте” <...>, анализом причин одержания России духами безбожия и своеволия был подвинут к положительным прозрениям в таинственное соотношение выше намеченных сущностей, – замечает критик. – <...> Он как бы воочию увидел, как может замыкаться от Христа мужское начало сокровенного народного бытия и как женское его начало, Душа-Земля русская, стенает и томится ожиданием окончательных решений суженого жениха своего, героя Христова и богоносца: пускай безумствует она в пленении и покинутости, но изменника и самозванца под личиною желанного и долгожданного всегда узнает, и обличит его, и проклянет» [6, с. 65–66].

Образ Настасьи Филипповны, не будучи названным напрямую, прочитывается здесь неразрывно сопряжённым с главным мужским образом и, более того, внутри семантической структуры романа единственно противоположным образом князя Мышкина, «суженого жениха, героя Христова и богоносца». Критик мимоходом отмечает лишь одну из ипостасей героини (она вечная невеста, ожидающая «окончательных решений суженого жениха своего»), подтекстово сближая функциональный аспект образа Настасьи Филипповны с образом хромоножки (роман «Бесы»).

Подобное восприятие героинь Достоевского отвечало не столько художественным реалиям произведений писателя, сколько потребностям времени, в культурном пространстве которого идея и об-

раз Вечной Женственности играли ключевую роль. Заметим здесь, что, при кажущейся «разработанности» понятия Вечной Женственности в культуре Серебряного века, смысловая наполненность его имела не только варианты значений, но и прямо противоположные толкования. Выраженная в теологической системе Вл. Соловьёва идея Женственности самым философом определяется двояко: как Душа мира и Премудрость Божия.

В описании жизни и творчества Вл. Соловьёва А.Ф. Лосев останавливается на факте посещения Соловьёвым Египта в 1875 г., где «под Каиром, 25–27 ноября явилось ему то, что он сам называл видением и что в позднейшей литературе называлось вечной женственностью, но представлялось ему в личной форме. На языке Вл. Соловьёва это выступало в виде Софии – Премудрости Божией, которой он посвятил ряд глубоких философских рассуждений и стихов (“Вся в лазури сегодня явилась”, “У царицы моей есть высокий дворец” и др.)» [8, с. 485].

Однако образ Софии, являясь главенствующим и завершающим акт Божьего творения, есть лишь одно из воплощений женского начала в космической модели Вл. Соловьёва. Другое и противоположное ему – Душа мира.

О женской природе мировой души упоминается в трактате «София», реконструированном племянником философа: «Сама по себе Душа женственна, и её блаженство и сила в подчинении мужской активной силе Божественного Ума. Освобождая в себе слепое хотенье, утверждая себя в своей самости, Душа из состояния пассивности переходит в состояние активное, сама становится Духом, но Духом зла, она уже более не душа, а *spiritus* – дух тьмы и зла» [14, с. 352–353].

В отличие от Души, способной отпасть от Божественной Сущности, «София есть тело Божие, материя Божества, проникнутая началом божественного единства» [13, с. 164–165]; «София есть идеальное, совершенное человечество, вечно заключающееся в цельном божественном существе, или Христе» [13, с. 171].

София есть «божественная идея», а «воплощение божественной идеи в мире, составляющее цель всего мирового движения, обуславливается соединением божественного начала с душою мира, причём первое представляет собою действующий, определяющий, образующий или оплодотворяющий элемент, а мировая душа является силою пассивною, которая воспринимает идеальное начало и воспринятому сообщает материю для его развития, оболочку для его полного обнаружения» [13, с. 199].

Наиболее яркое художественное осмысление двух ипостасей Женственности в её земном (материально-чувственном) и небесном (софийном) воплощении представлено в полужуликовом стихот-

ворении Вл. Соловьёва *DAS EWIG WEIBLICHE²* (*Слово увещательное к морским чертям*). В поэтической форме здесь совершенно отчётливо противопоставлены две идеи, воплощённые в образах «Афродиты мирской», красотой которой овладели «коварные черти», и «вечной женственности» «в теле нетленном», красоты «неземной». Первая, обладая лишь «первою силой», кратким воздействием, не способна стать спасающей силой: «Та красота своей первою силой, / Черти, недолго была вам страшна; / Дикую злобу на миг укротила, / Но покорить не умела она. // В ту красоту, о коварные черти, / Путь себе тайный вы скоро нашли, / Адское семя растленья и смерти / В образ прекрасный вы сеять могли».

В отличие от красоты «Афродиты мирской», неземная красота «вечной женственности», ожидаемая всем мирозданием, соединившая в себе могущество неба и зыбкость вод, – всесильна: «К ней не ищите напрасно подхода! / Умные черти, зачем же шуметь? / То, чего ждёт и томится природа, / Вам не замедлить и не одолеть».

Таким образом, уже в концепции Вл. Соловьёва понятие Женственности трактуется амбивалентно: как пассивно-материальное начало мироздания, вынужденное подчиниться активно-идеальному проявлению Божества (Душа мира) и как венец развития мира, рождённая «божественным началом» и «мировой душой» «божественная идея» (София, Премудрость Божия, Вечная Женственность).

Очевидно, что в приведённом выше толковании Вяч. Иванова понятие Вечной Женственности сопрягается с образом Души мира у Вл. Соловьёва: «Душа-Земля русская», томящаяся «ожиданием окончательных решений суженого жениха своего, героя Христова и богоносца», «безумствует <...> в пленении и покинутости». Развитие этой темы мы находим в очерке Вяч. Иванова «Религиозное дело Владимира Соловьёва»: «Акт любви, только любви, полагающей другого не как объект, но как второй субъект, есть акт веры и воли, акт жизни, акт спасения, возврат к Матери, несущей обоих нас (моё я и моё ты) в своём лоне, приобщение к тайнодеянию ткущей одну живую ткань вселенского тела Мировой Души» [7, с. 110].

Именно с образом Души мира (или Души-Земли русской) в этом контексте непосредственно сопрягается образ Настасьи Филипповны, значение которого в функционально-символическом аспекте сводится к выражению безумствующего в пленении и покинутости не реализованного в сакральной своей сущности женского начала.

Из всех поэтов Серебряного века наиболее близок подобной трактовке характера Настасьи Филипповны был А.А. Блок, в художественном осмыслении которого образ России, образ мировой Души и образ женщины всегда неразрывно связаны. «Как и у Достоевского, Россия Блока персонифи-

фицирована, – замечает А.В. Архипова. – Но это не мудрая и справедливая мать, жертвующая собой во имя высших идеалов и несущая другим народам свет истины. Чаще всего она является у Блока в образе гордой и независимой женщины, стремящейся к свободе, но в то же время дикой, хмельной, запутавшейся и потерявшей дорогу» [1, с. 109].

Общеизвестно, что поэт включил в качестве эпиграфов к драме «Незнакомка» две характеристики Настасьи Филипповны, неразрывно связав образ героини романа с мифо-символом Вечной Женственности, «единственно прекрасным ликом Незнакомки, под густою, тёмною вуалью». Комментируя этот феномен, Т.А. Ёлшина делает такое замечание: «Говоря о религиозной философии и о творческом наследии символистов, мы всякий раз оглядываемся на Достоевского, как оглядывались на него Соловьёв и Розанов, Мережковский и Бердяев, Флоренский и Булгаков, Блок и Белый. Правда, был один философский вопрос, который абсолютно не интересовал Достоевского, зато был в центре внимания каждого из перечисленных деятелей культуры. Речь идёт о Софии и софийности» [5, с. 113].

В данном случае, нам кажется, есть смысл уточнить, что в поэтической системе Блока образ Вечной Женственности далеко не всегда сопрягается с понятием софийности. Намного чаще он включает в себя черты, присущие образу Души мира. Включённый в драматический текст «Незнакомки» образ Настасьи Филипповны в сознании самого поэта отождествляется именно с этой ипостасью женского начала. Основная функция героини романа Достоевского, как и героини драмы Блока (звезды, упавшей с небес), сводима к функции Души мира, должной обрести, но ещё не обретшей своё блаженство и силу «в подчинении мужской активной силе Божественного Ума» [15, с. 352].

Конечно, в поэтике Достоевского женская ипостась мира не осмысливается в категориях мировой Души или софийности. Но символично-функциональная наполненность женских образов его произведений позволяла философам Серебряного века соотносить эти образы с важнейшими философскими концептами своей эпохи, никак не искажая их значения. И образ Настасьи Филипповны, в свою очередь, достаточно легко прочитывается в контексте идеи Вечной Женственности. Но не в качестве воплощённой «божественной идеи», Софии-Премудрости Божией, а в качестве Души мира, ожидающей и не дожидаящейся «активной силы Божественного Ума», а потому «дикой, хмельной, запутавшейся и потерявшей дорогу», безумствующей «в пленении и покинутости».

Уже то, что на протяжении всего романа героиня пребывает в одной роли: вечно ожидающей своевольной невесты, всех подчиняющей и никому не подчиняющейся, без видимой (житейски-рацио-

нальной) причины меняющей одного избранника на другого, может служить поводом к символическому прочтению её образа. Первому «законному» жениху своему (Гане Иволгину) она тут же поставила условие, «что она до самой свадьбы (если свадьба состоится) оставляет за собой право сказать “нет”, хотя бы в самый последний час» [3, с. 42]. Далее, выразив всю суть своего избранника одним определением «нетерпеливый нищий» и осознав возможность «безжалостно держать над ним верх» [3, с. 90], героиня отказывает Гане, тут же получив новое предложение руки и сердца, теперь от князя Мышкина.

Именно Мышкина Настасья Филипповна воспринимает как долгожданного, истинного жениха: «Разве я сама о тебе не мечтала? Это ты прав, давно мечтала...» [3, с. 144].

Бегство от истинного жениха сама героиня объясняет тем, что, не сохранив чистоты, оказалась недостойной его. «Только она думает, что выйти за тебя невозможно, потому что она тебя будто бы опозорит и всю судьбу твою сгубит», – растолковывает князю Рогожину [3, с. 179]. Однако, согласившись стать невестой Рогожина, у которого, по определению А. Блока, «самое страшное лицо, воплощение хаоса и небытия» [2, с. 79], и уже назначив день свадьбы, она опять сбегает, а затем, вернувшись, ставит жениху всё то же условие: «Я от тебя не отрекаюсь совсем; я только подождать ещё хочу, сколько мне будет угодно, потому я всё ещё сама себе госпожа. Жди и ты, коли хочешь» [3, с. 177].

И вот она бежит к князю Мышкину, потом от него, «бежала от брака с ним, со слезами, с проклятиями, с упрёками» [3, с. 490]. И вновь ожидание свадьбы с Рогожиным. Однако далее женихи вновь меняются местами. Крикнув «Уйди, Рогожин, тебя не нужно», Настасья Филипповна «почти без памяти» обращается к Мышкину: «И я, чтобы только тебя развязать, от тебя убежала, а теперь не хочу!» [3, с. 474]. И теперь она своего истинного жениха «торопила и настаивала на свадьбе» [3, с. 477], но уже из-под венца вновь сбегала к Рогожину: «Она добежала до него как безумная и схватила его за обе руки: «– Спаси меня! Увези меня! Куда хочешь, сейчас!» [3, с. 493].

Эта череда внешне хаотичных действий героини без малейшей натяжки может иллюстрировать приведённое выше суждение Вл. Соловьёва о пагубности возможного отпадения женского начала (Души мира) от Божественного Ума: «Сама по себе Душа женственна, и её блаженство и сила в подчинении мужской активной силе Божественного Ума. Освобождая в себе слепое хотенье, утверждая себя в своей самости, Душа из состояния пассивности переходит в состояние активное, сама становится Духом, но Духом зла, она уже более не душа, а spiritus – дух тьмы и зла» [15, с. 352–353].

Сам образ Настасьи Филипповны, прочитываемый в контексте модели мира, где вечно влекущая к себе женственность разъединена с должной овладеть ею «активной силой Божественного Ума», обретает не только дополнительный оттенок трагического звучания, но и новый, более ёмкий смысл, отделяющий наше восприятие от необходимости связывать действия героини исключительно с рационально-житейской логикой.

Примечания

¹ Определение, цитируемое Якубовичем, принадлежит К. Бальмонту (см.: *Бальмонт К. Поэзия Оскара Уальда* // *Весы*. – 1904. – № 1. – С. 183).

² Вечная Женственность (нем.).

Библиографический список

1. *Архипова А.В.* Блок и Достоевский. Статья 1 // *Достоевский. Материалы и исследования*. – Т. 15. – СПб.: Наука, 2000. – С. 90–123.
2. *Блок А.А.* Безвременье // *Блок А.А. Собр. соч.*: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. – Т. 5. Проза (1903–1917). – М.; Л.: Гос. изд-во худ. литературы, 1962. – С. 66–83.
3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 8. – Л.: Наука, 1973. – 512 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 29 (2). – Л.: Наука, 1986. – 376 с.
5. *Ёлишина Т.А.* «Незнакомая» Настасья Филипповна // *Роман Достоевского «Идиот»: Раздумья, проблемы: межвуз. сб. науч. трудов*. – Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 1999 – С. 110–122.
6. *Иванов Вяч.* Экскурс: основной миф в романе Бесы // *Борозды и межи. Опыты эстетические и критические*. – М.: Мусaget, 1916. – С. 61–73.

7. *Иванов Вяч.* Религиозное дело Владимира Соловьёва // *Борозды и межи. Опыты эстетические и критические*. – М.: Мусaget, 1916. – С. 95–119.

8. *Лосев А.Ф.* Вл. Соловьёв. Жизнь и творчество // *Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура*. – М.: Политиздат, 1991. – С. 474–493.

9. *Новикова Е.* «Мир спасёт красота» Ф.М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX – первой половины XX вв. // *Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной*. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – Т. 1. – С. 97–125.

10. *Соловьёв В.С.* Красота в природе // *Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. – 2-е изд.* – Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1990. – С. 351–390.

11. *Соловьёв В.С.* Философские начала цельного знания // *Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. – 2-е изд.* – Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1990. – С. 139–289.

12. *Соловьёв В.С.* Три речи в память Достоевского // *Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. – 2-е изд.* – Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1990. – С. 289–324.

13. *Соловьёв В.С.* Чтения о Богочеловечестве / ред., вступ. ст. и коммент. С.П. Заикина. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 384 с.

14. *Соловьёв С.М.* Владимир Соловьёв: жизнь и творческая эволюция (фрагмент) // *Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве*. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 341–363.

15. *Якубович И.Д.* Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А. Волынского // *Достоевский. Материалы и исследования*. – Т. 15. – СПб.: Наука, 2000. – С. 67–90.

О ЕДИНСТВЕ ОБРАЗНЫХ СИСТЕМ РОМАНОВ «ПОДРОСТОК» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «АННА КАРЕНИНА» Л.Н. ТОЛСТОГО В РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЕ

В статье речь идет о типологической общности персонажей романов «Подросток» Ф.М. Достоевского и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Путем сопоставления образной системы произведений в области религиозно-нравственной открываются глубинные связи творчества Достоевского и Л. Толстого в период 1870-х годов. Анализируя характерные особенности проявления религиозного чувства у действующих лиц романов, автор предлагает оригинальную систему типизации. Многочисленные сцепки, текстовые переключки демонстрируют многообразные связи творчества писателей, которые, безусловно, обеспечены не только идейно-тематическим содержанием, но и присущим обоим авторам сознанием богоизбранничества художника слова. Писателей «роднит» стремление объективно отразить окружающую их действительность, «злобу дня», благодаря чему читатели получают общее представление о религиозно-нравственном состоянии современного Достоевскому и Л. Толстому российского общества. Действительность такова: живая вера сохранилась лишь в среде простого люда, а в дворянской и разночинной распространились яд неверия и разлагающие «новые» учения. Именно это, наряду с иными факторами, и обеспечило менее чем через полвека торжество позитивизма, а затем и революционного движения в России.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, общность, типология, связи, переключки, религия, нравственность, общество.

Говоря о типологической общности персонажей «Подростка» и «Анны Карениной» отметим, что речь идет о единстве, обусловленном тончайшими сцепками между образными системами романов в религиозно-нравственной сфере. Типологические связи произведений объясняются хронологической близостью написания и публикаций, обращенностью авторов к «злобе дня» 1870-х годов. Генетическую общность обеспечивает и то, что Достоевский и Толстой не только соотечественники и писатели-современники, но и художники, личность и творчество которых сформированы в условиях единых религиозных ориентаций окружающего социума (в социокультурной «колыбели» православия), следовательно, контакты романов – явления объективного характера. Путем сопоставления произведения одного великого писателя с равновеликим творением его современника попытаемся приблизиться к постижению их глубинной сущности, отметив, что мотив поиска (обретения) веры свойственен обоим романам.

В «Подростке» и «Анне Карениной» почти отсутствует описание религиозных обрядов, современники писателей жили в условиях естественного соприкосновения с религией и какие-либо подробности были излишни. Но образ церкви играет в романах роль направляющего вектора религиозного развития героев, ассоциативная нагрузка его меняется с учетом многозначности понятия. Количество употреблений слова «церковь» и однокоренных ему слов в «Подростке» и «Анне Карениной» составляет 17 к 61 соответственно.

У Достоевского «церковь» употребляется 16 раз в значении *храма* («Венчание, вы знаете, произойдет здесь же в церкви...» [1, т. 13, с. 335].) и *единожды* в значении всеобъемлющем, как *общество*

верующих в Иисуса Христа, соединенных любовью и водимых Святым Духом: «Ты, милый, церкви святой ревнуй, и еще позовет время – и умри за нее...» [1, т. 13, с. 330].

В романе Толстого «церковь» упоминается 61 раз, при этом широко представлена семантика слова. В значении *храма*: «Молодая жена его <...> была в церкви с магушкой...» [2, т. 18, с. 139]. Романист, передавая глубину чувств Левина во время венчания, использует олицетворение: «“О еже ни-спослатися им любви совершенней, мирней и помощи, Господу помолимся”, – как бы дышала вся церковь голосом протодьякона» [2, т. 19, с. 19]. Встречается слово «церковь» и в значении *религиозной организации* («...Она находилась в дружеских связях с самыми высшими лицами всех церквей и исповеданий» [2, т. 18, с. 231]); используется в значении *общества верующих* («Его поразила сначала мысль о том, что постижение божественных истин не дано человеку, но дано совокупности людей, соединенных любовью, – церкви» [2, т. 19, с. 370]; «...Я <...> волею-неволею соединен с другими людьми в одно общество верующих, которое называют церковью» [2, т. 19, с. 398]).

У Достоевского образ церкви как дома Божьего прочно связан с образом матери (воспоминания о детских впечатлениях в деревенской церкви или о красной церкви у пансиона Тушара, под звон колоколов которой мать приходит и, крестясь на которую, уходит), с глубинными личностными переживаниями – присутствие Аркадия на отпевании Макара Долгорукова в кладбищенской церкви.

У Толстого же образ церкви сопряжен с идиллической семейной картиной: Дарья Александровна с детьми на причастии, венчание Левина и Кити. В романе Толстого отражена и роль Церкви в обществе (губернатор и дворяне едут в собор

после выборов). Сам образ Церкви созидателен по сути, а в тексте Толстого и противопоставлен разрушительной тенденции развития сюжета. Звон колоколов раздражает Анну, влекомую маниакальной идеей: «Зачем эти церкви, этот звон и эта ложь?» [1, т. 19, с. 340–341].

Обращаясь к характерным особенностям проявления религиозного чувства у действующих лиц романов, заметим, что обоим писателям был известен пример «новозаветной типизации» – притча о сеятеле и семени (Матф. 13:1–23; Марк. 4:1–20; Луки 8:4–15). Наложим евангельскую схему на образную систему обоих романов, двигаясь от общего к частному и наоборот.

Сердца героев в романах Толстого и Достоевского по отношению к вере можно разделить на 4 группы. К первой относятся персонажи легкомысленные, неверующие (Стива Облонский, Анна Каренина, Вронский, художник Михайлов, мужик Прохор; Крафт, Ламберт, Стебельков, компании гг. Дергачевых и рябого, Тришатов, самоубийца Оля, князь Серёжа, старый князь Сокольский). Их сердца подобны дороге, добрые семена на которой склевали птицы (похитил лукавый). Ко второй группе отнесем страстных, но непостоянных героев – Николая Левина и Андрея Петровича Версилова, сердца которых подобны каменистой почве, на которой солнце (трудности, искушения, гонения) иссушило семена веры. В третью группу войдут герои суетливые, внешняя вера которых прикрывает внутреннюю неблагоприятность, их сердца подобны почве, давшей быстрые всходы, заглушенные разросшимся тернием. Это графиня Лидия Ивановна, мадам Шталь, предводитель Свияжский; Анна Андреевна, генеральша Ахмакова и аббат Ригго. Наконец, к четвертой категории отнесем героев, принесших в разной степени плоды веры (старичок священник, Щербачки, Львовы, Кити, Варенька, Матреша, Фомич, Фоканыч, мужики у Левина; Макар Иванович, Софья Андреевна, Мария Ивановна и Николай Семенович, Лиза), сердца их подобны доброй почве, давшей урожай в 30, 60 и даже 100 крат.

Интересно, что представители высшего общества встречаются во всех четырех группах: 1) абсолютно нерелигиозные и неверующие люди; 2) страстные, но непостоянные; 3) верующие «на показ» или «особенно»; 4) пытающиеся верить и жить по-христиански. Герои же из народа условно делятся на верующих и нет, именно эти категории и являются наиболее значительными по численности.

Заметим, что ряд героев сложно типизировать, образы же Алексея Александровича Каренина и Константина Левина представлены у Толстого в динамике развития религиозного чувства.

Среди «неверующих» персонажей в «Анне Карениной» единожды упоминается герой из народа

Прохор, который «Бога забыл и на те деньги, что ему подарил Левин, чтобы лошадь купить, пьет без просыпу и жену избил до смерти...» [2, т. 18, с. 102]. В безрелигиозной компании оказывается и талантливый бедный художник Михайлов, избавивший Христа евреем и «человекобогом». В основном же это представители высшего общества.

Показательны образы Стивы Облонского и старого князя Сокольского, которых к отрицанию толкает «широкость» натуры. Оба не равнодушны к женщинам, а религиозные вопросы интересуют их в той мере, в какой соответствуют личным наклонностям. Легкомысленному Стиве вера не нужна, ведь жить и так весело. Он примыкает к либеральному направлению, прикрывающему «идейно» его многочисленные слабости: «Либеральная партия говорила, или, лучше, подразумевала, что религия есть только узда для варварской части населения, и действительно, Степан Аркадьич не мог вынести без боли в ногах даже короткого молебна и не мог понять, к чему все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело» [2, т. 18, с. 9]. В «Подростке» старичок-князь Николай Сокольский благородно готов жениться на собственной крестнице. Он явно религиозен, но: «Преимущественно мы говорили о двух отвлеченных предметах – о Боге и бытии его <...> и об женщинах. Князь был *очень религиозен и чувствителен*. <...> Но вдруг на него находило – и он *вдруг начинал сомневаться в бытии Божиим* и говорил удивительные вещи...» [1, т. 13, с. 24. – Курсив мой. – С.Ш.].

Налицо переключки, позволяющие воспринимать пародийный образ старого князя в качестве логического развития (к старости) образа Стивы у Толстого.

Формальное отношение к религии Анны усиливается к финалу романа: «Она (Анна. – С.Ш.) беспрестанно повторяла: “Боже мой! Боже мой!” Но ни “боже”, ни “мой” не имели для нее *никакого смысла*. Мысль искать своему положению помощи в религии была для нее, несмотря на то, что она никогда не сомневалась в религии, в которой была воспитана, так же чужда, как искать помощи у самого Алексея Александровича. Она знала вперед, что помощь религии возможна только под условием отречения от того, что составляло для нее весь смысл жизни...» [2, т. 18, с. 304. – Курсив мой. – С.Ш.]. Вронский также не способен к духовной жизни. По отношению к Каренину, вознесшемуся духовно у постели умирающей Анны, он находится в «нагнутом, невыпрямленном состоянии» [2, т. 18, с. 436. – Курсив мой. – С.Ш.] души, не случайно за этим следует и попытка самоубийства.

В «Подростке» категория «неверующих» пополняется самоубийцами Крафтом и Олей, компаниями неблагонадежной и даже преступной молодежи. Мотив вероискания свойственен Ле-

вину и Аркадию Долгорукому. Герой Толстого на протяжении романа условно движется от неверующих к верующим. Испытав в юности религиозный подъем, он мучим «неверием», а позднее осознает, что «ошибался, предполагая <...> что религия уж отжила свое время и что ее более не существует. Все хорошие по жизни близкие ему люди верили. И <...> девяносто девять сотых русского народа, весь тот народ, жизнь которого внушала ему наибольшее уважение, верили» [2, т. 19, с. 368–369].

Автор указывает на типичность отсутствия у героя твердых религиозных убеждений: «Левин находился в отношении к религии, как и большинство его современников, в самом неопределенном положении. Верить он не мог, а вместе с тем он не был твердо убежден в том, чтобы все это было несправедливо...» [2, т. 19, с. 5. – Курсив мой. – С.Ш.].

Переворот в душе героя совершают роды Кити. Левин молится от всего сердца:

«– Господи, помилуй! прости, помоги! – твердил он как-то вдруг неожиданно пришедшие на уста ему слова. И он, *неверующий человек, повторял эти слова не одними устами*. Теперь, в эту минуту, он знал, что все не только сомнения его, но та *невозможность по разуму верить*, которую он знал в себе, нисколько *не мешают ему обращаться к Богу*. Все это теперь, *как прах, слетело* с его души. К кому же ему было обращаться, как не к Тому, *в Чьих руках* он чувствовал себя, свою душу и свою любовь?» [2, т. 19, с. 286. – Курсив мой. – С.Ш.].

Но Левина не удовлетворяет вера «корыстная», истину он ищет в богословских сочинениях, а разочаровавшись, допускает и мысли о самоубийстве.

Возрождение приходит через слова мужика о Фоканыче, который «живет для души, по правде, по-Божью» [2, т. 19, с. 376]. Левин вдруг ощущает «твердое, несомненное и ясное (ясное ли? – С.Ш.) знание» [2, т. 19, с. 377]. Герой понимает, что «любить другого не мог открыть разум, потому что это неразумно» [2, т. 19, с. 379]. Убежденный, что главное в вере добро, примитивизируя церковное учение, он объявляет эту истину «главным, постоянно проявляющимся на земле чудом» [2, т. 19, с. 381]. Личные ощущения у героя являются мерилем истины.

Но «истины», открытые в экзальтации любимым персонажем автора «Анны Карениной», не могли оставить безучастным Достоевского, ответившего Толстому на страницах «Дневника писателя»: «...Книжку эту я все-таки считаю вовсе не столь невинною...» [1, т. 25, с. 203]. Замечая, что каждый чтит добро «ужасно по-своему», Достоевский интерпретирует мысли Левина (Толстого). Со свойственным ему сарказмом Достоевский проецирует дальнейшее развитие веры Левина: «Одним словом, сомнения кончились, и Левин уверовал, – во что? Он еще этого строго не определил, но он уже верует. Но вера ли это? Он сам себе радостно

задает этот вопрос: “Неужели это вера?” Надобно полагать, что еще нет. Мало того: вряд ли у таких, как Левин, и может быть окончательная вера... А веру свою он разрушит опять, разрушит сам, долго не продержится: выйдет какой-нибудь новый сучок, и разом всё рухнет. Кити пошла и споткнулась, так вот зачем она споткнулась? <...> если нет Промысла, то как же я могу верить в Бога, и т. д. и т. д. Берите прямую линию и пустите в бесконечность. Одним словом, эта честная душа есть самая празднично-хаотическая душа...» [1, т. 25, с. 205–206].

Душевные искания Аркадия Долгорукого перекликаются с исканиями Константина Левина, но и расходятся с ними. У Левина любовь к ближнему становится самоцелью и самооценностью. У Подростка «ротшильдская идея» разбивается в прах при появлении Риночки, но душа ищет высшего подвига, не исчерпывающегося земной любовью. Левин, «принимающий веру от мужика», её домысливает, подгоняет под собственное рационалистическое восприятие мира; Подросток же решает следовать путем благообразия, завещанным странником Макаром. Приближение и взаимное отталкивание персонажей в итоге обеспечивает то, что с народной почвой (душой и верой) соприкасается не столько персонаж Толстого, сколько герой Достоевского.

Самой малочисленной является вторая группа искренних и страстных, но непостоянных персонажей, сердца которых уподоблены камню, на котором солнце (трудности, искушения, гонения и проч.) спалило семена веры. Трагичен образ брата Левина Николая, неверие которого произошло «потому, что шаг за шагом современно-научные объяснения явлений мира вытеснили верования...» [2, т. 19, с. 68. – Курсив мой. – С.Ш.].

У Достоевского уникальным носителем «двойного сознания» является Версиров, о котором Васин говорит: «...Многие из очень гордых людей любят верить в Бога, особенно несколько презирающие людей. <...> Они (сильные люди. – С.Ш.) выбирают Бога, чтоб не преклоняться перед людьми <...>. Из них выходят <...> горячо желающие верить; но желания они принимают за самую веру. Из таких особенно часто бывают под конец разочаровывающиеся» [1, т. 13, с. 51–52. – Курсив мой. – С.Ш.]. Отец Подростка исповедует любовь «сквозь зубы»: «– Друг мой, любить людей так, как они есть, невозможно. И однако же, должно. И потому делай им добро, скрепя свои чувства, зажимая нос и закрывая глаза (последнее необходимо). <...> Люди по природе своей низки и любят любить из страха; не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать. Где-то в Коране Аллах повелевает пророку *взирать на “строптивых” как на мышей*, делать им добро и проходить мимо, – немножко гордо, но верно. Умей презирать даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тут-то

они и скверны. О милый мой, я судя по себе сказал это! <...> *Любить своего ближнего и не презирать его – невозможно*» [1, т. 13, с. 174–175. – Курсив мой. – С.Ш.]. Воспитатель Подростка говорит о Версилове: «Он без всякой религии, но готов почти умереть за что-то неопределенное, чего и назвать не умеет, но во что страстно верует, по примеру множества русских европейских цивилизаторов петербургского периода русской истории» [1, т. 13, с. 455].

Сравним описание религиозного подъема Николая Левина и Версилова.

«Анна Каренина» (Часть первая, гл. XXIV. Левин думает о брате). «Вспоминал он, как брат в университете и год после университета <...> жил как монах, в строгости исполняя все обряды религии, службы, посты и избегая всяких удовольствий, в особенности женщин; и потом как вдруг его прорвало, он сблизился с самыми гадкими людьми и пустился в самый беспутный разгул. <...> Когда Николай был в периоде набожности, постов, монахов, служб церковных, когда он искал в религии помощи, узды на свою страстную натуру, никто не только не поддержал его, но все, и он сам, смеялись над ним. Его дразнили, звали его Ноем, монахом; а когда его прорвало, никто не помог ему, а все с ужасом и омерзением отвернулись» [2, т. 18, с. 90].

«Подросток» (Часть первая, гл. первая, III. Из разговора кн. Сокольского с Подростком). «...Он тогда пристал ко всем нам, как лист: что, дескать, едим, об чем мыслим? <...> Особенно меня любил Страшным судом пугать <...>. Веришь ли, он держал себя так, как будто святой, и его мощи являлись. Он у нас отчета в поведении требовал, клянусь тебе! Мощи! <...> Светскому человеку даже и неприлично <...>. Он вериги носил» [1, т. 13, с. 31–32. – Подчеркивание мое. – С.Ш.].

Явные совпадения обеспечены как смысловым сходством, так и употреблением слов одного семантического поля. Текст Достоевского как бы иллюстрирует текст Толстого. В первом фрагменте используется форма внутреннего монолога, во втором – прямая речь, но в обоих случаях это – взгляд со стороны. Страстные натуры героев влекомы к духовным подвигам. Версиров ведет себя будто святой и как неопит, перешедший в католичество, миссионерствует. Такой «скачок» в святоотеческой традиции именуется «прелестью», герои на вершине долго удержаться не могут, но как реагируют окружающие (!): смеются, считают человека сумасшедшим.

У персонажей третьей группы, сердца которых похожи на всходы, заглушенные тернием (суестью), благочестие показное. Толстой с тонким сарказмом описывает религиозно экзальтированных женщин света. Графиня Лидия «все сердится, все у нее враги и все враги по христианству и добродетели» [2, т. 18, с. 115], при этом она поучает Алексея Алек-

сандровича: «...кто унижает себя, тот возвысится» [2, т. 19, с. 80]. Ей «утешительно было думать, она почти обратила его в христианство, то есть из равнодушно и лениво верующего обратила его в горячего и твердого сторонника того нового объяснения христианского учения, которое распространилось в последнее время в Петербурге» [2, т. 19, с. 81].

Лишь незначительные детали позволяют догадаться о двуличии благочестивейших женщин.

Графиня Лидия Ивановна

«Надо благодарить Его и просить Его о помощи. В Нем одном мы найдем спокойствие, утешение, спасение и любовь, – сказала она и, подняв глаза к небу, начала молиться, как понял Алексей Александрович по ее молчанию» [2, т. 19, с. 80. – Курсив мой. – С.Ш.].

Графиня Лидия («*блаженно улыбаясь*»):

«– Трудиться для Бога, трудами, постом спасать душу, – с гадливым презрением сказала графиня Лидия Ивановна, – это *дикие понятия наших монахов*... Тогда как это нигде не сказано. Это гораздо проще и легче [2, т. 19, с. 314. – Курсив мой. – С.Ш.].

Авторский комментарий к репликам персонажа выстроен по принципу нарастающей градации – маска сорвана! Налицо дикая гордыня и пренебрежение к отеческой вере.

Мадам Шталь

«– Да, Бог дает крест и дает силу нести его. Часто удивляешься, к чему тянется эта жизнь... *С той стороны!* – с досадой обратилась она к Вареньке, не так завертывавшей ей пледом ноги» [2, т. 18, с. 244. – Курсив мой. – С.Ш.].

Кто-то считает её честолюбивой, кто-то «высоконравственным существом» [2, т. 18, с. 231]. Князь Щербатский: «...Знаю только, что она за все благодарит Бога, за всякое несчастье, и за то, что у ней умер муж, благодарит Бога. Ну, и выходит смешно, потому что они *дурно жили*» [2, т. 18, с. 242. – Курсив мой. – С.Ш.].

«Никто не знал, какой она религии – католической, протестантской или православной; но одно было несомненно – она *находилась в дружеских связях с самыми высшими лицами* всех церквей и исповеданий» [2, т. 18, с. 231. – Курсив мой. – С.Ш.].

Автор показывает героинь сквозь призму восприятия других персонажей, ведь состояние души отражается во внешнем облике. Незначительные детали (поднятые или закрытые глаза, блаженная улыбка, высокопарные слова), мимолетные штрихи, подмеченные собеседником («гадливое» выражение у графини Лидии, фальшь, любоначалие и скрытность мадам Шталь), помогают увидеть в человеке главное.

Значительную группу составляют персонажи, принесшие в разной степени плоды веры. Это люди разных сословий, целые семьи, молодые

и пожилые люди. Добродетельные героини Толстого и Достоевского – это девушки и женщины деятельной любви и горячего сердца. Кити, избрав духовную жизнь, меняется: она мечтает «отыскивать несчастных, помогать и, сколько можно, раздавать Евангелие, читать Евангелие больным, преступникам, умирающим» [2, т. 18, с. 236–237].

Сопоставим эпизоды о Вареньке и Софье Андреевне.

Толстой: «Кити видела, что она всегда занята: или она уводит с вод детей русского семейства, или несет плед для больной и укутывает ее, или старается развлечь раздраженного больного, или выбирает и покупает печенье к кофею для кого-то» [2, т. 18, с. 227].

«Варенька, одинокая, без родных, без друзей, с грустным разочарованием, *ничего не желавшая, ничего не жалевшая*, была тем самым совершенством, о котором только позволяла себе мечтать Кити. На Вареньке она поняла, что стоило только *забыть себя и любить других*, и будешь спокойна, счастлива, прекрасна» [2, т. 18, с. 236. – Курсив мой. – С.Ш.].

Достоевский: «Выслушав меня теперь, она *улыбнулась мне как ребенку*:

– Христос, Аркаша, всё простит: и хулу твою простит, и хуже твоего простит. Христос – отец, Христос не нуждается и сиять будет даже в самой глубокой тьме...» [1, т. 13, с. 215. – Курсив мой. – С.Ш.].

В пансионе Тушара: «Она вскинулась и заторопилась:

– Ну, Господи... ну, Господь с тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, Пречестная Мать, Николай-угодник... Господи, Господи! – скороговоркой повторяла она, всё крестя меня, *всё стараясь чаще и побольше положить крестов*, – голубчик ты мой, милый ты мой! Да постой, голубчик...» [1, т. 13, с. 272. – Курсив мой. – С.Ш.].

Обе героини – из народа, обеих отличают деятельная любовь и вера. Но у Толстого они углубляются по деланию и окружению Вареньки, а у Достоевского о христианском смирении Софьи Андреевны свидетельствуют и её жизнь, и слова, и жесты. Варенька изображена в потоке обезли-

ченной любви (поэтому и счастлива), мать же Подростка олицетворяет любовь личностную, всегда сопряженную со страданием.

О наличии сквозных типологизирующих контактов между системами персонажей романов позволяет говорить и их восприятие церкви, специфичное для каждой категории. Герои 4-й группы (дорога) воспринимают Церковь только внешне, как здание. Персонажи 3-й группы (тернии) воспринимают Церковь как религиозную организацию. Для ищущих типов 2-й группы (камень) Церковь есть образ мысли и жизни, позволяющий выйти за границы обыденного. Наконец, для героев 1-й группы (добрая почва) Церковь выступает в значении вневременного и бескорыстного единства Бога и любящего человечества, то есть в своей сакральной сущности.

Взаимоотношения сравниваемых произведений довольно сложны, их многообразные связи обеспечены не только идейно-тематическим содержанием, но и присущим обоим авторам сознанием богоизбранничества художника слова. Писателей «роднит» стремление объективно отразить современную им жизнь, благодаря чему мы имеем общее представление о религиозном состоянии российского общества 1870-х годов, когда живая вера сохранилась лишь в среде простого люда, а в дворянской и разночинной распространились яд неверия и разлагающие «новые» учения. К отеческой вероучительной традиции общество относилось формально, церковные обязанности воспринимались как скучная необходимость, явственно проступила разрушительная для нравственности и духовности человека роль науки. Эти явления, наряду с иными факторами, активно готовили почву для победы сначала позитивизма, а затем и революционного движения в России уже менее чем через полвека после публикации романов «Подросток» и «Анна Каренина».

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1972–1990.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.: Худ. лит., 1928–1958.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ВЬЕТНАМСКОГО ЧИТАТЕЛЯ С ТВОРЧЕСТВОМ ЛЬВА ТОЛСТОГО

В статье дано общее представление вьетнамской интеллигенции о Л.Н. Толстом и его творчестве в начале XX века; проанализированы некоторые особенности первого перевода романа Л. Толстого «Воскресение» на вьетнамский язык (1927–1928 гг.); показаны его художественные, идейные ценности и недостатки. Для вьетнамских интеллигентов, особенно передовой молодежи, Л. Толстой является не просто незаурядным реалистическим русским писателем, но и великим гуманистом, защитником интересов трудового класса, борцом против деспотизма. Достоинства первого перевода состоят в том, что автор Хоа Чунг через переводимый текст показал вьетнамским читателям актуальные для них проблемы, подкрепив их авторитетом Л. Толстого. Первый перевод «Воскресения» – важная веха в истории изучения русской литературы во Вьетнаме, открывающая вместе с тем новый период в становлении и развитии вьетнамской литературы. Однако в этом переводе существует много лексических недостатков. Архаизмы, диалектизмы, древнекитайско-вьетнамские слова, присутствующие в переводе, характерны для вьетнамского языка начала XX века. Не решена переводчиком и проблема транскрибирования имен русских героев. Общим недостатком многих ранних переводов русской классики на языки Востока, в том числе и перевода Хоа Чунг, – использование языка-посредника. В результате чего, первый перевод «Воскресения» на вьетнамский язык в малой мере отразил специфику толстовского стиля, философские и религиозные идеи оригинала, но он удовлетворил актуальную потребность вьетнамского общества в начале XX века, указал путь борьбы против социального и колониального зла.

Ключевые слова: вьетнамский читатель, Л. Толстой, роман «Воскресение», рецензия, перевод, недостатки, ценность, адекватность, культурная коммуникация.

В начале XX века передовая вьетнамская молодежь уже познакомилась с русской литературой, главным образом через франкоязычные переводы. Одним из первых начал читать произведения Л. Толстого бывший президент Вьетнама Хо Ши Мин (1890–1969). В статье, посвященной пятидесятилетию со дня смерти Л. Толстого, он назвал себя «учеником великого русского писателя» [6, с. 294]. По его признанию, первое знакомство с повестью Л. Толстого, название которой он забыл и которую он прочитал на французском языке в Париже в 1922 году, послужило толчком к созданию его собственных очерков и рассказов. Речь, как это очевидно из содержания статьи, шла о повести «Отец Сергей». Для Хо Ши Мина самым интересным и удивительным был реалистический принцип изображения жизни: «Стиль Толстого был настолько прост, ясен и понятен, что он увлек меня. Охваченный юношеским порывом, я соскочил с постели, хотя в ту зиму было очень холодно, и особенно холодно в моей нетопленной комнате в гостинице. Я произнес вслух: “Совсем не так уж трудно написать небольшую повесть. Я тоже могу написать”» [6, с. 293]. Это стало началом творческого пути молодого вьетнамского писателя, внесшего впоследствии значительный вклад в становление современной вьетнамской прозы. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что именно Л. Толстой стоял у истоков революционной вьетнамской литературы.

В 1928 году в газете «Донг Фап Тхой Бао» знаменитый писатель, журналист Фан Кхой (1887–1959) восхищался Л. Толстым, защитником интересов трудового класса, противником русского феодализма и Церкви: «Не шутя, перо великого

писателя может сопротивляться войску, медным судам, железному оружию, а также тяжелым законам, которые установлены для подавления всего общества» [9]. Особое внимание Фан Кхой обратил на Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 года, констатировавшего отпадение Л. Толстого от Русской Православной Церкви, и на реакцию русского общества на это решение. Вьетнамский интеллигент оказался единодушен с подавляющим большинством русской интеллигенции, в штыки воспринявшим это Определение. Он даже попытался усилить накал негодования, под напором которого, по его словам, император Николай II якобы отменил решение Синода.

В 1933 году в газете «Нейтралитет» известный журналист, писатель, революционер Нгуен Ан Нинь (1900–1943) публикует три статьи о Л. Толстом: «Лев Толстой и его произведения» (№ 6971), «Жизнь Толстого интересна не менее его произведений» (№ 6977), «Критики Толстого» (№ 6994). В первой статье автор утверждает, что Л. Толстого уважает весь мир, особенно молодежь, за его человеколюбие. В конце говорится: «Произведения Л. Толстого прекрасно учат нас. К сожалению, наш народ мало знает такого писателя» [2].

На наш взгляд, очень важна третья статья Нгуен Ан Нинь о Толстом, являющаяся ответом на статью читателя Нгуен Хоань «Несколько слов господину Н. о жизни Льва Толстого» (газета «Нейтралитет», № 6983). Нгуен Хоань высоко оценил творчество Толстого, его трезвый взгляд на общественные горячие проблемы, но непротивленчество Толстого показалось ему неактуальным и даже вредным для вьетнамского народа. Нгуен Ан Нинь должен был высказаться по этому поводу: «Лев Толстой жаж-

дет жить по укладу простого народа, делить с ним его страдания, разорвать свою связь с классом людей богатых и властных. Он хочет искоренить беду, уничтожить “паутину” в головах людей с частнособственническими идеями. На самом деле паутина рвется нелегко. Толстой разорвал паутину только в своем воображении» [2]. Обратим внимание на то, как актуализирована толстовская проблематика для вьетнамской реальности.

Известный писатель, драматург Нгуен Хюи Тьонг (1912–1960) начал писать дневник в ноябре 1930 года. На первой странице дневника он рассказал о своих впечатлениях от романа Л. Толстого «Воскресение»: «Роман трогателен с начала до конца, его этика советует человеку считать самосовершенствование корнем, рекомендует спасать людей, помогать другим в выборе правильного пути, советует избегать эгоизма, зла и лжи; идеи возвышенны, после чтения романа у меня появилось желание смирения перед жизнью» [3, с. 7]. Как видим, весь спектр толстовского учения – от тотального неприятия зашедшей в тупик современной цивилизации до рецепта искоренения зла путем непротivления, самосовершенствования – оказался востребованным первыми вьетнамскими интеллектуалами.

Писатель Ныи Фонг (1917–1985), по его собственному признанию, «взрослел, читая бессонными ночами в шестнадцатилетнем возрасте “Воскресение” Л. Толстого» [5, с. 228].

Безусловно, гуманистические идеи Л. Толстого близки Востоку, они помогли русскому писателю оставить в душах вьетнамцев, особенно молодых, незабываемый нравственный след. Хотя восприятие его идей и творчества было неполным, субъективным, несистематическим, все-таки стало «вдохновляющим стимулом писательского труда, способствовавшим становлению новой прозы во вьетнамской литературе» [4, с. 156].

40-е годы XX века отмечены бурным развитием переводной литературы. Именно она, и, конечно же, творчество Толстого, стали важнейшим коммуникативным каналом между национальной и зарубежной культурами. В колониальном Вьетнаме, кроме французского языка, считавшегося официальным в школе и вузе, другие языки, в том числе вьетнамский, были оттеснены на задний план. В этот период во вьетнамских журналах и газетах обычно переводились французские и китайские произведения. До 1945 года интерес к творчеству Л. Толстого был слабо развит из-за строгой французской цензуры: «Большинство книг и газет, изданных до 1945 года, ныне превратились в раритеты, поэтому составить даже самую неполную библиографию статей и книг о Толстом, переводов его произведений того периода стало делом чрезвычайно трудным» [11, с. 81].

Не случайно, на наш взгляд, первый перевод Толстого – роман «Воскресение» – появился

в 1927 году в газете «Голос народа», главной выразительнице и защитнице интересов народа. Его появление принесло во Вьетнам «новый ветер».

В настоящее время газета «Голос народа» хранится в редком архиве из-за ее сильной устарелости. К сожалению, многие ее номера, в которых был издан перевод романа «Воскресение», либо потеряны, либо находятся в плохом состоянии, причем одна часть перевода хранится в Ханое, другая – в Хошимине. Из-за этих трудностей мы смогли собрать лишь 48 из 75 номеров (потеряно от № 43 до № 70, значит, с главы 39 до главы 47, то есть по сравнению с оригиналом, потеряны главы: в первой части романа – от № XLV до № LIX, во второй части – от № I до № XIX). К тому же в газете «Голос народа» не нумеруются страницы. Поэтому в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием главы.

Нужно отметить, что до сих пор мы еще не знаем, кто является первым переводчиком «Воскресения» на вьетнамский язык. Дело в том, что в конце первого известного нам перевода романа написано имя Хоа Чунг, но оно является псевдонимом какого-то переводчика. Многие ученые (профессор Хуинь Ли, переводчик Тхюи Тоан) считают автором этого перевода профессора Дао Зуи Аня (1904–1988), тогдашнего помощника секретаря газеты «Голос народа», владевшего французским и китайским языками. Однако мнение это нельзя считать общепризнанным.

Отметим, что перевод романа «Воскресение» был сделан Хоа Чунгом не с оригинала – русского, а с французского или китайского языка. Прежде чем проанализировать этот перевод, следует сказать, что его художественные ценности автор ставит ниже идейных. При переводе Хоа Чунг поставил перед собой и решил важные задачи: познакомил широкого вьетнамского читателя с новой великой литературой, показал нравственную высоту и актуальность для родной ему культуры и жизни идей оригинала. Докажем наше мнение.

Остановимся на лексике этого перевода. Многие слова, использованные переводчиком, еще живы по сей день. Однако в переводе есть диалектизмы, которые теперь редко или совсем не появляются в разговорной и в письменной речи. Примеры: «*tiểu thơ*» [тиеу тхо] (барышня) вместо литературного слова «*tiểu thư*» [тиеу тхы], «*thơ*» [тхо] (письмо) вместо «*thư*» [тхы]...

Наряду с диалектизмами, в переводе присутствуют древнекитайско-вьетнамские слова, которые используются либо редко в настоящие дни, либо приобретают новое значение. Примеры. «*Bây giờ thân mẫu qua đời, công tử lại thành một nhà phú hộ to hơn nữa, thì phải quyết định cho bề nào: một là **khí tuyệt** hết thầy sản nghiệp như mười năm trước đã **khí tuyệt** mấy chục mẫu đất của thân phụ, hai là...*» [7, гл. 3]. Обратный перевод: «Теперь мать умерла,

он сделался большим землевладельцем, он должен решить одно из двух: или отказаться от своей собственности, как сделал это десять лет тому назад по отношению десятков десятин отцовской земли, или...». Слово «khí tuyêt» [кхи тует] (отказаться) не существует в современном вьетнамском языке. В наши дни используются его синонимы, такие как «khuớc từ» [кхыок ты], «chối bỏ» [тьоу бо], «từ chối» [ты тьоу].

Другой пример. «Sau chàng (Si-mông-son) làm giáo sư trường làng, gia nhập vào hội Dân-ý, rồi đi diễn thuyết cổ động cách mạng» [7, гл. 53]. Обратный перевод: «Потом он (Симонсон) поступил в село профессором, сошелся с народниками, проповедовал революцию». В современном вьетнамском языке слово «giáo sư» [жао шы] имеет значение «учёное звание и должность преподавателя вуза или научного сотрудника научно-исследовательского учреждения», в начале же XX века это слово обозначало «учитель».

В любом переводе важной и сложной является проблема транскрибирования имен иноязычных героев. В начале XX века «традиции перевода русской литературы еще только зарождались во Вьетнаме, и переводчикам, которые не знали русского языка, много хлопот доставляли труднопроизносимые для них имена героев» [4, с. 155]. Так, Дмитрий в переводе «Воскресения» звучит как «Де-Мич-Чи», Маслова – «Мат-ло-ва», Катюша – «Ка-тиеу-ша»... Кроме того, географические названия переведены через язык-посредник: либо французский (Москва – «Мот-ку»), либо китайский (Сибирь – «Тау-ба-лой-а»). Однако в этом же переводе есть другая проблема – имя одного персонажа переводится по-разному. Например: имя «Федосья» в переводе транскрибировалось либо [Фе-ни-ка], либо [Фи-ни-ка], «Селенин» – [Се-ленин], либо [Се-ле-нинь] и др. Для современных вьетнамских читателей, знающих русский язык, это звучит как курьез. Однако Хоа Чунг старался транскрибировать иностранные имена и географические названия по латинским буквам, что, несомненно, облегчило понимание романа первыми вьетнамскими читателями.

В своей работе Хоа Чунг использовал два вида перевода: полный и сокращенный. Полный перевод направлен на тщательное воспроизведение всех компонентов информационной упорядоченности подлинника в единицах переводного языка. В отличие от этого вида, сокращенный перевод состоит в выборе ключевых единиц оригинала. Все остальные компоненты исходного текста отбрасываются как второстепенные, ненужные с точки зрения достижения результата и не подлежат переводу вообще.

По результатам нашего исследования, в первой части романа Хоа Чунг в основном использует способ полного перевода, лишь во второй и третьей

частях – сокращенного. Причина заключается, во-первых, в малых площадях газеты, во-вторых, во французской строгой цензуре (вся деятельность газеты «Голос народа» находилась под пристальным вниманием французского правительства).

Приведем несколько примеров из множества существующих. В романе «Воскресение» написано: «<...> она (Катюша) поступила горничной к становому, но могла прожить там только три месяца, потому что становой, пятидесятилетний старик, стал приставать к ней, и один раз, когда он стал особенно предприимчив, она вскипела, назвала его дураком и старым чертом и так толкнула в грудь, что он упал. Ее прогнали за грубость» [8, т. 32, с. 8]. Этот абзац в переводе выглядит так: «Nàng vào làm nô-ti cho anh trọc phú, đã ngoài 50 tuổi nhưng anh chàng thấy nàng xinh xắn bèn giở trò dê mạt, nàng mắng cho một trận tàn nhẫn rồi phải đuổi ngay» [7, гл. 2]. Обратный перевод: «Она поступила горничной к пятидесятилетнему становому, который соблазнился ее красотой, стал к ней приставать, но она отвечала руганью на его ухаживания, за что ее скоро прогнали». Переводчик сохранил лишь «канву» эпизода, лишив его специфических авторских стилистических красок.

Еще один пример. Узнав о «шашнях» Катюши с фельдшером, Нехлюдов подумал: «Нет! То, что случилось, не может изменить – может только подтвердить мое решение. Она пусть делает то, что вытекает из ее душевного состояния, – шашни с фельдшером, так шашни с фельдшером – это ее дело...» [8, т. 32, с. 305]. Перевод: «Ta thương nàng không phải vì ta mà vì nàng và vì Thượng đế. Nàng có dấn cợt với anh khản hộ nữa, đó cũng chỉ là quan hệ về riêng nàng» [7, гл. 48]. В обратном переводе: «Я люблю ее не для себя, а для нее и для Господа. У нее с фельдшером шашни – это только ее дело». У Л. Толстого известие о связи Катюши с фельдшером не только не изменило, но укрепило решение князя искупить свой грех. В переводе же акцент сделан на великодушии Нехлюдова.

Утверждаем, Хоа Чунг выбрал и перевел на вьетнамский язык то, что считал необходимым, по-своему сократил и даже удалил ненужные детали для того, чтобы высшая идея «вне искусства» быстрее дошла до читателей. Конечно, такой перевод лишь в малой мере смог отразить специфику толстовского стиля, философские и религиозные идеи оригинала, но он удовлетворил актуальную потребность вьетнамского общества в начале XX века, указал путь борьбы против социального и колониального зла. Поэтому первый перевод последнего романа Л. Толстого, как «первая ласточка», с благодарностью оценивается и воспринимается исследователями, критиками, писателями, читателями.

Изучая вопросы, связанные с первым переводом романа «Воскресение», вьетнамский иссле-

дователь, доцент Чан Тхи Куинь Нга убедительно пишет о том, что вьетнамская интеллигенция, впервые познакомившаяся с романом, была сильно потрясена из-за «особенного светового потока, исходящего из гуманности содержания романа» [10, с. 35].

В статье «Лев Толстой в модернизации вьетнамской литературы (период до 1945 года)» доцент Дао Туан Ань останавливается на первом переводе «Воскресения» и пишет: «Переводы “Воскресение”, переводчик прицелился к одной из актуальных проблем вьетнамского общества – проституции, и надеялся на то, что это произведение поможет найти “светлый путь” путем нравственного самосовершенствования и возрождения добра в людях» [1, с. 66].

Библиографический список

1. Дао Туан Ань. Лев Толстой в модернизации вьетнамской литературы (период до 1945 года) // Исследование литературы. – 2010. – № 12. – С. 55–70.
2. Лай Нгуен Ан. Некоторые вьетнамские газетные материалы о Л. Толстом в 1920-х – 30-х годах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phongdiep.net/default.asp?action=article&ID=11661> (дата обращения: 10.02.2015).
3. Нгуен Хюи Тьонг. Дневник: в 3 т. – Ханой: Молодежь, 2006. – Т. 1. – 758 с.
4. Никулин Н.И. Произведения Льва Толстого во Вьетнаме // Лев Толстой и литературы Востока. – М.: Наследие, 2000. – С. 151–176.
5. Ньы Фонг. Суждение о литературе. – Ханой: Литература, 1977. – 371 с.
6. Толстой и зарубежный мир // Литературное наследство. – Т. 75: в 2 кн. – М.: Наука, 1965. – Кн. 1. – 620 с.
7. Толстой Л.Н. Воскресение // Голос народа. – Хуэ, 1927–1928. – № 9–83.
8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное изд.). – М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958.
9. Фан Кхой. Сила писателя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.viet-studies.info/Phankhoi/PKhoi_Tolstoy.htm (дата обращения: 10.02.2015).
10. Чан Тхи Куинь Нга. Прием русской прозаической литературы XIX века во Вьетнаме. – Ханой: Образование, 2010. – 179 с.
11. Чан Фонг Зао. Несколько мыслей для примечания // Литература. – 1969. – № 128. – С. 79–84.

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ЛЕТОПИСИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА (на примере дневников 1930-х – 1940-х годов)

Жанровая специфика эмигрантской прозы И.А. Бунина представляет большой интерес для исследователей. Это объясняется тем, что большая часть бунинского наследия указанного периода находится за границей и недоступна для широкого изучения. В связи с этим проза Бунина периода эмиграции в последовательном порядке не изучалась и не классифицировалась с точки зрения её жанровой принадлежности. Характерной особенностью бунинской прозы, которая проявляется при попытке анализа дневников И.А. Бунина периода 30-х – 40-х гг. XX века, является синкретизм прозы, то есть отсутствие чётких границ между художественными и документальными жанрами.

Во 2-й четверти XX века запас впечатлений писателя, «взятых с собой» из России, подошёл к концу. Вместо ностальгии по покинутой родине появляются новые впечатления (бытовые и политические), в связи с чем происходит сужение жанров: его дневник вбирает в себя элементы новеллы, письма, очерка, а также наблюдается проникновение элементов русского литературного наследия.

И.А. Бунин лично столкнулся с практикой нацистского государства ещё до начала войны, и это столкновение определило его отношение к Германии и понимание того, что существующий в этой стране режим является угрозой безопасности всему миру, так как представители власти ограничены культурно и морально. Наряду с этим Бунин считал, что русский народ на генетическом уровне хранит память о поражении любого агрессора. Эта общественная позиция и отразилась в дневниках писателя. Таким образом, целью данной статьи является попытка проанализировать дневник Бунина как своеобразную «хронику» событий Второй мировой войны.

Ключевые слова: И.А. Бунин, эмиграция, дневник, летопись, документальная проза.

Тема Великой Отечественной войны в русской литературе XX века – одна из самых масштабных и трагических. Особое значение данная тема обрела в сознании русских писателей-эмигрантов. Они оказались вдали от родины, не имея возможности быть со своим народом во времена тяжёлых испытаний, были вынуждены сопереживать своей стране издалека, многие попали в эпицентр военных действий в оккупированных немцами странах. Как известно, русское эмигрантское сообщество никогда не было ни политически, ни социально однородным. Часть эмигрантов считала Гитлера освободителем, борцом с большевистским режимом, но все-таки подавляющее большинство русских эмигрантов заняло антигитлеровскую позицию [3]. В их числе был и Иван Алексеевич Бунин. Он осуждал утверждающийся национал-социалистический режим ещё до начала военных действий.

Бунин лично столкнулся с фашистскими порядками ещё до начала Второй мировой войны. В 1936 году он отправился «по издательским делам» в Германию и 27 октября в Линдау был арестован немцами и подвергнут бесцеремонному и унижительному обыску: «От чувства такого оскорбления, которого я не переживал ещё никогда в жизни, от негодования и гнева я был близок не только к обмороку, но и к смерти, от разрыва сердца» [1, с. 308]. А сентябрь 1939 года, когда грянули первые залпы и начались боевые действия, писатель встретил во Франции, позднее оккупированной немцами. Все годы войны Иван Алексеевич и его жена Вера Николаевна провели в Грассе на вилле «Жаннет» и своими глазами видели, что творилось в оккупированной стране. Всё это время писатель вёл дневник, своеобразную «летопись»,

в которой отражались и события войны, и его отношение к этим событиям.

Летопись – это жанр древнерусской литературы, содержащий описание наиболее значительных, реальных событий, который создавался, чтобы сохранить память о судьбоносных явлениях прошлого. Их свидетелем был сам летописец, в иных случаях он узнавал и читал о случившемся в других летописях [4]. Летопись является историческим документом, и именно с летописными источниками мы можем сравнить дневники И.А. Бунина периода 1930-х – 1940-х годов.

Дневник – совокупность фрагментарных записей, которые делаются для себя, ведутся регулярно и чаще всего сопровождаются указанием даты [5]. Дневниковые записи всегда имели большое значение в жизни и творчестве Ивана Бунина. Он вёл дневник всю свою жизнь, начиная с юности и до последнего дня жизни. Дневник для Бунина – неотъемлемая часть творческого процесса. В военное же время дневники писателя превращаются в некую хронику. Подобно летописцу, Бунин точно и по возможности беспристрастно передаёт события, даже самые мелкие и незначительные на первый взгляд. Как и древнерусские книжники, он фиксирует даты, не позволяя себе проявлять какие-то неуместные эмоции и выражать своё личное отношение к общечеловеческой трагедии. В каждой дневниковой записи Бунина, начиная с 1940 года, упоминается о событиях, происходящих на разных фронтах Европы, но очень нечасто Иван Алексеевич позволяет себе высказать собственную оценку, проявить свои истинные чувства. Кажется, что война у Бунина вызывает такое же состояние недовольства, как и, например, новость о том, что кофе теперь (в 1940 г.) будут выдавать по талонам:

«Огромный налёт немцев на Лондон – всё в дыму, в пламени... Сейчас около 7 вечера. Были в городе за покупками. Магазины почти пусты – всё раскупалось последний месяц бешено...» (17 августа 1940 г.) [2, с. 442]. И только по отдельным ремаркам, словам, замечаниям писателя мы понимаем всю глубину его переживаний, которые он испытывает, слушая радио и читая французские газеты: «И в Париже все поражены, не понимают, как могло это случиться (это чудовищное поражение Франции)» (23 июля 1940 г.) [2, с. 438]. Бунин выразил своё отношение к этому событию всего одним словом «чудовищное», но именно это слово отражает реальную картину событий того времени: и оккупацию французских территорий, и положение французского народа, и чувства самого писателя, искренне переживающего за страну, которая приютила его на 20 лет. При всей скупости выражения эмоций в дневниковых записях Бунин всегда очень конкретен в своих чувствах, а иногда даже резок: «Газеты, радио – всё брехня. Одно ясно – пока “не так склалось, як ждалось”» (24 июля 1941 г.) [2, с. 476].

Дневник писателя – это тот источник, который помогает нам узнать о тех лишениях, которым подверглась семья нашего великого соотечественника, о том, как он рисковал, укрывая у себя в доме знакомых евреев, как добровольно обрек себя на голод, холод и нищету, отказавшись сотрудничать с фашистами. Бунин освещает ход событий, подробно описывая каждый день в течение 6 долгих военных лет: «10 июня вечером Италия вступила в войну. Не спал до часу. В час открыл окно, высунулся – один соловей в пустоте, в неподвижности... Нигде ни единого огня» (25 июля 1940 г.) [2, с. 438]. Записи о ходе войны в дневнике Бунина, последние новости о военных действиях – краткие, фрагментарные, перемешивающиеся с бытовыми подробностями жизни писателя. Создаётся впечатление, что война – это всего лишь одно из событий жизни Ивана Алексеевича, такое же, как оставить записку знакомому: «Не застал Цакни, оставил ему записку, что буду в понедельник... Погода как будто на весну, но всё холодный ветер. Финнам плохо» (1 марта 1940 г.) [2, с. 428]. Но в то же время эти записи точны, достоверны, они представляют собой некую историческую хронику, показывают, как пристально автор следит за военной обстановкой в мире, как под страхом смерти слушает русское радио, отмечает по карте обстановку на фронте и каждый день, подобно летописцу, фиксирует новое событие: «Вечернее русское радио: в Швеции скоро не будет мяса. Да, через полгода вся Европа – и Германия в том числе – будет околевать с голоду» (14 мая 1941 г.) [2, с. 468].

С особенной болью и волнением встретил Иван Алексеевич известие о начале войны Германии с Россией. 5 июня 1941 г. он пишет: «Слабость,

сонливость, подавленность. Все гадают: что дальше? Кипр?» [2, с. 469]. А уже 21 июня 1941 г. Бунин зафиксировал следующее: «Везде тревога: Германия хочет напасть на Россию?... Не верю, чтобы Германия пошла на такую страшную авантюру. Хотя чёрт его знает. Для Германии или теперь, или никогда – Россия бешено готовится» [2, с. 470]. И следующая же запись 22 июня: «После завтрака крик Зурова: “Иван Алексеевич, Германия объявила войну России!” Думал, шутит, но то же закричал снизу и Бахрак. Побежал в столовую к радио – да! Взволнованы мы ужасно!» [2, с. 471]. Это одна из самых экспрессивных записей автора. Бунин не просто передаёт своё волнение и сочувствие, он подчёркивает всеобщий характер переживаний. Употребляя местоимение «мы», писатель говорит не только о себе и своей семье, он подразумевает всё эмигрантское сообщество, подчёркивает духовное единство с покинутой родиной и своим народом. Не случайно в своих дневниках периода Второй мировой войны писатель употребляет слово «Россия», как будто резко забыв всю критику её нового государственного строя. Слова Бунина выражают идею о том, что даже покинутое отечество всё равно остаётся родиной, а родина – это, прежде всего, народ. Даже покинув своих соотечественников, писатель всё равно остаётся с ними, поддерживая в трудное время и сопереживая потерям: «Самые страшные для России дни, идут страшные бои – немцы бросили, кажется, все, все свои силы. “Ничего, вот-вот русские перейдут в наступление – и тогда...” Но ведь то же самое говорили, думали и чувствовали и в прошлом году в мае, когда немцы двинулись на Францию. “Ожесточённые бои... положение серьёзно, но не катастрофично...” – всё это говорили и тогда» (11 октября 1941 г.) [2, с. 483]. Бунин не просто сопереживает своему народу, каждую неудачу русской армии, каждую потерю он пропускает через себя, чувствует как свои собственные: «Вчера вечером радио: взяты Калуга, Тверь и Одесса. Русские, кажется, разбиты вдребезги. Должно быть, вот-вот будет взята Москва, потом Петербург...» (17 октября 1941 г.) [2, с. 483]. Он подсчитывает каждый день войны, отмечает по карте обстановку на фронте – 22 августа 1941 г.: «Прочёл в этот вечер русское сообщение: “мы оставили Николаев”... Война в России длится уже 62-й день» [2, с. 478].

Особое внимание в своих дневниках Иван Алексеевич обращает на средства массовой информации: газеты и радио, чаще всего французские, реже немецкие, швейцарские, итальянские, русские. Писатель с большим недоверием относится к сообщаемой в них информации: «Пришла газета. Немцы: “сотни тысяч трупов красных на полях сражений...” Русские: “тысячи трупов немцев на полях сражений...” В газетах всё то же и вся та же брехня...» (3 августа 1941 г.) [2, с. 477]; «Фран-

цузское радио – нечто поразительное. Тонем во лжи и холопстве» (3 июня 1942 г.) [2, с. 497]. Более того, в начале войны писатель не один раз замечает в дневнике, что «по утрам боится раскрыть газету», боится узнать о новых потерях. И, тем не менее, каждое событие он с точностью летописца отражает в своих записях, не желая быть в стороне от своих соотечественников.

С большим воодушевлением Бунин встретил победу России над фашизмом. Он радовался каждой победе русской армии, каждому успеху Сопротивления: «Началось русское наступление. Взят Шербург. Взяты Витебск и Жлобин. Погода всё скверная. Взята Одесса. Радуюсь. Как всё перевернулось!» (26–27 июня 1944 г.) [2, с. 515]. Каждый успех антифашистской кампании писатель воспринимал как личную победу: «Взят Псков. Освобождена уже вся Россия! Совершено истинно гигантское дело!» (23 июля 1944 г.) [2, с. 516].

Однако в документальной прозе Бунина практически не употреблён термин «фашизм». Следуя традициям русских летописей, писатель чётко противопоставляет две военные силы: они, немцы, то есть захватчики, и мы, русские, защитники родного отечества, но прямо говорит о том, что ответственность за растоптанную и разорённую Европу лежит только на одном человеке: «Полное сумасшествие! Только сумасшедший кретин может думать, что он будет царствовать над Америкой, Бразилией, Норвегией, Францией, Бельгией, Голландией, Данией, Польшей, Чехией, Австрией, Сербией, Албанией, Россией, Китаем – 16 странами, из которых все, не считая евреев, ненавидят Германию и будут её ненавидеть небывалой ненавистью чуть не столетие» (16 сентября 1942 г.) [2, с. 500]. Как летописец, он сочувствует немецким жертвам войны не меньше, чем русским или французским: «И Германия, помимо того, как страшно сдерут с неё шкуру, потеряла уже 3/4 своего самого сильного населения... Скоро останутся только старики и дети» (8 января 1944 г.) [2, с. 512].

Бунин с восторгом встретил весть о победе русского народа и освобождении союзниками Франции: «Необыкновенное утро! Свобода после стольких лет каторги! Днём ходил в город – ликование неопишемое» [2, с. 517]. Но, несмотря на радость победы, писатель остаётся на антиво-

енных позициях. Он осуждает мировую войну так же, как до этого 25 лет назад осуждал войну Гражданскую. Бунин сравнивает события Второй мировой войны с первыми годами послеоктябрьской России, с Одессой 1919 г.: «Не запомню такой тупой, тяжкой, гадливой тоски, которая меня давит весь день. Вспомнилась весна 19-го года, Одесса, большевики – очень похоже на то, что тогда давило... Да, опять “Окаянные дни!”» (1 июля 1941 г.) [2, с. 473]. Такая параллель не случайна: писатель уже видел те хаос и разрушения, которые принесла с собой Гражданская война, и спустя четверть века наблюдает то же самое, но уже в мировых масштабах. Бунин показывает, что любое вооружённое противостояние может перерасти в общечеловеческую трагедию. Поэтому не случайно и его обращение к жанру летописи. И в хронике 1919 г. «Окаянные дни», и в дневниковых записях 1940-х годов писатель выбирает такую форму изложения событий, которая помогает ему как можно более полно и в то же время объективно и беспристрастно описать происходящие события. Как и в «Окаянных днях», писатель не анализирует, а только фиксирует события войны с хронологической точностью, тем самым позволив возможным читателям самим сделать выводы из уроков истории и сохранить те духовно-нравственные ориентиры, которые даже в ходе войны помогают остаться человеком.

Библиографический список

1. *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. – М.: Молодая гвардия, 2004. – (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 906).
2. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 8 т. – Т. 7. – О Чехове. Дневники. Автобиографические заметки. Статьи и выступления. – М.: Московский рабочий, 2000. – 670 с.
3. Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и вторая мировая война / под ред. С.В. Карпенко. – М., 2004.
4. Словарь литературоведческих терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filorelea.narod.ru/index.html> (дата обращения: 24.10.2014).
5. Словарь литературоведческих терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/?q=456> (дата обращения: 9.09.2013).

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА В РАССКАЗЕ А.С. СЕРАФИМОВИЧА «НА ЛЬДИНЕ»

В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с проблематикой рассказа «На льдине», первого произведения в творческой биографии Александра Серафимовича. Автор статьи предпринимает попытку иначе посмотреть на рассказ писателя. Имманентный анализ художественного произведения сочетается с обращением к историко-литературным, биографическим, культурным, этнографическим данным. Оппозиция «человек – природа» занимает важное место не только в исследуемом рассказе, но и в контексте всего раннего творчества писателя, поэтому автор исследования основной своей задачей считает постижение специфики художественной рецепции феноменов человека и природы в рассказе «На льдине». Автор показывает неоднозначность философского осмысления места человека в природном пространстве и влияния природы на жизнь и на смерть человека. Анализ рассказа позволяет выйти за границы рассмотрения его исключительно в аспекте классовой борьбы, изображение которой получило пристальное внимание со стороны советского литературоведения. В статье рассматривается также проблема генезиса раннего литературного творчества Серафимовича. Собранные литературные факты, опора на критику и сравнительный анализ приводят к выводу о преемственности между художественными мирами раннего Серафимовича и раннего Короленко.

Ключевые слова: А.С. Серафимович, рассказ, поэтика, генезис, прозвищный фольклор, человек и природа, общество и природа, антропоморфизм, зооморфизм, смерть.

Первым литературным опытом ссыльного студента физико-математического факультета Петербургского университета Александра Серафимовича Попова стал рассказ «На льдине», написанный в г. Мезени Архангельской губернии в 1888 г. и опубликованный в «Русских ведомостях» в 1889 г. под псевдонимом Серафимович. В 1901 г. названный рассказ, наряду с рассказами «На плотях» и «В тундре», высоко оценил В.Г. Короленко за его «прекрасный язык, образный, сжатый и сильный, яркие, свежие описания и набросанные эскизно и бегло, но всё-таки живые фигуры...»; (курсив наш. – А.К.) [6, т. 8, с. 313]. Сорок с лишним лет спустя, в 1932 году, Серафимович признался, что написал «На льдине» «целиком под влиянием загоревшегося тогда Короленко» [11, с. 343].

Заметим, в 1925–1928 гг. вышло посмертное собрание сочинений Короленко с дневником, что является доказательством высокого авторитета писателя в советскую эпоху, несмотря на его последовательную критику большевистской революции, отразившуюся в письмах к А.В. Луначарскому. Для Серафимовича позднее свидетельство истоков своего творчества было ещё и указанием на особенный путь в общественных и писательских прениях начала 30-х гг.

Серафимович не хвалил своих работ, многие из которых в предисловии к собранию сочинений (1940–1948 гг.) характеризовал как «явно слабые в художественном <...> отношении» [12, с. 3]. Начиная с ранних рассказов, он выбрал путь реалиста и до конца творческого пути не менял своей эстетической позиции. Эту особенность подметили, например, советские исследователи, для которых творчество Серафимовича есть «неприкрашенная жизненная правда <...> суровая жизненная прав-

да», по выражению одного из них – Ф.Т. Александровского [1, с. 7]. Однако не всё так однозначно в творчестве писателя. Не случайно в современном литературоведении рассматривается не столько реализм прозы Серафимовича, сколько философская глубина ранних рассказов писателя. Н.Д. Котовчихина называет ранние рассказы Серафимовича «навек созданными маленькими шедеврами» [8, с. 7] и отмечает, что для автора оказывается важной не социальная проблема, а «жестокый поединок человека с природой, из которого человек далеко не всегда выходит победителем» [8, с. 8].

Для миропонимания Серафимовича характерно развитое систематическим образованием представление о взаимоподобии общества и природы. В уже процитированной автобиографии (1932 г.) и «Рассказе о первом рассказе» (1933 г.) Серафимович говорит о том, как некогда он разрывался между человеческим и природным, как ему, с одной стороны, «хотелось описать громадное впечатление от северного сияния» [13, с. 401], а с другой – показать «целый мир ненависти к гнетущей силе эксплуататоров», потянуться «к бедноте, к труду, к загнанным, забитым, к тем, кого сосут» [11, с. 343].

В других набросках той же автобиографии Серафимович не рассредоточивает мир людей и мир природы, соотносит натуральное, естественное и материальное, созданное человеком, отмечает, как его «поразила природа, железный человеческий труд», «почернелые, как грибы, дома» Мезени, «синяя грудь океана» и «всё тот же бесконечный труд, всё то же человека человеком поедание». Природа в изображении писателя словно реагирует на социальные катаклизмы: отсюда и логически неожиданные переходы мысли: «...читаю страшное: "Александр Ульянов и ещё четверо каз-

нены". *Весенний день померк*» [11, с. 343]. Заметим, что казнь студента-террориста А.И. Ульянова состоялась в мае 1887 г., а рассказ появился много месяцев спустя, когда первый шок уже прошёл. Переживание смерти университетского товарища выразилось в первом, написанном в ссылке рассказе, в котором писатель попытался художественно осмыслить смерть как феномен *природный* и вместе с тем *социальный*. Нужно отметить и важность самой ссылки в жизни писателя, оказавшейся для него достаточно суровой.

Подтверждением этому служит, например, письмо Серафимовича, написанное в 1936 г. для радиопередачи, где он характеризует ссылку: *«Лучшие писатели в те времена учились не столько в школах, университетах, сколько в ссылке да по тюрьмам. Попал и я в ссылку <...> Тут передо мной развернулась суровая картина природы и чудовищная, страшная жизнь <...> крестьянина, рабочего, женщины, ребёнка. Всё это нахлынуло именно в ссылке...»* [14, с. 3]. На наш взгляд, данное радиовыступление нельзя считать вполне достоверным в связи с его тенденциозностью, обусловленной общественно-политической обстановкой 1936 года, спецификой адресации и ориентацией не столько на далёкое прошлое, сколько на представление писателем радиослушателям и без того известной эпопеи «Железный поток».

Советское литературоведение (например, Н.А. Ерёмкина [4], Е.Л. Лепешинская [9]) рассматривало раннее творчество Серафимовича с позиций марксизма-ленинизма. Разумеется, тема классового неравенства важна для начинающего писателя, приговорённого к ссылке за антиправительственную прокламацию, но проблематика «северных» рассказов гораздо шире; на наш взгляд, ведущие вопросы, поставленные автором в его первом рассказе, есть вопросы философские – о *человеческом* и *природном* в феномене смерти, зверином начале в человеке, границе между живой природой и мертвой природой.

В рассказе «На льдине» природа – не просто фон развивающихся событий, а ещё и постоянная спутница человека. В этом смысле человека и *природу* нельзя противопоставлять: человек со всеми его социальными контактами всё равно остаётся лишь малой частью природного пространства. Социальное поведение человека, перенесённое в природу, проявляется во всей силе своих достоинств и пороков. Смысл природы в её отношении к человеку, таким образом, амбивалентен: она одновременно его друг и враг, спаситель и губитель, судья. Серафимович ставит человека на самую грань, отделяющую *мир живой природы* (сцена в промышленной избушке, часть IV рассказа) от беспощадного *мира природы неживой*.

В пейзажной экспозиции рассказа открывается картина суровой стихии и тяжелейших условий

жизни поморов. При этом обнажается внутренний катастрофизм природы как норма её существования: здесь *«мохнатые сизые тучи <...> низко несутся над морем»*, а *«пронзительный, резкий ветер <...> то сбивает их в темную сплошную массу, то <...> разрывает и мечет, громоздя в причудливые очертания»*, здесь *«тяжело встают свинцовые воды и <...> с глухим рокотом катятся в мглистую даль»*, а *«с прибрежных высот <...> хмуро надвинулся дремучий лес»* [12, с. 5].

Природа в рецепции Серафимовича предстаёт человекоподобной замкнутой системой с её естественными катаклизмами, внутренними войнами и перемириями, в которые человек вмешиваться не должен. Доминирующие свойства природы в экспозиции – её напряженность, внутренняя дисгармоничность; природа здесь уподобляется человеку-провидцу, предчувствующему опасность и готовящемуся к схватке с врагом. Особенно иллюстративен в плане антропоморфизма стоящий *«спокойно, сумрачно, точно в глубокой думе»* дремучий лес, который становится свидетелем человеческого вторжения и которому приписывается исключительно человеческое чувство – *«угрюмая досада»* [12, с. 5]. Таким образом, природа со всеми её силами не есть лишь локус или арена для дальнейшего развёртывания социального конфликта, а есть один из участников неравного противостояния.

Социальный план повествования составляют помор Сорока и кулак Ворона. Имена героев оригинальны для русской литературы, в особенности – для реалистического рассказа. Прозвища героев передают их первобытное состояние, Сорока и Ворона не являются личностями в полном смысле слова: они зооморфны, напоминают полузверей. Этнографические данные, отражающие культуру и ценностный мир русского Севера, также подтверждают данную мысль. Так, Н.В. Дранникова рассматривает *локально-групповые прозвища*, отражённые в так называемом *прозвищном фольклоре*. Она отмечает, что *«орнитомические прозвища – одни из наиболее распространённых наименований в корпусе прозвищной словесности <...> Они широко бытуют в Мезенском, Пинежском, Онежском районах Архангельской области...»* [3, с. 124–125]. Автор пишет, что причиной появления коллективных прозвищ у определённой семьи могло быть нарушение какого-либо табу, например, нарушение запрета охотиться на определённые виды птиц и употреблять в пищу их мясо. По наблюдениям учёного, именно в Мезени наиболее популярными прозвищами являются *сороки* и *вороны*.

С одной стороны, перед нами одушевлённая природа; с другой – звероподобные люди. И действительно, борьба героев за жизнь напоминает природную конкуренцию, борьбу видов за выживание. Хищническая сущность Вороны более масштабна: кулак поработает не только естественную

среду, но и социальную. Но у героев есть общее: подобно покрутчику, кулак, прозванный Вороной, вероятно, за поедание непромысловой птицы (если опираться на данные этнографии), знал голод, переживал и тяжёлые времена, но сейчас понять некогда равного себе Сороку он не в силах: *природный инстинкт*, сближающий героев, всё-таки оказывается слабее *инстинкта социального*, разобщающего их.

В связи с этим «распределение» прозвищ между хозяином и работником представляется возможным объяснить также и в свете народной символики птиц. В работе А.В. Гуры «Символика животных в славянской народной традиции» образы *сороки* и *вороны* характеризуются как отрицательные, им отводится место в параграфе «Нечистые птицы»: люди «*сороку считают нечистым созданием*», а в русских загадках, например, сравнивают её «с бесом: «скачет, как бес», «вертится, как бес»...» [2, с. 556]. Охотник Сорока действительно подвижен, ловок, прыгуч. Ворону же в славянской культуре отличают «хищность и кровожадность», что сближает эту птицу «в народных представлениях и обрядах с таким хищником, как волк» [2, с. 531]. Кроме того, ворона «связывается с кровопролитием, насилием и войной» [2, с. 535], а также «обладает сокровищами и богатством» [2, с. 539].

Кулак Ворона обладает не только материальным богатством: он владеет человеком. Психологически насыщенное описание поведения героев на промысле подчёркивает существующую между ними социальную дистанцию: Сорока «*стоит <...> на торосе, в руках длинный багор держит*» и «*зорко всматривается <...> в холодную даль*», застывши «*в напряжённом ожидании*», а уверенный в себе Ворона «*стоит себе, на багор слегка опёрся, глядит на море, видно не тужит*» [12, с. 6–7]. Помор Сорока являет пример человеческого мужества: он умелый охотник, а его поведение мотивировано желанием спасти семью. Однако герой будет жестоко наказан. Несомненно, виной всему окажется жадность помора и то, что он пренебрёг *временем*. Заметим, что *время* – категория, приписываемая исключительно миру человеческому. Внешней причиной трагедии, случившейся с Сорокой, будет разбушевавшаяся стихия, но на самом деле истоки несчастья кроются в социальном пространстве: Сороку погубило классовое неравенство, эксплуатация.

Мотивы человека и природы чередуются в композиции рассказа – стихия вступает с человеком в безмолвный диалог. Кульминационным моментом становится демонизация природы, встретившей «незваных гостей» (начало III части): «*Послышалось могучее шипение, шорох, треск ломающихся глыб, словно надвигалось стоногое чудовище*» [12, с. 8]. Но даже это последнее предупреждение оказалось не услышанным: предчувствие удачной

охоты доводит героя до умопомрачения. Хронотоп повествования приближается к фольклорной фантастичности – Сорока удивительно ловко, как по волшебству, преодолевает пространство и время, «*прыгая со льдины на льдину*» [12, с. 8] и оказываясь на роковой льдине «*в один прыжок*» [12, с. 9].

Северная природа наказывает героя и за невнимательность к её очевидным подсказкам. Неразрывную связь с природой Сорока ощутит в последний момент, когда уже сама ночь вочеловечится и сойдётся с героем один на один: «*Он огляделся кругом: глухая ночь мрачно глядела на него мёртвыми очами. Острое предчувствие кольнуло его*» [12, с. 10]. Важным для объяснения трагедии героя оказывается его видение, в котором к нему приходит ограбленный им самоед, семью которого Сорока когда-то напоил водкой и лишил стада оленей: «*Напоил Сорока самоеда до-пьяна, напоил и самоедку и купил у них за грош всех оленей <...> Уехал Сорока, а самоед остался в тундре. И теперь Сорока никак не может отвязаться от этого самоеда: смотрит он на него <...> и не то поет, не то плачет: «Олешки, олешки... ах, олешки!..»*» [12, с. 15]. Этот эпизод подталкивает нас к поиску ответа на вопрос: а может, Сорока ничем не лучше своего хозяина Вороны, и этих героев следует рассматривать как двойников? Действительно, нравственная составляющая конфликта особенно важна для Серафимовича, знавшего о бедственном положении самоедов.

Культура, быт и нравы самоедов раскрываются в очерке Н. Козмина «Архангельские самоёды» (1913 г.). Автор, характеризуя состояние племени в целом как первобытное, отмечает их простодушие и доверчивость, зачастую оказывающиеся губительными для них: «*пользуясь пристрастием самоёдовъ къ пьянству, русскіе промышленники начали ввозить въ тундры тайнымъ образомъ въ большомъ количествѣ горячее вино и, когда самоёды напивались, такъ сказать, до безчувствія, отбирали у нихъ оленей и другое имущество...*» [5, с. 16–18].

Козмин рассказывает и об особенном отношении самоедов к своим оленям. Олени для племени являются не только источником мяса и меха; самоеды относятся к животным как к членам семьи, установили с ними прочную внутреннюю связь. Таким образом, потеря оленей («*олешек*», как ласково называет их самоед в рассказе «На льдине») равносильна расставанию с родным человеком. Подтверждением этому служит история из книги Козмина: «*Темной ночью 10 сентября мы стояли чумомъ на тундрѣ <...> Вдругъ собаки наши тревожно залаяли, замѣтивъ какую-то фигуру <...> Оказалось, къ намъ шель съ Волонги безоленный самоёдь Соболевъ, съ единственной цѣлью побыть вмѣстѣ съ оленями, по которымъ онъ страшно соскучился*» [5, с. 18].

Историю с самоедом автор включает именно в финал рассказа. Это проясняет в некоторой степени и причины гибели героя, дающей ему в наказание (поступок Сороки по отношению к самоеду куда циничнее, нежели порабощение героя кулаком), и высвечивает нравственную позицию писателя, который до конца остаётся на стороне природы. Самоед, дикий и примитивный во всём, ближе к природе и более человечный в отличие от охотника Сороки, превратившегося в зверя. Самоед, оставшийся там, на большой земле, зовёт в сорокиной полудрёме своих «олешек», испытывая к ним духовную близость, и у читателя есть надежда, что эта встреча случится, ведь финал истории с дикарём Серафимович оставляет открытым; судьба же Сороки, находящегося на льдине, предreshена – своей семьи он не увидит больше никогда.

Приговорив Сороку к смерти, природа-победительница начинает вести себя иначе – она утихомиривается, успокаивается: *«Сбежали последние лёгкие тени тучек, морозное небо фосфорически заискрилось мириадами. Море улеглось необъятно, и в нём дробились звёзды»* [12, с. 12]. Уже не только ночь, но и море, и мороз олицетворяются и начинают медленно убивать помора: *«...Охватило холодное море, а в очи неподвижно глядит побелевший мороз, неслышно подбирается, острыми иглами проникает в стынущее тело»* [12, с. 12-13]. Образ мороза сроду убийце, а его иглы подобны ножам: всё это передаёт картину казни.

Возникающий в такой сюжетной перипетии мотив памяти ознаменовывает интуитивное осмысление героем случившегося с ним: Сорока ожидает помилования от природы, но та, как и прежде, безответна: *«Поднял голову и недоумевающее посмотрел затуманившимися очами на далёкое небо, отливавшее холодным блеском, точно ждал ответа, но стояло ночное безмолвие над застывшим миром»* [12, с. 13]. Архаичное и высокое *очи* употреблено здесь неслучайно: у автора *очи* неэквивалентны *глазам*. В современном языке слово *очи* ограничено в употреблении и соотносится исключительно с человеком. Обретение природой *очей* есть высшая степень её персонификации.

В финале рассказа показана не только смерть самоеда: Серафимович поэтизирует северную природу и сливает с нею героя. Сорока впервые в жизни ощущает свою связь с прекрасным, очищающим началом природы. Перед смертью вновь происходит помрачение ума героя, но содержание уже не такое, как в начале повествования, когда он прыгал с льдины на льдину в предвкушении будущей добычи, а совершенно иное – Сорока единится с природой, которая боле не враг ему, и погружается в предсмертное блаженство: *«Чудилось ему, что ожило мёртвое море и тихо дышало бесконечным простором, и тонкий пар его дыхания подымался к далёким звёздам, а в его недрах*

совершалось неведомое. Казалось <...> прежняя жизнь потухла, затаилась в этой загадочной пустоте, наполнилась биением какой-то другой, незримой жизни» [12, с. 15].

Соотношение членов оппозиции «человек – природа» в развязке рассказа коренным образом меняется: если в экспозиции разворачивался конфликт социального пространства с природным, то в финале умирающий Сорока становится равен природе: *«Сияя величавой красотой Севера, тихо дремлет над спокойным морем полярная ночь <...> Мягкий синеватый отсвет озаряет необъятную водную гладь <...> и в морозной дали неподвижно скорчившуюся на одинокой льдине фигуру, опушённую белым инеем»* [12, с. 16].

Человеческая трагедия в рассказе многогранна: она есть следствие варварского вторжения в природу и непонимания её законов, результат многолетнего угнетения человека, итог социального неравенства. Несчастный помор не является личностью в полном смысле слова, и Серафимович-художник отчётливо понимает, насколько трагичны последствия психической деградации человека из народа, фанатично служащего своему эксплуататору.

Характеризуя генезис рассказа Серафимовича в русле мемуарного свидетельства самого писателя, отсылающего нас к поиску истоков своего творчества в прозе раннего Короленко, рассмотрим, как пантеистическое мировоззрение и связанное с ним осмысление человека и природы сближает художественные миры Серафимовича и Короленко. В этом плане иллюстративен рассказ Короленко «Лес шумит» (1886 г.), где отчётливо проводится идея натуралистического пантеизма, в основу которой положены неразрывная связь человека и природы, божественность природы, синтез всего живого, отрицание антропоцентризма.

Полесская легенда «Лес шумит» подготовила эстетическую почву для первого рассказа Серафимовича: наряду с социальной темой, конфликтом барина и работника (пан погибает от рук крепостного мужика Романа) в рассказе философски осмысливается оппозиция «человек – природа». Природный мотив в легенде связан, прежде всего, с образом деда, рассказчика событий далёкого прошлого: *«...старый дед, с лысой головой и седыми усами, сидит на завалинке и ковыряет лапоть. Усы у деда болтаются чуть не до пояса...»* [7, с. 72].

Человек и природа в легенде «Лес шумит» представляют некий синкретизм: сознание старика свободно ото всего – имён людей, событий, но природе в нём отводится особое место, вернее сказать – единственное. Сознание героя, поглощённое природным пространством, уже не вписывается в рамки календарного времени: жизнь деда настолько уподобилась жизни природы, что приобрела во временном отношении характер вечности. Эта наполненность сознания человека природным

пространством очевидна уже в начале беседы «я»-повествователя с дедом. На вопрос путника о том, много ли старик на своём веку видел, дед уверенно отвечает: *«А что же мне видеть хлопче? Лес видел... Шумит лес, шумит и днём и ночью, зимою шумит и летом... И я, как та деревина, век прожил в лесу и не заметил...»* [7, с. 73]. Изоморфизм природы и человека раскрывает и секрет долголетия старика из легенды Короленко. Свой долгий век дед получает в награду от живой природы, тогда как Сорока в рассказе Серафимовича наказывается природой за непонимание её великих законов, за «игру не по правилам». Связь между легендой Короленко и рассказом Серафимовича нам помогает установить и авторитетный взгляд Д.С. Мережковского на поэтику легенды «Лес шумит».

Мережковский в статье «Рассказы Вл. Короленко» (1889 г.) относит легенду «Лес шумит» к «лучшим рассказам» писателя о народной жизни. Религиозный философ и критик указывает и на переплетение природного и человеческого голосов, и на органично вписывающийся в шум леса голос деда, и на способность двух голосов взаимно заменять друг друга: *«Его речь <...> до такой степени гармонирует с однообразным гулом ветра в деревьях, что, когда дед умолкает, кажется, можно уловить продолжение прерванной повести в шуме леса, и, наоборот, когда лес умолкает, можно уловить в монотонной речи деда бесконечный шум деревьев...»* [10, с. 406]. Можно предположить, что в легенде Короленко, как и в рассказе Серафимовича, имеет место мифологический мотив растворения человека в природной стихии, но не после смерти, как в ряде других произведений русской литературы (например, в «Кавказском пленнике» А.С. Пушкина или в «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина), а ещё при жизни.

Этот высокий, нравственный подход к проблеме взаимодействия природы и человека вполне может служить объяснением генетической близости между «наказанным» Сорокой из рассказа Серафимовича и «вознаграждённым» дедом из легенды Короленко. Данная преемственность свидетельствует о продолжении духовно-нравственной традиции русской классической литературы в художественном мире прозы раннего Серафимовича.

Библиографический список

1. Александрюшкин Ф.Т. Становление социалистического реализма в творчестве А.С. Серафимовича в первые годы Советской власти (1889–1912 гг.). О роли мировоззрения в формировании творческого метода писателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1954. – 16 с.
2. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – 912 с.
3. Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика: Монография. – Архангельск: ИД Помор. ун-т, 2004. – 432 с.
4. Еремина Н.А. Рассказы А.С. Серафимовича (1889–1917): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1952. – 16 с.
5. Козмин Н.Д. Архангельские самоеды: (Очерк их быта и верований). – СПб.: Училищ. сов. при Святейшем синоде, 1913. – 48 с.
6. Короленко В.Г. А. Серафимович. – Очерки и рассказы // Короленко В.Г. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 8. – М.: ГИХЛ, 1955. – С. 313–315.
7. Короленко В.Г. Собр. соч. в 5-ти тт. Т. 2. – М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1960. – 400 с.
8. Котовчихина Н.Д. А.С. Серафимович. Страницы жизни и творчества // Вестник Московского государственного педагогического университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 6–23.
9. Лепешинская Е.Л. Творческий путь А.С. Серафимовича (до Октября): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1952. – 16 с.
10. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007. – 904 с.
11. Серафимович А.С. Сборник неопубликованных произведений и материалов / под ред. проф. А.А. Волкова. – М.: ГИХЛ, 1958. – 596 с.
12. Серафимович А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т. I. – М.: ГИХЛ, 1940. – 376 с.
13. Серафимович А.С. Собр. соч. в 4 тт. Т. IV. – М.: Правда, 1980. – 512 с.
14. Творчество А.С. Серафимовича (микрофонные материалы управления местного вещания всесоюзного радиокомитета) / сост. П.И. Березов. – М.: Государственное изд-во по вопросам радио, 1936. – 24 с.

«МОСКВА КАБАЦКАЯ» С.А. ЕСЕНИНА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО

В статье ставится вопрос о художественной целостности и структурной организации такого сложного и значимого для творческой эволюции С.А. Есенина произведения, как «Москва кабацкая». В работе доказывается, что «Москва кабацкая» является особым рода циклическим образованием. При этом автор статьи учитывает, что в современной науке существует проблема определения жанровой природы цикла: отечественные литературоведы до сих пор продолжают спорить о сущности этого литературного феномена. Методологической основой исследования стали работы по теории литературного цикла Ю.В. Лебедева и М.Н. Дарвина.

В статье рассматривается история создания «Москвы кабацкой» и прослеживается процесс формирования лирического цикла как своеобразного «сверхжанрового единства». Автор показывает, что, несмотря на неоднократные авторские изменения и текстовые «перестановки», «Москва кабацкая» сохранила признаки художественной целостности. В исследовании выявлены основные приёмы циклизации, задействованные в названном произведении: общность мотивов; контрастность образов; исповедальный характер стихотворений; цветотпись; единый лирический герой; повторяющиеся эпитеты; симметрия синтаксических конструкций; лексическое наполнение текста и перекликающиеся интонации, скрепляющие отдельные поэтические фрагменты в единое художественное целое.

В статье делается вывод о том, что есенинский цикл «Москва кабацкая», в свою очередь, состоит из двух взаимодополняющих друг друга подциклов: «Москва кабацкая» и «Любовь хулигана». Подчёркивается, что только диалогическое соотношение этих двух локальных художественных единств позволяет раскрыть глубинные смыслы одного из самых трагических произведений С.А. Есенина.

Ключевые слова: цикл, циклизация, приёмы циклизации, художественная целостность произведения, «Москва кабацкая».

В середине XIX века в русской поэзии появляется и развивается новая литературная форма, получившая название «лирический цикл». В современной науке существует проблема определения жанровой природы цикла. Отечественные литературоведы до сих пор продолжают спорить о сущности этого литературного феномена. Вопрос о жанровой специфике литературного цикла остаётся открытым в литературоведении и на сегодняшний день. Некоторые исследователи (например, М.Н. Дарвин [3]) считают литературный цикл «сверхжанровым единством», что подчёркивает всю сложность определения цикла, выделения его специфических признаков.

Учёные едины во мнении, что лирический цикл представляет собой совокупность нескольких произведений, объединённых автором по какому-либо признаку. Наиболее точное определение, на наш взгляд, предложил Ю.В. Лебедев. Он отметил, что цикл – «не случайная подборка произведений одного жанра и общей тематики» [5, с. 108]. «Это поэтический организм, клеточки которого, обладая относительной самостоятельностью, <...> образуют более широкое общее содержание, чем смысл отдельных вещей или их механической совокупности, суммы» [5, с. 108]. Таким образом, лишь рассматривая данный «организм» в целом, выделяя особенности каждой «клеточки организма», характеризуя их взаимосвязь и взаимопроникновение, можно приблизиться к пониманию авторской идеи объединения произведений, к постижению специфики циклизации в творчестве поэта.

В данной статье мы обратимся к стихотворениям двух лирических подциклов С.А. Есенина – «Москва кабацкая» и «Любовь хулигана»,

изданных поэтом изначально под общим названием «Москва кабацкая». Этот сборник нельзя называть произведением, которое обошли вниманием исследователи. Литературоведы рассматривали «Москву кабацкую» с точки зрения символики цвета (Л.Л. Бельская) [2]; анализировались революционные мотивы, звучащие в «Москве кабацкой» (П.К. Чекалов) [4]; характеризовались философские смыслы, художественно воплощённые в этом поэтическом тексте (М.А. Петрова) [7]. Но, несмотря на пристальное внимание учёных к названному произведению С.А. Есенина, вопрос о его структурной организации, художественной целостности ещё не становился предметом специального изучения.

Мнения литературоведов о природе лирического цикла показывают невозможность дать полный список принципов циклизации, опираясь на которые поэты объединяют свои произведения в «сверхжанровые единства» (термин М.Н. Дарвина [3; 14]). Из комментариев А.А. Козловского к полному собранию сочинений С.А. Есенина в 7-ми томах [6] узнаём, что объём «Москвы кабацкой» и её состав неоднократно менялись автором. С.А. Есенин всегда очень ответственно подходил к определению содержания и установлению порядка следования произведений в издаваемых книгах, сборниках и циклах (Есенин в апреле – июне 1923 г. задумывал издание цикла «Москва кабацкая» отдельной книгой [6, т. 1, с. 498]). Важна и сама история создания рассматриваемого нами произведения. В 1924 году Есенин издал цикл стихотворений под общим названием «Москва кабацкая», но затем поэт снял заглавие цикла. Однако, как отмечает А.А. Козловский, поэт «стихи рас-

положил в непосредственной близости друг к другу» [6, т. 1, с. 315]. Он «опустил название цикла “Любовь хулигана”, но полностью сохранил последовательность стихов, входивших в него» [6, т. 1, с. 315]. Таким образом, в современном полном собрании сочинений С.А. Есенина «Москва кабацкая» и «Любовь хулигана» не печатаются под общим названием. Но, несмотря на это, они не теряют свою изначальную художественную целостность. По ленинградскому изданию 1924 года ряд стихотворений, изначально запланированных автором, но «опущенных по цензурным соображениям» [6, т. 7, с. 371], можно считать одним общим циклом, состоящим из двух подциклов, сохраняющих своё художественное единство. К ним относятся следующие произведения: «Я обманывать себя не стану...», «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Эта улица мне знакома...», «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...», «Пусть ты выпита другим...», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...», «Не жалею, не зову, не плачу...» и два стихотворения «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» и «Мне осталась одна забава...».

«Москва кабацкая» создаётся Есениным в те дни, когда жизнь поэта поделена на «до» и «после», где «до» – это тишь и благодать родной рязанской земли, а «после» – мир городской, во многом чуждый деревенскому сердцу поэта. Стремление проанализировать свою жизнь, на наш взгляд, и породило идею создания данного цикла. Воспоминания из прошлой жизни, ошибки и победы сегодняшних дней всплывают в памяти поэта как вспышки, как поток чувств и мыслей. Именно поэтому стихотворения данного цикла не имеют общей сюжетной линии. В произведении выражены светлые воспоминания о юности, перекликающиеся с плачем человеческой души, которая гибнет в столичных кабаках.

Первый объединяющий признак (принцип циклизации), который мы выделяем в «Москве кабацкой», – это общность мотивов. Лейтмотив утраченных иллюзий о счастливой взрослой городской жизни проходит через многие стихотворения данного цикла:

*Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески – в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.*
(«Ты прохладой меня не мучай...», 1923) [6, т. 1, с. 150];

*Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!*
(«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», 1922) [6, т. 1, с. 127].

В новой для поэта жизни не находится места и любви. Мотив «выпитой» любви также является

одним из основных в данном цикле. Когда-то чистые и трогательные юношеские любовные порывы лирический герой не ценил:

*Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе...*
(«Ты такая ж простая, как все...», 1923) [6, т. 1, с. 143].

Теперь же, напротив, «растут слова самых нежных и кротких песен», но лирический герой не в силах разглядеть в женщинах, встречающихся ему, всей полноты любовных чувств:

*Пусть ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.*
(«Пусть ты выпита другим...», 1923) [6, т. 1, с. 144];

*Чужие губы разнесли
Твоё тепло и трепет тела.*
(«Мне грустно на тебя смотреть...», 1923) [6, т. 1, с. 148].

Лирический герой понимает, что любовь в её высшем проявлении, как большое и светлое чувство, обесценилась в том мире, где ему приходится жить:

*Наша жизнь – простыня да кровать.
Наша жизнь – поцелуй да в омут.*
(«Пой же, пой...», 1922) [6, т. 1, с. 132].

Это подчёркивается самоиронией лирического героя в его размышлениях о любви:

*И любовь, не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жёсть.*
(«Ты прохладой меня не мучай...», 1923) [6, т. 1, с. 150].

Также одним из ключевых мотивов творчества С.А. Есенина является мотив странничества, бродяжничества как поиска самого себя. В «Москве кабацкой» он также представлен как один из ведущих:

*Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же мог я её донести?
Брошу всё. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.*
(«Не ругайтесь. Такое дело!...», 1922) [6, т. 1, с. 123].

Мотив пути, странничества, бродяжничества как метафора обретения себя, смысла собственной жизни характерен для творчества многих русских поэтов и писателей XIX–XX веков (Н.В. Гоголь, Б.К. Зайцев, М.Ю. Лермонтов, Н.С. Лесков, Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой и мн. др.). Таким образом, Есенин включается в общий контекст развития отечественной словесности. В стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу...», по праву являющемся венцом «Москвы кабацкой», выражена мысль о бесконечности поисков своего места в мире, невозможности прийти к желаемой цели из-за того, что человеческая жизнь очень коротка:

*Дух бродяжий! Ты всё реже, реже
Расшевеляешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.*
(«Не жалею, не зову, не плачу...», 1921) [6, т. 1,
с. 124].

Все указанные нами мотивы отвечают общему «минорному» настроению произведения. «Москва кабацкая» пронизана ощущением неразрешимых противоречий жизни, тоской и даже надрывом. Тонкий лиризм стихотворений, обращённых к теме прошлого, светлой Рязанщине, прерывается резкими, подчас грубыми интонациями московского гуляки, прожигающего жизнь в столичных кабаках, который читает «стихи проституткам и с бандюгами жарит спирт». Двойственное настроение цикла отражает противоречивость личности лирического героя, ставшую его устойчивой характеристикой и разнообразно проявляющуюся во многих есенинских произведениях. Разлад в душе лирического субъекта вызван к жизни вечными поисками истинных ценностей, трагическим противостоянием времени, переживанием психологического кризиса. Кульминация этого разлада запечатлена в поэме «Чёрный человек», написанной С.А. Есениным на закате жизненного и творческого пути. Таким образом, уже в стихотворениях 1920-х годов одним из факторов циклообразования становится смысловая двойственность, переходящая в контраст. Именно за счёт контраста «порождаются новые смысловые комплексы, не выводимые из семантической структуры каждого отдельного текста» [1, с. 14]. Не случайно антитеза оказывается одной из композиционных и стиливых доминант «Москвы кабацкой».

Двойственность окрашивает чувства и переживания героя, проникает в глубины его сознания, вносит дисгармонию в отношения с любимой. Она присутствует и в окружающем мире:

*Не гляди на её запястья
И с плечей её льющийся шёлк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашёл.*
(«Пой же, пой. На проклятой гитаре...», 1922) [6, т. 1, с. 132];

*И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму заживёт».*
(«Всё живое особой метой...», 1922) [6, т. 1, с. 117].

Двойственность настроения прослеживается и в интонациях, присущих стихотворениям. Тонким лиризмом наполнены стихотворения, в которых поэт обращается к образу родного края, к образу своей возлюбленной. И совсем другие интонации звучат в стихотворениях, отражающих «кабацкую жизнь» лирического героя. Сам поэт го-

ворил о том, что использует резкие слова и выражения лишь потому, «что их употребляет вся Россия» [9, т. 2, с. 242]. С помощью подобных элементов экспрессии поэт стремится достоверно изобразить атмосферу столичных кабаков, в которых проводит время его лирический герой – человек, находящийся в тоске и смятении; человек, который не в силах выразить состояние своей души с помощью слов, входящих в состав литературного языка. Надрывные интонации поддерживаются и авторским синтаксисом (многоточия – показатели обрывистости фраз, обилие восклицательных предложений).

Настроение цикла во многом поддерживается цветописью, которой насыщены стихотворения лирического единства. Преобладание жёлтых и золотых оттенков говорит о «душевной осени» лирического героя:

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...*
(«Не жалею, не зову, не плачу...», 1921) [6, т. 1, с. 124];

*Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил.
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.*
(«Заметался пожар голубой...», 1923) [6, т. 1, с. 142].

Двойственное состояние души, желание разобраться в самом себе, постоянный душевный поиск рождают исповедь лирического героя. Все стихотворения рассматриваемого нами цикла пронизаны обнажённой исповедальностью. Лирический герой мучительно вопрошает:

*Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?*
(«Я обманывать себя не стану...», 1922) [6, т. 1, с. 125].

Он кается даже в том, чего не совершал. Но в то же время признаётся в том, что не в силах изменить свою «кабацкую» жизнь. Поэт обращается в данном цикле и к вечной теме миссии поэта на земле. Именно в ней он и находит оправдание своему поведению, своим вечным «кабацким поискам»:

*Золотые, далёкие дали!
Всё сжигает житейская мрень.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.*
(«Мне осталась одна забава...», 1923) [6, т. 1, с. 140].

Лирический герой смирился со своей пропащей жизнью, с участью гуляки и хулигана, таким образом вписав себя в ряды людей, потерявших себя и смысл своей жизни:

*– Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.*
(«Да! Теперь решено. Без возврата...») [6, т. 1, с. 126].

И даже теперь, когда всё «решено без возврата», лирический герой ощущает себя чуждым об-

ществу, в котором живёт. Одной из художественных «скреп» в цикле оказывается повторяющийся эпитет «чужой, чужеродный»: «чужая женщина»: «Я целую, а губы как жель», «чужой мир»: «...чужой и хохочущий сброд», «чужая жизнь»: «Наша жизнь, что былой не была». Лирический герой пытается понять причину своего отчуждения от мира и людей:

*Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать свой лучший галстук.*

*И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в сердце мгlistом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.*
(«Я обманывать себя не стану...», 1922) [6, т. 1, с. 125].

Даже любимая женщина не может спасти душу лирического героя от отчаяния, поскольку она тоже «чужая». Эта идея поддерживается обилием глаголов условного наклонения в строках, где поэт говорит о возлюбленной, способной возродить его к новой, гармоничной жизни:

*Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил.
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.
Я б навеки пошёл за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...*
(«Заметался пожар голубой...», 1923) [6, т. 1, с. 142].

Обрывистость фразы свидетельствует о том, что «чужая женщина» «чужой любовью» не способна сотворить чудо – внушить герою надежду на духовное исцеление.

Таким образом, обнаруживаются следующие приёмы циклизации, использованные автором в подциклах в рамках одного большого цикла «Москва кабацкая»: общность мотивов (мотивы поисков, бродяжничества, мотив «выпитой любви») и настроения (лирической тональности); двойственность и контраст образов, подчеркнутые антитезой; цветопись; единый лирический герой;

симметрия синтаксических конструкций; повторяющиеся эпитеты. Всё вышеперечисленное позволяет говорить о том, что «Москва кабацкая» является художественно цельным произведением: стихотворения продолжают, развивают и дополняют друг друга. С нашей точки зрения, все стихотворения, включённые Есениным в сборник «Москва кабацкая», представляют собой лирическое целое, состоящее из двух подциклов. Только рассматривая их в совокупности, мы можем говорить о том, что это тот «поэтический организм», «клеточки» которого взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга.

Библиографический список

1. Аюбян Л.Г. Лирический цикл как тип текста // Семантические и коммуникативные категории текста: (Типология и функционирование): тезисы докладов всесоюзной научной конференции. – Ереван: Изд-во Ереванского гос. ун-та, 1990. – С. 14.
2. Бельская Л.П. Песенное слово: Поэтическое мастерство С.А. Есенина. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.
3. Дарвин М.Н. Проблема цикла в изучении лирики: учеб. пособие. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1983. – 104 с.
4. Егорова Л.П., Чекалов П.К. История русской литературы XX века. Советская классика. Новый взгляд: учеб. пособие. – М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – 302 с.
5. Лебедев Ю.В. Становление эпоса в русской литературе 1840–1860-х гг.: проблемы циклизации: дис. ... д-ра филол. наук. – Л.: Пушкинский дом, 1979. – 180 с.
6. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. / подг. текста и коммент. А.А. Козловского. – М.: Наука – Голос, 1995.
7. Петрова М.А. Классические жанровые формы и их художественные модификации в лирике С.А. Есенина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. – 23 с.
8. Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. – М.: Советская Россия, 1989. – 343 с.
9. С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1986.

Халтрин-Халтурина Елена Владимировна
доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)
elenahaltrin@yandex.ru, ekhalt1@yahoo.com

О «СПЕНСЕРИАНСТВЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА КИТСА: ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ТЕОРИИ СТИЛЕЙ

В статье, с позиций российской литературоведческой школы, дана характеристика «спенсерианского» стиля Китса (в контраст «спенсеровскому» стилю, восходящему непосредственно к Спенсеру). Учтены труды о теории стиля – в частности, созданные в XX–XXI вв. учеными Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Рассматриваемый спенсерианский стиль – индивидуально-авторский; он выработан поэтом-романтиком в подражание поэту английского ренессанса Э. Спенсеру. Реализации стиля способствует тематическая общность текстов Китса и Спенсера (путешествия, в результате испытаний, герой находит свое истинное лицо), а также наличие общей эстетической доминанты (торжество волшебного-прекрасного вопреки иллюзорному, амбивалентному). В качестве стилеобразующих факторов рассмотрены аллегорические образы, созданные Китсом в спенсеровой манере, а также некоторые особенности поэтического языка Спенсера и Китса. Уделено внимание и структурным элементам «спенсерианского» стиля: это фрагменты с замкнутым сюжетом, вписанные в разветвленный обрамляющий сюжет.

Ключевые слова: Э. Спенсер, Дж. Китс, художественные стили, образ старика Главка в поэме «Эндимион».

В последнее десятилетие отечественные ученые начали пристальнее, чем прежде, изучать творчество крупного поэта английского возрождения Эдмунда Спенсера (1552–1599). Нельзя не упомянуть работы И.И. Буровой, являющиеся серьезным вкладом в это направление [2]. Однако до сих пор на русском языке отсутствует откомментированный перевод поэмы «Королева фей». Это самое крупное произведение Спенсера, создававшееся в 1580–1596 гг. Специальной монографии, в которой исследовалось бы это произведение с позиций отечественного литературоведения, пока не существует. Что касается переводов «Королевы фей», то трудами А. Сергеева, В. Микушевича, В. Рогова, Е. Дунаевской, Т. Стамовой на русский язык переложены лишь фрагменты поэмы.

Между тем «Королева фей» оказала неизгладимое воздействие на всю последующую британскую и американскую литературу. К Спенсеру обращались, у него учились поэтическому мастерству такие знаменитости, как Марлоу, Шекспир, Бен Джонсон, Беньян, Милтон, Драйден, Поуп, Блейк, Вальтер Скотт, Шелли, Теннисон, Харди, Готторн, Толкиен и мн. др. Отголоски из Спенсера звучат в английских произведениях повсюду: писатели черпали из «Королевы фей» острые сюжетные ситуации, ярких персонажей и даже выдуманные Спенсером притчи и имена [11]. Одним из самых ярких почитателей его таланта и стиля был романтический поэт Джон Китс, о котором ниже пойдет особый разговор.

Прежде чем перейти к теме, обозначенной в нашем заглавии, дадим общую характеристику «Королевы фей». Поэма написана в панегирическом ключе и посвящена королеве Англии Елизавете I Тюдор, которая фигурирует в поэме в нескольких обликах и под разными именами: Королева фей, Глориана, Бритомарт, Белфеба и Марсилла. По за-

мыслу Спенсера, поэма должна была состоять из 12 книг, так как в ней описывалось 12-дневное придворное торжество, во время которого Королева фей ежедневно отправляла одного из своих рыцарей в поход для совершения определенного подвига («quest»). Замысел Спенсера был воплощен лишь наполовину. Первое издание «Королевы фей» в 3-х книгах вышло в 1590 г.; второе издание, пополненное еще тремя книгами, – в 1596 г. В 1599 г. поэма не стала – 7-ая книга осталась незавершенной, а остальные даже не были начаты.

Поэма Спенсера исключительно интересна с точки зрения сюжетной разветвленности и многоплановости. Здесь реализовано множество сюжетных ходов, представлено переплетение многочисленных линий, каждая из которых имеет свой фокус, логику, свой характер развития. Бесспорно, в «Королеве фей» сюжетные ходы создаются под воздействием многих традиций: агиографической, неоплатонической, дидактической, фольклорной, историко-политической, куртуазной и т.п. Сочетание этих традиций, подчиненность книг поэмы разной нарративной логике и свободное спенсеровское варьирование сюжетными мотивами позволяет исследователям выявлять в поэме несколько жанровых моделей.

В поэме хорошо заметны отголоски из героических (эпических) поэм Древней Греции, Италии, Испании и Франции. Исследователи выделяют в поэме Спенсера черты нескольких «типов» рыцарского романа («бретонский», «биографический», «авантюрно-плутовской», «идиллический», «любовно-аллегорический», «куртуазный», «протестантский» и пр.). Кроме того, Спенсер постоянно обращается к системе аллегорий (дидактическая аллегория, политическая аллегория, философская аллегория и т.д.). Не случайно специалисты в области Ренессанса характеризуют поэму «Королева фей» как произведение, находящееся на грани по-

крайней мере двух жанров – рыцарского романа и аллегории.

«Королева фей» всегда привлекала любителей словесности еще и совершенством поэтической техники. Об этом в свое время ёмко написал А. Аникст: «Из различных стихотворных форм, применявшихся Спенсером, особое значение приобрело в английской поэзии изобретенное Спенсером построение строфы, носящей его имя. “Королева фей” написана этой “спенсеровой строфой”, которая состоит из девяти строк, рифмующихся по схеме: ababbcbss; первые восемь строк содержат по 10 слогов, последняя, девятая – 12 слогов; размер стиха – ямбический» [1].

Для наглядности я бы сравнила спенсерову строфу с формой усеченного английского сонета: по сути, спенсерова строфа – это октет сонета, к которому вместо традиционного сестета примыкает только одна строка – но не 5-стопная, а 6-стопная. Сложность перевода подобного произведения на другой язык очевидна: ведь в 7-ми дошедших до нас книгах «Королевы фей» – около 36 тысяч строк, то есть примерно 4 тыс. таких усеченных сонетов.

Продолжим цитату из Аникста: «Спенсерова строфа требует большого поэтического умения, ибо в ней на девять строк приходится три рифмы, повторяющиеся несколько раз. Это придает звучность и музыкальность стиху. Владение спенсеровой строфой было экзаменом версификационного мастерства для английских поэтов. Спенсеровой строфой впоследствии написал Байрон свою поэму “Чайлд Гарольд”, а Шелли – “Восстание Ислама”» [1].

Список известных произведений, написанных спенсеровой строфой, можно продолжить: это, к примеру, «Странница» Вордсворта (из сборника «Лирические баллады»), «Видение дона Родерика» Вальтера Скотта, «Вкушающие лотос» Теннисона.

Джон Китс многократно обращался к спенсеровой строфе, начиная с самого раннего творчества. Первое из сохранившихся стихотворений Китса называется «Подражание Спенсеру» (1814), которое состоит из 4-х спенсеровых строф. Спенсеровой строфой написан так называемый «Портрет Чарльза Брауна» – или «Спенсеровы строфы, посвященные Чарльзу Армитиджу Брауну» (1819). (Ч. Браун – английский литератор, путешественник, а также друг и биограф Китса). Кроме того, спенсеровой строфой Китс написал поэму «Колпак с бубенцами» (1820) и «Стансы на странице, где заканчивается 2-ая песнь 5-ой книги “Королевы фей”». Самый известный пример использования Китсом спенсеровой строфы – это, конечно же, «Канун святой Агнессы».

Спенсерова строфа – далеко не единственное заимствование Китса у великого поэта Ренессанса. Поэт-романтик с детства зачитывался «Королевой

фей» и насквозь пропитался тем, что английские литературоведы иногда называют «спенсеровой манерой» (a Spenserian manner [12]), а я к концу этой статьи охарактеризую как «спенсерианский стиль». Я называю этот стиль «спенсерианским», а не «спенсеровским», потому что Китс не стал воспроизводить в точности стиль самого Спенсера, а выработал совершенно новый стиль-подражание.

В творчестве Китса имеется несколько открытых признаний в любви к поэзии Спенсера. Кроме писем к близким и друзьям, по которым разбросаны подобные декларации, интерес представляют стихотворные посвящения. Одно я уже упомянула: это самое раннее из сохранившихся стихов Китса, написанное спенсеровой строфой, – «Подражание Спенсеру». Другое – сонет Китса, обращенный к Джону Рейнольдсу – другу Китса и якобы «ревностному почитателю Спенсера». В сонете Китс поет дифирамбы Спенсеру и называет его «Сказителем эльфов» (Elfin-Poet). (По форме это – английский сонет. Написан 5 февраля 1818 г., впервые опублик. в 1848.) Любопытен также неоконченный рыцарский роман в стихах «Калидор», над которым Китс работал в 1816–1817 гг. Завершая Вступление к «Калидору», Китс взывает к Спенсеру как к великому предшественнику и вдохновителю. Тон и ритм этих строк очень напоминает известный сонет Вордсворта к Милтону (1802). Однако если Вордсворт взывал к духу Милтона как к высокому (*sublime*) идеалу поэта и гражданина, то Китс тянется к другим идеалам. Его влечет Спенсер как певец дивного и прекрасного (*marvelous and beautiful*).

Восхищаясь Спенсером, Китс пишет многие слова так, как их писал только Спенсер (*e.g. perçant, seemlied, griesly*). Спенсер, как известно, активно пользовался архаизмами – словами, казавшимися устаревшими уже в глазах его современников, жителей Англии времен Елизаветы Тюдор.

Дело в том, что написание многих английских слов в дошекспировской и шекспировской Англии не было стандартизировано. К примеру, – как подчеркивают историки языка и текстологи – фамилия Кристофера Марло (1564–1593), который ввел в английскую драму белый стих, а также написал «Тамерлана» и «Доктора Фауста», имела по крайней мере семь официальных вариантов написания: Marlow, Marloe, Marley, Marlin, Malyn, Morley, Merlin [10].

В ту эпоху Спенсер мог позволить себе – и позволял – эксперименты со словообразованием и начертанием слов. Некоторые их спенсеровских слов, как свидетельствуют текстологи, повторились потом у Шекспира и у других поэтов. Но многие слова остались – по своей графике – чисто спенсеровскими: кроме него ими никто не пользовался. Один лишь Китс смело черпал у Спенсера эти слова вместе с их уникальным написанием.

Первый (неполный) список таких слов – «дар Спенсера Китсу» – был составлен викторианским литератором и ученым Мэтью Арнольдом и опубликован в предисловии к лондонскому изданию произведений Китса 1888 г. В 1903 г. ученый Уильям Рид существенно пополнил арнольдовский список [12].

Рид подметил еще одну особенность «дикиции» Китса, перешедшую к нему от Спенсера. Это особое пристрастие к некому «раздвижению» слов: увеличению времени их звучания. Например, в окончании «-ed» глаголов прошедшего времени – буква «е» зачастую не получает звучания: *loved*, *moved*. Но случается, что поэты, ради сохранения ритма и рифмы, пользуются приемом «эпентезы» – добавление одного или более звуков в слово (конкретная разновидность – анапиксис – вставка гласного), – так что «е» становится слышимо: *loved* ['lʌvd] превращается в ['lʌvid], а *moved* ['mu:vd] в ['mu:vid]. За всю историю английской литературы из поэтов первого ряда самыми большими почитателями эпентезы были Спенсер и Китс.

Для примера – всего лишь одна строка из китсовского обращения к Спенсеру (из вступления к поэме «Калидор»): описывая дугообразные брови на открытом, добром лице Спенсера, Китс употребляет слово «*arched*» (букв. вздыбленные аркой). Согласно заданному ритму стихотворения, слово это следует произносить как ['ɑ:tʃɪd]. Тремя строками ниже мы, следуя ритму, должны акцентировать последний слог стиха, как бы удлинив его: *countenance* ['kaʊntɪn'ɑns] (вместо обычной редуцированной фонемы в конце слова *countenance* ['kaʊntɪnəns]):

Spenser! thy brows are **arched** ['ɑ:tʃɪd], open, kind,
And come like a clear sun-rise to my mind;
And always does my heart with pleasure dance,
When I think on thy noble **countenance** ['kaʊntɪn'ɑns].

Теперь обратимся к образной стороне произведений Китса, так как понятие литературного стиля охватывает нечто гораздо большее, нежели графику и фонику стиха.

Я остановлюсь на одном образе из поэмы Китса «Эндимион» – фигуре старика Главка.

За основу повествования об Эндимионе Китс взял древнегреческую историю о любви смертного юноши и богини луны: богиня Селена влюбляется в прекрасного юношу по имени Эндимион и погружает его в вечный сон, чтобы в любое время беспрепятственно им любоваться. Китс также опирался на трактовку образа Эндимиона, созданную поэтами английского Ренессанса. С источниками поэт обошелся вольно, домыслив множество подробностей. Среди действующих лиц его поэмы оказались персонажи других мифов: Адонис и Венера, Алфей и Аретуза, Бахус, Пан, Кибела, Сцилла и Главк.

Волшебным образом, путешествуя по земле и воздуху в поисках исчезнувшей богини Луны,

Эндимион однажды опускается на поверхность океана около крохотного островка, где он видит странную фигуру старика, имя которому – Главк (Bk. III, ls. 191–806). Это имя принадлежит нескольким персонажам античной мифологии. Китс использовал историю о Главке из Беотии – рыбаке, получившем бессмертие, благодаря случайно съеденной траве. Он был влюблен в Скиллу, которая пострадала от колдовства ревнивой Кирки. Один из источников мифа, известный Китсу, – «Метаморфозы» Овидия. Рисуя Главка, Китс позаимствовал отдельные черты у вордсвортовского ловца пиявок («Решимость и независимость»), у колриджевского старого морехода («Сказание о старом мореходе»), у дрейтоновского персонажа (имеется в виду стихотворение Майкла Дрейтона «Человек Луны», где изображен необыкновенно живописный плащ Фибы), и у спенсеровского Архимага («Королева фей», Кн. I) [9].

Согласно Китсу, Главк некогда был смертным юношей, приглянувшимся богине. Эндимион, однако, видит перед собой глубокого старика, которому даровано бессмертие. Но в то же время на Главка наложено наказание – на протяжении столетий в одиночестве он сидит на крохотном каменном островке посреди океана. Главк держит в руках открытую книгу. Кажется, что он бесконечно долго вчитывается в одну и ту же страницу. Эндимион, как загипнотизированный, не может отвести глаз от старика. Длинный синий плащ Главка, украшенный россыпью картинок, тоже напоминает книгу, а точнее – если мы воспользуемся современными понятиями – киноэкран: знаки на плаще то кажутся маленькими точками, то многократно увеличиваются, являя взору всевозможных морских тварей, свиту Нептуна, русалок и других обитателей подводного царства.

Выйдя из оцепенения, Главк радостно приветствует Эндимиона: он узнает в юноше своего спасителя, прибытие которого давно предсказано. Много веков Главк должен был обследовать океанские глубины в поисках утонувших. Предсказание гласило, что если Главк соберет в грот тела погибших влюбленных, то когда-то эти пары можно будет воскресить – и тогда со старика спадет проклятие: к нему вернется молодость и оживет его верная подруга – нимфа Сцилла. Главк собрал тысячи тел. Оживить их может только появление Эндимиона. Далее сюжет у Китса сильно разветвляется. Эндимион с честью выдерживает испытания, и чудесные предсказания сбываются.

По сути, история Главка – это фрагмент с замкнутым сюжетом, вплетенный в главный обрамляющий сюжет – путешествие Эндимиона. Образ Главка аллегоричен – и охарактеризовать его однозначно невозможно. Трудно сказать, добрый это персонаж или злой, положительный или отрицательный, старый или молодой. Главк одновре-

менно – и то, и другое: как двуликий Янус. Главк непрерывно преобразуется, как фигуры на его плаще: из точки внезапно вырастает кит, а малек превращается в огромный рыбий глаз.

Состояние постоянного превращения из одной ипостаси и формы в другую – отличительная черта аллегорических персонажей в «Королеве фей». Спенсер постоянно держит читателя в напряжении: перед рыцарем является прекрасная дама, которая на следующих страницах оказывается колдуньей, а собственная невеста является ему – в навеянном чарами сне – в роли обманщицы и куртизанки. В стране фей, созданной Спенсером, никогда неизвестно наверняка, кого встретили путники в дороге: человека или оборотня. Поэтому герои Спенсера часто ошибаются: они верят наваждению и бегут действительности.

Ярчайшее воплощение спенсеровской двойственности – персонаж по имени Арчимаго, или Архимаг (*Archimago*). Впервые он появляется в 1-ой книге «Королевы Фей», где служит аллегорией лицемерия. В руках он держит чётки и молитвенник – и всем своим видом выражает смирение. Архимаг заманивает в свое уединенное жилище двух знатных путешественников: Красного рыцаря – имя которого Сент-Георг (олицетворяет святыя намерения, святость) – и его спутницу принцессу Уну (олицетворяет приверженность к истине и саму истину). Ночью силой черной магии Архимаг насылает на Красного рыцаря недобрый сон, порочащий принцессу Уну. Рыцарь, разуверившись в добродетелях своей спутницы, рано утром пускается в путь один, бросив ее на произвол судьбы. Таким образом, Архимагу – лицемерию – удается временно разлучить Сент-Георга и Уну, развести в разные стороны святыя намерения и приверженность к истине.

В следующих песнях поэмы Архимаг надевает на себя личину самого Красного рыцаря – Сент-Георга – и в его образе странствует по дорогам волшебной Страны Фей, вводя в заблуждение простых путников, рыцарей и прекрасных дам. Теперь он уже олицетворяет обман. Причем для некоторых обман оказывается спасительным.

Умение Архимага менять личину – превращаться в разных людей, а также становиться то птицей, то рыбой, то лисой, то драконом – свидетельствует о том, что он покорил все 4 стихии – воздух, воду, землю, огонь. Он вездесущ. И в то же время неуловим, как иллюзия.

Персонаж Китса Главк, разумеется, не является точной копией Архимага. Однако выписан он в стиле, напоминающем о спенсеровских персонажах, основные характеристики которых – амбивалентность и аллегоричность.

Подведем некоторые итоги.

Спенсеровский слог и образы, безусловно, оказали воздействие на творчество Китса. В поэзии

Китса содержится комплекс реминисценций из Спенсера – комплекс, представляющий собой некое организованное единство, что дает нам право сказать: у Китса – в подражание Спенсеру – сложился свой особый стиль.

Что же я имею в виду под стилем? Благодаря работам отечественных ученых, установилось понимание стиля как некоего «известного целого, выражающегося в особенностях художественной речи, композиции, сюжета и т.п. (но не сводимое к ним), как единой устремленности, проникающей все частности» [4]. Полнота реализации стиля, как известно, определяется целым рядом условий. Перечислим их по трудам В.В. Виноградова [3], П.Н. Сакулина [6], В.В. Кожина [4], П.В. Палиевского [5], А.Н. Соколова [7].

Во-первых, необходима тематическая общность текстов, в которых получает воплощение конкретный стиль. Для Спенсера и Китса эта общая тема достаточно широка – так называемый *quest*: герой отправляется в дальний путь с тем, чтобы в результате испытаний найти самого себя, свое истинное лицо.

Во-вторых, необходимо наличие «эстетической доминанты», или, говоря словами П.В. Палиевского, «центральной стилевой мысли» [5]. В качестве центрального концепта стиля Китс, внедряющий поэзии Спенсера, выбрал для себя эстетику волшебного-прекрасного – прекрасного, которое, несмотря ни на какие разрушительные угрозы, должно торжествовать даже в окружении иллюзорного, амбивалентного.

В-третьих, стиль реализуется благодаря действию стилеобразующих факторов. Сюда относятся разнообразные эстетические установки, популярные метафоры, особенности дикции и т.п. К этой категории относятся эмблематичные образы, созданные Китсом в спенсеровской манере. А также те особенности поэтического языка (работа с ритмическим рисунком, со спенсеровой строфой, со звуками), о которых я говорила в начале статьи.

В-четвертых, стиль материализуется через посредство так называемых «носителей стиля» – характерных структурных элементов, в которых концентрированно выражена центральная стилевая мысль. В каких же структурных элементах спенсерианский стиль Китса проявляет себя? Прежде всего, это фрагменты с замкнутым сюжетом (Главк – персонаж одного такого фрагмента). Эти фрагменты вписываются в главный обрамляющий сюжет, который сильно разветвлен.

В заключение отмечу, что, подобно другим стилям зрелого романтизма [8], спенсерианский стиль относится к числу так называемых индивидуально-авторских стилей. Он не распространяется ни на какую школу или группу поэтов. Этот стиль – явление уникальное, единичное.

Библиографический список

1. Аникст А. История английской литературы. – М.: Учпедгиз, 1956. – 464 с.
2. Бурова И.И. «Малые поэмы» Эдмунда Спенсера в контексте художественных исканий елизаветинской эпохи: дис. ... д-ра филол. наук. – СПбГУ, 2008. – 644 с.
3. Виноградов В.В. К теории литературных стилей // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1980. – С. 240–249.
4. Кожин В.В. Введение // Смена литературных стилей. На материале русской литературы XIX–XX веков / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. – М.: Наука, 1974. – С. 13.
5. Палиевский П.В. Постановка проблемы стиля // Теория литературы. Основные проблемы в теоретическом освещении: Стиль; Произведение; Литературное развитие / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. – М.: Наука, 1965. – С. 21.
6. Сакулин П.Н. Теория литературных стилей. – М.: Мир, 1927. – 74 с.
7. Соколов А.Н. Теория Стиля. – М.: Искусство, 1968. – 223 с.
8. Халтрин-Халтурина Е.В. «Поэзия воображения» в Англии конца XVIII – начала XIX в. (стилевая динамика в эпоху романтизма): дис. ... д-ра филол. наук. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. – 462 с.
9. Kucich G. Keats, Shelley and Romantic Spenserianism. – University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1991. – P. 169–170.
10. Maguire L. and Smith E. 30 great myths about Shakespeare. – Chichester, UK: John Wiley & Sons Ltd., 2013. – P. 81.
11. Mounts Ch.E. Coleridge's Self-Identification with Spenserian Characters // Studies in Philology. – 1950. – No 47. – P. 522–533.
12. Read W.A. Keats and Spenser // Modern Language Notes. – Nov. 1903. – Vol. XVIII. – № 7. – P. 204–206.

УДК 821.161.1.09"20"

Лебедев Иван Владимирович

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
vaanya@yandex.ru

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ФЭНТЕЗИ

Жанр фэнтези рассматривается как новый вариант приключенческого метажанра. Развлекательная литература удовлетворяет двум базовым желаниям человека: тяги к стабильности и потребности в беспорядке. Ее ярким маркером выступает саспенс, причем читатель понимает, что разрешение конфликта произойдет не по законам реальной действительности, а в соответствии с условностями мира, в котором происходит действие. Реальная история появления фэнтези в России свидетельствует о том, что у нас этот жанр возник как подражание западным образцам. В самом своем зародыше он является не оригинальным, а существенно вторичным явлением. Хронологически первое произведение современного русского фэнтези было создано в 1980-х годах Н. Перумовым и представляло собой продолжение «Властелина колец» Дж.Р.Р. Толкиена. В дальнейшем отечественное фэнтези продолжило широко заимствовать шаблоны из приключенческой западноевропейской литературы. В связи с вопросом о заимствовании возникает важнейшая для фэнтези проблема культурного кодирования. При переносе одной традиции в другую происходит смысловая интерпретация «чужого», направленная на то, чтобы сделать его «своим». Проблема создания интерпретирующего кода, способного перевести заимствованные шаблоны и внедрить их в отечественную практику, является первичной для современного русского фэнтези.

Ключевые слова: фэнтези, приключенческая литература, метажанр, приключенческие жанры, фантастика, фанфикинг, подражание, интерпретационный код.

Предпосылки для возникновения фэнтези сложились в Англии в конце XIX – начале XX века [1]. Однако, несмотря на значительное количество работ, посвященных этому литературному явлению, его природа все еще остается во многом неясной. Проблема усугубляется тем, что фэнтези во всех своих разновидностях относится к массовой литературе, то есть это, прежде всего, коммерчески выгодная культурная продукция, выполняющая ту же роль, которую играют приключенческие жанры, а именно «поучать, развлекаая».

В своем классическом исследовании, посвященном формульной литературе, Джон Кавелти пишет о ее развлекательной функции как о способе удовлетворения двух базовых желаний человека: тяги к стабильности и потребности в беспорядке,

способном нарушить скучную рутину. «Формульные миры, – пишет Кавелти, – могут быть описаны как моральные фантазии, создающие воображаемый мир, где аудитория может пережить максимум возбуждения, не испытывая чувств неуверенности и опасности, неизбежно сопутствующих подобному переживанию в реальности» [11, с. 17]. Желая точнее развести жанры «серьезной» и развлекательной литературы, избегая при этом имплицитной уничижительной оценочности, Кавелти предложил оппозицию «миметическая – формульная». «Миметический элемент в литературе, – пишет исследователь, – представляет нам мир в привычном для нас виде, а формульный элемент создает идеальный мир, в котором отсутствуют беспорядок, двусмысленность, неопределенность и ограниченность реального мира» [11, с. 13]. Ярким

маркером приключенческих «формульных» произведений выступает саспенс, то есть особый вид развлекательного напряжения, создаваемый ради него самого. Читатель погружается в состояние специально вызванного беспокойства, заранее просчитанного автором, причем аудитория понимает, что разрешение беспокойства произойдет не по законам реальной действительности, а в соответствии с условными принципами построения того мира, в котором происходит действие. В результате, как резюмирует Кавелли, «мы легко сможем отличить формульную литературу от ее “серьезного” двойника по тому, что последняя имеет тенденцию сталкивать нас с нашим пониманием границ реальности, тогда как формульная воплощает моральные фантазии о более волнующем, полноценном или благосклонном мире, чем тот, к которому мы привыкли» [11, с. 38].

Жанр фэнтези появился в России уже в постперестроечную эпоху и сразу вызвал интерес у филологов, которые принялись искать его истоки в мифе, волшебной сказке и научной фантастике. Однако эти поиски до сих пор не увенчались каким-то общепризнанным результатом, будь то вопросы генезиса фэнтези или его классификации. Проблема, как представляется, состоит в том, что фэнтези в действительности является новым вариантом приключенческой литературы. Однако сказать так – значит определить одно неизвестное через другое неизвестное. Ведь сама приключенческая литература, несмотря на свой весьма солидный возраст, изучена крайне плохо. В 1982 г. в одной из редких статей, посвященных приключенческим жанрам, Л. Мошенская писала: «Не изучен генезис приключенческой литературы, ее эволюция, своеобразие ее художественного мира, ее структура, ее связи с большой литературой» [4, с. 170].

Ставя вопрос о происхождении фэнтези, большинство современных ученых соотносят фэнтезийные произведения с фантастикой. Хотя «статус жанра фэнтези на настоящий момент является недостаточно определенным» [3, с. 75], признают авторы новейших русских диссертаций по фэнтези, а «в научной литературе отсутствует общепринятая дефиниция жанра фэнтези» [2, с. 13], исследователи, однако, все же относят новую жанровую разновидность к фантастике. Говоря о последней, исследователи обычно оговариваются, что имеется в виду не «условная», а «безусловная» фантастика, по определению К.Г. Фрумкина. Эта дефиниция тесно связана с тем, что фэнтези в качестве прототипа для моделирования художественного мира выбирает, как правило, миф или легенду. «Наиболее темный вопрос истории фантастики – вопрос о фантастичности мифа», – писал по данному вопросу исследователь. «Интуитивное понимание того, что авторы прошлого относились к фантастическому совершенно иначе, чем мы, порождает

проблему ...Формальное определение фантастического как отклонения от действительности ...заставляет включить в понятие “фантастика” слишком большое количество произведений искусства всех времен и народов». Поэтому ученый предложил ввести различие между фантастикой условной и безусловной: «Безусловной фантастикой, которую можно также называть “чистой фантастикой”, или “фантастикой в узком смысле”, следует называть сознательное, преднамеренное изображение вымышленных фактов в литературе и искусстве. Под условной фантастикой следует называть все случаи изображения фактов, которые являются фантастическими (вымышленными) с нашей точки зрения, но которые не были или, по крайней мере, могли не быть таковыми с точки зрения их авторов. К условной фантастике следует отнести все случаи, когда намерения авторов фантастического вымысла являются темными и не поддаются однозначной реконструкции» [7, с. 12–14].

Однако такое строгое разграничение мало что дает для определения природы фэнтези. Ведь каким бы реальным ни рисовался магический мир в легенде-прототипе, современный читатель не согласится принять на веру архаический миф, которым автор пользуется как моделью, и вряд ли пожелает увидеть в нем прообраз возможного будущего, как это было свойственно читателю научной фантастики. В этом смысле попытка определить фэнтези как превращение условной фантастики в безусловную кажется малопродуктивной.

Реальная история возникновения отечественного фэнтези свидетельствует о том, что в России этот жанр появился не как модификация фантастики, чрезвычайно популярной в СССР эпохи застоя, а как подражание западным образцам. Критика, разумеется, делала попытки найти корни нового явления в русской классике. «Заговорили о традициях Николая Гоголя, Александра Грина, Михаила Булгакова, припомнили давнюю серию рассказов Алексея К. Толстого об упырях и сравнительно недавний роман Владимира Орлова о демоне на договоре “Альтист Данилов”, но с самого начала было понятно, что к фэнтези, в строгом смысле слова, эти воодушевляющие примеры имеют столь же косвенное отношение, как и “Аленький цветочек” Сергея Аксакова... Что же касается практически забытых романов Александра Вельтмана “Кощей Бессмертный” (1833) и “Святославович, вражий питомец” (1834), то они одни ни погоды не делали, ни вырастить генеалогическое древо не могли», – иронически подытожил все эти попытки С. Чупринин в 2006 году [8].

Искать истоки фэнтези в русской традиции не приходится потому, что эта традиция существенно отличается от западноевропейской в том, что касается развития приключенческого метажанра. Отечественная классическая литература XIX века,

как известно, имеет лакуну в том своем слое, который в учебниках именуется «развлекательной литературой для подростков», хотя в реальности последняя написана для взрослых. Критика почти сразу же отнесла этот слой к «чтиву», несмотря на авторитет таких переводных авторов, как В. Скотт, Р.Л. Стивенсон, А. Дюма, Ж. Верн, Э. По и др. Как справедливо отмечает С. Чупринин, «авантюристность сразу же была представлена у нас либо как синоним развлекательности, либо как средство беллетристической обработки и доставки населению адаптированных научных знаний» [9, с. 23]. В XX веке с появлением произведений А. Толстого, А. Беляева, А. Грина, В. Катаева, А. Рыбакова, И. Ефремова, А. Адамова и др. начала появляться отечественная приключенческая традиция. Однако она не была достаточно конкурентоспособной, к тому же «особое положение приключенческой литературы подчеркивалось в советские годы тем, что ее произведения публиковались лишь некоторыми издательствами, размещаясь в составе специализированных книжных серий... и почти никогда не становились объектом внимания профессиональной литературной критики» [9, с. 23–24]. Фэнтези, появившись в англоязычной литературе в XX веке, при переводе на русский язык создало новую лакуну в отечественном культурном сознании. Заполнять ее в первую очередь стали подражания, опирающиеся на сформированный западной традицией опыт.

Любопытно отметить в этой связи, что Дж. Кавелли, классическое исследование которого не касается фэнтези (оно посвящено главным образом детективу и вестерну), указывает на трансформацию приключенческого романа в описание фэнтезийной героики. «Новые эпохи, похоже, порождают новые приключенческие формулы, – говорит исследователь. – Так, рассказы о рыцарских подвигах, очень популярные еще в девятнадцатом столетии, больше не играют большой роли во взрослой приключенческой литературе. А более новые культурные ситуации – преступление и наказание, война, Запад, международный шпионаж, спорт – основательно потеснены битвами с драконами и путешествиями за граалем» [10, с. 40–41]. Это краткое замечание можно обобщить так: повести о подвигах рыцарей XIX века вроде принцев Родольфа и Флоризеля, Шерлока Холмса или Эдмона Дантеса, описав полную диалектическую спираль, вернулись практически к точке начала: рыцарскому роману в виде фэнтези меча и магии.

Таким образом, природа современного русского фэнтези обусловлена тем, что оно в самом своем зародыше является не оригинальным, а существенно вторичным явлением. О нем нельзя сказать, что оно сформировалось самостоятельно в недрах отечественной сказочной или мифологической традиции, как это имело место в литературе

английской. Оно возникло как подражание западной литературной моде и даже больше: как напечатанный фанфикшн [5]. Хронологически первое произведение современного русского фэнтези было создано в 1980-х годах биофизиком Николаем Перумовым и представляло собой продолжение «Властелину колец» Дж.Р.Р. Толкиена. По самому своему замыслу, таким образом, первый современный российский фэнтези-роман оказался любительским сочинением, созданным по мотивам популярной зарубежной книги. Некоторое время роман Перумова ходил в самиздате (за отсутствием в те годы Интернета), а в 1993 г. заинтересовал представителей книжной индустрии. При подготовке к публикации текст был отредактирован и разделен на два тома, к которому впоследствии автор дописал третий, создав таким образом трилогию «Кольцо тьмы». Успех этого предприятия позволил биофизику Николаю Перумову оставить науку и превратиться в писателя Ника Перумова – трансформация, обычная для современных авторов российского фэнтези, среди которых немало людей с естественным или техническим образованием.

«Кольцо тьмы» в первой половине 1990-х оказалось чем-то вроде той волны, которой смыло плотину: за ним последовал настоящий промышленный вал новейшей фэнтези отечественного производства. Новые авторы отказались от столь явного использования чужого мира в своих целях, как это имеет место в фанфикшне, однако в глобальном смысле заимствование сохранилось. Даже возникшее в начале 1990-х так называемое «славянское фэнтези» не привнесло с собой ничего оригинального. Как отметил в 2005 г. рецензент журнала «Мир фантастики» Борис Невский, хотя новые книги и были написаны «в славянском антураже, но вполне в традиционной манере классической героики», а совсем уж анекдотические претензии на «самость» выразились в языке, «памятном с легкой руки Ильфа и Петрова (“Инда взопрели озимые, рассупонилося красно солнышко...”» [5]. Отечественное фэнтези широко использует готовые шаблоны из всего спектра приключенческой западноевропейской литературы, причем зачастую чисто механически, лишь по-разному комбинируя их друг с другом, а моделью для построения художественного универсума, как правило, является условное западноевропейское средневековье.

Интенсивность заимствований такова, что о самостоятельности многих, даже самых коммерчески успешных отечественных фэнтези не стоит и говорить. У российских по стране создания героев легко обнаруживаются узнаваемые западные прототипы, а сюжетные коллизии иногда, как говорится, «цельнотянуты» вместе с героями. Это выдает существующее в отечественном фэнтези паразитарное начало, вообще свойственное массовой литературе в силу ее большой востребованно-

сти, но особенно присущее фанфикшну, который называют (не имея при этом в виду негативных коннотаций) «культурой браконьеров, таскающих значения и образы “канонических произведений” для создания огромного количества других текстов разного типа и статуса» [6, с. 144]. Фанфикшн как феномен литературного «присвоения» текста исследователи называют деривативной литературой; русское фэнтези конца XX – начала XXI вв., возникшее на волне моды аналогичным образом, также обнаруживает характер усвоения и присвоения множества чужих текстов, являясь во многих своих формах производным от реакции читателя, пожелавшего стать автором.

В связи с вопросом о заимствовании и производности перед исследователем встает важнейшая для фэнтези проблема культурного кодирования. Заимствование, вообще говоря, означает перенос некоторой традиции на другую почву. Поскольку подобный перенос невозможен без адаптации, при заимствовании происходит смысловая интерпретация «чужого», направленная на то, чтобы сделать его «своим». В семиотике это называется перекодировкой, в ходе которой не известные ранее смыслы истолковываются и переводятся с помощью других смыслов. Интерпретаторские коды, позволяющие сделать такой перевод, определяются тем, что У. Эко называет «социальным достоянием», то есть это «не только некий состоящий из набора грамматических правил язык, но вся энциклопедия, то есть сумма тех знаний, что накоплены в процессе использования этого языка» [10, с. 60]. Однако очевидно, что энциклопедия западноевропейского читателя приключенческой литературы отличается от аналогичной энциклопедии русского писателя фэнтези, поскольку развитие развлекательного жанра в Европе и России шло разными путями. Соответственно, современный отечественный романист, делая заимствования из переводной литературы, известной ему с подросткового возраста, в действительности не столько творит новое, сколько предлагает свое истолкование чужого. В результате главной художественной задачей фэнтези оказывается не столько моделирование нового универсума или создание оригинального героя, сколько правильный выбор интерпретирующего кода. Успешный выбор приводит к успеху всей книги.

Проблема создания интерпретирующего кода, способного перевести заимствованные шаблоны и внедрить их в отечественную практику, является первичной для современного русского фэнтези. Там, где эта проблема успешно решается, возникает оригинальная традиция. Однако и неудачные попытки, когда интерпретационным кодом автору послужил, например, упрощенный стандарт современной поп-культуры, обнаруживают любопытные черты, которые можно обобщить, чтобы наглядно представить, каким именно является читательский культурный запрос на современном этапе.

Библиографический список

1. Алексеев С.В. Фэнтези // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 309–312.
2. Гусарова А.Н. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики. – Петрозаводск, 2009. – 256 с.
3. Кулакова О.К. Интертекстуальность в аспекте жанрообразования: на материале жанра фэнтези. – Иркутск, 2011. – 242 с.
4. Мошенская Л. Мир приключений и литература // Вопросы литературы. – 1982. – № 2. – С. 170–202.
5. Невский Б. Жанры. Русское фэнтези // Мир фантастики. – 2004. – № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mirf.ru/Articles/art342.htm> (дата обращения: 10.03.2015).
6. Самутина Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 138–194.
7. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 240 с.
8. Чупринин С.И. Еще раз к вопросу о картографии вымысла // Знамя. – 2006. – № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/11/ech19.html> (дата обращения: 10.03.2015).
9. Чупринин С.И. Русская литература сегодня: жизнь по понятиям. – М.: Время, 2007. – 768 с.
10. Эко У. Откровения молодого романиста. – М.: АСТ, CORPUS, 2013. – 320 с.
11. Cawelti J.G. Adventure, Mystery, and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. – Chicago, 1976. – 335 p.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И СКАЗОЧНЫЕ ИСТОКИ РОМАНОВ ДЖ.К. РОУЛИНГ

Статья посвящена исследованию вопроса об источниках жанра фэнтези. На примере цикла романов английской писательницы Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере рассматривается вопрос влияния мифологического и сказочного дискурса на становление фэнтезийного жанра. Статья акцентирует внимание на необходимости дифференциации таких понятий, как «миф», «фольклорная волшебная сказка», «литературная сказка», а также на разграничении жанровых элементов, наследуемых фэнтези о Гарри Поттере из жанров мифа и сказки. Среди особенностей, связанных с мифологическим дискурсом, в статье рассматриваются номинация действующих лиц, введение в систему образов так называемых мифических существ, а также архетипичность отдельных персонажей. Композиция романов о Гарри Поттере, разграничение действующих лиц на основе их функций, основные мотивы, наличие в повествовании элементов притчевого начала исследуются в контексте жанровых особенностей фольклорной волшебной сказки. В качестве соединительного звена между жанрами литературной сказки и фэнтези рассматривается психологизация образов главных героев. Также в статье исследуется введение Дж.К. Роулинг в повествование психологической детали, служащей более полному раскрытию характеров действующих лиц, как элемента, наследуемого из жанра литературной сказки.

Ключевые слова: английская литература, фэнтези, мифология, волшебная сказка, Дж.К. Роулинг.

Фэнтези представляет собой особый тип литературы «о необычайном», то есть обязательным в нем является наличие вымысла, причем вымысел не рождается из ничего, но является одним из способов художественного осмысления и толкования явлений действительности. Одними из первых таких способов являются миф и сказка. Е.Н. Ковтун называет их «наиболее интересными и во всяком случае самыми древними по происхождению типами вымысла, обретающими новое рождение в литературах Европы XIX–XX столетия» [4, с. 143].

При изучении вопроса о мифологических и сказочных истоках фэнтези необходимо учитывать тот факт, что и миф, и сказка, как и любой литературный жанр, в своем развитии проходят множество этапов. Как пишет В.М. Пивов, «миф проходит в своем развитии несколько этапов, характеризующихся различной степенью осознания и рационализации своего содержания субъектом мифотворчества» [11, с. 10].

Различия между архаической и современной сказкой также существенны: «...Одно из наиболее важных различий – принципиально разные системы оценок героя. В первом случае мы имеем оценку “онтологическую” и магическую, во втором – нравственную, ориентированную на нынешние нормы морали» [4, с. 144].

Фольклорная волшебная сказка хранит следы архаических обрядов инициации, или путешествия героя – жреца, волхва – в иной мир. В ходе эволюции человечества мифологическая трактовка мира постепенно уступает место рационально-эмпирической. Магия в сказочном повествовании начинается сначала осознаваться как «чудо», затем как «выдумка», сознательный вымысел рассказчика ради развлечения и поучения слушателей. Онтологическую мотивацию поведения персонажей сменяет трактовка, выражающая требования морали, диктуемой социумом.

Сложнее дело обстоит с современным литературным мифом, поскольку лексема «миф» насчитывает множество дефиниций, на что указывает, например, Е.М. Неелов [10, с. 13–14].

Современным литературным мифом именуют произведения, в которых сюжет, принцип построения и система воззрений, характерные для архаического мифа, намеренно используются автором в качестве поэтического средства, становясь компонентом художественной формы. Одними из таких компонентов являются своеобразное «двоемирие», присущее фэнтези (герои часто находятся на грани двух миров, двух типов поведения), и население мира фэнтезийного произведения мифическими существами.

Фэнтези отличает наличие определенных архетипов, прообразов (Героя, Матери, Мудреца, Грааля и т.д.), о чем также упоминает Е.М. Неелов [10, с. 25].

В фэнтези о «Гарри Поттере» некоторые особенности, связанные с мифом, нашли отражение в системе образов романов. Имя лучшей подруги главного героя – Гермионы Грейнджер – истоком имеет греческую мифологию, где Гермiona была дочерью прекрасной Елены и царя Спарты Менелая. Имя школьного врага Гарри – Драко Малфоя – происходит от слова «дракон»: в греческой мифологии это крылатое огнедышащее чудовище с гигантским змеиным туловищем. Характер Драко вполне соотносим с его именем: жестокий, заносчивый и завистливый, он вступил в ряды злейшего врага Гарри – Волан-де-Морта, и лишь в конце седьмой книги, осознав свою ошибку, принял сторону Поттера.

В книгах неоднократно упоминаются кентавры. Согласно древнегреческой мифологии, они являлись потомками царя многочисленного племени гигантов-лапифов Иксикона [13, с. 223].

В первой книге цикла герои случайно попадают в запретный кабинет замка «Хогвартс» и видят

огромного трехголового пса, охраняющего вход в подземную комнату, где хранится философский камень, дарующий вечную молодость и богатство. Вскоре Гарри узнает, что можно усыпить пса при помощи музыки. Очевидна параллель с древнегреческой мифологией: трехголовый пес Цербер (иногда с пятью или с сотней голов, увитых змеями), который охранял подземное царство Аида и был усыплен Орфеем своим напевом [13, с. 259].

Василиск, чудовище из тайной комнаты, упоминается во второй книге цикла. Плиний Старший в книге «естественная история» описывал его как «небольшую змею... Нет в природе существа злее, страшнее василиска. Одним взглядом своим убивает он людей и животных... Происхождение василиска – из яйца, снесенного старым петухом, положенного в навоз и высиженного жабой» [2, с. 577–578].

Также в романах фигурирует еще одна змея – слуга Волан-де-Морта по имени Нагайна. Имя змеи восходит к древнеиндийскому языку санскриту, где слово «нага» эквивалентно лексеме «змея» [6].

В третьей книге Гарри учится сражаться с боггартом – существом, которое принимает форму того, чего человек больше всего боится. В кельтской мифологии боггарт (или богле) – это дух, постоянно живущий в доме и способный на злые проделки [1]. В пятой книге упоминается боггарт, забравшийся в письменный стол и надоедавший Гарри и его друзьям постоянным стуком.

Необходимо упомянуть о частичной реализации архетипов в романах Дж.К. Роулинг. Архетип Героя воплощается в образе Гарри Поттера, символа вечной борьбы добра со злом. Мудрец здесь, безусловно, главный наставник и учитель Гарри – самый сильный светлый маг Альбус Дамблдор. Его мудрые рассуждения и уроки о важности любви, добра и справедливости помогли Гарри осознать истинные нравственные ценности и победить Волан-де-Морта. Образ Грааля в романах более завуалирован, им может быть и философский камень, о котором упоминалось выше, но это вторичный символ, первичным и самым существенным Граалем как святыней и высшей ценностью человечества является, по убеждению автора романов – Дж.К. Роулинг, любовь. Ведь именно любовь матери спасла жизнь Гарри и впоследствии помогла победить зло.

Если говорить о сказке, то вполне очевидна связь вымысла в фэнтези именно с жанром волшебной сказки. Исследователи жанра сказки, как правило, сходятся во мнении, что его волшебную разновидность, как фольклорную, так и литературную, отличает от иных поджанров «чудесный», «волшебный» элемент.

Вопрос о связи фэнтези и фольклорной сказки в настоящее время является дискуссионным, но, несмотря на это, можно выделить несколько сход-

ных элементов, которые роднят фольклорную волшебную сказку и фэнтези.

Обоим жанрам присуще наличие элемента «чудесного». Как пишет Е.М. Неелов, ««чудесное» как категория сказочной поэтики является синонимом понятий “волшебное” и “фантастическое”, точнее, выражает их сходство и взаимопроникновение» [10, с. 37]. Во-вторых, фольклорная сказка знает и собственно волшебные чудеса, совершаемые чудесными предметами и помощниками.

В книгах о «Гарри Поттере» чудесное является неперенным элементом повествования (например, превращение людей в животных – анимагия, мгновенное перемещение в пространстве – трансгрессия). Любопытно, что каждому явлению Дж.К. Роулинг дает созданное ею самой наименование.

Еще одна черта волшебной сказки представляет особый интерес: точка зрения автора и героя на «возможность» / «невозможность» существования сказочного мира. Изображаемое чудесно именно с точки зрения читателя, а для героя мир сказки – вполне обыкновенный. Отношение героев волшебной сказки к миру, в котором они живут, как к обычному, не вымышленному, создаёт иллюзию достоверности существования изображаемого мира. Такова особенность и мира «Гарри Поттера»: герои книг, волшебники, живут в вымышленном мире магии, однако они воспринимают его как сам собой разумеющийся, реальный.

Специфику и особенности фольклорной волшебной сказки тщательно изучил В.Я. Пропп. Он пришел к закономерному выводу: каждой волшебной сказке присущи строго определенная последовательность функций действующих лиц и наличие вспомогательных элементов, служащих связующим звеном между функциями [12, с. 19]. Также волшебная сказка предполагает наличие действующих лиц: героя (протагониста), антагониста (вредителя), дарителя, помощника и др. Любая волшебная сказка предполагает прохождение героем множества испытаний, а обязательными атрибутами являются волшебные (чудесные) предметы, лица, явления. Мотив борьбы добра и зла является основополагающим в фольклорной сказке.

Многие из этих элементов актуализируются в фэнтезийном дискурсе «Гарри Поттера».

Начальная ситуация (завязка) в волшебной сказке непременно связана с каким-то видом недостачи или нарушения привычного хода событий, результатом которого является наступление беды. В романах о Гарри Поттере аналогичная завязка: повествование в первой книге начинается со дня трагической смерти родителей Гарри Поттера. Также в начальную ситуацию сказок может включаться чудесное рождение героя. В романе таким элементом считается чудесное спасение Гарри Поттера от смертельного проклятия Тёмного Лор-

да. Очевидно наличие оппозиции, характерной для сказочного жанра: Гарри – протагонист, Волан-де-Морт выступает главным антагонистом героя.

Композиция фольклорной волшебной сказки строится на пространственном перемещении героя. В романе к Гарри Поттеру является великан по имени Хагрид, который забирает мальчика в школу волшебства «Хогвартс». Причем здесь реализуется еще одна сказочная особенность – Хагрид является посредником между миром обыденным и волшебным, выступая в качестве проводника героя. Помимо функции информатора, Хагрид наделен функцией помощника. Он помогает Гарри Поттеру овладеть волшебными атрибутами (волшебной палочкой, совой по имени Букля, волшебными книгами заклинаний). Такой волшебный предмет-помощник, как Карта Мародеров, появляющаяся в третьей книге серии и показывающая местоположение любого волшебника в замке «Хогвартс», служит аналогом сказочного яблочка на блюдечке, а мантия-невидимка, которую Гарри оставил в наследство отец, ассоциируется с шапкой-невидимкой.

Чтобы попасть в другой, волшебный, мир, герой сказок должен пройти испытание. Причем многие исследователи отмечают такую особенность: «Специфической для волшебной сказки является двойная оппозиция предварительного и основного испытаний...» [9, с. 15]. «В предварительном испытании герой обнаруживает свои истинные качества и тем заслуживает получение чудесного средства...» [9, с. 17].

В качестве такого предварительного испытания в романах может служить эпизод из первой книги, когда Гарри знакомится с ровесниками – Роном и Драко – и заводит дружбу с первым мальчиком, скромным, порядочным и добрым, проигнорировав надменность и грубость второго. В дальнейшем именно выбор светлой стороны – добра – будет определять характер и поступки главного героя.

Основным испытанием является, безусловно, победа Гарри над Волан-де-Мортом. Подобно финалам сказок, добро, вечно борющееся со злом, в итоге одерживает победу.

Сказка как жанр на протяжении своего существования претерпела несколько этапов эволюции – от фольклорной до литературной. «Литературная сказка – авторское, художественное прозаическое или поэтическое произведение... в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, служит отправной точкой характеристики персонажей» [4, с. 147]. Об этом с опорой на труды Л.Ю. Брауде и Т.Г. Леоновой также пишет Я.В. Королькова в статье «О соотношении литературной сказки и фэнтези» [5, с. 142].

И.П. Лупанова называет «атмосферу “сказочной реальности”, растворённости “чуда”» главной отличительной чертой литературной сказки, позволяющей выделить ее в отдельный жанр [7, с. 125].

Многие исследователи жанра литературной сказки признают за ним стремление к большей психологизации образов, к наполненности сказочного действия правдоподобием вследствие тесной связи сказки с современной ее автору жизнью [8, с. 82].

Следует отметить, что некоторые исследователи относят романы о Гарри Поттере именно к жанру литературной сказки. Такое мнение небезосновательно, поскольку в настоящее время сложно провести границу между литературной сказкой и фэнтези, так как их объединяет как авторство, так и многие идейно-художественные детали. Об этом упоминает Е.Н. Ковтун: «Вообще-то автор постулирует это <«Гарри Поттера»> как сказку. Но сейчас литературная волшебная сказка тесно срывается с фэнтези и трудно провести границу» [3]. Связь между литературной сказкой и фэнтези определяется еще и тем, что оба жанра восходят к одному источнику – фольклорной сказке.

Психологизация образов в «Гарри Поттере», вероятнее всего, основой имеет именно литературную сказку. Характер главного героя, его друзей, других действующих лиц не статичен, а прослеживается в динамике, на протяжении всего повествования меняется социальная роль действующих лиц, их мировоззрение. Каждый из героев – индивидуальность, отношения между ними характеризуются сложными психологическими связями. Примером может служить изображение взаимоотношений Гарри и ненавистного ему учителя зельеварения Северуса Снегга. Дж.К. Роулинг мастерски передает малейшие изменения в настроениях героев, читатель видит всю палитру чувств – от ненависти до уважения.

Также большое внимание Дж.К. Роулинг уделяет психологической детали, которая, как правило, связана с особенностями характеров героев и их поведения. Например, волшебник Невилл, которого Гарри знает как пугливого, неуклюжего мальчика, вдруг в пятой книге начинает целенаправленно тренироваться в использовании заклинаний: автор обращает внимание на то, что постоянные тренировки закаляют характер мальчика, из неуклюжего подростка он превращается в храброго юношу, которому в финале эпопеи под силу победить одного из опаснейших слуг Волан-де-Морта.

Уделяя немало внимания описанию психологических состояний героев, Дж.К. Роулинг в фэнтези ставит проблему личности и строит сюжет именно на индивидуальном своеобразии персонажей, а испытания, которые проходят главные герои, становятся ключевыми моментами повествования. Эта особенность перекликается с притчевым началом, характерным для мифологического и сказочного дискурсов: во время испытаний персонажи «Гарри Поттера» часто сталкиваются с выбором между светлой и темной стороной (как в окружающей

их действительности, так и в собственной душе), а нравственные искания героев и процесс осознания ими истинных ценностей – любви, добра, чести – часто носят назидательный характер. Таков путь Гарри, Гермियोны, Рона и, что особенно важно, каждого человека.

Библиографический список

1. Боггарт // Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Боггарт> (дата обращения: 16.04.2014).
2. Василиск в мифологии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Василиск_в_мифологии (дата обращения: 17.04.2014).
3. Какого рода слово «фэнтези»? // VIPERSON.RU: Рейтинг персональных страниц и электронных библиотек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=611786> (дата обращения: 17.04.2014).
4. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века: учеб. пособ. – М.: Высшая школа, 2008. – 408 с.
5. Королькова Я.В. О соотношении литературной сказки и фэнтези // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 8(98). – С. 142–144.
6. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. – М.: Просвещение, 1975. – 463 с.
7. Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей 1-ой половины XIX в. – Петрозаводск: Издательство Карельской АССР, 1959. – 583 с.
8. Лупанова И.П. Современная литературная сказка и её критики (заметки фольклориста) // Проблемы детской литературы. – Петрозаводск, 1981. – С. 76–90.
9. Мелетинский Е.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. – М.: Издательство РГГУ, 2001. – 234 с.
10. Неелов Е.М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. – Л.: Издательство ЛГУ, 1986. – 198 [2] с.
11. Пивовев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 111 с.
12. Пронн В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2006. – 128 с.
13. Словарь античности / сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне; отв. ред. В.И. Кузищин. – М.: Внешсигма, 1992. – 704 с.

КАТЕГОРИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОТНОШЕНИЯМИ СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается репрезентация категории синтаксического времени в сложноподчинённом предложении с отношениями следствия. Доказывается, что в высказываниях с причинно-следственными отношениями отражается интенция говорящего субъекта на наличие каузальной связи и проявляется в соотносительном употреблении глагольных форм главной и придаточной частей сложноподчинённого предложения с семантическим союзом так что.

Семантика временной определённости представлена разными темпоральными планами – настоящего имперфективного синтаксического времени и имперфективного, перфективного и аористивного прошедшего синтаксического времени.

Временная неопределённость в структуре сложноподчинённого предложения с отношениями следствия может наблюдаться, если в предикативных единицах сказуемые представлены разными временными формами.

Свободное видо-временное соотношение глаголов, образующих предикативные центры главной и придаточной частей, указывает на то, что причинно-следственные отношения вычлениваются на семасиологическом уровне, а грамматические средства оформления оказываются вторичными для решения данной проблемы. Ограничения возникают в случае, когда нарушается логическая связь причинного и следственного событий: следствие предшествует причине. Поэтому оказываются невозможным сочетание глагола будущего времени в главной предикативной части и глагола прошедшего времени в придаточной предикативной части.

Ключевые слова: категория синтаксического времени, временная определённость, временная неопределённость, временная обобщённость, вневременность, настоящее синтаксическое время, прошедшее синтаксическое время, будущее синтаксическое время, перфективное значение, имперфективное значение, аористивное значение.

О общеизвестно, что синтаксическим значением сложноподчинённого предложения признаётся подчинённость содержания придаточной части содержанию главной предикативной единицы. Приведём пример сложноподчинённого предложения расчленённой структуры с союзной связью, с отношениями обусловленности, а именно с отношениями следствия: *Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть всё* (М. Лермонтов). Вместе с тем главная часть подобных предложений не нуждается в распространении придаточной частью, может существовать самостоятельно, а значит, в двух частях подобных сложноподчинённых предложений передаются два разных сообщения, которые могут быть оформлены иначе, структурой сложносочинённого предложения: *Мы сидели на углу бастиона, и поэтому в обе стороны могли видеть всё*. Синтаксические синонимы, хотя и являются средством передачи тождественного смысла, но располагают возможностями разнооформленности. В сложноподчинённом предложении показателем отношений следствия является сама конструкция с семантическим подчинительным союзом *так что*. В сложносочинённом – важную роль играют особенности лексического строения второй предикативной единицы: соседство сочинительного соединительного союза *и* с местоименным наречием *поэтому*. Оба сложных предложения имеют закреплённый порядок следования частей, при котором

облигаторной признаётся постпозиция второй предикативной единицы. Тем самым подтверждается справедливая мысль В.А. Богородицкого о том, что «во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое» [1, с. 229].

Н.С. Пospelов, рассуждая о грамматической природе сложного предложения, отметил, что «вопрос о соотносительном употреблении форм времени в главной и придаточной частях» сложноподчинённого предложения требует «особого, специального рассмотрения» [2, с. 142]. Настоящая статья нацелена на исследование категории синтаксического времени в сложноподчинённом предложении расчленённой структуры с отношениями следствия, в котором особую роль приобретают модально-временные характеристики главной и придаточной предикативных единиц в их соотношении: *Оцеплен сад, оцеплен дворец, так чтомышь не проникнет ни в какую щель!* (М. Булгаков) М.Ю. Федосюк подобные предложения рассматривает среди сложноподчинённых предложений с приглагольно-обстоятельственными придаточными частями [3].

Каузальность предполагает такое соотношение событий, при котором одно из них служит достаточным основанием для свершения другого, одно поставлено в зависимость от другого. В сложноподчинённых предложениях следствия событие главной предикативной единицы остаётся в рамках реального события и времени, относится к ка-

тегориям онтологического порядка, а вторая – придаточная – часть с союзом *так что* представляет собой конструкцию со значением необходимого или очевидного следствия, однако она не актуализирована: *Сел Балда на кобылу верхом да версту проскакал, так что пыль столбом* (А. Пушкин); *Пьер долго не мог выговорить слова, так что ритор должен был повторить вопрос* (Л. Толстой).

Структура сложноподчинённого предложения с союзом *так что*, отражающим точку зрения говорящего [5, с. 14] на наличие каузальной связи, позволяет наиболее адекватно отразить главное свойство следственных отношений – полисобытийность – в виде актуализированных во временном плане развёрнутых пропозиций, представленных предикативными частями. Поэтому отношения временной соотнесённости опираются на координацию видо-временных форм и на эксплицирующий отношения следствия нерасчленимый союз *так что*: *Бьётся насмерть парень бравый, так что дым стоит сырой* (А. Твардовский); *Мыло долго потом мокло и разлагалось в сенах, так что Катерина Александровна, проходя мимо него, даже всплакивала* (И. Ильф, Е. Петров).

Как показал проанализированный речевой материал, в сложноподчинённом предложении с семантическим подчинительным союзом *так что* возможно свободное соотношение видо-временных глагольных форм.

Семантика временной определённости представлена разными темпоральными планами.

План настоящего синтаксического времени устанавливается благодаря координации сказуемых в форме настоящего времени несовершенного вида обеих частей. Грамматическая форма сказуемого зависит от характера передаваемого предикативного признака, поэтому предикативно определяющий главный член двусоставного предложения может быть именным или глагольным: *Аптека находится почти у края города, так что аптекарише далеко видно поле* (А. Чехов). Основная форма простого глагольного сказуемого главной части *находится* содержит сему ‘располагаться где-либо’ и выражает имперфективное настоящее синтаксическое время. В придаточной предикативной единице материально выражен только основной компонент составного именного сказуемого *видно*, а нулевая форма связки *быть* передаёт имперфективный оттенок настоящего синтаксического времени.

Имперфективное значение настоящего времени может быть представлено и спрягаемой формой специализированной связки со значением мнимости предикативного признака: *На голове её [старости] «рога», – косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной* (И. Бунин).

Имперфективное экзистенциальное настоящее время может быть передано с помощью формы

есть: *Я замечал, и многие старые войны подтверждали моё замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться* (М. Лермонтов).

В главной предикативной части, эквивалентной односоставному субстантивному генитивному отрицательному предложению, действительность описывается статично, но и в ней репрезентировано настоящее имперфективное синтаксическое время, выраженное значимым отсутствием глагольной формы: *Во всю жизнь ни одной романтической истории, так что с randеву, аллеями вздохов и поцелуями я знаком только понаслышке* (А. Чехов).

План прошедшего синтаксического времени в сложноподчинённых предложениях с отношениями следствия более разнообразен.

Имперфективное описательное прошедшее синтаксическое время служит целям непосредственного изображения прошлого самими значениями глагольных форм прошедшего времени несовершенного вида: *И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лёд от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались: лошади падали; – налево зияла глубокая расселина, где катился поток, то скрываясь под ледяной корою, то с пеною прыгая по чёрным камням* (М. Лермонтов).

Перфективное прошедшее синтаксическое время репрезентирует актуальность результата действия для более позднего временного плана: *А ведь вышло, что я был прав: подарки подействовали только вполовину; она стала ласковее, доверчивее – да и только; так что он решился на последнее средство* (М. Лермонтов). Специализированная связка *стала* со значением становления признака проявляет способность к изменению предикативного состояния. Говорящий фиксирует это изменение формой основного компонента составного именного сказуемого, и значение совершенного вида обнаруживает важность результативного значения: *становилась ласковее, доверчивее – стала ласковее, доверчивее; решался – решился*.

Аористивное прошедшее синтаксическое время регистрирует отдельные события прошлого без их отнесения к определённому моменту прошлого: *Я открыл дверцу, так что жар начал обжигать мне лицо и руки* (М. Булгаков); – *Ну так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим барином были приятели, – прибавил он, ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться...* (М. Лермонтов).

Аористивное значение содержится в повествовании о сменяющих друг друга явлениях (добавочное действие оформлено деепричастной формой совершенного вида *ударив*).

Следствие может быть непосредственно предопределено, если в главной части создаётся темпоральный план перфективного прошедшего синтаксического времени: *Бельтов встал и всею фигурой своей выразил вопрос, так что слов не надо было* (А. Герцен); *При этом мерин надулся, но ему всунули палец в рот и ударили коленом в живот, так что он должен был выпустить дух* (Л. Толстой); *Он [Валет] вдруг вытянул голову в плечи, так что над серым воротником солдатской шинели торчали лишь смугло-розовые хрящи ушей* <...> (М. Шолохов).

Нелокализованность действий во времени, отвлечение от конкретного времени сообщает ситуации узуально-характеризующий оттенок и в итоге вневременной характер [4, с. 20]: *Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и всё грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, когда слушал её из соседней комнаты* (М. Лермонтов). Кроме глаголов в форме не совершенного вида, показателями этой семантики выступают и вводный компонент *бывало*, и частица *всё*, осложняющая форму простого глагольного сказуемого *всё грустила, всё напевала*, привнося в него грамматическое содержание длительности и непрерывности.

Временная неопределённость в структуре сложноподчинённого предложения с отношениями следствия может наблюдаться, если в предикативных единицах сказуемые представлены разными временными формами. В таких случаях происходит переосмысление имперфективного значения настоящего, прошедшего и будущего синтаксического времени:

– сказуемое в главной части имеет форму настоящего времени, а в придаточной – будущего: *Прихожая маленькая, узкая, так что домочадцы разойдутся при встрече только бочком* (газета);

– сказуемое в главной части имеет форму прошедшего времени, а в придаточной – настоящего:

Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею надежды отыскать ту, над которой пошутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена (А. Пушкин);

– сказуемое в главной части имеет форму настоящего времени, а в придаточной – сослагательного наклонения: *И по странности, бывало, одному ему почёт, так что даже генералы были будто бы не в счёт* (А. Твардовский). В подобных предложениях акцентируется семантика временной обобщённости и вневременности.

Свободное видо-временное соотношение глаголов, образующих предикативные центры главной и придаточной частей, указывает на то, что причинно-следственные отношения вычленяются на семасиологическом уровне, а грамматические средства оформления оказываются вторичными для решения данной проблемы. Ограничения возникают в том случае, когда нарушается логическая связь причинного и следственного событий, то есть следствие предшествует причине. Поэтому оказываются невозможным сочетание глагола будущего времени в главной предикативной части и глагола прошедшего времени в придаточной предикативной части.

Библиографический список

1. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 356 с.
2. Пospelов Н.С. О грамматической природе сложного предложения // Пospelов Н.С. Мысли о русской грамматике. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 184 с.
3. Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 245 с.
4. Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2013. – № 4. – С. 18–21.
5. Шаповалова Т.Е. Субъективная семантика глагольных форм будущего времени в повести М.Ю. Лермонтова «Тамань» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2014. – № 4. – С. 14–18.

ВАЛЕНТНОСТНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ СОЕДИНЕНИЯ: СУБЪЕКТ (ЛИЦА) – ОБЪЕКТ

Эта статья рассматривает проблему связи семантического актанта ОБЪЕКТ и глагольной семантики на основе анализа более трех тысяч конструкций в современном русском языке. Описываются имена существительные (местоимения) разных тематических классов, в частности, *лица* и *части тела*, *пространство* и *место*, *животные* и *растения*, *предметные* и *непредметные имена*, в объектной позиции при глаголах *соединения*. Показано, что имена существительные (местоимения) анализируемых тематических классов в этой позиции при глаголах *соединения* выражаются разными грамматическими формами: а) количественно-именным сочетанием; б) одиночными именами винительного падежа множественного числа; в) рядом однородных членов, соединенных или не соединенных союзами; г) одиночными существительными в форме винительного падежа единственного и множественного числа, введенными в предложение с другим именем существительным в форме 'с + творительный падеж', описывающим СООБЪЕКТ; д) одиночными местоимениями в форме винительного падежа единственного числа. В статье приводятся примеры употребления в позиции объекта при глаголах *соединения* имен в единственном числе и объясняются причины такого употребления. Указывается, во-первых, на грамматику таких лексем (собираательные, собственные и абстрактные имена существительные имеют только форму единственного числа – существительные *singularia tantum*; вопросительное местоимение не изменяется по числам) и, во-вторых, на саму семантику этих лексем, включающих идею множественности (внутри некоей совокупности однородных предметов возможно соединение между собой ее единиц). Полученные результаты могут найти применение в практике составления словарей, а также представляют интерес для теории и практики перевода.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа глаголов, семантические актанты, субъект, объект, тематические классы имен.

В семантическом синтаксисе много внимания уделяется проблеме валентностного окружения глагола. Ранее мы уже описывали валентностное окружение глаголов *отделения* [3], *разрушения* [4], *покрытия* [5]. В этой работе мы вновь коснемся данной проблемы в связи с исследованием семантического актанта ОБЪЕКТ, представленного в предложениях с глаголами лексико-семантической группы «Соединения» именами разных таксономических (далее Т-класса), или тематических классов («в логике это предметные переменные или категориальные предпосылки предмета – такие как *лицо*, *природная сила* и под.» [2, с. 53]), при АГЕНСЕ, или sub (субъекте – по Ю.Д. Апресяну) [1], представленном именами *лица*.

Как показывает анализ более 3000 конструкций, включающих глаголы лексико-семантической группы «Соединение», при АГЕНСЕ, представленном именами Т-класса *лица*, ОБЪЕКТОМ ситуации, описываемой в этих предложениях, могут быть представлены имена разных Т-классов, выраженные разными грамматическими формами, а именно: наименования лиц; наименования частей тела; наименования пространства и места; наименования животных и растений; наименования предметов; непредметные имена. Употребление имен при этом имеет некоторые особенности.

А) Наименования *лиц*, названные при глаголе в активной форме в позиции ОБЪЕКТА, являются лицами другими, отличными от лиц, названных в позиции СУБЪЕКТА: ...*автоматчики*... со-

единяли солдат разных боевых специальностей в походные колонны (В. Гроссман. Жизнь и судьба). В нашей картотеке такие лица представлены именами существительными (пример выше), либо местоимениями (реже): ...*тех, коих господь соединяет* на земле, ничто уже разлучить не может (М.Н. Загоскин. Аскольдова могила). Имена существительные анализируемого Т-класса в позиции ОБЪЕКТА выражаются:

а) количественно-именным сочетанием 'имя в винительном падеже + имя существительное в родительном падеже множественном числе, называющее другие лица, отличные от лиц, названных в позиции СУБЪЕКТА'. Главное слово в этих сочетаниях: а) имя числительное: *Линней соединил под общим названием [двух] существ настолько различных...* (Э. Бермар. В объятиях спрута); б) имя существительное: *15.000 дворян соединили под свои знамена многочисленные [толпы] кроатов, пандуров, валахов и тирольцев* (Ф.А. Кони. История Фридриха Великого); в) местоимение: ... *позже я... соединял в одном придуманном герое [несколько] разных людей* (С.Н. Демиденко. Учебник писателя);

б) одиночными существительными в форме винительного падежа множественного числа: *Константин...соединил кораблехозяев в замкнутые корпорации* (Энц. Брокгауза. Константин).

в) лексемами мереологического поля, называющими *множества* и *совокупности лиц* (типа *толпа, группа, коллектив* и т.п.), в форме винительного падежа множественного числа: *Он соеди-*

нил около себя все **войска**... (Ф.А. Кони. История Фридриха Великого). Эти лексемы могут быть употреблены и в форме единственного числа: *Нужно было только человека, **который** бы соединил около себя всю донскую **голытьбу*** (ед. ч.) (Н.И. Костомаров. Русская история...), что объясняется, видимо, 1) грамматикой (собирательное имя существительное *голытьба* имеет только форму единственного числа – *singularia tantum*) и 2) самой семантикой этих лексем, включающих идею множественности (внутри некоей совокупности однородных предметов возможно соединение между собой ее единиц);

г) рядом однородных членов, выраженных существительными в форме винительного падежа множественного числа, не соединенных или соединенных союзами: *...**ты**... **поляков**, **литовцев** и **русских** соединишь братскою любовью* (Макарий. История русской церкви);

д) одиночными существительными в форме винительного падежа единственного и множественного числа, введенными в предложение с другим именем существительным в форме ‘с + творительный падеж’, описывающим СООБЪЕКТ: ***Князь** смоленский, **язанский**, **муромский**, **полоцкий** вторично соединили свои **дружину** **с** его многочисленными **полками*** (Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. 3).

Местоимения, используемые для указания на лицо, в позиции ОБЪЕКТА выражаются:

а) одиночными местоимениями в форме винительного падежа множественного числа: ***Людвиг** XII соединил **их*** (мн. ч.) *браком*... (Энци. Брокгауза. Бурбоны). Местоимения могут указывать на ‘то же лицо, что и лицо-СУБЪЕКТ, и другие люди’: ***Я** нас соединю одним **человеческим** **вздохом*** (М. Авс. «Стихи.ру»);

б) рядом однородных членов, выраженных местоимением и существительным в форме винительного падежа, соединенных сочинительным союзом: *...какой-то дальней памятью **Мухин** соединял себя и **Сильвию***... (Г. Балл. «Вестник Европы». 2002. № 6). В приведенном примере в сочинительной конструкции ‘себя + и + винительный падеж имени’ местоимение *себя* указывает на ‘то же лицо, что и лицо-СУБЪЕКТ’, а имя существительное означает ‘другие люди’;

в) одиночными местоимениями в форме винительного падежа единственного и множественного числа, в составе предложения, включающее другое местоимение в форме ‘с + творительный падеж’ и описывающее СООБЪЕКТ: *За твою правду **Господь** соединил **меня*** (ед. ч.) *снова **с** тобой*... (Л.А. Чарская. Голая правда). ОБЪЕКТ, представленный местоимением *себя* в конструкции ‘себя + с + творительный падеж местоимения’, совпадает с СУБЪЕКТОМ ситуации, описываемой в предложении глаголом *соединения*, ср.: ***Олег**... в общей беде соединял себя с **ними*** (А. Солженицын. Раковый корпус);

г) одиночными местоимениями в форме винительного падежа единственного числа (если местоимение, в частности, вопросительное по числам не изменяется): ***Судья** ...кого-то* (ед. ч.) *соединяет узлами брака*... (О. Славникова. «Октябрь». 2001. № 10).

Б) Наименования **частей тела**, названные при глаголе в активной форме в позиции ОБЪЕКТА, в нашей картотеке представлены тремя подгруппами: а) части своего тела, т. е. части тела лиц, названных в позиции СУБЪЕКТА: *...**Митенька** соединил при этом **пальцы** обеих рук* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши); б) части тела других лиц, отличных от лиц, названных в позиции СУБЪЕКТА: *...он соединил их **руки*** (В.И. Крыжановская. Месть еврея); в) части тела своего и других лиц: *...один из милиционеров соединил свою **руку** с рукой **Мадуева** наручниками* (А. Кучинский. Тюремная энц.). В состав указанных конструкций возможно включение еще одного существительного в родительном падеже, называющего часть части тела: ***Она** соединила **кисти рук** лодочкой перед подбородком*... (Ю. Бондарев. Берег). Указанные лексемы в позиции ОБЪЕКТА выражаются:

а) в основном одиночными существительными (местоимениями) в форме винительного падежа множественного числа: ***Изобретатель**... только соединил **руки*** (мн. ч.) *на широком, сильном **колени***. (В. Дудинцев. Не хлебом единым); ***Бухарские женщины** красят брови в **черный цвет** и соединяют **их*** (мн. ч.) *черной чертой* (Е.К. Мейендорф. Путешествие из Оренбурга...);

б) количественно-именным сочетанием ‘имя числительное в винительном падеже + имя существительное в родительном падеже множественного числа’: ***Ляля**... соединила **два мизинца**, свой и **Клавы Ивановны*** (А. Львов. Двор);

в) рядом однородных членов, выраженных именами существительными в форме винительного падежа единственного или множественного числа, не соединенных или соединенных союзами: ***Хирург** блестяще соединил не только **кровеносные сосуды*** (мн. ч.), *но и **нервные окончания*** (мн. ч.), *и **сухожилия*** (мн. ч.), *и **мышцы*** (мн. ч.), *и **кость*** (ед. ч.) (В.Д. Захарченко. Разговор с электрическим мозгом);

г) одиночными существительными в форме винительного падежа множественного числа, введенными в предложение с другим именем существительным, выраженным формой ‘с + творительный падеж’ и описывающим СООБЪЕКТ: ***Стала** на колени **Зоянька**, / **Съединила** **ручку** **с** **ручкой***... (А.С. Пушкин. Бова).

В) Наименования **пространства и места**, названные в позиции ОБЪЕКТА при глаголе соединения в активной форме, представлены в нашей картотеке в прямом значении и в переносном. Упо-

требленные в позиции ОБЪЕКТА в прямом значении указанные лексемы выражаются:

а) количественно-именным сочетанием 'имя числительное в винительном падеже + имя существительное в родительном падеже множественном числе: *Он, словно буксир-толкач, выехал на середину реки и... соединил собой два берега.* (А. Котюсов. «Нева». 2011. № 10);

б) одиночными существительными в форме винительного падежа множественного числа: *Соединяет берега* (мн. ч.) / *Седой паромщик* (И. Николаев);

в) одиночными существительными в форме винительного падежа единственного или множественного числа, введенными в предложение с другим именем существительным, выраженным формой 'с + творительный падеж' и описывающим СООБЪЕКТ: *Тасман на своей карте соединил берег* (ед. ч.) *Вандименовой Земли с Землей Нейтса* (Е. Авадьева, Л. Зданович. 100 великих мореплавателей); *Советский человек... соединяет моря* (мн. ч.) *с каналами* (Л. Вертинская. Синяя птица любви).

Наименования пространства и места, названные при глаголе в активной форме в позиции ОБЪЕКТА, метонимически могут называть и людей, там проживающих, находящихся. И тогда указанные лексемы в позиции ОБЪЕКТА выражаются не только количественно-именным сочетанием, одиночными существительными множественного числа, рядом однородных членов, одиночным существительным, введенными в предложение с другим именем существительным в форме 'с + творительный падеж', но и одиночным существительным в форме винительного падежа единственного числа, напр.: *...император Александр... соединил Европу* (ед. ч.) *для ополчения против нарушителя ее спокойствия.* (Л.Н. Толстой. Война и мир. Т. 4). Наличие единственного числа у выделенной лексемы объясняется двумя причинами: 1) грамматикой (собственные имена существительные типа *Европа* имеют только форму единственного числа); 2) самой семантикой этих лексем, метонимически включающих идею множественности (метонимически названо и множество людей, проживающих, находящихся на обозначенной территории, а следовательно, внутри этого множества людей возможно соединение между собой единиц этого множества). Употребление единственного числа в других конструкциях: *...турки все пространство между Китаем и Византией соединили под своей властью.* (А. Алексеев. «Наука и жизнь». 2004. № 7); *Она одна соединяет в себе для моего сердца, для моего воображения все пространство времени и мира* (И. Грачева. «Наука и жизнь». 2003. № 7), видимо, становится возможным за счет грамматического оформления других членов предложения (в частности, однородной связью).

Г) Наименования животных и растений (и их частей), названные при глаголе в активной форме в позиции ОБЪЕКТА, в нашей картотеке редки и представлены одиночными существительными винительного падежа множественного числа: *В Зале мира живопись представляет Францию, сидящую на лазоревом шаре; Амуры и Мир соединяют голубей* (мн. ч.) (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника); в том числе введенными в предложение с другим существительным в форме 'с + творительный падеж' (СООБЪЕКТ-Том): *Астахов соединил деревья* (мн. ч.), *реку этим домом в одно целое* (Д. Гранин. Картина).

Д) При глаголе в активной форме в позиции ОБЪЕКТА в нашей картотеке достаточно обширно представлены наименования различных предметов: *Он соединил по группам схожие предметы...* (Энци. Брокгауза. Откуп государственных доходов). В нашей картотеке в объектной позиции имеются наименования: а) веществ и материалов, инструментов и приспособлений, механизмов и приборов (и их частей), ср.: *...мы... соединили с таратайкой оглобли и переднюю ось...* (А.В. Никитинко. Моя повесть); б) зданий и сооружений (и их частей): *...охранник... соединял две комнаты проводом вместе.* (Б.Б. Раджих. Новая алмазная сутра); в) посуды, напр.: *...эти трое взяли по стакану и соединили их для чоكانья* (М. Алексеев. Драчуны); г) одежды и обуви: *Там еще старухи копошились, но, кроме меня, никто не смог подобрать, — она соединила галоши подошвами...* (Д. Рубина. Любка); д) текстов, напр.: *Летописец... соединил в одну рукопись послания Нила Сорского...* (О. Платонов. Русь) и др. Обнаруженные нами наименования этих предметов в описанных конструкциях выражаются:

а) количественно-именным сочетанием 'имя в винительном падеже + имя существительное в родительном падеже множественном числе'. В качестве главного слова используются: количественное или собирательное числительное: *...кузнец... соединил затем 4 оставшихся обрывка в одну цепь.* (Ф.Ф. Нагибин. Математическая шка тулка); *Вольта... соединял оба металла проволокой.* (В.З. Азерников. Неслучайные случайности); имя существительное со значением количества: *Каждый десяток палочек я соединял поперечной чертой...* (К. Симонов. Разные дни войны); количественное местоимение: *...«монтажисты» 50–70-х годов прошлого века соединяли в одном кадре несколько негативов* (В. Михалкович. Поэтика фотографии);

б) одиночными существительными (местоимениями) в форме винительного падежа множественного числа: *Он соединил газетные листы* (мн. ч.) (А. Солженицын. Раковый корпус); *Погонщики оборачивают вокруг ее тела канаты, соединяют их* (мн. ч.) *в упряжь...* (Т. Шумова. «Вокруг света». 1994. № 1);

в) рядом однородных членов, выраженных именами существительными (чаще) в форме винительного падежа единственного и множественного числа либо количественно-именными сочетаниями (единичный пример), не соединенных или соединенных союзами: *Иные художники соединяют особенно в эскизах и этюдах черный карандаш* (ед. ч.), *акварель* (ед. ч.) и *пастель* (ед. ч.) (Энци. Брокгауза. Пастель); *В своей книге о Тухачевском Лидия Норд смело соединила как лично ей известные факты* (мн. ч.), *так и слухи* (мн. ч.)... (Б. Соколов. Тухачевский); *Шекспир соединил в этой фразе шесть подлежащих* (кол.-имен.соч.) и *шесть сказуемых* (кол.-имен. соч.) (К. Станиславский. Работа актера над собой);

г) одиночными существительными в форме винительного падежа единственного и множественного числа, введенными в предложение с другим именем существительным, выраженным формой 'с + творительный падеж' и описывающим СООБЪЕКТ: *...мы соединим водеви́ль* (ед. ч.) с трагедией (В.В. Крестовский. Кровавый пуг); *...режиссер соединил элементы* (мн. ч.) *кельтского мифа о Тристане и Изольде* с сюжетными линиями *из нескольких исландских саг* (Л. Алова. Режиссерская энци.);

д) одиночным существительным (местоимением) в форме винительного падежа множественного числа, ср.: *Потом специалисты-технологи соединяют все поставляемое сырье* (ед. ч.) («Наука и жизнь». 2004. № 4), где в объектной позиции вещественное существительное винительного падежа единственного числа, семантика которого 'однородная делимая масса', а внутри делимого возможно соединение между собой частей этого делимого. Ср. также: *Я землю разделю на части, Чтоб ты соединил её* (ед. ч.) (Р. Строинский. «Стихи.ру»).

Е) При глаголе *соединения* в активной форме в позиции ОБЪЕКТА в нашей картотеке очень широко представлены самые различные **непредметные имена**, в частности, тематические классы: а) движение, помещение объекта, физическое воздействие или изменение состояния: *...рыболовы нередко соединяют подсечку с извлечением рыбы из воды...* (А. Никольский. Удильщику); б) бытийная сфера, в том числе: начало существования: *С возведением пресвитера Илариона... летописец соединяет по времени основание Киево-Печерского монастыря* (Макарий. История русской церкви); в) ментальная сфера: *Но Платон в своем учении соединил представления, близкие атомистам, с представлениями пифагорейской школы и философией Эмпедокла* (В. Гейзенберг. Физика и философия); г) психическая сфера, в том числе эмоция, воля: *Счастливые соединяют любовь к родине со своей радостью* (С.В. Короленко. Книга об отце); д) речь: *Наш разговор я здесь соединил с выдержками из пространного письма* (В. Набоков. Василий Шишков); е) запах и вкус:

...теплые и сладкие плодовые запахи жасмина парфюмер соединяет с грубыми запахами индола и скатола. (Р. Фридман. «Химия и жизнь». 1966. № 9); ж) звук: *Звук выстрелов... они (туземцы. – О.Т.) не соединяют с понятием о смертоносном оружии.* (Н.Н. Миклухо-Маклай. Путешествие...); з) время, в том числе: период, момент, день недели, месяц, возраст: *...вот-вот она соединит этот... день... с тем ушедшим временем* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); и) игра: *...Л.В. Кулешов соединил в фильме игровые эпизоды с хроникальным материалом* (Л.В. Кулешов. Уроки кинорежиссуры), а также качества, свойства других лиц, предметов или явлений, в том числе размер, физические свойства, качества человека: *Анна Ивановна... соединила с этой жестокостью всю пошлость обстановки своего шутовства.* (Е.Р. Дашкова. Записки княгини).

Непредметные имена в описываемых нами конструкциях выражены:

а) количественно-именным сочетанием 'имя числительное в винительном падеже + имя существительное в родительном падеже множественном числе': *Здесь мемуарист явно соединил два конфликта...* (Б. Соколов. Тухачевский). В качестве главного слова представлены количественное числительное и количественное местоимение: *Они (туземцы. – О.Т.) ...порой соединяют в логическую цепь два или несколько несвязанных событий...* (М.М. Милашкина. Попул. ист. псих.);

б) одиночными существительными в форме винительного падежа множественного числа: *С каким единодушием мы соединяли чувства* (мн. ч.) *народной гордости и любви к государю!* (А.С. Пушкин. Метель);

в) рядом однородных членов, выраженных именами существительными в форме винительного падежа единственного или множественного числа, не соединенных или соединенных союзами: *Мы... соединяем в одной точке счастье* (ед. ч.) и *моральное поведение* (ед. ч.) (А. Гиренок. Метафора пата);

г) одиночными существительными в форме винительного падежа единственного (гораздо чаще) или множественного числа, введенными в предложение с другим именем существительным, выраженным формой 'с + творительный падеж' и описывающим СООБЪЕКТ: *Он ...со светской любезностью соединял всю предельность* (ед. ч.) *вполне благовоспитанного добряка.* (Е.Р. Дашкова. Записки княгини). СООБЪЕКТ может быть осложнен локативным значением, ср. форма 'в + предложный' возвратного местоимения *себя* в конструкции: *Именно поэтому философ... соединяет в себе внутренне несоединимое* (ед. ч.) (Ю. Лотман. В школе поэтического слова);

д) одиночными абстрактными существительными в форме винительного падежа единственного

числа. Отвлеченные, абстрактные существительные называют то, что неосвязаемо и недоступно органам чувств, а существует в сознании, и поэтому они не допускают представления о счете и обычно не имеют форм множественного числа. Несмотря на значение единичности ОБЪЕКТА (грамматически выраженное формой единственного числа имени) идея двойственности все же включается в состав таких конструкций за счет: 1) грамматического оформления других членов предложения (в частности, однородной связью): ...наши предки в вечери Рождества Христова этим двумя блюдами соединяли воспоминание (ед. ч.) о рождении и смерти Спасителя. (О. Платонов. Русь. Энцикл. слов...); 2) морфемного оформления абстрактной лексемы, включающей, в частности, префикс со-: Липкин без видимых усилий соединяет несоединимое (ед. ч.) (И. Лиснянская. «Стихи.ру»), где лексема *несоединимое* образована от глагола *со/един/нить*. Префикс со-, обозначая 'взаимная связь единиц' обуславливает возможность соединения между этими единицами.

Таким образом, в позиции ОБЪЕКТА при глаголах *соединения* с АГЕНСОМ лица могут быть представлены имена существительные (местоимения) разных тематических классов, а именно: наименования лиц, частей тела, пространства и места, животных и растений, наименования предметные и непредметные имена, выраженные разными грамматическими формами.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки славянской культуры, 1995.
2. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
3. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «отделение» // Вестник Оренбургского педагогического университета. «Естественные и гуманитарные науки». – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – № 2 (48). – С. 56–62.
4. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «покрытие» // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – Т. 1. – С. 127–131.
5. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «разрушение» // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 152–153.

ПОСВЯЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ОБЪЕКТАМ В СИСТЕМАХ УРБАНОНИМОВ РУССКИХ ГОРОДОВ

Публикация продолжает цикл статей об особенностях названий-посвящений, встречающихся в городах Центрального федерального округа. В данной статье рассматривается специфика урбанонимов – посвящений географическим объектам. Автор прослеживает историю данного типа собственных имен, особенности создания подобных топонимов в столице и провинции. В статье отмечается, что впервые посвящения географическим объектам появились в Российской Федерации до революции 1917 г. в Санкт-Петербурге. В провинции подобные названия в это время были единичными и встречались лишь в губернских городах. Появление урбанонимов-посвящений в российских городах было связано с административными реформами. После революции 1917 г. посвящения географическим объектам начали создаваться и в новой столице – Москве, а также в больших провинциальных городах. В малых и средних городах подобные топонимы встречались редко. Посвящения географическим объектам возникали во второй половине XX в. Автором статьи отмечается, что среди рассмотренных урбанонимов выделяются посвящения регионам, населенным пунктам, гидрообъектам. Среди посвящений населенным пунктам встречаются как урбанонимы в честь сельских и городских районных центров, областных и промышленных центров Российской Федерации, так и городов бывшего СССР. Урбанонимы в честь сельских и городских районных центров создавались в больших провинциальных городах. Названия в честь областных и промышленных центров Российской Федерации представлены на карте двух российских столиц – Москвы и Санкт-Петербурга, а также во многих больших городах. На выбор географических реалий для создания урбанонимов-посвящений оказывали влияние экономические, политические и международные связи.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, городская топонимика, урбаноним, городское ономическое пространство, посвящение, столица, провинция.

Формирование урбанонимов как особого класса топонимов было связано с необходимостью упорядочения внутригородского пространства, выработки единых принципов именования объектов, регламентации процессов создания новых названий. Уже на дореволюционном этапе истории страны власть стала использовать топонимию и урбанонимию в качестве средства увековечивания важных для нее понятий и событий. Особенно зримо это было реализовано в послереволюционную эпоху, когда во многих городах нашей страны стали появляться названия-посвящения людям и коллективам, географическим объектам и общественным организациям, событиям и праздникам, а также важным для власти идеологическим понятиям.

Настоящая публикация продолжает цикл наших статей, анализирующих особенности названий-посвящений, зафиксированных в городах Российской Федерации. Ранее нами были проанализированы посвящения событиям [4] и коллективные посвящения [3]. В данной статье мы обратились к рассмотрению особенностей урбанонимов – посвящений географическим объектам. Данные о существующих названиях были извлечены нами из информационных баз адресации объектов недвижимости в Российской Федерации и баз данных почтовой индексации. Заметим, что использованные источники иногда содержат как современные, так и утраченные урбанонимы. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем оба типа зафиксированных в документах топонимов. Помимо баз данных, нами привлекались и сведения о времени

происхождения названий, найденные в Интернете, а также извлеченные из путеводителей и справочников по топонимическим системам отдельных городов нашей страны.

Появление топонимов-посвящений в российских городах предопределили административные реформы Екатерины II. Во времена ее правления сформировалась линейная (уличная) схема организации пространства населенного пункта, впервые было осуществлено сознательное вмешательство власти в процесс создания системы городских названий. При перепланировке территорий населенных пунктов названия часто создавались без привязки к ранее существовавшим дорегулярным топонимам. Так, утвержденный для Ярославля первый регулярный план 1778 г. частично не соответствовал сложившейся средневековой планировке, поэтому в конце XVIII – начале XIX вв. сформировалась новая система урбанонимов, созданная искусственно. Она содержала, например, топонимы, образованные от названий уездных городов, вошедших в состав вновь образованной Ярославской губернии: *Борисоглебская улица, Большая и Малая Даниловские улицы, Любимская улица, Мологская улица, Мышкинская улица, Петровская улица, Пошехонская улица, Большая и Малая Романовские улицы, Большая и Малая Рыбинские улицы, Большая и Малая Угличские улицы*. Все перечисленные названия указывали на направления дорог к соответствующим населенным пунктам, но одновременно увековечивали новый статус Ярославля как губернского города.

Тип посвящений географическим объектам впервые отмечен в декабре 1857 г. в Санкт-

Петербурге. Заметим, что указанная дата очень важна для исследования урбанонимии Российской Федерации, так как это был первый случай появления в городах названий-посвящений. Причины, побудившие власти к созданию подобных топонимов, весьма прозаичны. Авторы исследования «Откуда происходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко» А.Г. Владимирович и А.Д. Ерофеев указывают, что «к середине XIX века <...> в каждом районе города образовались свои *Болотная, Госпитальная, Офицерская, Церковная, Кузнечная, Грязная улицы, Глухой переулок* <...>. И стало ясно: чтобы вконец не запутаться, надо их срочно во что-то переименовать. <...> И тут кому-то пришла в голову светлая мысль: давайте возьмем имена русских городов и рек! Россия большая» [1, с. 119]. Действительно, если проанализировать типы городов, в которых создавались посвящения географическим объектам, то можно заметить, что подобные урбанонимы представлены преимущественно в больших по территории населенных пунктах. Очевидно, существует прямая зависимость между размером города и количеством в нем названий-посвящений: чем больше территория, тем больше подобных меморативов в нем зафиксировано. Заметим, что существует и еще одна закономерность в появлении данных урбанонимов: они возникают в периоды массового освоения пригородных территорий и присоединения сельских населенных пунктов с однотипным ономастиком. Например, активное создание топонимов-посвящений происходило в Рыбинске в конце 1930-х – начале 1940-х гг. В этот период на карте города появилось более 10 подобных названий: *Бежецкая улица* (1939 г.), *Буйская улица* (1939 г.), *1-я и 2-я Выборгские улицы* (1940 г.), *Галицкая улица* (1939 г.), *Киевская улица* (1937 г.), *Кинешемская улица* (1939 г.), *Костромская улица* (1938 г.), *Львовская улица* (1940 г.), *Нерехтская улица* (1939 г.), *Череповецкая улица* (1939 г.), *Чухломская улица* (1939 г.), *Шуйская улица* (1939 г.). Аналогичную картину мы наблюдаем в Ярославле в 1970-е гг. и в Москве – в 1960-е и 1970-е гг.

Другая важная особенность посвящений географическим объектам связана с особенностями функционирования данных названий в столичном и провинциальных городах. В первом типе населенных пунктов создание подобных меморативов подчинено определенной системе, во втором оно, как правило, бессистемно. Как отмечают А.Г. Владимирович и А.Д. Ерофеев [1, с. 119–138], в Санкт-Петербурге сложились определенные топонимические традиции в области создания посвящений топонимическим объектам. Например, в Московской части города увековечивались города Московской губернии, в Каретной части – населенные

пункты Украины, в Литейной части – центры западных губерний, а в Нарвской части – города Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний (современные Эстония и Латвия) и т.д. После революции аналогичные ансамбли стали складываться в Москве. Как отмечает Е.М. Поспелов, в городе названия «сгруппированы по географическим направлениям: на юге – крымские, на юго-западе – по городам Центра, Кавказа и Средней Азии, на севере – по полярным и сибирским топонимам и т.д.» [2, с. 129]. В провинциальных городах подобные ансамбли нам выявить не удалось.

Провинциальные и столичные города различаются и количеством посвящений географическим объектам: в провинции они обычно бывают единичными, а в двух российских столицах их количество довольно велико. Например, в Москве и Санкт-Петербурге в настоящее время в каждом из городов зафиксировано более двухсот подобных меморативов, в то время как в большинстве провинциальных городов отмечено не более 20 названий.

Интерес представляет и время возникновения посвящений географическим объектам в российских городах. До революции 1917 г. подобные урбанонимы были созданы лишь в Санкт-Петербурге. В других городах, в том числе и в Москве, данные меморативы, по-видимому, отсутствовали, так как нам не удалось зафиксировать случаи их появления. После революции 1917 г. продолжилось создание посвящений географическим объектам в Санкт-Петербурге. Они начали появляться и в новой столице – Москве, а также в больших провинциальных городах. Собранные нами данные показывают, что в основном посвящения географическим объектам создавались в 1950–1970-х гг. Этот период характеризуется, с одной стороны, ростом территории городов, с другой – трудностями в выборе производящих основ для новых названий. Не случайно, что в 1950–1970-е гг. в топонимических системах русских городов начинается рост количества эвсемантических урбанонимов и посвящений географическим объектам. Показательно, что в малых провинциальных городах, где проблема повторяемости урбанонимов не была такой острой, меморативы в честь географических объектов не возникали.

Безусловно, важно определить примерный перечень географических объектов, в честь которых в Российской Федерации могли создаваться урбанонимы. Прежде чем провести подобный анализ, необходимо заметить, что при одном и том же названии в разных городах могли употребляться различные урбанонимические термины. Для целей дальнейшего исследования эта особенность не является принципиальной, поэтому при перечислении выявленных меморативов мы будем указывать термин *улица* как наиболее частотный в русской

урбанонимии. Исключение будет сделано лишь для тех случаев, когда мы будем описывать модели конкретного города. При таких топонимах будут указываться урбанонимические термины, зафиксированные в данном населенном пункте.

Среди посвящений географическим объектам выделяются два типа урбанонимов: названия, увековечивающие сам географический объект, и названия, увековечивающие какое-либо историческое событие, связанное с объектом.

Названия, увековечивающие сам географический объект, возникали как до революции 1917 г., так и в советский и постсоветский периоды истории нашей страны. В русской урбанонимии выделяются следующие типы подобных меморативов: посвящения населенным пунктам, посвящения регионам и странам, посвящения гидрообъектам и горным массивам.

Среди урбанонимов, увековечивающих населенные пункты, нами отмечено несколько групп названий.

Во-первых, выделяется группа меморативов, увековечивающих различные города Российской Федерации: *Архангельская улица, Астраханская улица, Брянская улица, Владимирская улица, Волгоградская улица, Вологодская улица, Воронежская улица, Выборгская улица, Ивановская улица, Калужская улица, Костромская улица, Кронштадтская улица, Курская улица, Ленинградская улица, Московская улица, Мурманская, Нижегородская улица, Новгородская улица, Орловская улица, Петропавловская улица, Ржевская улица, Рыбинская улица, Рязанская улица, Севастопольская улица, Смоленская улица, Суздальская улица, Тверская улица, Тульская улица, Ярославская улица* и др. Все перечисленные топонимы встречаются в нескольких населенных пунктах различных регионов Центрального федерального округа. Большинство из созданных урбанонимов увековечивали столицы областей или крупные промышленные центры. Интересно, что в городской топонимии отсутствуют меморативы в честь городов Сибири и Дальнего Востока.

Во-вторых, в городах Центрального федерального округа часто встречаются названия в честь ряда городов бывшего СССР. Наиболее широко представлены меморативы в честь ряда городов Украины (*Киевская улица, Львовская улица, Одесская улица, Полтавская улица*) и столиц Белоруссии (*Минская улица*) и Казахстана (*Ташкентская улица*).

В-третьих, во многих больших городах встречаются урбанонимы в честь сельских и городских районных центров региона. Например, в Ярославле в течение XX в. появились следующие подобные меморативы: *Мологская улица* (1931 г.) и *1-я* и *2-я Мологские улицы* (1930-е гг.), *1-я* и *2-я Арефинские улицы* (1957 г.), *Брейтовская улица, 1-й* и *2-й Брейтовские переулки* (1957 г.), *Любимская* и *Малая Любимская улицы* (1957 г.), *Ростовская улица*

(1957 г.) и др. Подобные названия представлены лишь в одном регионе и не фиксируются в других областях.

В-четвертых, в урбанонимии российских городов могли увековечиваться города-побратимы. Подобные названия отмечены, например, в Твери (*площадь Капошвара* и *Оснабрюкская улица*), Костроме (*Самоковская улица* и *Петровский бульвар*), Санкт-Петербурге (*Гаврская улица, Гамбургская улица, Гданьская улица, Дрезденская улица, Загребский бульвар, Манчестерская улица, Пловдивская улица, улица Сантьяго-де-Куба, улица Хошимина*).

На карте городов нашей страны могли быть увековечены отдельные регионы Российской Федерации и республики бывшего СССР. В урбанонимии России представлены следующие названия в честь регионов Российской Федерации: *Алтайская улица, Кавказская улица, Сибирская улица, Уральская улица*. Среди меморативов этого типа увековечены всего три республики бывшего СССР: *Российская улица, Белорусская улица, Украинская улица*.

Наконец, урбанонимы могли увековечивать различные водные объекты. Наиболее широко в топонимии Центрального федерального округа представлены четыре названия: *Волжская улица, Донская улица, Ладужская улица* и *Невская улица*.

Названия, увековечивающие какое-либо историческое событие, связанное с объектом, стали появляться в русской урбанонимии в советский период истории страны. По-видимому, первый такой меморатив, был создан в Ярославле в 1918 г., когда на карте города появился топоним *улица Циммервальда*. Он увековечивал международную мирную конференцию в швейцарской деревне Циммервальд. Уникальность этого названия заключается и в выборе для него редкой для посвящений географическим объектам формы родительного падежа. Интересно, что данный топоним зафиксирован не только в Ярославле, но и в других населенных пунктах Российской Федерации, в генитивной форме – в Сухиничах и Данилове, а в адъективной форме (*Циммервальдская улица*) – в Твери.

В урбанонимии Российской Федерации нами отмечены следующие устойчивые мотивы создания посвящений историческим событиям при помощи названий географических объектов:

- увековечивание событий Гражданской войны: *Волочаевская улица, Каховская улица, Перекопская улица*;
- строительство гидроэлектростанций и водохранилищ: *Братская улица* и *Цимлянская улица*;
- увековечивание событий Отечественной войны 1812 г.: *Бородинская улица*;
- увековечивание революционных событий начала XX века: *Ленская улица*.

Все перечисленные названия зафиксированы в нескольких регионах и населенных пунктах.

Изучение специфики урбанонимов-посвящений, выявление особенностей существующих разновидностей этого типа названий представляют несомненный интерес для ономастики и социолингвистики. Подобное исследование позволяет выявить ономастический вкус различных исторических периодов и регионов нашей страны, описать наиболее частотные модели названий. С уверенностью можно утверждать, что на выбор реалий для создания посвящений географическим объектам оказывали влияние как экономические и политические условия, побратимские связи, так и тип населенного пункта.

Библиографический список

1. *Владимирович А.Г.* Откуда приходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко / А.Г. Владимирович, А.Д. Ерофеев. – М.: ЗАЛ Изд-во Центрполиграф, 2014. – 319 с.
2. *Поспелов Е.М.* Названия городов и сел. – М.: Наука, 1996. – 149 с.
3. *Разумов Р.В.* Коллективные посвящения в системах урбанонимов провинциальных городов // Проблемы региональной лингвистики: памяти д-ра. филол. наук., проф. Т.В. Кирилловой (к 90-летию со дня рождения): материалы Междунар. науч. конф. (Тверь, 26–27 апреля 2013 г.). – Тверь, 2013. – С. 148–151.
4. *Разумов Р.В.* Посвящения событиям в урбанонимии Центрального федерального округа // Русский язык в современном мире: сб. науч. статей. – Смоленск: Изд-во «Свиток», 2014. – С. 228–234.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА (на материале романов Дж. Фаулза «Коллекционер» и «Любовница французского лейтенанта»)

Настоящая статья посвящена проблеме прецедентности в современном художественном тексте, который основан на интенсивном использовании цитат и аллюзий. Прецедентность есть свойство, присущее феноменам культуры (именам, высказываниям, текстам, ситуациям), которые занимают особое место в системе общественных ценностей и символов. Понятие прецедентности тесно смыкается с понятием интертекстуальности. Сущность явления интертекстуальности состоит в том, что смысл произведения полностью или частично формируется за счет ссылки на другой текст, который является прецедентным в рамках заданной лингвокультуры. Источниками интертекстуальных включений в современном англоязычном художественном тексте, в частности в произведениях «The Collector» / «Коллекционер» и «The French Lieutenant's Woman» / «Любовница французского лейтенанта» выдающегося представителя британского постмодернизма Дж. Фаулза, чаще всего выступают эллинистические мифы, канонические религиозные тексты, шедевры мировой литературы и др. Отсылки к феноменам мировой культуры, обладающим свойством прецедентности, обусловлены стремлением писателя создать текст, в котором каждый эпизод повествования полурекает отражение в пространстве духовного опыта человечества, текст, переносимый читателем в область вечных проблем человеческого бытия. Интертекстуальные включения, связывающие тексты романов с национально-прецедентными феноменами, помогают показать преемственность исторических эпох, способствуют более глубокому осмыслению процессов, происходивших в Великобритании во второй половине XX столетия. Интертекст интересен не только с точки зрения анализа и интерпретации внутри одного языка, но и с точки зрения перевода. Перевод осуществляется для чужой относительно оригинала культуры, соответственно, прецедентные феномены, прежде всего национального уровня, для иноязычного читателя остаются непроницаемыми. Сравнение общих подходов к передаче прецедентных феноменов позволяет утверждать, что основным способом передачи культурного и национально-специфического аспектов текста является адаптация, реализующаяся через различные переводческие приемы, в том числе лексико-синтаксическое развертывание (комментарий или описательный перевод) и контекстуальную своеязычную замену (приближенный перевод, генерализованный перевод). Адаптивный перевод часто используется в совокупности с такими приемами, как транскрипция, транслитерация и калькирование, широко применяющимися для передачи культурно-коннотированных единиц.

Ключевые слова: прецедентный феномен, универсально-прецедентный феномен, национально-прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентная ситуация, интертекстуальность, интертекст, аллюзия, реминисценция, переводческая стратегия, адаптация, комментарий, описательный перевод, приближенный перевод.

Явление прецедентности все чаще становится объектом пристального внимания специалистов в области лингвистики текста и переводоведения. Как хранители общеизвестных когнитивных прецедентные феномены (далее ПФ) – это своеобразный «культурологический мост» памяти народа между прошлым и настоящим, «прохождение» по которому пробуждает в сознании участников коммуникации процесс узнавания закодированного в ПФ смысла [11].

Под прецедентными феноменами понимаются тексты (в широком смысле), значимые для языковой личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6, с. 216].

Исходя из степени освоенности и частоты апелляции к ПФ, выделяют несколько уровней прецедентности: социумно-прецедентный, национально-прецедентный, универсально-прецедентный и автопрецедентный.

Социумно-прецедентные феномены являются феноменами, известными любому представителю того или иного социума (профессионального, генерационного и т. д.). Такие прецеденты не испытывают на себе влияния национальной культуры.

Национально-прецедентные феномены известны любому члену национальной лингвокультурной общности и входят в национальное когнитивное пространство.

Универсально-прецедентные феномены известны любому современному человеку в связи с глобализацией культуры.

Автопрецеденты «представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды» [3, с. 115].

Состав ПФ довольно многообразен. Он включает как вербальные, так и невербальные явления культуры: имена, высказывания, тексты, символы, ситуации.

Понятие прецедентности тесно переплетено с понятием интертекстуальности. Интертекстуальность – это «общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [12, с. 9]. Интертекстуальность присуща прежде всего художественному тексту и обеспечивает ему такое качество, как смысловая многомерность.

Суть интертекстуальности заключается в том, что творчество происходит на языке, материале и фоне той традиции, в которой оно рождается с целью ее обновления. Именно интертекстуальность создает связь между текстами в рамках мировой литературы, и каждый текст становится связующим звеном цепи. Текст, так или иначе включаемый в другой текст (тексты), называется интертекстом. В научных трудах связующие элементы также получили названия цитат, крылатых выражений, аллюзий, реминисценций, интертекстем.

Вслед за Н.А. Фатеевой выделим следующие функции интертекстуальности в художественном тексте:

1. Введение интертекстуального отношения позволяет ввести в новый текст некоторую мысль или конкретную форму представления мысли, объективированную до существования данного текста как целого.
2. Межтекстовые связи создают вертикальный контекст произведения, в связи с чем он приобретает неоднородность смысла.
3. Интертекст создает подобие тропеических отношений на уровне текста, интертекстуализация обнаруживает свою конструктивную, текстопорождающую функцию [14].

Анализ прецедентных феноменов и интертекстов, обнаруживаемых в романах «The Collector» / «Коллекционер» и «The French Lieutenant's Woman» / «Любовница французского лейтенанта», позволяет выделить их основные уровни и типы: универсально-прецедентные феномены, представленные, прежде всего, древнегреческим мифологическим интертекстом и отсылками к христианской мифологии, и национально-прецедентные феномены, введенные в текст как аллюзии на произведения У. Шекспира и английские романы викторианской эпохи.

В истории английской литературы XX век отмечается повышенным интересом писателей к эллинистическому наследию. Сам Дж. Фаулз не раз называл Грецию своей второй родиной и неоднократно обращался к образам и мотивам культуры этой страны. Так, в 18-й главе романа «The French Lieutenant's Woman» Дж. Фаулз сравнивает Чарльза Смитсона и Сару Вудраф с Одиссеем и Калипсо, описывая их встречу на Вэрской пустоши: «There were no Doric temples in the Undercliff; but here was a Calypso» [18, с. 140]. В.Л. Фрейбергс считает, что

так же, как Одиссей, который отправился в путешествие, чтобы возвратиться с новым пониманием себя и мира, Чарльз Смитсон совершает «символическое странствие, итогом которого является обретение собственного «я» и переосмысление отношений к окружающей действительности» [Цит. по: 5]. Суть выбора, который делает Одиссей между Пенелопой и Калипсо, состоит в выборе между смертностью и вечностью. Герой романа «Любовница французского лейтенанта» должен выбрать между Эрнестиной – Пенелопой и Сарой – Калипсо, Чарльз Смитсон выбирает между ложным и истинным.

Соглашаясь с В.Л. Фрейбергсом, отметим, что в образе Сары Вудраф угадываются черты еще одного персонажа мифа об Одиссее – сирены. Рассказывая о свидании Чарльза и Сары на Вэрской пустоши, автор пишет: «But he stood where he was, as if he had taken root. Perhaps he had too fixed an idea of what a siren looked like and the circumstances in which she appeared – long tresses, a chaste alabaster nudity, mermaid's tail» [18, с. 140].

Сара Вудраф соотносится также с образом Ариадны: следствия ее поступков, как нить Ариадны, приводят Чарльза – Тезея «к центру лабиринта, где он встречает Минотавра – свое «я» [Цит. по: 5]. Метафора «жизнь – лабиринт» неоднократно используется в романе.

Еще одна мифологическая аллюзия, считает В.Л. Фрейбергс, связана с мифом об Эдипе, вводимым в повествование с помощью образа Сары, которую автор постоянно сравнивает со сфинксом. Например, Гарри Монтегю говорит Чарльзу о необходимости его встречи с Сарой: «You must question the Sphinx <...> As long as you bear in mind what happened to those who failed to solve the enigma» [18, с. 420]. Согласно античному мифу, посланный на город Фивы в наказание сфинкс расположился близ города и задавал каждому проходившему загадку. Людей, не разгадавших загадки, он убивал [Цит. по: 5].

Д.Ю. Червякова видит в образе Сары Вудраф выражение различных ипостасей «единого образа Богини-матери <...> воплощающего женское творческое начало в природе» [Цит. по: 5]. Сара Вудраф с первых страниц появляется как «некий мифический персонаж» («a figure from myth») [16, с. 9; 18, с. 11], а ее «чуждые солнцу» глаза, залитые «лунным светом» («eyes whitout sun, bathed in an eternal moonlight») [16, с. 156; 18, с. 141], – важная деталь, так как многие ипостаси Богини-матери – лунные божества (Артемиды, Исида, Персефона и Селена).

Библейский интертекст представлен в романе высокой частотностью христианских номинаций: Иисус Христос, Понтий Пилат, святой Павел, святой Евстахий, Иуда, Иеремия, Иезавель, Иерусалим, Эдем, вавилонская блудница, Содом и Гоморра, святой Грааль, ангелы господни, Библия и др.

К этому следует добавить упоминаемые в тексте библейские цитаты, молитвы, притчи, псалмы. Главному герою романа «Любовница французского лейтенанта» Чарльзу Смитсону на момент начала повествования 32 года, к концу романа он достигает 34-летнего возраста. Таким образом, возраст героя вызывает ассоциации с символическим возрастом Иисуса Христа (33 года). Подобно дьяволу, искушающему Христа «царствами мира», мистер Фримен предлагает Чарльзу после женитьбы на Эрнестине стать его компаньоном в своей торговой фирме. Отсылка к библейскому мифу об искушении Христа в пустыне дополнительно проявляется в описании чувств героя: «It was to Charles as if he had travelled all his life among pleasant hills; and now came to a vast plain of tedium» [18, с. 278]. В библейском мифе дьявол, искушая Христа, хочет увести его на ложный путь. В обмен на «царства мира» Спаситель должен поклониться Сатане, то есть признать приоритет материального над духовным. В романе Дж. Фаулза герой в обмен на экономическое благосостояние должен пожертвовать своей свободой и саморазвитием [Цит. по: 5].

В романе «Коллекционер» Дж. Фаулз переинвентаризует известный сказочный сюжет о похищении красавицы чудовищем. Фредерик Клегг, молодой служащий и коллекционер бабочек, преследуемый параноидальной страстью к обладанию и власти, задумывает пополнить свою коллекцию новым экземпляром – он похищает девушку Миранду, заточает в подвал и доводит до гибели. После смерти Миранды Клегг хочет свести счеты с жизнью, но, обнаружив дневник девушки и узнав, что Миранда его не любила, решает повторить попытку с другой.

Роман «Коллекционер» является и новой интерпретацией сюжета и проблематики пьесы У. Шекспира «Буря». Обращение Дж. Фаулза к этой пьесе обуславливается ее высокой художественностью и близостью к мировоззрению самого автора. Аналогии у Дж. Фаулза проявляются на двух уровнях: внешнем и внутреннем. К внешним литературным аналогиям относятся имена главных героев (Калибан и Миранда). Эти имена несут символическую нагрузку. Называя своих героев именами шекспировской «Бури», автор не только использует прием аллюзии, но и переосмысливает классический сюжет.

Идейная преемственность прослеживается и на внутреннем уровне. Дж. Фаулз не случайно вводит в повествование само произведение «Буря», своего рода символическую деталь. Миранда в заточении перечитывает «Бурю» У. Шекспира: «Reading “The Tempest” again all the afternoon. Not the same at all, now what’s happened has happened. The pity Shakespeare feels for his Caliban, I feel (beneath the hate and disgust) for my Caliban. Half-creatures. “Not honour’d with a human shape.” “Caliban my slave, who never yields us kind answer.” “Whom stripes may

move, not kindness.” PROS... and lodged thee In mine own cell, till thou didst seek to violate The honour of my child. CAL. O ho, O ho! – Would’t had been done! Thou didst prevent me; I had peopled else This isle with Calibans... Prospero’s contempt for him. His knowing that being kind is useless» [17].

Источником многих аллюзий в произведениях Дж. Фаулза являются произведения английских писателей викторианской эпохи. Так, в романе «The French Lieutenant’s Woman» Дж. Фаулз, который прекрасно знал и высоко ценил реалистические романы прозаиков-викторианцев, сознательно выстраивает повествование как своего рода коллаж цитат из текстов Ч. Диккенса, У. Теккерея, Э. Троллопа, Дж. Элиот, Т. Гарди и других писателей. Английские критики уже давно заметили, что у сюжетных ходов, ситуаций и персонажей Дж. Фаулза обычно имеется один или несколько хорошо узнаваемых литературных прототипов: так, любовная фабула романа должна вызвать ассоциацию с «Мельницей на Флоссе» Дж. Элиот и «Голубыми глазами» Т. Гарди; история с неожиданной женитьбой старого баронета Смитсона, из-за чего герой теряет наследство и титул, восходит к «Пелэму, или Приключениям джентльмена» Э. Бульвера-Литтона; характер Сары вновь напоминает героиню Т. Гарди – Тэсс («Тэсс из рода д’Эрбервиллей») и Юстасию Вай («Возвращение на родину»); у Чарльза обнаруживаются общие черты с многочисленными героями Ч. Диккенса и Дж. Мередита; в Эрнестине традиционно видится двойник элиотовской Розамунды («Мидлмарч»), в образе слуги Чарльза – Сэма – слышится отголосок «бессмертного Сэма Уэллера» из «Записок Пиквикского клуба» и т. п. Литературны у Дж. Фаулза даже второстепенные персонажи – дворецкий в поместье Смитсонов носит ту же фамилию (Бенсон), что и дворецкий в романе Дж. Мередита «Испытание Ричарда Феверела». Есть в романе и цитаты на уровне стиля: когда повествователь вспоминает о Генри Джеймсе, он тут же начинает строить фразу в его витиеватой манере.

Викторианство в названном романе зачастую получает ироническое описание. Для достижения такого эффекта автор мастерски обыгрывает ставшие прецедентными пословицы, поговорки и фразеологические обороты. Так, иронический характер авторской речи проявляется в перефразировании известной шутки У. Теккерея о лисьей охоте: «The unspeakable hunting for the uneatable» («невыносимые охотятся за несъедобными»). Дж. Фаулз пишет: «He did not care that the pray was uneatable, but he abhorred the unspeakability of the hunters».

Авторское «a self-suspicion I have concealed that his decision was really based more on the old sheepstealer’s adage than on the nobler movings is conscience» содержит намек на поговорку «as well be hanged tor than tor a lamb» [13, с. 135].

Связь «Любовницы французского лейтенанта» с произведениями литературы XVII–XVIII веков проявляется на уровне реминисценций, используемых автором при характеристике его героев [1]. Так, рассказывая о миссис Тальбот, ее семье, Дж. Фаулз отмечает, что ее детей зовут Поль и Виргиния. Тем самым писатель раскрывает, с одной стороны, литературные вкусы героини (она любит сентиментальные романы XVIII века), а с другой – особенности ее характера, отличительной чертой которого была чувствительность, восприимчивость ко всему, что происходит в окружающем мире. Характеризуя отношение винзентских слуг к Чарльзу, автор пишет, что они «заняли позицию муравья, критически взирающего на кузнечика» [16, с. 207], что одновременно отсылает нас к рассказу У.С. Моэма (где образы насекомых также являются прецедентными, аллюзивными), басне Лафонтена, героями которой являются муравей и кузнечик, и, вероятно, греческому баснословителю (басни Эзопа). Иногда Дж. Фаулз цитирует произведения писателей XVII–XVIII веков. Например, описывая встречу Чарльза Смитсона с Сарой Вудраф, излагая суть их разговора, автор говорит, что Чарльз «ворвался в такие пределы, куда менее искушенные... ангелы не смеют даже ступить», таким образом, видоизменив фразу из дидактической поэмы А. Поупа «Опыт в критике» (1711) [13, с. 136–137].

По мнению исследователей творчества Дж. Фаулза, произведения автора звучат по-особенному именно благодаря использованию реминисценций. Злободневные проблемы, которые он рассматривает в своем творчестве, осмысливаются через призму событий далекого прошлого и таким образом раскрываются в необычных гранях. Обращение Фаулза к творчеству писателей, художественным традициям литературы предшествовавших эпох обусловило жанровое и стилистическое своеобразие его произведений [13, с. 134].

Романы Дж. Фаулза переведены более чем на 30 языков. На русском языке его произведения начали издаваться с конца 80-х гг. XX века. Одним из первых опубликованных переводов стал перевод романа «Коллекционер» в журнале «Урал». В связи с возрастающим спросом на творческое наследие писателя переводы его романов постоянно обновляются. Проанализировав отзывы читателей и критиков о качестве переводов произведений Дж. Фаулза на русский язык, мы остановились на переводах названных романов, выполненных И. Бессмертной (роман «Коллекционер») [15] и М. Беккер и И. Комаровой (роман «Любовница французского лейтенанта») [16].

Согласно определению Л.С. Макаровой, художественный перевод есть социалингвокультурная деятельность по обеспечению единого литературно-художественного пространства, включающая

межъязыковые, межкультурные и художественно-эстетические компоненты [8].

Умение находить и правильно оценивать ПФ очень важно с точки зрения реализации межкультурного и эстетического компонентов художественного перевода, так как, оставаясь неузнанными, а следовательно, переданными не вполне адекватно, ПФ теряют свое основное предназначение – передачу колорита, игры, экспрессии, порождение нового смысла, создание ощущения «прегнативного, “набухающего”, вбирающего в себя признаки соседствующих сфер информационного мира» [12, с. 102].

По мнению Л.С. Макаровой, выбор стратегии перевода ПФ определяется закономерностями в установлении культурных параллелей в зависимости от типа прототекста. Суть заключается в процессе минимизации смыслов с целью обнаружить то типическое (прототипическое), что позволит отыскать аналог прецедентного феномена в переводящей культуре. За переводчиком в этой ситуации признается право на применение таких макростратегий, как кооперация, аналогия и стилизация, а также стратегии пертинентности и тесно связанных с ней стратегий разъяснения и аппроксимации, стратегии креативности и даже стратегии конкурентности [9, с. 86].

Кооперация заключается в концептуальном сотрудничестве с автором оригинала, стилизация – в достижении функционально-эстетического соответствия перевода оригиналу, пертинентность представляет собой соответствие полученной информации информационной потребности читателя, суть аппроксимации состоит в использовании описания или перифразы вместо какого-либо явления или предмета [9, с. 86].

Н.А. Кузьмина полагает, что стратегия переводчика при передаче прототекстов сводится к тому, чтобы воспроизвести прототексты, общие для двух культур, и создать мнимые прототексты, сохранив напряжение между ними [7].

Г.В. Денисова выделяет такие стратегии перевода интертекстуальных фрагментов, как отстранение и адаптация (также замещение, замена или реконструкция) [4].

А. Нойберт выдвигает критерий прагматической адекватности перевода, условием которой является равенство коммуникативного эффекта оригинала и перевода. Таким образом, в силу неизбежности культурных различий между текстами оригинала и перевода переводчику необходимо обращаться к некоторым прагматическим адаптациям [10, с. 180–202]. Ю. Найда выступает за уменьшение количества изменений, вносимых в текст с целью обеспечить его понятность читателю перевода. В данном случае ученый выдвигает идею использования разнообразных сносок, примечаний, культурологических комментариев [19, с. 90–97].

Сравнение общих подходов к переводу ПФ позволяет утверждать, что основным способом передачи культурного и национально-специфичного аспектов текста, так или иначе, является адаптация, определяемая в современном переводоведении как форма и факт языкового посредничества, где на передний план выходит вопрос достижения прагматической эквивалентности. Денотативная эквивалентность при этом может несколько нарушаться за счет введения в текст перевода дополнительной информации, эксплицирующей скрытый смысл, либо за счет применения приближенного перевода, снимающего с передаваемой единицы иностранный культурный колорит [2, с. 23–24].

Переходя к анализу инструментальной составляющей передачи прецедентных феноменов и интертекстуальных включений при переводе романов Дж. Фаулза «The Collector» / «Коллекционер» и «The French Lieutenant's Woman» / «Любовница французского лейтенанта» на русский язык (переводы И. Бессмертной, М. Беккер и И. Комаровой), отметим, что собственно перевод прецедентных имен, высказываний, аллюзивных и интертекстуальных включений может не представлять особых трудностей и выполняется по общим правилам перевода, включая этапы словарного и контекстного анализа единицы и поиска эквивалентного (адекватного) соответствия в переводящем языке, сопровождающегося применением различных лексико-грамматических (реже стилистических) трансформаций. Основной трудностью для переводчика, как отмечалось выше, является идентификация, или «узнавание», ПФ в оригинальном тексте, признание ПФ коммуникативно значимым для переводимого текста, а также оценка степени знакомости прецедентного феномена реципиенту текста перевода, уровня исторических и политических фоновых знаний реципиентов, позволяющих им проникнуть в глубинный смысл инокультурной аллюзии или интертекстуального включения.

Итак, если переводчик сталкивается с необходимостью передачи универсальных или социумных прецедентов (библейские, мифологические и т. д. аллюзии или интертекстуальные включения), известных большей части потенциальных реципиентов перевода, специальной обработки такие ПФ, скорее всего, не потребуют. Более того, для подобных ПФ переводящий язык наверняка располагает готовыми соответствиями, которые и должны использоваться при переводе: *Jesus Christ* – *Иисус Христос*, *Saint Paul* – *Святой Павел*, *Judas* – *Иуда*, *Jeremiah* – *Иеремия*, *Jerusalem* – *Иерусалим*, *Eden* – *Эдем*, *the whore of Babylon* – *вавилонская блудница*, *Sodom and Gomorrah* – *Содом и Гоморра*, *the Holy Grail* – *святой Грааль*, *Calypso* – *Калипсо* («The French Lieutenant's Woman» / «Любовница французского лейтенанта») и др. Это же касается и универсально-прецедентных цитатных включе-

ний (высказываний): «You know your choice. You stay in prison, what your time calls duty, honour, self-respect, and you comfortably safe. Or **you are free and crucified**. Your only companions the stones, the thorns, the turning backs; the silence of cities, and their hate» / «Ты знаешь, перед каким выбором стоишь. Либо ты остаешься в тюрьме, которую твой век именует долгом, честью, самоуважением, и покупаешь этой ценой благополучие и безопасность. **Либо ты будешь свободен – и распят**. Наградой тебе будут камни и тернии, молчание и ненависть; и города, и люди отвернутся от тебя» [18, с. 349; 16, с. 403].

Если же речь идет о национально-прецедентных феноменах, слабо освоенных принимающей языковой системой и культурой, то, как мы писали выше, оптимальным способом перевода здесь выступит адаптация, традиционным арсеналом которой являются эксплицитное лексико-синтаксическое развертывание (выполняемое в форме комментария либо через описательный перевод) и контекстуальная своеязычная замена (приближенный перевод, генерализованный перевод). Адаптивный перевод часто используется в совокупности с такими приемами, как транскрипция, транслитерация и калькирование, широко применяющимися для передачи культурно-коннотированных единиц: «**Caliban** my slave, who never yields us kind answer» / «**Калибан**, гнусный раб, в пороках закосневший... от него мы, верно, не услышим ни слова доброго» [17, с. 11]; «There were no **Doric temples** in the **Undercliff**; but here was a Calypso» / «На **террасах** не было **греческих храмов**, но перед ним была Калипсо» [18, с. 140; 16, с. 155].

Национально-специфичные цитатные включения передаются на основе готовых соответствий, извлекаемых из ранее выполненных переводов, при условии, что данные соответствия хорошо узнаваемы носителями переводящего языка; например, включения из произведения У. Шекспира «Буря», переведенного на русский язык М. Донским: «Not honour'd with a human shape» / «Людским обличем он не был одарен»; «Whom stripes may move, not kindness» / «С тобой добром не сладишь – только плетью» («The Collector» / «Коллекционер»); трансформированные цитаты из У. Теккерея и их перевод, основанный на переводческих предложениях М. Дьяконова: «He did not care that the pray was uneatable, but he abhorred the unspeakability of the hunters» / «Ему дела не было, что добыча несъедобна, ему была отвратительна невыносимость охотников» («The French Lieutenant's Woman» / «Любовница французского лейтенанта») и т. д. Здесь, на наш взгляд, переводчик может ввести затекстовую сноску, указав, чьими переводами он воспользовался, и одновременно акцентировав внимание читателей на прецедентный характер включения. Если готовых соответствий в переводящей литературной традиции нет или «устояв-

шиеся» переводы не удовлетворяют требованиям нового контекста, переводчик выполняет перевод самостоятельно: «Stretching eyes west // Over the sea, // Wind foul or fair, // Always stood she // Prospect-impressed; // Solely out there // Did her gaze rest, // Never elsewhere // Seemed charm to be» / «Завороженно, одна, // Дни напролет у моря // Молча стояла она, // В погоду и в непогоду, // С вечной печалью во взоре, // Словно найти свободу // Чайла в синем просторе, // Морю навеки верна» (цитата из стихотворения Т. Гарди «The Riddle» / «Загадка» в переводе И. Комаровой).

Таким образом, выбор того или иного приема перевода обусловлен не только типом самого ПФ, но и характером текста, значимостью прецедентного феномена в контексте, степенью знакомости / незнакомости ПФ реципиенту. Стоит отметить, что не всегда есть необходимость вводить прецедентный феномен в перевод, если имеется опасность перегрузить текст инокультурной информацией. Помимо всего прочего, большое влияние на принятие того или иного переводческого решения оказывает и компетентность самого переводчика, которая заключается в умелом использовании приемов адаптации и компенсации, а также соблюдении норм переводящего языка и наличии обширных фоновых знаний в различных сферах жизнедеятельности человека. Сюда относится мировая литература, живопись, искусство и другие составляющие культурного наследия человечества.

Библиографический список

1. Акатова А.А. Семантика паратекстуальности (на материале романа Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 2. – С. 79–83.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – СПб.: Академия, Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 368 с.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
4. Денисова Г.В. Интертекстуальность и семиотика перевода: возможности и способы передачи интекста // Текст. Интертекст. Культура: сб. докладов междунар. науч. конф. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 112–128.
5. Жук М.И. Мифологический подтекст в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» // Культурно-языковые контакты: сб. науч. тр. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – Вып. 13. – Режим доступа: <http://ifl.wl.dvgu.ru/nauka/izdaniya-iiya/kulturno-yazykovye-kontakty>.
6. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105–126.
7. Кузьмина Н.А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста // Текст. Интертекст. Культура: сб. докладов междунар. науч. конф. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 97–111.
8. Макарова Л.С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – Режим доступа: www.cheloveknauka.com.
9. Макарова Л.С. Прагматические модификации художественной информации в переводе // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 2004. – № 4. – С. 82–88.
10. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / отв. ред. В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 180–202.
11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
12. Степанов Ю.С. Интертекст и некоторые современные расширения лингвистики // Языкознание: взгляд в будущее. – Калининград, 2002.
13. Темирболат А.Б. Преемственность художественных традиций XVII–XVIII веков в прозе Дж. Фаулза // Мировая культура XVII–XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили: материалы Междунар. науч. симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – Вып. 26. – С. 134–137.
14. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
15. Фаулз Дж. Коллекционер / пер. с англ. – М.: Эксмо, 2012. – 576 с.
16. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта / пер. с англ. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 544с.
17. Fowles, Jh. The Collector. – Режим доступа: www.readr.ru/john-fowles-the-collector.html.
18. Fowles, Jh. The French Lieutenant's Woman. – London: Vintage books, 2004. – 448 p.
19. Nida E.A. Linguistics and Ethnology in Translation Problems // Language in Culture and Society: a Reader in Linguistics and Anthropology. – NY: Harper and Row, 1964. – P. 90–97.

Зубова Жанна Арнольдовна
кандидат филологических наук, доцент
Орловский государственный университет
kafrusogu@gmail.com

Анзина Мария Александровна
Орловский государственный университет
filolog10@yandex.ru

БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.М. ПРИШВИНА*

Влияние Библии на мировую культуру и национальные языки трудно переоценить. Именно Книга Книг стала источником особого стилистического пласта фразеологии – библеизмов. Данная статья посвящена исследованию библейской фразеологии в художественных произведениях М.М. Пришвина, ее влиянию на языковую картину мира писателя. Группу библейских фразеологических единиц составляют устойчивые обороты с эмоционально-оценочными характеристиками, непосредственно или опосредованно (через форму, образ, концепт) восходящие по своему происхождению к Библии. На основе существующих в научной литературе классификаций фразеологических единиц библейского происхождения авторы проводят анализ употребления различных групп библейских фразем у М.М. Пришвина, дают функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную характеристику случаев употребления анализируемых фразеологизмов. В статье рассматривается узуальное и окказиональное употребление ситуационных и цитатных видов так называемых непосредственных библейских фразеологизмов. Среди этих фразеологизмов отмечаются как узуальные, так и трансформированные единицы. Кроме того, анализируется группа фразем, относящихся к Библии опосредованно. Отдельную нишу в языковой картине мира художественных произведений М.М. Пришвина занимают фраземы библейского происхождения с компонентами Бог / Господь / Христос, используемые исключительно в узуальной форме. Особенности употребления фразеологии библейского происхождения в художественных произведениях М.М. Пришвина приводят к выводу об исчезновении книжной окраски таких единиц, а также их стилистическом переходе в повседневный разговорный стиль героев. Такие ФЕ формируют особую языковую картину мира, в которой безрелигиозный, безбожный мир XX века уживается с глубокой духовностью русского народа.

Ключевые слова: фразеология, Библия, фразеологические единицы библейского происхождения (библеизмы), языковая картина мира.

Религия – неотъемлемая часть духовной культуры любого общества. Находясь в постоянном взаимодействии с множеством светских институтов, она формирует особое мировоззрение и мироощущение, определяет морально-нравственные ценности национального коллектива. Одним из способов выражения религиозного миропонимания в языке является употребление фразеологии библейского происхождения, собравшей в себе «духовное наследие патриархов, царей, мудрецов, проповедников, <...> сгусток уникального исторического опыта» [12, с. 4].

Функционирование библейских фразеологических единиц (ФЕ) в художественных произведениях М.М. Пришвина представляет особый научный интерес. Это неразрывно связано с коренными преобразованиями социально-политического строя в России в начале XX века, а также с процессом критического переосмысления обществом роли религии, церкви и священнослужителей, затронувшем не только город, но и деревню, где религиозность всегда была более распространенной [10, с. 218–219]. Особенности употребления фразеологизмов библейского происхождения формировались также под влиянием «богоискательских устремлений» самого писателя, участвовавшего в религиозно-философском обществе Д. Мережковского, В. Розанова и А. Мейера [11, с. 79–89].

По мнению исследователей, группу библейских ФЕ составляют устойчивые обороты с эмоционально-оценочными характеристиками, непосредственно или опосредованно (через форму, образ, концепт) восходящие по своему происхождению к Библии – Священному Писанию, состоящему из книг Ветхого и Нового Заветов [4, с. 5–6; 1, с. 11–22]. Маркерами, определяющими принадлежность фразем к данной группе, являются церковнославянизмы, имена собственные, а также концепты «Бог», «рай», «ад», «дьявол», «ангел», «душа», «небо», «грех» и т. д. [3, с. 6].

Фразеологический материал библейского происхождения отбирался методом сплошной выборки, то есть учитывались все случаи употребления таких ФЕ, включая однотипные. Объем исследуемого материала – более 200 фразем, что составляет около 15% от общего объема фразеологизмов в художественных произведениях М.М. Пришвина.

В настоящей статье мы рассмотрим узуальное и окказиональное употребление ситуационных и цитатных видов так называемых непосредственных библейских фразеологизмов. Кроме того, проанализируем группу фразем, относящихся к Библии опосредованно.

М.М. Пришвин чаще всего обращается к ФЕ, восходящим к библейским текстам непосредственно. Такие ФЕ принято именовать непосредственными.

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-14-57001).

В этой группе преобладают ситуационные фразеологизмы, которые отсутствуют в тексте Библии как ФЕ, но репрезентируют определённую ситуацию, описанную в ней [2, с. 55–56]. Эти единицы автор использует как в узуальной форме (*первородный грех, не от мира сего, книга за семью печатями, от (до) сотворения мира, спать вечным (мертвым) сном и т. д.*), так и применяя различные виды преобразований. Неоднократно писатель прибегает к структурно-семантическим трансформациям ситуационных библеизмов [8, с. 17–34].

Наибольшей вариативностью у М.М. Пришвина обладает фразема *на веки веков* со значением «навсегда, навечно», которая представляет собой контаминацию двух выражений, часто употребляемых в Библии, – *во веки веков* и *на веки*. В художественных текстах писатель использует как исходные формы фраземы, зафиксированные в Библии, так и ее модифицированные варианты. В составе данной ФЕ варьируются предлоги (*до, от*), а также компонент *веков*, что придает выражению особую образность и эмоциональность.

– *Проклял сына?*

– *Проклял во веки веков.*

Употребление данного предлога создает особый оттенок «церковности», высокого книжного стиля. Использование такого вида фразеологизма обусловлено контекстом, в котором М.М. Пришвин говорит о родительском проклятии, одном из самых страшных и осуждаемых русской православной церковью.

Ты же знаешь, от века веков было так, что своя рубашка ближе к телу, и этого не переменишь, и плетью обуха не перешибешь, так это навеки и останется, и ничего в этом не может быть стыдного – просить лошадь вспахать свой личный огород.

В данном примере с помощью трансформации фраземы писатель снижает ее стилистическую окраску, гармонично вписывая библеизм в быденную речь героев и пословично-поговорочный контекст.

Так и сказал знаменитый поэт о книге начинающего автора, и уж, конечно, как всегда в таких случаях, начинающий автор записал это в своем сердце на веки вечные как вопрос, подлежащий разрешению во времени.

Заменяя компонент *веков* прилагательным качественного разряда, М.М. Пришвин подчеркивает значение бесконечности во времени.

Фразема библейского происхождения *Бог даст день, даст и пищу* в художественных произведениях автора также подвергается трансформации.

– *Ладно, Анна Ивановна, погоди: будет у нас день, будет и пища.*

– *Ух, караван пришел! – повеселел Никон после нищего. – Видишь, Анна Ивановна, говорил я тебе: будет день, будет у нас и пища.*

Компонент *Бог* заменяется местоимением с предлогом. Это объясняется необходимостью употребления стилистически сниженной лексики в диалоговом контексте, а также бытовым уровнем восприятия происходящего героями произведения. Интересно отметить, что изменение расположения местоимения в структуре фразеологизма вносит свой особый оттенок: употребляя его в той или иной части ФЕ, писатель подчеркивает приоритетность *дня* или *пищи* для героя.

Библеизм *бросать (пускать, кидать) камень* со значением «осудить» в художественных текстах М.М. Пришвина подвергается усечению и расширению состава.

Если кто лучше его может – брось в него камень первый и становись на его место.

Расширение состава фразеологизма за счет местоимения с предлогом позволяет конкретизировать ситуацию.

Если кто чувствует себя правым, пусть первый бросит.

В данном примере состав фраземы усечен, однако смысловой каркас библеизма остается узнаваемым, поскольку контекст не дает воспринимать слова автора буквально.

А, глядишь, соседский-то в железных рядах перекричал. Хотел вырыть яму ближнему, а сам в нее попал.

Узуальное употребление данной ФЕ – *не рой другому яму, сам в нее попадешь*. Изменяя побудительную форму на изъявительную, писатель подчеркивает факт свершившейся расплаты.

Реже в художественных произведениях встречаются примеры семантических преобразований ситуационных фразеологизмов библейского происхождения.

Вот он уже ясно виден, и сладчайшая улыбка у него на лице, как у старого отца Афанасия бывает всегда во время похорон: улыбка не от мира сего, все плачут, когда отец Афанасий так улыбается.

В узуальном варианте фразема *не от мира сего* имеет значение «о крайне неприспособленном к жизни человеке, мечтателе, фантазёре, отрешённом от реальности; о странном, чудаковатом, а также наивном, доверчивом и бескорыстном человеке». М.М. Пришвин переосмысляет библеизм, используя его в значении «печальная, скорбная, горькая улыбка».

Контекстуальные (цитатные) фразеологические единицы библейского происхождения в произведениях М.М. Пришвина чаще всего представлены узуальными формами (*кто не работает, тот не ест, да минует меня чаша сия, суeta суeta и все суeta, не судите и не судимы будете и т. д.*) [2, с. 55–56]. Случаи семантических преобразований таких фразем полностью отсутствуют, а структурно-семантические преобразования единичны.

И все же: «капля долбит камень», многие «я» сливаются в «мы», такое могучее, что не только продолбит камень, а иной раз и унесет его в бурном потоке.

В данном примере синтаксическая инверсия в сочетании с повторением части ФЕ призваны акцентировать внимание читателя на силе, настойчивости и решительности действия, на которое способны герои повествования.

Узуальная форма библейского фразеологизма *тайное становится явным* (нет ничего тайного, что не сделалось бы явным) подвергается у М.М. Пришвина двум видам трансформаций.

Рано или поздно все тайны будут непременно раскрыты – не мной, так другим: нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Изменяя глагольный компонент, М.М. Пришвин уходит от книжной стилистики словарной формы ФЕ, делая повествование более непосредственным и понятным.

Так вот и в самых глухих местах по-своему разговаривают обо всем, что пишут в газетах, разговаривают грамотные и неграмотные; время такое, что все тайное становится явным.

Состав фразеологизма расширен с помощью местоимения *все*, что придает ему особую семантическую точность.

Отдельную нишу в языковой картине мира художественных произведений М.М. Пришвина занимают фраземы библейского происхождения с компонентами *Бог / Господь / Христос*. По мнению исследователей, они составляют группу опосредованных библейских ФЕ и чаще всего имеют разговорную стилистическую маркированность [6, с. 5].

Такие фразеологизмы у М.М. Пришвина встречаются исключительно в узуальной форме. Однако контекст, в котором они используются, позволяет читателю узнать не только о многовековых русских религиозных традициях и духовном опыте героев, но и о современном (для писателя) влиянии общественно-политического строя на восприятие религии.

Библеизмы этого типа можно условно разделить на группы по составу компонентов.

Самая многочисленная группа таких ФЕ – компонент *Бог* + глагол. У М.М. Пришвина она представлена фраземами *Бог знает* (чего, как, к чему, что и т. д.), *Бог (бог) помочь* (помощь), *Бог дал*, *Бог послал*, *Бог положит* и т. д. Эти выражения просторечны, чаще всего они встречаются в диалоговом контексте и отражают процесс восприятия жизни героями с точки зрения наивной духовности. Такое употребление иллюстрируют следующие примеры:

В избе деда голосит, причитывая, женщина.

– *Что это, старый?*

– *Внучонка бог прибрал.*

Данный фразеологический оборот имеет стилистическую помету «устаревшее». Такое понимание смерти позволяет сказать об искренней вере и ответственности старшего поколения перед Богом.

Думаю я так, думаю по ночам, как народ выведет, и полагаю, никто как бог не выведет.

– *На бога надейся, а сам...*

– *Да и сам-то я тоже божий...*

Находясь в диалоговом контексте в сочетании с фраземами библейской тематики, ФЕ призвана подчеркнуть невежество и ничтожность человека в сравнении с Богом.

Еще одну группу составили различные по своей структуре фразеологические единицы – существительное / прилагательное + компонент *Бог / Господь* в косвенном падеже, существительное + прилагательное. Например, *слава Богу, слава тебе, господи, божья душа, дар Божий* и т. д.

Вот и слава, слава тебе, господи, что моя женщина будущего теперь стоит уже в красной шапочке, а из-под военного покроя картуза по плечам у нее кудрями рассыпается прическа наша модная «перманент».

В данном примере фраза утрачивает свое основное значение удовлетворенности и приобретает оттенок присказки.

Отдельно необходимо обратиться к случаям употребления опосредованного библеизма *с богом*. Оттенки основного значения, образованные контекстом, дают читателю яркое представление об отношении современников М.М. Пришвина к религии.

Возражать было трудно. Мы сели в лодку. Взяв рулевое весло. Я сказал:

– *Ну, с богом!*

Вьюн очень обрадовался и принял мое с богом к сведению.

Сочетание ФЕ с выражением «принять к сведению», которое присуще деловому стилю общения, указывает на отрицание героем существования религиозной стороны жизни.

Тут охотился один высший коммунист, все на свете отвергал, а когда в лодку сажился, непременно, бывало, скажет, как вы: «Ну, с богом, Вьюнок!».

Употребление фраземы *с богом* в данном контексте обращает внимание читателя на то, что новая коммунистическая идеология воспринята современниками автора не полностью. По утверждению М.М. Пришвина, герой произведения отрицает все, однако по привычке обращается к Богу, желая товарищу успеха в своем начинании.

Особенности употребления фразеологии библейского происхождения в художественных произведениях М.М. Пришвина позволяют сделать вывод об исчезновении книжной окраски таких единиц, а также их стилистическом переходе в повседневный разговорный стиль героев. Такие ФЕ

формируют особую языковую картину мира, в которой безрелигиозный, безбожный мир XX века уживается с глубокой духовностью русского народа.

Библиографический список

1. Балакова Д., Ковачева В., Мокиенко В.М. Наследие Библии во фразеологии. – Грайфсвальд, 2013. – 308 с.
2. Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 55–65.
3. Григорьева Л.Л. Фразеологическая репрезентация религиозного мира человека (на материале русского, английского и арабского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 21 с.
4. Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. – М.: Флинта, Наука, 2012. – 264 с.
5. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 840 с.
6. Зайцева Я.С. Структурно-семантические и стилистические особенности фразеологизмов библейского происхождения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2010. – 291 с.
7. Кочедыков Л. Краткий словарь библейских фразеологизмов. – Самара: Бахрах М, 2006. – 175 с.
8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 860 с.
9. Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Художественная литература, 1984.
10. Путинцев Ф. Контрреволюционная роль духовенства в революции 1905–1907 гг. // Религия и церковь в истории России. – М.: Мысль, 1975. – С. 216–233.
11. Подоксенов А.М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М.М. Пришвина // Религиоведение. – 2007. – № 4. – С. 79–89.
12. Семенова Е.С. Библеизм как средство речевого воздействия: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2003. – 148 с.

Ермакова Людмила Витальевна

кандидат филологических наук
Амурский государственный университет
lyusy@inbox.ru**МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ
МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ**

Статья посвящена рассмотрению технологий манипуляции и их роли в актуализации категории персуазивности в дискурсе американских печатных СМИ. Данная категория рассматривается как модусная категория, что позволяет изучить языковые способы актуализации субъективного отношения при выражении объективной реальности. Это, безусловно, характерно для дискурса СМИ, а именно информационно-аналитического типа данного дискурса, так как он обладает высокой степенью речевого воздействия на реципиента. Речевое воздействие в СМИ является направленным и, как правило, происходит при взаимодействии информирования и убеждения. На уровне информирования воздействие осуществляется через отбор, полноту и последовательность освещаемых фактов. На уровне убеждения как более сложного способа воздействие осуществляется на систему категорий, с помощью которой адресат интерпретирует окружающую действительность. Как показывает материал исследования, доминирующим способом реализации категории персуазивности являются манипулятивные технологии, под которыми понимаются коммуникативные средства, применяемые для успешного решения задач и достижения целей манипулятивного воздействия. Основными технологиями манипуляции в исследуемом типе дискурса являются: 1) тенденциозный подбор статистических данных; 2) тенденциозный подбор аргументов; 3) представление специально подобранных мнений, комментариев экспертов, специалистов в определенной области знания. Кроме того, адресант нередко апеллирует к ценностям американской лингвокультуры, что осуществляется за счет использования лексических единиц, связанных с основными ценностями американской лингвокультуры и являющихся убедительными без дополнительной информации. При этом в дискурсе имеет место не формулирование ценностей как таковых, а выражение убеждений адресанта на основе сложившейся у него системы ценностей.

Ключевые слова: модусная категория персуазивности, информационно-аналитический тип дискурса СМИ, языковое манипулирование, скрытое воздействие, адресант, адресат, информирование, убеждение, система ценностей.

В современной лингвистической литературе категорию персуазивности связывают с коммуникативно-прагматической стратегией убеждения, манипулирования сознанием речевого партнера и его поведением. Данная категория реализует попытку воздействия адресанта на реципиента с целью добиться от него принятия самостоятельного решения о совершении действия [9, с. 98]. Рассмотрение категории персуазивности как модусной категории позволяет изучить языковые средства актуализации субъективного отношения при выражении объективной реальности. Данная категория выступает как способ субъективно-объективного представления действительности говорящим, что, безусловно, характерно для дискурса СМИ, так как данный тип дискурса обладает высокой степенью речевого воздействия на реципиента (адресата).

Речевое воздействие в СМИ является направленным, ибо субъект ставит перед собой задачу добиться определенного результата от объекта речевого воздействия. При этом способами речевого воздействия являются: 1) сообщение объекту таких знаний о неизвестных ему элементах действительности, на основе которых он изменит свое поведение или отношение к этой действительности; 2) сообщение объекту дополнительной информации об уже известных явлениях, которая существенна для понимания этих явлений в их взаимосвязи, с целью оказания влияния на изменение оценочного отношения к событиям и процессам; 3) измене-

ние отношения объекта к предметной и социальной действительности без сообщения ему новой информации об элементах действительности и затрагивания абстрактных знаний о них. В первом и во втором случаях воздействие осуществляется через информирование, в третьем случае – через убеждение [7, с. 45].

На уровне информирования воздействие осуществляется через отбор, полноту и последовательность освещаемых фактов. Так, отбор фактов при анализе сообщений о военных конфликтах и ситуациях политического противостояния позволяет интерпретировать события с определенной точки зрения, расставлять политические акценты [6]. На уровне убеждения как более сложного способа воздействие осуществляется на систему категорий, с помощью которой адресат интерпретирует окружающую действительность. При этом результатом убеждения должно стать изменение этой системы категорий в необходимом адресанту направлении. Следует сказать, что в большинстве случаев речевое воздействие происходит при взаимодействии информирования и убеждения.

Способами интенционального воздействия являются аргументация [1; 8; 13; 10], манипуляция [8; 12; 11], авторитет носителя институционально более высокого статуса, физическая или психическая сила [8].

В данной работе более подробно хотелось бы остановиться на рассмотрении языковых средств манипуляции, поскольку, как показывает материал

исследования, изучаемый тип дискурса отличает доминирование манипулятивного способа воздействия на адресата. При этом в качестве объекта исследования выступает информационно-аналитический тип медиадискурса (на примере кратких и развернутых комментариев актуальных международных политических и экономических событий, национальных политических, экономических, социальных и других событий в американской качественной прессе – *New York Times (NYT)* и *Washington Post (WP)* – середины и конца XX века), так как именно этот тип дискурса характеризуется высокой степенью речевого воздействия на адресата.

Языковое манипулирование как тип воздействия представляет собой скрытое воздействие на желания, намерения, установки адресата для того, чтобы навязать ему определенное представление о действительности, сформировать нужное к ней отношение, вызвать необходимую адресанту эмоциональную реакцию [12, с. 117].

В качестве основных особенностей манипуляции называются следующие: воздействие является скрытым; воздействие осуществляется на сознание человека и не является физическим насилием; имеются субъект и объект воздействия; объект манипуляции должен выступать как ее соучастник и изменить свои мнения, цели согласно плану манипулятора; требуется наличие мастерства и знаний для осуществления воздействия [4; 11].

Поскольку сознание человека, подвергающееся манипуляции, обладает многослойной структурой, манипулятор в зависимости от своих целей имеет возможность воздействовать на разные уровни этой структуры: ментально-мировоззренческий, уровень знаний, ценностей и норм, уровень социальных стереотипов. В качестве манипулятивных технологий обычно используются ценностно-эмоциональное манипулирование и манипулирование рациональными, убеждающими аргументами (рациональная манипуляция). При этом под технологиями понимаются различные коммуникативные средства, применяемые для успешного решения задач и достижения целей манипулятивного воздействия.

Ценностно-эмоциональное манипулирование опирается на способность человека поддаваться влиянию выразительности убеждающего высказывания, а также престижа источника.

В отношении манипулирования рациональными, убеждающими аргументами необходимо сказать, что данные аргументы используются для псевдологического обоснования предлагаемых индивиду изменений в его сознании и поведении. При этом особой значимостью обладают аргументы, имеющие субъективный характер и основанные на общем опыте социальной группы, к которой обращена коммуникация, и на личном опыте тех, кому доказывают.

В современных исследованиях выделяются различные коммуникативные средства как ценностно-эмоционального манипулирования (использование слов, связанных с основными ценностями общества, наклеивание ярлыков, использование эвфемизмов и др.), так и манипулирования рациональными, убеждающими аргументами (подбор аргументов, сопоставление позиций сторон, результаты опросов общественного мнения и др.) [4; 5].

Основными технологиями манипуляции в исследуемом типе дискурса являются: 1) тенденциозный подбор статистических данных; 2) тенденциозный подбор аргументов; 3) представление специально подобранных мнений, комментариев экспертов, специалистов в определенной области знания.

Рассмотрим эти приемы.

1. Тенденциозный подбор статистических данных как прием рациональной манипуляции базируется на том, что демонстрируются такие статистические данные, которые подтверждают выдвинутый тезис, и умалчиваются те данные, которые могут его опровергнуть.

Так, убеждая адресата в том, что лечение, образование и тренинг для наркоманов снизит количество совершаемых преступлений, автор-аналитик приводит статистику, подтверждающую данную мысль. При этом он ничего не говорит, например, о том, сколько таких бывших преступников смогут вести здоровый образ жизни и вновь не вернуться в преступный мир: *At the conservative end, successfully treating and training just 10,000 drug addicts would eliminate 1 million crimes a year* (WP, February 8, 1998).

2. Тенденциозный подбор аргументов заключается в том, что адресант приводит неопровержимые факты, которые подводят аудиторию к оценке предлагаемого вывода как «правильного».

Негативное отношение адресанта к действиям со стороны руководства вьетнамского Ханоя по отношению к США выражается в ряде фактов, которые он приводит с целью обосновать такую позицию и показать «правильность» своего вывода. При этом эффективность воздействия повышается за счет использования синтаксических параллельных конструкций с анафорическим повтором: *Hanoi will continue to play on American impatience and the revulsion over American death. Hanoi will continue its efforts to divide Washington from Saigon. Hanoi will continue trying to bring down the Thieu Ky regime in Saigon and substitute for it a governmental willing to accept a coalition with the Communists* (WP, January 12, 1969).

3. Представление специально подобранных мнений, комментариев экспертов, специалистов в определенной области знания.

Для того чтобы убедить аудиторию в том, что *Independent Counsel Act* оказался неудачным в об-

ласти ведения расследований и судебных дел, адресант приводит в виде цитаты мнение Верховного судьи и министров юстиции, которые указывают на негативные стороны данного акта: *"The institutional design of the Independent Counsel is designed to heighten, not to check, all of the institutional hazards of the dedicated prosecutor; the danger of too narrow a focus, of the loss of perspective, of preoccupation with the pursuit of one alleged suspect in the exclusion of other interests."* Thus wrote Supreme Court Justice Antonin Scalia nearly a decade ago, echoing the words of three attorneys general, two of them staunch Republicans (WP, February 1, 1998).

Для усиления манипулятивного воздействия с целью заставить аудиторию принять его точку зрения адресант может использовать комбинацию вышеназванных приемов в одной статье.

В нижеследующем примере основным приемом является подбор аргументов, в качестве которых используются два других приема: статистические данные, указывающие на положительные стороны введения нового налога, и представление мнений экспертов (*economists say, according to Lawrence Kotlikoff*). С помощью таких приемов адресант пытается подвести аудиторию к принятию «правильного» вывода о том, что новый подоходный налог, названный «справедливым» налогом (*the Fair tax*), принесет только пользу как экономике государства, так и каждой американской семье: *The economists' research shows that prices paid under the Fair tax will be no higher – and may actually be lower – than the prices paid for goods and services today, even with the Fair tax included <...> Economists say that because the Fair tax repeals all payrolls taxes and provides a rebate, it would be as progressive as the current graduated income tax <...> Then there are larger economic benefits. Once Americans are free to keep every dollar they earn, they will be able to save more and businesses will be able to invest more. <...> According to Lawrence Kotlikoff, an economist at Boston University, the Fair tax will raise the economy's capital stock (the value of equipment and buildings) by 42 percent, its labor supply by 4 percent, its output by 12 percent and real wages by 8 percent <...> Finally, the Fair tax will lower tax compliance costs by an estimated 95 percent, holding prices down* (WP, February 1, 1998).

Основной ценностно-эмоциональной технологией является апелляция к ценностям американской лингвокультуры, которая осуществляется за счет использования лексических единиц (иногда эмоционально окрашенных), связанных с основными ценностями и являющихся убедительными без дополнительной информации. При этом в дискурсе имеет место не формулирование ценностей как таковых, а выражение убеждений адресанта на основе сложившейся у него системы ценностей.

В качестве основных национально-специфических и общечеловеческих ценностей, к которым

апеллирует автор-аналитик, выступают, как правило, следующие: материальное благополучие и благотворительность как ценности протестантской этики; индивидуализм; равенство возможностей; патриотизм как вера в определенные идеалы, могущество нации; религиозные ценности (бог, церковь, вера). В приведенном ниже примере автор апеллирует к такой ценности, как равенство возможностей для всех граждан страны: *In a world of desperate poverty, it is hard for citizens of the richest nation to argue that the door should be closed, especially since nearly all of us can recall our immigrant roots <...> at the moment we're building bigger homes and driving bigger cars <...> People want to come here for a better life with more opportunities, and who are we to deny them that chance?* (NYT, March 9, 1998).

Следует сказать, что в зависимости от общественно-политических процессов в стране та или иная ценность может проявляться по-разному. Обратимся, например, к ценности «индивидуализм». С начала эпохи становления США как нации данная ценностная характеристика американского общества выражалась в том, что каждый житель действовал как первооткрыватель, осваивая новые территории, основывая на них города, организовывая фермерские хозяйства, с безразличным отношением к окружающей среде, рабочему классу, меньшинствам. Однако с конца 1960-х гг., особенно во время президентских сроков Джонсона и Никсона, был сделан большой шаг в сторону усиления федерального контроля в сфере промышленности, бизнеса, образования. Это способствовало тому, что «экономический индивидуализм» отошел на второй план, уступая место индивидуализму с культурной доминантой *self*. При этом особое внимание стало уделяться защите окружающей среды, меньшинствам, женщинам, рабочему классу в промышленности и сельском хозяйстве [2]. Именно на таком проявлении индивидуализма основана положительная оценка деятельности губернатора Аляски, выраженная с помощью таких языковых средств, как *a balanced, harmonious plan for the use of the land, water, mineral and air resources; administer most of the Nation's conservation laws – water pollution controls* и др. в статье *"Alaska's Go-Getter Faces a Grilling": A half century ago and more, when the Western United States was a frontier region very much like a good deal of Alaska is today, no one bothered much about conservation or thought much about a balanced, harmonious plan for the use of the land, water, mineral and air resources. The drive was all to attract industry and settlers <...> It is only in the last few years, nevertheless, that the pioneering air and water quality acts were passed by Congress, permitting the setting mandatory minimum standards of purity for these precious resources in different parts of the country <...> That is where Hickel comes in. As Secretary of the Interior, he will administer most of the*

Nation's conservation laws – water pollution controls, the Coal Mine Safety Act <...> He will help determine whether virgin wild areas and wildlife ranges and refuges should be opened up to mineral operations (WP, January 12, 1969).

Таким образом, использование манипулятивных технологий позволяет адресанту оказывать речевое воздействие на реципиента в нужном ему направлении в скрытой форме за счет языковой составляющей дискурса СМИ. При этом у аудитории должно сложиться определенное отношение к событию и сформироваться определенные установки, ценностные ориентиры общественного сознания.

Библиографический список

1. Бардина Н.Е. Аксиологические стратегии аргумента AD HOMINEM (на материале английского языка) // Проблемы речевого воздействия и языковой аргументации // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – 2003. – № 2. – С. 13–19.
2. Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт: [пер. с англ.]. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1993. – 624 с.
3. Васильева Л.В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века): дис. ... канд. филол. наук. – Хабаровск, 2010. – 224 с.
4. Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник МГУ. Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 29–54.
5. Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник МГУ. Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 56–75.
6. Добросклонская Т.Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестник МГУ. Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 28–34.
7. Дульянинов А.Г. Мотивация в речевом воздействии (на материале текстов французской рекламы) // Проблемы речевого воздействия и языковой аргументации // Вестник ИГЛУ. – 2003. – № 2. – С. 44–52.
8. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
9. Кобрин О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.
10. Куницына Е.Ю. Оценка и ценности в структуре аргументации // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. – 2005. – № 9. – С. 92–108.
11. Михалева О.Л. Теория коммуникации: специфика манипулятивного воздействия в политическом дискурсе: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 309 с.
12. Орлова Е.В. Манипулятивные тактики в рекламе (на материале рекламы образовательных программ) // Вестник ИГЛУ. – 2007. – № 5. – С. 115–125.
13. Хобракова Л.М. Стратегии речевого воздействия в бизнес-планах компаний США: анализ дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2003. – 17 с.

ДОМ И СЕМЬЯ В «ВОСПОМИНАНИЯХ» А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ: ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМУАРНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена описанию концептосферы книги А.Г. Достоевской «Воспоминания», которую формируют базовые понятия, репрезентирующие идейный смысл мемуарно-биографического текста: память, жизнь, время, семья, дом, творчество. В развитии современного языкознания наибольший интерес для системы лингвистических исследований представляют основные категории когнитивной лингвистики – концепты, структурные единицы человеческого сознания. В числе основных концептов анализируемого в статье текста находится концепт «Дом», важнейший в национальной, языковой и художественной картинах мира многих народов. Экспликация концепта «Дом» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской через языковые средства, связанные семантической общностью и структурными отношениями, позволяет конструировать полевую модель анализируемого мемуарно-биографического текста – семантическое поле «Дом». Структура и семантика поля «Дом» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской отражают особенности духовной жизни и творчества писателя, а также мировоззрение, внутренний мир и специфику языковой личности автора «Воспоминаний». Анализируемое поле включает 3 субполя: субполе «Дом – строение», субполе «Дом – семья», субполе «Дом – хозяйство». Субполе «Дом – строение» характеризуется функционированием однозначных лексико-синтаксических единиц, указывающих на пространственное расположение строения и его культурно-историческое значение. В компонентном составе субполя «Дом – хозяйство» выделяются лексемы с характеризующей функцией, репрезентирующие смысловую наполненность описаний внутреннего убранства дома Достоевских и эмоционального состояния членов семьи. Центром полевой организации концепта «Дом» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской является субполе «Дом – семья», ведь именно структура и семантика субполя «Семья» утверждают социально-нравственные ценности XIX века для социума в целом и для автора анализируемой книги в частности.

Ключевые слова: концептосфера, семантическое поле, компонентный состав, смысловые ряды, языковая личность, субполе, лексико-семантическая группа, мемуарно-биографический текст.

Характерной чертой мирового языкознания на современном этапе является возникновение и активное развитие когнитивной лингвистики – одного из наиболее актуальных междисциплинарных научных направлений, изучающих язык как механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации [7, с. 53]. Наибольший интерес для современных исследований, как показывает анализ, представляют основные категории когнитивной лингвистики – концепты, которые понимаются как структурные единицы человеческого сознания, хранящие совокупность знаний прежде всего о явлениях окружающего мира, сопровождающих человека с глубокой древности и являющихся частью национальной культуры [9, с. 253].

Концептосферу книги «Воспоминаний» А.Г. Достоевской – жены и помощницы писателя – также формируют базовые понятия, которые репрезентируют идейный смысл мемуарно-биографического текста: *память, жизнь, время, семья, дом, творчество*.

Заметим, что в числе основных концептов, функционирующих в тексте «Воспоминаний», находится концепт «Дом», важнейший в национальной, языковой и художественной картинах мира многих народов. Исследователи подчеркивают антропоцентрический аспект данной категории, так как концепт «Дом» представляет собой пространственную константу и одновременно реалию, многосторонне осваиваемую человеком в различные

периоды его бытия и составляющую смысл и цель жизни [8, с. 207].

Экспликация концепта «Дом» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской через языковые средства, связанные семантической общностью и структурными отношениями, позволяет конструировать полевую модель анализируемого мемуарно-биографического текста – семантическое поле «Дом».

Семантическое поле трактуется как «множество слов, объединённых общностью содержания, или, говоря более конкретно, имеющих общую нетривиальную часть в толковании» [5, с. 158]. В.Н. Денисенко даёт следующее определение: «Семантическое поле представляет собой сложную структуру, в которой выделяется ядро – своеобразная «яркая» часть, главная лексема, которая специализируется в виде более сложных по значению доминант (наиболее употребительные, функционально нагруженные слова), возглавляющих классы поля, и периферия, где находятся маргинальные единицы с контекстуально обусловленными значениями» [3, с. 45].

Структура и семантика поля «Дом» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской отражают особенности духовной жизни и творчества писателя, а также мировоззрение, внутренний мир и специфику языковой личности автора «Воспоминаний». Исследование анализируемого семантического поля приближает нас к пониманию того, что дом, семья – одни из самых значимых социально-нравственных ценностей XIX века.

Анализируемое поле «Дом» включает 3 субполя: субполе «Дом – строение», субполе «Дом – семья», субполе «Дом – хозяйство». Под термином *субполе* следует понимать основные нижерасположенные классы, подмножества в иерархической полевой системе, которые представляют собой семантические объединения, члены которого имеют внешнюю и внутреннюю взаимосвязь, пересекаемость друг с другом [3, с. 50].

Субполе «Дом – строение» характеризуется функционированием однозначных лексико-синтаксических единиц: *во втором этаже, 11 комнат, окна выходили, квартира № 13*; и имен собственных, указывающих на пространственное расположение строения и его культурно-историческое значение: *дом Алонкина, перед Лаврою, Шлиссельбургский проспект, в доме моей матери, А.Н. Сниткиной*.

В компонентном составе субполя «Дом – хозяйство» выделяются лексемы с характеризующей функцией: *обставлена довольно скромно, мягкий диван, было очень некрасиво, обстановка была самая заурядная*. Такие оценочные прилагательные использует Анна Григорьевна при описании внутреннего убранства дома Достоевского, давая характеристику именно его хозяйственной части. Рассказывая о внутренней обстановке дома Достоевских, мемуаристка уделяет внимание и характеристике морального состояния писателя среди этого интерьера во время их первого знакомства: «Кабинет Федора Михайловича представлял собою комнату в два окна, в тот солнечный день очень светлую, но в другое время производившую тяжелое впечатление: в ней было сумрачно и безмолвно».

Центром полевой организации концепта «Дом» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской является субполе «Дом – семья», ведь именно структура и семантика субполя «Семья» отражают особенности духовной жизни и творчества писателя, а также мировоззрение, внутренний мир и специфику языковой личности автора «Воспоминаний» – А.Г. Достоевской. К тому же исследование анализируемого центрального семантического поля в толковании понятийного блока «Дом» еще раз утверждает социально-нравственную ценность семьи в XIX веке.

Структура субполя «Дом – семья» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской состоит из двух микрополей («Родительская семья» и «Собственная семья»), которые взаимодействуют по смыслу и образуют зону перехода, что обусловлено временной динамикой перволичного повествования. Анна Григорьевна последовательно описывает свою жизнь, начиная повествование с рассказа о детстве и юности, а затем ярко характеризует семью Достоевских. Компонентный состав микрополя «Родительская семья» представлен в жизнеописании Анны Григорьевны следующими лексико-синтак-

сическими средствами: *старуха-мать (бабушка), отец, мать, брат Ваня, сестра Мария*. Перечисленные компоненты связаны по смыслу степенью родства. Анна Григорьевна также объединяет описываемых людей, обозначая социальный статус своей родительской семьи: «*средний интеллигентный круг*». Такое клишированное выражение было свойственно эпохе XIX столетия. Характеризуя таким образом свою семью, Анна Григорьевна имеет в виду её принадлежность к общественному слою людей «умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры» [4, с. 78]. Мемуаристка использует лексику *средний*, обращая внимание читателей на невысокое социальное положение ее девичьей семьи, имевшей скромный материальный достаток. Эмоциональная составляющая отношений в родительской семье Анны Григорьевны репрезентируется с помощью следующего контекста: «Я вспоминаю мое детство и юность с самым отрадным чувством: отец и мать нас всех очень любили и никогда не наказывали понапрасну. Жизнь в семье была тихая, размеренная, спокойная, без ссор, драм или катастроф...» Лексико-синтаксические единицы отрадное чувство, тихая, размеренная, спокойная имеют исключительно положительную эмоционально-экспрессивную коннотацию и являются доминантами рассматриваемого микрополя, так как выполняют характерологическую функцию микрополя «Собственная семья». Ярким компонентом микрополя является фразеологическая единица *сошлись характерами* (узусальная форма – *не сошлись характерами* «отсутствие лада между супругами, кончающееся обыкновенно тем, что они разъезжаются») [1, с. 64]. В результате преобразования фразеологизм приобретает противоположный смысл, в контексте формируется позитивная оценочность. При помощи данного ядерного конституента Анна Григорьевна стремится подчеркнуть, что члены ее родительской семьи оказались духовно близкими, похожими друг на друга людьми, вот почему их семейная жизнь была счастливой и ладной. К выражению *ладная семья* мемуаристка прибегает, когда вспоминает о гармоничной душевной атмосфере, которая царила в её родительском доме: «Я провела мою немногoletнюю пока жизнь в хорошей, ладной семье, где не было никаких осложнений, никакой борьбы» [2, с. 141]. В толковых словарях русского языка находим следующие дефиниции слова *ладный*: «подходящий, удобный»; «хороший, дельный»; «хорошо сложенный, статный»; «хорошо, добротнo сделанный» [4, с. 254]. В словаре Ожегова приводится такой пример репрезентации значения этой лексики: *В семье у него всё ладно*. Словосочетание *ладная семья* выполняет в тексте книги в основном оценочную функцию, передаёт принадлежность её родительской семье к социо-

культурной общности с важнейшими нравственными принципами.

Обратимся к структуре второго микрополя – «Собственная семья». Оно имеет расширенный компонентный состав по сравнению с составом микрополя «родительская семья». Семья классика, ставшая собственной семьей А.Г. Достоевской, представлена следующими лицами: сестра Верочка, брат Николай Михайлович, сестра Александра Михайловна, племянница Катя, пасынок Павел Алексеевич, невестка Эмилия Федоровна и даже прислуга Феодосья со всеми своими домочадцами была, по словам рассказчицы, «словно родной для Федора Михайловича Достоевского».

Ядром второго микрополя являются ярко выделяющиеся из всех элементов поля и наиболее функционально нагруженные лексемы *тягостно, раздражало, с досадой, всего обиднее*. И если ядерные конститuentы микрополя «Родительская семья» образуют синонимический ряд: *тихая, размеренная, спокойная*, то доминанты микрополя «Собственная семья» в вертикальном контексте расположены в восходящей градуальной последовательности.

Социальный статус семьи Ф.М. Достоевского обозначается мемуаристкой неоднозначно, Анна Григорьевна вводит в повествование образ писателя словами своей сестры Марии Сватковской: «Больной и обремененный семьею и долгами человек!» – такую оценку будущему мужу сестры дает Мария, советуя «не увлекаться Достоевским» [2, с. 90]. В микрополе «Собственная семья» выделяется целая лексико-семантическая группа слов, экспрессивно передающих внутреннее состояние рассказчицы в новой семье. А.Г. Достоевская, действительно, строит свое повествование по нарастающей: если в начале характеристики в речи жены писателя можно заметить негативно окрашенное сочетание *постоянные неприятности*, дающее лишь общее представление о жизни семьи Достоевских, то с ходом развития событийной линии в речи Анны Григорьевны обращаем внимание на контексты, содержащие более конкретные оценки: *постоянные наставления и слегка покровительственный тон Эмилии Федоровны были для меня неприятны; это наступившее «сплошное» гостеприимство, когда я с утра до вечера должна была «угощать» и «занимать», было для меня очень тягостно* [2, с. 136, 135]. Здесь в антонимические отношения вступают представления мемуаристки о той правильной, «патриархальной и гостеприимной семье», в которой воспитывалась Анна Григорьевна, и тягостном её существовании уже среди новых родственников. Высшую степень негативной оценки контекстного состава второго микрополя представляют следующие распространённые с точки зрения компонентного состава лексемы из главы «Домашние враги»: *надоедливо*

присутствие неинтересных для меня лиц, вечное беспокойство, натянуты нервы. Все приведенные лексемы являются контекстными синонимами, а морфологические средства (приставка *не-*, выражающая отрицание, приставка *бес-*, указывающая на отсутствие чего-либо) и аллитерация в сочетании *натянуты нервы* репрезентируют главную мысль героини – невозможность формирования в создавшихся условиях «ладной семьи», о которой она так часто вспоминает. Микрополе «Собственная семья» можно назвать динамически развивающимся. И если в третьей части книги, названной «Первое время семейной жизни», действительно, оценочные языковые единицы консолидируются вокруг доминанты *обида*, то в главе «Избавление», по словам рассказчицы, происходит «поворот в благоприятную сторону». А вскоре в четвертой части, «Пребывание за границей», в индивидуально-авторской речи Анны Григорьевны прослеживаются иная коннотация и эмоциональность. Именно в этой смысловой части микрополя «Собственная семья» появляется личная тема, тема любви, тон которой задает, безусловно, лексика, даже манера супругов называть друг друга. После того, как Анна Григорьевна решает «спасти их любовь» поездкой за границу, на страницах книги появляются бесчисленные обращения, пропитанные исключительной нежностью: *голубчик мой дорогой, Анечка, прелестная, чудная, Анечка, мой дорогой муж*.

Таким образом, семантическое поле «Семья» представлено двумя микрополями, которые связаны одной архисемой «семья». Смысловые ряды, проанализированные нами, с точностью передают степень родства компонентов каждого из микрополей, социальный статус рассматриваемых семей, а также дают эмоциональную характеристику выделенных нами микрополей «Родительская семья» и «Собственная семья». Проанализировав языковые единицы микрополей и смысловые отношения в лексико-семантических группах, можно сделать вывод о том, что первое микрополе представлено в статике, а второе – в смысловой динамике. Микрополя имеют центрально-периферийную организацию и накладываются друг на друга, образуя смысловое пересечение – зону постепенного перехода. Микрополя постепенно развивающегося семантического поля «Семья» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской находятся между собой в антонимических отношениях. Согласно указанной доминантной и периферийной лексике, образующей семантическое поле «Семья», событийную схему развития книги и структуру исследуемого поля можно представить следующим образом: «упование на счастье» – «обида» – «избавление».

Таким образом, рассматривая семантическое поле «Дом», совокупность его субполей в контексте функционирующих лексико-семантических групп, становится возможным определить состав

и структуру концепта «Дом», являющегося основой для интерпретации языковой картины мира и автора мемуарно-биографического текста – Анны Григорьевны Достоевской, и самого писателя.

Библиографический список

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанов Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: 2005. – 926 с.
2. Достоевская А.Г. Воспоминания. – М.: Правда, 1987. – 554 с.
3. Денисенко В.Н. Семантическое поле как функция // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 44–52.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. – М.: АСТ: Астрель: Харвест, 2006. – 1233 с.
5. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманитар. университет, 2001. – 399 с.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: 2000. – 350 с.
7. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН. Серия литературы и языка. – М., 1994. – Т. 53, № 2. – С. 3–15.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
9. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – М.: 1970. – Вып. 5. – С. 250–299.
10. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: 1988. – С. 108–140.
11. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14. – С. 23–60.
12. Шеина И.М. Когнитивно-ономасиологическое исследование производных слов полей вещественности и эмотивности в современном английском языке: автореф. дис ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 24 с.
13. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М., 1974. – 255 с.

Опарина Ольга Игоревна

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
oloparina@rambler.ru**ЕСТЕСТВЕННОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ:
ЗАИМСТВОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА**

Статья посвящена изучению влияния естественнонаучного мировоззрения и понятийного аппарата на мета-язык гуманитарного знания, что является новым с точки зрения языкового инструментария. В качестве объекта рассмотрения выступают концепции двух значимых ученых середины XIX века – Ч. Дарвина и Г. Спенсера. Заимствование / созвучие понятийного аппарата (эволюция, естественный отбор, вариативность) отражает мировоззренческие тенденции, особенности подхода в познании и научном описании окружающего мира. Рекомендации Г. Спенсера обусловлены необходимостью донести смысл до адресата через языковые средства, экономя его ментальные усилия. С точки зрения учёного, источником познания в первую очередь выступают опыт и наблюдения человека, а не знания, приобретаемые в процессе обучения. Человек понимается как биологическое существо. В результате формируются определенные сценарии восприятия, которые следует иметь в виду при представлении материала. Такой способ подачи информации коррелирует с пониманием эволюции. Понятие естественный отбор, исходя из постулата о биологической сущности человека, соответствует положению о неосознанности выбора языковых выражений, структуры высказывания, вокабуляра в разноплановых контекстах. Вариативность понимается как источник разнообразия. Она проявляется в различных конструкциях в рамках одного текста, композиции, в словах разной этимологии, позволяющий адаптировать смысл к конкретным ситуациям.

Ключевые слова: познание, научный дискурс, форма, смысл, метаязык, картина мира, эволюция, естественный отбор, вариативность, знание.

Функциональная стилистика, основанием которой можно считать В.В. Виноградова [1], опираясь на учение о трех функциях языка (сообщения, общения и воздействия), выделила два стиля: научный и художественный. Первоначально исследователи занимались выявлением различий этих типов текстов. Однако дальнейшее изучение показало большое количество иноязычных компонентов в обеих разновидностях, невозможность четкого разграничения таких характеристик, как субъективность / объективность, образность / отсутствие образности. Не вызвала никаких сомнений лишь дифференциация по областям познания: научная сфера и искусство, творчество.

Научный дискурс отражает особенности мышления, логику умозаключений, способы и методику выводов. Основными чертами, характеризующими его, являются строгость, объективность, нормированность, компрессивность, естественность, отход от эмоциональности, образности и уважение к адресату. Вышеприведенные характеристики применимы к текстам современных научных работ. Если обратиться к формированию научного стиля, то его истоки происходят из личностного дискурса. Научные произведения представляли собой разножанровые сочинения, включающие фрагменты, посвященные разнообразной тематике, личным замечаниям и воспоминаниям. Унификация и формализация жанра начались в эпоху Просвещения, подчиняясь идее систематизации и регламентации. В результате этого процесса мы можем говорить о сбалансированности формы и смысла научных текстов в настоящее время.

На развитие научного дискурса влияет целый ряд экстралингвистических факторов. Исследую

общенаучный пласт языка, Н.Б. Гвишиани в качестве таких моментов называет развитие научной мысли конкретной страны, историю формирования национального литературного языка и его состояние в рассматриваемый отрезок времени, личностный аспект, под которым подразумевается социальный и образовательный опыт автора, его интеллектуальный уровень и мастерство владения языком [2]. Наряду с вышеперечисленными компонентами, влияющими на стиль научных произведений, следует назвать и среду, атмосферу, преобладающую в обществе, или *картину мира*, в рамках которой живет общество. Согласно Н.А. Мишанкиной, картина мира – это не «упрощенная схема реальности», а «динамическая модель мира в сознании человека, обусловленная множеством факторов: социальной, культурной, языковой средой индивидуума, а также наследственными психическими структурами» [3].

В связи со всем вышесказанным, интересно обратиться к середине XIX века, когда на волне третьей научной революции начался пересмотр устоявшихся норм научного дискурса, корректировались прагматические цели работ на фоне многочисленных научных, технических открытий и достижений.

Целью данной статьи является сравнение основополагающих понятий теории Ч. Дарвина как научной концепции, изменившей мировоззрение нескольких последующих поколений и ставшей «иной» картиной мироздания для многих, и теории Г. Спенсера, предпринявшего попытку применить ключевой понятийный аппарат теории естествознания к гуманитарным наукам.

Основными понятиями, на базе которых строилась научная концепция Ч. Дарвина, были эво-

люция, естественный отбор и вариативность. Источник получения знаний – личный опыт и наблюдение («*a clear head, a quick imagination, a sensitive ear*») [8, с. 2]. Эволюция, с позиции дарвинизма, подразумевает развитие без влияния внешних факторов; ее движущими силами выступают изменения и процессы, возникшие вследствие необходимости адаптироваться к явлениям и обстоятельствам среды с целью выживания, то есть без вмешательства Создателя. При этом геология и все живое на планете понимаются как компоненты единой системы. Внутри этой системы существует своя иерархия: от уровня неживой природы, проходя стадии живой природы от простейших к более сложным организмам, и, наконец, человек. В русской версии название работы Ч. Дарвина звучит как «Происхождение человека и половой отбор», в английском оригинале – «*The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*». Слово *descent* имеет значение в современном английском языке, помимо *происхождения*, также *спуск, переход*. Если обратиться к этимологическим словарям, то словосочетание «*evolutionary sense*», то есть *происхождение* появилось и стало широко использоваться именно с 1859 года, то есть даты опубликования «Происхождения видов» Ч. Дарвина [6]. Хотя употребление в схожих значениях было зарегистрировано и ранее, однако оно подчеркивало родовую преемственность. Например: «*I would draw his descent from Hector, Achilles (1634) / The descent in the female line was not formally denied (1856)*» [7]. Таким образом, формируется модель, структура которой представляется в виде лестницы, где каждой ступеньке соответствует свой вид. Спуск не подразумевает иерархию, то есть переход от высокого, лучшего к низшему, переход – это развитие во времени, с заимствованием общих черт. Механизмом эволюции становится *естественный отбор*, в результате которого выживают наиболее приспособленные виды. Адаптация идет через генетические мутации, возникает разнообразие видов, что делает природу такой богатой. *Вариативность* (Variety), многообразие и разноплановость – это то, что составляет источник жизни и дает возможность выбора.

Ключевые понятия теории Ч. Дарвина были применены Г. Спенсером в систематизации гуманитарного знания, в частности в психологии, социологии и теории стиля. Остановимся подробно на использовании их относительно выработки рекомендаций по созданию текстов. Подход был основан на идее «от смысла к форме». В свое время Б. Паскаль сформулировал положение, что «мысль меняется в зависимости от слов, которые ее выражают» [4]. Схожий тезис выдвигает и Н.Б. Гвишиани, утверждая, что «каждой ступени научного изучения предмета соответствует определенная ступень метаязыка, поскольку последний разви-

вается по мере того, как развивается и изменяется понятийный аппарат, а также сама техника исследования предмета» [2, с. 51].

Г. Спенсер изложил свои взгляды на язык и методологию подачи материала в эссе «Философия стиля» («*The Philosophy of Style*») [8].

Ключевым моментом познания, по мнению ученого, выступают наблюдательность, чувство стиля, возникающие вследствие начитанности, стремления копировать лучшие образцы текстов. Особое место ученый отводит роли таланта автора. Спенсер оспаривает общепринятое мнение, что умение владеть языком и глубина знаний зависят от образования. Таким образом, техника исследования базируется на субъективном подходе личности ученого, его внутреннем чувстве стиля, когда речь идет о языковой компетентности и пытливости ума, как в случае с механизмом познания. В основе накопления информации лежат наблюдения и эмпирический опыт. Полученные в результате таких процессов факты и их осмысление необходимо представить соответствующим образом, преследуя две цели: облегчить понимание и сделать изложение привлекательным для прочтения.

Следует отметить еще один существенный понятийный аспект теории Спенсера. Человек воспринимается как биологическое существо. Его потребности имеют природную мотивацию. Коммуникативная и смысловосодержащая функции языка аргументируются именно этим положением.

Для обоснования теории стиля Спенсер заимствует понятийный аппарат Ч. Дарвина. В настоящей статье сравнивается работа Г. Спенсера, опубликованная в 1852 году, и положения теории Ч. Дарвина, получившие свое полное объяснение в «Происхождении видов» (1859). Однако элементы эволюционной теории существовали и до Ч. Дарвина у других ученых, и в его ранних сочинениях, в частности в статьях, опубликованных после кругосветного путешествия. «Происхождение видов» стало первой работой, представившей теорию эволюции обоснованно, доказательно и систематизировано, поэтому целесообразно основываться при толковании понятий на ней.

Так, в контексте данной теории идея эволюции заключается в адаптации разнообразных языковых средств к той или иной речевой ситуации, чтобы наиболее полно отразить смысл. Соответственно, предлагается выбор лексики, синтаксической структуры, стилистических и риторических приемов. Например, синтаксическое понятие о *direct* и *indirect method*. *Direct method* – это правильное, с точки зрения грамматики языка, построение предложения, и, в более широком значении, последовательное введение информации. Такой способ изложения не является простым для понимания излагаемой информации, но он удобен и понятен образованному человеку, знакомому с академи-

ческими традициями, которые сформировались в ходе приспособления языка и формирования стиля, дающего недвусмысленное представление о сути вещей, предлагающего привычный для научного сообщества сценарий познания. С другой стороны, *indirect method* (или стиль) естественнее и понятнее для людей без специальной подготовки. Он соответствует естественному использованию языка, распространенному в разговорной речи, что усиливает коммуникативную составляющую и создает атмосферу неформального общения. В качестве примера ученый приводит следующие предложения: 1. «*Whatever it may be in theory, it is clear that in practice the French idea of liberty is — the right of every man to be master of the rest.* (indirect style); 2. «*The French idea of liberty is — the right of every man to be master of the rest; in practice at least, if not in theory.*» (direct style) [8]. Так как в своей теории Г. Спенсер исходит из природы человека и его естественных реакций, то во втором примере, по его мнению, усложняется понимание, теряется сила воздействия текста.

Естественный отбор тесно связан с идеей эволюции. Частично его демонстрирует рассмотренный выше пример. Принцип отбора — неосознанный выбор человеком наиболее подходящих с точки зрения донесения смысла выражений. Так, междометия близки естественной реакции человека на разные события и соответствуют определенным эмоциям, присущим всем людям как биологическим существам. Восклицания *Out with him! Away with him!* гораздо понятнее развернутых предложений; человек реагирует быстрее ввиду концептуальной системы, сформированной на базе врожденных реакций на те или иные раздражители.

Еще одним примером, иллюстрирующим данную теорию, может служить предлагаемый подход к отбору слов. Согласно Г. Спенсеру, изначально ребенок осваивает слова англо-саксонского происхождения. Первоначальные ассоциации и образы связаны именно с ними. Кроме того, они частотны и являются односложными. Короткие слова — экономия времени и усилий человека в постижении смысла, а чем чаще встречается слово, тем более оно знакомо и легче в понимании. Многосложные слова иноязычного происхождения (латинские, французские) изучаются позднее и в дальнейшем психологически рассматриваются как незнакомые / «чужие». Их присутствие в речи или тексте усложняет понимание, так как требуется поиск синонимов из числа привычных слов, что вводит дополнительное звено в процесс восприятия.

И, наконец, *вариативность* (Variety). *Вариативность* трактуется как средство, облегчающее понимание и являющееся необходимым свойством текста. Вариативность проявляется в использовании различных синтаксических структурах в рамках одного сочинения и в присутствии слов разной

этимологии (латинские слова служат сигналами, нарушающими плавное течение повествования, что заставляет взглянуть по-новому на смысл работы). Вариативность затрагивает и произведение в целом. Любое сочинение может быть построено несколькими способами:

1. Перечисление фактов и аргументов идет по нарастанию, то есть от менее важных и значимых к более существенным, то есть восприятие идет от общих знаний к конкретным и подводит к кульминации.

2. Использование сильных по степени воздействия выражений постоянно. В этом случае создается особая, очень напряженная атмосфера, что характерно для публичных речей, в частности Папы Римского. Оратор стремится сделать свою речь выразительнее и эффективнее, она изобилует приемами, оказывающими большое влияние на собеседника, однако они утомляют слушателя, и его внимание ослабевает.

Во избежание этого Г. Спенсер настаивает на необходимости вариативности на разных уровнях: композиция, структура произведения, использование фигур речи, выбор слов и порядок их расположения в предложении, чтобы «*subordinate the component effect to the total effect*» (*подчинить эффект от отдельных частей общей цели всего текста*) [8]. Изменения в произведении работают как переключатель, требуя определенных мыслительных усилий от читателя. Однообразие предопределяет типовую, предсказуемую реакцию человека, в то время как многообразие инициирует его на постоянную работу, активизирует мыслительные процессы, меняет ментальные сценарии, создает эффект соучастия в творчестве и размышлениях.

Продемонстрированные примеры из работ Г. Спенсера показали приложение основных идей и положений естественных наук к систематизации и регламентации гуманитарного знания (эволюция, естественный отбор, вариативность, человек как часть природы), что соответствовало мировоззренческим тенденциям середины XIX века, новой «ступени научного изучения», а также отразилось в метаязыке и методологии гуманитарного знания. Изменения и открытия в науке того времени привели к увеличению объема информации, поэтому возникла необходимость передавать больше сведений за более короткое время. Подобный подход опирался и на прагматические цели: стремление донести знания в корректной форме, их освоение при минимуме усилий со стороны адресата, который воспринимался как биологическое существо. Для реализации этой цели была предложена модель составления текста «от смысла к форме».

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. — М.: Художественная литература, 1961. — 616 с.

2. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения: вопросы методологии. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с.
3. Мишанкина Н.А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psibook.com/linguistics/mentalnoe-prostranstvo-nauchnogo-teksta-metaforicheskie-modeli.html> (дата обращения: 24.10.2014).
4. Современный научный дискурс (рассуждения с пристрастием) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavantag.com/docs/2322/index-691542.html> (дата обращения: 26.12.2014).
5. Darwin Charles R. Works On line. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.literature.org/authors/darwin-charles/> (дата обращения: 22.12.2014).
6. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etymonline.com/index.php.allowed_in_frame=08search=descent@searchmode=none/ (дата обращения: 27.02.2015).
7. The Oxford English Dictionary, Volume III. – Oxford: University Press, 1933.
8. Spencer Herbert. The Philosophy of Style. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/5849/5849-h/5849-h.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

ТЕМПОРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК СПОСОБ НАРУШЕНИЯ ЕГО СТРУКТУРЫ (на материале постмодернистских текстов немецкой литературы)

Статья посвящена проблеме нарушения темпоральной структуры художественного текста в постмодернистском дискурсе и влияния этого нарушения на структурную целостность текста. Художественный текст отражает особый способ видения мира автором и обладает уникальной функцией эстетического воздействия на читателя. Эта функция является главной детерминантой своеобразных проявлений категорий текста и различных нарушений и отклонений от правил. Целями предлагаемой статьи являются обозначение способов нарушения временной организации текста, рассмотрение данных приемов, служащих для реализации определенных авторских интенций, на примере повести немецкого писателя Ульриха Пленцдорфа «Новые страдания юного В.». Игра писателей со временем, нарушение хронологической последовательности событий, прерывание линейности повествования, возвращение в прошлое и взгляд в будущее – далеко не исчерпывающий список экспрессивных возможностей выражения категории времени, обуславливающих деструктуризацию текста. Намеренное создание автором произведения в стиле нетрадиционного нарратива мобилизует внимание реципиента, позволяет ему окунуться в атмосферу описываемых событий. Многомерность художественного времени, временные смещения, возможность соединения различных временных пластов и другие ахронии помогают автору более объективно изобразить описываемую картину и максимально глубоко раскрыть образ героя. Это, в свою очередь, позволяет нам говорить о нарушении темпоральной организации текста как об определенном стилистическом приеме. В данной статье описываются также отличия временных параметров художественного текста от других типов текста и рассматривается тесная взаимосвязь между категорией времени и одного из ключевых моментов постмодернистского дискурса – интертекстуальности.

Ключевые слова: темпоральная структура, нарушение структурной целостности, стилистический прием, постмодернизм, дискретное повествование, ахрония.

Художественный текст, репрезентирующий особый способ видения мира автором и обладающий уникальным свойством эмоционального воздействия на адресата, продолжает оставаться объектом повышенного внимания исследователей несмотря на неоднозначность и сложность его структуры. Функция эстетического воздействия на читателя является релевантным и дистинктивным признаком произведений художественного стиля, с одной стороны, и одним из факторов, обуславливающих своеобразное преломление языковых средств и отклонение от конвенциональных норм и правил, с другой. Все текстообразующие параметры, организующие текст в соответствии с коммуникативными намерениями автора, направлены на достижение эффекта воздействия как на интеллектуальную, так и на эмоциональную сферу реципиента в рамках идейно-художественного замысла. Поэтому, на наш взгляд, эстетическую функцию можно рассматривать в качестве основной детерминанты корреляции между многообразной вариативностью художественного текста и авторской интенцией, которая, в свою очередь, не является инвариантной, а определяется в аспекте историко-культурного контекста времени. Например, эпоха постмодерна, демонстрирующая девальвацию ценностей и ориентиров, характеризуется радикальным отказом писателей от традиционных постулатов и художественных форм, их стремлением к установлению новых начал в искусстве, приоритетом в которых становится хаос

и неупорядоченность. Для реализации данной задачи они прибегают к синтезу разнообразных стилистических приемов, придавая первостепенное значение не столько содержанию, сколько форме произведения. Нивелируя дистанцию между несовместимыми ранее сферами интеллектуальной деятельности, художники этого периода декларируют эклектичность как один из самых важных типологических признаков постмодернистского дискурса. Особое место в анархичном конгломерате многочисленных приемов и средств занимает намеренное нарушение структурной целостности текста, достигаемое за счет различных модификаций текстообразующих категорий. Одним из способов деструктуризации элементов текста является своеобразная реализация категории темпоральности, одного из базовых текстовых параметров. Свободное обращение писателей со временем, нарушение хронологической последовательности в передаче событий, прерывание линейности повествования, возвращение в прошлое и взгляд в будущее – далеко не исчерпывающий список экспрессивных возможностей выражения данной категории, обуславливающих непреходящую актуальность исследования художественного времени, особенно в свете постмодернистской эстетики.

Время – одна из неразрешимых фундаментальных категорий философии, с древних времен занимающая умы мыслителей и являющаяся до сих пор частым предметом спора, о чем свидетельствует немалое количество различных учений, апорий

с их противоречиями, где оно выступает главной перманентной составляющей. В онтологии данный феномен трактуется как форма существования материи, «выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире» [8, с. 191].

Экстраполируя понятие темпоральности на область лингвистики текста, следует отметить, что временной континуум как конструктивный принцип организации текста является объектом изучения не одного поколения ученых по причине неоднозначности и многогранности способов его выражения, не подчиняющихся простым законам логического мышления, в первую очередь, в художественной литературе. Будучи имманентным свойством текста, время не тождественно моменту протекания произведения, что в результате генерирует антиномию «время произведения – время читателя», которая может разрешаться разнообразными способами в процессе его восприятия. В отличие от других типов текста временные параметры в художественном тексте отличаются также фактором неоднородности, поскольку время способно по воле автора сжиматься, сокращаться, расширяться и растягиваться [7, с. 122]. Особенности моделирования темпоральных отношений определяются также существующим противоречием между хронологической последовательностью действий в произведении и реальным ходом событий, которые в русле миметической функции призваны лишь создавать иллюзию консеквентности, последовательности повествования. Как образ в художественном произведении выражает лишь подобие, типизацию живого прототипа, так, по словам И.Р. Гальперина, и время и пространство представлены в нем лишь в своих типических проявлениях [3, с. 87]. Это обуславливает дихотомию в аспекте исследуемой категории «реальное время – художественное время». Все вышеперечисленные положения позволяют нам констатировать факт системности характера исследуемого текстообразующего параметра, что подтверждается трудами З.Я. Тураевой, Г.А. Золотовой, Н.А. Николиной и Л.Г. Бабенко и др. [2; 5; 7; 9]. Основными свойствами данной системы считаются многомерность, обратимость или разнонаправленность, как непрерывность, так и дискретность в отличие от реального времени, характеризующегося одномерностью, непрерывностью, упорядоченностью и необратимостью.

Обращаясь к художественным текстам писателей-постмодернистов, можно сделать вывод, что категория темпоральности и разнообразные, часто несоответствующие общепринятым правилам и нормам формы ее проявления в произведениях – один из излюбленных и достаточно распространенных способов выражения их идеологии и отображения взглядов и настроений, бытующих в обществе второй половины XX в.

Так, вызвавшая немалый резонанс восточногерманская повесть Ульриха Пленцдорфа «Die neuen Leiden des jungen W.» (1972) демонстрирует пример эмансипации художественного творчества второй половины XX в., проявляющейся в выработке особых приемов повествования, что позволяет автору наиболее точно изобразить психологический портрет главного действующего лица, репрезентирующего черты «героя своего времени» – протестующего нонконформиста в условиях тотального подчинения социальным нормам жизни. Реализация этой эстетической задачи обеспечивается созданием художественного текста в стиле нетрадиционного нарратива, в котором нестандартная временная организация занимает центральное место, а особенности проявления категории времени приводят к нарушению его темпоральной структуры, что в результате отражается на целостности всего текста.

Уже название текста и начало повести погружают читателя в сложную и многомерную систему временных отношений. Упомянутые конститuentы композиции текста, которые И. В. Арнольд [1, с. 54] справедливо относит к сильным позициям в связи с важностью заключенной в них информации, мобилизующей внимание реципиента и позволяющей ему антиципировать описываемые события, превращают текст в полиперспективный нелинейный и неоднородный универсум. Заголовок повести У. Пленцдорфа «Die neuen Leiden des jungen W.» является модификацией заголовка романа И. Гете «Die Leiden des jungen Werthers». Намеренное использование писателем аллюзии – одного из способов языковой реализации категории интертекстуальности – в заглавии, играющем существенную роль в содержательной структуре текста, передавая «в концентрированной форме основную его тему и идею» [4, с. 43], «еще в большей степени подчеркивает интенцию автора выйти на уровень интертекстуального диалога» [6, с. 76] с читателем. «При этом цитируемый текст выступает в качестве интерпретирующей системы по отношению к тому, в заглавии которого он цитируется» [6, с. 76]. Таким образом, уже на уровне названия повести референция к проблематике и сюжетной линии написанного ранее романа позволяет нам сделать вывод о тесной взаимосвязи категории темпоральности и одного из ключевых моментов постмодернистской парадигмы, приводящего к нарушению структуры произведения – интертекстуальности. Примером сказанному может служить отрывок записи магнитофонной пленки (о ней читатель узнает из текста произведения), на которой Эдгар описывает другу свою любовь к девушке, заимствуя текст из «Страданий юного Вертера» Гете:

Пример 1. «kurz und gut / wilhelm / ich habe eine bekenntnis gemacht / die mein herz näher angeht – einen engel – und doch bin ich nicht imstande /

dir zu sagen / wie sie vollkommen ist / warum sie vollkommen ist / genug / sie hat allen meinen sinn gefangengenommen – ende» [10, S. 17].

Данный отрывок с интертекстуальным включением объединяет кардинально отличающиеся временные пласты: XVIII в. – время написания знаменитого романа Гете – и XX в. – время повествования. Сюжетно и эмоционально эти пласты не только пересекаются, но и дополняют друг друга. В языковом плане текст XVIII в. сокращается, трансформируется в своей графической форме, приобретая иные, нежели роман эпохи «Бури и натиска», черты: купюры делают его более напряженным, отказ от заглавных букв, запятых и точек напоминает телеграфный стиль. Читатель превращается в свидетеля двух эпох, темпоральность теряет свою определенность.

Нарушение темпоральной и, как следствие, структурной целостности текста обеспечивается в этом случае также за счет различной формы повествования, а именно благодаря использованию разнотипных источников-носителей информации. В приведенном *примере 1* речь идет о магнитофонной записи, которая позволяет соединить временную плоскость прошедшего с пластом настоящего.

Тема деструктуризации текста и сопряженный с ней вопрос взаимозависимости временного континуума и текстового диалогизма получают свое дальнейшее развитие в начале повести, которое изобилует иностилевыми включениями:

Пример 2. «Notiz in der Berliner Zeitung» vom 26. Dezember“:

Am Abend des 24. Dezember wurde der Jugendliche Edgar W. in einer Wohnlaube der Kolonie Paradies II im Stadtbezirk Lichtenberg schwer verletzt aufgefunden. Wie die Ermittlungen der Volkspolizei ergaben, war Edgar W., der sich seit längerer Zeit unangemeldet in der auf Abriss stehenden Laube aufhielt, bei Basteleien unsachgemäß mit elektrischem Strom umgegangen» [10, S. 7].

Вкрапленные в текст заметки из разных газет, информирующие читателя о главном герое повести Эдгаре Вибо, погибшем от поражения электрическим током, обуславливают стилевую гетерогенность произведения и дискретность нарратива, сопровождающегося его нелинейностью и нарушением временных отношений анализируемого текста, так как повествование постоянно прерывается комментариями протагониста как бы «с того света»:

Пример 3. «...Solange ich ihn hier hatte, hat er nichts mit Mädchen gehabt. Aber es war doch kein Fall für die Polizei!

Stop mal, stop! – Das ist natürlich Humbug. Ich hatte ganz schön was mit Mädchen. Zum erstenmal mit vierzehn. Jetzt kann ich's sagen...» [10, S. 10].

Находясь на том свете, Эдгар Вибо прерывает диалог своих родителей, возмущаясь репликой ма-

тери, которая выражает твердую уверенность в отсутствии всяческих отношений ее сына с противоположным полом. Иными словами, происходит некое смещение, переключение темпоральных регистров. Для текста, созданного в ГДР в традициях социалистического реализма 1970-х гг., изображение голоса из небытия представляется явлением нетрадиционным, нарушающим общепринятую картину мира. Данного рода комментарии главного героя могут как совпадать с актуальным временем повествования (*пример 3*), будучи включенными в разговор реально беседующих персонажей, так и не совпадать, что можно наблюдать в рассказе истории любви Э. Вибо, вспоминающего важные моменты, проведенные с прекрасной Чарли:

Пример 4. «Drei Sekunden später waren wir auf dem Wasser. Ich meine: Es dauerte sicher eine Stunde oder so. Es ging mir bloß zum zweitenmal mit Charlie so, dass ich einfach nicht wußte, wie ich wohin gekommen war. Wie im Film war das. Zack – und Mann war da. Ich hatte damals bloß keine Zeit, das zu analysieren...» [10, S. 130].

Подобными воспоминаниями о прошлом пронизана вся повесть. Следует отметить, что в отличие от динамичного описания обыденной жизни главного героя, определяющегося преобладанием кратких и эллиптических предложений, история любви протагониста характеризуется замедленным течением времени, как в *примере 4*. Рассказчик в лице Эдгара на нескольких страницах подробно описывает сцену в лодке. Этот литературно-художественный прием именуется ретардацией и обозначает процесс замедления автором времени, реализующийся в данном случае в использовании лексических единиц с темпоральной семантикой, что обусловлено намерением автора более точно передать переживания героя, важность и значимость события в его жизни.

К особенностям темпоральной архитектуры произведения, отражающихся на его композиционной структуре, следует также отнести нарушение хронологической последовательности основных его частей. Например, после иностилевых включений в виде выдержек из газет в начале текста, фиксирующих декабрь в качестве отправной временной точки повествования (26. Dezember), автор помещает диалог матери и отца Эдгара, состоявшийся уже после смерти главного персонажа в конце сентября:

Пример 5. «„Wann hast du ihn zuletzt gesehen?“ „Im September. Ende September. Am Abend bevor er wegging“...» [10, S. 9].

Отец, бросивший Эдгара в раннем возрасте, пытается выяснить причины его смерти, встречаясь с разными людьми из окружения сына, что и составляет основу сюжета повести, развитие событий которой автор описывает как бы с конца. Композиция и стиль произведения, нарушающие временную

последовательность, усиливают сюжетное напряжение, предоставляют возможность максимально сосредоточить внимание реципиента на судьбе героя. Эта хронологическая перестановка событий обусловлена также наличием в тексте нескольких рассказчиков, что и влечет за собой переключение темпоральных регистров. Временные смещения детерминируют обратимость и разнонаправленность художественного времени в тексте, а множественность временных пластов в его структуре позволяет осветить описываемую ситуацию более объективно и глубоко.

О вышеупомянутом топологическом признаке категории темпоральности в рамках анализируемого произведения свидетельствует также одно из существенных временных нарушений, или так называемых ахроний, – ретроспекция, выражающаяся, в первую очередь, на грамматическом уровне, с помощью видо-временных форм глагола:

Пример 6. «...Als du weg warst, kam ich jedenfalls noch in eine ganz verrückte Stimmung. Erst wollte ich pennen gehen, ganz automatisch. Meine Zeit war ran. Dann fing ich erst an zu begreifen, dass ich ab jetzt machen konnte, wozu ich Lust hatte... » [10, S. 29].

Обобщая иллюстративный материал повести «Новые страдания юного В.», можно утверждать, что одним из главных организующих элементов поля темпоральных импликаций в повести У. Пленцдорфа, определяющим ее структурную целостность, является многомерность художественного времени, которая обуславливает временные смещения, изображение событий в разных временных плоскостях, а также наличие множества персонажных повествовательных перспектив, связанных с различными временными отрезками в структуре текста.

Анализ текста, характеризующегося сложной и динамической временной организацией, позволяет сделать вывод, что игра писателя со временем, асинхронность, взаимодействие различных временных планов, сюжетный параллелизм с романом И. Гете, временная реверсивность (обратимость), дискретность нарратива и другие экспрессивные конструкции, использующиеся с целью

максимально глубоко и всесторонне раскрыть образ героя, нарушают темпоральную когерентность текста и, как следствие, его целостность, оставляя при этом без изменений его глубинную, внутреннюю структуру, подчеркивая тем самым уникальность и самобытность произведения, представляющего яркий образец постмодернистской эстетики с ее дизъюнктивностью, констатирующей факт вытеснения нормативных представлений и догм об организации художественного текста и появления новых канонов в технике написания художественного нарратива.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 384 с.
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
4. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста / А.И. Домашнев, И.П. Шишкина, Е.А. Гончарова. – Л.: Просвещение, 1986. – 194 с.
5. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, П.К. Ониненко, М.Ю. Сидорова. – М.: МГУ, 1998. – 528 с.
6. Мальченко А.А. «Чужое слово» в заглавии художественного текста // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 76–82.
7. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
8. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – 3-е изд., испр. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с. – (Мир энциклопедий).
9. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. – М.: Высш. шк., 1979. – 219 с.
10. Plenzdorf, Ulrich. Die neuen Leiden des jungen W. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1976. – 148 S.

Шаповал Виктор Васильевич
кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
iloro1@yandex.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВ СО ЗНАКОМ ВОПРОСА В ОФЕНСКИХ СПИСКАХ В.И. ДАЛЯ: ФОНЕТИЧЕСКИЕ И НЕФОНЕТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ЗАПИСИ

Анализ слов со знаком «?» в офенских списках, собранных В.И. Далем, интересен по ряду параметров: один из них – фонетические и нефонетические причины, приведшие к ошибкам в записи. Вопросительный знак – многозначный символ, но он всегда сигнализирует о каких-то колебаниях лексикографа. В офенско-русском словаре (из 3850 единиц, по нашим подсчетам) 133 слова даны с «?» перед ним. В русско-офенском словаре (ок. 5000 единиц) не менее 130-140 слов со знаком «?» после слова. Кроме того, встречаются и знаки сомнения публикатора. В 1-м словаре – 34 раз при словах с «?» и 5 раз при толкованиях. Во 2-м словаре – по-разному исправлено 48 слов, а без знака «?» еще 3 раза. Иногда ошибки записи вызваны фонетическими причинами, хотя чаще это опечатки: 1. Пропуски букв и другие опечатки. 2. Ошибки прочтения. 2.1. Смещение отдельных букв. 2.2. Смещение отдельных букв и групп букв с перераспределением элементов между ними. 2.3. Перестановки отдельных букв и групп букв, не подтверждаемые фонетически. Вопросы, поставленные Далем или его помощниками, в ряде случаев могут быть сняты при опоре на более солидный фактический материал, накопившийся за последующие полтора столетия.

Ключевые слова: слово со знаком вопроса, офенский язык, списки В.И. Даля, ошибки в записи.

Автор этих строк уже писал о главных словах со знаком вопроса у В.И. Даля [10]. Слова со знаком вопроса в офенских списках В.И. Даля обратили на себя внимание и их публикатора В.Д. Бондалетова [1, с. 65]. Весьма ограниченно этот материал перешел и в «Толковый словарь живого великорусского языка»: «В тех случаях, когда у В.И. Даля не было полной уверенности в принадлежности слова арготической речи, он ставил при таких словах “помету” предположения, например: *гоглиха* – костром. (офенское?) “полушка” [4, т. I, с. 808]. <...> Что касается слова *гоглиха*, то в нашей картотеке его нет. По-видимому, перед нами испорченное (при переписке) слово – из арготизма *ломиха* “полтина» [1, с. 205–206]. То же слово, добавим, представлено и ином виде: «Гохл́аха – *полушка*», «Полушка – Гохл́аха (вл)» [1, с. 256, 407; 3, с. 26–27], ср. в Нерехте «*гохл́иха*, полушка» [8, с. 479].

Ниже будут показаны некоторые направления выборочной верификации сомнительных записей и описаний этих слов. Самое трудное при интерпретации смысла вопросительного знака – понять, что именно скрывается за ним и в итоге уточнить рамки многозначности символа, сигнализирующего о колебаниях лексикографа. В самом общем виде публикатор В.Д. Бондалетов описал эти рамки как указание на наличие «расхождений в акцентологическом, фонетическом (фонемном) облике арготизмов, их орфографии и графике, в словообразовании и грамматическом оформлении лексикографируемой лексики» [1, с. 99].

Решение этого вопроса, возможное далеко не всегда, может приблизить нас к лучшему пониманию причин невключения заметной части офенского материала в алфавит двух изданий «Толкового словаря» и отсутствия офенских словариков в приложении [1, с. 12, 5]. В общем виде эти при-

чины охарактеризованы В.Д. Бондалетовым [1, с. 99].

Эти знаки «?», разумеется, неудобны. Они захламляют материал, заставляют при работе с ним держать в памяти расплывчатые и громоздкие полуответы, но попытки принудительно снять вопрос, не обладая достаточными данными, во всех отношениях еще хуже, как и любая другая иллюзия определенности.

Ситуация с маркированными знаком «?» словами в двух источниках характеризуется следующими количественными параметрами. В офенско-русском словаре [1, с. 240–350] (включающем около 3850 единиц, по нашим подсчетам) насчитывается 133 единицы, имеющие знак «?» перед словом. Таким образом, почти каждое тридцатое слово вызвало вопросы. В русско-офенском словаре [1, с. 351–439] (около 5000 единиц) насчитывается не менее 130–140 позиций, имеющих знак «(?)» после офенского слова. (В публикации не всегда можно разграничить знаки вопроса по их авторству, но, по всей вероятности, это старый слой читательских знаков, видимо, принадлежащих также или даже в первую очередь В.И. Далю.)

Кроме того, встречаются различные знаки сомнения и комментарии публикатора, который поясняет: «вводимый нами знак вопроса, подчеркнутый снизу, означает нашу неуверенность в прочтении слова» [1, с. 69]. В первом словаре краткий комментарий публикатора с инициалами (В.Б.) инкорпорируется в написание слова 21 раз (из них 6 раз при исправлении чтения слова с «?») и 5 раз при толковании. Кроме того, подчеркнутые уточнения без инициалов публикатора представлены с «?» еще 10 раз, а без подчеркивания еще 3 раза. Различия в оформлении знаков сомнения вызваны, видимо, стремлением к максимальной краткости этих дополнений.

Во втором словаре краткий комментарий публикатора с инициалами (В.Б.) представлен непосредственно в или же при написании офенского слова 9 раз (еще 9 раз без инициалов в [квадратных скобках]). Кроме того, подчеркнутые (явно) публикаторские уточнения прочтения рукописи представлены с «?» еще 30 раз, а без знака вопроса – еще 3 раза. В ряде случаев нами дополнительно рассматриваются и сходные случаи неопределенности описания слов, не помеченных знаком вопроса ни Далем, ни публикатором.

Таким образом, тексты рукописи и ее публикации являются не монологическими, а полифоническими, многослойными: насыщенными следами колебаний, раздумий и полемики. Надо сказать, что такой формат представления материала информативнее, чем чистая рукопись. При обращении к последней мы возвращаемся на стартовые позиции, а в публикации имеем опору на решения предшественников. То, что этот опыт не всегда приводит к единственному прочтению или трактовке, не должно обескураживать. Ни Даль, ни его последователи так и не смогли снять все эти вопросы. Наши шансы тоже невелики, поскольку каждое слово с «?» может претендовать на отдельное текстологическое эссе.

На фоне этих интерпретационных проблем стоит лишь упомянуть о незначительных различиях в оформлении помет в двух словарях: «(гал.<ичское>)» и «(гал.)», «(вл.<адимирское>)» и «(вл.)» и проч.

Представим результаты частичной интерпретации смысла этих вопросов с кратким обоснованием:

А. Фонетические варианты. Некоторые различия в написании отражают, вероятно, реальные фонетические различия:

[á] – [ǰ]: «? Онся́га – *десять тысяч рублей*» [1, с. 297], «? Онсе́га – *десять рублей*» [Б, с. 297]. «Кулуть, кулять – *велѣть*» [1, с. 277] = (знак «=» после закрывающей квадратной скобки дополнительно указывает на то, что написание не изменилось и во втором издании; раскодировка «ять», визуально совпадающая иногда в публикации с у, подчеркивается). Думается, все-таки правдоподобнее чтение: *кулѣть и *кулять (последнее может оказаться южнорусской формой со значением 'они велят', где стандартная для офенского замена начального слога приставкой ку-). Новое в русско-офенском словаре Даля (1855): «Пшеница – кундѣт(?)ница», «Кундѣтница (вл.)» [1, с. 70, 414], правильно скорее с ш: «Кундѣшникъ (вл.) – *каланишникъ*» [1, с. 278].

[о] – Ø: «? Колтѡвка – *баба*» [1, с. 274], ср.: *колотовка* и *колтовка* 'злая сварливая женщина' и др. [9, вып. 14, с. 183, 195].

[ч'] – [ш']: «Щунѣться – *молиться*» [1, с. 348], «Чунѣться – *кланяться, благодарить*» [1, с. 340].

Б. Различные феномены в письменной форме представления источника связаны с тем, что про-

чтение рукописной фиксации малознакомого слова часто вызывает трудности и приводит к ошибочной идентификации как отдельных букв, так и их групп. Эти случаи заметно многочисленнее рассмотренных выше фонетических вариантов.

1. Пропуски букв и другие опечатки диагностируются спорадически, но для такого уникального материала говорить о полном их выявлении было бы крайне самонадеянно. Судя по знакам вопроса, пропуски букв предполагались в ряде случаев В.И. Далем и, позднее, В.Д. Бондалетовым: р: «Стемá?, стрѣма – *три*» [1, с. 326], правдоподобнее: *стрѣмá; с: «? Кіюсы, ксі(?)осы – *волосы*» [1, с. 273] (в середине слова вопрос публикатора), ср. в условном языке Галича *аксиос*, у пензенских шерстобитов *ксиос* 'волос' [8, с. 440, 531] и проч.; т: «? Сефря – *печь*» [1, с. 321], ср.: *стенура*, *стеф-ра* 'печь' [1, с. 326]; х: «? Петурѡмъ – *пѣшкомъ*», «Пѣхтура – *пѣхота*» [1, с. 304, 305]. Также жгонское «Пухѡмъ – *пешком*. 1961 Пѣхтуром. 1963 –» [1, с. 128], правильно с корнем *пех-*, как во 2-м изд.: *пѣхѡмъ* [2, с. 128].

Такие пропуски можно заметить и в некоторых словах без знаков вопроса (без возможности дифференцировать особенности рукописи и публикации): з: «Лауиться – *браниться*» [1, с. 280] =, *лаузиться (между *ласый* и *лаузиться*). Ср.: «Бранить – Лавázить, Лау́зить (вл.) | Браниться – Лавázиться (вл.)» [1, с. 354]; к: «Шавлѣ<к>ій – *далекій*» [1, с. 340] =, шав- + (да)лѣкій; о: «Врлышь – *пѣтухъ*» [1, с. 251], *ворлышь (между *ворлышенокъ* и *ворыханка*).

Пропуск нескольких букв или части слова встречается, например, в составе толкования: в речи мазуриков (маз.): «Карманъ (маз.) – *квартил*» [1, с. 159], правдоподобнее: Карман – «квартильный надзиратель», «квартильный» [1, с. 152, 9], хотя возможна и метонимия. «? Нахерѣжникъ – *перстень*» [1, с. 291], вопрос поставлен при слове, но сомнение должно вызывать не его написание, а следующее, вероятно усеченное, толкование: «Кѡль ... Нахѣрежникъ (вл.)» [1, с. 380], – возникшее на месте слова *нахирежник* 'кольцо', ср.: «Нахирѣйникъ, нахирѣжникъ – *перстень*» [1, с. 291], от «Херьга – *рука*», «Хирка ... – *рука*» [1, с. 336, 337], известный грецизм в офенском.

Пропуск пробела приводит к неправильному словоделению: «Сламудать (маз.) – откупаться», «Сламудать (маз.)» [1, с. 161, 165, 169, 324, 397], похоже на выражение *сламу дать* 'откупиться'.

Сложнее опознать нарушение границ между толкуемым и толкованием. Так, в речи мазуриков: «Шатрѡва (маз.) – мельница, часть» [1, с. 162]. Трудно отрешиться от чувства, что слово «мельница» должно быть перед тире: *шатрова мельница* = полицейская часть.

2. Ошибки прочтения. Как указывает публикатор, словари представлены в писарских копиях,

«не везде четких и разборчивых» [1, с. 238]. Судя по рукописи жгонского словаря, использованного в оформлении обложки и представленного в публикации [1, с. 116–117], качество писарского почерка – профессиональное, но проблема заключается в том, что эта копия своей безупречной каллиграфией равнодушно маскирует весьма вероятные ошибки прочтения недоступного нам протографа.

Объяснение условных знаков, используемых ниже: примеры нейтрализации букв выстроены по алфавиту, при этом более вероятное, с нашей точки зрения, чтение выделено полужирным: **а** – и.

2.1. Смещение отдельных букв:

а – и: «? Гримыхлето – *решето*» [1, с. 257], видимо, правдоподобнее: *гр[а]мышлѣто, ср.: «Громышлѣто (?)» [1, с. 418];

«? Ловікъ – *лошадь*» [1, с. 281], в условных языках лучше документировано слово *ловак*: «**ловак**, лошадь» [8, с. 552].

а – и: «? Щага – *щи*», но: «Щи ... Щаги (?)» [1, с. 348, 437], скорее мн. *цаги*, как и *щи*. Наличие уменьшительных *щец* позволяет приписать восстанавливаемым по догадке *цагам* «увеличительность»; см. ниже *Карить*.

в – к: см. ниже *сакрамо* (2.2).

в – б: «? Вѣрь(ѣв? – В.Б.)асъ – *морковь*», «Вѣрвасъ (вл)» [1, с. 254, 385], *вырвасъ или, в примечании публикатора в скобках, *выръвасъ.

г – с: «Вильсѣ (гѣ? – В.Б.) – *сопли*» [1, с. 249], не исключено, что буквальное значение офенизма *вильгá* – ‘влага?’, по морфемной структуре близко украинскому *вільга* ‘вогкість, волога / влажность’ [5, с. 399], ср. также белорусское *вільгаць* ‘макрата / влажность’, *вільгота* ‘адліга / оттепель’ [11, с. 139–140], польское *wilgotny* ‘влажный’ и проч.

г – ч: «? Обыч(г?)аться – *одѣваться*» [1, с. 296], ср.: «Одѣваться – Обыгаться (вл)» [1, с. 394], владимирское [9, вып. 2, с. 282];

д – л: «? Перепудщикъ (так. – В.Б.) – *перекупщикъ*» [1, с. 303], вероятно: *перепул(ь)щик, поскольку: «Продавать ... Пропулять (вл)» [1, с. 412] и др.

е/с – б: «? Фере(? – В.Б.)ка – *перо*», «Перо ... Фѣрска (?)» [1, с. 334, 401], может быть, *фѣрьска?

ю – ю: см. ниже *Галютѣ*.

к – н: офенское (1822 г.) «Блин – *филян* (должно быть: *филак*. – В.Б.)» [1, с. 16]; у мазуриков (по Далю): «*канна* – кабан (не кабак ли? – В.Б.)» [1, с. 25]; «? Карить – *носить*», «Нарать (?)» [1, с. 271, 391], суздальское «**нарить**, носить» [8, с. 573].

к – х: «? Шиктора – дѣвушка, красавица», «Шихтора (?)» [1, с. 342, 370]

л – м: см. *Бурміоха*.

м – т: «? Галютѣ – *дальше*» [1, с. 255, 365], «? Погалютѣ – *побольше*» [1, с. 306], ср. «Гáльмо (гал.) – *много*» [1, с. 255], правдоподобнее, видимо: *галѣмѣ / *галіомѣ ‘больше’, ср. в ряде условных языков «**галѣмый**, большой», «**галѣмый**,

большой» и проч. [8, с. 473, 474]. Однако и вариант с *т* повторяется неоднократно.

м – ш: пропущенное в русско-офенском словаре Даля (1855): «Рышѣха (кал<ужское>) – изба – Рышеха (гал<ичское>) – это слово образовано от *рымъ* – дом и должно звучать *Рымѣха*, но буква **м** рукописная при переписывании этих непонятных слов была принята за букву **ш**)» [1, с. 77]. Образцовое обоснование конъектуры.

п – т: жгонское «Лупухá – *векиша*. 1961 – 1963 –» [1, с. 123] =, «Лепухá (должно быть: летухá. – В.Б.) – *векша* (белка)» [1, с. 115], ср.: «Вѣкша – Летухá (ш<ерстобиты>)» [1, с. 362], или *литуха, ср.: «Летяга (гал.) – бѣлка» [1, с. 281];

«? Препа – *борода*» [1, с. 311], ср. *тrepá* ‘борода’ [1, с. 330] и др.

т – ш: «? Жірмаť – *двѣнадцать рублей*», «маз» [1, с. 263, 366], ср.: тверское (в условных языках) «**жирмас**, двадцать» [8, с. 495], от тюркского числительного, ср. тат. *егерме* [йегерме] ‘двадцать’.

Также без знаков вопроса (в рукописи и публикации):

а – и: новое в русско-офенском словаре Даля (1855): «Брань – *лавазня* (вл)», «Брань – *Лавáзка* (вл), *Лавáзня* (вл), *Лау́зка* (вл)» [1, с. 69, 354], возможно, правильное *лавизня и *лавизка, ср.: «суздальское» (офенское) *ла́виска* ‘(185) брань’ [6, т. II, с. 173], во 2-м издании с опечаткой *ла́виска* [7, т. III, с. 3] (то есть ‘ругань’, а не чуждое офенскому понятие ‘битва’), от *лавізить*, -ся, *лаузить*, -ся ‘бранить, -ся’ [1, с. 279]; см. ниже *Визжбнь*; «Тáбось (гал.) – *воръ*» [1, с. 329]; правдоподобнее: *тибос, ср. там же: «Тіба, тібась (гал.) – *воръ*» [1, с. 329]; «Щавіть – *давать*» [1, с. 349], правдоподобнее: «Давить – Щавіть (вл)» [1, с. 365], ща- + (да)вить.

а – п: галичское «Саидонъ – *пирог*» [1, с. 45] (клавиатурная ошибка, «А» и «П» стоят рядом), ср. также: «Снидóнь – *пирогъ*» [1, с. 325], там же и *спидонъ* в том же значении.

б – г: новое в русско-офенском словаре Даля (1855): «Пять рублей – *гежóкъ* (маз)» [1, с. 70], в речи мазуриков «*пять рублей – Гежóкъ*» [1, с. 170], как и более правдоподобное: «Бежóкъ (маз.) – *пять рублей*» [1, с. 158, 169], от тюркского числительного (например, татарское *биш* ‘пять’); «Ты – *госва* (вл)», «Госвá (вл)» [1, с. 70, 429], но: «Босвá – *ты*» [1, с. 245].

б – ó: «Визжбнь – *кнутъ*» [1, с. 249] (ошибка распознавания сканера), правильно: *визжбнь; во 2-м изд.: «Визжбнь – *кнутъ*» [2, с. 249], от *визжсать*. Ср. *вазман* с исправлением публикатора: «Кнутъ – Вазмáнь (Визжáнь <sic! – В.Ш.>) (вл)» [1, с. 379]. Последнее (Визжáнь) позволяет заподозрить и раскодировку английского *a* с акутом (á = б).

б – с: «Скóбать – *сбить*» [1, с. 323] =, ср. далее: «Скóсать сумáрь – *смолотить*» [там же], а также: «Сбить – Скóсать (вл)» [1, с. 419].

б – с: «Украсть ... Срúсить (маз.)» [1, с. 430], правильно: *срубить* ‘то же’ [1, с. 161, 166, 325].

г – ч: «Атгурить – *отрѣзати*» [1, с. 241], «Отчурить (вл)» [1, с. 297].

е – с: «Ширетать – *хвастать*» (правдоподобнее *шир- + (хва)стать), ср. далее: «Шистать – *хвастать, врать*» [1, с. 344]; «Ширетикъ – *пальчикъ*» (правдоподобнее *ши- + (пе)рстик); «Ширеть – *палецъ*» (*ши- + (пе)рсть) [1, с. 344].

ж – м: см. выше Визжѣнь.

ж – т: «Железы (гал.) – *вѣсы*», «Телесы ... Тѣрезы (гал.) – *вѣсы*», «Желѣзы (гал.) ... Торѣзы (гал.)» [1, с. 263, 329, 362], укр. *терези* 'весы'.

з – ч: новое в русско-офенском словаре Даля (1855): у мазуриков «Фрачникъ – барзукъ (маз)» [1, с. 70, 432] – сомнительно, правдоподобнее *барчук: Барчук – «господин во фраке» [1, с. 152, 158, 166, 242], возможна (в порядке народной этимологии) смена внутренней формы на основе паронимического сходства: «*фрачникъ* – Барсукъ (маз.)» [1, с. 166, 242], «Борсукъ (маз)» [1, с. 432].

к – п: офенское «Архьерей – протопас (вл)» [1, с. 66], точнее, видимо: «Протокасъ» [1, с. 66], ср.: «Попъ – ... Касъ (вл)» [1, с. 408], «Архьерей – протокасъ» [1, с. 351].

м – н: галичское (1820 и 1854) «Бурміоха – шуба» [1, с. 45], «Бурлѣха – *шуба*» [1, с. 45, 246], «Бурлиха – *шуба*», «Бурмина – *шуба*», «Бурмиха – *шуба*» [1, с. 246, 437].

н – п: «Снидонъ – *пирогъ*» [1, с. 325], там же *спидонъ* 'то же'.

х – ъ: матрайское (1847) «Ворлыханх» [1, с. 60]; правильно с -ъ, как во 2-м изд.: «Ворлыханъ» [2, с. 60], офенское «Ворлыханъ – *пѣтухъ*» [1, с. 251] (не исключена клавиатурная ошибка, «Х» и «Ъ» стоят рядом).

2.2. Смешение отдельных букв и групп букв с переразложением элементов между ними:

ги – ш: «Без(г?)ирѣднѣй – *безроднѣй*» [1, с. 243]=, скорее *без-ш-роднѣй, с приставкой *ш-*, ср. ниже: *швѣра* 'вера' и др.

ол – а: «? Спанары – *полмѣры*» [1, с. 325], *с пол нары?

ег – к: «? Щегло – *стекло*», Щегло [1, с. 348, 424], скорее *шкло, ср. укр. *шклó* 'стекло'?

Также без знаков вопроса (в рукописи и публикации):

аш – енк: «Хазулаша – *изба*» [1, с. 336], вероятно, правдоподобнее: *хазулѣнка (или *хазулѣнка) по типу *избѣнка*, ср. *хазъ* 'дом' [там же].

(а – са, лю – мо, г – т: офенское «сало (амота)» [1, с. 34] «Сало ... Салюга (гал)» [1, с. 419, 319]=.

ве – ы: «Зындѣха – *штофъ, склянка*» [1, с. 268] (между *збрун* и *звендяльница*), правильно: «Звендѣха (вл)» [1, с. 437];

«Колѣй – *овесь*» [1, с. 274] (между *колба* и *колесо*), правильно: «Колвей (вл)» [1, с. 394].

ги – т: «Десять рублей ... Снетръ (маз)» [1, с. 367]= (с дополнительным неразличением еров), хотя без знака вопроса, но скорее – *снегирь, ср.: «?

Снѣгирь (маз.) – десять рублей», под вероятным влиянием соседнего: «Снѣтрить – смѣнить» [1, с. 325].

іо – ю: «Іохтатъ, іохтитъ – *братъ*» [1, с. 271], лучше документировано: «Юхтитъ – *взять*» [1, с. 349].

й – съ: «Циглай – *котъ*», но: «Цигласка – *кошка*» [1, с. 338], возможно, правильное *цигласъ.

лі – м: публикатор комментирует статью Ал. Успенского: «К не вполне ясному галичскому *аллиан* – язык дается владимирское *йолман* в том же значении» [1, с. 18]=, ср. также галичское: «Алманъ – языкъ» [1, с. 43]. На месте сомнительного *аллиан* видится ошибочное в старой орфографии *алліанъ*, которое правильно читается *алманъ*.

лю – ызо: новое в русско-офенском словаре Даля (1855): «Шапка – камызоха (не комлюха ли? – В.Б.) (гал)» [1, с. 71].

лю – мо: «Шишлѣха – *штофъ*» [1, с. 344, 437], «Шишмѣха (гал.) – *штофъ*» [1, с. 345, 437], правдоподобнее *шишмоха. Ср. выше Бурміоха.

м – ск: жгонское «Попъ – ... сакрамо (ш)» [1, с. 408]=. «Савраско – *поп, священник*. 1961 – Саврѣн. 1963 Саврѣн» [1, с. 129], грецизм, от *σταυρός* 'крест'?

2.3. Перестановки отдельных букв и групп букв, не подтверждаемые фонетически: «Чудки ... Настурахи (хѣры) (вл)» [1, с. 436]=. «Настухарникъ – *башимакъ, носокъ*» [1, с. 291], от *стухара* 'нога' [1, с. 327].

Также без знаков вопроса: кс – ск: новое в русско-офенском словаре Даля (1855): «Ягоды – воскорницы» [1, с. 71, 438]=, ср. более ясное с точки зрения производности: «Воксарницы – *ягоды*», от: «Вокса – *лѣсъ*», [1, с. 251].

Вопросы, поставленные Далем или его помощниками, в ряде случаев могут быть сняты при опоре на более солидный фактический материал, накопившийся за последующие полтора столетия. Обращает на себя внимание преобладание отмеченных знаком вопроса ошибок прочтения, вызванных визуальным сходством букв.

Библиографический список

1. *Бондалетов В.Д.* В.И. Даль и тайные языки в России. – М.: Флинта, 2004. – 454 с.
2. *Бондалетов В.Д.* В.И. Даль и тайные языки в России. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2004. – 454 с.
3. *Бондалетов В.Д.* Арготизмы в словарях русского языка: учеб. пособие к спецкурсу. – Рязань: РГПИ им. С.А. Есенина, 1987. – 86 с.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1904–1907.
5. *Етимологічний словник української мови.* – Т. 1: А-Г. – Київ: Наукова думка, 1982. – 632 с.
6. *Паллас П.С.* Сравнительные словари всех языков и наречий. – Ч. 1–2. – СПб.: Тип. Шнора, 1787–1789.

7. Паллас П.С. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. – Ч. 1–4. – СПб.: Тип. Брейткопфа, 1790–1791.

8. Приёмшова М.Н. Тайные и условные языки в России XIX в. – Ч. 2. Приложения. – СПб.: Нестор-история, 2009. – 696 с.

9. – Словарь русских народных говоров. – Вып. 2. – М.; Л.: Наука, 1966. – 317 с.; Вып. 14. – Л.:

Наука, 1978. – 376 с.

10. Шаповал В.В. В.И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 1 (17). – С. 158–181.

11. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Т. 2: В – Вяшчэль. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 344 с.

УДК 811.161.1 ; 821.161.1.09"1917/1991"

Астафьева Ольга Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный областной гуманитарный институт

olga.astafeva.71@mail.ru

Колоскова Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный областной гуманитарный институт

koloskova_tak@mail.ru

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ (на материале романа В.Д. Дудинцева «Белые одежды»)

В статье рассматриваются особенности парцелляции сочинительной связи в романе В.Д. Дудинцева «Белые одежды». Парцеллирование главных и второстепенных членов предложения описано по нескольким критериям: по количественному признаку, по способам грамматического выражения, по семантике отношений между базовой частью и парцеллятами, по степени распространённости парцеллированной конструкции. Самым распространённым случаем парцелляции однородных членов в романе является расчленение сочинённых глагольных сказуемых. Семантические отношения между однородными парцеллятами-сказуемыми и базовой частью могут быть следующими: временными, резюмирующими, причинно-следственными. Внутри ряда однородных второстепенных членов были выявлены отношения пояснения, уточнения, включения, а также конкретизирующие и присоединительные отношения. Соединение парцеллированных однородных членов со своим аналогом в базовой части может происходить как с участием союзов, так и без них. Парцеллированные члены могут распространяться словоформами, причастными и деепричастными оборотами, придаточными частями.

Парцеллирование сложносочинённого предложения описано с точки зрения структуры и семантики. В сложносочинённом предложении между базовой частью и парцеллятом могут быть выделены следующие виды отношений: соотносительно-временные, причинно-следственные, противительно-сопоставительные, противительно-ограничительные, присоединительные.

Роман В.Д. Дудинцева «Белые одежды» является ярчайшим примером влияния естественной разговорной речи на речь письменную, отражением действующей в языке тенденции к анализирующему, к расчленённости.

Ключевые слова: парцелляция, парцеллированная конструкция, базовая часть, парцеллят, сочинительная связь, В.Д. Дудинцев, роман «Белые одежды».

Парцелляция – наиболее универсальное средство в адаптационной системе разговорной речи. Её универсализм определяется следующим рядом факторов: 1) почти полное отсутствие ограничений в её реализации; 2) разнообразие коммуникативных и стилистических функций; 3) обладание наиболее ярким признаком разговорного синтаксиса, определяемого его прерывистостью, противопоставленной синтагматичности и развёрнутости книжного синтаксиса.

Парцелляцией в данной работе мы будем считать «...стилистический прием, заключающийся в расчленении единой синтаксической структуры – предложения – на несколько интонационно-смысловых единиц – фраз, для того чтобы усиливать изобразительность, передать авторское отношение, выделить ту или иную часть сообщения» [6, с. 509].

Учёные, занимающиеся проблемами парцелляции (например, Ю.В. Ванников [3], Е.А. Иванчикова [5], С.Е. Крючков [7], А.П. Сковородников [8]), едины в том, что парцеллированные конструкции обладают следующими признаками: 1) имеют двухкомпонентную структуру: базовую часть и парцеллят; 2) парцеллят структурно и семантически зависимы от базовой части; 3) оба компонента разделены паузой при произнесении, а на письме – знаком точки; 4) порядок следования компонентов строго фиксирован: сначала базовая часть, потом парцеллят; 5) средства связи между компонентами могут находиться только в абсолютном начале парцеллята и служат сигналом расчленения; 6) отчленившийся элемент является носителем новой информации (ремы).

Роман В.Д. Дудинцева «Белые одежды» является ярчайшим примером влияния естественной разговорной речи на речь письменную, отражени-

ем действующей в языке тенденции к аналитизму, к расчленённости. Рассмотрим парцелляцию сочинительной связи в романе.

Сочинительная связь соединяет однофункциональные члены простого предложения и равноправные, то есть независимые, части сложного. В соответствии с этим рассмотрим парцелляцию однородных членов и парцелляцию сложносочинённого предложения (далее – ССП).

Сущность парцелляции сочинительных связей заключается в том, что в базовой части представлен синтаксический аналог парцеллята, поэтому расчленение происходит без каких-либо ограничений.

В простом предложении парцелляции подвергается любой ряд однофункциональных членов, как главных, так и второстепенных. Причём если при парцелляции подчинительной связи разрыв, в частности подлежащего и сказуемого, невозможен, то наличие однородности создаёт условия для парцелляции главных членов предложения.

Расчленение ряда сочинённых глагольных сказуемых представляет собой самый распространённый случай парцелляции однородных членов в романе «Белые одежды». Высокая частотность парцеллированных сказуемых объясняется тем, что сказуемое – ядро передаваемой предложением информации. Сказуемые занимают центральное место в семантической структуре предложения и являются зачастую коммуникативным центром высказывания, то есть ремой.

Поскольку вопрос об однородности сказуемых в русском синтаксисе ещё не решён окончательно, условимся, что парцелляцию сказуемых будем рассматривать как расчленённый ряд сочинённых сказуемых при одном подлежащем: все парцелляты так или иначе зависят от базовой части, субъект базовой части определяет форму предикатов в парцеллятах, «держит» их в зависимости и в грамматическом, и в смысловом отношении: *Киценко не перебивал его. Кивал; А уж на никель он сам нечаянно набрёл. И загорелся; Потемнев и нахмурившись, он (Посошков) вдруг охватил лоб пятернёй. Сидел некоторое время молча. Покачивался, силлил вспомнить очень нужную вещь.*

Парцеллирование главных и второстепенных членов предложения опишем по следующим параметрам: 1) по количественному признаку; 2) по формальному признаку (идентичность / неидентичность грамматического выражения); 3) по семантике отношений, возникающих в ряду сочинённых главных членов; 4) по степени распространённости парцеллята.

По количественному признаку парцеллированные ряды сочинённых членов предложения представлены в романе двумя разновидностями: двучленные ряды (сочинение двух одноимённых членов предложения) и многочленные ряды (сочинение трёх и более членов предложения).

Необходимо отметить следующую особенность. Парцеллированные многочленные ряды однородных сказуемых усиливают динамизм авторского повествования, а в некоторых случаях представляют собой особый приём, когда автор стремится передать при помощи парцеллятов-сказуемых последовательность действий: *...Он снял всё и, застыв посреди комнаты, уронил весь ворох на пол и не заметил. Лёг на койку и... лежал так, водил пальцем полбу. Потом открыл глаза... Брился под краном, умывался, приводил себя в порядок к встрече с датчанином. Ничего не обдумывал. Просто готовился. Приходил в новое настроение.*

С формальной точки зрения в исследуемом тексте романа выявлено два способа выражения однородных членов: 1) однородные члены в базовой части и парцелляте морфологически однотипны; 2) однородные члены в базовой части и парцелляте морфологически разнотипны.

Однотипное оформление ряда однородных членов значительно превышает разнотипное. Морфологическая однотипность ряда парцеллированных сочинённых словоформ проявляется в идентичности их значения и способа выражения, то есть в идентичности грамматических форм (времени и наклонения – для глагольных; рода, числа, падежа – для именных): *...Я вспомнил факт, который давно знал и который непонятным образом на десять минут забыл – от моих переживаний. И еле удержался от крика.* (Глаголы в базовой части и парцелляте находятся в форме изъявительного наклонения, прошедшего времени.)

Парцелляция создаёт широкие возможности для грамматически разнооформленного выражения в одном ряду сочинённых словоформ. Так, функциональная однородность сказуемых базовой части и парцеллята сопровождается морфологической неоднородностью и проявляется в нескольких вариантах:

1) В несовпадении временных и/или видовых форм: *...(Он) прямо за глотку, Федя, взял. И шантажует.* (Глагол в базовой части совершенного вида, прошедшего времени, а глагол в парцелляте – несовершенного вида, настоящего времени.)

2) В несовпадении структуры сказуемых базовой части и парцеллята: *Человек останется тем, кем он был до своей гибели. И будет искать искупления.* (В базовой части сказуемое (*останется тем*) составное именное, в парцелляте – простое глагольное.)

Для парцеллированных конструкций (ПЦК) с однородными определениями в базовой части и парцелляте характерно в ряде случаев употребление в парцелляте несогласованного определения, выраженного именем существительным в косвенном падеже, наряду с согласованными определениями базовой части, выраженными именами

прилагательными, причастиями, порядковыми числительными. Отчленённые несогласованные определения обычно уточняют один из аналогичных членов базовой части: *Там у него маленький рубчик. Крестиком.*

В романе отмечены случаи сочетания парцелированных согласованных и несогласованных определений: *И образовался вокруг них иной мир. Непонятный. С иными отношениями.*

Зафиксированы случаи парцелирования обособленных определений, выраженных причастными оборотами. При этом в базовой части определяемое слово, как правило, имеет свои определения – чаще согласованные, реже – несогласованные: *...Что хочешь скрыть, то и вылезает. Попадёт в мемуары, там эти штуки всегда – самое притягательное место. Столетиями поддерживающее интерес к тайнам...; Я иду, Феденька, туда... Туда, где находится моя жизнь. Отлетевшая от меня.*

Случаи морфологически разнотипного оформления однородных обстоятельств проявляются в употреблении в одном ряду наречий и деепричастного оборота: *Фанатики не едят сало в одиночку, тайком от всех. Накрывшись одеялом с головой.*

Семантические отношения между однородными парцеллятами-сказуемыми могут быть сведены к следующим:

1) временные:

а) парцелляты-сказуемые выражают одновременность действий или происходящих событий со сказуемым базовой части. Одно действие может быть более длительное, другое – более краткое: *... Был такой момент, подышать я стала. И с ума съехала.*

Действия могут быть протяжёнными во времени и могут сопровождать друг друга: *А вечером уложу Фёдора Фёдоровича спать и качаюсь, качаюсь вместе с ним. И реву потихоньку.*

б) парцелляты-сказуемые выражают последовательность действий или происходящих событий по отношению к сказуемому базовой части. Однотипность действий поддерживается совпадением видо-временных форм, а последовательность – в некоторых случаях и лексически, при помощи наречия «потом»: *Оба замолчали, наклонились к бумажке. Рассматривали угловой штамп, дату. Потом посмотрели друг на друга.*

2) резюмирующие: парцеллят-сказуемое содержит в себе итог, завершающее действие или даёт обобщающую характеристику предмета или явления: *Она, смеясь, провела рукой по всей его руке – от плеча до пальцев. И исчезла.*

3) причинно-следственные: парцеллят выражает значение причины или следствия сказанного в базовой части: *...я вижу безвыходное положение. И сдаюсь; Зло, не задумываясь, бросается через газон. А добро, даже не читая, пускается в обход: нельзя мять траву. И упускает преступника.*

Внутри ряда однородных второстепенных членов парцелляция выявляет, подчёркивает следующие отношения:

1) отношения пояснения: в базовой части обобщающее понятие, в парцелляте – однородные члены, раскрывающие его суть: *Раньше всё было моё. И перья, и душа; ...нет ничему предела. Ни низости, ни высоте.*

2) отношения уточнения: парцелляты сужают, ограничивают объём понятия, обозначенного в базовой части: *В следующий раз привезу вам такой лист, а этот нужен. Для дела. Для великой секретной акции; Почему я сегодня терплю поражение? Этого никому не понять. Даже тебе, с твоей башкой.*

3) отношения включения: выражение общего или частного при помощи специальных служебных слов (особенно, в том числе, например): *Лгать он мог только для того, чтобы помочь другим. Например, вам.*

4) конкретизирующие: парцеллят конкретизирует действие или характеристику предмета, явления, выраженную однородным ему членом в базовой части: *Пока можно думать только о лыжах. Вернее, о завтрашнем дне.*

5) присоединительные отношения, которые выражаются союзами «да и», «да ещё»: *...На том свете большой предстоит мне разговор. Да и в науке.*

Парцелированные однородные члены могут соединяться со своим аналогом в базовой части союзно и бессоюзно. Чаще всего в качестве связующего употребляется союз «и»: *Эту работу, – закончил он, – смотрел Кассиан Дамианович. И одобрил; Ничего, это хорошо. Вы – серьёзный. И я тоже.*

Союз «но» реализует противительные отношения: *Он прямых слов не любит. Но намекнул отчётливо; Она сильно покраснела. Стыд парализовал её. Но только на секунду.*

Подобных конструкций в романе мало, как и ПЦК со средством связи парцеллята с базовой частью – союзом «зато»: *Частота подобных скачков в природе вообще весьма невелика. Зато стабильна.*

Распространённым средством связи парцеллята и базовой части является союз «или»: *Вот идут все параллельным курсом. Потом вдруг хлоп! – как по команде, все направо. Или налево; ...Я бываю доволен продуктом. Или неудовлетворён.*

В качестве другого связующего средства между парцеллятом и базовой частью является союз «а»: *Я, по-моему, ещё вчера объелся. А сегодня добавил.*

Во всех анализируемых нами ПЦК союзы связывают парцеллят и базовую часть и одновременно указывают на то, что в данном месте произошло интонационное расчленение. Причём следует отметить, что союзные парцелированные ряды однородных словоформ свидетельствуют о более тесной связи парцеллята с базовой частью, чем аналогичные бессоюзные.

Бессоюзные парцеллированные ряды однородных членов употребляются в романе довольно редко. Для них характерны перечислительные отношения, и они, как правило, выполняют функцию дополнения: *Валить будете свою вину на сорт. **На автора;** За всё время, что мы колесили по этим местам, ища безопасного проезда к реке, мы не встретили ни одного человека. **Ни одной живой человеческой тени.***

Интересным представляется рассмотрение парцеллятов с точки зрения их распространения, потому что, присоединяя к себе различные синтаксические единицы, включая их в свой состав, парцелляты тем самым развёртывают информацию внутри одной синтаксической структуры.

Одиночные нераспространённые парцелляты употребляются в тексте романа редко: *Он говорит, что ты – правая рука Касьяна. **Незаменимая;** Это будет хорошенёкая новость. **Для многих.***

Парцеллированные члены могут распространяться:

1) словоформой или несколькими словоформами: *...Рестораны их особенно привлекают. **И крашенные дамочки с серьгами, с сумочками.***

2) причастными оборотами: *...в этом кабинете, оснащённом новейшими приборами, человек, как в библейские времена, желал жены ближнего, осла его и всякого скота его. **И при этом маскировал свою первобытную... страсть жестами, приобретёнными в кабинетах, среди папок.***

3) деепричастными оборотами: *С детским удивлением и любопытством учёного встретила она приход в её жизнь этой тёмной силы. **И больше не расставалась с нею, с каждой ночью всё больше вникая в эту страсть...***

4) придаточными частями: *...Вы мне давно ужасно врёт. **И не заботитесь, чтоб было безболезненно...***

5) парцеллированные сказуемые с лексическим значением речи, говорения иногда вводят прямую речь: *... Ничего себе угостил! – она опять содрогнулась. **И добавила с сухим смешком:***

*– ...Ну и ну... **Первый поцелуй!***

Парцеллят может быть осложнён вводными конструкциями: *...**Охотясь во второстепенных** угодьях, которые я тебе отвёл. Я тебя оттуда не шугну. **Даже, как видишь, помогаю.***

Парцеллирование ССП – явление очень сложное, так как иногда невозможно определить, является ли предложение, начинающееся сочинительным союзом, частью ССП или же единицей текста, продвигающей повествование вперёд.

Предпримем попытку их описания с точки зрения структуры и семантики отношений между базовой частью и парцеллятом.

Как отмечает В.А. Белошапкина, «парцелляты – предикативные части сложного предложения более самостоятельны в грамматическом и смысловом

отношении, отделяются более продолжительной паузой от базовой части, однако в процессе коммуникации приобретают единую смысловую целостность и интонационную законченность с частью, от которой отчленены» [2, с. 23].

Союзы в непарцеллированных ССП, маркируя отношения между частями, не входят ни в одну из них, остаются независимыми. При парцелляции это положение изменяется. Союз всегда находится в парцелляте, тем самым как бы свидетельствуя о грамматической и смысловой зависимости данной предикативной единицы от предшествующей. Этим парцелляция ССП сближается со сложноподчинённым предложением, в котором союз всегда, независимо от каких-либо трансформаций, находится в придаточной части. Механизм расчленения ССП остаётся тем же: часть ССП выделяется вместе с союзом. Таким образом, начальная позиция союза свидетельствует о зависимости последующей части сложного предложения от предыдущей.

Парцелляции подвергаются все существующие виды ССП, однако частота их парцеллирования в романе неодинакова. Так, по нашим наблюдениям, большинство составляют предложения с союзом «и». Используются также ПЦК с союзами «но», «а», «да и», но гораздо реже.

Высокая частота парцеллирования ССП с союзом «и» объясняется тем, что они отвечают одному из требований расчленённой речи – определённому динамизму повествования. Парцелляция же даёт возможность подчеркнуть одновременность или последовательность описываемых событий, действий, явлений.

Парцелляция ССП с союзом «но» способствует более чёткому выделению противопоставляемого события, действия, явления, характеристики. Оформляя противопоставляемую часть ССП как самостоятельное предложение, автор произведения достигает необходимого акцента в повествовании.

Постоянным признаком ССП являются определённые семантико-синтаксические отношения: соединительные, сопоставительные, противительные, которые в свою очередь осложняются противительно-ограничительными, присоединительными и другими отношениями. Парцелляция, являясь одним из приёмов актуализации, способствует выявлению и подчёркиванию этих смысловых оттенков в ССП.

Семантико-синтаксические отношения в ССП создаются определёнными структурными элементами (значением союза) и лексическим наполнением частей сложного предложения [1, с. 5–11]. Так, в романе при парцелляции ССП между парцеллятом и базовой частью могут быть подчёркнуты следующие оттенки этих отношений:

а) соотносительно-временные: части предложения указывают на события или явления, которые

соотносительны друг с другом во времени и происходят одновременно или в определённой последовательности: *...Аудитория была на стороне академика. И он это чувствовал; ...Я прежде всего увидел вошедшего очень симпатичного человека. И сразу мне стало известно, что мою душу и вашу соединяет астральный шнур.*

б) причинно-следственные: выражают причину и следствие, состоят из двух частей. В выражении этих отношений принимает участие второй союзный элемент «поэтому», «потому»: *В этом черепе светился вечный огонь правоты! И потому паренёк не поднялся и не бросился бежать; Страдающего не тянет к зеркалу. И поэтому Фёдора Ивановича осаждали воспоминания, несущие с собой боль.*

в) противительные-сопоставительные: такие отношения устанавливаются при расчленении ССП с союзами «но», «а»: *...Я – доктор Стригалёв и говорю вам, что гибрида нет. Но работа в этом направлении ведётся; ...Я сейчас уйду на два часа. А ты лежи.*

Противительные-сопоставительные отношения часто усиливаются отрицанием, которое содержится в парцелляте: *Да, пожалуй, в чём-то вы коснулись истины. Но я пока не созрел ещё для такой исповеди.*

г) противительные-ограничительные: выражение противительных отношений с разного рода оговорками: *Большая часть переписки совсем пожелтела. Но есть и совсем свеженькие.*

д) присоединительные: их значение выражается специальными присоединительными союзами «да», «да и»: *Тем более надо к нему зайти, провести учителя. Да, кроме того, он ещё и проректор.*

Союзы, соединяющие ССП, при парцелляции, кроме своих исконных значений соединения, противопоставления, разделения, приобретают ещё и дополнительные оттенки: сопоставительно-противительные, причинно-следственные и под.

Итак, проведённый анализ свидетельствует о том, что в романе В.Д. Дудинцева «Белые одежды» используются разнообразные структурные типы ПЦК в зависимости от коммуникативной целеустановки автора и способности членов предложения и частей сложного предложения к парцеллированию.

Библиографический список

1. Астафьева О.А. Стилистические функции парцеллированных конструкций в романе В.Д. Дудинцева «Белые одежды» // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Сер. Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 5–11.
2. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). – М.: Просвещение, 1967. – 160 с.
3. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 296 с.
4. Дудинцев В.Д. Роман «Белые одежды» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/DUDINCEW/odezhdy.txt> (дата обращения: 22.02.2015).
5. Иванчикова Е.А. Парцеллированные конструкции в современном русском языке // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка: сб. статей. – М.: Наука, 1968. – С. 274–302.
6. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
7. Крючков С.Е. Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. – 570 с.
8. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. – 256 с.

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В РОМАНЕ АНДРЕЯ ВОЛОСА «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАНДЖРУД»

Заявленная проблема ориентирована на лингвокультурологический аспект исследования. Объектом комплексного изучения является исторический роман, в котором активно используются экзотизмы для воссоздания колорита средневековой эпохи, речевых характеристик героев, связанных с мусульманской религией и восточной философией.

В статье характеризуется система языковых единиц, обладающих в тексте национально-культурной маркированностью; определяются и обосновываются функции анализируемых лексем в литературном произведении.

Исследование языковых особенностей романа соотносится с принципами дискурсивного анализа, привлекается обширный культурно-исторический контекст.

Актуальность проблемы обусловлена обращением к современным вопросам лингвокультурологии, в том числе языковым формам и средствам отражения национальной ментальности.

Национально-культурное своеобразие языковых единиц проявляется, прежде всего, в лексике, так как именно эта область лингвистики тесно связана с конкретным миром вещей и понятий, значимых в определённом обществе. Носителями данных понятий являются языковые единицы разных уровней.

Для создания яркой и образной картины быта восточных народов Андрей Волос использует языковые единицы топонимического и антропонимического типа. Изучение семантики антропонимов в историческом романе даёт возможность познакомиться с выдающимися личностями в истории и культуре мусульманских стран.

Одним из приёмов описания тех или иных национальных и культурных реалий является употребление писателем интертекста, который привносит элемент самобытности в изображение определённой культуры, даёт возможность соприкоснуться с источниками данной самобытности.

Исследование культурно-национальной маркированности языковых единиц в современном историческом романе позволяет выявить особенности национального мышления, религии мусульман и культуры средневекового Востока.

Ключевые слова: культура, лексема, экзотизм, интертекст, топоним, антропоним, тематическая группа.

Каждый этнос обладает определённым культурным и языковым своеобразием. Неповторимость отдельного народа сопряжена со спецификой ментальных ориентиров и установок, своеобразием национальной картины мира, этническим самосознанием. Язык, как зеркало народной культуры, народной психологии и философии во многих случаях как единственный источник истории народа и его духа, давно воспринимался таковым и использовался учёными разных областей наук [5, с. 32].

Проблема взаимодействия языка и культуры интересует лингвистов, этнографов, культурологов. Одними из первых данной проблемой занимались В. Гумбольдт, А.А. Потебня. Национально-культурное своеобразие языковых единиц исследовалось в системе языка на материале лексикографических источников и паремиологических изданий специалистами в области лингвокультурологии (В.А. Маслова), лингвофольклористики (А.Т. Хроленко), когнитивной лингвистики (З.Д. Попова, И.А. Стернин), этнолингвистики и социолингвистики (И.Г. Добродомов, Л.П. Крысин) и др.

Национальная самобытность языковых единиц больше всего проявляется в лексике, наиболее тесно связанной с исторически конкретным миром вещей и понятий, значимых в определённом обществе.

Слова являются национальными ориентирами, носят экзотический характер, отражают в своей семантике своеобразие культурно-исторического опыта народа [5, с. 33].

Основным термином, связывающим область культуры и языка, является термин *культура*. В.В. Воробьёв наряду с *культурой* выделяет *лингвокультуру*, при этом *культурой* признаётся элемент действительности (предмет или ситуация), присущий определённой культуре, а *лингвокультуре* он определяет как проекцию элемента культуры в языковой знак. По его мнению, *лингвокультура*, как комплексная межуровневая единица, представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания. Эта единица более «глубокая» по своей сути, чем слово [4, с. 44].

Для исследования проблем взаимодействия языка и культуры, а также для выявления особенностей функционирования лингвокультуры в тексте мы выбрали роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд». Произведение отличается обилием экзотической лексики (*караван-сарай*, *Медина*, *медресе*, *мулла*), представленной в живописном изображении городов средневековой Азии, в диалогах героев, в авторских примечаниях.

Писатель Андрей Германович Волос – лауреат Госпремии России в области литературы и искусства 2000 года за роман «Хуррамабад», лауреат литературных премий «Антибукер» и «Москва-Пенне»; отмечен премиями журналов «Крестьянка», «Знамя» (1996), «Новый мир» (2001), «антибукеровской» премией «Братья Карамазовы» (1998), финалист премии «Большая книга» (2005, 2006). В 2013 году произведение Андрея Волоса «Возвра-

щение в Панджруд» стало лауреатом литературной премии за лучший роман года «Русский Букер» [2].

В романе «Возвращение в Панджруд» в беллетризованной форме описана жизнь одного из главных таджико-персидских поэтов, родоначальника таджикской литературы, Абу Абдаллаха Рудаки.

Для создания яркой и образной картины жизни восточных народов автор часто использует топонимы и антропонимы, которые образуют ономастическое пространство художественного текста [9, с. 195]. Употребляя топонимы, писатель с точностью описывает историко-географическую картину старого азиатского государства. Топонимы подразделяются на общеизвестные, знакомые большому кругу читателей, и малоизвестные наименования небольших регионов Узбекистана и других азиатских стран. К первым относятся лексемы *Бухара* («*Бухара, благородная Бухара! – это она оставалась за спиной!...*»), *Самарканд* («*Как зелены были сады Самарканда, как шумен базар, как душисты порывы весеннего ветра!...*»), *Мекка, Медина* («...то есть через триста с небольшим лет после переселения пророка Мухаммада из *Мекки* в *Медину*...») [3, с. 135, 220] и др. Это древнейшие города Центральной Азии и Ближнего Востока, центры мусульманской культуры, науки и религии.

Ко второй группе топонимов относятся города, незнакомые слуху большинства читателей, однако также играющие немалую роль в истории азиатских стран: *Нишапур* (город в Иране, второй по величине город северо-восточной иранской провинции), *Панджруд* (кишлак в Пенджикентском районе Согдийской области Таджикистана), *Вабкент* («Смешное место этот *Вабкент*...»), *Хамадан* (город в Иране), *Мавераннахр* («Междуречье Амударьи и Сырдарьи»), *Герат* (город в Афганистане) и др. Также в тексте упоминаются названия цивилизаций Древнего мира. Например: *Хиндустан* – это название Индии, *Рим* – наименование Древнего Рима и т.д.

Наряду с топонимами Андрей Волос часто использует в тексте антропонимы. Исследование имён собственных с культурно-национальной спецификой позволяет выявить особенности национального мышления, мусульманской религии и восточной философии. В романе встречаются такие имена, как *Ислам, Ильхан, Фархад, Шамсуддин, Шейзар, Якуб, Исмаил, Амр, Шеравкан, Муслим, Абу Бакр* и др. Изучение семантики антропонимов в историческом романе дает возможность познакомиться с выдающимися личностями в истории и культуре мусульманских стран. Так, мы знакомимся с эмиром Назром, одним из известных правителей саманидской династии: «... после чего шейхи и воинство Бухары, недолго посоветовавшись, единодушно выкликнули на царство восьмилетнего сына эмира Убиенного – *Назр*» [3, с. 136]. Кроме того, в романе представлена история правления всех эмиров этой династии.

Антропоним *Рудаки*, именующий главного героя, встречается на протяжении всего романа, например: «*Ну, допустим. Да, я – Рудаки. Джафар Рудаки. Сын Мухаммеда, Внук Хакима. Отец Абдаллаха, вечная память несчастному малютке. Это так. Правда, насчёт царя поэтов теперь уже не уверен... но был когда-то, был... даже сравнительно недавно*» [3, с. 115]. Данный фрагмент текста представляет собой прямую речь главного героя, которая содержит его самохарактеристику. В разговоре с паломником он подтверждает, что действительно когда-то был поэтом, но его речь достаточно скромна, в его словах отсутствует чувство гордыни и первенства. Он словно не хочет признавать величия своего таланта, однако благодаря оригинальному авторскому приему (использованию ряда однородных подлежащих), мы видим гордость поэта за принадлежность к своему роду («...*Да, я – Рудаки. Джафар Рудаки. Сын Мухаммеда, Внук Хакима...*»). Также использование перифразы *царь поэтов* вносит долю сарказма в речь персонажа, придавая элемент самокритики, слегка уничижительного отношения к себе как к художнику слова. Для великого писателя важна в большей степени значимость его личности как сына, внука и отца, чем известность его имени в толпе, обществе, истории.

Имя собственное в художественном тексте обладает большими экспрессивными возможностями и выполняет важнейшую конструктивную роль. Антропонимы и топонимы участвуют в создании образов героев литературного произведения, в развёртывании его основных тем и мотивов, формировании художественного времени и пространства [11, с. 85].

В языковом кодировании культурного знания важную роль играют элементы всех уровней текста. Особое место отводится заглавию – элементу словесно-композиционной модели текста. В целом заглавие выступает некой универсальной единицей авторского сознания, которая непосредственно связана с культурной памятью личности и которая сопричастна её жизни [8, с. 359].

Сильные позиции рассматриваемого текста занимает большинство культурем топонимического и антропонимического типа, так как они вынесены в названия глав, в содержание и даже в название самого романа: *Панджруд, Вабкент, Самарканд, Шеравкан, Джафар, Шейзар, Абу Бакр, Гурган* и др.

Национальный колорит художественного произведения подчёркивается наличием в его семантике слов-экзотизмов, которые создают разнообразные ассоциации с культурой восточной цивилизации. Этнокультурный компонент лексического значения слова представляет собой отражение в этом значении специфически национального восприятия тем или иным народом каких-либо реалий, фрагментов действительности и даже подлинных фундаментов народного сознания [5, с. 33].

Для воссоздания этих народных реалий Андрей Волос использует в своем романе большое количество национально-маркированных слов, в том числе заимствованных из восточных языков. Лексемы данного типа объединяются в следующие тематические группы:

- человек (дифференциация по должностной и профессиональной принадлежности): *мулла, эмир, муэдзин* и т. д.;
- социальные группы людей, в том числе этнические и религиозные общности: *гулямы, турки* и др.;
- предметы быта: *танур, дастархан, казан* и др.;
- постройки: *мечеть, зиндан, мазар, хауз* и др.;
- одежда (обувь, ткани): *чалма, чапан, мата* и др.;
- наименования кушаний: *халва, шурпа* и др.;
- растительный мир: *арча, камыш* и др.;
- инструменты и оружие: *камча, кинжал* и др.;
- наименования денежных единиц: *дирхемы, фельс* и др.;
- религиозные термины: *намаз, Коран, сура* и др.;
- понятия, касающиеся обычаев, традиций и законов: *туй, байрам* и др.;
- государственно-административные наименования: *халифат, фирман* и др.

Самой многочисленной является лексико-семантическая группа «Человек». Здесь встречаются в основном лексемы, обозначающие людей по должностной и профессиональной принадлежности. Это такие лексемы, как *эмир, муфтий, халиф, муэдзин, аrobiчик, мустауфи, визирь, каравансарайчик, нукер, катиб, хаджиб, дахбаши, мулла, караван-баши, сипах-салар, султан* и др. Значения многих лексем пояснены автором:

«С солдатской прямоотой шумнул в учреждении, добиваясь положенного, и по приказу раздражённого *мустауфи* – начальника финансового управления – был брошен в яму...»;

«Заговорщиков перебили, причем двое перед смертью показали на *катиба*, то есть главу эмирской канцелярии, как на своего главаря и организатора»;

«Ай-Тегин – сипах – салар, самый главный военачальник, командир тюркской дворцовой гвардии. Это серьезная фигура: он занимает третий пост в государстве после *хаджиба* – распорядителя двора» [3, с. 33, 136, 145].

Часто встречаются в романе слова тематических групп «Предметы быта» и «Постройки». Автор использует лексемы *танур, чумбур, бадья, арба, киса, дастархан, курпач, топчан, капкир, казан, сундук, пиала, кетмень; мечеть, кишлак, мазар, хауз, зиндан, караван-сарай, базар, минареты, медресе* и др. для подробного, детального описания повседневной жизни людей среднеазиатской страны X века:

«В правой половине двора, напротив конюшен, коновязей, разгороженных жердями и пустующих сейчас верблюжьих загонов, расположены *квад-*

ратные глинобитные возвышения – топчаны, – застеленные паласами»;

«*Кетмень – мотыга»;*

«*Зиндан – помещение, в котором содержатся заключенные. Как правило, представляет собой глубокую яму с узким отверстием-входом»* [3, с. 92, 129, 27].

Наиболее часто в романе употребляются термины религиозного характера. Указанные лексемы используются автором для воссоздания колорита восточной среды, для понимания нравов и законов людей, проживающих в этой среде. Это такие слова, как *намаз, Коран, Кааба, Аллах, гурии, сура, нефес, Фатиха* и др.

Отличительной чертой произведения является наличие в нём интертекста. Каждый художественный текст строится, как «мозаика цитат» (Ю. Кристева) [6, с. 148], представляет собой «новую ткань, сотканную из старых цитат» (Р. Барт) [1, с. 394]. В результате смысловых ассоциаций с текстами-предшественниками в литературном произведении формируется сложное межтекстовое коммуникативное пространство. Совокупность интертекстуальных элементов образует единый интертекст [11, с. 111]. В нашем романе в качестве интертекста употребляются фрагменты Корана:

«*Кто-то завел молитву. Шеравкан увидел, как бегут слёзы по щекам молодого паломника. Он тоже пел фатиху**».

Писатель в сноске к основному тексту приводит толкования:

«**Фатиха – первая сура Корана (перевод Равиля Бухараева):*

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного.

Вся хвала надлежит Аллаху, Владыке всех миров...» [3, с. 100].

Отрывки из Корана встречаются также в диалогах героев.

«– *Смотри-ка, – хмыкнул мулла и проговорил начало фразы одной из сур Корана: – “Разве Я не говорил вам, что знаю сокровенное...”*

– *“...на небесах и земле, знаю, что вы делаете явно и что вы утаиваете?” – подхватил Джафар»* [3, с. 227].

В разговоре с муллой Бахани Джафар Рудаки демонстрирует блестящее знание Священного Писания, наизусть цитируя его.

Таким образом, этническая самобытность в тексте исторического романа, безусловно, выражается с помощью культурно-национальной маркированности языковых единиц, проявляющейся через использование автором экзотизмов, интертекстов, культурем топонимического и антропонимического типа. Автор использует данные языковые единицы для воссоздания восточного колорита в романе, с целью ознакомления читателей с реалиями жизни восточных людей, имеющих индивидуальные особенности культуры, традиций и обычаев.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 387–422.
2. Биография Андрея Волоса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20131204/981976359.html> (дата обращения 23.04.2015).
3. *Волос А.Г.* Возвращение в Панджруд: роман. – М.: ОГИ, 2013. – 640 с.
4. *Воробьёв В.В.* Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Издательство РУДН, 2006. – 330 с.
5. *Джаубаева Ф.И.* Язык как зеркало народной культуры (на примере произведений Л.Н. Толстого) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 9 (47). – С. 31–36.
6. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
7. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
8. *Мещерякова О. А.* Заглавие художественного текста как средство кодирования культурного знания // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). – М.: Эллипс, 2008. – С. 359–361.
9. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
10. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.
11. *Фокина М.А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 140 с.

СПЕЦИФИКА ПЕРФОМАТИВНО-КИНЕТИЧЕСКОЙ ИМИДЖЕВОЙ ПОДСИСТЕМЫ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО РОК-ТЕКСТА

Синтетическая языковая личность (СЯЛ) может быть рассмотрена как частная реализация, фрагмент дискурсивной личности. Она формируется в пространстве синтетических текстов разных типов (песенный текст, рок-текст, кинотекст, театральный текст, рекламный текст и т.д.). СЯЛ – это сложная когнитивно-прагматическая дискурсивная единица, обладающая гибкой внешней структурой, которая зависит от типа и структурных особенностей синтетического текста или синтетических текстов, в рамках которых она существует. В пространстве синтетического рок-текста внешняя структура СЯЛ состоит из четырех базовых компонентов: а) вербального; б) артикуляционного; в) музыкального; г) имиджевого. Причем доминирующее положение занимает вербальный компонент. Специфика перформативно-кинетической когнитивно-прагматической имиджевой подсистемы СЯЛ, актуализированной в пространстве имиджевого компонента СЯЛ, и реализующейся в пространстве концертной визуализации, отражается в ее названии, точнее во второй его части «кинетический», которая определяет непосредственную связь данной имиджевой подсистемы с кинесикой. Основными элементами перформативно-кинетической имиджевой подсистемы являются различные специфические невербальные жесты (кинемы). Причем каждый жест выполняет определенную функцию и наделяется особыми концептуальными свойствами, так как семантически связан, вписан в общую КПП моделирования СЯЛ рок-поэта. В контексте данной работы перформативно-кинетическую имиджевую подсистему мы рассматриваем как особую семиотическую когнитивно-прагматическую зону визуализации кинетического поведения СЯЛ, специфика которого полностью определяется качественными особенностями КПП СЯЛ того ли иного рок-поэта.

Ключевые слова: синтетическая языковая личность, перформативно-кинетическая имиджевая подсистема, рок-текст, когнитивно-прагматическая программа, невербальная семиотика.

Прежде чем рассматривать специфику перформативно-кинетической имиджевой подсистемы синтетической языковой личности (СЯЛ) в пространстве поэтического рок-текста, необходимо коротко обозначить основные характеристики понятия «синтетическая языковая личность»: 1) СЯЛ может быть рассмотрена как частная реализация, фрагмент дискурсивной личности; 2) СЯЛ формируется, развивается и функционирует в пространстве синтетических текстов разных типов (песенный текст, рок-текст, кинотекст, театральный текст, рекламный текст и т.д.); 3) СЯЛ – это сложная когнитивно-прагматическая дискурсивная единица, обладающая гибкой внешней структурой, которая зависит от типа и структурных особенностей синтетического текста или синтетических текстов, в рамках которых она существует. Например, в пространстве синтетического рок-текста внешняя структура СЯЛ состоит из четырех базовых компонентов: а) вербального; б) артикуляционного; в) музыкального; г) имиджевого. Причем доминирующее положение занимает вербальный компонент; 4) СЯЛ обладает устойчивой, константной внутренней структурой независимо от того, в пространстве какого типа синтетического текста (текстов) она активизируется. Внутренняя структура СЯЛ состоит из трех уровней: а) вербально-семантического (на этом уровне обозначается комплекс семиотических зон, попадающих в структуру синтетического текста и определяются качественные особенности внешней структуры СЯЛ); б) когнитивно-прагматиче-

ского (он включает в себя систему концептуально-когнитивных кодов, которые последовательно распределяются по семиотическим зонам синтетического текста и, соответственно, по компонентам внешней структуры СЯЛ); в) ассоциативно-интерпретационного (на этом уровне происходит вовлечение в структуру СЯЛ воспринимающего субъекта, который является конститутивным компонентом дискурсивного сознания СЯЛ).

Специфика перформативно-кинетической когнитивно-прагматической имиджевой подсистемы СЯЛ, актуализированной в пространстве имиджевого компонента СЯЛ, и реализующейся в пространстве концертной визуализации, отражается в ее названии, точнее, во второй его части «кинетический», которая определяет непосредственную связь данной имиджевой подсистемы с кинесикой [1] – «наукой о языке тела, которая наряду с паралингвистикой является центральной областью невербальной семиотики» [7; 8].

Г.Е. Крейдлин, определяя объект данной науки, замечает: «Иногда кинесике отождествляют с техникой тела, включая в нее также незначительные движения. Однако всё же подавляющее большинство исследователей склоняются к более узкому пониманию кинесики, считая ее учением о жестах, прежде всего, жестах рук. Кроме того, объектом кинесики являются мимические жесты, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения» [7, с. 43].

Итак, основными элементами перформативно-кинетической имиджевой подсистемы являются различные специфические невербальные жесты

(кинемы). Причем каждый жест выполняет определенную функцию и наделяется особыми концептуальными свойствами, так как семантически связан, вписан в общую КПП моделирования СЯЛ рок-поэта.

Говоря об особой семантической роли кинетических жестов, соотносимых в пространстве коммуникации с естественными языками, Г.Е. Крейдлин указывает на определенное сходство между жестовыми и естественными языками, возможное в силу известной аналогичности между глубинными процессами, лежащими в основании невербальной и вербальной деятельности человека. Об этом свидетельствуют следующие факты: «... (а) в определенных условиях смысл может выражаться только жестами, только словами или параязыковыми единицами или комбинацией тех и других знаков <...> (б) практически любой элемент невербального поведения, как и элемент языка, может стать компонентом конвенционального соглашения и обрести контекстуальное значение <...> (в) жесты, как и языковые единицы, по большей части являются символическими знаками. Они образуют лексикон языка тела, с помощью которого можно выражать мысли и чувства, передавать идеи и эмоции...» [7, с. 48].

О концептуальной, семантической роли кинем говорят некоторые исследователи русского рока [9, с. 260; 3, с. 107–109] и авторской песни. Приведем только одно подобное высказывание: «Пластика тела у Высоцкого не просто есть, она разнообразна – от ударов пальцами по струнам до движений головы, не говоря о богатейшей мимике, которая была одним из активнейших элементов “песни Высоцкого”. Даже единичные видеоматериалы свидетельствуют, что эти движения в большинстве своем имели не только функциональный, но и многообразный художественный смысл» [10, с. 64].

Особое внимание необходимо обратить на то, что перформативно-кинетическая имиджевая подсистема СЯЛ представляет собой специфическую семиотическую систему, включающую в себя три основных класса жестов (кинем): «(а) кинемы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста (эмблематические жесты); (б) кинемы, выделяющие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации (иллюстративные жесты (жесты-иллюстраторы)); (в) кинемы, управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию (регулятивные жесты (жесты регуляторы))» [7 с. 79].

Для нас важно, что в рамках этой семиотической системы, актуализирующейся в пространстве концертной визуализации, раскрывается специфика кинетического поведения СЯЛ логоцентрического типа. Традиционно к основным знаковым

формам кинетического поведения относят: «собственно жесты, выражение лица (мимика), позы, телодвижения и манеры» [7, с. 71].

В контексте данной работы перформативно-кинетическую имиджевую подсистему мы рассматриваем как особую семиотическую когнитивно-прагматическую зону визуализации кинетического поведения СЯЛ, специфика которого полностью определяется качественными особенностями КПП СЯЛ того ли иного рок-поэта. Исходя из специфики пространства воплощения этой подсистемы, мы предлагаем выделять четыре основных формы реализации кинетического поведения СЯЛ: а) мимические кинемы (изменение выражения лица рок-поэта за счет кинетических манипуляций губ, бровей, лба, носа, щек, рта, подбородка в соответствии с «правилами лицевых выражений»); б) пластико-динамические кинемы (движения, рук, ног, головы, повороты тела и т.д.); в) позы; г) пространственно-динамические кинемы (особенности перемещения рок-поэта по сцене во время концерта).

Еще раз заметим, что все представленные формы кинетического поведения в рамках моделирования СЯЛ логоцентрического типа представляют собой целостную систему, каждый элемент которой, вступая в семантическое взаимодействие с другими компонентами СЯЛ (прежде всего, с вербальным), наделяется особыми концептуальными свойствами и раскрывает тот или иной аспект общей КПП СЯЛ лидера рок-группы. Приведем несколько конкретных примеров фиксации, точнее «номинации» [2, с. 36–47] отдельных концептуализированных жестов (кинем) в структуре вербального компонента СЯЛ разных рок-музыкантов.

Вербальная номинация жеста встречается в композиции Ю. Шевчука «Революция»: «*Два пальца вверх – это победа! / И это – два пальца в глаза. / Мы бьемся насмерть во вторник за среду, / Но не понимаем уже четверга...*» [13]. Во время исполнения этого фрагмента рок-композиции в пространстве концертной визуализации Ю. Шевчук практически всегда поднимает правую руку вверх и с помощью указательного и среднего пальцев «создает» своеобразную букву «V», символизирующую победу [4]. Общеизвестно, что данный жест в классической интерпретации обладает позитивной семантикой. Однако при номинации в структуре вербального компонента рок-композиции «Революция», он, в соответствии с когнитивно-прагматической установкой СЯЛ Ю. Шевчука (*нейтрализация героической КПП и разрушение героического типа сознания*), приобретает обратную (негативную) семантику. Не случайно то, что рок-поэт ставит этот фрагмент в сильную позицию (начало вербального компонента). Более того, важно, что Ю. Шевчук вербализует этот жест в композиции, название которой приобретает в контексте истории русского рока символическое

значение. Революция для рок-героев того времени – это единственный способ возрождения потертых идеалов, это их главная цель. Одновременно в данном понятии концентрируются ключевые принципы моделирования контркультурной разновидности рок-культуры и базовые предпосылки формирования героической КПП моделирования СЯЛ. Для Ю. Шевчука очевидно, что социально-политическая и духовная революция, к которой так стремились музыканты, на закате «героических восьмидесятых» превращается в бессмысленный, бесцельный, абсурдный бунт, так как победить в этой войне невозможно. Деструктивная семантика жеста (как и в композиции «Победа» с альбома «Пластун») раскрывает специфику понимания рок-поэтом ключевого для того времени понятия «Победа», которое в его сознании отождествляется с «Бедой». Из этого следует, что принципы концептуализации и семантика данного жеста (причем как в визуальном, так и в вербальном воплощении) генетически связаны с общей КПП моделирования СЯЛ Ю. Шевчука.

Не менее интересные случаи вербальной номинации разных форм кинетического поведения, а именно специфических поз и отдельных пластико-динамических кинем, встречаются у К. Кинчева и В. Цоя. Причем процесс их семантизации и концептуализации также обусловлен спецификой, выбранной рок-поэтом когнитивно-прагматической программы моделирования СЯЛ. Например, в пространстве вербального компонента рок-композиции К. Кинчева «Звезда свиней» дается четкое описание одной из «главных» поз, раскрывающих особую, героическую направленность его синтетической КПП: «Свиньям нужен лидер, / Чтобы сплотить ряды. / В хлеву беспорядок, в хлеву бардак, / И тут появляешься ты. / Подбородок в небо, руки по швам, / Ноги на уровне плеч» [5]. Подробнее об этом мы будем говорить ниже. Здесь отметим только, что описанная в этой композиции «героическая» поза регулярно используется К. Кинчевым в пространстве концертной визуализации и активизирует такую инкарнацию его СЯЛ, как «воин», солдат той самой «революции духа», о которой говорил Ю. Шевчук.

Вероятно, и сам К. Кинчев в определенной степени понимает абсурдность этого боя, так как поза получает в пространстве вербального компонента рок-композиции амбивалентную семантику. С одной стороны, перед нами герой-Кинчев, борец за свободу. С другой, за этой героической позой просматриваются силуэты личностей А. Гитлера, Б. Муссолини, В. Ленина, И. Сталина, ставших символами тоталитарных и авторитарных систем подавления личности: «Ваша свобода – хаос! / Ваша мораль – блядь! / Ваш демократический шабаш / “Наши” способны унять! / “Наши” – это наши. / Тот, кто не с нами, тот труп! / Я отвечаю за свой

базар! Бог с нами! Даю зуб!..» [5]. Это подтверждает и особое восклицание лидера (героя) свиней (порабощенных людей) «Бог с нами!». Именно эта фраза («с нами Бог») была выбита на пряжке ремня каждого немецкого солдата, целью которого было «очищение» мира от «неполноценных» рас.

К. Кинчев чувствует эту незримую грань добра и зла, света и тьмы, поэтому он четко дает понять, что находится на стороне добра: «Вы скажете: “Что за поза? Вы, батенька, максималист?” / Я отвечаю вам: “Что вы, мой фюрер, я просто антифашист!”» [6].

В композиции В. Цоя «Звезда» дается описание свойственной для него позы, которая в контексте КПП моделирования СЯЛ рок-поэта (истинный восточный герой) также приобретает особое концептуальное значение: «Ночь пришла, / А за ней гроза. / Грустный дождь, / Да ветер шутник. / Руки в карманы, вниз глаза / Да за зубы язык» [11]. В контексте КПП СЯЛ В. Цоя данная поза может рассматриваться как визуальная демонстрация особого внутреннего психологического медитативного состояния героя, который сознательно дистанцируется от внешних проявлений мира (пластико-динамические кинемы «руки в карманы» и «вниз глаза», образующие данную позу, определяют ее основное психологическое значение – «закрытость»). Причем эта «дистанция» от мира не означает бегство от него. Она скорее помогает рок-герою освободиться от «внешних обстоятельств, обременяющих человека» (высказывание В. Цоя), чтобы сконцентрироваться на духовном самосовершенствовании своей личности и обрести истинное знание о мире, воплотить его в Слове и вернуть его в мир. Соответственно, молчание («за зубы язык») в данном контексте – это не признак немоты, а знак особой внутренней, духовной работы над собой и созданием особого «очищенного», внешне простого поэтического языка, который является главным инструментом общения В. Цоя с миром: «Я говорю в песнях, как, на мой взгляд, лучше. Что мне лично нравится, что мне лично не нравится. Если кто-то со мной согласен – слава Богу, я очень рад, если нет, то я не буду никого убеждать...» [12].

Библиографический список

1. *Birdwhistel R. L.* Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture. Louisville, KY: «Univ. of Louisville Press» – 1952. – 185 с.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – № 1. – 1981. – С. 36–47;
3. *Гавриков В.А.* Русская песенная поэзия XX века как текст. – Брянск: ООО «Брянское СРП ВОГ» – 2011. – 634 с.

4. ДДТ. «Я живой» // Видеофильм о группе «ДДТ». – СПб., 2006.
5. Кинчев К. Звезда свиней // Солнцеворот, Алиса. – 2000.
6. Кинчев К. Тоталитарный рэп // Акустика. Часть I, Алиса. – 1988.
7. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: «НЛО» – 2004. – 581 с.
8. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или азбука общения. Экспериментальное учебное пособие для учащихся V–VII классов. – М.: «Наука, Флинта», – 2004 – 240 с.
9. Темиришина О.Р. Мифопоэтика жеста (о песне Джима Моррисона «The End» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург – Тверь: «УрГПУ – ТвГУ» – 2010. – Вып. 11. – С. 259–270.
10. Томенчук Л. «...А истины передают изустно». Днепропетровск – «Пороги» – 2004. – 124 с.
11. Цой В. Звезда // Черный альбом, Кино. – 1990.
12. Цой В. Интервью о съемках в фильме «Игла», канал «НОСТАЛЬГИЯ». – 1988. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://video/seach?filmlid>. (дата обращения: 28.09. 2014).
13. Шевчук Ю. Революция // Я получил эту роль, ДДТ. – 1988.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассмотрены основные теоретико-правовые подходы к пониманию сущности правосознания. Важность исследований автора заключается в изучении проблем формирования правового сознания во взаимосвязи с правопорядком государства. Правосознание выступает основой правовых норм, законов любого государства и распространяется на всех участников общественных отношений независимо от их воли и желания. Особое внимание обращено на сущность и структуру правового сознания, развитие учений о проблемах правового сознания на исторических этапах развития теории государства и права. С развитием юридической науки учеными предлагалось множество понятий и представлений о правосознании, при этом отсутствовал единый взгляд на сущность, свойства, структуру и природу данного явления. Правовое сознание выступает ключевым компонентом правовой системы государства, и его следует изучать с учетом существующих научных подходов. Феномен правосознания существует в системе форм индивидуального и общественного познания, оказывая при этом огромное влияние на государственную-правовую действительность. Изучая общие закономерности развития и функционирования государства и права, теоретико-правовые подходы к изучению сущности правового сознания, автор делает вывод о необходимости корректировки понятия правосознания и предлагает новое современное определение данному явлению.

Ключевые слова: правовое сознание, общественное сознание, индивидуальное сознание, проблемы правосознания, государство, общество, нормы права, закон, теория государства, юридическая наука.

На современном этапе развития государства и в сложных политико-правовых условиях современной действительности существенно возрастают требования к уровню правосознания всех членов общества. Основным фактором формирования законопослушного общества является положительное отношение различных субъектов правоотношений к нормам права и действующим законам.

Правовое сознание формировалось на протяжении всей человеческой истории и укрепляло правопорядок любого государства. Существуют различные научные подходы к изучению сущности правосознания и его генезиса. С увеличением количества исследований ученых в различных отраслях права открываются и новые теоретико-правовые проблемы, обнаруживаются ранее незамеченные пробелы в понимании правосознания, появляется необходимость в корректировке тезисов, которые прежде казались бесспорными. Поэтому представляется целесообразным констатировать развитие правового сознания как неполного исследования в проблемах теории и права [1, с. 5–6, 8].

Для целостного понимания, решения теоретических и практических проблем правового сознания необходимо признание необычайной сложности и значимости этого социального явления и соответствующего понятия. Это признание должно увести правовое сознание от юридизации, нацелить на выход его за пределы не только политической, юридической, но и иных сфер социальной жизни, пребывающих в конкретно-историческом проявлении и постоянном изменении. Оно позволит использовать способности правового сознания пребывать за пределами материального, проявленного, условно-

го мира и постигать истинный смысл собственного и всего государственно-правового бытия.

История политических и правовых идей свидетельствует о том, что издавна в трактовках государственно-правовых явлений очень часто наблюдался у зарубежных и отечественных мыслителей выход далеко за пределы материального, рационального, позитивного, условного, юридического в сферу безусловного, вечного, божественного (Ю.С. Гамбаров, митр. Иларион, И.А. Исаев, Л. Леви-Брюль, И. Кант, Р.А. Папаян, Платон и др.). Эта традиция таилась в подсознательной сфере у философов и ученых советского периода (Г. Гроций, Д.Я. Самоквасов, О.И. Чистяков), она начала проявляться и в трудах современных ученых (Р.С. Байниязов, А. Бергсон, О.Э. Лейст, Г.В. Мальцев, А.Ю. Мордовцев, В.С. Нерсисянц, В.В. Попов, В.М. Сырых, В.Н. Синюков, О.И. Цыбулевская и др.) [3].

Правосознание представляет собой форму или область человеческого сознания. Данное явление по сущности идеальное, но непосредственно не наблюдаемое, которое с давних пор является предметом дискуссий среди представителей российской науки. Учеными не раз предпринималась попытка уяснить конкретную роль правосознания в процессе правотворчества и правореализации [5, с. 5]. Правосознание можно рассматривать как совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей или социальных общностей к действующему (желаемому) праву [2, с. 12]. Проблемам правосознания в настоящее время исследователи уделяют повышенное внимание.

В юридической литературе принято выделять следующие основные этапы или циклы изучения правового сознания.

Так, по мнению О.Н. Мигущенко, необходимо выделить три цикла изучения правового сознания: первый – до монголо-татарского нашествия; второй – до 1917 года; третий – после 1918 года. В основе критериев выделения циклов исследователь считает необходимым рассмотреть колебания, обусловленные борьбой противоречий государственного и индивидуального [7].

Н.М. Юрашевич определяет четыре этапа изучения правового сознания: 1917 – середина 30-х годов XX века – первый; середина 30-х – середина 50-х годов XX века – второй; середина 50-х – конец 70-х годов XX века – третий; начало 80-х годов XX века – четвертый [14].

Конечно, понимание правосознания не оставалось неизменным с развитием юридической науки и главная проблема представления о правосознании заключается в том, что до сих пор отсутствует единый взгляд на сущность, свойства, структуру и природу данного явления и постоянно расширяется количество исследований в данной сфере.

Первоначально проблемы правосознания в России рассматривались во второй половине XIX века, как раз тогда, когда произошла кодификация российского законодательства и происходила активная дискуссия о взаимовлиянии законов и правосознания.

Ученые, проводившие исследования в конце XIX – начале XX века, предлагали три основных определения правового сознания. Правовое сознание – это: 1) положительное отношение к праву; 2) совокупность правовых переживаний; 3) устойчивые правовые взгляды, которые не включают психологический аспект [5, с. 5].

В дореволюционный период правосознание преимущественно рассматривалось во взаимосвязи с национальной культурой, с определенными историческими фактами. Изучением особенностей российского правового сознания того времени занимались известные ученые И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин и др. Основные утверждения и выводы, касающиеся понимания сущности правосознания ученых дореволюционного периода приведены ниже.

Основа правового сознания лежит вне правовых норм, и она берет свое начало из морали, религии или из целей общества. Как считало большинство юристов того времени, право находится вне нравственности и строится на принципах без учета религии и не считается обязательным. Правовое сознание является предметом исследования по причине наличия регулирующих функций и ни в коем случае не может рассматриваться отдельно от теории права.

Ученые дореволюционного периода описывали отдельные элементы правового сознания, и не пытались дать определение самому понятию. На-

циональные чувства и воззрения составляют основу идеологической сферы правосознания. Основателем психологического направления российской правовой науки является Л.И. Петражицкий, который в своих трудах акцентировал внимание на соотношение права и психики человека [10, с. 479–481].

Преимущественное внимание при таком понимании обращалось все же на право, а не на психологию отдельных индивидов, которые позволяют понять мотивы поведения в общем, а значит и в частности, правового поведения каждого индивидуума по отдельности.

В научной литературе того времени не существовало единого общепризнанного понятия правосознания. Наряду с данным термином применялись такие понятия как правопонимание, правоубеждение и др. Европейские ученые определяли сущность правового сознания через призму чувств и интуиции. Они отрицали его разумный характер. Известный немецкий юрист Р. Иеринг отмечал: «Правосознание, правовое убеждение – суть абстракции науки, которые народу неизвестны: сила права, совершенно, как и сила любви, основывается на чувстве; рассудок и понимание не могут заменить недостатка в чувстве» [4, с. 30].

Итак, в дореволюционный период правовое сознание рассматривалось учеными не как самостоятельное и самодостаточное явление, а как существующая взаимосвязь с другими явлениями, такими как государство или право.

Октябрьская революция и утверждение советской власти в России сменили социально-экономические и идеологические основы существующей государственной системы. Так, в советской правовой науке проблеме правового сознания также уделялось достаточно внимания, однако исследование правосознания на данном этапе развития правовой мысли проходило под влиянием особых историко-политических условий и с существующими ограничениями в свободе научной мысли.

В послереволюционный период неоднозначно оценивались исследования в сфере правосознания. Так, по мнению В.В. Сафронова, русское национальное правовое сознание в советский период не только не развивалось, а, наоборот, всячески подавлялось [12, с. 77]. Совершенно противоположной точки зрения придерживались М.А. Рейснер, П.И. Стучка, которые считали, что проблемы правового сознания весьма актуальны и широко освещались в работах послереволюционного периода.

Неоднократно отмечалось отсутствие целостного и четкого понимания правосознания, большая часть исследований была направлена на изучение новых типов правового сознания (коммунистическое, социалистическое, революционное, классовое), нежели на разработку проблем самого понятия [1, с. 11–12]. Практически все исследователи представляли правосознание как классовое явление.

ние, которое обуславливалось общественным бытием и материальными условиями жизни.

С середины 30-х вплоть до середины 50-х годов XX века представители юридической и философской науки перестали активно исследовать вопросы правосознания. Причиной происходящего спада в изучении правосознания стали сложные политические условия государства, проводимые репрессии, оправдание культа личности Сталина, излишняя идеологизация общей теории права и государства, а также пренебрежительное отношение к достижениям ученых того времени.

Так постепенно к середине 50-х годов XX века наблюдается рост интересов к проблемам правосознания. Возобновляются социологические исследования в данной области, анализируется и исследуется опыт, накопленный российской юриспруденцией в прежние годы. Проводимые социолого-правовые исследования были вынуждены приспосабливаться к жесткому социалистическому варианту существующего типа позитивизма, который имел в советском правоведении весьма ограниченную сферу применения [6]. Проводимые исследования были направлены на изучение действующего законодательства и социальный контекст его реализации, в частности, на проблемы эффективности действующего законодательства и правоприменительной деятельности, правового сознания, социального, юридического и психологического механизмов действия законов. Понятие права отождествлялось с законодательством.

В это же время появляются научные мысли о сущности правового сознания, главной идеей которых является понимание его как категории права или как сознание. Однако нельзя придерживаться только одной конкретной позиции понимания правового сознания, так как каждая из них (и категория права, и категория сознание) отображает в себе грани процесса его формирования. Такие позиции не исключают существование каждой категории по отдельности, однако их целесообразнее применять в дополнении друг к другу.

Примечательным моментом данного периода являются исследования авторов, которые рассматривают проблему правового сознания как ключевой компонент права и совместно с разработкой других юридических понятий (О.С. Иоффе, А.Р. Ратинов, М.Д. Шаргородский и др.).

Особый интерес представляет исследование структуры правосознания, проводимое И.Е. Фарбером. В структуре правового сознания он выделял две стороны: 1) познавательная сторона (правовая идеология); 2) эмоционально-волевая сторона (правовая психология). Под правовой идеологией он понимал систему правовых идей, которые отражают интересы и потребности класса. А под правовой психологией совокупность чувств, убеждений, привычек и мотивов юридически значимых

волевых действий. Правовое сознание, по его мнению, есть не что иное, как форма общественного сознания, составляющая совокупность правовых взглядов и чувств, обладающая нормативным характером и состоящая из знаний и оценки правовых явлений с учетом справедливости и новых правовых требований, которые выражаются через различные потребности, (экономические и политические) и интересы общественного развития [13, с. 70, 96].

И.Е. Фарбер сформулировал основные положения в области теории структуры правового сознания, которые послужили основой многих последующих разработок в период становления советской юридической науки и еще одной важной разработкой ученого являлись исследования признаков правового сознания.

На проблемы правового сознания 50-х годов XX века оказали влияние различные факторы – это и экономические и политические преобразования, и наука в целом, и культура, и мораль, и менталитет граждан. Однако стоит отметить, что истолкование понятия правосознания по И.Е. Фарберу не учитывает наличие поведенческих компонентов, что свидетельствует об отрицании наличия устойчивых моделей поведения в определенных стандартных ситуациях (привычек, установок, ценностей, ориентации), а без этих компонентов невозможно проводить правильную оценку уровня правосознания, в том числе и индивидуального, и общественного, и группового.

В 60-е годы XX века отдельно изучаются проблемы индивидуального правосознания, устанавливаются взаимосвязь и его непосредственное влияние на общественное и групповое правосознание. Структурные элементы и неповторимые черты индивидуального правосознания формируют некое особенное и различное правосознание в рамках одной социальной группы.

Правовое сознание также рассматривается как разнообразие форм его проявления (правовые нормы, программа партии, общественное мнение, правовая наука, практическое поведение людей и др.) [8, с. 38].

Однако с такой позицией сложно согласиться ввиду того, что такое понимание сущности правового сознания приводит к отождествлению политики с ведущим институтом управления и регулирования общественной сферы, которая властно главенствует и подчиняет себе все остальные сферы общественной жизни людей, самостоятельно создавая при этом основные приоритеты и цели развития.

В научных работах данного периода были определены основные тенденции и направления анализа изучаемой структуры правовой категории (и правовой психологии, и правовой идеологии), правосознание понималось как структурная часть

обыденного и теоретического правосознания, как общественное и индивидуальное правосознание.

В 70–80-е годы ученые продолжают исследовать проблемы структуры правового сознания. Основываясь на уже сложившемся понимании структуры правового сознания, исследователи занимаются разработкой различных вопросов, связанных с данной тематикой: правосознание и моральное сознание; право и правосознание; право и правовая культура; правосознание и политическое сознание; индивидуальное правосознание и общественное сознание.

Научное исследование сущности структуры правового сознания продолжается. Системный подход выступает основой научных разработок данного периода. Его суть заключается в том, что при рассмотрении структуры правового сознания сама правовая категория рассматривается как нечто целое, а его структурные элементы как взаимосвязанные части. Основой исследований выступает методологическая установка о представлении структуры правосознания как совокупности закономерных связей между элементами системы.

Начиная со второй половины 80-х годов XX века, проводится большое количество исследований правового сознания различных социальных групп, появляются многочисленные работы, посвященные проблемам правового сознания. Особое внимание продолжает уделяться вопросам модели и структуры правосознания. Модель социальной структуры правового сознания рассматривается на трех уровнях: общественном, групповом и индивидуальном [5, с. 7].

Весьма расширились границы социологического подхода к исследованию проблем правового сознания, который позволил более широко исследовать и другие правовые явления, такие как общественное мнение о праве, престиж права, социальный механизм действия права, правовая активность личности и др.

После распада СССР многими учеными и правоведами предпринимаются попытки переосмысления некоторых ранее звучавших положений, относящихся к понятию, сущности, структуре, функциям правосознания.

Учитывая особенности изучения проблем правового сознания XIX – XXI века, можно сделать вывод о сущности процесса его формирования. В целом это процесс, продвигающий эволюцию общественного сознания к новому уровню коллективного разума. Исследования многих философов и юристов в этой области составили значительные труды. Известные отечественные ученые (Л.И. Петражицкий, М.А. Рейснер, И.Е. Фарбер и др.) внесли огромный вклад в изучение правосознания.

Современная теория права уделяет проблемам правового сознания особое внимание. Так, правовая действительность отражается в правосознании

в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации в форме социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях. Правовое сознание не может существовать обособленно от иных форм общественного сознания (например, морали или политического сознания), которые активно воздействуют на формирование правовых идей и убеждений. Основными функциями правосознания являются информационно-познавательная, оценочная и регулятивная. Информационно-познавательная функция правосознания способствует распространению правовой информации и накоплению правовых знаний как отдельными людьми, так и обществом в целом. Оценочная функция развитого правосознания позволяет легко оценить правовые явления, а регулятивная способствует выработке и распространению правомерного поведения.

В современной российской науке четко определилась тенденция на более глубокое, всестороннее изучение содержательных компонентов правового сознания, таких, как структура правосознания, его виды, способы формирования, факторы, обуславливающие деформацию правосознания [9; 11].

Проанализировав основные теоретико-правовые подходы к пониманию сущности правового сознания, можно сделать вывод о том, что правовое сознание выступает одной из форм общественного и индивидуального познания. Изучение правового сознания отдельных индивидов, групп, всего общества в целом возможно посредством проведения оценки правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений к отношению о действующих или желаемых нормах права. Правосознание как самостоятельный и целостный феномен включает в себя различные теоретико-правовые аспекты психологического, юридического, социального, политического, морального содержания, которые непосредственно влияют на особенности его формирования. Правосознание обуславливает поведение в юридически значимых ситуациях. Обобщив выводы, правовое сознание можно определить как самостоятельный и целостный феномен общественного и индивидуального познания, влияющий на поведение людей в юридически значимых ситуациях.

Библиографический список

1. Бреднева В.С. Уровни правосознания и юридическая деятельность: монография. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. – 164 с.
2. Бурлаков В.И. Феномен правосознания // Мир юридической науки. – 2014. – № 3. – С. 12–19.
3. Демченко Т.И. О законных основаниях правового сознания // Lex russica. – 2014. – № 5. – С. 523–534.
4. Иеринг Р. Борьба за право. – М.: Феникс, 1991. – 64 с.

5. Короткова О.И. Теоретико-правовой анализ правосознания как необходимый компонент проведения политико-правовых реформ // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – № 11. – С. 5–9.

6. Лапаева В.В. Социология права как юридическая дисциплина? // Социологические исследования. – 1999. – № 7. – С. 47–57.

7. Мигущенко О.Н. Историческое и логическое в понимании правосознания // История государства и права. – 2006. – № 9. – С. 24–26.

8. Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. – М.: Наука, 1969. – 175 с.

9. Певцова Е.А. Новая теория правосознания как основа эффективного применения права и преобразования правовой культуры России // Материалы Второго Международного конгресса правоведов «Инновационное развитие правовой среды».

25–26 апреля. – М., 2014. Часть III. – С. 85–97.

10. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. – Т. 2. – 516 с.

11. Сапогов В.М., Алексеев Д.Е. Организационно-правовые проблемы преодоления деформации правосознания несовершеннолетних осужденных // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2014. – № 5. – С. 99–104.

12. Сафронов В.В. Правосознание гражданина: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004. – 242 с.

13. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М.: Юридическая литература, 1963. – 205 с.

14. Юрашевич Н.М. Эволюция понятия правового сознания // Правоведение. – 2004. – № 2. – С. 165–181.

УДК 340.15 ; 347.73

Нуриев Булат Дамирович

кандидат философских наук

Уфимский филиал Уральского государственного юридического университета

nurievbd@mail.ru

ЗАКЯТ В КЛАССИЧЕСКОМ МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ

В статье раскрывается сущность закята, основного вида налога Арабского халифата, которым облагалось имущество зажиточных слоев населения. Автор анализирует подходы различных правовых школ, оформившихся в рамках раннесредневекового мусульманского права, к вопросу о систематизации видов субъектов исламского налогового права, а также объектов, облагаемых рассматриваемой формой налога. Особое внимание уделяется взглядам представителей ханафитской и шафиитской правовых школ ввиду их широкого распространения на территории современной России в эпоху средневековья. В статье подробно рассматривается метод начисления налога, вводятся в оборот новые для российской юридической науки термины и раскрывается их значение, доказывается, что на трансферты, получаемые от дохода после сбора закята, могли претендовать поданные-немусльмане. Автор также подчеркивает актуальность рассматриваемого им вопроса для современной юридической науки в России, учитывая те процессы, которые происходят сегодня на Ближнем Востоке. В статье подчеркивается, что финансирование деятельности международных экстремистских организаций должно более детально исследоваться российскими специалистами, при этом особое внимание должно быть уделено налоговой системе, действовавшей в прошлом в Арабском халифате.

Ключевые слова: закят, Арабский халифат, налоговое право, субъект налогового права, объект налогового права, ханафитская правовая школа, шафиитская правовая школа, финансирование экстремизма.

Как известно, фискальная политика – это одна из основ существования института государства. В самом упрощенном варианте механизм фискальной политики рассматривается сквозь призму налоговых поступлений в казну и распределения данных материальных средств, которые принято называть социальными платежами или трансфертами. Безусловно, мусульманская правовая традиция не могла обойти вниманием данный аспект государственного строительства. Стремительно расширяющий свои границы Арабский халифат требовал компетентных, хорошо подготовленных специалистов в области налогового законодательства. Все правовые школы, оформившиеся как в рамках суннизма, так и в шиитском мире, предложили собственные концепции обеспечения казны налоговыми поступлениями. Замечу, что фискальное дело в положениях

правовых школ не демонстрировало существенных различий в зависимости от того или иного течения. Как известно, принципиальные различия между правовыми школами, оформившимися на мусульманском Ближнем Востоке в VIII–IX вв., касались в первую очередь формирования политической власти. Вопрос о налогах и трансфертах в данном контексте отступал на второй план. Тем не менее, как это будет продемонстрировано ниже, отдельные положения проводимой халифами налоговой политики вызывали среди мыслителей-правоведов Арабского халифата оживленные дискуссии.

Прежде чем перейти к изложению основного материала, думается, есть необходимость обозначить один немаловажный момент. В данном исследовании речь идет о классическом мусульманском праве. Напомню, что под классическим мусульманским правом принято понимать ту систему правосудия,

которая легла в основу государственности арабов VII–XIII вв. Говоря другими словами, речь идет об Арабском халифате, который пал в 1258 г. под натиском монголов. Классическое мусульманское право в научной литературе нередко именуется также раннесредневековым или халифатским [2, с. 14].

Налоговая система Арабского халифата, функционирующая согласно положениям исламского права, представляла достаточно сложную конструкцию. Тем не менее, данная система была подробно изучена и теоретически развита мыслителями-правоведами прошлого. Современные исследователи выделяют, как правило, две системы классификации налогов, широко применявшихся в империи арабов: основанную на исламском налоговом праве и регулируемую положениями обычного права. Необходимо заметить, что отношение мыслителей-правоведов Арабского халифата к правовому наследию арабов-язычников было крайне отрицательным. О той конфронтации, которая длительное время становилась причиной войн между арабами, исповедующими ислам, и теми арабами, которые отказались принять новую религию, пишут и российские специалисты [5, с. 7]. Тем не менее, как видно, пережитки государственного устройства полукочевой Аравии даже после утверждения господства арабов-мусульман на полуострове не утратили своей актуальности. Как констатируют исследователи, налогообложение, оставшееся от доисламского прошлого «было скорее ситуативным, нежели строго регламентированным, и применялось обычно в тяжелые для государственного аппарата годы войн и природных катаклизмов» [8, с. 154].

Классификация налогов, которые в своей концептуальной основе опирались на источники мусульманского права, выглядела следующим образом. В первую группу входили два вида налога: садака и рассматриваемый нами закят. Эти два вида налогов были важнейшими в Арабском халифате, так как именно они формировали основную часть циркулирующих денежных потоков от частного лица к государству и обратно. Вторая группа состояла из тех видов налогов, которыми облагались поданные Арабского халифата исповедующие немусульманские религии. Данная группа получила собственное наименование в исламском налоговом праве – *фей*. И в последнюю группу входили доходы государства, собираемые в виде завоеванных в ходе военных походов трофеев и доспехов. Данная группа налогов называлась *хумус* [6, с. 358].

Закят в исламском классическом праве – обязательная повинность зажиточных слоев населения выплачивать определенную сумму денег в пользу нуждающихся. В некоторых случаях вместо денег государству передавались иные материальные ценности. Согласно нормам мусульманского налогового права, предполагалось, что государство

выступает лишь посредником в процессе перераспределения материальных средств в пользу необеспеченных слоев общества.

Слово «закят» в арабском языке несет в себе неоднозначную семантическую нагрузку. Помимо привычного для нас значения, данная лексема транслирует такие понятия как «увеличение», «подъем», «благо». В период раннего средневековья выражение «выплатить закят» было семантически близко значениям «послужить во благо», «способствовать подъему» и т.д.

Как было сказано выше, одна из наиболее важных особенностей закята заключалась в том, что данный вид налога выплачивался не для государственных нужд, а в пользу малоимущих жителей Арабского халифата. Государство выполняло лишь функции связующего звена. Замечу, что социальная значимость данного налога была чрезвычайно высока. Помимо того, что закят устранял противоречия между зажиточными и неимущими слоями населения Арабского халифата, данная форма налога в условиях раннесредневекового Ближнего Востока повышала привлекательность арабского государства в глазах представителей иных конфессий, что, безусловно, способствовало относительно бесконфликтной экспансии арабов в регионе, о чем пишут многие авторитетные российские исследователи [1, с. 268].

Закят вошел в правоприменительную практику в 623 г., то есть на второй год после исхода мусульманской общины из Мекки в Медину. Закят неоднократно упоминается в основных источниках мусульманского права – в Коране и Сунне. Так, например, в Священной для мусульман книге о закяте говорится 30 раз [7, с. 44]. В том, что закят является основополагающим элементом в системе налогового законодательства Арабского халифата, было достигнуто полное взаимопонимание между всеми правовыми школами. Дискуссии в Арабском халифате велись лишь по процессуальным вопросам.

Одним из наиболее обсуждаемых среди мыслителей-правоведов Арабского халифата был вопрос, связанный с определением субъектов рассматриваемой нами формы налогообложения. Как известно, субъекты в налоговом праве – это лица, которые могут выступать участниками общественных отношений, регулируемых положениями налогового законодательства. Мыслители-правоведы Арабского халифата выделили четыре базовых принципа, которые определяли одного из участников рассматриваемого нами вида правоотношений – плательщика закята. Во-первых, налогоплательщик должен был быть мусульманином. Жители халифата, исповедовавшие другие религии, облагались иными видами налоговых повинностей [4, с. 52–59]. Во-вторых, закят изымался только у зажиточных граждан. Положения, которые регулировали вопрос о том, кого можно было причислить к группе

закиточных жителей Халифата, во многом зависели от правовой школы. В-третьих, выплачиваемое закят лицо, должно было обладать статусом свободного человека. Как известно, в Арабском халифате на протяжении веков существовало рабовладение, правда, во многом отличающееся от античного аналога. И, наконец, в-четвертых, закят выплачивал человек, обладающий правовой дееспособностью. Данное положение означало, что физическое лицо должно было достигнуть совершеннолетия и не страдать психическими расстройствами. Известно, например, что основоположник ханафизма Абу Ханифа (699–767) полагал, что «в виду трудности выплаты закята несовершеннолетние жители не облагались данной повинностью» [6, с. 364]. Позднее последователи Абу Ханифы развили положение, согласно которому несовершеннолетний житель Арабского халифата мог выплачивать закят, но только в виде сельскохозяйственной продукции [6, с. 364]. Примечательно также, что представители шафиитской правовой школы, которая наряду с ханафизмом также получила широкое распространение у мусульман России в прошлом, считали, что для повинности выплачивать закят достаточно было выполнения только первого условия – достижения определенного уровня материального благосостояния.

Думается, есть необходимость более подробно остановиться на вопросе о том, как определялся уровень благосостояния члена общины. Мыслителями-правоведами Арабского халифата была предложена достаточно интересная концепция определения уровня материального достатка, благодаря которой, в свою очередь, регулировался вопрос о налоговом бремени субъекта налогового законодательства, его правах и обязанностях. В правоприменительную практику раннесредневекового Ближнего Востока вошел термин нисаб, который обозначал определенный уровень благосостояния. Это же слово в арабском языке означало такие семантически близкие друг к другу понятия как «граница», «часть», «цель» и др. Теоретики налогового законодательства Арабского халифата предложили общине различать два вида нисаба. Первый вид – так называемый верхний уровень или верхний нисаб. В том случае, если член общины достигал данного уровня, он должен был выплачивать закят в полном объеме, а также подавать милостыню после праздничной молитвы по окончании месяца Рамадан и приносить в жертву домашнее животное в ходе празднеств, которые в русском языке получили название Курбан-байрам. Размер закята определялся в соответствии с формой его выплаты, о чем будет сказано ниже. Считалось, что верхний нисаб был преодолен, если член общины владел имуществом, стоимость которого оценивалась выше, чем 595 г. серебра или 85 г. золота. В том случае, если имущество человека оценивалось

ниже данного уровня, он получал право на получение трансферта от налога закят, но не мог просить милостыню. Для того чтобы у члена общины появилась возможность просить милостыню по окончании месяца Рамадан, которая называлась фитра, необходимо было находиться ниже так называемого нижнего нисаба, который был равен «сумме расходов на ежедневное питание» [6, с. 365]. Итак, исходя из вышеизложенной схемы, повинность выплачивать закят возникала только для достаточно зажиточных жителей Арабского халифата, преодолевших уровень верхнего нисаба. Право претендовать на выплату трансфертных платежей, которые аккумулировались на основе сбора данного вида налога, появлялось только в том случае, если имущество человека оценивалось ниже этого же критерия.

Безусловно, особый интерес вызывает вопрос о том, кто мог быть получателем трансфертных платежей. Мыслители-правоведы Арабского халифата выделили несколько социальных групп, которые могли претендовать на помощь со стороны зажиточных членов общины.

Первая и самая многочисленная группа – так называемое бедняки и нищие, как это обозначалось в трактатах известных правоведов прошлого. Оба понятия транслировались разными словами, однако не все теоретики исламского законодательства соглашались с наличием существенной разницы между ними. Тем не менее, доминирующая точка зрения гласила, что нищие – это те члены общины, которые находились на самой низкой ступени материального благосостояния. В той схеме, которая была изложена выше, нищие могли не только претендовать на выплату пособия, сформированного от выплаченного богатыми членами общины закята, но и просить милостыню-фитру. Говоря другими словами, уровень их благосостояния находился ниже так называемого нижнего нисаба. Бедняки, в свою очередь, имели возможность только на получение трансфертов от рассматриваемого нами вида налога. Их уровень благосостояния занимал промежуточную позицию: он не превышал верхний нисаб, но и не опускался ниже нижнего нисаба.

Вторая группа получателей трансфертных платежей, сформированных путем сбора закята – чиновники, занимающиеся сбором данного вида налога. Служащие данной категории получили собственное наименование в Арабском халифате – амиль [6, с. 371]. Примечательно, что положения о том, что те члены общины, которые заняты сбором закята, имеют право на получение вознаграждения от собранного налога, содержатся в основных источниках права.

Третья группа – люди, которые не приняли ислам, однако плотно контактировали с членами мусульманской общины. Как известно, в границах Арабского халифата немусульмане проживали, об-

разовывая крупные анклавы, или же, соседствуя с мусульманами в одном и том же селении. Исламская традиция предусматривала поддержку теплых, дружеских отношений между мусульманами и немусульманами, в том числе и в виде гарантирования прав на получение денежных пособий, продуктов питания и т.д. Как констатируют исследователи, подобная практика только способствовала распространению и укреплению исламской государственности на Ближнем Востоке.

Необходимо особо подчеркнуть, что исламская правовая традиция предусматривала равные возможности для получения государственной поддержки для всех жителей Арабского халифата, исповедующих крупные мировые религии. Например, получателями дохода после сбора рассматриваемого нами вида налога могли быть иудеи и христиане, проживающие в Арабском халифате, которые в юридической литературе именовались зимми. Вопрос о вхождении в группу зимми приверженцев зороастризма находил неоднозначную оценку в работах мыслителей-правоведов. Язычники и идолопоклонники, отношение к которым было традиционно враждебным в Арабском халифате, не могли претендовать на социальную поддержку [6, с. 371].

И, наконец, последняя группа получателей трансфертов состояла из тех членов общины, которые находились «в зависимом положении». Под данной категорией жителей Арабского халифата понимались рабы, а также должники, по уважительным причинам не имеющие возможность погасить задолженность.

Объектом налогообложения выступало имущество члена мусульманской общины. Закят начислялся исходя из оценочной стоимости собственности физического лица, которая должна быть выше так называемого верхнего нисаба.

Пожалуй, наиболее дискутировавшимся среди правоведов-мыслителей Арабского халифата был вопрос о формах сбора закята. Считается, что данный вопрос был ключевым в процессе концептуализации и теоретического обоснования данного вида налога в трудах средневековых ученых Ближнего Востока. Оживленные споры были вызваны тем, что, как констатируют исследователи, в основных источниках мусульманского права не зафиксированы однозначные положения, позволявшие дать исчерпывающий ответ на вопрос, в виде чего мог выплачиваться закят. Так, например, в аятах, которые, как известно, представляют собой «кирпичики» Корана, говорится лишь о том, что более богатые члены общины должны помогать бедным, выплачивая рассматриваемый нами вид налога. Некоторые отрывочные положения о формах выплаты закята можно наблюдать в хадисах. Напомню, что из хадисов состоит второй по значимости источник мусульманского права – Сунна. Однако и эта ин-

формация не позволяла теоретикам законодательства Арабского халифата прийти к консенсусу.

В первые годы существования арабо-мусульманской государственности, то имущество, которое могло быть выплачено в виде любого налога, делилось на два вида: имущество, подлежащее учету, и соответственно, не подлежащее учету. Считается, что согласно распоряжению халифа Османа (574–656), подлежащее учету имущество стало облагаться налогом при непосредственном контроле представителей органов власти, в то время, как налог с неподлежащего учету имущества оставался добровольным. Именная последняя форма налогообложения легла в основу так называемого садака, о котором уже говорилось выше, – добровольного пожертвования зажиточных членов общины в пользу бедняков.

На первом этапе становления налогового права мыслители-правоведы Арабского халифата систематизировали лишь признаки, которыми должно обладать облагаемое налогом имущество. Среди данных признаков исследователями выделяется полное и безоговорочное право собственности плательщика закята на имущество. Важным также считалась возможность исчисления ценности данного имущества в соответствии с выше обозначенной формулой «верхний нисаб – нижний нисаб». Помимо этого, требовалось, чтобы объект налогообложения не представлял собой предмет первой необходимости. Запрещалось также выплачивать рассматриваемый нами налог в виде средств, полученных в кредит или на временное пользование. И уже в период расцвета Арабского халифата представители всех правовых школ согласились с общей системой классификации облагаемого налогом имущества. Согласно данной классификации закят мог выплачиваться в виде денег, товара, живности и продуктов растениеводства.

Деньги были наиболее распространенной формой выплаты закята. Основополагающее положение рассматриваемого нами вида налога гласило: член общины, превзошедший уровень материального достатка, равного верхнему нисабу, обязан в течение года выплатить 1/40 часть своего состояния в казну государства. Достаточно интересна была позиция представителей различных правовых школ по вопросу о том, могут ли ювелирные украшения, сделанные из золота или серебра, быть выплачены вместо денег. Напомню, что в Арабском халифате использовались денежные знаки из драгоценных металлов: золотые монеты 22 пробы, именовавшиеся динар, и серебряные деньги, получившие название дирхем. Представители шафитской правовой школы, в свое время оказавшие влияние и на формирование правовой традиции некоторых российских народов, проживающих на Северном Кавказе, категорически отрицали возможность налогоплательщика выплачивать закят

в виде ювелирных изделий, в то время как ханфиты, в принципе, не возражали против рассматриваемого нами положения. Добавлю, что нормы ханафитской правовой школы в период раннего средневековья нашли свое применение в праве башкир и волжских булгар.

Под понятием «товар» подразумевалось то имущество, которое предназначалось для торговли. Так, например, ремесленники-гончары могли выплачивать закят в форме производимых ими изделий быта, а владельцы цехов, в которых шилась одежда, в виде текстильной продукции и т.д. Согласно принципу, определявшему количество выплачиваемого товара, ремесленник по истечении года своей деятельности обязывался 1/40 часть произведенного товара передать государству.

Более запутанная ситуация была со сбором закята, выплачиваемого в виде домашней живности, под которым подразумевался, в первую очередь, домашний скот. От передаваемой в пользу государства скотины требовалось, чтобы, во-первых, она не использовалась в бытовых и коммерческих целях, а предназначалась для убоя. Во-вторых, домашний скот должен был быть вскормлен на общественных пастбищах. Формула вычисления поголовья домашних животных выглядела следующим образом: в первый год член общины передавал 1/40 часть от общего количества живности, во второй год – 1/80 часть, а во все последующие годы – 1/100 [6, с. 380]. Так, например, если у члена мусульманской общины в хлеве насчитывалось 40 голов овец, то в первый год у него изымалось 1 животное. Во второй год, если количество овец достигло 80 единиц, он передавал в пользу нищих и бедняков также одну единицу домашнего скота. По истечении третьего года – 2 единицы, но уже от 200 голов скотины и т.д.

И, наконец, рассматриваемый нами вид налога мог быть выплачен в виде продукции растениеводства. Как констатируют исследователи, сбору подлежали только те фрукты, овощи и зерновая продукция, которые были выращены на частных земельных владениях. Предполагалось, что 1/10 часть выращенной в течение года продукции должна быть передана государству [6, с. 381].

В отношении вопроса о том, какие виды продукции растениеводства могли стать объектом налогообложения также шли оживленные дискуссии. Так, например, «маликиты и шафииты предлагали включать в группу продуктов растениеводства только те виды, которые предназначались для питания и, при этом, не портились в течение годовичного срока» [6, с. 382]. В данную группу не входили хлопок, лен и быстро портящиеся фрукты и овощи. Однако не все известные мыслители прошлого разделяли данную точку зрения. К примеру, основатель ханбалитской правовой школы Ахмад ибн Ханбаль (780–855), получившей широкое рас-

пространение в Аравии, предлагал не исключать из списка облагаемого налогом продуктов растениеводства хлопок и другие технические культуры [6, с. 383].

Необходимо признать, что понятие закят, как, в общем, и вся система налогообложения, концептуализированная в рамках исламского права, изучалась отечественными учеными в так называемый доперестроечный период. Однако исследование подобных фундаментальных вопросов, определявших модель мусульманской государственности раннего средневековья, было, во многом, односторонним. Так, еще в 80-е гг. прошлого века закят характеризовался советскими исламоведом всего лишь как проявление «псевдоблаготворительности», в реальности не решавшей насущные социальные вопросы [3, с. 109]. В настоящее время, несмотря на рост интереса со стороны российских правоведов к мусульманской системе правосудия, налоговое право Арабского халифата в работах отечественных правоведов почти не затрагивается. Безусловно, вопросы фискальной политики мусульманского государства, аккумуляции материальных средств и их целевого назначения должны занять достойное место в повестке дня отечественного гуманитарного знания, в том числе и правоведения. Учитывая те сложные процессы, которые происходят сегодня на Ближнем Востоке, проблема роста экстремизма и его финансирования не может остаться за рамками современных исследований. Автор надеется, что закят, как один из важнейших налогов, нашедший широкое применение в мусульманском мире в прошлом и не утративший своей актуальности сегодня, станет предметом более пристального изучения в российской юридической науке.

Библиографический список

1. *Васильев Л.С.* История Востока: в 2 т. – М.: Высш. шк., 1994. – Т. 1. – 495 с.
2. *Иванова Д.Р., Нуриев Б.Д.* Институт брака в исламском праве раннего средневековья. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 144 с.
3. *Жданов Н.В., Игнатенко А.А.* Ислам на пороге XXI в. – М.: Политиздат, 1989 – 352 с.
4. *Момотов В.В., Свечникова Л.Г.* Основы исламского законодательства: учеб. пособие. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. – 128 с.
5. *Фролова Е.А.* История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. – М., 2006. – 199 с.
6. *Gözübenli B.* Mali hukuk // İslam hukuku. – Ankara: Grafiker yayınları, 2012. – С. 355–386.
7. *Dalgın N.* Zekat hükümleri // On dokuz mayıs üniversitesi ilahiyat fakültesi dergisi. – 2004. – № 16. – С. 43–72.
8. *Yaman A., Çalış H.* İslam hukukuna giriş. – İstanbul: M.Ü. İlahiyat fakültesi vakfı yayınları, 2012. – 322 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУБЪЕКТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В статье автор пытается определить субъект конституционного права народов на самоопределение. На наш взгляд, изучаемое право является неотъемлемым и безусловным правом, принадлежащим народу. Народ, как особая субстанция, нуждается в саморазвитии, самосохранении, самореализации и, наконец, самоопределении. Однако право народов на самоопределение на всем протяжении своего существования подвергается критике и даже ставится под сомнение. Одним из факторов, влияющих на столь неоднозначный подход к праву народов на самоопределение, является неопределенность в определении субъекта такого права. Автором проводится анализ различных мнений по вопросу определения круга субъектов права народов на самоопределение. Так, различные ученые в качестве субъектов конституционного права народов на самоопределение выделяют разные категории, такие как «государство», «народ», «нация», «этносы», «коренные народы», «национальные меньшинства» и многие другие. Такое многообразие подходов приводит к негативным последствиям, позволяющим исказить саму сущность права народов на самоопределение, что, в свою очередь, может привести к необратимым последствиям. Таким образом, определение субъекта права народов на самоопределение – важнейшая задача, решение которой позволит таких последствий избежать.

Ключевые слова: самоопределение народов, право народов на самоопределение, нация, народ, государство, конституционное право народов на самоопределение, этносы, меньшинства.

Субъект конституционного права народов на самоопределение на протяжении всего времени существования такого права вызывает множество споров, как с правовой, так и с научной точки зрения.

Отсутствие единообразного подхода к определению круга субъектов права народов на самоопределение препятствует качественной его реализации, подрывает его сущность и ставит под сомнение его роль и значимость.

Французский мыслитель Рене Декарт в свое время писал: «Дайте понятиям точное толкование, и вы освободите мир от половины заблуждений» [14, с. 54].

Как в актах международного уровня, так и в Конституции Российской Федерации, речь идет о праве народов на самоопределение, таким образом, субъектом права народов на самоопределение признается «народ». Но кто есть народ, имеющий права на самоопределение, – вопрос, на который нет ответа. Отсутствие ответа порождает множество различных мнений по поводу того, кого признавать субъектом права народов на самоопределение.

Так, например, российский политолог К.С. Гаджиев под «народом» понимает совокупность людей, связанных в определенный стабильный порядок жизнеустройства единой и самостоятельной правовой системой [5, с. 101].

Одной из целей Организации Объединенных наций, согласно ч. 2 ст. 1 «Устава Организации Объединенных Наций» (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945), является развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принятие других соответствующих мер для укрепления всеобщего мира. В соответствии с ч. 1 ст. 1 «Международного пакта о гражданских

и политических правах» все народы имеют право на самоопределение. Конституция Российской Федерации также основывается на принципе равноправия и самоопределения народов.

В научной среде выделяют такие субъекты конституционного права народов на самоопределение, как «государства», «нации», «индивиды», «народы», «национальные меньшинства», «коренные народы», «этнические общности» и т.д.

И.А. Умнова считает, что «народ как общность, объединенная единой территорией проживания, способен быть субъектом права на самоопределение» [17, с. 152].

В этой связи совершенно справедливо следующее высказывание А. Дженнинга: «Народ не может ничего решать, пока кто-то не решит, что такое народ» [21, с. 15].

Попыткой выработать юридически выверенную дефиницию «народ» явился специальный доклад, выполненный в рамках ЮНЕСКО. В нем отмечалось, что «народ» есть «группа людей, которые обладают многими или всеми следующими характеристиками:

- а) общими историческими традициями,
- б) расовой или этнической общностью,
- в) культурной однородностью,
- г) языковой общностью,
- д) территориальными связями,
- е) общей экономической жизнью» [7, с. 99].

Существует подход, согласно которому в качестве субъекта права народов на самоопределение выступает «нация».

Так, российский исследователь М.В. Золотарева также признает субъектом самоопределения именно нацию как совокупность граждан одного государства, независимо от их этнической принадлежности [8, с. 19].

Но, говоря о нации в качестве субъекта права на самоопределение, необходимо учитывать расхождения в определении самого понятия «нация».

Например, М. Вебер определял нацию как сообщество, объединенное общностью языка, религии, обычаев, культуры и стремящегося к созданию собственного государства. У М. Вебера «нация» выступает как важнейшая политическая ценность. М. Вебер не считал возможным жертвовать ради нации политическими свободами отдельного индивида; его идеалом было сочетание политической свободы и национального могущества [9, с. 219–220].

В.М. Межуев считает, что «нация, в отличие от этноса, <...> это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию выбираю, могу выбрать <...> Нация это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [11, с. 16].

Карл Реннер (он же Р. Шпрингер) считал, что национальность по своей внутренней природе не имеет ничего общего с территорией. Нация, по его мнению, это союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей. Это культурная общность группы современных людей, не связанных с «землей» [19, с. 43].

Отто Бауэр давал следующее определение нации: «Нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы», таким образом, он обосновал «психологическую теорию нации» [3, с. 43].

Выделение в качестве субъекта права народов на самоопределение нации порождает вопрос о том, что понимать под термином: этническую общность или группу людей, объединенных по территориальному признаку?

Правовед В. Зауэр считает, что субъектом самоопределения выступает государство, поскольку народ выражает свою волю через органы государства, а оно есть субъект самоопределения [24, с. 100].

Лунг Фун Чен пишет о «принципе равноправия и самоопределения государств», игнорируя в качестве таковых народы и нации [22, с. 20].

По мнению К. Океке, понятия «государство» и «нация» идентичны [23, с. 20].

Подходы к определению субъекта права народов на самоопределение не ограничиваются выделением в качестве таковых таких категорий, как, «народы», «нации» и «государства».

Так, например, профессор А. Касис отмечает, что религиозные и расовые меньшинства, проживающие на территории независимого государства, могут в «определённых условиях» требовать права на самоопределение [20, с. 53].

Р. Торнберри утверждает, что самоопределение в нынешних условиях не имеет ничего обще-

го с проблемами меньшинств. Если народ упоминается в контексте территории государства, то он отождествляется тогда с большинством. Меньшинства же должны находить решения своих проблем правом меньшинств, они должны смотреть на такие права человека, которые не являются правами народов [2, с. 95–96].

А.Е. Козлов определяет субъект самоопределения как этническую общность [10, с. 70–71] и пишет по этому поводу следующее: «Понимание субъекта самоопределения как этнической общности – это, пожалуй, единственный подход, при котором право на самоопределение хоть в какой-то степени наполняется реальным содержанием: ведь как бы ни были условны этнические границы, они все же имеют более объективный (стабильный) характер, чем, скажем, границы административные» [13, с. 41].

Классик либерализма Людвиг фон Мизес писал: «Если каким-либо образом можно было бы предоставить право самоопределения каждому отдельному человеку, то это следовало бы сделать» [12, с. 107].

Как считает Г. Старушенко, признание права на самоопределение за личностью не подменяет право на самоопределение народа: «Самоопределение народа, нации не самоцель, а лишь средство защиты прав человека, личности» [16, с. 37].

По мнению С.В. Соколовского, право на самоопределение признается лишь за «народами», этнические группы, в соответствии с международно-правовыми нормами, могут претендовать лишь на права меньшинств [15, с. 116–117].

Все же главенствующим подходом в определении субъекта права народов на самоопределение является подход, согласно которому правом народов на самоопределение обладает народ.

Так, Л.Ф. Болтенкова утверждает, что субъектом права на самоопределение должны быть не конкретные «титульные» нации, а народ в целом, то есть население исторически определенной территории [4, с. 62].

На вопрос «чем люди стягиваются в народ?» профессор С.Г. Кара-Мурза отвечает: «Общей мировоззренческой матрицей (то есть общим воззрением на мир), особое место в которой занимает образ своей страны и всех ее ипостасей родной земли, живущего на ней и создавшего ее народа, его символов и святых, государства и личности» [1].

По мнению Р.М. Гибадуллина, Конституция РФ 1993 г. содержит этатистское представление о российской идентичности в виде понятия «многонациональный народ», выражающего идею нации как надэтнической государствообразующей общности [6, с. 74–78].

По мнению М.П. Фомиченко, российская Конституция в понятие «народ» вкладывает три базовых значения:

1) народ как политическая общность (многонациональный народ Российской Федерации), источник и субъект публичной власти;

2) народ как территориальная общность, как население определенной территории (п. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации);

3) народ как наднациональная политико-территориальная общность, обладающая правом на равноправие и самоопределение [18, с. 7–8].

По нашему мнению, несомненным является то, что в качестве субъекта права народов на самоопределение выступает народ. В качестве примера народа как субъекта права народов на самоопределение можно назвать «народ полуострова Крым», реализовавший свое право на самоопределение путем отделения от Украины и присоединения к Российской Федерации, народ полуострова Крым не состоит из одной этнической общности, нации, не являлся отдельным государством и уж тем более индивидом.

Сведение определения субъекта права народов на самоопределение к каким-либо ограниченным категориям, таким, как «государство», «нация», «индивид», «этническая общность» и т.д., может стать разрушающим фактором самой идеи самоопределения народа. Таким образом, субъектом права на самоопределение является народ как сложная правовая субстанция, каждый из элементов которой имеет свои характерные черты и способен быть самостоятельным субъектом права на самоопределение, выступает как целостный организм.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. Точка отсчета – народ // Российская газета. – 2006 – 28 октября.
2. Андриченко Л.В. Регулирование и защита национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дисс ... док. юрид. наук. – М., 2005. – 404 с.
3. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. – СПб., 1909. – 353 с.
4. Болтенкова Л.Ф. Российская государственность: состояние и перспективы. – М.: Республика, 1995. – 354 с.
5. Гаджиев К.С. Политическая наука. – М.: Гардарики, 1994. – 400 с.
6. Гибадуллин Р.М. Постсоветский дискурс нации как проблема межэтнического единства России // Власть. – 2010. – № 1. – С. 74–78.
7. Журек О.Н. Самоопределение народов в международном праве // Советское государство и право. – 1990. – № 10. – С. 99.
8. Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы: автореф. дисс ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 150 с.
9. История социологии в Западной Европе и США. – М.: Норма-Инфра, 1999. – 300 с.
10. Козлов А.Е. Право на самоопределение как принцип международного права и конституционное право человека // Права человека и межнациональные отношения. – М., 1994. – С. 70–71.
11. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. – 1992. – № 5. – С. 16.
12. Мизес Людвиг Либериализм в классической традиции. пер. с англ. А.В. Куряева. – М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001. – 244 с.
13. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. – М., 1991. – 156 с.
14. Нерсисянца В.С. История политических и правовых учений. – М.: Норма, 2001. – 736 с.
15. Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. – М.: Путь, 2004. – 305 с.
16. Старушенко Г.Б. Не только тушить, но и предупреждать конфликты // Московский журнал международного права. – 1997. – №1. – С. 37.
17. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М.: Дело, 1998. – 370 с.
18. Фомиченко М.П. Права народов: Российское измерение // Представительная власть. – 2006. – № 4 (70) – С. 7–8.
19. Шпрингер Р. Национальная проблема. – СПб., 1909. – 367 с.
20. Casese Antonio. The right of self-determination and non-state people. – Oxford., 1989. – 234 p.
21. Jennings I. The approach to self-government. – Cambridge University Press, 1956. – P. 15.
22. Lung Fung Chen. State Succession relating to Unequal Treaties. – Hamden, 1974. – P. 20, 44.
23. Okeke G.N. Controversial Subjects of Contemporary International Law. – Rotterdam, 1974. – 168 p.
24. Sauer W. Volkerrecht und Weltfrieden Stuttgart. – 1948. – 204 p.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются современные избирательные системы зарубежных стран и России, а также их разновидности. Показана история возникновения и тенденции их развития. Основой для мажоритарной избирательной системы стала избирательная система Англии. Этим объясняется ее распространенность в странах англосаксонской семьи права. Франция дала миру классическую пропорциональную избирательную систему. Автор анализирует положительные и отрицательные стороны этих систем. Рассматриваются три варианта мажоритарной избирательной систем: мажоритарная избирательная система абсолютного большинства; мажоритарная избирательная система относительного большинства; мажоритарная избирательная система квалифицированного большинства. Представлена и пропорциональная избирательная система. Особое внимание уделяется анализу избирательных квот и методу делителей. Показаны усложненные избирательные системы – пропорциональные с различными нововведениями: система единого передаваемого голоса, система единого непередаваемого голоса. Раскрывается метод панаширования, то есть право избирателя голосовать за кандидатов из разных списков либо вписывать в списки новых кандидатов. Отдельно представлена проблема классификации полумажоритарно-пропорциональной (смешанной) избирательной системы. Анализируется современная избирательная система Российской Федерации. В статье также содержится характеристика особых избирательных систем. В завершении автор приходит к выводу, что многие общественные, государственные и политические приоритеты могут быть решены в рамках избирательных систем.

Ключевые слова: избирательные системы: мажоритарные, пропорциональные, смешанные, особые, избирательные системы, избирательная квота (избирательный метр, избирательное частное), метод делителей, панаширование.

Проблема избирательных систем и их классификации является одной из важнейших в избирательном праве. Важно выделить отличительные черты, их плюсы и минусы, определить те избирательные системы, которые наиболее адекватно учитывают волеизъявление граждан. Необходимо также обратить внимание на историческую обусловленность избирательной системы, на тот факт, в какой степени она соответствует ментальности граждан в конкретном обществе, оценить опыт и результаты ее применения.

Рассмотрим основы типологии современных избирательных систем. Современные избирательные системы связаны с появлением представительных учреждений парламентского типа – Парламента в Англии и Генеральных штатов во Франции. Эволюция систем формирования представительных учреждений привела к современным избирательным системам, основанным на двух типах представительства – *английском* и *французском*. Для *английского типа* избирательной парламентской системы был характерен консерватизм. Такая система предельно персонализирована, избиратели знают за кого голосуют и какую партию кандидат представляет. Результаты определяются по шкале относительного большинства, независимо от того, сколько процентов избирателей проголосовало за него, лишь бы их было больше, чем у его конкурента. Второго тура нет.

Другой тип избирательной системы основан на ценностях *французского* опыта выборов. Для французского типа избирательной системы характерны систематизация, упорядочение и унификация пра-

вил выборов, введение единообразия в выборные процедуры в округах, самой процедуре уделяется особенное внимание, скрупулезный подсчет голосов, Депутатов в выборном органе должно быть представлено пропорционально голосам избирателей. Конечным итогом стала классическая *пропорциональная система* [1, с. 264].

Без понимания этих двух типов избирательных режимов (английского и французского) мы не сможем дать правильную классификацию современных избирательных систем, не поймем различий и их определенных разновидностей.

Мажоритарная избирательная система получила свое название от французского слова *majorité*, что значит большинство. Мажоритарная система ориентирована на двухпартийные системы, например: США – республиканцы и демократы. Такая ориентация имеет как свои плюсы и минусы. Положительной стороной является стабильность и устойчивость функционирования органов власти. Негативная сторона заключается в том, что избирательная система не стимулирует развитие многопартийной системы. Еще один минус – это потеря голосов меньшинства избирателей.

Серьезный недостаток проявила эта система при выборах Президента США в 2000 году. В силу выборов выборщиков кандидатов в Президенты США по мажоритарным округам сложилась парадоксальная ситуация, когда Дж. Буш-младший получил большинство на выборах выборщиков, но одновременно за его конкурента А. Гора проголосовало больше избирателей, но последний проиграл по количеству округов, которые прого-

лосовали за его выборщиков. Американская мажоритарная система обеспечила победу кандидату, за которого проголосовало меньшинство граждан.

При всей простоте мажоритарной системы встает и очень сложная проблема – так называемая «нарезка избирательных округов». Именно во время этой процедуры нарушается принцип равенства, создаются условия для манипулирования.

В результате развития сложилось три варианта этой системы.

Мажоритарная избирательная система абсолютного большинства. Согласно этой системе победителем будет тот кандидат, который наберет минимум 50% + 1 голос. Если никто из кандидатов не набрал абсолютного большинства, тогда проводится второй тур, в который выходят два кандидата, набравшие больше голосов, чем остальные.

Исходное общее число избирателей может быть трояким: А) общее число зарегистрированных избирателей (это самое жесткое требование, которое практически не встречаются); Б) общее число поданных голосов; В) общее число поданных действительных голосов [5, с. 6].

Обычно устанавливается нижний порог участия избирателей в голосовании; если он не достигнут, выборы считаются несостоявшимися. Достоинство данной системы заключается в том, что избранным считаются кандидаты, поддержанные большинством проголосовавших избирателей. Главным недостатком ее является то, что пропадают голоса тех, кто голосовал за проигравших кандидатов.

Учитывая, что во втором туре часто проявляется абсентеизм, законодательство зачастую не требует участия в голосовании обязательного минимума избирателей, или заметно снижает этот порог.

Альтернативное голосование. Избиратель в бюллетене цифрами указывает предпочтительных для него кандидатов. Например, если в одномандатном округе баллотируются кандидаты А, Б, В и Г, избиратель может отметить цифрой 1 кандидата А (это наиболее желательной для его кандидата), цифрой 3 – наименее желательного, цифрой 2 – кандидата В (желателен, если кандидат А не пройдет), кандидат Г вообще не получает цифры, поскольку он для избирателя не желателен.

На практике политические партии стремятся влиять на результаты выборов, призывая свой электорат ставить соответствующие предпочтения.

Мажоритарные системы абсолютного большинства громоздки и затратны, они провоцируют необычные комбинации. Примером могут быть выборы Президента РФ 1996 года. В первом туре ни один из кандидатов не набрал абсолютного большинства – А. Лебедь, критиковавший Б. Ельцина, во втором туре призвал своих избирателей отдать голоса во втором туре ему, чтобы не победил Г. Зюганов.

Мажоритарная избирательная система относительного большинства. В США её еще называют «системой, по которой победитель получает все». Это наиболее простая и распространенная система. Для победы кандидату достаточно получить больше на один голос, чем соперник. Данная система применяется в странах англосаксонской правовой системы, связанных, так или иначе, с британской традицией.

В странах романо-германской семьи могут устанавливаться определенные квалифицированные барьеры и требования к проценту проголосовавших. В Российской Федерации, в соответствии с законом от 5 декабря 2006 года №225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» порог явки избирателей был отменен.

Мажоритарная избирательная система квалифицированного большинства. В этой системе победившим считался кандидат, получивший квалифицированное большинство голосов. Квалифицированное большинство устанавливается законом и превышает абсолютное большинство. Эта система – редкость, поскольку она менее результативна.

Система квалифицированного большинства в некоторых случаях применяется для избрания президента. Так, согласно Конституции Италии 1947 года, президент избирается в ходе тайного голосования парламентом на совместном заседании палат с участием представителей всех областей страны – так называемых больших выборщиков в составе 1009 человек. Для победы кандидата на пост главы государства достаточно двух третей голосов присутствующих – 673 [5, с. 17].

Однако эти правила действуют только для первых трех туров. Для победы в четвертом кандидату хватит 505 голосов. Четыре тура выборов Президента Италии прошли в начале 2015 года. В первых турах многие опускали пустые бюллетени. Только с четвертого захода на смену престарелому Джорджо Наполитано был избран Сержо Маттарелла. Описанные выше правила затрудняют избирательный процесс и удлиняют процедуру выборов.

В любом случае, применение любого варианта мажоритарной системы приводит к тому, что количество мест, полученных партией в парламенте, не соответствует числу полученных этой партией голосов избирателей. Главное для партии или кандидатов в Президенты (США) – это не количество голосов избирателей, а победы в большинстве избирательных округов.

В абсолютном большинстве случаев при мажоритарной системе выборы проводятся по одномандатным (униноминальным) округам.

Разновидностью мажоритарной системы относительного большинства являются выборы по двух- и многомандатным округам. Так в РФ они

проводились при выборах членов Совета Федерации в 1993 году. Специфика этих выборов была в том, что избиратель, имея один голос, подавал его сразу за двух кандидатов. Важно, что кандидаты шли в связке по двое.

Пропорциональная избирательная система. В силу недостатков мажоритарной системы в XIX веке начались поиски наиболее оптимальной системы. Это привело к появлению пропорциональной избирательной системы. Суть ее в том, что места в представительном органе распределяются между партиями пропорционально подданных за них голосов. Она более точно отражает предпочтения электората.

Эта система создает возможности быть представленными даже мелким партиям, что является проявлением демократии. Однако в условиях парламентарной и полупрезидентско-полупарламентарной формы правления это может создавать трудности при формировании правительства и его деятельности. Это дефект возникает, если ни одна партия не получила большинства на парламентских выборах. Эта система содействует отчуждению партийной верхушки и депутатов от электората.

Пропорциональная система применяется только в многомандатных избирательных округах, при этом чем крупнее округ, тем большая степень пропорциональности может быть достигнута. Наилучший результат, если вся страна является единым избирательным округом, в котором избирается весь парламент. Например, Кнессет в Израиле включает 120 депутатов. Конечно, партийный список составляется партийным руководством, и избиратель может даже не знать и часто не знает многих кандидатов от поддерживаемой им партии.

Для пропорционального распределения мандатов наиболее часто используется метод избирательной квоты и метод делителей.

Избирательная квота (избирательный метр, избирательное частное) – это наименьшее число голосов, необходимое для избрания одного кандидата.

В 1855 году английский барристер Томас Хэйр предложил квоту, определяемую по простейшей формуле: x/y , где x – число голосов, а y – число мандатов. После того, как квота определена, число голосов, собранное каждой партией, делится на эту квоту, и полученные от деления целые числа показывают, сколько мандатов партии предложено. Однако у этой формулы есть недостаток – часто образуются излишки голосов и остается много нераспределенных мандатов. Поэтому квоту Хэйра начали совершенствовать, прибавляя к знаменателю одну, две, три и т. д. единицы. Наибольшую популярность приобрела квота Генри Друпса, она определяется по формуле $(x/(y+1))+1$ и квота Гогенбах-Бишопа, которая определяется по формуле $(x/(y+1))$. Используя эти квоты, удается сразу распределить больше мандатов, чем при квоте Хэйра [5, с. 22].

Квота Гогенбах-Бишопа используется при выборах в Национальный совет Австрии (при первом распределении).

В любом случае, использование метода квоты требует дальнейших операций: остаются неиспользованные голоса и нераспределенные мандаты.

Большим партиям благоприятствует правило наибольшей средней, которое предусматривает передачу нераспределенных мандатов партиям, имеющим наибольшее частное от деления числа собранных ими голосов, на число полученных при первом распределении мандатов плюс единицу.

Метод делителей позволяют сразу распределить все мандаты в избирательном округе или по стране в целом. Он заключается в последовательном делении числа голосов, полученных каждым списком кандидатов, на определенную серию делителей.

Делители эти различны. Так, в 1882 году профессор Гентского университета Виктор д Ондрт предложил делить просто на последовательный ряд целых чисел, начиная с единицы: на 1, 2, 3, 4, и т. д. Это метод заметно благоприятствует крупным партиям и принят в ряде стран (например, в Германии, Аргентине, Бельгии, Болгарии) Итальянский исследователь Империялли предложил делить на такой же ряд чисел, но начиная с двойки. Французский ученый А. Сент-Лагюсе предложил метод, при котором первый делитель – 1, 4, а последующие – 3, 5, 7 и дальнейшие нечетные целые числа. [5, с. 25].

В некоторых странах применяются «жесткие списки». Согласно системе «жестких списков», предложенные избирателям кандидаты получают мандаты в той последовательности, в которой они расположены в списке. Например, если список получает одну квоту, то мандат получает кандидат под номером один, если две квоты, то первый и второй и т. д.

Встречается и преференциальное голосование. Система преференции (предпочтений), при выборах означает, что избирателю предоставляется право не только выбрать список, который он поддерживает (партию, которую выбирает), но и кандидата внутри списка.

Система «свободных» списков предполагает, что список кандидатов от партии ставится согласно алфавиту, а избиратель ставит цифры по своим предпочтениям – один, два, три и т. д. Если голосующий избирает только список, то это означает, что он согласен с существующим порядком расположения кандидатов. «Свободные» списки применялись в Швейцарии до 1991 года.

В пропорциональной системе часто присутствует заградительный пункт. Политическая партия, чтобы попасть в парламент, должна набрать определенный минимум голосов. Например, в Израиле – 3%, Швеции – 4%, ФРГ – 5%, России – 7%.

Встречаются и усложненные избирательные системы – пропорциональные с различными нововведениями:

Система единого передаваемого голоса. Отличается определенной сложностью. Однако учитывает личные и партийные предпочтения избирателя и напоминает по своим результатам пропорциональную систему с панашированием и преференциальным голосованием, а технически близка системе единого непередаваемого голоса с альтернативным голосованием.

Эта система стала известна благодаря усилиям Джона Стюарта Милля.

Система применяется только в многомандатных избирательных округах. Избиратель, как при альтернативном голосовании, имея один голос, голосуя за одного из массы кандидатов, может указать несколько преференций. Против фамилии желаемого кандидата ставится цифра 1, против фамилии другого, менее желательного – 2 и т.д. При подсчете голосов, после исключения недействительных бюллетеней действительные раскладываются по кандидатам в соответствии с указанными в бюллетенях первыми преференциями. Затем определяется избирательная квота (в Ирландии это квота Друпа). Кандидаты, набравшие преференции равную или превышающие квоты, считаются избранными [5, с. 31].

Система применяется при выборах нижней палаты парламента в Ирландии, так же Мальте, а при выборах верхней палаты в Австрии, Индии.

Система единого непередаваемого голоса. Редкая и считается полупропорциональной, так как меньше искажает соотношение сил между партиями, чем мажоритарная система.

Суть в том, что в многомандатном избирательном округе избиратель голосует за одного кандидата, а не за список кандидатов от какой-либо партии, как при обычной избирательной системе. Избранными считаются кандидаты, получившие наибольшее число голосов (т.е. относительное большинство). В этой системе действует мажоритарный принцип, но, тем не менее, могут оказаться избранными представители партий меньшинства.

Панаширование. Это термин произошел от французского *panachage* – смесь, обозначает право избирателя голосовать за кандидатов из разных списков, вписывать в списки новых кандидатов. Панаширование может быть как при пропорциональной, так и при мажоритарной (в многомандатных округах) системе.

При мажоритарной системе в этом случае подсчитываются голоса, полученные каждым кандидатом в отдельности, будь они в составе списка или в виде специальной преференции. При пропорциональной системе дело обстоит сложнее. Обычно при этом исчисляется средняя цифра по каждому списку. При пропорциональной системе панаширование может сочетаться с преференциальным голосованием.

Пропорциональная система имеет значительные преимущества. Главное представляет весь

спектр политических сил. Пропорциональная система заведомо лишает права быть избранным гражданина, который не является членом партии. Еще одним недостатком пропорциональной системы является меньшая связь победившего кандидата со своими избирателями и возможность манипуляций, включая коррупционные при распределении мандатов внутри списка партии прошедших в парламент.

Пролумажоритарная-полупропорциональная (смешанная) избирательная система. Эта система призвана смягчить недостатки двух основных систем. Следует отметить, что далеко не все исследователи признают существование смешанной избирательной системы [3, с. 36].

Данная система может быть двух видов. Первый вид, когда в основном применяется мажоритарная система и дополняется пропорциональной. В Мексике, нижняя палата состоит из 300 депутатов, избираемых по мажоритарной системе относительного большинства в одномандатных округах, и 100 мандатов распределяется по системе пропорционального представительства, которые проводятся по многомандатным округам.

Второй вариант (ФРГ, Грузия). Половина депутатов парламента избирается в одномандатных избирательных округах, которые охватывают всю страну, а вторая половина – по общегосударственным партийным спискам. Могут быть и не общегосударственные списки. Например, эти списки формируются по землям в ФРГ.

Принятый Федеральный Закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» 2014 года возвращает в практику избрание по одномандатным избирательным округам (225), при сохранении избрания по федеральному избирательному округу пропорционально числу избирателей (225 депутатов) [4, ст. 3]. Но, данный закон по-прежнему, сохраняет ведущую роль за партиями. Партии сохраняют право выдвигать своих кандидатов по одномандатным округам [4, ст. 36]. Причем партии, имеющие представительство в Государственной Думе, освобождаются от сбора подписей. Партии, не представленные в Государственной Думе, и самовыдвиженцы обязаны представить подписные листы, но только тех избирателей, которые проживают на территории избирательного округа. Определяется и необходимое количество подписей – 3% от зарегистрированных избирателей данного избирательного округа [4, ст. 44]. Анализ положения показывает, что, несмотря на внешнее возвращение к прежней избирательной системе, сочетающей федеральный список и одномандатные округа, сохраняется общая тенденция, определенная Федеральным законом «О политических партиях» еще в 2001 году. Таким образом, в избирательной системе сохраняется ведущая роль партий. По этой

причине мы не можем квалифицировать избирательную систему РФ как смешанную, скорее, это разновидность пропорциональной системы.

В заключении следует дать характеристику *особых избирательных систем*. Они призваны, с одной стороны, обеспечить представительство меньшинства (этнического, конфессионального и т.п.), с другой стороны, – гасить общественные волнения.

Например, *ливанская модель*, построенная на конфессиональном принципе с 1943 года, обеспечивает избрание Президентом Республики Ливан только христианина-маронита, премьер-министром – только мусульманина-суннита, председателя Парламента только мусульманина-шиита.

В России, в соответствии с законом о гарантиях избирательных прав, при общих базовых принципах «нарезки» округов, предусмотрено, что на территории субъекта РФ должен быть образован хотя бы один избирательный округ. Таким образом, автономия будет представлена в Государственной Думе независимо от численности. Это же учитывается при составлении федеральных партийных списков.

Анализ избирательных систем показывает, что они определяют не только избирательные технологии. Эти избирательные системы влияют не только на персональный и партийный состав парламента, содействуют становлению партийной систе-

мы, стабильности правительства. Избирательная система во многом определяется и политической культурой населения.

Библиографический список

1. Белоновский В.Н., Шулепин В.В. Избирательное право. В 2 т. Т. 1. – М.: Евразийский открытый институт, 2011. – 304 с.
2. Выборы: правовые основы, избирательные технологии: научное правовое и практическое пособие / отв. ред. С.А. Альфер, науч. ред М.Ф. Чудаков. – 2-е изд., испр и доп. – М.: Тессей, 2000. – 304 с.
3. Петров И.Г. К вопросу о пропорциональной и смешанной избирательной системе по выборам депутатов представительного органа местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2011. – № 3.
4. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161255/ (дата обращения 10.04.2014).
5. Цапкин М.К. Избирательные системы: «плюсы» и «минусы» различных видов. – М.: Лаборатория книги, 2010. – 45 с.

Рец Дмитрий Сергеевич
кандидат технических наук
Российская таможенная академия
dmitryretz@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируется практика и перспективы применения криминалистических методов в административном производстве в области таможенного дела. Криминалистика возникла в уголовном процессе, но сейчас все более активно проникает в другие виды судопроизводства. Использование криминалистики в административном производстве повышает эффективность процесса административного расследования. В то же время это обогащает криминалистику как науку. Рассмотрено использование метода криминалистической идентификации. Теория судебной идентификации должна быть адаптирована и применена в сфере административного производства. Это же касается криминалистического учения о версиях, трасологии – криминалистического учения о следах преступления, теории использования вещественных доказательств. В статье подробно рассмотрено применение в административном процессе технических средств. Значительная часть современной криминалистической техники может найти успешное применение в производстве по делам об административных правонарушениях. Также исследованы вопросы использования в административном производстве экспертизы. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в КоАП РФ с целью описания случаев обязательного назначения экспертизы по делам об административных правонарушениях. Рассмотрено использование применяемого в криминалистике ситуационного подхода, позволяющего значительно повысить эффективность административного производства. Современные криминалистические методы должны найти широкое применение не только в практической деятельности административных органов, но и найти отражение в КоАП РФ.

Ключевые слова: административное расследование, криминалистические методы, таможенное дело, идентификация, экспертиза, ситуалогия.

В последние годы ФТС России проводит политику по неуклонному увеличению количества выявленных административных правонарушений в области таможенного дела. При этом на так называемые «контрабандообразующие» статьи 16.1 и 16.2 КоАП РФ, как и прежде, приходится основная часть возбужденных дел. С учетом увеличения общего объема импорта, снижение показателя выявления правонарушений по этим статьям может говорить об ослаблении таможенного контроля и недостатках в системе управления рисками.

В то же время, повышается качество производства по делам об АП в таможенной сфере, что демонстрируется снижением на 10,4% количества прекращенных дел при общем увеличении количества административных правонарушений.

Если взять срез массива дел об административных правонарушениях как по выявившим факт правонарушения функциональным подразделениям, так и по направлению товаропотока, можно обнаружить, что до 89% всех выявленных правонарушений проходят по направлению «ввоз». Причем, как правило, такие правонарушения выявляются непосредственно на таможенных постах, должностными лицами отделов таможенного оформления и таможенного контроля.

Что касается «постатейного» анализа дел, следует отметить, что из 24 предусмотренных главой 16 КоАП РФ составов, как и прежде, дела возбуждаются только по 10–12 из них. Таким образом, эффективность применения КоАП РФ составляет менее 50%, и это без учета ст. 6.15, ч. 1 ст. 7.12, ст. 14.10, 19.7, 19.26, ч. 2 ст. 20.23 и т.д.

В этой связи показательна история применения ст. 14.10 КоАП РФ, которая демонстрирует, что до начала усиления борьбы с ввозом контрафактного товара и создания в структуре таможни специализированных отделов по защите прав интеллектуальной собственности, ст. 14.10 КоАП РФ фактически «не работала». В настоящее время реализован порядок контроля в режиме реального времени находящихся в оформлении деклараций как со стороны отделов ОТОиТК, так и со стороны отделов ОЗПИС. По этому направлению также успешно работает система управления рисками. Постепенно нарабатывается и практика производства по данным делам.

Подобным потенциалом обладают и другие статьи КоАП РФ, регулирующие правоотношения в области таможенного дела. При этом «неработающие» статьи КоАП РФ, прежде всего, говорят о недостатках в аналитической и методической работе всей функциональной вертикали административных исследований.

В этой связи следует обратиться к опыту применения средств и приемов криминалистической техники и тактики. Этот опыт показывает, что в сроки, установленные КоАП РФ, практически невозможно ни профессионально расследовать правонарушение, ни решить все остальные задачи производства по делам об АП, если не действовать при этом по специально разработанным системам (методикам) ведения расследования.

Основная цель такого рода методик – вооружить лиц, осуществляющих административное расследование, необходимым для их профессиональной деятельности комплексом научно-мето-

дическим знаний и навыков расследования и предупреждения отдельных видов правонарушений в различных правоприменительных ситуациях.

В широком смысле, основное предназначение криминалистики – внедрение в судопроизводство достижений различных технических, естественных, гуманитарных наук. Как наука криминалистика возникла в уголовном процессе, поэтому она развивалась и применялась в основном именно в сфере уголовного судопроизводства. Но сейчас в научной среде начинает складываться мнение о необходимости использования криминалистических методов и в других видах судопроизводства. Следует оговориться, что под судопроизводством здесь следует понимать всю деятельность компетентных органов, связанную с судебным разбирательством уголовных, гражданских, административных дел, арбитражных споров и т.д. Такое расширение сферы применения криминалистики приводит к довольно активному исследованию вопросов особенностей и закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств в административном и других видах судопроизводства.

Анализируя действующий КоАП РФ, а также правоприменительную практику, можно прийти к выводу не только о целесообразности, но и о необходимости применения криминалистических методов при возбуждении дел об административных правонарушениях. При этом следует обратить внимание на связь этой проблематики с динамикой становления административного процесса последних лет.

Введение Конституцией РФ 1993 г. в научный оборот нового понятия административного судопроизводства явилось импульсом к появлению ряда исследований, направленных на разрешение проблем административного процесса вообще и производства по делам об административных правонарушениях в частности.

Административное и уголовное судопроизводство характеризуются наличием множества общих признаков, что предопределяет целесообразность разработки единых методик решения смежных вопросов административно-юрисдикционной деятельности и уголовного судопроизводства с использованием достижений криминалистики. Проиллюстрировать это утверждение можно широким использованием в КоАП РФ типично криминалистических терминов, например, «следы административного правонарушения» (ст. 26.6), «идентификационные признаки» (ст. 27.7, 27.8, 27.9, 27.10, 27.14), «назначение экспертизы» (ст. 26.4) и др. В качестве еще одного примера экстраполяции криминалистики в область административного судопроизводства следует привести включение в действующий КоАП РФ неизвестного прежде административному законодательству и использо-

вавшегося прежде исключительно в науке административного права понятия «административное расследование».

Подробный анализ признаков составов административных правонарушений и смежных уголовных преступлений показывает высокую степень их сходства (совпадения), что приводит к выводу о целесообразности использования при административных расследованиях многих апробированных в уголовном процессе криминалистических способов и методов. Нарушения таможенных правил, в результате которых причинен значительный ущерб, относятся к преступлениям. Остальные случаи указанных нарушений являются, как правило, основанием для административной ответственности. Тем не менее, именно криминалистические методы могут и должны использоваться при первоначальных действиях по обнаружению и сбору доказательств во всех случаях нарушения таможенных правил. Следует также заметить, что применение методов криминалистики в расследовании правонарушений, как в рамках уголовного процесса, так и в рамках производства по делам об АП, не только повышает эффективность процесса расследований, но и позволяет существенно обогатить криминалистику как науку. Например, криминалистическая характеристика отдельно взятого преступления расширяет свое содержание за счет дополнения его обобщенными данными анализа соответствующего (смежного) административного правонарушения.

Учитывая современные представления об использовании достижений криминалистики в области административного процесса вообще и административного расследования в частности, можно выделить и предложить следующие направления такого использования применительно к сфере нарушений таможенных правил:

- криминалистические учения о частной методике и тактике административного расследования правонарушений в области таможенного дела;
- криминалистические достижения в области трасологии, касающиеся закономерностей обнаружения, выявления и фиксации материально-фиксированных следов нарушения таможенных правил;
- криминалистические достижения в области идентификации и индивидуализации;
- криминалистические достижения в области использования технических средств в административном расследовании нарушений таможенных правил;
- тактические особенности проведения отдельных процессуальных действий в рамках административного расследования.

Для примера обратимся к методу криминалистической идентификации. Как справедливо указывается в литературе, в настоящее время этот метод перешел в новое качество и трансформи-

ровался в систему универсальных технологий юридического доказывания. Этот метод актуален как в оперативно-розыскной и следственной деятельности по установлению преступников, орудий преступления, средств преступления, опознанию потерпевших и т.д., так и в гражданском, арбитражном и административном процессе.

В КоАП РФ заложены большие возможности для использования идентификации в производстве по делам об АП. Например, в ч. 6 ст. 27.9 указано: «В протоколе о досмотре транспортного средства указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, во владении которого находится транспортное средство, подвергнутое досмотру, о типе, марке, модели, государственном регистрационном номере, об иных идентификационных признаках транспортного средства, о виде, количестве, об иных идентификационных признаках вещей, в том числе о типе, марке, модели, калибре, серии, номере, об иных идентификационных признаках оружия, о виде и количестве боевых припасов, о виде и реквизитах документов, обнаруженных при досмотре транспортного средства». Статья 16.11 КоАП РФ вводит еще одно понятие – средства идентификации, используемое прежде лишь Таможенным кодексом РФ. В ней содержится норма о том, что уничтожение, повреждение, утрата либо изменение средств идентификации, примененных таможенным органом, влечет наложение административного штрафа.

Хотя КоАП РФ не определяет понятий идентификационного признака и средств идентификации, в этом нет строгой необходимости, поскольку в теории криминалистики существует понятие идентификационного признака, являющееся одним из центральных в частной теории идентификации. Многие положения теории судебной идентификации вполне могут и должны быть адаптированы и применены в сфере административного производства.

Рассмотрим теперь понятие административной версии. Одна или несколько административных версий об обстоятельствах совершения административного правонарушения выдвигаются должностным лицом, проводящим административное расследование. Данное понятие еще ждет своего отдельного исследования и развития, как в теории, так и на практике, поскольку видится одним из важнейших элементов административного расследования. При этом можно обратиться к криминалистическому учению о версиях и определить административную версию как основанное на фактических данных обоснованное предположение лица, уполномоченного вести административное расследование, о сущности исследуемого административного правонарушения, его обстоятельствах, деталях и их связи между собой, требующее соответствующей проверки.

В КоАП РФ довольно много внимания уделено понятию «вещественные доказательства». В статье 26.6 под вещественными доказательствами понимаются орудия совершения или предметы административного правонарушения, в том числе, сохранившие на себе его следы. Таким образом, КоАП РФ ввел в юридический оборот новое понятие – «следы административного правонарушения», которое может и должно обогатить трактолку – криминалистическое учение о следах преступлений, поскольку учение о следах должно быть единым, включать в себя не только понятие следов преступления, но и следов административных правонарушений.

Использование вещественных доказательств в административном производстве регламентировано ст. 26.6 КоАП РФ. В части 2 этой статьи содержится норма о фотографировании или фиксации вещественных доказательств и приобщении их к делу в случае необходимости. Более подробно особенности фиксации вещественных доказательств изложены для процедуры взятия проб и образцов, необходимых для проведения экспертизы. В ч. 2 ст. 26.5 КоАП РФ предусмотрено применение фото- и киносъемки, видеозаписи, иных установленных способов фиксации вещественных доказательств. Следует заметить, что согласно КоАП РФ, указанные способы фиксации вещественных доказательств могут применяться при таких административных процедурах, как личный досмотр и досмотр находящихся при физическом лице вещей (ст. 27.7); осмотр помещений и находящихся там вещей и документов (ст. 27.8); досмотр транспортного средства (ст. 27.9); арест товаров, транспортных средств и иных вещей (ст. 27.14).

Таким образом, в действующем КоАП РФ прослеживается стремление законодателя внедрить в административный процесс использование современных средств криминалистической техники, обусловленное практической потребностью применения в административном судопроизводстве технических и тактических наработок криминалистики.

Уже сейчас трудно представить себе административный процесс без применения технических средств. Свидетельство тому – включение в КоАП РФ особой статьи (ст. 26.8), регламентирующей использование показаний специальных технических средств в производстве по делам об АП. В этой норме законодатель не перечисляет конкретные технические средства и технологии, понимая под специальными техническими средствами любые измерительные приборы, утвержденные в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую поверку.

Существуют и некоторые ведомственные акты, стимулирующие должностных лиц, ведущих про-

изводство по делам об АП, на применение современных технических средств. Так, в Положении о таможенном досмотре товаров и транспортных средств содержится широкий перечень технических средств таможенного контроля (ТСТК), призванных ускорить досмотровые операции и повысить их эффективность, целенаправленно получить необходимые сведения о товарах (количестве, составе, физических свойствах, подлинности, наличии сокрытых вложений и т.п.). При таможенном досмотре могут использоваться такие технические средства, как рентгеновские установки, металлоискатели и металлодетекторы, средства дозиметрического контроля и др. Весьма значительная, если не большая часть арсенала современной криминалистической техники может найти успешное применение в производстве по делам об административных правонарушениях.

Теперь рассмотрим применение в административном производстве такого инструмента, как экспертиза. В последние два-три десятилетия использование экспертных оценок при принятии решений в различных областях общественной жизни, в том числе в сфере государственного управления, получило весьма широкое распространение. Экспертизы назначаются широким кругом должностных лиц органов власти, в том числе таможенных органов. В КоАП РФ имеется специальная статья 26.4, регламентирующая назначение экспертизы в случаях, когда при производстве по делу об административном правонарушении возникает необходимость в использовании специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле.

Формулировки указанной статьи имеют существенный недостаток, заключающийся в субъективности принимаемого судьей, органом, должностным лицом решения о необходимости в каждом конкретном случае специальных познаний.

В отличие от устойчивой и широкой практики производства экспертиз по уголовным делам, назначение экспертиз при административном производстве – нечастое явление, поскольку такое назначение ни по одному из составов не является обязательным. Этот феномен имеет не столько нормативное объяснение, сколько коренится в области правовой традиции, так как подавляющее большинство экспертиз всегда производилось по уголовным делам, а до принятия ныне действующего КоАП РФ экспертизы по административным делам вообще назначались исключительно редко.

В этой ситуации представляется необходимым внесение дополнительной нормы в ч. 1 ст. 26.4 КоАП РФ, содержащей обязательные случаи назначения экспертизы по делам об АП. Как минимум, речь может идти о некоторых включенных в КоАП РФ составах административных правонарушений, по которым не может не быть обязательным назначение экспертизы. В первую очередь, это

дела, возбужденные по статьям 16.1–16.3 КоАП РФ, по которым существует необходимость проведения товароведческой (стоимостной) экспертизы, а зачастую и иных видов экспертиз (техническая, химическая, почерковедческая и др.).

Несомненно, что процедура назначения экспертизы по делам об административных правонарушениях, находящаяся на стыке криминалистики и административной юстиции, нуждается в подробной разработке тактики и технологии регулирования комплекса соответствующих правоотношений. В рамках этой процедуры могут быть выделены следующие стадии:

- подбор направляемых на экспертизу объектов;
- подготовка образцов для сравнительного исследования (при необходимости идентификационного исследования);
- выбор экспертного исследования и/или эксперта по соответствующему направлению;
- вынесение определения о назначении экспертизы;
- исполнение определения (направление объектов исследования в экспертное учреждение или эксперту).

Тактическая специфика перечисленных стадий требует детального теоретического исследования. И для реальной применимости на практике требуется не универсальная теоретическая модель, а адресность таких разработок, их соответствие типовым ситуациям. Соответственно, возникает необходимость обращения к утвердившемуся в последнее время в криминалистике ситуационному подходу к реализации на практике разрабатываемых ею теоретических положений. В сфере уголовного процесса ситуационный подход позволяет эффективно моделировать преступное событие. Иногда следователь восстанавливает всю последовательность обстоятельств дела, направляя усилия на расследование и анализ именно предкриминальной ситуации, то есть событий, непосредственно предшествующих преступлению.

В целом, успешность расследования практически во всех случаях зависит от правильно выбранной линии следствия на первоначальном этапе, поскольку как корректная постановка задач, так и оптимальная последовательность и содержание следственных действий, зависят от исходной следственной ситуации. Следует также заметить, что административными расследованиями зачастую занимаются должностные лица с весьма ограниченным опытом такой работы. В своей деятельности они довольно часто сталкиваются с новыми, незнакомыми следственными и криминальными ситуациями, при этом отсутствие ситуационного мышления приводит к затруднениям, а зачастую и неспособности самостоятельно решать нестандартные задачи. Поэтому представляется, что использование в процессе административно-

го расследования ситуационного подхода вообще, и методов криминалистической ситуалогии в частности, значительно повысит эффективность соответствующей деятельности должностных лиц.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что эффективное административное расследование в современных условиях невозможно без использования последних достижений науки и техники, поэтому современные криминалистические методы должны найти широкое применение не только в практической деятельности административных органов, но и найти отражение в КоАП РФ. Несомненно, что такой подход открывает широкие перспективы для совместных научных исследований криминалистов и административистов на основе последних достижений криминалистической науки.

Библиографический список

1. Анализ результатов работы таможенных органов по линии административного производства // Аналитическая справка о деятельности

подразделений административных расследований и дознания в первом полугодии 2014 г., раздел II. – М.: УТРД ФТС России, 2014. – С. 4.

2. Волочецкая Т.С. Хорьков В.Н. Возможности перспективы использования криминалистики в административном процессе // Правоведение. – 2007. – № 3. – С. 106 – 113.

3. Колдин В.Я. Судебная идентификация. – М.: Лекс Эст, 2002. – 528 с.

4. Криминалистика: Учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005. – 781 с.

5. Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю. Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации. – М.: Академический правовой университет при Институте государства и права РАН, 2001. – 60 с.

6. Стариков Ю.Н. Административная юстиция: Теория, история, перспективы. – М.: Норма, 2001. – 304 с.

УДК 343.22/.23 ; 341.4

Третьяков Константин Викторович

кандидат юридических наук, доцент

Самарский государственный экономический университет (филиал в г. Сызрань)

Ak-195@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РФ И США

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой квалификации убийств в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки. Проводится сравнительное исследование подходов к формулированию составов преступлений с учетом специфики американского государственного устройства и правовых систем отдельных штатов. Анализируются вопросы квалификации убийств на уровне федерального законодательства США и законов отдельных штатов в сравнении с законодательством РФ. Затрагиваются исторические аспекты, в силу которых уголовные законы этих стран имеют существенные различия и выявлены тенденции, указывающие на сближение их правовых систем. Так, США унаследовала основные черты английской правовой системы, относящейся к семье общего права, в которой в принципе нет такого понятия, как «состав преступления», характерного для отечественного законодательства. В статье анализируются логические конструкции преступлений в США и России, их существенные отличия. Автор работы останавливается на важнейших положениях Примерного уголовного кодекса США, приходит к выводу о том, что система американского уголовного права, несмотря на декларируемые в течение более чем полвека реформы, по-прежнему остается казуистичной и рассогласованной, а положения отечественного уголовного права являются более перспективными в плане унификации норм уголовного законодательства, могут являться своеобразными стандартами в науке международного уголовного права.

Ключевые слова: убийство, квалификация преступлений, законодательство США и РФ, сравнение уголовного законодательства.

Убийство, без преувеличения, является самым тяжким преступлением против личности. Жизнь – это невозвратимое благо, потерю которого нельзя возместить никакими материальными компенсациями. И, независимо от того, в какой части земного шара убийство совершено, его противоправная суть от этого не меняется. Именно поэтому мы решили провести сравнительный анализ квалификации подобных преступных посягательств в РФ и США с целью определения возможностей взаимного проникновения перспективных положений уголовного законодательства.

Основным моментом, осложняющим сведение исследуемых правовых систем к общему знаме-

нательно, является отсутствие в США единого уголовного закона и приоритет прецедентного права. Как известно, в Соединенных Штатах, помимо федерального законодательства, каждый штат имеет собственный перечень уголовно-наказуемых деяний, причем в каждом штате свой взгляд на то, что считать преступлением, а что нет. Более того, в некоторых штатах суды имеют право самостоятельно формировать новые составы преступлений, что также не способствует единообразию правового пространства.

В Российской Федерации убийством признается умышленное причинение смерти другому человеку (ч. 1 ст. 105 УК РФ) [3]. Уголовно-правовые нормы,

касающиеся умышленного причинения смерти, содержатся в целом ряде статей Уголовного кодекса РФ, в частности, в ст.ст. 105, 106, 107, 108 УК. Кроме того, УК РФ содержит целый ряд специальных составов преступлений, которые включают в себя причинение смерти потерпевшему (ст.ст. 277, 295, 317 УК РФ), а также преступления, предусматривающие убийство потерпевшего в качестве квалифицирующего признака (ст.ст. 205, 206 УК).

В силу исторических причин США унаследовала основные черты английской правовой системы, относящейся к семье общего права (Common law), в которой в принципе нет такого понятия, как «состав преступления», характерного для отечественного законодательства. К слову сказать, в Великобритании вообще отсутствует единое определение такой юридической категории, как преступление. Привычная нам логическая конструкция, состоящая из объекта, субъекта, объективной стороны и субъективной стороны, в американском уголовном праве имеет несколько иную структуру. Там преступление в самом общем аспекте состоит из двух элементов: «Actus reus» и «Mens rea». Первая составляющая касается признаков непосредственно деяния, а вторая психического отношения к нему виновного лица. Получаются своего рода обобщенные объективный (actus reus) и субъективный (mens rea) элементы.

Ввиду чрезвычайно пестрой системы американского уголовного законодательства, предлагаем обратиться к тексту Примерного уголовного кодекса США (Model Penal Code). Для начала следует сделать небольшую оговорку – этот кодекс по своей правовой природе не является нормативно-правовым актом. Он был разработан в целях унификации уголовного законодательства в 1962 г. группой ученых-правоведов из Института американского права и был принят в качестве типовой модели уголовного закона штатов. Иными словами, он выражает обобщенную позицию американского юридического сообщества относительно основных положений науки уголовного права США. Со временем, предложения, содержащиеся в Примерном уголовном кодексе, были в той или иной степени имплементированы в уголовное законодательство большинства штатов, и по этим причинам он представляет интерес для нашего исследования.

Итак, в ч. 1. ст. 210.1 Примерного уголовного кодекса США, приведено общее определение убийства, согласно которому лицо виновно в совершении преступного причинения смерти, если оно с целью, заведомо, по опрометчивости или небрежности причиняет смерть другому человеческому существу. В соответствии с ч. 2 ст. 210.1 этого Кодекса, убийство может быть тяжким, простым или убийством по небрежности [2].

Следует отметить, что деление убийств на тяжкие и простые также унаследовано от английского

общего права, при этом основным видом является тяжкое убийство, в отличие от российского уголовного права, где квалифицированный состав убийства является производным от «простого», т.е. ничем не отягощенного умышленного убийства. Это связано с тем, что квалификация убийств в США движется от более тяжкого к менее тяжкому преступлению, а не наоборот – как в РФ. То есть, если в РФ преступление, совершенное при квалифицирующих обстоятельствах, наказывается строже, то в США основной состав является самым строгим, а в дальнейшем, в зависимости от смягчающих обстоятельств или форм вины, наказание снижается. Подобное положение вещей в США вполне оправдано с позиции господствующей там «Lesser included offense» – концепции поглощенных преступлений, согласно которой более серьезное преступление включает в себя одно или несколько менее серьезных деяний (например, тяжкое убийство включает простое убийство и убийство по небрежности и т.д.). По этой причине лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, вменяется в вину вся цепочка поглощенных преступлений и, в случае если подсудимый признается невиновным в совершении более тяжкого преступления, присяжные обязаны принять решение о его виновности по следующему из поглощенных преступлений, и так далее по остальным поглощенным деяниям. Одновременное осуждение и за основное и за поглощенное преступление запрещено на федеральном уровне [1] (хотя в силу рассогласованности американского уголовного законодательства, в некоторых штатах суды по-прежнему имеют право выносить такие решения).

В соответствии со ст. 210.2. Примерного УК США, убийство является тяжким, если оно совершено:

а) с целью или заведомо;

б) по опрометчивости при обстоятельствах, обнаруживающих крайнее безразличие к ценности человеческой жизни.

Такие опрометчивость и безразличие заведомо подразумеваются, если виновное лицо лично совершает или является соучастником совершения или покушается на совершение разбоя, изнасилования или извращенного полового сношения путем применения насилия или угрозы насилием, поджога, берглэри, похищения человека или являющегося фелонией побега из-под стражи либо если деятель осуществляет бегство после совершения или покушения на совершение таких преступлений.

В свою очередь, простое убийство имеет место в случаях, когда (ст. 210.3) оно совершено по опрометчивости либо является таким преступлением, которое при иных обстоятельствах было бы тяжким убийством, но в данном случае оно было совершено под влиянием крайнего психического или эмоционального смятения, для которого есть

разумное объяснение или извинение. Разумность такого объяснения или извинения определяется с точки зрения лица, поставившего себя на место деятеля при обстоятельствах, как он их себе представляет [2].

Если проводить аналогии с российским уголовным правом, то можно отметить, что Примерный УК предусматривает две формы вины, знакомых и отечественному законодателю – умысел и неосторожность. Интеллектуальный элемент умысла при совершении убийства может быть выражен через раскрытие сути слова «заведомо», т.е. виновное лицо осознает опасность своих действий, а волевой определяется понятием «намеренно», т.е. преступник желает наступления преступных последствий или «по опрометчивости в силу крайнего безразличия к человеческой жизни» допускает их наступление. Подобное деление похоже на присущее российскому уголовному праву деление умысла на прямой и косвенный. Однако в Примерном кодексе также указано на возможность совершения убийства и просто «по опрометчивости», без каких-либо уточнений. Судя по тому, что данный термин встречается в статье о простом убийстве, простая опрометчивость также свидетельствует об умышленном убийстве, однако квалифицировать ее в соответствии с российским уголовным правом представляется не совсем корректным. Как мы видим, в Примерном УК законодатель подразделяет убийства, в первую очередь, исходя из формы вины – на тяжкое, простое и по небрежности. Таким образом, по логике американского законодателя, простая опрометчивость является промежуточным звеном между небрежностью и опрометчивостью в силу крайнего безразличия к человеческой жизни. Подобная форма вины не известна отечественному уголовному праву.

Как видно из вышеизложенного, в Примерном УК, в отличие от УК РФ, дифференциация уголовной ответственности за совершение убийства проводится сугубо по формам виновности, без учета обстоятельств, повышающих общественную опасность содеянного (квалифицирующих признаков).

Однако вышеописанный подход к классификации убийств является не единственным на территории США. Второй подход, который также значительно распространен в этой стране – это деление убийств на степени. К слову сказать, именно такой вариант классификации убийств характерен для федерального законодательства, где основным источником уголовного права является Раздел 18 свода законов США (далее – СЗ США) озаглавленный «Преступления и уголовный процесс», включенный в Свод законов США Актом Конгресса США от 25 июня 1948 г. (United States Code (USC): Title 18 – «Crimes and Criminal Procedure»).

В этом документе изложен иной подход к классификации убийств, нежели в Примерном УК –

здесь подобные преступления разделены следующим образом – имеется две степени так называемых в общем праве тяжких убийств (murder) и простое (непредумышленное) убийство (manslaughter).

Согласно ст. 1111 Раздела 18 СЗ США, тяжкое убийство первой степени (murder in the first degree) – это противоправное причинение смерти человеческому существу, совершенное со злым (т.е. прямым – прим. автора) умыслом. Сюда относятся все убийства, совершенные с помощью яда, из засады, или любой другой вид преднамеренного, обдуманного, злонамеренного и заранее спланированного убийства или убийства, совершенные в ходе или при попытке совершения поджога, побега, другого убийства, похищения человека, измены, шпионажа, саботажа, отягченного сексуального насилия или сексуального насилия, жестокого обращения с детьми, кражи со взломом или грабежа, или совершенные как часть систематического насилия или попыток в отношении детей, или совершенные незаконно и злонамеренно с целью смерти любого человека (кроме самого виновного лица).

Любое другое убийство – это убийство второй степени (murder in the second degree) [4].

В свою очередь простым (непредумышленным) убийством, согласно ст. 1112 Раздела 18 СЗ США, признается незаконное умерщвление человека без злого умысла, которое может быть произвольным (при внезапной ссоре или в состоянии аффекта) или вынужденным (к примеру, в силу отсутствия должной осторожности и осмотрительности виновного в ходе законного поведения, которое повлекло смерть) [5].

Помимо федерального законодательства, такой подход характерен для штатов, уголовные законы которых не подвергались значительному реформированию (например, штат Калифорния).

Однако американская правовая система изменила бы сама себе, если бы и здесь не было своих особенностей. Вышеизложенный подход к классификации убийств по степеням также не является единственно возможным. Второй подход к данному вопросу является более современным и во многом схож с российским УК – в этом случае закон предусматривает различные квалифицирующие признаки, которые относят убийство к первой степени и отдельные привилегированные признаки, которые позволяют снизить тяжесть содеянного. В качестве квалифицирующих признаков могут выступать особенности статуса отдельных категорий потерпевших, нуждающихся в повышенной уголовно-правовой защите – судей, прокуроров, полицейских и т.д., отрицательные данные о личности обвиняемого – ранее судим за убийство, заключенный и т.д., способа совершения преступления – с особой жестокостью, пытками и т.д., и ряд прочих признаков, к примеру, корыстный мотив, по найму, сопряженное с другим преступлением

и т.д. В качестве привилегированного признака выступает наличие утверждающей защиты, в частности, чрезвычайно сильное душевное волнение.

Справедливости ради, следует отметить, что различия между убийством первой и второй степени иногда настолько размыты, что даже опытные судьи не всегда могут их однозначно определить.

Таким образом, по результатам нашего исследования можно прийти к следующим выводам. Система американского уголовного права, несмотря на декларируемые в течение более чем полвека реформы, по-прежнему остается казуистичной и рассогласованной, поскольку в ней отсутствует единообразный подход к основным уголовно-правовым категориям, касающимся квалификации преступлений, как на уровне штатов, так и с позиции федерального законодательства, и, более того, не существует единого перечня преступлений. Подобное положение вещей грубо попирает основные принципы уголовного права – «Non bis in idem» (нельзя судить дважды за одно и то же) и «Nullum crimen nulla poena sine lege» (нет преступления, если оно не указано в законе). При анализе тенденции развития американского уголовного права на примере квалификации убийств, следует отметить, что чем больше в нем проявляется влияние реформ, тем больше появляется общих признаков с российским уголовным правом. Подобная

тенденция свидетельствует о том, что положения отечественного уголовного права, будучи проверены временем, являются более перспективными в плане унификации норм уголовного законодательства и могут являться своеобразными стандартами в науке международного уголовного права.

Библиографический список

1. Конституция Соединенных Штатов Америки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1121269> (дата обращения 22.05.2015).
2. Примерный уголовный кодекс США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1250258&subID=100114498,100114499,100114503,100114513#text> (дата обращения 23.05.2015).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_30.html#p2346 (дата обращения 20.05.2015).
4. U.S. Code: Title 18, §1111. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1111> (дата обращения 23.05.2015).
5. U.S. Code: Title 18, §1112. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1112> (дата обращения 23.05.2015).

Юматов Василий Алексеевич

кандидат юридических наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
sudexpert2011@mail.ru

Маркина Марина Викторовна

кандидат физико-математических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
markinamv6213@yandex.ru

Ковалева Анна Сергеевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
aniutakowaliowa@yandex.ru

ПРОГРАММА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ И АВТОРИЗАЦИИ ТЕКСТА «КАТ»

В статье рассматривается диагностическое исследование почерковых объектов, где на основе авторской программы анализируются свойства личности, дается система признаков и характеристика их информативности. Авторы подчеркивают, что, несмотря на то, что теоретические основы судебно-почерковедческого идентификационного исследования уже сложились, в отношении научной базы для атрибутивно-диагностических исследований базовых данных чрезвычайно мало.

В предоставленной работе для получения данных об исполнителе текстов авторы предлагают комплексное исследование, где в программе создаются заданные параметры. Для реализации этих целей используется программный комплекс обработки текстовой информации с учетом особенностей русского языка.

Ключевые слова: диагностические исследования, алгоритмы нахождения слов текста и знака, вычисление индекса Флеша и Ганнинга в исследуемом тексте.

В настоящее время судебное почерковедение и лингвистическая экспертиза основываются на рассмотрении текста как речевого знака, продукта речевой деятельности. Разработанные в судебном почерковедении теоретические основы судебно-почерковедческого идентификационного исследования уже сложились. Имеется довольно четкое представление о существенных качествах почерка, позволяющих видеть в нем источник информации об идентификации исполнителя рукописи – индивидуальности, устойчивости, вариационности.

Вместе с тем, в отношении же научной базы для атрибутивно-диагностических исследований подобного рода базовых данных чрезвычайно мало. Как верно отмечает В.Ф. Орлова, «в работах графологов и криминалистов чаще всего декларируются многие общие положения о том, что в почерке отражаются различные свойства личности: социально-демографические, физиологические и психологические, причем многие позиции выдвигаются в виде гипотез, еще ждущих своего подтверждения. Научные же разработки о конкретных зависимостях почерка от свойств личности... немногочисленны. Они свидетельствуют о том, что соответствующие зависимости существуют, но, как правило, не раскрывают механизма их отображения в почерке. Сведения об этих зависимостях, несмотря на наличие методического выхода отдельных разработок, все же фрагментарны и целостной системы не образуют» [2].

Следует отметить, что письменная речь отражает психофизические и интеллектуальные особенности мыслей человека и поэтому «может быть высказано предположительное суждение об авторе

анонимного документа: его половой принадлежности, национальности, образовании, возрасте, профессии, месте работы и жительства и др.» [1].

Не пытаясь на современном, явно недостаточном для этого материале, построить определенную систему знаний, попробуем несколько пополнить фрагментарное представление о свойствах личности и закономерностях, определяющих зависимость от них почерковых объектов.

В предоставленной работе для получения интересующих нас данных об исполнителе текстов мы предлагаем комплексное исследование, где в программе создаются заданные параметры (они могут быть расширены в зависимости от целей исследователя). Для реализации этих целей используется программный комплекс обработки текстовой информации с учетом особенностей русского языка. В этих целях исследуемый текст, предназначенный для обработки, должен быть подготовлен в виде текстового файла или введен в онлайн режиме пользователем программы. Для проверки правильности написания слов применяется словарь, который является текстовым файлом. Инструкция по работе с программой загружается при выборе пункта меню «Справка».

В программе реализованы следующие алгоритмы:

1. Алгоритм формирования массива слов текста и знаков препинания после каждого слова. Список возможных знаков препинания задается.
2. Алгоритм определения частоты встречаемости слов и знаков препинания.
3. Алгоритм нахождения наиболее употребляемых слов и знаков препинания.
4. Алгоритм нахождения прилагательных в тексте и подсчета их количества. Прилагательные идентифицируются по окончанию слова.

5. Алгоритм нахождения глаголов в тексте и подсчета их количества. Глаголы идентифицируются по окончанию слова.

6. Алгоритм формирования массива предложений, из которых состоит исходный текст.

7. Алгоритм подсчёта среднего количества слов в предложениях текста.

8. Алгоритм поиска слов в словаре, использующий бинарный поиск элемента в массиве. Для поиска замены для ошибочно написанного в тексте слова используется понятие «дистанция Левенштейна» Эта «дистанция» – минимальное количество правок первого слова (под правками подразумеваются три возможные операции: стирание символа, замена символа и вставка символа), чтобы превратить его во второе слово.

9. Алгоритм вычисления индекса Флеша–Кинкейда (FRE – индекс).

Индекс Флеша – это мера оценки сложности текста. Вычисляется по формуле:

$$FRE = 206.835 - (1.3 \times ASL) - (60.1 \times ASW)$$

где: ASL – средняя длина предложения в словах (англ. Average Sentence Length); ASW – средняя длина слова в слогах (англ. Average Number of Syllables per Word).

Индекс по шкале FRES (Flesch Reading Ease Scale) распределяется таким образом:

100 и выше: Очень легко читается. Средняя длина предложения составляет 12 или менее слов. Нет слов из более чем двух слогов.

От 65 до 100: простой язык. Средняя длина предложения составляет от 15 до 20 слов. В среднем слова имеют 2 слога.

От 65 до 30: Труднее читается. Предложения содержат до 25-ти слов. Обычно, двусложные слова.

От 0 до 30: Очень трудно читать. В среднем, предложение имеет 37 слов. Слово имеет в среднем более 2-х слогов.

10. Алгоритм вычисления индекса Роберта Ганнинга (FOG-индекс).

Индекс Ганнинга показывает, какой образовательный уровень нужен для усвоения данного материала. Чем индекс меньше, тем большей аудиторией он будет понятен.

Для русскоязычных текстов вычисляется по формуле

$$\text{Индекс Ганнинга} = 0.4 \left[0.78 \left(\frac{\text{слов}}{\text{предложений}} \right) + 100 \left(\frac{\text{число сложных слов}}{\text{число слов}} \right) \right],$$

где число сложных слов – количество слов, с числом слогов больше трёх; 0.78 – поправочный коэффициент для русского языка.

Считается, что индекс в пределах от 16 до 20 подходит для людей с высшим образованием; 13–15 – для студентов младших курсов; 9–12 – уровень старших классов (или газетный уровень); 8 и ниже – уровень школьников.

Программа написана на языке C++ в среде Visual Studio 2012 [3][4].

Функции программы: Selection(list<Item> res, long&k) – выборка слов из исходной строки и вывод таблицы. Используется для нахождения количества глаголов и прилагательных; IsEndSens(Item c) – поиск конца предложений; GetCountAdjective() – вычисление количества прилагательных в тексте; GetCountVerb() – вычисление количества глаголов; GetCountSentence() – вычисление количества предложений текста; GetMeanCountWordinSentence() – поиск среднего количества слов в предложении; Convert(char&symb) – перевод символа из верхнего регистра – в нижний; DistLevinStane(const std::string& from, const std::string& to) – возвращает количество действий для добавления/удаления/замены символов (используется для проверки грамотности); findWord(string in) – поиск слов в словаре; getIndexFOG() – подсчёт индекса туманности; getIndexFOG() – подсчёт индекса туманности;

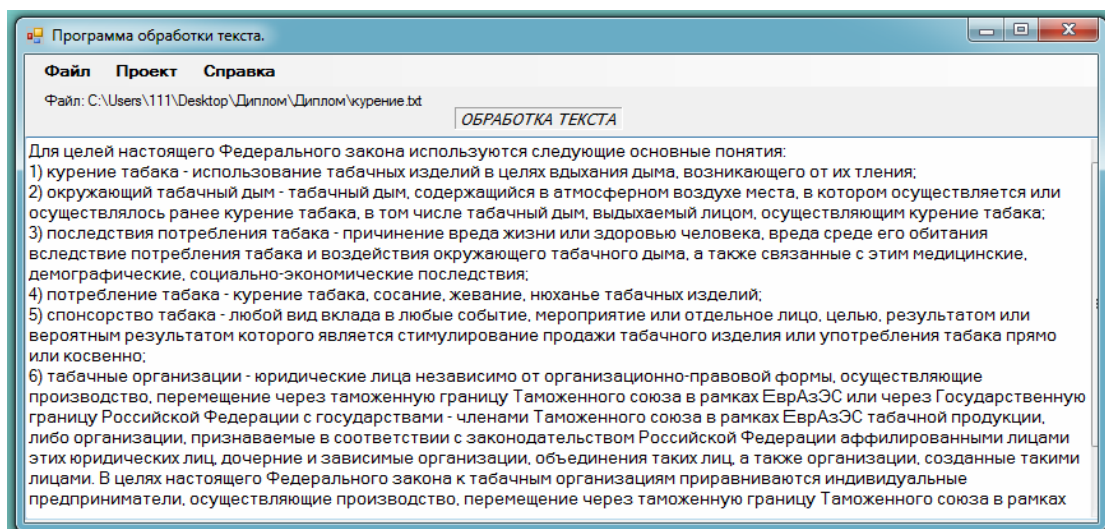

Рис. 1.

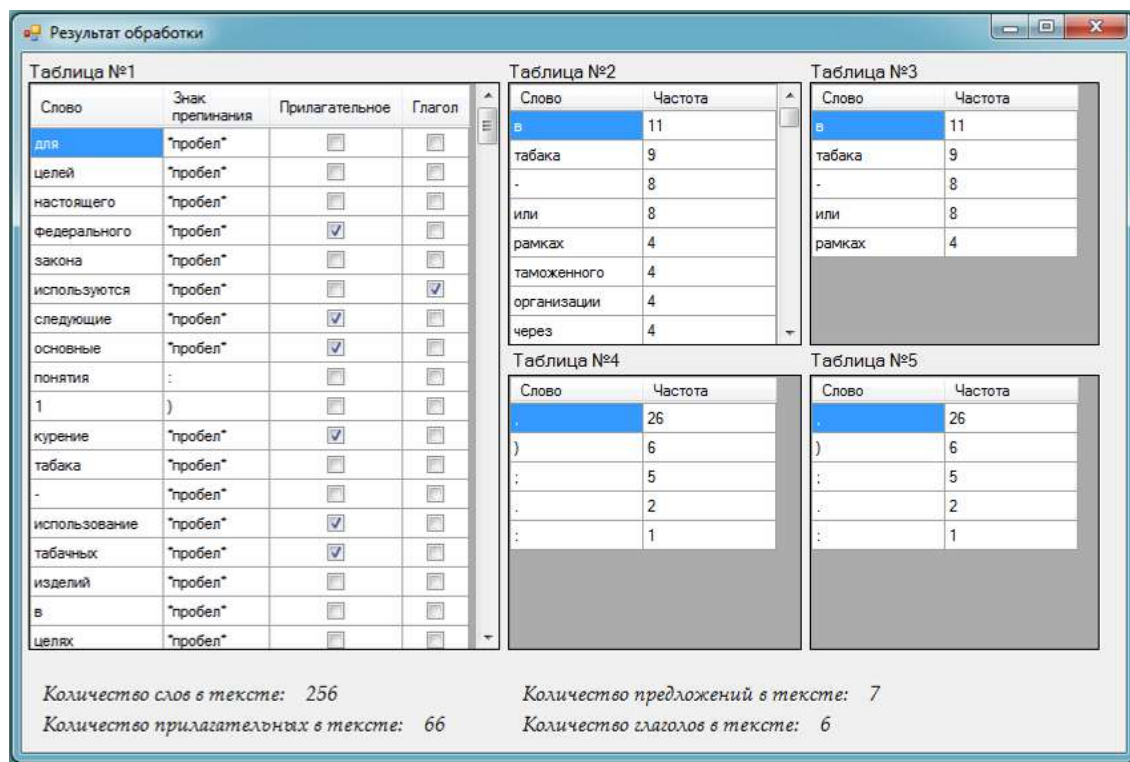

Рис. 2.

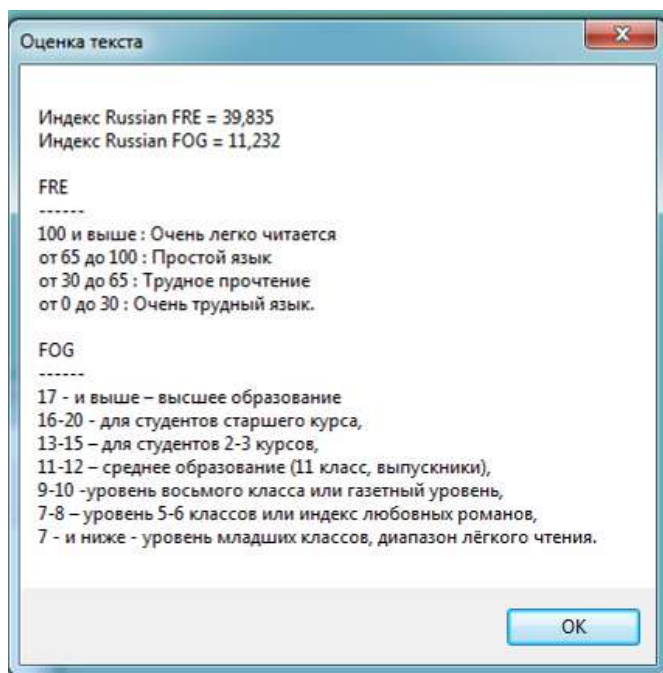

Рис. 3.

getIndexFRE() – подсчёт индекса удобочитаемости; IsVerb() – поиск всех глаголов; GetWord() – поиск всех слов в текста; GetPrep() – поиск знаков препинания; GetCountSyllableInWord() – подсчёт слогов; IsAdjective() – поиск всех прилагательных в тексте.

Рассмотрим пример обработки текстовой информации с помощью данной программы.

Считанный из файла текст – закон о запрете курения (рис. 1).

На рисунке 2 представлены результаты обработки текста с помощью представленной программы. В таблицу 1 на рисунке 2 помещены результаты деления текста на слова с определением знаков препинания после каждого слова и идентификацией прилагательных и глаголов. Таблица 2 на рисунке 2 – результат подсчета частоты встречаемости для каждого слова текста. В таблице 3 на рисунке 2 представлены самые популярные слова из обра-

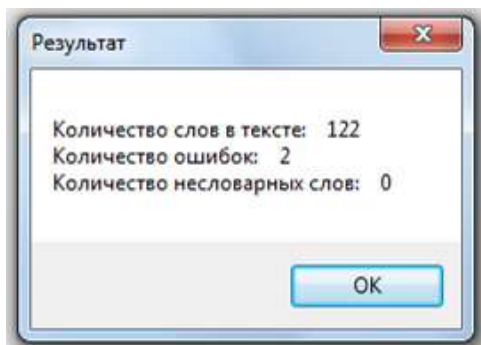

Рис. 4.

ботанного текста. Таблица 4 на рисунке 2 – результат подсчета частоты встречаемости каждого знака препинания. В таблицу 5 на рисунке 2 помещены самые популярные в этом тексте знаки препинания. Также выдается информация о том, сколько в тексте слов, предложений, прилагательных, глаголов.

Рисунок 3 – результат вычислений индексов Флеша и Ганнинга для данного текста.

Результаты проверки произвольно введенного текста на грамматические ошибки представлены на рисунке 4.

На основании полученных данных можно заключить, что предлагаемый программный продукт криминалистической диагностики и авторизации текста «КАТ» будет способствовать повышению эффективности обработки русскоязычных текстов и, следовательно, может быть использована в учебном процессе при подготовке судебных экспертов по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», а также практических работников – судебных экспертов.

Библиографический список

1. Ищенко Е.П. Криминалистика: Курс лекций. – М.: Юридическая фирма «Контракт»; Аст-Москва, 2007. – 406 с.
2. Маркина М.В., Савихин О.Г. Введение в разработку приложений в Visual Studio.NET. Электронное учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: ННГУ, 2011. – 60 с.
3. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. – 160 с.
4. Bjarne Stroustrup, The C++ Language: Third Edition, Special. 2007. – 1054 с.

Демидюк Виктор Александрович

кандидат юридических наук, доцент

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

demidyuk-victor@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВОЛИ И ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В СДЕЛКАХ С УЧАСТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена правовой природе воли и волеизъявлению в сделках, в том числе с участием Федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования, в ней рассмотрены различные точки зрения ученых юристов и психологов относительно понятий категорий «воля» и «волеизъявление». Исследуется процесс формирования воли субъектов сделки, в том числе формирование приоритетной воли ФГБОУ ВПО. Исследован процесс совпадения воли и волеизъявления субъектов при совершении различных сделок. Показаны случаи несовпадения воли и волеизъявления субъектов сделки, а также наступившие последствия такого несовпадения. Анализируются взгляды ученых по поводу приоритета воли или волеизъявления в сделках. Подвергается критике использование в гражданском законодательстве терминов «умысел», «намерение», «мотив». Вместо них предлагается использовать понятия «воля» и «волеизъявление». Показана правосубъектность юридических лиц, в том числе правоспособность ФГБОУ ВПО. Исследована правовая природа воли юридических лиц, а также содержание, элементы и стадии различных гражданско-правовых сделок. Рассматривая три стадии сделок как имущественных юридических отношений, автор обращает внимание, что в настоящее время в литературе не учитывается такой важный элемент, как результат сделки.

Ключевые слова: сделки, воля, волеизъявление, правовая природа и приоритет воли юридических лиц.

Сделки как юридические отношения возникают, изменяются (развиваются) и прекращаются ввиду проявления воли (волеизъявления) вовне субъектами права. «Воля» и «волеизъявление» выступают важными составляющими элементами сделки.

В гражданском законодательстве и юридической литературе исследованию понятий «воля» и «волеизъявление», на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания. Так, в главе 9 (Сделки) ГК РФ термин «воля» упоминается только в пункте 3 статьи 159 ГК, в других случаях законодатель использует другие термины-заменители: «умысел» – абзац 2, 3 статьи 169 ГК, «намерение» – пункт 1 статьи 170 ГК, «мотив» – абзац 2 пункта 1 статьи 178 ГК. Понятие «волеизъявление» в главе 9 Гражданского Кодекса РФ законодателем вообще не употребляется. Следовательно, законодатель не придерживается единого подхода в рассмотрении и закреплении таких элементов сделки как «воля» и «волеизъявление».

Такое положение препятствует единому пониманию и осмыслению сделок в гражданском и образовательном законодательстве.

Понятие воля является психологической категорией, поэтому ее исследование невозможно без участия психологии. Воля – это внутреннее намерение, желание субъекта, направленное на достижение определенного правового результата. Воля определяется как «психическое регулирование поведения, заключающееся в детерминированном и мотивированном желании достижения поставленной цели, в выборе решения, разработке путей, средств и применения усилий для их осуществления» [2, с. 278].

Известный ученый психолог С.Л. Рубинштейн отмечал, что любое психическое явление – это и отражение действительности, и звено в регуляции деятельности; при этом воля является высшей (как побудительной, так и распорядительной) формой психической регуляции. Зачатки воли заключены в потребностях как исходных побуждениях человека к действию [8, с. 264].

Другие ученые рассматривали волю как деятельную сторону разума и морального чувства. В волевых действиях реализуется активность личности. В науке психологии считается, что волевые действия характеризуются физическими и психическими условиями, вызванными преодолением значительных трудностей и препятствий.

Волевое усилие, в свою очередь, определяется как «форма эмоционального стресса, мобилизующего внутренние ресурсы человека (память, мышление, воображение и пр.), создающего дополнительные мотивы к действию, которые отсутствуют или недостаточны, и переживаемого как состояние значительного напряжения» [14, с. 161, 358].

Процесс формирования воли в настоящее время представляет интерес не только для психологов, а также для юристов, которые связывают волю с ее проявлением вовне (волеизъявлением). Процесс волеизъявления является важным, так как он приводит в действие сам механизм совершения сделки.

Правовая природа воли субъекта может носить как правомерный, так и неправомерный характер. В случае выражения вовне любой из этих волей, деяния субъекта будут подпадать под действие гражданского, образовательного, семейного и других видов законодательства.

Можно согласиться с точкой зрения Ф.С. Хейфец, которая считает, что «Воля, не проявленная вовне, не имеет юридического значения. Решение лица совершить сделку доводится до сведения других лиц посредством волеизъявления. Естественно, что воля, проявленная вовне, не перестает быть волей, но только таким способом она становится известной другим участникам гражданского оборота и может порождать правовые последствия» [12, с. 8].

Таким образом, воля может «управлять» действиями субъекта. Изучение воли конкретного субъекта с точки зрения ее правомерности или неправомерности оценивается с позиции действующего законодательства.

Рассмотрим, к примеру, волю человека, сосредоточенную на поступлении в Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования (в дальнейшем ФГБОУ ВПО). Формирование такой воли у человека в образовательном праве детерминировано посредством заключения договора об образовании с ФГБОУ ВПО. В этой связи в зависимости от природы воли и волеизъявления субъекта, будут применяться соответствующие нормы образовательного законодательства.

Процесс формирования воли представляет интерес и имеет большое значение в сфере гражданского и образовательного законодательства. Анализ имеющейся юридической и психологической литературы позволяет утверждать, что изучению воли физического лица посвящено большее число работ [7, с. 24; 8, с. 85; 9, с. 227; 10, с. 262; 13, с. 48], чем исследованию природы иных субъектов гражданского права. Причина такого положения, по нашему мнению, заключается в том, что юристы основали свои выводы на разработках психологов, которые в качестве первостепенного объекта исследования рассматривают человека.

Участниками сделки в сфере образования могут выступать различные субъекты гражданского права: физические и юридические лица, публично-правовые образования, в том числе ФГБОУ ВПО.

При этом следует отметить фактическое отсутствие научных публикаций в сфере исследования *правовой природы воли юридических лиц, в том числе различных видов высших учебных заведений.*

Авторы ограничиваются тем, что перечисляют только лишь субъектов сделки без исследования правовой природы воли каждого из них. По мнению большинства ученых, сделка является действием граждан и юридических лиц как основных участников регулируемых гражданским правом отношений. Кроме того, сделки могут совершаться Российской Федерацией, ее субъектами или муниципальными учреждениями. ФГБОУ ВПО также имеют право совершать различные гражданско-правовые сделки, не противоречащие их

Уставу. В этом случае к ним по общему правилу будут применяться нормы о сделках, совершаемых юридическими лицами.

По мнению В.С. Ема, «содержание воли субъектов сделки формируется под влиянием социально-экономических факторов. Лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, заключают сделки, чтобы обеспечить сбыт товара, оказание услуг с целью получения прибыли; граждане посредством совершения сделок удовлетворяют материальные и духовные потребности и т.п.» [4, с. 8–10]. При этом автор оставил без внимания другие субъекты имущественных юридических отношений: юридические лица, публично-правовые образования, в том числе и ФГБОУ ВПО. Конечно, правосубъектность ФГБОУ ВПО носит специфический характер, т.к. главной их задачей является обучение и воспитание студентов.

Известный советский ученый в области гражданского права Б.Б. Черепахин писал о том, органы юридического лица могут создаваться для формирования его воли («волеобразующие органы») и для одновременного выражения его воли вовне, по отношению ко всем третьим лицам – участникам имущественного оборота («волеизъявляющие», или исполнительные органы) [13, с. 295–306].

С точки зрения Ю.П. Егорова, вопросы участия субъектов в сделках следует рассматривать через призму их правосубъектности. По его мнению, физические лица должны обладать интеллектуальной и волевой состоятельностью [3, с. 41]. Применительно к юридическим лицам также должны быть выполнены требования надлежущей правосубъектности, т.е. признание за организацией статуса юридического лица.

ФГБОУ ВПО в соответствии со своей правоспособностью вправе совершать гражданско-правовые сделки, (например, покупать учебное оборудование), заключать договоры строительного подряда, договоры с ресурсоснабжающими организациями, заключать договоры долевого участия в строительстве жилых домов для сотрудников и нежилых помещений для проведения учебных занятий), а также заключать договоры на оказание платных образовательных услуг, которые не противоречат Уставу. Однако ФГБОУ ВПО не может заключать сделки, противоречащие Уставу (например, не может завещать имущество, находящееся на своем балансе, не может заключать договор коммерческой концессии и др). Особенность состоит в том, что от имени ФГБОУ ВПО сделки заключает администрация этих образовательных учреждений в лице ректора.

Необходимо отметить, что воля – это сложная категория, аккумулирующая совокупность биологических, психических и физических процессов субъекта под воздействием социальных, нравственных и экономических детерминантов.

Воля юридических лиц, по нашему мнению, представляет собой волю как некий «общий знаменатель», к которому приходит, например, Ученый совет ФГБОУ ВПО в процессе голосования «за» или «против» в процессе защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора наук.

Воля Федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования также выступает как общая и согласованная воля, сочетающая в себе волю представителей трудового коллектива вуза, наделенных правом выражения собственной (субъективной) воли в целях формирования единой воли субъекта права.

Думается, что выражению *единой воли* ФГБОУ ВПО предшествует процесс, состоящий из следующих *этапов*:

1) формирование субъективной воли у членов коллектива преподавателей, сотрудников и студентов вуза;

2) выражение воли вовне управомоченными органами управления ФГБОУ ВПО;

3) коллективное обсуждение выраженных волей и выбор *приоритетной воли* (например, посредством голосования на общем собрании трудового коллектива ФГБОУ ВПО с учетом соблюдения правосубъектности, а также его прав и законных интересов).

В последующем *приоритетная воля* ФГБОУ ВПО будет выражена вовне через уполномоченных лиц (ректорат вуза) от имени самого вуза.

Волеизъявление – это выражение, т.е. внешнее проявление воли потенциальными участниками сделки.

Одно из основных положений теории сделок заключается в единстве воли и волеизъявления. Однако механизм выражения воли вовне субъектами права в целях совершения сделки исследуется учеными по-разному.

По мнению большинства авторов, воля и волеизъявление субъекта должны совпадать. Такое совпадение презюмируется гражданским и образовательным законодательством. Присутствие же волеизъявления предполагает наличие воли. Если строго следовать тезису о единстве воли и волеизъявления в сделке, то там, где нет такого единства, не может быть заключена сделка. С другой стороны, так как внутренняя воля недоступна для внешнего восприятия, то выявление и оценка соответствия внутренней воли внешнему ее проявлению во всех случаях совершения сделок поставят под сомнение саму возможность существования гражданского оборота [3, с. 3].

На практике имеют место случаи несовпадения воли и волеизъявления у субъекта. «Может случиться, что воля выражена лицом так неудачно, что внешнее ее выражение (или волеизъявление) оказалось не соответствующим внутреннему решению, тому намерению, которое было у данного

лица. Тогда возникают вопросы: чему придать преимущественное значение – воле или ее внешнему выражению, и можно ли признать договор состоявшимся» [3, с. 40]. Презюмируется, что борьба между словом и волей стороны проходит через всю классическую юриспруденцию. Например, ФГБОУ ВПО может совершить сделку в результате обмана со стороны контрагента или по ошибке, которая будет считаться ничтожной.

В научных кругах ведутся споры на предмет предпочтения воле или волеизъявлению. В Древнем Риме при толковании договоров приоритетное значение отдавалось волеизъявлению, а подлинная воля лица не исследовалась. В классический период считалось, что внешнее выражение воли (слово, письмо) не должны иметь исключительного значения и вытеснять из поля зрения подлинное намерение, подлинную мысль лица, вступившего в сделку. То есть в случае расхождения воли и волеизъявления никакого юридического результата не возникало. В более позднее время сложилось убеждение, что если воля не соответствует волеизъявлению, а содержание подлинной воли можно установить, договор должен толковаться не по букве, а по скрывающейся за буквой мысли.

Современные ученые не имеют единого мнения по вопросу приоритета воли или волеизъявления в сделках.

Так, одни ученые (Н.В. Рабинович, В.П. Шахматов и др.) считают, что при расхождении между волей и волеизъявлением (если сделка признается состоявшейся и истинная воля может быть выяснена) предпочтение должно быть отдано воле. Если стороны не могут представить доказательства в подтверждение истинной воли на момент совершения конкретной сделки, следует признать невозможность определения истинной воли.

Другая группа ученых (И.Б. Новицкий и др.) отдают предпочтение волеизъявлению, так как в сделках «юридические последствия связываются именно волеизъявлением, благодаря чему и достигается устойчивость сделок и всего гражданского оборота в целом» [6, с. 169–172].

Третьи авторы исходят из равнозначности воли и волеизъявления. По мнению М.М. Агаркова, О.А. Красавчикова, О.С. Иоффе, В.А. Мусина, А.М. Белякова, Ф.С. Хейфец и других «оба эти элемента совершенно необходимы и равнозначны. Только в их единстве заложена сущность сделки. Отсутствие любого из этих элементов означает отсутствие сделки» [5, с. 39].

С этим мнением не соглашается М.В. Телюкина, которая утверждает, что «с одной стороны, действительно, воля и волеизъявление не должны противопоставляться, должны полностью совпадать, быть едиными. С другой стороны, если они все-таки не совпадают, считать сделку на этом основании несостоявшейся представляется не вполне

не обоснованным» [11, с. 19]. Мы присоединяемся к последней точке зрения.

В статьях 166–181 Гражданского кодекса РФ раскрываются только лишь основания для признания недействительности сделки (оспоримость либо ничтожность), без конкретизации порочности воли или волеизъявления. Сами же термины «воля» и «волеизъявление» в указанных нормах законодателем не упоминаются.

В статье 169 ГК РФ законодатель использует термин «умысел». По нашему глубокому убеждению, термин «умысел» более приемлем в отраслях уголовного или административного права, поэтому и находит закрепление в Уголовном кодексе РФ, а также в Кодексе РФ об административных правонарушениях. Возможно, законодатель специально употребил термин «умысел» в Гражданском кодексе РФ, чтобы вызвать соответствующие ассоциации на предмет противоправности самой воли, а равно и выражения такой воли вовне.

В ст. 170 ГК РФ законодатель использует термин «намерение», а в ст. 178 ГК РФ термин «мотивы сделки». Однако термины «намерения» и «мотивы сделки» не должны использоваться в гражданском, а тем более в образовательном праве.

Действующее гражданское законодательство избегает использования понятий «воля» и «волеизъявление», что создает сложности, как при толковании отдельных норм, а также для развития концепции гражданского права.

Считаем целесообразным в нормах гражданского и образовательного законодательства о сделках использовать строго определенные понятия: воля и волеизъявление. Отсутствие в законе единого подхода в регламентации положений о сделках вызывает необходимость в корректировке соответствующих норм ГК РФ.

Принимать участие в сделке могут и публично-правовые образования, в том числе ФГБОУ ВПО, являющиеся субъектами юридических имущественных отношений. Они вправе совершать различные сделки, за исключением противоречащих самой природе данных публичных образований.

Общепризнанно и не подвергается сомнению в научных кругах, что общественные отношения, урегулированные нормами Гражданского Кодекса РФ, являются правоотношениями. Как справедливо заметил А.И. Бибилов, «правоотношение, в рамках которого свобода воли реализуется, позволяют оценить свободу как меру возможного не только со стороны восприятия объективных, но и субъективных факторов действительности» [1, с. 198].

В юридической литературе ученые цивилисты выделяют следующие признаки сделки: правовая цель, воля и волеизъявление, содержание, форма и субъекты сделки. Другие авторы указывают такие элементы сделки, как правомерность, волевой характер, значимость целенаправленных действий.

Третьи – характеризуют сделку как волевой акт (включающий внутреннюю волю лица, совершающего сделку, и волеизъявление), действие участников имущественных отношений, целевую направленность (воля в сделке специально направлена на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей).

Анализ существующих позиций в науке гражданского права позволяет прийти к выводу о том, что авторы не выделяют такой важный элемент сделки, как результат. Причем, исследуя правовую природу сделки, отдельные авторы, так или иначе, касаются результата сделки.

По нашему мнению, сделка как имущественное юридическое отношение возникает, изменяется (развивается) и прекращает свое существование на протяжении следующих трех стадий.

Первая стадия – возникновение юридического отношения, на которой у субъектов на основе конкретной нормы ГК РФ и правосознания возникают конкретные права и обязанности.

На *второй стадии* имущественного юридического отношения у субъектов имущественного юридического отношения происходит исполнение и реализация прав к исполнению обязанностей. Вследствие неразрывного единства формы (реализации требований нормы) и содержания любого явления конкретные действия субъектов юридического отношения приобретают правовую значимость, правовую сущность. Любая целенаправленная деятельность должна завершаться конкретным результатом, для достижения которого она и осуществлялась.

На *третьей стадии* содержание имущественного юридического отношения составляет результат конкретной деятельности субъектов имущественных юридических отношений.

Поэтому в силу неразрывности формы и содержания любого явления, результат конкретной деятельности (содержание) и результат реализации требований нормы на третьей стадии будут составлять правовой результат, с достижением которого конкретное юридическое отношение прекращает свое существование.

Библиографический список

1. Бибилов А.И. Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2015. – № 2. – С. 195–199.
2. Введение в психологию: Учеб. / под ред. А.В. Петровского. – М.: Академия, 1995. – 496 с.
3. Егоров Ю.П. Воля и ее изъяснение в сделках // Законодательство. – 2004. – № 10.
4. Ем В.С. Некоторые проблемы теории сделок // Цивилистическая практика: Информационный бюллетень. – 2002. – № 5.

5. Курмашев Н.В. Учение о воле в юридической сделке в советской и современной российской цивилистической науке // Вестник гражданского права. – 2007. – № 1.

6. Новицкий И.Б. Римское право. Учебник. 7-е изд. – М.: ТЕИС, 2002. – 310 с.

7. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление. – Душанбе: Дониш, 1983. – 256 с.

8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М.: Пед. Академия наук СССР, 1957. – 328 с.

9. Симонов П.В. Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1987. – 272 с.

10. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология

человека: введение в психологию субъективности. – М.: Школа-пресс, 1995. – 384 с.

11. Телюкина М.В. Понятие сделки: теоретический и практический аспекты // Адвокат. – 2002. – № 8.

12. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. – М.: Юрайт, 2000. – 162 с.

13. Черпахин Б.Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001.

14. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М., 1998. – 120 с.

УДК 347.971.99

Бухарев Антон Викторович

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
bukharev89@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОТКРЫТОСТИ И ПРОЗРАЧНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

В статье исследованы отдельные способы обеспечения доступа к информации о деятельности судов, такие, как присутствие граждан, представителей организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления в открытом судебном заседании, размещение информации о деятельности судов в сети «Интернет», проанализированы актуальные проблемы их реализации. Изучены особенности фиксации хода судебного разбирательства лицами, присутствующими в открытом судебном заседании. Исследованы организационно-правовые аспекты осуществления допуска лиц в залы судебных заседаний, сформулировано научно обоснованное предложение по совершенствованию порядка допуска в здание суда представителей средств массовой информации. Далее в статье проанализированы особенности размещения информации о деятельности суда и текстов судебных актов в сети «Интернет», рассмотрены проблемные вопросы исключения персональных данных из текстов судебных актов, приведены статистические сведения о размещении судебных актов в сети «Интернет». Сделан вывод о том, что деперсонализация публикуемого судебного акта должна осуществляться только по ходатайству лиц, участвующих в деле, при отсутствии заявленных ходатайств, тексты судебных актов следует размещать на официальном сайте суда в сети «Интернет» в полном объеме. Кроме того, в статье определены перспективные направления развития, направленные на повышение открытости судебной системы.

Ключевые слова: открытость правосудия, судебная система, судебное заседание, деперсонализация судебных актов.

В настоящее время судебная система находится в стадии реформирования. Некоторые изменения уже произошли и коснулись не только организации и условий работы судов, но и процедур, обеспечивающих защиту прав личности, доступность правосудия и повышения уровня их информатизации.

В современных условиях открытость и прозрачность деятельности судебной системы имеют важное значение. Открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство является одним из средств поддержания доверия общества к суду [4].

С 1 июля 2010 года вступил в силу Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспече-

нии доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», установивший как сам процесс организации доступа к сведениям о работе судебной системы, так и ключевые правила организации доступа к указанным сведениям. В данном Законе приведено определение информации о деятельности судов, названы основные принципы, указаны способы обеспечения доступа к информации, установлена форма предоставления такой информации, а также четко определены права пользователей информации.

Закон закрепляет различные способы для обеспечения доступа к информации о деятельности судов: 1) присутствие граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления в открытом судебном заседании; 2) обнародование (опубликование) информации о деятельности судов в средствах массовой информации; 3) размещение информации о деятельности судов в информационно-телекоммуникационной

сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет»); 4) размещение информации о деятельности судов в занимаемых судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества помещениях; 5) ознакомление пользователей информацией с информацией о деятельности судов, находящейся в архивных фондах; 6) предоставление пользователям информацией по их запросу информации о деятельности судов [2].

Присутствие граждан, представителей организаций в открытых судебных заседаниях необходимо признать одним из наиболее значимых способов организации доступа к информации. Указанный способ обусловлен применением ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации, предусматривающей открытое рассмотрение и разрешение дел во всех судах [1].

В этой связи необходимо отметить, что предусмотренные законом положения об открытости деятельности судебной системы время от времени не исполняются. В частности, бывают случаи, когда руководство суда не допускает лиц, имеющих намерение присутствовать на судебном разбирательстве, в зал судебного заседания под различными предлогами: отсутствие свободных мест и т.д. Урегулирование указанных ситуаций необходимо осуществлять в пользу обеспечения доступа к информации. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 13.12.2012 № 35 указал, что не допускается проведение открытых судебных заседаний в помещениях, исключающих возможность присутствия в них лиц, не являющихся участниками процесса, представителей редакций средств массовой информации (журналистов) [4].

По общему правилу разбирательство дел во всех судах открытое. Проведение разбирательства дела в закрытом судебном заседании возможно только по основаниям, предусмотренным федеральным законом (часть 2 статьи 10 ГПК РФ, часть 2 статьи 241 УПК РФ).

В то же время наличие в деле сведений, относящихся к частной жизни участвующих в деле лиц, не является безусловным основанием для принятия судом решения о проведении разбирательства дела в закрытом судебном заседании. Судам, при решении вопроса о проведении разбирательства дела в закрытом судебном заседании по мотиву обеспечения права лица на неприкосновенность частной жизни, надлежит принимать во внимание характер и содержание сведений о частной жизни лица, а также возможные последствия разглашения таких сведений.

Также следует обратить внимание на то, что федеральное законодательство не предусматривает обязанность лиц, присутствующих в открытом судебном заседании и фиксирующих его ход в письменной форме и (или) с помощью средств

аудиозаписи, уведомлять суд и получать у него разрешение на фиксацию хода судебного разбирательства в данных формах.

К письменной форме фиксации хода судебного разбирательства относятся, в том числе, ведение непосредственно в сети «Интернет» текстовых записей, осуществляемых с помощью компьютерных и иных технических средств, а также зарисовки судебного процесса.

Однако фотосъемка, видеозапись, киносъемка, а также трансляция по радио и (или) телевидению хода судебного разбирательства могут осуществляться исключительно с разрешения суда [4].

Порядок доступа лиц в залы судебных заседаний, занимаемые судами помещения, устанавливается регламентами судов и (или) иными актами, регулирующими вопросы внутренней деятельности судов. Так, правила пребывания посетителей в Ленинском районном суде города Костромы устанавливают, что допуск в здание суда представителей средств массовой информации, а также внесение в здание суда усилительной и радио-, теле-, кино-, фотоаппаратуры осуществляется при предъявлении представителями СМИ служебных удостоверений с разрешения председателя суда или его заместителя [9]. Причем подобная практика допуска в суды представителей СМИ распространена повсеместно: в судах Пензенской [6], Тамбовской [7], Тверской области [8]. Таким образом, доступ журналистов в суд по сравнению с остальными гражданами оказывается ограничен вследствие того, что им необходимо получить специальное разрешение председателя суда, который по своему, не имеющему четких критериев усмотрению определяет, кого допустить на слушания. В то же время в постановлении Пленума Верховного Суда отмечено: «Учитывая, что присутствие журналистов в открытом судебном заседании в целях получения сведений по делу является законным способом поиска и получения информации, а также что при осуществлении профессиональной деятельности журналист выполняет общественный долг, не допускается чинение препятствий и отказ им в доступе в зал судебного заседания по мотиву профессиональной принадлежности, по причине отсутствия аккредитации и (или) по иным основаниям, не предусмотренным законом» [4]. На основании изложенного, в целях обеспечения равного доступа к информации о деятельности судов, необходимо внести изменения в соответствующие правила пребывания посетителей, определив, что допуск в здание суда представителей средств массовой информации в целях присутствия в открытом судебном заседании, фиксации хода судебного разбирательства осуществляется при предъявлении ими служебных удостоверений, допуск в здание суда в иных целях, а также внесение в здание суда радио-, теле-, кино-, фотоаппаратуры произ-

водится с разрешения председателя суда или лица, его замещающего.

Открытость и гласность судопроизводства позволяет всем заинтересованным лицам, присутствующим в судебном заседании, отслеживать законность осуществления правосудия, снижает вероятность коррупционной составляющей судебного разбирательства, и потому является гарантированным условием соблюдения справедливости.

Одним из способов обеспечения доступа к информации о деятельности судов является ее размещение в сети «Интернет». Интерес представляют особенности размещения в сети Интернет текстов судебных актов. Тексты судебных актов, за исключением приговоров, размещаются в сети Интернет после их принятия, а тексты приговоров размещаются после их вступления в силу. При размещении в сети «Интернет» текстов судебных актов, вынесенных судами общей юрисдикции, в целях обеспечения безопасности участников судебного процесса из указанных актов исключаются персональные данные.

Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 27.01.2011 № 253 утвержден Регламент организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в сети «Интернет» на официальном сайте суда общей юрисдикции (далее – Регламент). Согласно Регламенту ответственный работник аппарата суда в соответствии с требованиями законодательства и существующей компьютерной технологией проводит деперсонализацию текстов судебных актов и (или) исключение из них сведений ограниченного доступа. Согласно Регламенту деперсонализация – это исключение из текста судебного акта персональных данных. Регламентом установлен примерный перечень персональных данных участников судебного процесса, подлежащих исключению из объема сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов, размещаемых на сайте суда [5].

В научной среде многие исследователи критикуют деперсонализацию судебных актов, указывая на ее бессмысленность и даже абсурдность. Так отмечается, что деперсонализация судебных актов значительно затрудняет ознакомление с их текстами, поскольку из них исключаются полезные сведения, и, следовательно, текст судебного решения становится абсолютно нечитаемым.

По сути, в результате деперсонализации происходит обесмысливание значительной части информации, изложенной в судебных актах, которые представлены на сайтах судов. Этот показатель отличается по разным категориям дел, но наибольшему искажению подвергаются гражданские дела. Согласно результатам последнего исследования, значимые для дела данные в гражданских делах удалены почти в половине случаев (46%), из уго-

ловных дел удалены значимые для понимания существа дела данные в 26% случаев [10].

Деперсонализация судебных актов также привела к появлению следующего проблемного вопроса – значительному увеличению нагрузки работников аппарата суда, ответственных за указанное направление деятельности. Как следствие, районные суды публикуют судебные акты постоянно и неполно. Так, по результатам обобщения практики исполнения судами в 2013 году и первом полугодии 2014 года требований по обеспечению доступа к информации о деятельности судов, треть судебных решений по гражданским делам публикуются на сайтах районных судов с опозданием, около 20% не публикуются вообще [11]. Таким образом, в результате введения деперсонализации судебных актов, реализация принципа открытости судебной власти отчасти сведена к абсурду, стремление сделать судебные решения более доступными по факту приводит к их частичному или полному обесмысливанию.

Однако следует согласиться с тем, что на законодательном уровне должны содержаться гарантии для защиты персональных данных при опубликовании текстов судебных актов [12]. Поэтому вполне обоснованным представляется предложение о деперсонализации публикуемого судебного акта только по ходатайству лиц, участвующих в деле. При отсутствии заявленных ходатайств, тексты судебных актов размещаются на официальном сайте в сети «Интернет» в полном объеме.

Таким образом, несмотря на возникающие трудности при размещении информации о деятельности судов в сети «Интернет», опубликование судебных актов на официальных сайтах открывает широкие возможности для граждан и организаций, поскольку способствует обеспечению единства судебной практики, стимулирует к более ответственному подходу судей при оформлении принимаемых ими решений (постановлений), а также позволяет обеспечить максимальную гласность, открытость и прозрачность судебной власти.

При анализе перспективных направлений развития в области открытости деятельности судов, прежде всего, следует обратить внимание на Федеральную целевую программу «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». Среди приоритетных задач указанной Программы обозначена такая, как обеспечение открытости и доступности правосудия. Решить поставленную задачу призван комплекс мероприятий по информатизации судебной системы и внедрению современных информационных технологий. Программа к числу таких мероприятий относит:

– повышение открытости, доступности и прозрачности деятельности судов на основе информационно-коммуникационных технологий за счет применения систем видео- и аудиопотоколирова-

ния хода судебных заседаний, программно-технических средств оцифровки документов и оборудования видео-конференцсвязи;

– создание комплекса сканирования и хранения электронных образов судебных документов, а также проведение работ по переводу судебных архивов в электронный вид [3].

Эффективная реализация указанных мероприятий позволит не только решить проблемы доступа граждан к информации о деятельности судов, но и поднять уровень открытости всей судебной власти, сделать процедуру принятия решений прозрачной для общества, а также повысить социальную ответственность судей и работников аппарата суда.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч.1). – Ст. 6217.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 13.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.12 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета. – 2012. – № 292. – 19 декабря.
5. Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 27.01.2011 № 253 «Об утверждении регламента организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте суда общей юрисдикции» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».
6. Постановление Совета судей Пензенской области от 01.11.2012 «Об утверждении правил пребывания посетителей в Пензенском областном суде, районных (городских) судах г. Пензы и Пензенской области». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://luninsky.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=norm_akt&id=30 (дата обращения: 25.04.2015).
7. Приказ Управления Судебного департамента в Тамбовской области от 12.04.2012 № 19 «Об утверждении правил пребывания посетителей в районных (городских) судах Тамбовской области, Тамбовском гарнизонном военном суде». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sud24.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=norm_akt&id=32 (дата обращения: 25.04.2015).
8. Приказ председателя Тверского областного суда «Об утверждении правил пребывания посетителей в судах общей юрисдикции Тверской области». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.twr.sudrf.ru/modules.php?name=information&rid=9> (дата обращения: 25.04.2015).
9. Приказ председателя Ленинского районного суда города Костромы от 20.02.2012 № 30 «Об утверждении правил пребывания посетителей в Ленинском районном суде г. Костромы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://leninsky.kst.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=16 (дата обращения: 25.04.2015).
10. Абсурдность и юридическая несостоятельность деперсонализации судебных актов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.ru/review/view/66359> (дата обращения: 25.04.2015).
11. Непечатный приговор // Ведомости. – 2014. – № 228 (3732). – 8 декабря. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/807541/nepechatnyj-prigovor> (дата обращения: 25.04.2015).
12. Чижов М.В. Применение информационных и коммуникационных технологий в судебной деятельности в условиях формирования информационного общества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. – М., 2013. – С. 102.

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И НАЛОГОВЫХ СУДОВ КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье раскрываются проблемы создания в Российской Федерации системы административных судов как одного из основных направлений государственно-правового реформирования. Актуальность темы обусловлена тем, что создание правового государства связано с усовершенствованием судебной системы, что невозможно без проведения ряда реформ в соответствующих сферах жизнедеятельности государства. Развитие и укрепление судебной системы является одним из ключевых вопросов современной правовой реформы. Автор исследует действующее законодательство Российской Федерации в сфере судебной системы, основные принципы функционирования органов судебной власти, и приходит к выводу, что основные предпосылки для создания системы административных судов заложены в действующем законодательстве Российской Федерации. Кроме того, важнейшим шагом на пути к решению обозначенной проблемы является принятие 08.03.2015 г. Федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации», что будет являться основой для дальнейшего совершенствования данной сферы правоотношений, хотя на сегодняшний день решена только «процессуальная» часть проблемы.

Также автор настаивает на необходимости создания в перспективе системы «налоговых судов», которые будут специализироваться на одной из самых сложных и конфликтных категорий административных дел.

Ключевые слова: судебная реформа; административное судопроизводство; административное дело; административный суд; налоговый суд.

В соответствии со ст. 1 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) [7], Россия провозглашается демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления – так характеризуется государство, которое во всей своей деятельности подчиняется праву и главной своей целью считает обеспечение и закрепление прав и свобод человека. Актуальность темы обусловлена тем, что создание правового государства связано с усовершенствованием судебной системы, повышением правового уровня государственного управления, что, в свою очередь, невозможно без проведения ряда соответствующих реформ во всех важнейших сферах жизнедеятельности государства.

В то же время, развитие и укрепление судебной системы как самостоятельной ветви государственной власти, а также создание условий для осуществления ею независимой и эффективной деятельности по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в законодательстве Российской Федерации, является одним из ключевых вопросов современной правовой реформы наряду с другими проблемами и противоречиями, сложившимися в национальной судебной системе: дальнейшим рациональным развитием законодательства о судостроительстве, о судебной системе в целом, о разграничении полномочий и предметов ведения.

Следует отметить, что принимаемое законодательство не должно противоречить основным принципам, заложенным в Конституции РФ, и основополагающим международным принципам,

принимаемое законодательство должно иметь не декларативный (формальный) характер, обладать реальной юридической силой и действенным механизмом его реализации.

Так, на конституционном уровне закреплены основные принципы функционирования органов судебной власти, такие, как: осуществление правосудия только судом; осуществление судебной власти посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства; установление судебной системы Российской Федерации Конституцией РФ и федеральным конституционным законом; независимость судей и подчинение только Конституции РФ и Федеральному закону; принятие судебного решения в соответствии с законом; гласность (открытость) судебного разбирательства; осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон; порядок назначения судей; равенство всех перед законом и судом и др. [7, ст. 118–128]. Таким образом, Конституция РФ закрепила за судами исключительное право на осуществление судебной власти.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.96 № 1-ФКЗ (далее – ФКЗ № 1-ФКЗ) установил исчерпывающий перечень судов. Так, в соответствии со ст. 4 ФКЗ № 1-ФКЗ, в Российской Федерации действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации, составляющие судебную систему Российской Федерации. Федеральные суды представлены: Конституционным Судом Российской Федерации; Верховным Судом Российской Федерации; верховными судами ре-

спублик, краевыми, областными судами, судами городов федерального значения, судами автономной области и автономных округов, районными судами, военными и специализированными судами, составляющими систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражными судами округов, арбитражными апелляционными судами, арбитражными судьями субъектов Российской Федерации и специализированными арбитражными судами, составляющими систему федеральных арбитражных судов [12, ст. 4].

Следует отметить, что реформа судебной системы предполагает дифференциацию судебных процедур, что позволит рассматривать дела в судах более полно и компетентно. На основании этого все больше возникает дискуссий о создании системы специализированных судов, прежде всего, судов, рассматривающих дела, возникающие из административных и налоговых правоотношений.

Так, ст. 26 ФКЗ № 1-ФКЗ предусмотрено создание специализированных федеральных судов по рассмотрению гражданских и административных дел, подсудных судам общей юрисдикции, а также экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами, которые учреждаются путем внесения изменений и дополнений в настоящий Федеральный конституционный закон. Полномочия, порядок образования и деятельности специализированных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом [12, ст. 26].

Кроме того, 5 февраля 2014 г. принят Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации», который является одним из ключевых нормативно-правовых актов в сфере реформирования судебной системы Российской Федерации. Так, ч. 4 ст. 2 данного закона закрепляет 13 категорий административных дел, которые Верховный Суд Российской Федерации рассматривает в качестве суда первой инстанции [8, ч. 4 ст. 2].

Таким образом, на законодательном уровне предусмотрена возможность создания в рамках судов общей юрисдикции административной юстиции, основная задача которой – утверждение верховенства права при рассмотрении судом дел, возникающих из административных правоотношений, защита прав и законных интересов граждан от неправомерных действий и решений органов исполнительной власти и обеспечение законности в сфере публичного управления.

Н.П. Заряева справедливо утверждает, что административное судопроизводство считается важнейшей формой защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законных интересов организаций (юридических лиц) и индивидуальных предпринимателей, а административное правосудие – форма судебного нормоконтроля, осуществляемого в сфере административного нор-

мотворчества, которое направлено на обеспечение принципа законности в организации и функционировании исполнительных органов государственной власти, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих [3, с. 3].

В то же время, необходимо выделить основные аспекты государственно-правового реформирования судебной системы, а именно: законотворческий аспект (разработка и принятие Федерального закона 08.03.2015 г. № 21-ФЗ Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [5] и ряда законов, которые вводят его в действие и развивают отдельные его положения); организационно-финансовый аспект (создание в системе судов общей юрисдикции налаженной и функционирующей системы административных судов и обеспечение их деятельности; обеспечение административных судов квалифицированными кадрами соответствующей специализации). Таким образом, своевременное решение этих вопросов помогло бы завершить законодательное оформление системы федеральных судов.

Следует отметить, что вопрос о необходимости введения отдельного порядка административного судопроизводства (поскольку оно имеет больше отличий, чем совпадений с гражданским судопроизводством) давно является актуальным и дискуссионным [10].

Кроме того, на протяжении последних десятилетий неоднократно возникал вопрос о построении системы административных судов. Так, провозгласив право на судебную защиту, законодатель должен был сразу озаботиться, во-первых, учреждением перечня специальных судебных инстанций, с помощью которых заявитель мог бы оперативно данное право реализовать, ибо у существующих судов, наряду с рассмотрением дел административных, масса других приоритетов, например дела уголовные, по которым люди годами содержатся под стражей [6].

Таким образом, с принятием КАС РФ законодатель заложил определенные основы и предпосылки для дальнейшего совершенствования данной сферы правоотношений, хотя на сегодняшний день решена только «процессуальная» часть проблемы. Так КАС РФ определяет порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении административных дел Верховным Судом Российской Федерации и судами общей юрисдикции. В силу чего вопрос о создании в России системы административных судов остается открытым.

В настоящее время (до 15.09.2015 г. – вступления в силу КАС РФ) дела, возникающие из административных, а также налоговых правоотношений, рассматриваются как судами общей юрисдикции в соответствии с подразделом III раздела II Гражданского процессуального кодекса Россий-

ской Федерации [2] «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений» (признан утратившим силу Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», который не вступил в силу [9], так и арбитражными судами (раздел III Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений» [1].

Таким образом, административные дела (дела, возникающие из административных, а также налоговых правоотношений), которые рассматриваются в порядке административного судопроизводства, не имеют сегодня точного определения, полноценного законодательного регулирования и характеристики отдельных (особо значимых) категорий дел. Отсутствие в КАС РФ норм, регулирующих законодательное закрепление понятия «административное дело», которые присутствовали в Проекте КАС РФ [4], а именно: административное дело – это принятое к производству суда требование о разрешении правового спора между субъектами публичных правоотношений, а также материалы, относящиеся к этому спору; понятие «административное дело» не распространяется на дела об административных правонарушениях, не может признаваться надлежащим урегулированием указанных правоотношений.

Следует отметить, что создание системы административных судов обусловлено потребностью формирования в России системы эффективной судебной правовой защиты прав, свобод, законных интересов физических и юридических лиц, и создание судебной власти в стране, соответствующей всем элементам стандарта современного правового государства.

Как следует из пояснительной записки к проекту Федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации», внесенному Верховным Судом Российской Федерации, необходимость учреждения в стране административной юстиции по осуществлению административного судопроизводства основана на ст. ст. 118 и 126 Конституции РФ, согласно которым правосудие в судах общей юрисдикции осуществляется посредством гражданского, уголовного и административного судопроизводства, а Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции. К категории административных относятся дела, вытекающие из административно-властных полномочий органов государственной власти и местного самоуправ-

ления. Указанные категории дел, особенно о признании незаконными нормативно-правовых актов органов различных ветвей государственной власти (в том числе, издаваемых субъектами Российской Федерации), споры между субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления, жалобы о нарушениях избирательного законодательства, включая признание выборов недействительными, и некоторые другие, возникающие в сфере административно-правовых отношений, становятся все более актуальными [11].

В то же время, с каждым годом особую значимость приобретает такая категория административных дел, как дела, возникающие из налоговых правоотношений. Количество подобного рода дел постоянно возрастает. А правильное рассмотрение дел, возникающих из административных, а также налоговых правоотношений, в свете осуществляемой в Российской Федерации государственно-правовой реформы, становится приоритетом.

Вследствие особой сложности дел, вытекающих из административных, а также налоговых правоотношений, их рассмотрение и правильное разрешение требуют высокого профессионализма и специализации судей. Поэтому создание в судах общей юрисдикции административных коллегий и коллегий по делам, возникающим из налоговых правоотношений, на сегодня не является надлежащим разрешением указанной проблемы по урегулированию данного рода правоотношений.

Однако, поскольку основная масса указанных дел рассматривается судами общей юрисдикции до 15.09.2015 г. – в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, а после 15.09.2015 г. – административного судопроизводства, обеспечить такую специализацию судов по рассмотрению административных дел и дел, возникающих из налоговых правоотношений, чрезвычайно сложно.

Таким образом, сегодня, как никогда, вопрос о создании в Российской Федерации системы административных судов, а также коллегий (палат) административных судов по рассмотрению одной из наиболее проблемных категорий правоотношений в государстве – налоговых правоотношений, а в перспективе – судов, рассматривающих дела, возникающие из налоговых правоотношений, является наиболее актуальным и приоритетным при определении дальнейшей стратегии проведения государственно-правовых реформ. Назрела острая необходимость создания специализированного административного правосудия, а в перспективе – и налогового правосудия, которое должно стать одним из важнейших институтов правового государства, в основе которого лежит реальный правовой механизм разрешения правовых конфликтов, возникающих между публичной властью и физическим лицом, ориентированный на охрану и защиту прав и свобод последнего.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: по состоянию на 6 апреля 2015 г.]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12127526/1/#block_1000. (дата обращения 20.06.2015)
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: по состоянию на 6 апреля 2015 г.]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12128809/1/#block_1100. (дата обращения 20.06.2015)
3. *Заряева Н.П.* Административное судопроизводство в Российской Федерации: теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. – 30 с.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: [проект федер. закона № 246960-6, вносится Президента Российской Федерации от 25.03.2013 г. № Пр-660]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/pril/article/78/40/32/proekt-pervoe_chtenie.pdf. (дата обращения 18.06.2015)
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: по состоянию на 11 марта 2015 г.]. Опубликовано: 11 марта 2015 г. в «РГ» – Федеральный выпуск №6620. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/03/11/sudopr-dok.html>. (дата обращения 20.06.2015)
6. *Колоколов Н.А.* Принятие КАС РФ – важнейший этап формирования административной юстиции в России. Дата размещения статьи: 01.06.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/7681> (дата обращения 18.06.2015).
7. Конституция Российской Федерации, принята референдумом 12.12.93. (ред. от 21.07.2014 с изменениями, вступившими в силу с 22.07.2014). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/2672>. (дата обращения 20.06.2015)
8. О Верховном Суде Российской Федерации: [федер. конституц. закон: принят Гос. Думой 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ: по состоянию на 4 ноября 2014 г.]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/70583616/1/#block_100. (дата обращения 20.06.2015)
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 марта 2015 г. N 23-ФЗ: по состоянию на 11 марта 2015 г. (не вступил в силу)]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/70885164/#block_1612. (дата обращения 20.06.2015)
10. О проекте федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации». Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Комитет Совета Федерации по правовым и судебным вопросам. Аналитический вестник: материалы расширенного заседания Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам 23 января 2008 г. Издание Совета Федерации.
11. О проекте Федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации». Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.11.2000 № 824-III ГД (ред. от 22.11.2000). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/41615>. (дата обращения 20.06.2015)
12. О судебной системе Российской Федерации: [федер. конституц. закон: принят Гос. Думой 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ: по состоянию на 5 февраля 2014 г.]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/10135300/1/#block_100. (дата обращения 20.06.2015)
13. *Радченко В.И.* Судебная реформа в Российской Федерации: Некоторые теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1999. – 80 с.

МЕХАНИЗМ САМОЗАЩИТЫ

Статья посвящена анализу действия механизма самозащиты. Законодательное определение «механизма самозащиты» отсутствует, в силу чего данная категория является сугубо научной. В статье проводится детальный анализ существующих в науке точек зрения относительно категории «механизм самозащиты» через составляющие ее элементы, выявлены достоинства и недостатки мнений, высказанных в научных кругах по поводу рассматриваемого нами понятия.

Автор рассматривает механизм самозащиты как совокупность оснований, условий правомерности (пределов) и способов применения самозащиты с позиции положений действующего законодательства. Проанализировав основания, условия и способы применения самозащиты, автор статьи приходит к выводу, что механизм самозащиты состоит из «противоправных» и «ответно-защитных» звеньев. К числу первых относятся внешние факторы, развившиеся в нарушении тех или иных прав, либо создании реальной угрозы нарушения, а к числу вторых – относится совокупность условий правомерности применения самозащиты, закрепленных в ст. 14 Гражданского кодекса РФ, которые, по сути, носят общий характер. Автор дает определение механизма самозащиты и наглядно, на конкретных примерах, показывает действие механизма самозащиты в динамике общественных отношений.

Ключевые слова: защита прав, самозащита, механизм самозащиты, правоотношение, общественные отношения, правонарушение, пресечение нарушения, правовая категория.

В соответствии со статьей 2 конституции РФ, «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Обозначив соответствующие приоритеты, государство взяло на себя обязанность не просто по признанию и соблюдению прав и свобод человека и гражданина, оно взяло на себя обязательства по их защите.

Согласно статье 45 Конституции РФ, в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Помимо того, каждый гражданин вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Указанная выше конституционная правовая норма является нормой прямого действия и служит своеобразной гарантией защиты прав и свобод.

Исходя из данного постулата, всю защиту можно условно разделить на три разновидности: судебная защита, юрисдикционная защита и самозащита. Первые два вида защиты традиционно относятся к государственной защите. Третий вид защиты таковой не является.

Процедура осуществления судебной защиты достаточно полно и широко урегулирована нормами действующего законодательства. Применительно к каждой из трех ветвей судебной власти приняты специальные нормативные правовые акты, которыми достаточно подробно регламентируется вся процедура осуществления судебной защиты. Так, процессуальные вопросы осуществления судебной защиты в судах общей юрисдикции урегулированы нормами Гражданского процессуального кодекса РФ, вопросы осуществления судебной защиты прав и законных интересов, в связи с осуществлением субъектами предпринимательской деятельности, урегулированы правовыми нормами Арбитражного процессуального кодекса РФ, процедурные вопросы отправления судопроизводства в Конституционном суде РФ урегулированы разделом II Фе-

дерального конституционного закона «О Конституционном суде РФ» от 21.07.1994 №1-ФКЗ.

Аналогичным образом урегулированы вопросы осуществления защиты юрисдикционными органами. Так, каждый контрольный или надзорный орган власти, обладая определенной компетенцией в области тех или иных правовых отношений, действует на основе определенного нормативного правового акта, в котором не только определяется правовой статус и полномочия данного органа власти, но и урегулированы процедурные вопросы осуществления механизма защиты. Так, например, органы прокуратуры при проведении надзора руководствуются нормами раздела III Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; деятельность Федеральной инспекции по труду при проведении государственного контроля за соблюдением трудового законодательства регламентируется правовыми нормами главы 57 Трудового Кодекса РФ и «Положением о Федеральной службе по труду и занятости», утвержденным Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 324.

Кроме того, общими нормативными актами, затрагивающими вопросы осуществления юрисдикционными органами контрольно-надзорных полномочий, в которых затрагивается отдельные аспекты механизма осуществления юрисдикционной защиты, являются Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Процедурным вопросам осуществления самозащиты посвящены всего лишь несколько правовых норм отраслевого законодательства: статья 12

и 14 Гражданского кодекса РФ. В соответствии со статьей 12 ГК РФ, самозащита отнесена к способам защиты гражданских прав. Согласно статье 14 ГК РФ, *«способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения»*.

Согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», *при разрешении споров, возникших в связи с защитой принадлежащих гражданам или юридическим лицам гражданских прав путем самозащиты (статьи 12 и 14), следует учитывать, что самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный*.

Применительно к отдельным способам осуществления самозащиты в ряде норм отраслевого законодательства предусматриваются отдельные условия и правила, которые необходимо соблюдать. Так, самозащите посвящены нормы главы 59 Трудового кодекса РФ. Нормы о необходимой обороне и крайней необходимости содержатся в статьях 37 и 39 Уголовного кодекса. Крайняя необходимость, как способ осуществления самозащиты, закреплен в статье 2.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

При этом в действующем законодательстве отсутствует определение самой категории «Самозащита».

Анализируя нормы действующего законодательства и имеющуюся судебную практику, **самозащиту** можно определить как *совершаемые в качестве ответных мер на нарушение прав лица, самостоятельно, обладающие соразмерностью последствиям данного нарушения, прямо не запрещенные законом, действия (бездействие) физических или юридических лиц, направленные на предупреждение, пресечение и восстановление нарушений своих субъективных прав, реализация которых влечет приобретение (достижение) охраняемых законом интересов, при условии не превышения установленных законом пределов*.

Такой категории, как механизм осуществления (реализации) самозащиты действующее законодательство не предусматривает. Данная категория является чисто научно-теоретической разработкой.

В общем смысле под механизмом понимается внутреннее устройство машины, прибора, аппарата приводящее их в действие. Согласно другому определению, механизм представляет собой систему, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности [4, с. 301].

На теоретическом уровне неоднократно предпринимались попытки показать механизм самозащиты.

Существует точка зрения, согласно которой правовая природа самозащиты такова, что односторонние действия лица, лежащие в ее основе, – юридический факт, приостанавливающий трудовое правоотношение, содержание которого остается неизменным [3, с. 21]. Однако механизм самозащиты невозможно показать только на основе односторонних действий лица, прибегающего к самозащите. Механизм, как динамичная категория, должен охватывать также действия извне и основываться определенных правилах (условиях).

Так, существует мнение, что механизм самозащиты трудовых прав можно представить как систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается свободная и надлежащая реализация трудовых прав и борьба с их нарушениями. Он состоит из трех составляющих: юридические нормы, которые являются основой правового регулирования защиты; правовые отношения и акты реализации прав и обязанностей [7, с. 14]. Предполагается, что данное мнение не отражает механизм самозащиты, поскольку;

- во-первых, общественные отношения всегда являются правомерными, и не являются правонарушением, в связи с чем не относятся к элементам механизма самозащиты. Самозащита находится как бы за рамками общественных отношений до определенного момента. И только если в процессе общественных отношений происходит нарушение субъективных прав и охраняемых законом интересов, то данное обстоятельство является правонарушением и требует ответных мер, в том числе мер самозащиты;

- во-вторых, указанные выше элементы являются различными самостоятельными категориями, в связи с чем не указывают на основания для применения самозащиты и, тем более, не говорят о действии самозащиты как ответной меры;

- в-третьих, акты реализации прав и обязанностей предполагают своеобразное решение по конкретному спору или факту нарушения права и, по сути, являются индивидуальными юридическими актами. Индивидуальный юридический акт – официальный письменный документ, порождающий определенные правовые последствия, создающий юридическое состояние и направленный на регулирование общественных отношений по конкретному делу [8, с. 19]. Именно в процессуальном документе отражается властная воля по принудительной реализации прав и обязанностей. Для него характерна документально облаченная форма, властная воля издающего его лица (судебное решение, предписание или представление прокуратора), обязательное для исполнения по конкретному делу. Таким образом, акты реализации права, принимаемые в рамках конкретного спорного правоотношения, более характерны для судебной или юрисдикционной видов защиты.

Согласно другому мнению, *механизм самозащиты прав* может быть определён как совокупность оснований и условий правомерности самозащиты прав, способов и форм её реализации. В данном случае механизм самозащиты прав определяется путем проведения анализа указанных выше трех элементов [2, с. 8]. На первый взгляд можно согласиться с высказанным мнением, однако предполагается более правильным рассмотреть механизм самозащиты с несколько иного подхода.

Механизм – это, в первую очередь, явление динамическое, т.е. показывающее фактическое осуществление самозащиты, состоящее не из элементов, а из отдельных звеньев, последовательно следующих друг за другом.

Звено можно определить как составную часть чего-нибудь целого [4., с. 197]. Все звенья механизма самозащиты можно разделить на две большие группы: «противоправные» и «ответно-защитные». Первым и начальным звеном механизма самозащиты, отнесенным к категории «противоправных», можно назвать внешние факторы, развившиеся в нарушении тех или иных прав, либо создании реальной угрозы нарушения. Как было сказано выше, данные факторы, по сути, являются толчком осуществления самозащиты. К ним относятся «посягательство»; «нападение»; «совершения правонарушения (нарушения права)»; «ущемление в субъективном праве»; «воспрепятствование реализации действительного субъективного права»; «наличие злоупотребления права со стороны должностных лиц». Все это, безусловно, негативные явления.

Однако следует отметить, что далеко не от всех явлений возможно применение самозащиты. Так, факты «злоупотребления права» присущи категории «должностных лиц», встречаются в публичном праве. Конкретные способы самозащиты от злоупотребления права в действующем законодательстве не прописаны. В связи с этим сложно подобрать способы самозащиты против злоупотребления права. С данным фактором гораздо результативнее использовать юрисдикционные виды (формы) защиты, такие, как прокурорский надзор, обжалование действий (бездействий) должностных лиц в вышестоящие органы власти и др., либо судебный вид (форму) защиты.

Вторым звеном механизма самозащиты, относящегося уже к «ответно-защитным», выступает совокупность **условий правомерности применения самозащиты**, которые можно определить как *совокупность закреплённых в законодательстве требований к действиям (бездействиям) лица, прибегающего к самостоятельной защите принадлежащих ему или третьему лицу субъективных прав и охраняемых законом интересов, обязательное соблюдение которых исключает наступление юридической ответственности*.

Данные условия основываются на статье 14 Гражданского кодекса и пункта 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8.

К их числу относятся следующие положения:

– *защите подлежит нарушенное право, либо допустимо применение самозащиты при наличии реальной возможности нарушения права*. При данном условии имеет место *действительность* (а не вымышленность) и *наличность* (совершение нарушения права и применение самозащиты как ответных мер находятся в одних временных рамках) правонарушения или реальной угрозы его нарушения. Реальность угрозы, на наш взгляд, заключается в *осведомленности* обеих сторон о предстоящем нарушении права, посягательстве или ненадлежащем выполнении взятых на себя обязательств и *неизбежности* этого;

– *имеет место необходимость пресечения, предупреждения нарушения или восстановления права*. Данное условие вытекает из предыдущего условия, поскольку лицо, чье субъективное право нарушено, заинтересовано в пресечении данного нарушения и восстановлении нарушенного права. При наличии реальной угрозы нарушения права лицо заинтересовано в том, чтобы нарушения права не произошло, и правомерно предпринимает для этого соответствующие меры, в том числе, использует конкретные способы самозащиты. Например, в целях защиты своего жилищного права на принадлежащую норму жилой площади член семьи ответственного нанимателя по договору социального найма не дает согласия на вселение в жилое помещение иных граждан в качестве членов семьи. Если же нарушения права не произошло, либо отсутствует реальная опасность нарушения права, то о таком применении самозащиты не может идти речи;

– *применения мер самозащиты, соответствующих способу, характеру и степени нарушения права (общественной опасности, применительно к уголовному праву)*. Здесь по существу проявляется такой признак самозащиты, как соразмерность. Специфика общественной опасности нарушения права (правонарушения) выражается в ее характере и степени. Характер и степень правонарушения – это его качественная и количественная характеристика. Характер правонарушения позволяет выделить вид правонарушения в силу свойственных лишь ему объективных и субъективных признаков, отражающих важность общественных отношений, на которые оно посягает, внешнюю форму деяния, наносящего ущерб этим отношениям, форму вины.

Степень нарушения права учитывается законодателем при дифференциации фактов нарушения права на факты нарушения взятых на себя обязательств, деликты, дисциплинарные проступки, административные правонарушения и преступления. Критерием такой дифференциации является так

называемая типизированная степень вредоносности общественным отношениям. Под конкретной степенью вредоносности понимают количественную характеристику нарушения права, которая выражает его внешнюю определенность, а именно степень развития его свойств. Это и ценность объекта, и величина ущерба, и степень вины, и низменность мотивации и т.д. Оценивая указанные выше обстоятельства при осуществлении самозащиты необходимо избрать меры, которые являются соразмерными правонарушению;

– *причиненный в результате осуществления самозащиты вред должен быть менее значителен, чем вред предотвращенный.* Так называемая эквивалентность вреда должна учитываться при осуществлении самозащиты. Данное условие как бы является продолжением предыдущего, поскольку при соразмерности избранных мер (способа и средства) самозащиты, характера и степени нарушения права, причинный вред, охватываемый умыслом лица, осуществляющего самозащиту, всегда будет меньше вреда предотвращенного.

Даже при таком способе самозащиты, применяемом работником, как приостановление работы, в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней, данное условие имеет место быть. Его суть заключается в следующем: основным источником дохода для большинства людей, живущих в России, является заработная плата, и ее своевременное получение оказывается своеобразной гарантией достойного проживания. В случае задержки выплаты заработной платы, последствия, которые наступят для работника, а возможно и для всей его семьи, безусловно, более значительны, нежели материальные убытки, которые понесет работодатель в виду простоя оборудования, на котором работал данный работник.

Исключение, пожалуй, составляет такой способ самозащиты, как необходимая оборона. В данном случае вред может быть равным и даже несколько большим, чем намеревался причинить посягающий, однако минимальный в данных конкретных обстоятельствах и условиях. Если же посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или хотя бы с непосредственной угрозой применения такого насилия, то возможно причинение любого вреда нападающему, вплоть до лишения его жизни. В литературе даже высказано мнение, что при данном виде посягательств, превышение пределов необходимой обороны законом не предусмотрено [6, с. 133]. В иных случаях характер защитительных действий, вид и тяжесть причиненного вреда для отражения посягательства должны быть разумно необходимыми для отражения посягательства [1, с. 89];

– *способы самозащиты не должны выходить за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения и восстановления нарушенного*

права. Данное условие говорит о том, что необходимо соблюдать временные рамки, в которых осуществляется самозащита, а также учитывать цели самозащиты. Осуществляемую самозащиту необходимо прекратить, как только ее цель будет достигнута: пресечение права прекращено, а нарушенное право восстановлено. В противном случае самозащита выйдет за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения. В связи с этим, Г.А. Свердлык и Э.Л. Страунинг говорят, что недопустима самозащита права после окончания нарушения, так как действия будут выходить за пределы, допускаемые законом, и будут носить характер самоуправства [5, с. 19]. Так, действительно, такой способ самозащиты, как удержание допустимо с момента неисполнения обязанности должником (момент нарушения права) до момента исполнения соответствующего обязательства. При этом удержание будет носить характер самоуправства, в случае если оно продолжается по после исполнения должником соответствующего обязательства по оплате вещи или возмещению связанных с нею издержек и других убытков.

Каждое из указанных выше условий выступает своеобразным пределом, при превышении которого самозащита перерастает в противоправное деяние.

Третьим звеном механизма самозащиты, относящегося также к «ответно-защитным» выступают конкретные способы самозащиты, обличенные в правовую форму и применяемые в ответ на правонарушение, либо наличие реальной угрозы нарушения прав. Каждому из способов самозащиты свойственны определенные средства, при помощи которых осуществляется самозащита данным способом. Так, например, средством самозащиты способом удержания является может выступать письменное уведомление об осуществлении удержания.

О наличии в отдельной законодательной конструкции механизма самозащиты также говорится в определении Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. № 418-О-О в котором отмечено, что *часть вторая статьи 142 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает механизм осуществления работником самозащиты права на своевременную и полную выплату заработной платы и направлена на обеспечение реализации работником права на защиту трудовых прав и свобод (статья 352 Трудового кодекса Российской Федерации).*

Проанализировав указанные в определении статьи ТК РФ (142 и 352) мы видим, что в них присутствуют и **внешние факторы** – звено «противоправной категории» (задержка в выплате заработной платы), являющиеся, по сути, толчком или основанием для применения самозащиты, видны **условия правомерности применения самозащиты** – ответно-защитное звено (*защита нарушенного права; необходимость пресечения нарушения;*

применение мер соответствующих способу, характеру и степени нарушения права; значительность предотвращенного вреда; учет временных рамок применения), есть указание на конкретный способ осуществления (активное действие, выразившееся в приостановлении работы) с использованием **допустимых средств** (письменное предупреждение) – ответно-защитное звено. Формой самозащиты выступает правовая основа, т.е. сами тексты указанных статей.

Таким образом, механизм самозащиты показывает, при наличии каких внешних факторов, в каких рамках, какими способами, и с использованием каких средств, возможно осуществлять самозащиту в рамках динамики общественных отношений. Как правило, механизм самозащиты регламентируется в законодательно закреплённой форме, при установлении конкретного способа осуществления самозащиты.

При этом полагаем, что сама законодательная конструкция статьи 14 ГК РФ устанавливающая, что *способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения*, вполне уместна как при осуществлении самозащиты, способы которой предусмотрены иным отраслевым законодательством (удержание, приостановление работы в установленных случаях), так и при осуществлении иных способов самозащиты, которые законодательством прямо не запрещены (применение различного рода активных действий и бездействий, по отстаиванию своих прав в ответ на допущенное правонарушение).

Таким образом, **механизм самозащиты** можно определить как совокупность противоправных (факторов извне) и ответно-защитных (условий правомерности и способов) звеньев (мер) самозащиты в рамках динамики общественных отношений при ее реализации. Данная правовая категория наглядно показывает основания для применения самозащиты, определяет условия, пределы и временные рамки ее применения, а так же показывает способы и средства, при помощи которых возможно самостоятельно осуществить защиту прав и охраняемых законом интересов.

Нормативные правовые акты

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 48 с.
2. Часть первая гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г.

№195-ФЗ.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ.

Судебная практика

1. Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. № 418-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Болявина Андрея Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 106, 107, 129, 139, частью второй статьи 142 Трудового кодекса Российской Федерации и подпунктом «е» пункта 4 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы» // Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати «Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии», 2008. – № 20. (специальный выпуск).

2. Постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 1996. – № 9. – С. 10–32.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. Отв. ред. А.А. Чекалин. – М.: Юрайт-Издат, 2006 г. – 900 с.
2. *Мальцев М.Н.* Самозащита субъективных прав по российскому законодательству (теоретико-правовое исследование): автореф. дис.... канд. юр. наук. – Саратов, 2006. – 24 с.
3. *Морозов Д.А.* Трудовое процессуальное правоотношение: автореф. дис.... канд. юр. наук. – Пермь, 2006. – 22 с.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: «Русский язык» 1987. – 758 с.
5. *Свердлов Г.А. Страунинг Э.Л.* Понятие и юридическая природа самозащиты гражданских прав // Государство и право. – 1998. – № 11 – С. 17–23
6. Уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. доктора юридических наук, профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, доктора юридических наук, профессора А.И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «Контракт»: ИНФРА-М, 2005. – 300 с.
7. *Халиков В.Р.* Самозащита в российском трудовом праве: автореф. дис.... канд. юр. наук. – Томск, 2006. – 25 с.
8. Юридический энциклопедический словарь / главный ред. Сухарев А.Я. – М.: Советская энциклопедия 1984. – 780 с.

КВАЗИСУДЕБНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНЫ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ

В настоящей статье автор рассматривает генезис выбора эффективных средств разрешения международных экологических споров в XXI в. Анализ системы разрешения международных экологических споров показывает, что в настоящее время происходит рост значения так называемых эндогенных средств разрешения споров – квазисудебных процедур. Такие процедуры сегодня предусматриваются практически всеми глобальными международными экологическими соглашениями. Автор указывает, что у квазисудебных процедур есть свои плюсы в сравнении с процедурой разрешения международных экологических споров в международных судебных учреждениях: наличие экспертов, для подачи жалобы не требуется согласия государства-ответчика, в решении содержатся конкретные пути решения, есть возможность периодически рассматривать выполнение решения.

В результате автор делает вывод, что в настоящее время в международном сообществе наблюдается рост значения квазисудебных международных органов как средства разрешения международных экологических споров: к ним стали чаще обращаться, решения квазисудебных органов учитываются в правовых позициях международных судов.

Ключевые слова: международное экологическое право, международные споры, эффективность международно-го права, квазисудебные международные органы.

В наступившем XXI веке все более остро встают вопросы повышения эффективности международного права в целом и международного экологического права в частности. Представляется, что эффективные меры контроля будут служить формой предотвращения международных споров, которые рассматриваются в международных судебных учреждениях. Как известно, во-первых, не просто найти юрисдикционные основания для подачи иска в международном праве, а, во-вторых, отсутствуют эффективные меры контроля за выполнением решений международных судебных учреждений. Классическим примером является первое дело Международного Суда ООН «О проливе Корфу», когда решение 1949 г. было выполнено лишь в 1990-х годах: Албания согласилась выплатить Соединенному Королевству компенсацию, в то время как последнее обязалось вернуть албанское золото, хранившееся в сейфах «Бэнк оф Инглэнд» со второй мировой войны.

В своей докторской диссертации А.С. Смба-тян блестяще раскрыла современные проблемы международного правосудия [4], в т.ч. в ее исследовании были указаны проблемы ограниченной юрисдикции международных судебных учреждений, эффективности международного правосудия и рост специализации судов. В этом контексте, на наш взгляд, квазисудебные органы, являющиеся одной из форм контроля, могут сыграть положительную роль и решить вышеуказанные проблемы: для подачи жалобы не требуется согласия государства-ответчика, эффективность увеличивается, поскольку идет диалог с государством и есть процедура последующего контроля решения. В контексте специализации нужно сказать, что пока квазисудебные органы развиты лишь в международном экологическом праве и международном праве прав человека [1].

Начиная с 90-х годов XX века, в международном экологическом праве широко применяется процедура соблюдения (*non-compliance procedure*), которая является, с одной стороны, своеобразной процедурой контроля за обеспечением выполнения государствами международно-правовых обязательств, а, с другой стороны, важным квазисудебным механизмом предотвращения экологических споров относительно невыполнения положений различных международных экологических соглашений (МЭС). Универсальной процедуры несоблюдения не существует, поскольку она специфична в каждом МЭС и отличается от соглашения к соглашению. Созданные в рамках МЭС специальные комитеты выполняют квазисудебные функции. Эта процедура предусмотрена или находится в стадии разработки в более чем 30 МЭС (Киотский протокол 1997 года к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г., Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 г. к Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г., Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г., Орхусская конвенция 1998 г., Киевский протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей 2003 г. и др.).

В рамках процедуры несоблюдения широко применяются механизмы предоставления государству-нарушителю правовой, технической и финансовой помощи для содействия в выполнении им своих обязательств по МЭС, отдают предпочтение дипломатическим средствам воздействия на нарушителя в форме требований о предоставлении докладов или планов действий об осуществлении МЭС и принятых мерах, прежде чем обратиться к более строгим мерам воздействия, а также создают эффективную систему мониторинга за выполнением международно-правовых обязательств [3, с. 78].

Процедура несоблюдения используется, прежде всего, в следующих целях: обеспечение позитивного поощрения государств по выполнению ими договорных обязательств; обеспечение деятельности многостороннего форума с целью разрешения или предотвращения споров; обеспечение в случае несоблюдения доступа к более мягкому и менее юридизированному механизму (квасисудебному органу), нежели традиционные процедуры разрешения споров; при попытке заставить государство соблюдать нормы международного договора, а не наложить санкции за несоблюдение или назначить компенсацию потерпевшей стороне; при облегчении доступа к процедуре разрешения спора, поскольку для инициирования процедуры несоблюдения достаточно воли одной из сторон и не требуется согласия нарушающего государства [7].

Обобщив процедуры несоблюдения различных МЭС, можно выделить наиболее характерные ее черты [6, с. 998]. Большинство МЭС предусматривает создание специального комитета, куда входит определенное число представителей государств – членов соглашения, что свидетельствует скорее о дипломатической природе процедуры, нежели о судебной. После рассмотрения жалобы указанный комитет подает отчет пленарному органу, в качестве которого выступает ежегодная Конференция Сторон (КС) или Сессия Сторон (СС). Инициировать процедуру несоблюдения может государство-участник МЭС, секретариат данного МЭС или само государство-нарушитель (путем подачи ежегодного доклада). Орхусская конвенция открывает доступ к процедуре несоблюдения для НПО и физических лиц (ст. 15) [5]. В целом, создание и механизм работы процедуры несоблюдения предусматривается либо положениями МЭС, либо Протоколом к нему, либо решениями КС или СС.

Нельзя не отметить и тот факт, что в отечественной доктрине сложилось «осторожное», порой скептическое отношение к таким новым категориям как «международные квазисудебные органы», «мягкое право». И это отчасти оправдано ввиду появления «двойных стандартов», роста политического давления других государств через эти инструменты.

Роль квазисудебных органов в начале XXI века растет, их решения обретают легитимность, находят признание в решениях международных судов, равно как и в доктрине международного права. Так, например, Международный Суд ООН в споре между Грузией и Россией фактически отказался рассматривать дело, поскольку истец до возбуждения дела в Суде не обратился к услугам Комитета по ликвидации расовой дискриминации (договорной орган, обладающий квазисудебными функциями, создан на основе Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.). Решения квазисудебных органов цитиру-

ются в решениях международных судов. Например, в деле «Сейдич и Финчи против Боснии и Герцеговины», рассмотренном Европейским судом по правам человека [2].

Более того, хотелось бы отметить, что в своем недавнем решении Комитет по соблюдению Орхусской конвенции прямо указал, что Суд ЕС не обеспечивает на должном уровне такие экологические права граждан ЕС, как доступ к правосудию по вопросам защиты окружающей среды, и соответствующая Директива ЕС, имплементировавшая положения Орхусской конвенции в правовой порядок ЕС, тоже подлежит коррективу. Теперь ЕС думает, как выполнить такое решение квазисудебного органа.

Кроме того, уже сегодня возможны ситуации, при которых один и тот же спор будет рассматриваться и квазисудебным органом, и международным судом одновременно либо в разный временной период. Возникает ряд вопросов по поводу обязанности этих судебных и квазисудебных учреждений учитывать решения друг друга о приоритетности обращения к тому или иному учреждению, о применимости правила об исчерпании всех средств правовой защиты, об иерархии решений в случае, если они будут противоположны по своей сути, и т.д. [3]. Уже сегодня такие прецеденты появились. Речь идет о Суде ЕС и Комитете по соблюдению Киотского протокола, хотя конфликта юрисдикций удалось избежать, но это не означает, что он в принципе невозможен. Показательны в данном аспекте два дела. Во-первых, дело Греции, в отношении которой было инициировано одновременно две процедуры в рамках ЕС и Комитета по соблюдению Киотского протокола. Европейская комиссия решила не передавать вопрос на рассмотрение Суда до вынесения решения Комитетом Протокола, что, собственно, и предупредило рассмотрение этого дела в рамках юрисдикции ЕС. Во-вторых, дело Люксембурга: Комиссия ЕС использовала положения права ЕС для констатации факта несоблюдения им обязательств по своевременному представлению национального доклада об осуществлении Киотского протокола, как того требовало право ЕС, вследствие чего ЕС предупредил передачу дела о несоблюдении в Комитет Киотского протокола [8]. Таким образом, конфликт юрисдикций международных судебных учреждений и квазисудебных органов может стать еще одним проявлением институциональной фрагментации. Вместе с тем, практика квазисудебных учреждений в сфере международного экологического права свидетельствует об их высокой эффективности.

Библиографический список

1. Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Договорные органы по правам человека в системе правозащитных

механизмов Организации Объединённых Наций: учебно-методический комплекс. – М: РУДН, 2015.

2. *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Балканы – ахиллесова пята евроатлантической безопасности // *Обозреватель–Observer*. – 2010. – № 8 (247). – С. 57–65.

3. *Медведева М.А.* Разрешение споров в области охраны окружающей среды в контексте фрагментации современного международного права // *Международное правосудие*. – 2012. – № 3. – С. 71–79.

4. *Смбатян А. С.* Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного правопорядка: дис ... докт. юрид. наук. – М., 2014.

5. *Солнцев А.М., Петрова Н. А.* Как заставить государства соблюдать экологические права чело-

века? // *Международное право – International law*. – 2010. – № 4 (44). – С. 41–49.

6. *Klabbers J.* Compliance procedures // In: *The Oxford Handbook of International Environmental Law* / ed. By D. Bodansky, J. Brunnee, E. Hey. – Oxford University Press, 2007. – p. 998.

7. *Redgwell C., Fitzmaurice M.* Environmental non-compliance procedures and international law // *Netherlands Yearbook of International law*. – 2000. – №31.

8. *Tabau A.-S.* Non-compliance mechanisms: Interaction between the Kyoto protocol system and the European Union // *The European Journal of International Law*. – 2010. – Vol. 21. – № 3. – P. 749–763.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Sergey A. Kabatov
Nekrasov Kostroma State University
kabatov74@mail.ru

The primary analysis of the second and third phases of the complex ritual actions in the environment of the rural population of Kostroma Povolzhye of the 13th — 18th centuries

The objective of this research consists in attempt of carrying out primary analysis of the second and third stages of a complex of wedding ceremonial actions in the environment of country people of the Kostroma Povolzhye region in the time of the Golden Horde and after it, that is during formation and the actual addition of actually Russian population in initially primordially Finno-Ugric (Merya) lands. Relevance is defined first of all by that carriers of this layer of spiritual culture naturally disappear, as well as ceremonial actions, and the fashion of today on an ethnic component, as a rule, has strongly populist and pseudoscientific character, erasing real the nature of these ceremonies. The main results of work is conditional allocation in a complex of wedding ceremonial actions in the environment of rural people of the 13th — 18th centuries of Kostroma Povolzhye region. Firstly, on the basis of qualitative content and chronological sequence the certain actions are distinguished among the stages pursuing the specific private goals, and secondly, the qualitative analysis of the second and third stages is carried out. The similar analysis is given with the amendment on historical identity and characteristic of ethnic development of the territory of the Kostroma Povolzhye region of the developed and late Middle Ages.

Keywords: wedding, wedding tour, selling plait, blessing, crowning, consummation, second wedding day, Slavic calendar custom of collective honoring newlyweds.

Sergey V. Arhipov
Academy of Law and Management of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia, City of Ryazan
justice4@yandex.ru

Activities of Committee of the Siberian railway in the implementation of the state migration policy in the late 19th — early 20th centuries (historical and legal aspect)

Economic growth of Russia nowadays depends on active development of natural resources of Siberia and the Far East. However, the process of population outflow can be observed in these regions for quite a long period of time. One of the most important objectives of Russian home policy now is to improve the socio-demographic situation for the sake of consolidating population in these regions. Under these circumstances, it would be reasonable to resort to the experience of pre-revolutionary government agencies as far as the development of Siberia and the Far East is concerned. This article analyzes the legal and organizational bases of activity of the Committee of the Siberian railway in the context of the state's migration policy, in the Rus-

sian Empire in the late 19th — early 20th century. The Committee of the Siberian Railway contributed not only to coordinate the work of all departments for the construction of the Trans-Siberian railway, but also to create the conditions for securing the working population in the colonized areas of Siberia and the Far East. In order to encourage the process of resettlement as opposed to voluntary relocation, the government introduced a number of benefits. They were connected with compulsory military service, issuing of loans for household needs, preferential railroad rates, etc... During the building of the railway, construction work involved prisoners, which was one of the most successful forms of labor use of prisoners in the practice of execution of criminal punishments in the Russian Empire. The author concludes that the Committee has contributed to the development of the outlying areas and the preservation of the territorial integrity of the country, expanding its borders and promote the objective of the national security of Russia.

Keywords: resettlement, settlers, migration, Siberian railway Committee, colonization, migration policy, exile, penal colony, exiles.

Tat'yana A. Krasnitskaya
Shuya branch of Ivanovo State University, town of Shuya, Ivanovo Region
krasniz@mail.ru

Clergy classroom diversity in Russia (in the late 19th — early 20th century)

The article focuses on the clergy students' classroom diversity in the 19th—20th centuries. Having studied a wide range of sources, the researcher analyzes the clergy school community at different levels: primary schools (Sunday schools; parochial schools, grammar schools), secondary schools (second-grade schools and clergy educational schools). The author's objective is to determine the characteristic features of such schools as structural elements of the educational system of the Russian Orthodox Church. The researcher depicts age, social, national and quantitative diversity of Orthodox clergy school communities. The author comes to a conclusion that the typical traits of those communities were: age gradation, peasant and bourgeois prevalence, national and confessional diversity, mixed gender groups in primary schools and same-gender groups in secondary schools, difference in the numbers of the enrolled pupils and the graduates.

Keywords: clergy schools, primary schools, secondary schools, age diversity, confession, social category, nationality.

Vladimir I. Levin
Saint Petersburg State University of Railways named after the Emperor Alexander I
vmilevin@yandex.ru

Provision of pensions of railroad workers in 1865—1914

The subject of the article belongs to one of aspects of social history which became one of the most popu-

lar subjects in world historical science recently. One of components social history is social policy where social insurance occupies one of important places. The main instrument of social insurance during the studied period was the pension cash desk. The pension cash desk was of great importance both in improvement of position of railway employees, and in education of professional shots and reduction of their fluidity. Activities of Ministry of Railways for provision of pensions of the workers and employees are analyzed in the article and the conclusion that the first gap in a non-interference policy (the states concerning the rights of workers) was punched in railway department is drawn. The article opens measures which were undertaken by Ministry of Railways on stage-by-stage improvement of the legislation concerning pension cash desk. Much attention was paid to position of children and orphans. Obligatory state insurance of workers in Russia was entered by the Law of 1912. Before, insurance wasn't obligatory. Ministry of Railways entered obligatory state insurance by the Law on May 30, 1888. Much more advanced other ministries and departments of the Russian Empire in a question of social insurance of Ministry of Railways.

Keywords: pension cash desk, social insurance, savings and auxiliary cash desk, pension, grant, "Statute", "Rules".

Alim M. Abidulin

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
abidulinam@gmail.com*

Travelling as a form of Ottoman imperial propaganda (frigate "Ertuğrul" voyage to Japan)

The article reveals one of the episodes from the multilateral foreign policy conducted by Abdul Hamid II (1876—1909) with its complicated, sometimes contradictory combinations, and changing orientation towards single ideological trend built on traditionalism, which undoubtedly dominated in the social life of the Ottoman Empire during his reign. Currently, friendly visits by foreign ships to the ports of other states occur very often, but in the Ottoman Empire of the 19th century, they were solitary unless very solemnly heralded, as they were supposed to show the greatness of the Porte. Despite the technological advances, such a journey was fraught with difficulties, and in this regard, special attention to every detail of the ship and careful planning of the route navigation was paid.

Keywords: Ottoman Empire, Sultan Abdul Hamid II, concept of power in Orient, frigate "Ertuğrul", Japan.

Yaroslav M. Polivanov

*National Research Technological University, City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
jarik-zx@mail.ru*

To a question on the reasons of the World War I: political and diplomatic aspects

In this article, the author addresses to the problem of rethinking the role of the great powers on the eve of the World War I in the context of geopolitics. A special role is given to the story of the failed alliance between Russia and Germany in 1905. From the standpoint of an-

ticipated alliance correspondent considered an alternative scenario. The author gives several arguments in favor of the conclusion of such union. The article also reviews version of a world war as a consequence of colonial disputes. Increasingly important in understanding is how the author presents the story of the Moroccan crisis of 1911, and the role of the Russian Empire in its settlement. From this standpoint, the author considers the problem of the Balkans factor, and its role on the policy of the leading world powers beginning of the 20th century. In the article, the author's position on the significance of oil factor in the world history of the 20th century. In this context, the author explores the appropriateness of Russia's participation in World War I and examines the mechanisms of its involvement in the orbit of European confrontations on the turn of the 19th—20th centuries. Individual storyline represents the author's understanding of industrial modernization in Russia and related activities of Finance Minister S.Yu. Witte.

Keywords: World War I, Treaty of Björkö, Agadir, assassination at Sarajevo, bourgeois modernization, petroleum, geopolitics.

Sergey M. Vorob'yov

*Academy of Law and Management of the Federal Service
for Execution of Sentences of Russia, City of Ryazan
sergey.vorobev.78@inbox.ru*

The repression of the military in the period of development of the USSR

The present article is devoted to the repression of military personnel during the development of the USSR. The author carries out a scientific analysis of the socio-political and military situation of 30s—40s of the 20th century occurred in the Soviet Union that contributed to the use of state organs of repression. At that, this article reflects a highly subjective author's position on this issue. Scientific novelty of work consists in carrying out the legal and historical research of procedures repression of the military. The work reflects a new vision on the process of repression of the military taking into account historical data and documents. The article presents statistics on deaths of servicemen in the application of repression. Repression have forever become a "stigma" in the history of Russia. Repression cardinally changed the lives of people and claimed millions of human lives. We the younger generation should know those atrocities and remember catechistical victims of those bloody events. The memory of those people should remain in our hearts and we must never repeat the mistakes of our ancestors.

Keywords: World War II, repressions, military, commanders, army, state, annihilation.

Yevgeniy S. Dobrovolsky

*Cherepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region
jekeedee@mail.ru*

The German historiography of early history of the Christian Democratic Union in Eastern Germany / the German Democratic Republic

The early period of history of the Christian Democratic Union (CDU), the largest party of Germany, has

always drawn attention of the German historians. Special interest represents the period of 1945—1952 – time of separation of the union, it is symbolical if to consider destiny of Germany after the World War II. In 1949, two independent from each other unions appeared: CDU of the FRG, CDU of the GDR. As the first organization, CDU appeared in Berlin, so many researchers studied the problem of formation exactly of the East Germany's CDU. The German historiography of early history of CDU can be divided into three groups. The basis for similar grouping are the global political changes on the map of the political geography of Europe in the second half of the 20th century, which form a certain historiographic situation. The first group is a historiography of the GDR. For the researchers who were based on Marxist-Leninist approach CDU was of little interest. The union was considered to be the bourgeois reactionary force of the large capital, undeserving scientific judgment. The second group is a historiography of the FRG. Historians of the Western Germany gave a particular interest to development of CDU of the FRG and the GDR. Researchers analyzed the whole complex of problems of early history of the union: from a political situation in the Soviet occupation zone (SOZ) to biographies of the main functionaries of the union. Most of historians of Germany tried to give an assessment to union's activity, based on rejection of a socialist choice of CDU. The third group is a modern German historiography. Because of opening of the German archives, volume of the published works on history of CDU in the German historiography gradually begin to increase since 1990. The volume works devoted to all aspects of activity of CDU in the SOZ/GDR began to appear. As a rule, such works are supported with extensive documentary material that was not so earlier.

Keywords: Christian democracy, Soviet occupation zone, German Democratic Republic, German historiography, monographs.

Dmitriy I. Sazonov

*Postgraduate school named after Saints Cyril and Methodius of All-Church
sazonow63@mail.ru*

The closure of churches as a factor in the persecution of the Church from 1958 to 1965 according to the materials of the Central Russia

The reform of the parish of management adopted by the Council of bishops, 1961 was carried out under the pressure of the Council for Russian Orthodox Church and affected the whole Church structure. In the article the author shows that under the guise of “non-recurring accounting” and the closing “damped parishes” of the Russian people were transferred to the misuse of hundreds of Church buildings, most of which was in ruins. Many of these buildings represented the monuments of history and architecture of the Russian people, masterpieces of architecture, monuments of literature, the arts, without which any nation running wild and spiritually degraded. The closure was accompanied by administration, sometimes the administra-

tive pressure on members of twenties, hooligan actions against the religious feelings of people. The suppression of dissent, including on religious direction, covered with slogans utopian ideas of communism in 20 years turned a terrible tragedy for Russian culture. The change of leadership of the country was a factor in the weakening of the oppression of the Church, the extent of the process of closing churches were inhibited, which gave a chance to preserve for future generations the remaining part of the cultural heritage of Russia.

Keywords: Church, authorized, religious community, close, register.

Ivan V. Danil'chenko

*Nekrasov Kostroma State University
ivandani@mail.ru*

Collecting and research efforts of Kostroma and Yaroslavl regional museums (1945—1980)

The work on collecting of exhibits and documentary witnesses, the study of exhibits and preparations for exhibitions are discussed in the article. The scope of the research includes Kostroma and Yaroslavl regions. Moreover, some problems which influenced the museum work are observed in the article. Thus personnel affairs of the local museums had the greatest impact on the results of collecting work and working out the subject-exposure plans especially after the World war II. The lacks of free premises and suitable repositories made it impossible to widen museum collections with new exhibits. The careless registration of museum exhibits caused the necessity for researchers to establish order in funds first of all. The ideological component also influenced the museum work. The Soviet history dominated in museum work till the mid-1950s, whereas since the mid-1960s, the interest to pre-revolutionary period and Old Rus' history increased.

Keywords: museum, museum work, research, subject-exposure plan, collecting work, archeological excavations, governmental accounting, state registration, verification.

Ol'ga V. Pigoreva

*Kursk State University
ovlebedeva117@yandex.ru*

Historical and cultural traditions of a region as a factor of development of educational medium with the Orthodox component in the provinces of the center of the Russian Soviet Federative Socialist Republic - later Russia: late 1980s—1990s

Impact of revival of public interest to historical and cultural traditions of native land on the formation of educational medium in the late 1980s—1990s is revealed in the article in terms of provincial areas of the center of the Russian Soviet Federative Socialist Republic – later Russia. Orthodoxy as part of the historical and cultural heritage has become an organic part of the educational process in the schools of the province at a crucial stage of the Soviet-Russian history. Features of the province as the guardian of traditional values and the mentality of its inhabitants were essential for the conservation of local historical and cultural

tradition and their study in the schools. In a situation of ideological crisis, of debunking the history of the Soviet state, the actions of the new legal documents in the field of education in the provinces of central Russia in the early 1990s predetermined appealing to the historical and cultural heritage of a region which acted as a moral imperative. The historical experience of the provincial areas of focus for the study of the traditions of native land in general education of spiritual and cultural life is revealed in the article in terms of provincial areas of the center of the Russian Soviet Federative Socialist Republic – later Russia (Vladimir, Voronezh, Kostroma, Orel, Smolensk regions) and shows about the importance of historical and cultural heritage of the region, about the importance of referring to local history in upbringing of the younger generation. Historical and cultural heritage of a region in the late 1980s—1990s was an important condition for the development of educational medium with the Orthodox component.

Keywords: historical-cultural traditions, local history, educational medium, Orthodoxy, province, Russia's center.

Anatoliy K. Kiselyov

*North Caucasus Social Institute, City of Stavropol
akiselev2@yandex.ru*

About attempts of reform the Police of Republic of India in the beginning of 20th—21st centuries – historical retrospective

The processes of the Indian police, theories and attitudes of police agencies and other public bodies on the need to reform the Indian police in the direction of its independence from the pressures of the ruling parties and government lobby, some of the results of such reform attempts. The solutions of numerous committees set up in Indian states and the central Indian government. These decisions were aimed at police reform, which was to overcome the influence of political institutions on the activities of the police. Attempts by the Supreme Court of India to influence the government to reform the police have not had their continuation. The creation of «modular law of the police» has failed as well. The reasons for this lie, according to the author, in a variety of understanding the functions of the police, both by the police and political elites of the country. In 2015, 15 states (out of 28 states and 7 territories) drafted a new police law in accordance with the directions of the Supreme Court. But many states have not taken any action at all toward implementation of directives of the Supreme Court, and insisted it was premature to police reform. Even where the authorized institutions were created, powers of the police were limited. There is continuing to be a problem in the division of functions between the different structures within the police of India.

Keywords: India, police, Supreme Court, Commission states, police reform, human rights, democracy, colonial period in India's history, period of India's independence.

Eduard G. Akopyan

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
h-edo@mail.ru*

The role of France as the co-chair of OSCE Minsk group and variants of the Nagorno-Karabakh conflict settlement

Armenia's relations with France are important in terms of settlement of the Nagorno-Karabakh conflict. The process of settlement of the NK conflict has acquired an international character in March 1992. Within the framework of the OSCE, Armenia began to cooperate with France mainly in the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict. France's interest in the region are in the fact that, as one of the leading EU countries, France is interested in the settlement of conflicts in the South Caucasus, which stems from the interests of the EU. Armenian elite took into account a strong political weight and influence of the Fifth Republic in different European organizations and in the world community. France was also interested in strengthening its stand in the area of the South Caucasus. As the diplomatic experience of the conflict settlement, France had to maneuver between the conflicting sides. It used high qualification of its diplomats in order to find out and to adapt various formulas of settling the dispute. We do not tend to name France's position as strictly pro-Armenian when it comes to the process. Diplomacy of the country attempted to find a well-balanced approach to the Nagorno-Karabakh problem. International experience has shown that the longer retained de facto independence, the more strengthened is will of the international community and of the local population to preserve the established status quo.

Keywords: France, Armenia Vs Azerbaijan, OSCE Minsk Group, Nagorno-Karabakh conflict.

SCIENCE OF LITERATURE

Tat'yana B. Nalyotova

*Nekrasov Kostroma State University
nalyotova.tatiana@yandex.ru*

Heroic pathos of "Taras Bulba", the short story by Nikolai Gogol

Heroic pathos in the short story "Taras Bulba" by Nikolai Gogol has romantic specifics which are shown in national character, in Christian aesthetics, in mythopoetical opposition "the own world" Vs. "the others' world" and in an originality style of the narration focused on a romanticizing of heroes of an epoch. Pathos closely adjoins to the concepts "national character" and "heroic image of the people". The national character of Nikolai Gogol's story is presented by epic power of the people inspired with idea of patriotism. Patriotism impregnated life of the Zaporizhian Sich. Practically all the heroes do not think of the life without it. Nikolai Gogol represents mighty national characters. From here, romantic-heroic pathos of the image of the story is. Possessing specifics of sacred patriotism, heroic pathos of the story includes devotion of fellowship, to the Homeland and to Christian orthodox belief. Nikolai Gogol's patriotism closely adjoins to an aesthetics of orthodox Christianity. The love for the country is equivalent to the love for God. Without

belief in Christ, existence of Zaporizhian Sich is impossible. Dying for the Homeland, a Cossack dies for belief in orthodoxy as the words “the Homeland” and “Belief” for Nikolai Gogol’s heroes are identical. Not casual, having betrayed the Belief, Andriy betrays the Homeland, and respectively, its laws of fellowship as well. The image of fellowship plays an important role in judgment of heroic pathos of the story. In heroic pathos of Nikolai Gogol is in the deep spiritual unification of the orthodox people which fights and wins in deadly fight against the enemy – a symbol of the evil beginning.

Keywords: heroic pathos, heroism, patriotism, national character.

Kirill V. Smirnov
Vologda State University
kirill_smirnov_1989@list.ru

Dichotomy of good and evil in the novel “Oblomov” by Ivan Goncharov

In this article, the characters of M.A. Taranteyev and Andrey Stoltz, the characters of “Oblomov” novel, by Ivan Goncharov, are examined as contradictory, not admitted of synonymous treatment. The characters are compared not only with the contextual level, but with the position of corresponding their archetypes. Stoltz and his role in the novel is corresponded as “an archetype of spirit”. Carl Gustav Jung separates some characters in it: firstly, Stoltz came in such situation when help was needed and comprehended; secondly, this is ethereal beginning in the hero. And indeed, Stoltz appeared at such moments when Oblomov needed help. But Stoltz’s help is not in the words, but in work. Thus, he differs from Taranteyev. Taranteyev has an archetype of trickster. As the main characters of his archetype, Carl Gustav Jung separates unconsciousness and imperfection. Taranteyev is perfect in words, but in work, he can do nothing. But he is exposed profit. He wants to deceive Oblomov, he sends Ilya Ilyich to Vyborg Side in Saint Petersburg and thus, he becomes a benefactor. Conceiving the lie, he pretermines a machination which eventually leads to the mutual love of Agafia Tikhonovna and Ilya Ilyich. Opposing the characters, Ivan Goncharov wanted to show their intimacy. Both Taranteyev and Stoltz are not typical men. But Taranteyev is a nihilist in life, while Stoltz is an unicum. Connection between ideal basis and archetype context, cooperation of characters and their role in the fiction reality of the novel will be the subject of examining at the present article.

Keywords: archetype, trickster, nihilism, word and deed, unconscious context.

Andrey A. Vinogradov
Nekrasov Kostroma State University
avinon@kmtu.ru

“Sketches and scenes from the Zamoskvorechye merchants community’s life” by Alexander Ostrovsky: plot formation

As is well known, Alexander Ostrovsky began his artistic career in 1843. The first story was devoted to the usual residents of the Zamoskvorechye district of

Moscow city. The writer creates several works on the same theme in the period from 1843 to 1847. There is a professional opinion, that all this time, the author was working on the essay “Sketches of the Zamoskvorechye local” (1847). However, a detailed analysis of the early works suggest that prior to “Sketches ...”, there were several short stories under the title: “Sketches and scenes from the Zamoskvorechye merchants community’s life”. Judging from the first record, Alexander Ostrovsky wanted to write a great work which would go beyond the story. It is no accident that epic portrayal of events – “The two biographies”, “Zamoskvorechye on holiday” – is the hallmark of this cycle. However, none of these products has been completed. Alexander Ostrovsky’s style is just being formed: the writer is experimenting with form and content, trying his hand at copying literary manner of different well-known authors. As a result of creative research, the writer is moving away from prose description to the side of the dramatic action. Everything written before is transformed into a small part of the essay “Sketches of the Zamoskvorechye local”, and partly into the drafts for future plays. Archival materials, many of which are still not known to a wide circle of readers, are used in the article. This is the first part of the article about the cycle of short stories by Alexander Ostrovsky entitled “Sketches and scenes from the Zamoskvorechye merchants community’s life”.

Keywords: author, narrator, point of view, style, genre, typological parallels, studies, Alexander Ostrovsky.

Yelena N. Belyakova
Nekrasov Kostroma State University
helenbel31@yandex.ru

Beauty phenomenon as a significant motif of Fyodor Dostoyevsky’s novel “The Idiot” in the context of Vladimir Solovyov’s philosophic and aesthetical ideas

Subject of interpretations of beauty phenomenon as a significant motif of novels by Fyodor Dostoyevsky in the criticism of the Fin de siècle is being developed in the article. Since the 1990s, the interest in understanding the concept of beauty and aesthetic concepts in the works of Fyodor Dostoyevsky has been actualized in Russian literary criticism. Liya Rozenblyum, Toyofusa Kinoshita, Ol’ga Bogdanova, Anastasiya Gacheva, Yelena Novikova and others applied to the development of this problem. Modern literary scholars assign a special place in enlightening the role and importance of beauty in the artistic space of this writer to critics and philosophers of the Fin de siècle, who embraced the creative side of Fyodor Dostoyevsky with particular sympathy and understanding. The theme of creative reception of aesthetic constants of Fyodor Dostoyevsky in Vladimir Solovyov’s philosophy, in the ideology of which, beauty is thought of as an absolute and a truly real phenomenon, and thus, such a thing that absolutely affects the world of earthly realities, has been remaining the most developed and at the same time promising to further

dialogue. The claim that, giving a generalized assessment of outlook and creativity of Fyodor Dostoyevsky, Vladimir Solovyov emphasized subjective characterizing of the aesthetic space of novels by Fyodor Dostoyevsky, in accordance with his own aesthetic theory, as the space which is defined and formed by moral constants, is determinant for us. At that, Vladimir Solovyov relies on the integrity of the essential perception-image of Fyodor Dostoyevsky by him, bases on perception of his ontological system and aesthetic concept in their limits: as the prediction and portents of whole being into fragmental manifestations of earthly beauty, which preserves the integrity of the original in it. Artists and philosophers of the *Fin de siècle* (Vyacheslav Ivanov, Alexander Blok), who interpreted the image of the main heroine of the novel, Nastassya Filippovna, in the context of the other constant philosophy of Vladimir Solovyov – the idea of Eternal feminine, – read aesthetic perspective of “The Idiot” in a slightly different way. On the one hand, such a reading of the image was due to the specific character of time in the cultural space of which, the idea and the image of Feminine played a key role. However, itself the novel by Fyodor Dostoyevsky not only does not “oppose” such a treatment, but also provides a basis for it. In our opinion, the image of Nastassya Filippovna is really easy to be read in the context of the idea of Eternal feminine, but as the soul of the world, which expects an “active force of the Divine Mind” and will never will have it brought back to it, rather than as an embodied “divine idea”, which is Sophia the Wisdom of God.

Keywords: perception and interpretation, beauty, aesthetic space, aesthetic concepts, moral constants, idea and images of Eternal feminine, “Sophia-ism”, world Soul, myth-symbol.

Svetlana R. Shavarinskaya
Nekrasov Kostroma State University
institut.k@yandex.ru

**On the unity of imagery systems of the novels
“A Raw Youth” by Fyodor Dostoyevsky and
“Anna Karenina” Leo Tolstoy in the religious
and moral sphere**

The article refers to the typological unity of heroes of novels “A Raw Youth” by Fyodor Dostoyevsky and “Anna Karenina” by Leo Tolstoy. By comparing the images of the novels in the field of religion and morality, deep connections between creative work of Fyodor Dostoyevsky and Leo Tolstoy are revealed during the 1870s. The author presents an analysis of the characteristics of the religious feelings of the characters of the novels in the form of the original classification. The texts of the novels have much in common, that tells the reader about the proximity of the entire work of two Russian writers. There is a common idea and theme in the novels, and the authors have a common outlook. Writers think that God has chosen them. Writers want to portray contemporary life honestly, and readers get a general idea of the religious and moral life of Russian society in the era of Fyodor Dostoyevsky and Leo

Tolstoy. Life is such: only ordinary people believe in God, but nobles and commoners do not believe in God or adopt new fashion and bad faith and doctrine. This and other factors led to the victory of the future positivism, and then to the triumph of the revolutionary movement in Russia.

Keywords: commonality, classification, Fyodor Dostoyevsky, Leo Tolstoy, contacts, religion, morality, society.

Đặng Thị Thu Hương
Ivanovo State University
phonghuong2603@gmail.com

**The first meeting of the Vietnamese readers with
the work of Leo Tolstoy**

This article presented an overview of Vietnamese intellectuals in the early 20th century about Leo Tolstoy and his works, analyzed some special characteristics of the first translation of the novel «Resurrection» by Leo Tolstoy into Vietnamese (1927—1928), indicated the values and limitations of art and ideas. For Vietnamese intellectuals, especially for young and progressive, Tolstoy was not only a Russian genius realistic writer but also a person with great humanitarian thoughts, who protected the interests of the working class and soldiers, was against despotism. Strengths of the first translation was that, through translation, translator Hoa Trung pointed out to readers of Vietnam about their urgent matters, the problems that he has strengthened by the credibility of Leo Tolstoy. The first translation of «Resurrection» was a milestone in the history of studying Russian literature in Vietnam. It also opened a new period for the formation and development of Vietnamese literary criticism. However, this version was with many limitations about vocabulary. The ancient words, dialects, ancient Sino-Vietnamese words appeared in this translation which brought Vietnamese characteristic in the early 20th century. Transcription of Russian name was still unresolved by the translator. The common shortcomings in many first translations of Russian classical literature into languages of Indochina are that it was translated via the intermediary language. For this reason, the first translation of «Resurrection» into Vietnamese was not expressed with much of the stylistic features of Tolstoy, with religious and philosophical ideas in this work. However, it met the urgent needs of Vietnamese society in the early of 20th century, pointed the way against evils in society and colony.

Keywords: Vietnamese readers, Leo Tolstoy, novel «Resurrection», reception, translation, limitations, values, equivalence, cultural communication.

Tat'yana I. Ryzhakova
Nekrasov Kostroma State University
tajrin902@mail.ru

**The evolution of the genre in the annals in Ivan
Bunin's documentary prose (on the example of
diaries of 1930s—1940s)**

Genre specificity of Ivan Bunin's emigre prose is of great interest for researchers. This is due to the

fact that most of this period, Ivan Bunin's heritage is abroad and is not available for a wide study. In this connection, the prose of Ivan Bunin's period of emigration in sequential order has not been studied and is not classified in terms of its genre affiliation. A characteristic feature of Ivan Bunin's prose appears when trying to analyze diaries of Ivan Bunin's period of 1930s—1940s. The 20th century is of a syncretism of prose, that is lack of clear boundaries between fiction and documentary genres. In the 2nd quarter of the 20th century, the stock experiences of the writer, "picked up" from Russia, has come to an end. Instead of nostalgia for the abandoned homeland, new impressions (domestic and political) appear, in connection with which, there is a narrowing of genres: his diary incorporates elements of short stories, letters, essays, and also the penetration of elements of the Russian literary heritage is observed. Ivan Bunin personally encountered the practice of the Nazi state before the start of the war, and this encounter has determined his attitude towards Germany and the realization that the existing regime in this country is a threat to security throughout the world, as representatives of authority are limited culturally and morally. Along with this, Ivan Bunin believed that the Russian people at the genetic level preserves the memory of defeating any aggressor. This social position is reflected in the diary of the writer as well. In such a way, the aim of this paper is to analyze the diary of Ivan Bunin as a kind of "chronicle" of the World War II.

Keywords: Ivan Bunin, emigration, diary, chronicle, documentary prose.

Aleksey N. Koptsov
Moscow State Pedagogic University
alexeykoptsov1991@mail.ru

The dialectic interaction of people and nature in the short story Alexander Serafimovich «On the Ice»

This article examines questions related to the story «On the Ice», the first work in the creative biography of Alexander Serafimovich. The author tries new way to explore the story of the writer. Immanent analysis of artistic works combined with an appeal to historical and literary, biographical, cultural, ethnographic facts. The opposition of «people – nature» is important not only in studying the story, but in the context of the early works of the writer, therefore, the study's author believes the main task is comprehension of the specificity of art the reception of the phenomena of people and nature in the story «On the Ice». The author shows all the ambiguity of philosophical understanding by the writer: of people's place in the natural space and the influence of nature on the life and death of a person. Analysis of the story opens the possibility of studying not only in the aspect of class struggle, the image of which received close attention from the Soviet literature. The article also deals with the problem of the genesis of early literary creativity of Alexander Serafimovich. Collected literary facts, bearing on the

criticism and comparative analysis leads to the conclusion about the connection between the artistic worlds of early creative work of Alexander Serafimovich and the one of Vladimir Korolenko.

Keywords: Alexander Serafimovich, short story, poetics, genesis, nickname folklore, people and nature, society and nature, anthropomorphism, zoomorphism, death.

Anastasia A. Alexeeva
Nekrasov Kostroma State University
kisika7@yandex.ru

«Moskva Kabatskaya» of S.A. Esenin as an artistic unity

The article reviews a problem of artistic integrity and structural organization of such complicated and considerable writing for creative evolution of S.A. Esenin as «Moskva Kabatskaya». The work proves that «Moskva Kabatskaya» is a special sort of cyclic formation. At that the author takes into account that contemporary science has a problem of cycle's genre identification. Native literary critics have been arguing on the essence of this literary phenomenon so far. Methodological basis for the research were works on literature cycle theory of Y.V. Lebedev and M.N. Darwin.

The article reviews creation history of «Moskva Kabatskaya» and formation process of lyric cycle as an original «overgenre unity». The author shows that in spite of repeated author's alterations and textual «transpositions», «Moskva Kabatskaya» retained features of artistic integrity. The research revealed basic methods of cyclization used in the writing: community of motives; contrasty of characters; confessional manner of poems; color transfer writing; single persona; repeating epithets; symmetry of syntax constructions; lexical saturation of the text and reboant intonations bracing separate poetic fragments into a uniform piece of art.

The conclusion is drawn in the article that the Esenin's cycle «Moskva Kabatskaya» in its turn consists of two complementary subcycles: «Moskva Kabatskaya» and «Lubov Khuligana». It is emphasized that only dialogic correlation of these two local artistic unities makes it possible to reveal profound meaning of one of the most tragic writings of S.A. Esenin.

Keywords: cyclus, cyclization, cyclization principles, artistic integrity of literary work, Moskva Kabatskaya.

Elena V. Haltrin-Khalturina
Gorky Institute for World Literature of the RAS
ekhalt1@yahoo.com

On «Spenserianism» in John Keats: an illustration to the style theory

The article purports to describe the "Spenserianism" style as used by John Keats versus the "Spenserian" style which originated with Spenser himself. The notion of style is characterized in terms of the Russian literary scholarship – in particular, with reference to the 20th-21st-century works on the Style theory by scholars

from Gorky Institute for World Literature of the RAS. The “Spenserianistic” style belongs to the individual/authorial type; it was created by a Romantic poet to adopt and celebrate the poetry of the English Renaissance poet. The “Spenserianistic” style is realized in Keats through thematic affinities with Spenser (a hero embarks on a quest in order to come to know his own self) and through the shared aesthetic appreciation of the marvelous/beautiful (which triumphs over the illusory and ambivalent). Among the style-forming factors, we list allegorical images created by Keats in the Spenserian manner, and certain patterns of language in Spenser and in Keats. Attention is given to the structural units, which help to frame the “Spenserianistic” style; namely, to self-contained plot incidents inherent in a larger, intricate, story.

Keywords: Edmund Spenser, John Keats, artistic styles, character of Glaucus in Endymion.

Ivan V. Lebedev

*Sholokhov Moscow State University for the Humanities
vaanya@yandex.ru*

The genesis of the modern Russian fantasy literature

The present research work sees fantasy as another variant of adventure fiction (the latter representing a meta-genre). Entertainment reading must fulfill the two basic human demands: of stability and of change. Its most notable characteristic is suspense of a specific kind: the reader clearly expects that the conflict will be resolved in accordance with the rules which the particular fictional world obeys, rather than with the natural or social laws of the real world. The actual history of fantasy literature in Russian reveals that this genre has appeared there as an imitation of Western models. From its very beginning, it has been essentially secondary, rather than original, phenomenon. The earliest Russian piece of fantasy literature was *Ring of Darkness* written in 1980s by Nick Perumov and conceived as a sequel for J. R. R. Tolkien's *Lord of the Rings*. Since that time, Russian fantasy writers have borrowed clichés from Western adventure novel. The fact of borrowing raises an issue vital for fantasy literature – that of cultural code. Any transfer from one tradition to another results in a semantic re-interpretation of the Others, aimed at appropriating and nativizing it. The challenge of creating an interpretative code, capable of ‘translating’ the borrowed clichés and re-using them on the new ground, is primary for the modern Russian fantasy literature.

Keywords: fantasy literature, adventure novel, meta-genre, adventure genres, speculative fiction, fan-fiction, imitation, interpretative code.

Yana R. Paslavskaya

*Yesenin Ryazan State University
ya-pasyavka@yandex.ru*

Mythological and fairytale-like origins of the novels by Joanne Rowling

The article investigates the question of the source of fantasy genre. The question of influence of the

mythological and fairy-tale discourse on the development of fantasy genre on the example of the cycle of novels by English female writer Joanne Rowling about Harry Potter is considered. The article focuses on the need for differentiation of such concepts as “myth”, “folk fairytale”, “literary fairytale” and focuses on the delineation of genre elements, which are inherited from the genres of myth and fairytales by Harry Potter fantasy. Nomination of characters, the introduction into the system of images of the so-called mythical creatures, as well as certain archetypal characters are discussed in the article among the features that are associated with the mythological discourse. The composition of Harry Potter novels, the distinction of actors based on their functions, basic motifs, the presence in the narrative elements of the parable beginning are studied in the context of genre features folk fairytale. Psychologization of images of the main characters is regarded as the connecting link between the genres of literary fairytales and fantasy. Introduction by Joanne Rowling into narrative of the psychological detail, that serves as a more complete disclosure of character actors, as an element, which is inherited from the literary genre of fairytales, is also investigated in the article.

Keywords: English literature, fantasy, mythology, fairytale, Joanne Rowling.

SCIENCE OF LANGUAGE

Tat'yana Ye. Shapovalova

*Moscow Regional State University
tshapovalova@gmail.com*

Category of syntactic tense in the structure of complex sentence with relationship of consequence

The article deals with the representation of the category of syntactic tense in a complex sentence with relationship of consequence. It is proved that statements with causal relationships reflect the intention of the speaker of the presence of a causal relationship, which is manifested in the correlative use of verb forms in main and subordinate parts of complex sentences with semantic conjunctions. The semantics of temporal certainty is represented by different temporal plans – imperfect syntactic present tense and imperfect, perfect and aoristic syntactic past tense. Temporal uncertainty in complex sentences with relationships of consequence can occur if in the predicative units predicates are represented by different temporal forms. Free aspect-tense relationship of verbs, that form the predicative centers of main and subordinate parts, indicates that causal relationships are singled out on the semasiological level and grammatical means of registration are secondary in solving this problem. Restrictions arise when logical link of cause and effect of events is disturbed: the effect precedes the cause. Therefore, it is impossible to combine the future tense of the verb in the main predicative part and the past tense in the subordinate predicative part.

Keywords: syntactic category of the time, temporal certainty, temporal uncertainty, temporal gen-

erality, timelessness, present syntactic time, the past syntactic time, future syntactic tense, perfect meaning, imperfect meaning, aoristic meaning.

Ol'ga G. Tverdokhlebova
Orenburg State Pedagogic University
ogtwrd@gmail.com

Valence environment verbs of lexico-semantic group of connection: subject (persons) — object

This article is about problem of communication semantic actant OBJECT and verb semantics based on an analysis of more than three thousand structures in the modern Russian language. It describes nouns (pronouns) of different thematic classes, in particular, persons and human body parts and organs, space and places, animals and plants, concrete and abstract names in the object position when the verbs are connected. It is shown that nouns (pronouns) analyzed the thematic classes in this position with the verb compounds are expressed in different grammatical forms: a) quantitative - name combination; b) single names accusative case plural; c) homogeneous series, connected or not connected by conjunctions; d) Single nouns in the form of accusative case are singular and plural, are put in a proposal with another noun in the form 'C+ instrumental case' describing SUBJECT; e) single pronouns in the form of accusative case singular. The article provides examples of use in position of the object when the verb in the connection name in the singular and are explained the reasons of usage. The article specifies, firstly, the grammar of such lexemes (collectively, own and abstract nouns have only the singular - nouns singularia tantum; interrogative pronoun keep it singular only) and, secondly, the semantics of these lexemes, including the idea of plurality (within a group of similar items possible connection between its units). The obtained results can be used in the practice of compiling dictionaries, and are of interest for the theory and practice of translation.

Keywords: lexical-semantic group of verbs, semantic actants, subject, object, thematic classes names.

Roman V. Razumov
Yaroslavl State Pedagogic University
rvrazumov@list.ru

The memorial place names in Russian cities' urbanonym systems

The publication continues a series of articles about the peculiarities of memorial names occurring in the cities of the Central Federal District of Russia. This article considers the specificity of urbanonyms – names of geographical features. The author traces the history of this type of proper names, especially the creation of such place names in the capital and the provinces. The article notes that the first memorial names of geographical features appeared in Russia before the revolution of 1917 in St. Petersburg. In province, such type of names at that time were singular and were found only in provincial towns. After the revolution of 1917 memorial names of geographical objects began to appear in the new capital – Moscow – as well as in large

provincial cities. In small towns, such place names were rare. The memorial names emerged in the second half on the 20th century. The author examines the urbanonym models as memorial names of regions, towns, water objects. Memorial place names include urbanonyms in honor of rural and urban centers, region and industrial centers of the Russian Federation and the cities of the former USSR. Urbanonyms in honor of rural and urban centers were created in large provincial cities. There are place names in honor of industrial and regional centers on the map of Moscow and St. Petersburg, as well as many big cities. The choice of geographical realities for memorial names was influenced by economic, political and international relations.

Keywords: onomastics, toponymy, urban toponymy, urbanonym, city onimic space, memorial names, capital, province.

Inna A. Vorontsova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
arinna1@yandex.ru

Precedent phenomena in the aspect of intertextual analysis and translation (a case study of "The Collector" and "The French Lieutenant's Woman" by John Fowles)

The paper in hand focuses on the study of precedent phenomena (a top term for allusions, literary reminiscences etc.) in modern literary texts which are well known for their intensive use of quotations. Precedent character is proper to those linguocultural phenomena (names, phrases, texts, situations) that occupy a special place in the system of social values and symbols. This concept is closely associated with the concept of intertextuality which is defined by the content of a new text being totally or partially formed through reference to another text that is deemed precedent in the given linguoculture. The modern English writer, John Fowles, an outstanding representative of English postmodernism, author of "The Collector" and "The French Lieutenant's Woman", often appeal to Hellenistic myths, religious texts and masterpieces of world literature in search of samples and artifacts against which new texts should be perceived. References to world-known cultural phenomena are determined by the writer's aspiration to create a text in which every episode is echoed with the spiritual experience of mankind, a text which takes its readers away to the territory of existentialism. Intertextual inclusions linking the content of the novels to the national-scale cultural phenomena help reveal historical era continuity and provide a deeper understanding of the processes that took place in the 20th century Britain. Intertextual inclusions are interesting both from the point of linguocultural analysis and translation. Axiomatically, texts are translated for readers speaking a different language and having a different cultural background, therefore precedent phenomena often remain impenetrable for them. Comparative analysis of the general approaches to the translation of precedent phenomena brings us to a conclusion that adaptation should be recognized

as the main method of interlingual transfer of textual aspects marked by cultural or national specificity. Adaptation is accomplished through a set of techniques, lexical and syntactic explication (commentary or descriptive translation) and contextual change (approximate translation, generalizing translation) ranking first among them. Adaptive translation is often combined with transcription (transliteration) and calquing which are frequently used for translating culturally marked language units.

Keywords: precedent phenomenon, universal precedent phenomenon, national-scale precedent phenomenon, precedent name, precedent text, precedent phrase, precedent situation, intertextuality, allusion, reminiscence, translation strategy, adaptation, comment, descriptive translation, approximate translation.

Zhanna A. Zubova
Oryol State University
kafrusogu@gmail.com

Mariya A. Anzina
Oryol State University
filolog10@yandex.ru

Biblical phraseology in Mikhail Prishvin's works

The influence of the Bible on world culture and national languages cannot be overestimated. That Book of Books became a source of special stylistic forms of phraseological units – biblicisms. This article is devoted to the study of biblicisms in Mikhail Prishvin's books, their effect on the language picture of the world of the author. The group of biblicisms consists of phraseological units with emotional-evaluative characteristics, directly or indirectly (through a form, image, concept) ascending in its origin to the Bible. On the classifications existing in scientific literature of phraseological units of biblical origin the authors analyze different groups of biblicisms in Prishvin's books, give functional-stylistic and emotional-expressive characteristics of this groups. The article considers usual and occasional use of situational and quotations kinds of so-called direct biblical idioms. Among these phraseological units are marked both usual and transformed units. The group of idioms related to the Bible indirectly are also analysed. Special part in the language picture of the world of Mikhail Prishvin belongs to phraseological units with components God / the Lord / Christ and they are taken exclusively in the usual form. Using the phraseology of biblical origin in the works of Mikhail Prishvin leads to the conclusion about the disappearance of the book colouring of such units, as well as their stylistic transition in everyday conversational style of heroes. Such idioms form a special language picture of the world in which irreligious, godless world of the twentieth century is combined with the deep spirituality of the Russian people.

Keywords: phraseology, Bible, phraseological units of biblical origin (biblicisms), language picture of world.

Lyudmila V. Yermakova
The Amur State University, City of Blagoveshchensk
lyucy@inbox.ru

Manipulation technologies as means of realization of the modus category of persuasion in mass media discourse

The article is devoted to researching the manipulation technologies and their role in realization of the modus category of persuasion in the discourse of American newspapers. This category is regarded as a modus category. Such an approach gives an opportunity to study the language means of actualization of the addresser's subjective attitude in expressing the objective reality. It is certainly a characteristic feature of the mass media discourse, especially the discourse of analytical articles because it has an intensive speech impact on the addressee. As a rule speech impact of mass media is directed and it is resulted from an interaction between an information and a persuasion processes. The information process means impact through selection, completeness and sequence of interpreted facts. Persuasion is a more complex way of impact. In this case an object of impact is a system of categories which the addressee uses while interpreting the reality. As it follows from the research the dominating way of realization of the category of persuasion is manipulation technologies. They are the communicative means applied for achieving purposes of manipulation. The major manipulation technologies in the studied type of discourse are the following: 1) a biased selection of statistics data; 2) a biased selection of arguments; 3) presentation of specially selected experts' opinions and commentaries. Besides the addresser may appeal to American linguocultural values. It is done through applying lexical units which are connected with basic values and are persuasive without additional information. However these values are not formulated in the discourse, they are used as a basis for expressing the addresser's views.

Keywords: modus category of persuasion, discourse of analytical articles, language manipulation, hidden impact, addresser, addressee, giving information, persuasion, system of values.

Anna A. Dmitriyeva
Nekrasov Kostroma State University
anyadmitr87@gmail.com

Home and family in the "Memoirs" of Anna Dostoyevskaya: linguistic means of representation of the conceptual content of the literary-memoir discourse

The article describes the book of conceptsphere of Anna Dostoyevskaya – "Memories", which form the basic concepts represent the ideological meaning of memoirs and biographical text: memory, life, time, family, home, work. In the development of modern linguistics, greatest interest to a system of linguistic research are the main categories of cognitive linguistics – concepts, the structural units of human consciousness. Among the key concepts of the text is the concept of "home", the most important in the national, linguistic and ar-

tistic pictures of the world of many nations and narrative memoirists. Explication of the concept of home in the "Memoirs" by Anna Dostoyevskaya through linguistic means, connected by common semantic and structural relationships, allows the construction in the field of the model of analyzed memoirs and biographical text – semantic field of "Home." The structure and semantics of the field "Home" in "Memoirs" of Anna Dostoyevskaya is representative of the spiritual life and work of the writer, as well as of the world, the inner world and the specifics of the language identity of the author of "Memoirs". Analyte the "Home" includes three sub-fields: subfield of home "structure", subfield of home "family", subfield of home "farm". Subfield of home "structure" is characterized by the operation of unambiguous lexical and syntactic units, indicating the spatial arrangement of the building and its cultural and historical significance. In the component composition of the subfield home "services", vocabulary with characterizing function which shall represent the semantic content descriptions of interior of the house of Fyodor Dostoyevsky and the emotional state of the family presents. Center of the field organization of the concept of "home" in the "Memoirs" is a subfield of Anna Dostoyevskaya's home "family", because it is the structure and semantics of the subfield of "family", once again asserting social and moral value of the 19th century for society as a whole and for the author of the analyzed book in particular.

Keywords: conceptosphere, semantic field, component structure, semantic series, linguistic personality, subfield, lexical-semantic group, memoirs, biographical text.

Ol'ga I. Oparina

*Lomonosov Moscow State University
oloparina@rambler.ru*

Natural science and the humanities: conceptual interconnection

The article is devoted to the study of the Humanities conceptual meta language and its borrowings from Natural Science. It deals with two concepts by Charles Darwin and Herbert Spencer referred to mid 19th century. Such conceptual borrowings as evolution, natural selection, variety reflect world view tendencies and cognitive approach of the time. Herbert Spencer motivated his recommendations by the necessity to render the sense while economizing mental efforts of an addressee. Personal experience and observation is the source of cognition rather than information got as the result of education. A human is understood as a biological being. Hence, certain mental sceneries are formed. They correspond to the notion of evolution, especially when the information presentation is concerned. Unconscious choice of linguistic means, sentence structure and vocabulary in different contexts refers to the notion of natural selection. Variety is considered as the source of diversity in order to adapt sense and context to a particular situation. In is realized in a variety of

constructions, words of different origin and the whole text composition.

Keywords: cognition, scientific discourse, form, sense, meta language, world view picture, evolution, natural selection, variety, knowledge.

Anna V. Pervova

*Moscow Pedagogic State University
pervova2012@mail.ru*

The temporal architectonics of an artistic text as a method of the violation of its structure (by the example of the German language)

This article is devoted to the problem of the violation of the temporal structure of the artistic text in the postmodern discourse and the influence of this violation on the structural integrity of the text. The artistic text reflects a particular method of the world's vision of the author and possesses the unique function of the aesthetic influence on the reader. This function is the main determinant of peculiar text's categories manifestations and different violations and deviation from normality. The aims of this article are to define the means of the violation of the text's temporal organization, to consider these methods used for the realization of author's certain intensions by the example of the story by a German author Ulrich Plenzdorf "Die neuen Leiden des jungen W.". The author's play with time, the violation of events' chronological sequence, breaking of narration's linearity, return to the past and prospection – this is not full list of expressive means of expression of category of tense which cause text's destructuring. The author's intentional creation of his work in the non-traditional narrative increases the recipient's attention, lets him become engrossed in atmosphere of describable events. The multidimensionality of the artistic text's temporal organization, temporal displacements, the possibility to connect different temporal layers and other achronies help the author to describe the situation evenly and to uncover the main character as deeply as possible. This in turn enables us to speak about the violation of temporal text's organization as a certain stylistic device. The article deals also with description of temporal characteristics' distinctions in the artistic and non-artistic texts and with a close connection between the category of tense and one of the key points in the postmodern discourse – the intertextuality.

Keywords: temporal structure, violation of structural integrity, stylistic device, postmodernism, discrete narration, achrony.

Viktor V. Shapoval

*Moscow State Pedagogic University
liloro1@yandex.ru*

A retrospective analysis of words with a question mark in wordlists of Tsarist Russia colporteurs' secret language by Vladimir Dahl: phonetically and non-phonetically caused errors in word recordings

Analysis of words with «?» included in wordlists of Russian colporteurs' secret language compiled by Vladimir Dahl is important in several aspects: one of

them is the role of phonetical and non-phonetical causes provoking errors in words recordings. The question mark is ambiguous symbol, though indicating certain hesitation of the lexicographer. Colporteurs'-Russian part listed 3850 units (according to the author's calculations), including 133 words with «?». Russian-Colporteurs' part has about 5000 units, including 130—140 words with «?». In addition, there are signs of the publishers doubts. In the 1st dictionary, «?» marks 34 words recording and 5 word meanings. In the 2nd dictionary, 48 words corrected by the publisher with «?», and 3 without «?». Sometimes, errors in words recordings are provoked by phonetical causes, though most of them are caused by confusing of letters in written sources: 1. Omissions of letters and other similar mistakes. 2. Misreadings. 2.1. Misreadings of letters. 2.2. Misreadings of letters groups with reintegration of their elements. 2.3. Metathesis. One can conclude that «?» of the 1st layer, i. e. posed by Vladimir Dahl and his assistants, in some cases, can be removed now, because more successful verification runs can be based on new data gathered for the last one and a half century.

Keywords: word with question mark, Tsarist Russia colporteurs' secret language, wordlists by Vladimir Dahl, errors in recordings.

Ol'ga A. Astaf'yeva

*Moscow State Regional Humanitarian Institute
olga.astafeva.71@mail.ru*

Tat'yana A. Koloskova

*Moscow State Regional Humanitarian Institute
koloskova_tak@mail.ru*

The parcelling coordination in the novel «The White Robes» by Vladimir Dudintsev

The article examines (analyses) the features of parcelling of coordination connection in the novel «The White Robes» by Vladimir Dudintsev. Parcelling of main and second-rate parts of the sentence is described according to several criteria: on a quantitative criteria, on the methods of grammatical expression, on semantics of relations between the base part and parcellates, on the degree of prevalence of the parcellated construction. The most widespread case of parcelling of homogeneous members in the novel is the dismemberment of the invented verbal predicates. Semantic relations between homogeneous parcellates-predicates and the base part can be following: temporal, summing up, casual-effective. In the range of homogeneous second-rate members of the relations of explanation, clarification, including, and also specifying and joining relations, were educed. Connection of parcellated homogeneous members with the analogue in base part can take place both with the participation of conjunctions and without them. Parcellated members can be extended by words, by subordinate clauses, participial and adverbial participial phrases. Parcelling of a compound sentence is described from the point of view of structure and semantics. In a compound sentence between the base part and the parcellate, there

can be distinguished the following types of relations: correlative-temporal, casual-effective, adversatively-comparable, adversatively-restrictive, joining. The novel «The White Robes» by Vladimir Dudintsev is the brightest example of influence of the natural colloquial speech on the speech of writing, the reflection of operating in a language the tendency to analytism, to dismemberment.

Keywords: parcelling, parcel construction, base part, parcellate, coordinating connection, Vladimir Dudintsev, novel «White Robes».

Zemfira T. Azizova

*Nekrasov Kostroma State University
zema-abdul@mail.ru*

Cultural-national markedness of language units in the novel «Return to Panjrud» Andrey Volos'

The declared problem is oriented to linguistic and cultural aspect of research. The object of the study is a historical novel in which a lot of exotisms are used to reconstitute the air of the Middle Ages, the speech description of the characters, connected with the Muslim religion and Oriental philosophy. The article features language units that are marked in the cultural-national aspect; the research defines and grounds functions of the language units in the literary work. The research of language peculiarities in the novel is based on the principals of the discourse analysis with involvement of the culture-historical context. Importance of the problem is conditioned by references to modern study of cultural linguistics including questions of a language form and means to convey national mentality. National and cultural peculiarity of language units reverberates in the vocabulary, as this linguistic field is closely connected with the world of things and notions, which matters in a particular society. These notions are imparted by language units of different levels. Andrey Volos utilizes toponyms and anthroponyms to create an image of Oriental people's life. Analyzing semantics of the anthroponyms of the historical novel allows taking a closer look at outstanding people in history and culture of Muslim countries. One of the methods of descriptive analysis of national and cultural realities is usage of intertextuality which adds uniqueness into description of the particular culture and allows to adjoin sources of this uniqueness. Studying national and cultural markedness of language units in the modern historical novel allows revealing peculiarities of national mentality, the Islam, culture of the Medieval East.

Keywords: cultural sign, lexeme, exotism, intertextuality, toponym, anthroponym, lexical set.

Dmitriy I. Ivanov

*Ivanovo State University
ivan610@yandex.ru*

Specific features of the kinesic performance image subsystem of synthetic lingual personality in the framework of poetic rock text

Synthetic lingual personality (SLP) may be considered as a particular realisation, a fragment of discursive

sive personality. It is formed in the space of synthetic texts of various types (song text, rock text, cinema text, theatre text, advertisement text, etc.). SLP is a complex cognitive and pragmatic discursive unit that has a flexible external structure depending on the type and structural peculiarities of the synthetic text or texts within which it exists. In the framework of synthetic rock text, the SLP external structure consists of four basic components: a) verbal; b) articulation; c) music; d) image. It is the verbal component that dominates. The kinesic performance cognitive and pragmatic image subsystem of SLP is actualised within the SLP image component and realised through concert visualisation. The specific features of this subsystem are reflected in its name or, more precisely, in its part "kinesic" which defines a direct relation of this image subsystem to kinesics. The main components of the kinesic performance image subsystem are represented by various specific non-verbal gestures (kinemes). Every gesture has a certain function and particular conceptual properties as it is semantically linked to the general cognitive and pragmatic programme (CPP) of a rock poet's SLP modeling. Here we consider the kinesic performance image subsystem as a particular semiotic cognitive and pragmatic zone of visualisation of SLP kinesic behaviour whose peculiarities are determined completely by the CPP qualitative features of a rock poet's SLP. Based on the features of this subsystem actualisation space, we suggest to distinguish four main forms of SLP kinesic behaviour: a) mimic kinemes (changes in a rock poet's face expression due to movements of lips, brows, forehead, nose, cheeks, mouth or brin according to the "rules of facial expressions"); b) plastic dynamic kinemes (movements of hands, arms, legs or head, body rotation, etc.); c) postures; d) spacial dynamic kinemes (peculiarities of moving on stage at a concert). All the presented forms of kinesic behaviour within a logocentric SLP modeling constitute an integral system. While interacting semantically with other SLP components (first of all, with the verbal one), every element of this system obtains specific conceptual properties and shows a certain aspect of the general CPP of a rock group leader LSP.

Keywords: synthetic lingual personality, kinesic performance image subsystem, cognitive and pragmatic programme, non-verbal semiotics.

JURIDICAL SCIENCES

Ol'ga V. Leshchenko
Pskov branch of the Academy
of the Federal Penal Service of Russia
olgaleshchenko@hotmail.com

Theoretical and legal approaches to the legal consciousness understanding

Theoretical and legal approaches to understanding of the legal consciousness are observed in the article. An importance of the author's research is legal consciousness problems studying within law and order of the state. The legal consciousness is the basis of legal norms and laws of any state, its norms are widespread

among all participants of social relations regardless of their will and wishes. The article is focused on the essence and the structure of the legal consciousness, development of scientific works on consciousness understanding during historical stages of state and law theory development. During the legal science history, the scientists proposed different concepts of legal consciousness, however, there wasn't any consensus about the essence, qualities, structure and nature of this concept. The legal consciousness is the key component of the legal state system, and it must be studied in accordance with known scientific approaches. The legal consciousness phenomenon lies in the system of individual and social forms and it has influence on the state and law efficiency. By studying the common factors of state and law development and functioning, theoretical and law approaches to the legal consciousness studying, the author comes to conclusion that it is necessary to correct this concept and offers the modern term to legal consciousness on the basis of studied theoretical and legal approaches.

Keywords: legal consciousness, social consciousness, individual consciousness, problems of legal consciousness, state, society, legal rules, law, theory of state, juridical science.

Bulat D. Nuriyev

State Juridical University of the Urals, branch in Ufa,
the City of Ufa, Bashkortostan autonomy, Russia
nuriyevbd@mail.ru

Zakaah in the classical Muslim law

The article reveals the essence of zakaah, the main tax of the Arab Caliphate, which was levied on the property of the wealthy segments of the population. The author analyzes the approaches of different law schools, formed in the frame of the early medieval Islamic law, to the matter of systematization of the subjects of the Islamic tax law, as well as objects taxable by the considered form of tax. Special attention is paid to the approaches of the Hanafi and Shafi'i law schools, in view of their wide expansion on the territory of modern Russia in the middle ages. The article discusses in detail the method of calculation of the tax, enters into circulation some terms new for the Russian law science and reveal their meaning. Also, it is proved that the transfers received from the income after the collection of zakaah, could be claimed by non-Muslims. The author also stresses the relevance of the considering question for the modern law science in Russia in accordance with the processes that are happening today in the Middle East. The article stresses that the financing of the activities of the international extremist organizations should be explored in more detail by Russian specialists, and special attention should be paid to the tax system that operated in the past in the Arab Caliphate.

Keywords: zakaah, Arab Caliphate, tax law, subject of tax law, object of tax law, Hanafi law school, Shafi'i law school, financing of extremism.

Zaira T. Abasova

*Russian Academy of Economics and State Service under
the President of the Russian Federation
zaira.abasova@yandex.ru*

Definition of the subject of the constitutional right of peoples to self-determination.

The author tries to define the subject of the constitutional right of peoples to self-determination. In our opinion, to study law is an inalienable and unconditional right belonging to the people. The people, as a specific substance, are in need of self-development, self-preservation, self-realization, and finally self-determination. However, the right of peoples to self-determination throughout its existence, has been criticized and even questioned. One of the factors influencing such a mixed approach to the right of peoples to self-determination is the uncertainty in determining the subject of such a right. The author analyzes the different views on the definition of the scope of subjects the right of peoples to self-determination. Thus, various scientists as subjects of the constitutional right of peoples to self-determination emit different categories such as «state», «people», «nation», «ethnic groups», «indigenous peoples», «national minorities» and many others. Such a diversity of approaches leads to negative consequences, allows distorting the very essence of the right of peoples to self-determination, which in turn, can lead to irreversible consequences. Thus, the definition of the subject of the right of peoples to self-determination is the most important task, which will allow avoiding such consequences.

Keywords: self-determination of peoples, right of peoples to self-determination, nation, people, state, constitutional right of peoples to self-determination, ethnic groups, minorities.

Tahir I. Nigmatzyanov

*Nekrasov Kosroma State University
tin962@mail.ru*

Contemporary electoral systems: comparative study

The article touches upon contemporary electoral systems and their varieties in Russia and other countries. The history of their rise and current tendencies of their development are shown. The basis for majority electoral system was the one existed in England. It explains its spreading in the countries of the Anglo-Saxon law family. France presented the world the classical proportional electoral system. The author analyses advantages and disadvantages of these systems. Three variants of majority electoral system are considered: majority electoral system of absolute majority; majority electoral system of relative majority; majority electoral system of qualified majority. The proportional electoral system is also presented. Special attention is paid to the analysis of electoral quotas (Thomas Hare's method, Droop quotas are defined according to the formula and also Hohenbach – Bishop quotas and others) and Imperiali method. More complicated electoral sys-

tems are shown – proportional with different innovations: the system of indivisible passed vote, the system of indivisible non-passed vote. Method of panachage is being revealed: that is the voter's right to vote for the candidates from different polls or to enter new candidates into the polls. The problem of classification of semi-majority semi-proportional (mixed) electoral system is presented separately. The contemporary electoral system of the Russian Federation is being analysed. There is the character of specific electoral systems in the article. The author comes to the conclusion that the article defines public, state and political priorities that can be set through electoral systems.

Keywords: electoral electoral systems, majority electoral systems, proportional electoral systems, mixed electoral systems, specific electoral systems, electoral quota (electoral quotient, electoral ratio), Imperiali method, panachage.

Dmitriy S. Rets

*Russian Customs Academy
dmitryretz@yandex.ru*

Application of criminalistic methods in administrative proceedings

What is analyzed in the article, are practice and prospects of criminalistics methods' application in the field of customs business for administrative proceedings. The criminalistics was evolved in criminal procedure but now, it is penetrating into other types of legal procedures. The usage of criminalistics in administrative proceedings increases the efficiency of administrative investigation. At the same time, it enriches criminalistics as a science. A criminalistics identification method has been considered in the article. Forensic identification theory ought to be adopted and applied in administrative proceedings sphere. It concerns criminalistics doctrines about versions, the vestiges of the crime, material evidence. An application of technical means in administrative procedure has been taken up in the article as well. The most part of modern criminalistics technologies can be successfully used in administrative proceedings. A question of using an expert examination in administrative proceedings has been investigated. A conclusion has been drawn regarding the Russian Code of Administrative Violations: it needs to be changed for the purpose of compulsory expert examination cases that are to be described. Criminalistics contingency approach usage, which greatly allows increasing an efficiency of administrative proceedings, has been considered. The modern criminalistics methods are not only to be widely used in the practical activity of administrative bodies but also to be reflected in the Russian Code of Administrative Violations.

Keywords: administrative investigation, criminalistics methods, customs, identification, expert examination, situation science.

Konstantin V. Tret'yakov

*Syzran branch of Samara State Economic University,
City of Syzran, Samara Region
ak-195@yandex.ru*

**Comparative analysis of the qualification
of murders according to Criminal Law of the
Russian Federation and the United States
of America**

The article considers the issues of criminal-legal qualification of murders in the Russian Federation and the United States of America. A comparative study of approaches to the formulation of crimes specific to American government and legal systems of individual States was conducted. We focus on the issue of the qualification of murders in the Federal U.S. law and the laws of the States in comparison with the legislation of the Russian Federation. We deal with historical aspects, in virtue of which, the criminal laws of these countries have significant differences and trends which have been identified, indicating the convergence of their legal systems.

Keywords: murder, qualification of crimes, laws of U.S.A. and Russia, comparison of criminal law.

Vasily A. Yumatov

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
sudexpert2011@mail.ru*

Marina V. Markina

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
markinamv6213@yandex.ru*

Anna S. Kovalyova

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
aniutakowaliowa@yandex.ru*

**“KAT”, the program of criminalistical diagnostics
and text authorization**

Diagnostic study of handwriting objects, where the properties of the individual are analyzed on the basis of the author's program, the system features and characteristics of their information are given, is considered in the article. The authors emphasize that, despite the fact that the theoretical basis of forensic handwriting identification study is already established, there is very little baseline data on the scientific basis for attributive and diagnostic studies. The authors propose a comprehensive study, which defines the parameters provided in the work to get the data about the artist the texts of which are in the program. The software of complex text processing, taking into account the features of the Russian language, is used to implement these objectives.

Keywords: diagnostical investigations, algorithm for finding text words and symbols, Flesch-Gunning readability test for investigated text.

Viktor A. Demidyuk

*Alexeyev Nizhny Novgorod State Technical University
demidyuk-viktor@yandex.ru*

**Legal nature of will and declaration of will in
transactions involving a federal state budgetary
educational institutions of higher professional
education**

The article is devoted to the legal nature of the will and declaration of will in transactions involving a federal state budgetary educational institutions of higher

professional education. The author describes various points of view of legal scholars and psychologists concerning the concepts, such as “will” and “declaration of will”. The author dwells on the formation of the will of the subjects of transaction, including the formation of a priority will of a federal state budgetary educational institutions of higher professional education. The matching process of will and declaration of will in the settlement of transactions is considered in the article. Examples of mismatching process of will and declaration of will, as well as consequences of such mismatching are illustrated in the article. The author analyzes views of scientists about the priority of will or declaration of will in transactions. The use of such terms as “animus”, “intention”, “motive in the civil law, is criticized by the author. Instead, it is encouraged to use the concept of “will” and “declaration of will”. The author provides the personality of legal entities, including capacity of a federal state budgetary educational institutions of higher professional education. The author dwells on the legal nature of the will of legal entities, as well as the content, elements and steps of various civil transactions. The author considers three stages of transactions, such as property legal relations, the author notes that in the current literature is not considered such an important element, as a result of the transaction.

Keywords: transaction, will, declaration of will, legal nature and priority of legal entities' will.

Anton V. Bukharev

*Nekrasov Kostroma State University
bukharev89@mail.ru*

**Ensuring openness and transparency of the judicial
system at the present stage of the judicial reform**

The article explores some ways to ensure access to information about the activities of the courts, such as the admission of citizens, organization representatives, public authorities and local governments in open court hearing, the placement of information on the activities of courts on the Internet, analyzes the current problems of implementation. There have been examined the features of court hearing fixation by people presented there. The article studies the organizational and legal aspects of the admission of citizens in courtrooms, formulates scientifically substantiated proposals for improving the procedure for mass media representatives admission to the courthouse. Later, the article analyzes the features of placing information on the activities of the court and the texts of judicial acts on the Internet, discusses problematic issues of exception personal data from the texts of judicial acts, the statistical information on the location of judicial decisions on the Internet. It is concluded that depersonification of published court decision must be carried out only at the request of the persons involved in the case, in the absence of a petition, the texts of judicial decisions should be placed on the official website of the court on the Internet in its entirety. Furthermore, the article

identifies promising areas of development, aimed at improving the transparency of the judicial system.

Keywords: justice openness, judicial system, court session, depersonification of court acts.

Yelena V. Yevsikova

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, branch in Crimea, City of Simferopol
helen_yevsikova@mail.ru*

Creating a system of administrative and tax courts as one of the promising areas of state and legal reform of the Russian Federation

The article raises the problem of creation in Russian Federation of the system of administrative courts open up as one of basic directions of state-legal reformation. Actuality of theme is conditioned by that creation of the legal state is related to the improvement of the judicial system, that it is impossible without realization of row of reforms in the corresponding spheres of vital functions of the state. Development and strengthening of the judicial system are one of key questions of modern legal reform. The author investigates the current legislation of Russian Federation in the sphere of the judicial system, basic principles of functioning of judicial government bodies, and comes to the conclusion, that basic pre-conditions for creation of the system of administrative courts are stopped up in the current legislation of Russian Federation. Besides, the major step on the way to the solution of the designated problem is acceptance 08.03.2015g. the federal law "The code of administrative legal proceedings of the Russian Federation" that will be a basis for further improvement of this sphere of legal relationship though today only the "procedural" part of a problem is solved. Also, an author insists on the necessity of creation for a prospect the systems "Tax courts", that will be specialized on one of the most difficult and conflict categories of administrative cases.

Keywords: judicial reform, administrative legal proceedings, administrative case, administrative court, tax court.

Aleksey A. Grigorov

*Regional bar association of lawyers' chamber of Kostroma Region
grig83@mail.ru*

Self-defense mechanism

The article is devoted to the analysis of the Mechanism of self-defense. The statutory definition of "defense mechanism" is missing, hence this category is purely scientific. A detailed analysis of the available science points of view is developed in the article, regarding of the category of "defense mechanism" through the its constituting elements, as well as ad-

vantages and disadvantages of the views expressed in scientific circles are identified. The author considers the mechanism of self-defense as the totality of the terms, conditions of legitimacy (limits) and methods of application of self-defense from the perspective of the provisions of applicable law. After analyzing the terms, conditions and methods of application of self-defense, the author comes to the conclusion that the mechanism of self-defense consists of "unlawful" and "reciprocal protective" links. To the first links belong external factors, expressed in violation of these or other rights, or creation a real threat of violation, and to the second links belongs the sum of conditions of the legality of the use of self-defense vested in the article 14 of the Civil code of the Russian Federation, which, in fact, are General. In conclusion, the author gives a definition of the defense mechanism and visually, with specific examples shows the effect of the defense mechanism in the dynamics of social relations.

Keywords: protection of rights, self-defense, defense mechanism, legal relationship, public relations, delinquency, suppression of violations, legal category.

Aleksandr M. Solntsev

*Russian University of the Peoples' Friendship
a.solntsev@gmail.com*

Quasi-judicial international bodies as means of international environmental disputes solution

In this article, the author examines the genesis of the issue of choice of effective means of settling international environmental disputes in the 21st century. Analysis of the system of settling international environmental disputes shows that currently, there is a growth value of the so-called endogenous means of dispute resolution – quasi-judicial proceedings. Such procedures are now provided for practically all global multilateral environmental agreements. The author points out that quasi-judicial procedures have their own advantages in comparison with the procedure for the settlement of international environmental disputes in international judicial institutions: the presence of experts in the decision contain specific solutions, it is thus possible to periodically review the implementation of the decision. As a result, the author concludes that currently, in the international community there is an increase in the value of quasi-judicial international bodies as a means of settling international environmental disputes.

Keywords: international environmental law, international disputes, effectiveness of international law, quasi-judicial international bodies.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09
Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы
kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2015 – Т. 21 – № 3

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 15.06.2015.
Дата выхода в свет 08.2015.
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 31,5 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 51.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна